Г. Ф. БЛАГОВА

«БАБУР-НАМЕ»

ЯЗЫК, ПРАГМАТИКА ТЕКСТА, СТИЛЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г.Ф. БЛАГОВА

«БАБУР-НАМЕ»

ЯЗЫК, ПРАГМАТИКА ТЕКСТА, СТИЛЬ

К ИСТОРИИ ЧАГАТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Москва
Издательская фирма „Восточная литература" РАН
1994

ББК 81.2
Б68

Издание осуществлено
при финансовой поддержке Международного фонда „Культурная инициатива",
а также фирмы „Интеркросс"
и благодаря активному содействию
Алишера Бурхановича Усманова

Ответственный редактор
Э.Р.ТЕНИШЕВ

Редактор издательства
С.В.ВЕСНИНА

Благова Г.Ф.

Б68 "Бабур-наме": Язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1994. – 404 с.

ISBN 5-02-017653-2

Книга посвящена анализу языка в функционально-стилистическом аспекте, текстообразованию в его языковом выражении, стилистике текста одного из наиболее репрезентативных памятников средневековья – „Бабур-наме". Предложен новый для тюркологии подход с использованием идей современных лингвистических направлений применительно к средневековому сочинению. Исследованы текстообразующие факторы (коммуникативная установка автора, отношение „автор–адресат", их языковое выражение), структурирование языкового стиля „Бабур-наме". Система отношений „автор–текст–адресат" рассматривается как категория стилевого развития чагатайской литературы чагатайская стилевая система благодаря трудам Бабура обогащена формирующимся средним стилем. Изучены личностные аспекты лингвистики памятника, представлен первый опыт исторической описательной стилистики. Разработана методика лингвистического изучения средневекового сочинения в условиях отсутствия его критического текста.

Б $\frac{4602020200\text{-}068}{013(02)\text{-}93}$ 00-94 ББК 81.2

ISBN 5-02-017653-2

© Г.Ф.Благова, 1994

Моим первым учителям
Владимиру Михайловичу Насилову,
Николаю Константиновичу Дмитриеву,
Эмиру Наджиповичу Наджипу,
Алексею Аркадьевичу Старикову

ВВЕДЕНИЕ

1. Предлагаемая монография в соответствии с задачами истории литературного языка, сформулированными академиком В.В.Виноградовым [Виноградов 1978, с. 152–177, особенно, с. 176–177], посвящена анализу языка в функционально-стилистическом аспекте, текстообразованию в его языковом выражении, стилистике текста одного, весьма объемистого средневекового сочинения – "Бабур-наме" – в контексте соответствующего периода (рубеж XV–XVI вв.) истории чагатайского литературного языка[1]. При том что история стилей чагатайского литературного языка и эволюция литературных форм произведений остаются еще надостаточно изученными, мы стремились раскрыть индивидуально-творческий вклад (термин В.В.Виноградова) автора данного произведения – Бабура – в самое текстообразование, в изменение стилевой системы чагатайского литературного языка рубежа XV–XVI вв. Одна из основных задач монографии – изучить личностные аспекты стилистики "Бабур-наме", показать новаторство Бабура в области словесного стиля (соответственно – и литературных форм), осветить причины такого новаторства. Для решения этой задачи были вычленены лингвостилистические (не только лексические, но и грамматические) признаки "Бабур-наме" и на этой основе исследовалось структурирование стиля сочинения.

[1] Традиционное как для отечественной, так и для зарубежной ориенталистики название "чагатайский", пройдя сложный путь (начиная от антропонимического статуса), уже в XV в. было закреплено за социолингвистической ситуацией тимуридского периода среднеазиатского средневековья. Это регионально-государственное обозначение ("эпоним") принадлежало тому сообществу жителей, главным образом, Мавераннахрской части Тимуровой державы (земли между Амударьей и Сырдарьей, Шашская ∿ Ташкентская область, Фергана), которое, эволюционируя по пути к становлению в качестве "чагатайской народности", в силу сложных исторических причин так и не смогло окончательно оформиться как таковая (материал для доказательства этого тезиса собран в статье [Благова, 1972, с. 168–178]). Впоследствии население Тимуридского Мавераннахра было включено в качестве одного из этнических компонентов в состав узбекского и уйгурского народов.

Тому, что впоследствии В.В.Виноградов назвал индивидуально-творческим вкладом писателя в развитие литературного языка и его стилей, в свое время особое внимание уделял Н.И.Ильминский, первый издатель оригинального текста "Бабур-наме"; выделяя среди обширных[2] и замечательных памятников чагатайского литературного языка сочинения Рабгузи, Алишера Навои и Бабура, он отмечал те качества "Бабур-наме", которые особенно бросались в глаза при сравнении его с тогдашней придворной литературой: "Но „Бабер-намэ" занимает между этими сочинениями самое почетное место: излагая собственные впечатления своего автора, вполне перешедшие чрез его сознание, „Бабер-намэ" представляет естественность, точность и совершенную гибкость языка" [Ильминский 1857, с. II].

Незаурядный феномен средневековотюркской литературы, не вписывающийся в эволюционные закономерности жанровых форм как по общей структуре, так и по объему, "Бабур-наме" принадлежит перу императора Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530), основателя династии Великих моголов в Индии. Широко образованный человек своего времени, поэт, писатель, ученый, полководец и государь, Бабур описал свои поражения и победы, историю своего царствования в Мавераннахре, а затем в завоеванных им Афганистане, Хиндустане (современные Пакистан и Северная Индия), создав книгу, которую впоследствии стали называть "Бабур-наме".

Это сочинение издавна привлекает внимание ученых различных гуманитарных специальностей. Недаром в Узбекистане существует специальная научная дисциплина *бобиршуносли к* – бабуроведение, объединяющая языковедов и литературоведов, историков и этнографов. Тем не менее "Бабур-наме" (как, впрочем, и другое, более раннее – XI в. – новаторское для своего времени сочинение "Кутадгу билиг" Юсуфа Баласагунского [Иванов 1983, с. 525]) недостаточно изучено во многих аспектах, в числе которых – текстология, прагматика текста, а также литературоведческие аспекты. Это не могло не затруднять предпринятое исследование, ибо изучение языка писателя, языка художественной литературы не должно быть оторвано от контекста литературы (см. [Виноградов 1980, с. 65, 66]).

Внимание лингвистов к языковому материалу "Бабур-наме" вполне закономерно, поскольку это сочинение отвечает самым высоким требованиям, предъявляемым к "лингвистической содержательности и лингвистической информационности источника" (эти понятия введены [Котков 1980, с. 10]). В имеющихся лингвистических описаниях "Бабур-наме" [Благова 1954$_{1, 2}$, 1965 и др.; Назарова 1972, 1979] от-

[2] По своему объему "Бабур-наме" также значительно превышает другие средневековые сочинения – это 493,5 с. наборного текста или 382 л. рукописного (факсимильного) его экземпляра.

разился первый (подготовительный, или констатирующий, но также необходимый) этап исследования, когда внимание уделялось главным образом описанию морфологии, синтаксиса, лексики. При этом подразумевалось отношение к памятнику как к историческому повествованию, а все это не способствовало постановке вопросов о новаторстве Бабура в области литературного языка и его стилей. Дело в том, что при постановке таких вопросов трудно обойтись традиционным языковым описанием, чисто языковым анализом, игнорировавшим внелингвистический аспект литературного языка (см. [Толстой 1988, с. 3]).

В соответствии с теми положениями о комплексном, разностороннем подходе к изучению истории литературного языка, которые были выдвинуты В.В.Виноградовым (кратко см. [Толстой 1978, с. 3 и сл.]), и согласно нашей исследовательской цели при изучении такого незаурядного явления чагатайского литературного языка, как "Бабур-наме", уделялось внимание не только собственно языковым, но и внеязыковым факторам. Благодаря уникальному индивидуально-творческому вкладу Бабура в развитие чагатайского литературного языка, его сочинению "Бабур-наме" по праву принадлежит особо важный, ключевой статут в истории этого языка (как и чагатайской литературы): открыть новую страницу их исторической эволюции призвано было это сочинение (хотя в силу стечения ряда исторических причин этот путь эволюции оказался заказан). Учитывая особое положение "Бабур-наме" в истории чагатайского литературного языка, можно, как нам кажется, говорить о том, что в данном конкретном случае как бы перекрываются четкие водоразделы внутри виноградовской триады при его многоступенчатом подходе к истории литературного языка ("язык литературно-художественного произведения – язык писателя – язык художественной литературы"); можно поставить вопрос о значении языка "Бабур-наме" как завершающего собой важный эволюционный период чагатайского литературного языка. Рассматривая язык "Бабур-наме" в таком ракурсе, мы стремились принимать во внимание коррелятивные отношения его внешнеязыковых составляющих – помимо стиля, еще и литературно-письменной традиции, элементов разговорно-обиходного языка и просторечия (в лексике и синтаксисе), делового языка (аспекты средневековой языковой стратификации освещены в статьях [Тенишев 1985; Благова 1986]).

В поисках методики комплексного изучения языка средневекового литературного сочинения в контекстах его связей с историей литературного языка и с самой литературой[3], мы обратились к идеям со-

[3] В.В.Виноградов отмечал особо неразработанность методики лингвистического описания литературного произведения [Виноградов 1978, с. 176] и указывал на малочисленность подобных детальных исследований. В тюркологии – это в первую оче-

временных лингвистических течений. Лингвистическая прагматика, область которой, собственно, не имеет четких контуров [НЗЛ XVI, с. 41], и связанная с ней теория речевых актов (= вариант теории речевой деятельности) [НЗЛ XVII, с. 9], когнитивные аспекты изучения языка с такой центральной проблемой, как способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений [НЗЛ, XXIII, с. 7], открывают широкие возможности для анализа связного текста, в том числе и литературно-художественного произведения, рассматриваемого в качестве продукта речевой деятельности.

Анализ текстообразования с учетом таких текстообразующих факторов, как адресант (= автор в контексте его социально-исторических свойств и национально-культурных традиций) и адресат, соотношение адресанта и адресата[4], целевая установка адресанта и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств [НЗЛ XVII, с. 13], находится в центре внимания общей теории текста; этот подход к исследованию получил название прагматики текста [Степанов 1988, с. 106–124; 133]. Объединение прагматики текста с двумя другими исследовательскими подходами – грамматикой текста (изучающей общие вопросы связанности текста, текстовой изотопии, принципы композиции в связи с актом коммуникации) и стилистикой текста – дало жизнь новой отрасли языкознания, а именно лингвистике текста [Степанов 1988, с. 133–136].

Естественно при этом, что прагматика текста, лингвистика текста, лингвостилистика в ряде случаев пересекаются или смыкаются, имея обширные области соприкосновения исследовательских интересов [НЗЛ XVI, с. 41]. Ср., например, положения о неразрывности понятий стилистики и текста, о связи между стилистикой и грамматикой текста [НЗЛ IX, с. 24, 25]. Во всяком случае, вопросы о том, как, какими языковыми средствами создается, осуществляется текст, каково "поведение" языковых единиц в тексте, находятся в кругу внимания всех этих отраслей знания [см., например, НЗЛ VIII, с. 19, 23].

В области лингвостилистики многие исследования бывают предварены чисто языковым анализом наблюдаемых фактов, и рассмотрение стилистических явлений ведется на лингвистической основе [НЗЛ IX, с. 10 и 26; Виноградов 1980, с. 63] с тем, чтобы показать объективную лингвистическую сущность стилистического факта [Виноградов 1980, с. 21]. Для наших целей важно учитывать, что, например,

---

редь лингвоисторические работы А.Н.Кононова, Э.Н.Наджипа, С.Н.Иванова, Г.Абдурахманова и А.Рустамова, Э.Р.Тенишева.

[4] Имеется в виду то именно отношение понятий адресант–адресат, которое устанавливается посредством создания и обращения особого типа знака, называемого текстом [Степанов 1988, с. 133].

П.Гиро, классифицируя стилистические явления по порождающим их категориям, различал: 1) описательную стилистику, включающую инвентаризацию и изучение средств языка, на базе которых создаются стилистические явления в тексте; 2) функциональную стилистику, которая изучает разнообразные стилистические оттенки, возникающие в зависимости от специфических потребностей коммуникации, т.е. от "жанра в широком смысле слова"; 3) генетическую стилистику, которая изучает характерные (для писателя) стилистические средства; выбор этих средств, по мнению Гиро, предопределен культурой, мировосприятием, темпераментом автора [НЗЛ IX, с. 18–19] и, добавим, его социальным статусом.

Уделяя здесь особое внимание исторической описательной стилистике (наряду с "функциональной" и "генетической"), тем самым мы включаем в исследование саму языковую материю "Бабур-наме" – его языковую систему. Таким образом, здесь изучаются обе диалектически взаимосвязанные стороны языка – языковая система, равно как и речевая деятельность и ее продукт – связный текст [НЗЛ XVII, с. 9]. Впервые на данном материале ставится проблема "Человек как личность и его язык".

Одним из важнейших принципов лингвистической прагматики является "принцип множественности видов интерпретации", в соответствии с которым текст может рассматриваться с неограниченного числа точек зрения, поэтому не ограничено и количество видов интерпретации [Степанов 1988, с. 121]. Использование идей современных лингвистических течений в приложении к изучению средневекового литературного произведения обеспечило включение в круг вопросов, исследуемых здесь, ряда внешнеязыковых составляющих "Бабур-наме", имеющих отношение к его текстообразованию. При этом существенная помощь была оказана в решении вопросов, связанных с нетрадиционными литературной формой и словесным стилем "Бабур-наме", своеобразием языковых средств, используемых в целях их реализации. Ставя своей задачей приоткрыть тайны текстообразования "Бабур-наме" – "разъять гармонию на звуки", мы стремились не засушить "гармонию", не лишить ее очарования.

2. Актуальна для данного исследования поставленная В.В.Виноградовым проблема эволюционных соотношений таких исторических категорий, как "литература" и "письменность" [Виноградов 1980, с. 64]. Арабографичный памятник "Бабур-наме" представляет собой линейную последовательность текста "справа налево" единым потоком: здесь нет ни заглавных букв, ни знаков препинания, ни красной строки и соответственно членения на абзацы. Это, естественно, создает дополнительную затрудненность понимания текста, вызывает необходимость предварительного его лингвистического и лингвости-

листического изучения с целью установления макроправил текста, т.е. установления свойственных тексту словоупотребления, формоупотребления, синтаксического конструирования, стилистических фигур и приемов. Все это – важные составляющие компоненты стратегии понимания текста [см. НЗЛ XXIII, с. 160 и сл.]. Без их учета нельзя построить эффективные рабочие гипотезы относительно правильной структуры и значения фрагмента текста или же проверить принятую гипотезу [ср. НЗЛ XXIII, с. 163]. Подменять оригинальный арабографичный текст его переложением на современную узбекскую графику некорректно во многих отношениях. Возражения вызывает не только заметное приближение фонетического облика языка памятника к фонетическому строю современного узбекского языка. Искажается выдвинутое В.В.Виноградовым соотношение исторических категорий "литература" и "письменность". При этом оказывается резко нарушен принцип линейности порождения текста (подмен характерного для арабографичного текста принципа "справа налево" кириллическим "слева направо"), подорваны основы самой внешней организации текста (произвольное введение заглавных букв, знаков препинания[5], абзацев и пр., в ряде случаев вследствие этого – произвольное членение текста, см. об этом ч. I, гл. III, разд. II, § 3).

Отсутствие критического текста, научного издания текста "Бабур-наме" – это фактор, собственно, налагающий вето на содержательное исследование памятника [Лихачев 1983, с. 550]. И тем не менее откладывать (возможно, еще не на одно поколение тюркологов) введение в научный обиход бесценных материалов "Бабур-наме" было бы нерационально и нецелесообразно. Вполне сознавая, насколько всем этим затруднено предпринятое исследование, мы готовы с благодарностью принять любые критические замечания.

Для того чтобы осуществить задуманное исследование, требующее предварительной кропотливейшей лингвотекстологической обработки, нами предложена специальная методика лингвистического изучения памятника в условиях отсутствия критического текста. Основа такой методики сугубо прагматична: предпринятое исследование ведется сразу по двум изданиям "Бабур-наме", казанскому (Н.И.Ильминский, 1857) и лондонскому (А.С.Беверидж, 1905), соответственно двух списков "Бабур-наме" – Керова и Хайдарабадского, поскольку ни то, ни другое издание "не дают неоспоримого текста мемуаров „великого могола" и ожидают соединенного критического переиздания" [Самойлович 1917, с. 13].

---

[5] Д.С.Лихачев между тем предупреждает: "Очень трудный вопрос – это вопрос о расстановке в древнем тексте знаков препинания" [Лихачев 1983, с. 162].

Лингвотекстологические наблюдения сопровождают все исследование[6], ибо само представление о языке "Бабур-наме" невозможно составить без постоянного учета имеющихся расхождений, при этом происходит очищение текста от описок и явных ошибок (см. [Лихачев 1983, с. 462]). Вместе с тем фиксируемыми разночтениями как бы очерчивается достоверное приближение к языку сочинения и отчленяется весомая часть языкотворческого вклада переписчиков. В этих целях для разночтений (особенно систематически во II части, собственно языковедческой) вводятся дифференцирующие пометы. Помету "корректно" получают те формы, которые допускаются при грамматическом варьировании самим строем языка "Бабур-наме" (т.е. соответствуют его макроправилам) и наблюдаются в обоих списках. Помету "некорректно" – те, которые несвойственны языку "Бабур-наме" и встречаются только в одном из списков.

Таким образом, лингвотекстология здесь внедряется в самый аппарат исследования: на протяжении всей монографии выборка материала и подача его ведется по обоим спискам с приведением языковых разночтений (в любой главе, особенно это заметно в части II, где эти разночтения систематизированы по грамматическим категориям); каждый литературно-языковой пример получает двойную документацию – по казанскому (БН) и лондонскому (BN) изданиям (строка указывается при разночтениях).

Завершая обзор концептуальных и методических опор предпринятого исследования, следует отметить, что в тюркском языкознании подобный комплексный (в том числе с элементами филологическими и лингвотекстологическими) подход к лингвистическому изучению памятника средневековотюркской литературы предлагается впервые[7]. В том, что в данной работе мы пытались осветить, как представляется, существенные аспекты изучения "Бабур-наме", убеждает следующий факт. Ознакомление на завершающем этапе работы с архивными материалами академика А.Н.Самойловича показало, что уже в предреволюционные десятилетия XX в. этот всесторонний знаток "Бабур-наме" прозорливо обратил внимание на некоторые из этих ас-

---

[6] Ниже, в разделах I–II, освещаются основные вехи в истории текстологического изучения "Бабур-наме", дается общее представление о Керовом и Хайдарабадском списках, классификация языковых разночтений между ними (различия в составе текста – пропуски, вставки, перемещения фрагментов текста – нами специально не рассматриваются).

[7] Между тем в языкознании и прежде всего в русистике признается, что "изучение языка каждого художника – в свете общих вопросов „диалектологической" и „стилистической" семантики – неотложная задача текущего дня науки" [Виноградов 1980, с. 68].

лектов, назвав их в своих конспективных записях (об этом см. ниже, в части I, подробнее см. [Благова 1993]).

Фонетика языка "Бабур-наме" не была пока предметом специального изучения; не исследован вопрос о степени сингармоничности его языка. Стремясь не навязывать читателю того или иного чтения и не осовременивать его своими огласовками, автор воздерживался от обозначения палатальности гласных в аффиксальной цепочке, даже если основа слова отмечена палатальностью (*söz-lar*). Подобного же условного решения автор придерживался и в отношении словоформ с согласными литерами вроде "кяф арабский", "гяф персидский", определяющими палатальность последующего гласного (*kön̡l-um-ga*).

Особенно труден, как известно, вопрос о вокализме языка арабографичного памятника, поскольку гласные на письме передаются далеко не во всех случаях. Вопрос о том, редуцированный или нередуцированный гласный остается без обозначения в традиционном написании корневой морфемы, например قرا 'черный' [см. Наджип 1961, с. 22], в изучаемом тексте без специального исследования решить не представляется возможным; мы передаем такое отсутствие гласного на письме при помощи знака умлаут (*qära*). В смыслоразличительных позициях для передачи передне-среднего негубного гласного в корневых словах, обозначаемого "алифом", также используется *ä*, которая является таким образом полифункциональной литерой. Чаще же "алиф" в любых фонетических позициях передается посредством *a*: ياق *ajaq* 'нога'. Буквосочетание "алиф + вав" в смыслоразличительных целях передается как *u* (وچ- *uč-* 'лететь, полететь') и *ü* (وچ *üč* 'три'), *o* (ورتا *orta* 'середина') и *ö* (وز *öz* 'сам'). Буквосочетание "алиф + йай" также передается как *i* (ای *ini* 'младший брат') и *y* (ینا نما غیل *ynanmaγyl* 'не верь') и, кроме того, как *e* (یدی *edi* 'был'). "Вав" в составе корневого слова после согласного читается как *u* или *ü* (палатальность или велярность передаваемого звука определяется консонантной зависимостью, например: قوبا *quba* 'цвет между красным и желтым' и کوموش *kümüš* 'серебро'), как *o* или *ö* (قورق- *qorq-* 'бояться, пугаться' и سوز *söz* 'слово'). Точно так же "йай" передается как *i* (см. выше *ini*) или *y* (قیل- *qyl-* 'делать') и, кроме того, как *e* (کیل- *kel-* приходить').

Открытым остается для нас вопрос о степени сингармонистичности фонетического строя языка "Бабур-наме". В целях смыслоразличения в ряде случаев сохраняются написания корневых слов с традиционной сингармонической окраской (исключая арабизмы и

фарсизмы, поскольку нам неизвестнаа степень их фонетического освоения тюркскими языками на рубеже XV – XVI вв.). Что же касается аффиксального вокализма, то мы не стремились указывать качество гласных во всей аффиксальной цепочке – как в тех случаях, когда, скажем, палатальность аффиксального гласного может подразумеваться исходя из традиционной огласовки основы (например, سوزلار *söz-lar* 'слова'), так и в случаях, когда сингармоническая огласовка может быть выведена из самого буквосочетания, например: قه, قا , كه, كا = *qa, ka, ga* (см. كونكلومكا *könŋl-um-ga* 'моему сердцу').

Арабские консонантические литеры ث ،ص передаются как *s*; ظ, ض, ذ – как *z*; ط – как *t* (т.е. без подстрочных диакритиков) (см. также [Наджип 1961, с. 23]); из согласных только خ передается латинской литерой с диакритиком: *ẖ*.

Заведомо не претендуя на точность такого "транскрибирования", мы вполне сознаем и его недостаточную последовательность в ряде случаев. В частности, поскольку мы следуем за орфографией средневекового арабографичного памятника, не удалось добиться последовательности в слитной и раздельной передаче сложносоставных форм. Следуя за арабографичным текстом "Бабур-наме", при передаче его материалов средствами латиницы, мы не пользуемся заглавными буквами, знаками препинания, членением текста на абзацы, полагая, что для этого необходимо произвести соответствующее синтаксическое изучение текста в целом (см. [Лихачев 1983, с. 162]).

При переводе различных фрагментов текста "Бабур-наме" мы с благодарностью опирались на русскиий перевод (1958) покойного Михаила Александровича Салье, памятуя, что критиковать всегда легче, чем создавать. При всех недостатках этого перевода, естественно, требующих дополнений и исправлений, помогает уже само его наличие: устраняя в предложенном М.А.Салье толковании попытки стилистически сгладить оригинальный текст, а порой и споря с таким толкованием, мы стремились достичь максимального приближения к тексту (иногда даже в ущерб стилю русского перевода). В составе приводимого перевода текстовых фрагментов в круглых скобках даем перевод разночтений или более близкий переводной эквивалент; в квадратных скобках даем наши пояснения к переводу.

На задней стороне обложки приведены отрывки из официальных отзывов члена-корреспондента АН СССР Н.К.Дмитриева и профессора В.М.Насилова на канд. дис. [Благова 1954].

Автор выражает искреннюю признательность докторам филологических наук Э.А.Груниной и И.В.Кормушину, взявшим на себя труд

рецензирования настоящей монографии, благодарит Л.Б.Протасову за помощь в подготовке рукописи к печати.

Автор приносит особую благодарность Алишеру Бурхановичу Усманову, поддержавшему идею этого издания и способствовавшему его осуществлению.

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ "БАБУР-НАМЕ" В РОССИИ

Интерес к "Бабур-наме" как к историческому источнику начал проявляться на Востоке еще при жизни автора Захир эд-Дина Мухаммеда Бабура (см. об этом [Миклухо-Маклай 1963; ср. также Senkowski 1824, с. 9 sq.]). Об использовании языковых материалов "Бабур-наме" персидским историком и филологом XVIII в. Мирзой Махди ханом при составлении чагатайско-персидского словаря см. [Menges 1957, с. 646]. Именно стремлением ознакомить с этим произведением более широкие круги людей просвещенных была вызвана работа по переводу "Бабур-наме" на персидский язык[8].

На Запад сведения о Бабуре и его мемуарах проникли в XVII в. [D'Herbelot 1697, с. 163], а с конца 20-х годов XIX в. ориенталисты Европы вновь и вновь обращались к "Бабур-наме" – то к переводу его на западноевропейские языки, то к исследованию в связи с проблемами истории, источниковедения, филологии.

В России, сопредельной с некоторыми из описываемых в "Бабур-наме" регионов Востока, неизменный интерес правительственных кругов к этим регионам, поддерживаемый и историческим фактом попытки Бабура завязать торговые и дипломатические отношения между его державой – Хиндустаном – и Россией (см. об этом ["Полное собрание русских летописей" 1859, с. 280; Уляницкий 1889, с. 3]), своеобразно преломлялся в ученой среде. Приглашенный в Россию для службы в Коллегии иностранных дел (в его функции входила пе-

[8] Персидский перевод "Бабур-наме", по признанию А.Н.Самойловича, имеющий наибольшее распространение, был выполнен Абду-р-Рахимом Хан Хананом и представлен императору Акбару в 998/1590 г., см. [Elliot 1872, с. 218]. По-видимому, коренную рукопись этого перевода описывал Камол Айни ["Вопросы литературы". 1964, № 6, с. 251] среди экспонатов Национального музея Индии в Дели; отмечая, что список этот "выполнен Хани Ханан", он датирует его 1530 г. и относит ко времени Хумаюна. Более старый перевод "Бабур наме" выполнен совместно Мирзой Паянде-Хасаном и Мухаммедом Кули, см. [Teufel 1883, с. 141], а первый по времени персидский перевод осуществлен Шейхом Зейн эд-Дином через три года после смерти Бабура.

реводческая деятельность и "обучение молодых людей в восточных языках") крупный знаток ближневосточных (в особенности – арабского) языков, как он себя называл, Doctor Philosophie, Professor Linguarum Orientalium Георг-Якоб Кер (1692–1740) (см. [Пекарский 1870, с. 313, 314; Кононов 1974, с. 185–186; Кононов 1982, с. 43–48]), стремясь усовершенствовать свои познания в чагатайском языке, занялся в Петербурге (in urbe Petropoli) переписыванием "Бабур-наме" с имевшейся у него рукописи, сведений о которой не сохранилось[9]. Сам Кер "не делает никаких существенных замечаний о рукописи, с которой он сделал свой список; упоминает только, что она заключала 420 листов; на конце его списка слова по-арабски: окончена 1126 года (хиджры/1714 г. – *Г.Б.*), по всей вероятности, указывают год написания коренной рукописи. Впрочем, по орфографическим приемам и некоторым значкам, которые Кер старался удержать в своем списке, должно полагать, что коренная рукопись написана в Мавераннахре" [Ильминский 1857, с. III].

Судя по хронологизирующим припискам Г.-Я.Кера (на латинском языке) на полях его списка, работал он чрезвычайно интенсивно и упорно, хотя не только копировал текст рукописи, но также – по крайней мере, в первой его части – переводил текст на латинский язык. Одна из первых таких приписок, в самом низу л. 401б, сделана 31 марта 1737 г., внизу л. 689 стоит дата 3 июня 1737 г. Переписывание всех 837 листов этого сводного тома, вместе с добавлениями – после л. 775а, где по-русски, другим почерком помечено: "Здесь конец Запискам шаха Бабира"[10],– было закончено в 1737 году.

Снабдив часть списанного им текста "Бабур-наме" латинским переводом, Г.-Я.Кер предполагал впоследствии перевести это произведение до конца, для чего вклеил в свой список чистые белые листы. Керов (или Керовский) список, как издавна называют его отечественные востоковеды, принадлежал Учебному отделению восточных языков Азиатского департамента [Извлечения 1883, с. 72], а

---

[9] По сведениям С.Азимджановой, "в 1714 г. в Бухаре был впервые приобретен Тимуром Пулатом список „Бабур-наме". Эта рукопись затем была изучена Георгом Джекатом (так. – *Г.Б.*) Кером в Санкт-Петербурге. На основе этой же рукописи в 1857 г. было осуществлено первое издание „Бабур-наме" в Казани Н.Ильминским. Другой список, переписанный Абу ал Вахабом, учителем из Гиждувана в 1709 г., попал в Петербург спустя 100 лет после рукописи Кера и там с него была сделана отдельная копия Сенковским в 1824 г." [Азимджанова 1982, с. 10].

[10] Для Г.-Я.Кера, видимо, не существовало сомнений относительно чтения имени автора сочинения, см. К 460б – приписка на полях о том, что эти листы оригинала "Codicis Babur-nameh" переписывались 8 апреля 1737 г. На "титульном" листе с владельческой записью заглавие сочинения написано по-русски, другим почерком: "Записки о подвигах Великого шаха Бабура". Чтение *Бабур* в 1861 г. принял Н.И.Ильминский [Ильминский 1861, с. 39, примеч.], отказавшись от прежнего *Бабер*.

судя по владельческой записи на его титульном листе от 9 мая 1819 г., какое-то время принадлежал библиотеке Московского архива Государственной комиссии иностранных дел ("Сия книга принадлежит Государственной Комиссии Иностранных дел Библиотеке Московского Архива. 1819 года Маія 9-го дня"). В настоящее время список хранится в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР* под шифром Д 685, он описан в книге [Дмитриева и др. 1965, с. 89–90]; в каталоге Азиатского музея, составленном в 1846 г. д-ром Б.Дорном, фигурирует латинский перевод части его текста. Основываясь на анализе этого латинского перевода, Н.И.Ильминский делал вывод, что Кер "не вполне знал джагатайское наречие. Хотя повсюду видны признаки добросовестной и заботливой копировки, Кер, по местам не разобрав слов, не могши угадать их по смыслу, должен был писать наобум какие-то неявственные черты; его непривычное к джагатайской грамоте перо не могло не делать ошибок и упущений"[11] [Ильминский 1857, с. IV]. Любопытно, что такое упущение Керова списка, как пропуск диакритики, по мнению А.А.Зайончковского, типично именно для европейца; впрочем, тем же грешит местами и Хайдарабадский список. Следует, однако, заметить, что переписывание "Бабур-наме" и перевод части его текста – не первый опыт Г.-Я.Кера в области работы над памятниками чагатайского языка: еще в 1733 г. он собственноручно снял копию списка "Родословной тюрок", а также перевел это произведение на немецкий язык [Кононов 1958, с. 23 и примеч. 83; Кононов 1982, с. 77–78].

Почти через 90 лет интерес к "Бабур-наме" возобновился. Русско-польский ориенталист О.И.Сенковский, по отзывам современников блестяще владевший турецким и арабским языками, приступив к изучению восточных тюркских языков, "собственноручно переписал (в мае 1824 г.) с рукописи одного бухарского купца (Назарбая Туркестани. – *Г.Б.*) том "Записок султана Бабера", который намеревался издать в подлиннике и переводе" [Савельев 1858, с. XVII]; ср. приписку, сделанную рукой О.И.Сенковского на последней странице его рукописи (рукопись хранится в СПбФ ИВ РАН под инвентарным номером Д 117): "elle a été faite d'après un exemplaire appartenant à Nazar Baj Turkéstani, négociant Boukhare, qui était venu cette année à St.-Peterbourg". Детальное ознакомление с произведением при его переписке позволило О.И.Сенковскому свободно оперировать сведениями из "Бабур-наме". В принадлежащей его перу

---

* Теперь: Санкт-Петербургского Филиала Института востоковедения РАН (далее сокр. – СПбФ ИВ РАН).

[11] Того же мнения придерживался Х.Д.Френ, который считал, что Кер "этого (тюркского. – *А.К.*) языка достаточно не знал..." (цит. по [Кононов 1982, с. 77]).

статье "Джагатайский язык" использовано, например, свидетельство Бабура о том, что "самый чистый язык тюркй, или, если угодно, джагатайский, сохранялся в области Андеджане (Фергана)"; здесь же, в издании, рассчитанном на читателя-неспециалиста, впервые дана беглая характеристика произведения [ЭЛ XVI, с. 232, 233]. Далее следует отсылка через статьи "Бабер"[12], "Бабер-наме" к статье "Бабериды", написанной молодым тогда В.В.Григорьевым под руководством О.И.Сенковского. В.В.Григорьев впервые в русской литературе излагает биографию и историю походов Бабура по "Бабур-наме"; здесь же это произведение характеризуется довольно подробно в тех аспектах, которые представляли интерес для современности [ЭЛ I, с. 10, 11, 13].

В 1857 г. текст "Бабур-наме" по Керовскому списку был издан в Казани Н.И.Ильминским [БН][13], которому впоследствии, в 1884 г., Имп. Академия наук предлагала "звание своего члена по части истории и древностей азиатских народов" [Знаменский 1892, с. 318; Кононов 1974, с. 169–170]. Полагая, что "Керовский список, при недостатке лучших рукописей, может быть хорошим источником для издания „Бабер-намэ", при посторонних пособиях, но не в такой степени, чтобы безусловно водиться его авторитетом", издатель поставил перед собой трудную задачу "очистить текст „Бабер-намэ" от всего, что, по исследованию (разрядка наша. – *Г.Б.*), мне представлялось ошибочным в списке Кера" [Ильминский 1857, с. IV]. Это касалось прежде всего ошибок и описок, допущенных самим Кером. Материалом для палеографического исследования, о котором писал Н.И.Ильминский, служил ему прежде всего самый список: в правильном написании какого-либо слова, формы, оборота он "убеждался большинством случаев их употребления в списке. Затем необходимым и постоянным пособием был английский перевод Memoirs of Baber etc., наконец, списки словарей джагатайско-персидского, изданного в Калькутте, и джагатайско-турецкого на сочинения Мир Али-шира" [Ильминский 1857, с. IV]. В то же время Н.И.Ильминский отчетливо сознавал, что "этих пособий не достаточно, чтобы довести издание до полной точности и правильности: для этого надлежало бы сличить несколько хороших туземных рукописей Бабер-намэ" [Там же]. Такое трезвое критическое отношение Н.И.Ильминского к издаваемому спи-

---

[12] Интересно отметить, что вначале О.И.Сенковский употреблял чтение *Бабур* [ср. Senkowski 1824: *Bâbour*, с. 9, и даже *Babor*, с. 3]; впоследствии же он использует преимущественно написание *Бабер*.

[13] Издание это в конце прошлого века характеризовалось как "весьма важное в науке, обратившее на себя внимание западных ориенталистов, которые с течением времени занялись его лингвистической разработкой, издали к нему грамматические примечания, словари и проч." [Знаменский 1892, с. 312].

ску и к своему изданию почти через полвека вызвало у английской исследовательницы "Бабур-наме" А.С.Беверидж недоверие к этому изданию и его источнику – Керову списку, недоверие, частично основанное на превратно понятых положениях "Предисловия" Ильминского (см. особенно [Beveridge 1923, с. 75, 77; The Bābur-nāma in English 1922, с. 1]). Отметим, что уже через четыре года после издания им текста "Бабур-наме" Н.И.Ильминский, основываясь на материале "Турецкой хрестоматии" И.Н.Березина, куда были включены отрывок из "Бабур-наме" и фрагменты поэтических произведений Бабура [Березин 1857], пересматривает свою точку зрения на чтение имени: *Бабер* > *Бабур* [Ильминский 1861, с. 39, примеч. 1].

В связи с выходом в свет печатного текста "Бабур-наме" внимание русских востоковедов привлекла рукопись О.И.Сенковского. В 1859 г. по предложению и под руководством В.В.Вельяминова-Зернова в типографии Имп. Академии наук было начато печатание "Вариантов", извлеченных из сделанного проф. Сенковским списка, к изданному Н.И.Ильминским чагатайскому тексту "Бабур-наме"[14]. Отпечатав в том же году семь листов "Вариантов", более это издание не продолжал, "и в позднейших протоколах заседаний (историко-филологического. – *Г.Б.*) Отделения ничего не видно о причинах этой остановки" [Извлечения 1883, с. 69]. На заседании Историко-филологического отделения 31 мая 1883 г. ввиду предстоящего ремонта академической типографии обсуждался вопрос о необходимости очистить кладовые "от хранящихся в них с давних пор отпечатанных листов таких академических изданий, которых печатание было начато в разное время по определению Историко-филологического отделения, но давно уже не продолжается по не зависящим от типографии причинам"; в числе таких изданий оказались и "Варианты" [Извлечения 1883, с. 68, 69].

Отвечая на запрос непременного секретаря Историко-филологического отделения Имп. Академии наук относительно издания вариантов к "Бабур-наме", Н.И.Ильминский, "судя по напечатанным вариантам", характеризует список О.И.Сенковского как "другую редакцию Бабер-намэ", хотя тут же отмечает, что "самый текст состав-

---

[14] В статье "Восточные рукописи в библиотеке покойного В.В.Вельяминова-Зернова" [Семенов 1919, с. 858] А.А.Семенов среди прочих рукописей отмечает "Бабер-намэ" в издании Н.И.Ильминского (Казань, 1857) с рукописными вариантами на полях, взятыми из рукописи Сенковского, поступившей потом в Академию наук (как это отмечено на карточке). Интересно, что в 1-й кн. тома I ЗИАН (СПб., 1862, с. 56) опубликован "Список изданий Имп. Академии наук, печатавшихся с 1-го янв. по 31 дек. 1861 г., но еще не выпущенных в свет", куда включено также: "Вельяминов-Зернов. Варианты к „Бабер-намэ", 7 л.". В рукописном фонде и библиотеке СПбФ ИВ РАН "Варианты" нами не были обнаружены.

ляет точную копию записок Бабера, за исключением неизбежных во всякой рукописи маленьких изменений", и что "многие варианты Сенковского несомненно исправляют текст", представленный в казанском издании, не решая, однако, "окончательного вопроса об исправлении напечатанного текста Бабер-намэ, ибо эти варианты не все правильны, а иные могут быть ошибочны" [Извлечения 1883, с. 71, 72]. Указывая, что список Сенковского не совсем полон, а вариантов напечатано более чем на половину издания текста, Ильминский считал необходимым докончить печатанием оставшуюся меньшую часть вариантов. Чтобы подвинуть вперед исправление текста (а Ильминский полагал, что после трудов Радлова можно было бы многое исправить в напечатанном ранее тексте), Ильминский изъявил готовность снова пересмотреть рукопись проф. Кера в сопоставлении с рукописью Сенковского. Отделение приняло предложение Н.И.Ильминского и решило оказать ему в этом содействие [Извлечения 1883, с. 72]. Рукопись О.И.Сенковского была послана Н.И.Ильминскому, а в марте 1885 г. им возвращена. Занятый переводческой и просветительской деятельностью, Н.И.Ильминский (ум. в 1891 г.) не смог продолжить для издания сопоставлений Керова списка и рукописи Сенковского. Тем временем в отношении изданных "Вариантов к „Бабер-наме" долгие годы хранившихся на типографских складах, еще в 1883 г. было принято постановление: "... из числа отпечатанных листов ...брошировать по 20 экз. каждого и сдать для хранения в Азиатский музей Академии, а остальные экземпляры их уничтожить, обращением их в макулатуру" [Извлечения 1883, с. 70].

Публикуя в 1904 г. письмо в редакцию А.Беверидж, в котором она просила русских ориенталистов оказать ей содействие в розысках исчезнувшей рукописи (так называемой Elphinstone's MSS) или любой другой рукописи "Бабур-наме"[15], редакция ЗВОРАО отмечала, что "о существовании превосходного списка в Бухаре давно ходили и ходят слухи, но ни один европеец его не видел" [ЗВОРАО, т. XV, вып. IV, 1904]. Ср. сведения о рукописи "Бабур-наме", которой, по словам акад. К.Г.Залемана, владел брат Бухарского эмира [Самойлович 1906, с. 075, примеч. 2], а также о "всего одной рукописи записок Бабура, принадлежащей Г.А.Арандаренко", которая известна автору в Туркестане [Н.В. 1892, с. 345]. В 1911 г. А.Н.Самойлович к спискам "Бабур-наме", известным А.Беверидж, прибав-

[15] В "Протоколе заседания Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества 16-го марта 1900 года" имеется запись о более раннем запросе А.Беверидж относительно "быть может, имеющегося в Москве тюркского списка Bābernāme. А.Е.Крымский сообщил, что в Москве соответствующей рукописи нет, а также взялся сообщить письмом некоторые сведения, которые могут быть полезны для Miss A.Beveridge" ["Древности восточные". Т. 2, вып. III. М., 1903, с. 202].

ляет еще три, которые он лично видел: "1) в библиотеке недавно умершего хивинского хана (г. Хива. Этот список новый и, может быть, сделан с издания Ильминского), 2) в библиотеке русского дипломатического агента в Бухаре, г. Лютша (новый список) и 3) в Имп. Публичной библиотеке (тоже новый список: шкаф II, полка 6, № 34, год 1862)" [Самойлович 1911, с. 093–094, примеч. 1]. Первый из перечисленных списков хранился в Институте Востоковедения АН УзССР под инвентарным номером 1392; последний – в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (в настоящее время – Российской национальной библиотеке) под шифром Тур.НС 104.

А.Н.Самойлович, по его собственным словам, изучал "Материалы" Вельяминова-Зернова "с лингвистическими целями в связи с подготовлявшимся мною тогда исследованием произведений Бабура (осталось незаконченным)" [Самойлович 1926(1), с. 1107, 1120]; по сообщению Ф.Д.Ашнина, архив А.Н.Самойловича содержал в свое время картотеку-роспись лингвистического материала "Бабур-наме" (в архивах нами картотека не обнаружена). Этнографическое исследование по материалам "Бабур-наме" представлено в статье [Самойлович 1912].

Сетуя, что он не может "исполнить своего давнишнего намерения отозваться на это издание (т.е. издание Хайдарабадского списка "Бабур-наме", осуществленное А.Беверидж. – *Г.Б.*) и на ряд статей того же автора касательно „Бабур-наме" (JRAS, 1900–1908)"[16], А.Н.Самойлович, ставил под сомнение скептическую оценку, которую давала А.Беверидж Керову списку и изданию "Бабур-наме" Ильминского ("сплошной перевод с персидского") [Самойлович 1911, с. 093–094, примеч. 1][17]. (Заметим, что скепсис А.Беверидж в отношении

[16] Любопытно отметить, что в "Протоколах заседаний Восточного отделения РАО" (ЗВОРАО. Т. XXII, вып. 3–4. Пг., 1915, с. XII) записано: "Самойлович прочел сообщение: „О новом английском переводе Записок султана Бабура". По поводу прослушанного сообщения высказались Н.И.Веселовский, В.В.Бартольд и А.И.Иванов". Среди архивных материалов А.Н.Самойловича, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, имеется "Новый перевод Записок Бабура [Рецензия на работу А.Беверидж]", дата – 1914 г. Рецензия начинается таким высказыванием: "Кое-что из того, что писала А.Б.[еверидж] удивляло меня, вызывало во мне сомнения, и я неоднократно порывался выступить с критической статьей, но все выжидал, пока в Пг. [Петроград] вернется Керовский список Автобиографии Бабура, высланный по просьбе А.Б[еверидж] в Англию", а завершается выводом, гласящим: новый перевод А.Беверидж – шаг назад по сравнению с имеющимися переводами [Самойлович. Ф. 671, № 86], подробно см. [Самойлович 1993].

[17] Скептическая оценка Керова списка и издания Н.И.Ильминского, содержащаяся в этих и других работах А.С.Беверидж, проанализирована с позиций лингвотекстологии в статье [Благова 1961]. Необходимость критического разбора скептических суждений А.С.Беверидж в наше время была вызвана тем, что не без их воздействия в тюркологии распространилось мнение, что Н.И.Ильминский в своем издании якобы "татаризовал" язык "Бабур-наме".

издания Н.И.Ильминского объясним не только с точки зрения результатов исследования ею различных рукописей "Бабур-наме", но и как реакция на некритическое приятие этого издания такими западноевропейскими ориенталистами, как, например, Паве де Куртейль). При этом А.Н.Самойлович обращал внимание именно "на поразительное согласие текстов fac-simile (т.е. издания Хайдарабадского списка. – *Г.Б.*) и казанского издания с рукописи Кера" [Самойлович 1911, с. 0100, примеч. 2], указывая в то же время, что ни издание Ильминского, ни издание Беверидж "не дают неоспоримого текста мемуаров „великого могола" и ожидают соединенного критического переиздания" [Самойлович 1917, с. 13]. Опубликованные статьи и высказывания А.Н.Самойловича относительно различных аспектов изучения "Бабур-наме" отражают лишь малую толику той многолетней исследовательской работы над памятником, которую, как это засвидетельствовано в архивных материалах, ученый вел систематически, см. об этом [Благова 1993; Дмитриева 1978]; эта его деятельность имела самое непосредственное отношение к истории литературы и литературному языку тюркских народов Средней Азии – предметам, которые А.Н.Самойлович считал своей ближайшей специальностью [Самойлович 1936, с. 54].

Задача "соединенного критического переиздания" "Бабур-наме" остается не выполненной до сих пор. Подготовленные П.Шамсиевым и С.Мирзаевым ташкентские издания "Бабур-наме" [Бабирнома 1948–1949; Бобирнома 1960; Бобурнома 1989], в которых наряду с изданием Н.И.Ильминского особенно широко используется Хайдарабадский список в издании А.Беверидж, представляют собой только первые шаги в этом направлении. Во втором, переработанном издании ссылочный аппарат значительно увеличился за счет приводимых разночтений по лондонскому и казанскому изданиям; однако и здесь постраничные примечания не охватывают всего обилия разночтений, наблюдаемых только в лондонском и казанском изданиях, не говоря уже о доступных нам рукописях или хотя бы о Керовом списке. В выборе приводимых разночтений П.Шамсиев, их подготовивший, руководствовался в основном субъективными моментами, приводя исключительно "различия и варианты, важные в смысловом отношении" [Шамсиев 1960, с. 56]. О количестве разночтений только между двумя изданиями – лондонским и казанским – можно судить хотя бы по материалам сверки двух сравнительно небольших фрагментов "Бабур-наме" [см. Благова 1961, с. 100–105]. В результате, как это признают и сами издатели, опубликованный ими текст нельзя считать научно подготовленным, критическим.

Другой аспект изучения "Бабур-наме", привлекавший внимание многих ученых, – это перевод произведения на русский язык. Под-

робный анализ переводов "Бабур-наме" на русский язык, начиная с самых ранних попыток, стремление "увидеть перевод в перспективе историко-культурного развития" находим в работе Л.У.Ходжаевой [Ходжаева 1985]. Аналогичная задача в отношении переводов данного сочинения на английский язык была поставлена в работе Н.Атаджанова [Атаджанов 1978].

Заметим здесь только, что полный перевод "Бабур-наме" на русский язык (1958) выполнен М.А.Салье, в основном, по Хайдарабадскому списку Бабур-наме и, по словам С.А.Азимджановой, "не преследует научно-филологических целей" [Азимджанова 1958, с. 8]. К этому переводу вполне могут быть отнесены слова А.Н.Самойловича, упрекавшего одного из ранних переводчиков фрагментов текста "Бабур-наме" С.И.Полякова в отсутствии хотя бы "нескольких вступительных строк, из которых читатель узнал бы, пользовался ли переводчик какими-либо пособиями, гарантирующими возможную правильность, полноту, точность и ясность перевода", имел ли под рукой "достаточный для своего капитального труда подбор словарей и историко-географических пособий", "имел ли возможность ознакомиться с предыдущими переводами „Бабур-намэ", как полными, так и частичными" [Самойлович 1906, с. 074, 075].

Сокращенный вариант перевода "Бабур-наме", выполненного М.А.Салье [Бабур-наме 1982], содержит целый ряд уточнений как в прозаическом тексте, так и в стихотворных цитациях [Азимджанова 1982, с. 13].

Во второй половине XX в. изучение "Бабур-наме" в нашей стране велось лингвистами, историками и этнографами, отчасти также литературоведами и фольклористами, искусствоведами.

РАЗДЕЛ II. ОПЫТ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ СПИСКОВ И ИЗДАНИЙ "БАБУР-НАМЕ"

Существующие немногочисленные издания воспроизводят текст сочинения каждое лишь по одному из списков "Бабур-наме". Работа по составлению сводного текста (развернуть ее предполагал А.К.Боровков в конце 50-х – начале 60-х годов на базе рукописного фонда ЛО ИВАН СССР)[18], а при современных требованиях – критическо-

[18] Как явствует из личного письма к автору Л.В.Дмитриевой, в конце 50-х – начале 60-х годов А.К.Боровков вел в ЛО ИВ АН СССР семинар (чтение и историко-лингвистическое комментирование "Бабур-наме" по факсимиле Хайдарабадского списка) для молодых тогда сотрудников института, среди которых в семинаре активно работали филологи Л.В.Дмитриева, Л.Я.Медведева, историки Ю.А.Петросян, а также С.И.Ибрагимов (КазССР). Семинар работал около двух лет; в заключение его А.К.Боров-

го текста такого обширного сочинения, как "Бабур-наме", в обозримую перспективу исследовательских планов пока все еще не включается. В этих условиях особенно необходимо проведение лингвотекстологического обследования сочинения, начало которому было положено в 1961 г. (см. [Благова 1961; 1977]), а в данной монографии расширено и углублено.

Раздел II тесно связан с разделом I, посвященным истории изучения списков "Бабур-наме": этот последний представляет собой как бы введение к лингвотекстологическому разделу, во многом его поясняя.

Настоящая работа основывается на изучении языка "Бабур-наме" по двум спискам – Хайдарабадскому (факсимильное издание А.С.Беверидж, лондонское) и Керову (наборное издание Н.И.Ильминского, казанское); соответственно приводимые в работе примеры выверены по этим двум изданиям, отчасти также по Керову списку.

В соответствии с целями и задачами работы лингвотекстологический раздел сугубо утилитарен и не имеет самостоятельного значения. Используемые здесь исследовательские принципы и методика нами уже были изложены [Благова 1961; 1977] и ниже не повторяются.

Лингвотекстологическое исследование служит здесь для верификации языковых материалов "Бабур-наме" (грамматических форм и конструкций, в том числе и полипредикативных, лексики, языковых формул, лингвостилистических признаков); на этой же основе осуществляется отсев позднейших языковых наслоений. Имея также экстралингвистической сверхзадачей "реабилитацию" Керова списка и его казанского издания, мы сочли необходимым в дополнение к краткому описанию Керова списка, составляющего значительнейшую часть сводной рукописи Д 685 (см. [Дмитриева и др. 1965, с. 89–90]), добавить следующие наши наблюдения над этим списком. Как нам представляется, наблюдения эти во многом объясняют затруднения Н.И.Ильминского при издании Керова списка, а также позволяют более углубленно осветить исследовательскую работу отечественных ученых над "Бабур-наме".

ков распределил между участниками семинара несколько фрагментов текста "Бабур-наме", поручив каждому из них составить критический текст доставшегося фрагмента на основании сопоставления факсимиле Хайдарабадского списка и издания Ильминского с указанием в примечаниях всех разночтений между ними. Порученная работа была выполнена Л.В.Дмитриевой и Л.Я.Медведевой. По поручению А.К.Боровкова Л.В.Дмитриевой был составлен аннотированный перечень списков "Бабур-наме", имеющихся в хранилищах Ленинграда. Судьба подготовленных Л.В.Дмитриевой и Л.Я.Медведевой материалов неизвестна, равно как и судьба большого (в нескольких коробках) рукописного словника "Бабур-наме", который, по всей вероятности, принадлежал А.Н.Самойловичу и который безуспешно разыскивался (по поручению А.К.Боровкова) в рукописных фондах ЛО ИВАН СССР Л.В.Дмитриевой и В.С.Воробьевым-Десятовским.

§ 1. Дополнительные сведения о Керовом списке

Чагатайский текст в Керовом списке написан "стихом" – строки довольно короткие, неодинаковой длины, иногда в строке бывает даже одно-два слова, и тогда трудно понять, строка ли это, или же вписаны пропущенные слова. Новое предложение часто начинается с новой строки. Количество строк на листе неодинаково, см., например: л.484b – 19 строк, л.633b – 21 строка, л.634a – 26 строк. К концу сводной рукописи текст уплотняется, на листе умещается 26, даже 27 строк, среди них становится меньше коротких, письмо делается мельче (особенно заметно – с л.823a).

Дефектные места копируемой рукописи тщательно перерисованы Кером, см. К $652b_{13}$ (в БН 340_{19} реконструировано корректно – так же точно оказывается в BN $268a_{12}$). Пропуски, имеющиеся в копируемой рукописи, в сводной обозначены отточиями, см. К 809a–b, 810a–b, 812a. Заголовки глав выписаны каллиграфически, очень крупным шрифтом (см., например К 460a; К 562b).

Постраничная пагинация – сквозная, продолжается до самого конца рукописи (последняя страница – 1140); с л. 278a она дублируется, по-видимому, более поздней полистной пагинацией. Судя по ссылкам на полях, некоторые читатели пользовались постраничной пагинацией. На последнем листе сводной рукописи, пронумерованном – 1140, имеется запись скорописью, черными чернилами, плохо сохранными: "в сей книге восемь сот тридцать семь листов (837). Помощник библиотекарский, титулярный советник..." (подпись неразборчива).

На л. 775a имеется запись по-русски черными чернилами: "Здесь конец Запискам шаха Бабира"; здесь же комментарий по-английски, слабым карандашом, тем же почерком, что и отсылки Hy.MS. и Hai.MS. (см. об этом ниже).

Поля Керова списка несут важную информацию. Во-первых, в тех случаях, когда, по мнению Кера, слово написано им нечетко, он ставит под ним крестик и на полях выписывает это слово ясно, окружая его линией, см. К 299 موغولجه ; К 401b تۆک .

Во-вторых, на полях довольно часты хронологизирующие заметки Кера на латинском языке; в них указывается, в какой день какие листы списка кем и где были написаны. Наиболее полную формулу такой хронограммы см. К 698a: D. 3. Junii, 1737. hucusgi [? – huius di 'в этот день'? – *Г.Б.*] scripsit Georgius Jacobus Kehr, Doctor Philosophie, Professor Linguarum Orientalium in urbe Petropoli '3 июня 1737. В этот день (?) писал Георгий Якоб Кер, доктор филосо-

фии, профессор восточных языков, в городе Петербурге'. В некоторых фрагментах текста такие хронограммы встречаются достаточно регулярно, см.: К 401b – 31 марта 1737 г.; К 526a – 19 апреля 1737 г.; К 549b – 22 апреля 1737 г.; К 552a – 23 апреля 1737 г.; К 557a – 24 апреля 1737 г.; К 564b – 25 апреля 1737 г.; К 641a – 14 мая 1737 г.

В-третьих, здесь сам Кер отмечает (правда, не всегда регулярно), как листы его списка соотносятся с листами той рукописи ("Original"), которую он копировал. Так, на с. 108 имеется отсылка: MS Cf.: Original: fol.20(a) "Рукопись ср.: оригинал: л. 20а"; отсылка окружена продолжением линии, отделяющей текст – по всей видимости, так обозначается начало листа оригинала. На с. 108–152 Керова списка такие отсылки (по приведенной выше стандартной формуле) регулярны, см.: К с.112 – 20b; К 116 – 21a; К 120 – 21b; К 124 – 22a; К 128 – 22b; К 135 – 23a; К 139 – 23b; К 143 – 24a; К 144 – 24b; К 152 – 25a; ср. далее К 173 – 27b; К 182 – 28b, а выше К 15 – 8a; К 84 – 17a. Из этого перечня, в частности, видно, насколько невелика плотность текста на листах Керова списка.

В-четвертых, на полях Керова списка достаточно регулярно представлены карандашные пометы (одним и тем же почерком), соотносящие пагинацию Керова списка с пагинацией лондонского издания Хайдарабадского списка (Haydarabad MS). В первой части было принято сокращение этого последнего Hy. MS., впоследствии оно заменяется на Hai. MS. О частотности таких отсылок к лондонскому изданию и систематическом характере работы их автора над Керовым и Хайдарабадским списками весьма красноречиво свидетельствует нижеследующий неполный их перечень: К 15 – Hy. MS. f.5 (в целях сокращения ниже обозначается как одно Hy.); К 27 – Hy. 7; К 73 – Hy.14; К 81 – Hy.15; К 84 – Hy.16; К 124 – Hy.22; К 142 – Hy.24; К 146 – Hy.25; К 150 – Hy.25b; К 162 – Hy.27; К 167 – Hy.28; К 173 – Hy.28b; К 182 – Hy.30; К 184 – Hy.30b; К 207 – Hy.34; К 215 – Hy.35. Если сравнить эти отсылки-коррекции с соответствующими отсылками Кера к копируемой им рукописи, то окажется, что эта последняя рукопись ("Original") и Хайдарабадский список имеют довольно близкие пагинации. Ср. К 15 – Original 8a – Hy.5; К 84 – Original 17a – Hy.16; К 182 – Original 28b – Hy.30.

Отсылки к Хайдарабадскому списку на полях Керова списка являются незаменимым путеводителем в громадном фолианте, содержащем Керов список. Без них было бы крайне затруднительно ориентироваться в тексте списка.

Учитывая, как и кем изучалось "Бабур-наме" в России после смерти Н.И.Ильминского (1891) и после выхода в свет факсимиле Хайдарабадского списка, можно высказать некоторые предположения

об "авторстве" отсылок-коррекций на полях Керова списка (т.е. Ну.MS., Hai.MS.). Автором этих отсылок мог быть только А.Н.Самойлович: ведь именно он собирался отозваться на факсимильное издание Хайдарабадского списка и на ряд статей А.С.Беверидж (JRAS, 1900–1908); он первым вел лингвотекстологическое исследование "Бабур-наме", сопоставляя Хайдарабадский и Керов списки, а также казанское издание последнего; именно он сделал сообщение "О новом английском переводе Записок султана Бабура". Его утверждение, нацеленное на "реабилитацию" работы Н.И.Ильминского по изданию "Бабур-наме", о "поразительном согласии текстов fac-simile (т.е. издания Хайдарабадского списка. – *Г.Б.*) и казанского издания с рукописи Кера" [Самойлович 1911, с. 0100, примеч. 2], безусловно, опирается на глубокое и внимательное сопоставительное изучение существующих списков и изданий произведения. Ознакомление с архивными материалами А.Н.Самойловича позволило установить, что карандашные отсылки к Хайдарабадскому списку принадлежат этому ученому, а верифицировать его почерк помогло особенно обращение к его же пометам на полях тетради с курсовой работой Б.М.Гурьева, студента IV курса востфака арабско-персидско-турецко-татарского отделения СПбУ: "Фергана. Рассмотрение достоинства некоторых турецких текстов „Бабур-наме" и восточных (персидского) и европейских переводов его относительно описания Ферганы" [Самойлович. Ф. 671, № 359]. После палеографических и текстологических штудий А.Н.Самойловича, оборванных его арестом и гибелью в 1938 г., интерес к изучению этого сочинения по материалам Рукописного фонда ЛО ИВ АН СССР надолго угас, и не только в Ленинграде.

§ 2. Два издания текста "Бабур-наме". Подготовительная работа Н.И.Ильминского над Керовым списком

Благодаря достижениям в технике европейского издательского дела, бурно развивавшегося в начале XX в., А.С.Беверидж удалось издать фототипическое факсимиле Хайдарабадского списка "Бабур-наме" (1905). По своей фотомеханической сути такое издание не требовало предварительного текстологического исследования, глубокого изучения текста как в содержательном, так и языковом плане. Эту исследовательскую неподготовленность отметил А.Н.Самойлович в своем отзыве о "прелестном издании г-жи Беверидж „Бабур-наме"": "свою похвалу мы относим только к турецкому тексту последнего издания" (т.е. к факсимиле) и тут же попенял на неполноту, "неаккуратность указателей г-жи Беверидж", "их малоудовлетворительность" [Самойлович 1908, с. 5 и примеч. 3, с. 1 и примеч. 1, см. также с. 12].

Почти на полвека раньше, в условиях совсем иного состояния техники издательского дела в России середины XIX в., Н.И.Ильминский сумел издать Керов список набором (1857). Само по себе наборное издание такого обширного и сложного сочинения, как "Бабур-наме", было предприятием не только чрезвычайно кропотливым и трудоемким, но также очень смелым, поскольку таило в себе неизбежность ошибочных чтений, описок и опечаток при наборе и даже при выправлении ошибок в наборе. Естественно, наборщику нельзя было вверять уникальный Керов список, включенный в огромный фолиант. К тому же любому, самому квалифицированному наборщику[19] было бы не по силам дать самостоятельно правильное чтение в случаях, например, отсутствия диакритики.

Предложить адекватное чтение памятника можно было, лишь опираясь на глубокое и всестороннее его исследование. Недаром в скором времени появляются лингвистические наблюдения – "Материалы для джагатайского спряжения. Из Бабер-намэ" [Ильминский 1863], общие характерологические сопоставления языка "Бабур-наме" и языка сочинений Алишера Навои [Ильминский 1861]. Работая над подготовкой Керова списка к изданию, Н.И.Ильминский провел большое текстологическое исследование в аспекте как содержательном, так и языковом (см. [Ильминский 1857, с. II–IV]).

Надо думать, Н.И.Ильминский повторил подвиг Г.-Я.Кера и заново переписал его список для набора. При этом перед ним возникали многочисленные сложности, вызванные уже тем, что Кер, по его признанию, "видимо, был мало знаком с восточными наречиями тюркского языка, но он имел прекрасную рукопись и копировал с нее с крайней добросовестностью и аккуратностью" [Извлечения 1883, с. 71]. Трудности были, прежде всего, в отношении диакритики. Как, по-видимому, и в той рукописи, с которой он был скопирован, в Керовом списке диакритические знаки не проставляются в словах, часто употребляемых в тексте или повторно употребляемых дистантно (например, К 120 هرىدىس *hiridin*, К 139 نىچه كون *nečä kün* и ا نىڭ *anyŋ*; К 539b$_{14}$ يىل غه *jylya*. Две одинаковых диакритики подряд в одном слове в Керовом списке (как, собственно, и в Хайдарабадском) заменяются одной (например: К 108 ياىر نيلاك, К 139

[19] Между тем, судя по набору персидской пословицы (БН 151$_{15}$ انكذ ررا آب برد, ср. BN 124a$_6$ آن كذررا آب برد), казанский наборщик, видимо, был не очень сведущ в персидском языке. Это наблюдение немаловажное, поскольку в "Бабур-наме" довольно широко представлены микротексты на фарси (стихотворные цитации, пословицы, поговорки, афоризмы, победные грамоты, а также отдельные фрагменты собственно повествования).

سنیڭ [20] *seniŋ* и يل *jyl*). В ряде случаев соседние подстрочные (реже – надстрочные) диакритики объединяются в единое троеточие (например, К 108 پريب *berib*; К 120 پڭ يله *bek bilä*, см. также К 139; в перечне деятелей искусства при дворе Султана Хусейна находим: К $561b_{13}$ ينه مير عزدا ابدى , Ильминский читает БН 230_5 يه مير غزو ابدى , ср. BN $182b_8$ ينه مير عزو ايدى Случается, что буквы "мим" и "ха-і-хэввэз" в начальной позиции пишутся одинаково (например, К 108 مرتبه *märtäbä* и شاهرخيه *šahruḫija*, соответственно БН $24_{9,10}$ – корректное чтение).

Как правило, в таких случаях, спорных или неясных, Н.И.Ильминский дает правильное чтение, интуитивно придерживаясь, как сказали бы мы теперь, макроправил текста "Бабур-наме", т.е. опираясь на контекст и узуальные написания. Так, بو توشتى كوروب (К $457a_8$) он адекватно читает как بو توشنى كوروب (БН 145_{13}); يلپيب دور (К $559a_{18}$) в соответствии с контекстом – как بيتيب دور (БН 227_6); عجك (К $561a_3$) – как غجك (БН 229_6); именно такие, принятые Ильминским, написания находим в Хайдарабадском списке, см. BN $119b_2$, BN $180b_8$, BN $182a_5$. Иногда оказывается, что он таким образом исправляет дефект чтения обоих списков, см. К $561a_4$, BN $182a_4$ *näymädin wä ahl-i sazdin hič kim,* но БН 229_{6-7} *ahl-i näymädin wä ahl-i sazdin hič kim.*

Н.И.Ильминский восстанавливает редуцированные в Керовом списке написания, см. К $560a_{21}$ *ajtybdurla,* но БН 228_{11} *ajtybdurlar,* то же BN $181b_2$; К $561a_{20-21}$ *baylabtu и nimäla,* но БН 229_{17-18} *baylabtur и nimälar,* то же BN $182a_{13}$; К $558b_{22}$ باعلان , но БН 226_{17} *baylayan,* то же BN $180a_{13}$; ср. еще К $562b_{14}$, но БН 231_{12}; К $565a_3$, но БН 234_6.

В ряде случаев, учитывая смысл, исходя из контекста и узуса, Ильминский в своей работе над Керовым списком устраняет из написания излишние литеры, служебные морфемы, отдельные слова. Ср.
а) К $558a_{13}$ توتكاتيب , но БН 225_{22} *tükatib,* то же BN $179b_{12}$;
б) К $562b_{23}$ جادرلاريغه ينى , но БН 231_{17} *čadyrlaryny,* то же BN $183b_{10}$; К $563a_{11}$ *sujnynyŋ,* но БН 232_1 *sujynyŋ,* то же BN $184a_1$;
в) К $558b_{22}$ *qulay ayryynda,* но БН 226_{17} *qulay ayryyyda,* то же BN $180a_{13}$; г) К $559b_1$ *ḫahär zadäsi dur bolur,* но БН 227_8 *ḫahär zadä-*

[20] Подобным же образом в Хайдарабадском списке систематически отсутствует одна из надстрочных точек в графеме род. падежа نيڭ По причине систематичности такого написания (притом что зубчик второго "нуна" в скорописи почти незаметен) некоторые исследователи склонны считать, что в "Бабур-наме" иногда якобы употребляется аффикс род. падежа *-iŋ,* а не обычный *-niŋ* [Назарова 1979, с. 156].

si dur, BN 181a$_{10}$ *ḫahär zadäsi bolur*; д) К 339a$_5$ *uzun häsän wä ḫoǯa husäjn,* но БН 116$_3$ *uzun häsän (oγly) ḫoǯä husäjn,* BN 94b$_{14}$ *uzun häsän ḫoǯä husäjn.* Для перечня придворных Султана Хусейна в Керовом списке используется конструкция с *jinä bir...* 'еще один...', в издании Ильминского (и в этом оно совпадает с Хайдарабадским списком) при перечислении нередко употребляется только *jinä* 'еще': К 560b$_7$ *jinä bir ahli dur,* но БН 228$_{17}$, BN 181b$_8$ *jinä ahli dur*; аналогичные примеры см.: К 559a$_6$, но БН 226$_{20}$, BN 180b$_2$; К 560a$_{12}$, но БН 228$_5$, BN 181a$_{12}$; К 561a$_3$, но БН 229$_5$, BN 182a$_4$. Иногда такое устранение излишней (дублирующей) морфемы сочетается с включением морфемы пропущенной (а это видно из контекста и смысла всего предложения), как в следующем примере: К 564b$_{13}$ *anyγ bu kelmakini ni,* но БН 234$_1$ *anyγ bu kelmämakini,* то же BN 185b$_2$; см. еще К 76 *keladurganda erdi kim...,* но БН 18$_{10}$ *kela dur erdi kim...,* ср. BN 14b$_8$.

В отдельных случаях в конструкции возможности–невозможности с редуцированным серединным гласным *-a-* (К 177) восстанавливается этот гласный (БН 36), хотя в целом эта специфичная для Керова списка черта в наборном издании сохраняется (ср. К 197, 200, 225 и БН 40, 41, 44–46, но отсутствие редукции BN 32b, 33a, 36a, 37a при ее наличии BN 112b$_5$).

Разумеется, далеко не во всех случаях Н.И.Ильминскому удалось разгадать неясно или с пропуском написанные обороты, см., к примеру: дефектные написания К 469$_{19}$ كورکا كوديک БН 152$_{20}$ كوزكا كوديک, но корректное написание – BN 125a$_4$ *közga körungudek.* Непонятой осталась и в Керовом списке, и в издании Ильминского пословица, которая читается в Хайдарабадском списке так: *teŋ bolmayunča tüš bolmas debturlar* BN 141b$_1$. В Керовом списке здесь у имен либо отсутствует диакритика, либо она проставлена неверно: К 504a$_4$ نينک بولماغانجه توش بولماس ديب تورلار, а Н.И.Ильминский не улучшает чтение: БН 174$_{19}$ كينک بولماغانچه توش بولماس ديب تورلار – его поправки не проясняют текст.

В передаче ряда топонимов и антропонимов (причем не только малоизвестных) обнаруживается некритическое следование Ильминского за некорректным написанием в Керовом списке (даже и в том случае, если там искажаются употребительные в "Бабур-наме" слова: *daban* 'перевал'), вплоть до некорректного морфемного членения в этом списке, примеры: К 484a$_1$, БН 162$_{20}$ كوه سفيدنينک بها رنينک جنوبی دا, но BN 132b$_6$ كوه سفيد تنكنها رنيک جنوبی دا, К 356a$_3$, БН 96$_4$ محسن, но BN 78a$_9$ محن, К 833a$_{12}$, БН 488$_7$ كلپهره, но BN 377a كلير; К 423a$_{15}$, БН 127$_{13}$ وتوق اوتلی دين وابان, но

BN 103b$_6$ دابانديين اشيب ; К 423$_{10}$, БН 127$_{22}$ مسكان , но BN 103b$_{14}$ سكان; К 423a$_{16}$, БН 127$_{14}$ زيرمان و كرمان , но BN 103b$_6$ زيرقان كرنان; К 529a$_{16}$ حبين صوفى Н.И.Ильминским понято как *husäjn sufi* БН 193$_{21}$, но ср. BN 156a$_{11}$ *čin sufi.*

Свободное расположение строк и полустрок на страницах Керова списка в отдельных случаях вводило издателя в заблуждение; так, он мог иногда, как в приводимом ниже примере, приписанную с левой стороны полустроку отнести в конец последующей строки, от чего резко меняется смысл; ср. К 563a$_{11-14}$, BN 184a$_{1-3}$ *kišm sujynyŋ* (К: *sujynynyŋ*) *šarq täräfida čeriklab olturub edilar kim bu özbeklar taŋ bašyda šäbiɣun kelib...*, но с перестановкой: БН 232$_{1-2}$ *kišm sujynyŋ šarqy täräfida čeriklab özbeklar taŋ bašyda olturub edilar kim bu šäbiɣun kelib...*

Точно так же исправление написаний при издании Керова списка не во всех случаях могло быть вполне корректным (здесь мог иметь место и произвол наборщика в отношении непонятных ему слов или необычных словоупотреблений), что дало основание А.С.Беверидж говорить о "произвольном обращении" Н.И.Ильминского с текстом [Beveridge 1923, с. 78]. Так, не всегда находило адекватное истолкование подстрочное троеточие (см. К 828a$_{28}$ دريانينك پردين , BN 369b$_1$ *darjanyŋ ne jeridin,* но БН 478$_6$ *darjanyŋ biridin/beridin*). Иногда в Керовом списке подстрочным троеточием обозначается "син", на этом основании издатель изредка вместо "чим" читает "ха без точки" + "син", как в данном примере: БН 202$_{22}$ حسين صوفى вместо правильного BN 163a چين صوفى .

Бывают случаи некритического переноса диакритики из Керова списка (К 823a$_{24}$, 823b$_1$ *bu bayylar,* то же БН 469$_{23}$, 470$_1$, но корректное BN 363b$_{4,5}$ *bu jayylar*), а иногда и искажения правильного написания в Керовом списке (К 835a$_{10}$ مغفور *mayfur* ар. 'прощенный; усопший', БН 492$_{15}$ فعفور , ср. BN 380b$_{14}$; К 386a$_6$ *ǯäbälanib,* то же BN 89a$_7$, но БН 109$_7$ حببه لايب ; К 383b$_{13}$ *uruštuk,* то же BN 88a$_2$, но БН 107$_{20}$ اوردوشتوك ; К 652b$_7$ *qyrq sekiz jašda,* но БН 340$_{14}$ *on sekiz jašda* (в BN пропуск); К 559a$_{16}$ *bitilmajdur,* но БН 227$_5$ *bitilmabdur,* ср. BN 180b$_7$ *bitimajdur*; К 667b$_{19}$ *uj jasamaq ja tam qoparmaq,* то же BN 274b$_{10}$ с меной союза *ja* на *wä*, но БН 356$_1$ *uj jasamaq ja tamam qoparmaq*; К 558b$_{11}$ سركون , BN 180a$_7$ *bir kün,* но БН 226$_{10}$ *här kün*).

Случается, что неверно разгаданные очертания букв, лишенные диакритик в Керовом списке, получают в казанском издании не к месту поставленные диакритические знаки. См. примеры: БН 176$_8$ *quš*

jyγylur вместо корректного BN 142b$_5$ *quš jyqylur*; бессмысленное в данном контексте БН 179$_2$ *barmaq* вместо надлежащего BN 144b$_8$ *jarmaq* 'деньги'; БН 452$_{14}$ *qulunžny ba bilä bitibsen* вместо нужного BN 349b$_4$ *ja bilä...* (т.е. *qylynž* вместо *qulunž* 'колики, спазмы в желудке' [Буд. II, с. 92]); БН 202$_{18}$ *bir gina taš bilä* вместо BN 163a$_3$ *biz taš bilä,* поскольку *bir* противоречит смыслу, а частица *gina* нарушает ритм данного прозаического фрагмента, построенного на основе лексико-синтаксического параллелизма (см. полностью на с. 168); БН 267$_{2-3}$ سونک قولومدا вместо корректного BN 210a$_1$ *sol qolumda;* семантически маловероятная мотивировка наименования перевала БН 160$_{3-4}$ *barändi atlyq kiši ajtyan üčün* вместо более допустимой: BN 130b$_3$ *parändi atqlyq käntiga inar üčün*; К 488a$_{18}$, БН 165$_{19-20}$ هیچ کیم بیزنی بو ایلکا کومک کیلیب ابدی вместо удобочитаемого BN 134b$_{12}$ *nič kafirlari bu elga kumak kelib edi...* نیچ کافرلاری ; БН 183$_{13}$ *muzyrr bolub edi* 'стал вредоносным', но ср. BN 148a$_{13}$ *muqärrär bolub edi* 'было решено'; К 677b$_{19}$, БН 366$_1$ *jatqanda,* но BN 282a$_9$ *tutqanda.*

Отмечаются также пропуски отдельных служебных морфем и слов, восстанавливаемых по Хайдарабадскому списку, ср. БН 179$_{15}$ *qulluq keldi,* но BN 145a$_6$ *qulluqqa kelai*; БН 167$_{13-14}$ *bir parčä yur bänd teŋisiniŋ čyqyšyda,* но BN 136a$_5$ *bir parčä jerda yur bänd teŋisiniŋ čyqyšyda*; К 728b$_1$ *tört beš miŋ käfir,* то же BN 333b$_9$, но БП 431$_{23}$ *tört beš käfir.* Была элиминирована (правда, только в одном случае) такая стилистическая черта, свойственная "Бабур-наме", как употребление аффикса мн. числа *-lar* в составе приглагольного определения *jaγšy* в целях оценочно-усилительных (см. К 245 *jaγšylar čapqulašty,* то же BN 40a$_{21}$, но БН 50$_9$ *jaγšy čapqulaštylar*). Точно так же поступает И.Н.Березин с *-lar* в данной функции, ср. отсутствие *-lar* в приглагольном *jaγšy* [Березин 1857, с. 85, 98], но его наличие К 7, БН 4; К 48, БН 13. Н.И.Ильминский весьма самокритично оценивал произведенную им текстологическую работу: "...назад тому 26 или 27 лет, когда он не знаком был еще с киргизским и алтайским, – когда не было обширных и важных изданий д-ра Радлова и других серьезных пособий, – он, конечно, не сумел воспользоваться всеми указаниями и намеками рукописи Кера. Теперь ему интересно было бы вновь пройти ее в надежде, что при настоящем состоянии тюркского языкознания, по рукописи профессора Кера можно много исправить в напечатанном прежде тексте... Некоторые варианты, исправляющие опечатки его (Н.И.Ильминского. – *Г.Б.*) издания, были предупреждены им в реестре опечаток, далеко не полном, помещенном на стр. 507 этого издания" [Извлечения 1883, с. 71–72].

Некоторые неисправности текста "Бабур-наме" в издании Н.И.Ильминского обнаружил А.Н.Самойлович. Сопоставляя, с одной стороны, Керов список с Хайдарабадским (в издании А.Беверидж), с другой – А.Н.Самойлович детально изучал издание Ильминского, местами также привлекая к сопоставлению Хайдарабадский список. Об этом свидетельствует сохранившийся в СПбО Архива РАН экземпляр казанского издания "Бабур-наме" с владельческой записью: "П.М.Мелиоранский" (т.е. учитель А.Н.Самойловича). Судя по множеству помет, замечаний, вопросов на полях книги, ученый не один раз принимался за эту книгу, в частности, посвятив работе над ней свой летний отпуск 1915 г. в Териоки (Финляндия), см. [Самойлович. Ф. 782, оп. 1, № 16].

§ 3. Разночтения между двумя списками, основанные на синонимии

Рукописные списки, весьма различные как по времени их копирования (возможно – неоднократного), так и по происхождению и характеру, неизбежно несут в себе следы воздействия многочисленных переписчиков на языковую ткань произведения; недаром Д.С.Лихачев называл средневековых переписчиков, компиляторов, редакторов текста "соавторами" писателя изучаемого произведения [Лихачев 1962, с. 29, 35]. Таким воздействием обусловлены многочисленные расхождения между Хайдарабадским и Керовым списками.

Одна из групп расхождений (ее можно было бы назвать "вкусовой") опирается на синонимию как в лексике, так и в грамматике.

Синонимические отношения часто связывают те различные слова, которые используются параллельно в Хайдарабадском и Керовом списках. Это касается как имен, так и глаголов, как тюркизмов, так и заимствованных слов (арабизмов, фарсизмов в первую очередь, о мене этих последних и тюркизмов см. [Благова 1961, с. 98]). Во многих случаях трудно говорить об определенных тенденциях сознательной избирательности в замене одних слов (как и словоформ) другими применительно к Хайдарабадскому или Керову спискам[21], хотя А.С.Беверидж и пыталась это утверждать [Beveridge 1908, с. 91–94].

Проверяя ее утверждение о том, что в Керовом списке *pijada* 'пеший' регулярно употребляется вместо *jajaq* (то же) в Хайдарабадском списке [Beveridge 1908, с. 91], мы, действительно, заметили

[21] Поскольку А.С.Беверидж, по ее собственному признанию, "ради удобства" писала о Керовом списке по его казанскому изданию [Beveridge 1908, с. 86], мы считаем возможным также придерживаться этого принципа, однако в случае необходимости привлекая и сам Керов список.

нескольких таких замен, ср. БН 137_{19} *bir pijada,* но BN $112b_{14}$ *bir jajaq*; дважды такая замена осуществлялась в контексте более обширных расхождений, ср. БН 261_{9} *inisi pijada läškärdin qačyb čyqyb,* но BN $205b_{14}$ *inisi jajaq čerikdin qačyb kelib;* БН 267_{23} *bu pijada bolyan kiši šah bek özi ekandur,* но BN $210b_{4}$ *bu jajaq tüškan šah bek özi ekandur.* Тем не менее было бы рискованным говорить о жесткой закрепленности *pijada* за Керовым списком, *jajaq* за Хайдарабадским. Заимствование *pijada* не было вовсе чуждым Хайдарабадскому списку, см. *bir pijadä* БН 391, BN 302a и прозвище *dost pijada,* представленное в обоих списках – BN $203b_{11}$, БН 258_{9}. В свою очередь в Керовом списке частотность *jajaq* оказывается даже выше, чем у *pijada*; см. *jajaq* БН 137_{1}, BN $112a_{6}$; БН 138_{2}, BN $113a_{1,8}$; БН $277_{2,3}$, BN $217a_{3,4}$[22]. Точно так же нельзя согласиться с А.С.Беверидж, когда она, считая написание يلنک не свойственным манере выражения Бабура, связывает его именно с Керовым списком, а написание يالانک – с Хайдарабадским. На самом деле в Керовом списке используются оба этих написания (см., например, يالانکاچ БН 251_{18}, BN $198b_{13}$), а третья разновидность написания – без первого алифа – يلانک представлена в том и другом списках, см. БН 278_{14}, BN $218a_{7}$.

Было бы справедливо говорить о том, что в Хайдарабадском списке явственнее проявляется избирательная тенденция Бабура в отношении имени бога: здесь используется исключительно *teŋri.* В Керовом списке даже в таких стандартизованных формулах, какими являются формулы набожности, в отдельных случаях *teŋri* заменяется на *ḫuda(j)* или *allah,* ср. BN $211a_{9}$ *teŋriga täwwäkul qylyb* но БН 268_{22}, К $594a_{4}$ *ḫudaj tä'alaya täwwäkul qylyb*; BN $210b_{12}$ *teŋri rast kelturdi,* но БН 268_{10} *allah tä'ala rast kelturdi.*

Известные разночтения наблюдаются и в других языковых формулах. Так, в формуле наказания наблюдается варьирование глагольного компонента: *jetkur-* 'доводить, доставлять, допускать' [Буд. II, с. 349 – чаг.] и *tekur-* 'доставить, нанести, попасть в цель, причинить кому что' [Буд. I, с. 420], причем, по Л.З.Будагову, и тот, и

---

[22] Можно привести, однако, и случаи, совсем не малочисленные, когда в Керовом списке явно предпочитается тюркский способ выражения, между тем как в Хайдарабадском предпочтение отдается арабско-персидскому. Например: *bu ḫijalimni hič kim bilmas edi wä häm hič kimga ajtmaj dur edim* БН 125_{8-9}, но *bu ḫijalimdin hič kiši sahib-i wuquf emas edi kišini sahib-i wuquf häm qylyb bolmas edi* BN $102a_{2-3}$ 'Об этой моей задумке никто не знал (BN букв.: никакой человек не был обладателем знания), и я тоже никому не говорил (BN букв.: [ни] человека не надо было делать обладателем знания)'.

другой вариант допустимы, см. *jasaqqa jet-* 'быть наказанным, казненным', *jasaqqa jetkur-/ tekur-* 'подвергнуть наказанию, казнить' [Буд. II, с. 329]. См. БН 275_{9-10} *jasaqqa jetkurgajlar,* но BN $215b_{11-12}$ *jasaqqa tekurgajlar*; аналогичное варьирование см. также БН 46_{10} и BN $37a_{7-9}$; БН 196_{14} и BN $158a_{11}$; БН 324_{16-17} и BN $251a_{14}$. См. также мену вариантов *qol – elik* 'рука' в следующей формуле: *quryan elikka kirar ekandur* BN $106b_{1-2}$ и *qäl'a qolya kirar ekandur* БН 130_{21-22}; здесь же налицо мена синонима – тюрк. *quryan* 'укрепление, крепость' и ар. *qäl'ä* 'крепость, замок укрепленный'. Разночтения, связанные с синонимией *qol – elik* при синтаксической вариативности, см. также БН 271_{11} и BN $213a_{6}$.

Приведем еще несколько примеров таких синонимических замен – как отдельных слов, так и словосочетаний: BN $102b_{10}$ *baš ajaq* и БН 126_{8-9} *sär-u paj*; БН 132_{10-11} *jaŋšy jigitlarimizni* и BN $107b_{11-12}$ *abadan kišilarimni*; BN $103b_{14}$ *ŋožänd sujyny kečib* и К $423b_{10}$, БН 127_{22-23} *ŋožänd darjasyny... ötib*; БН 132_{18} *sämärqänd dek jerni, šäjbani ŋan* и BN $108a_{6}$ *sämärqänd dek šähärni, šäjbaq*; БН 271_{10} *čarlab* и BN $213a_{4}$ *tilab*; BN $112a_{7-9}$ *tüzga čyqaryb qylyč tegurur mähälda* и К $441b_{6-7}$, БН 137_{3-4} *mäjdanya tegurub qylyč salur wäqtta*; BN $114a_{1}$ *žilawymny jandurdum* и К $445a_{4}$, БН 138_{19} *žilaw qajtaryb edim*; BN $211a_{9-10}$ *näqarä qaqyb yanim sary baqyb jüruduk* и К $594a_{4-5}$, БН 268_{22-23} *näqarä čalyb yanim täräfyya jüruj berduk.*

Рассматривая приведенные выше пары синонимов, в целом можно говорить, что в Керовом списке заметно предпочтительнее арабизмы и фарсизмы (см. ар. *qäl'ä,* перс. *sär-u paj,* перс. *darja,* перс. *mäjdan,* ар. *täräf*), а в Хайдарабадском – тюркизмы (ср. *quryan, baš ajaq, suw, tüz, sary*). Однако абсолютизации такого вывода препятствуют случаи предпочтения тюркизма в Керовом списке (*jaŋšy, jer*), фарсизма (*abadan*) или арабизма (*šähär*) в Хайдарабадском, притом что могут варьироваться и оба арабизма (*mähäl – wäqt*). Лексическая вариантность в соединении с вариантностью синтаксической дает перефразировку, которой отличаются один от другого Хайдарабадский и Керов списки. См. BN $105a_{1-2}$ *meniŋ bilä bolyan üč kiši dedilar kim bolyan čerik eli tämam kettilar,* ср. БН 129_{4-7} *bu üč kiši kim meniŋ bilän birga edi dedilar kim biznіŋ čerik barysy ketti.* Как и в приведенном выше примере, в следующем, Хайдарабадском списке представлена причастная конструкция, в Керовом – союзное придаточное предложение: BN $108a_{4}$ *mäŋä kirgan jerlarni kičik ŋanya berdilar,* но БН 132_{16} *bu jerlar kim meŋä kirib edi kičik ŋanya berdilar.* Ср. об-

стоятельство места, выраженное местн. падежом имени в Хайдарабадском списке, и бессоюзное обстоятельственное придаточное в Керовом: BN 104b$_{4-5}$ *jarym kečä andiǯannyŋ bir guruhyda čildaḫtäran rubärujyya kelduk,* но БН 128$_{16-17}$ *tün jarymyda čil daḫtärannyŋ rubärujyda bir guruh andiǯan bolγaj anda tüštuk.* В Хайдарабадском списке налицо одно предложение (правда, с пропуском имени адресата действия – *kičik* вместо *kičik ḫanγa*); по смыслу оно несколько отличается от тех двух предложений, которые соответствуют ему в Керовом списке при ином глагольном оформлении, ср. BN 108a$_7$ *ḫožänd darjasiniŋ žänubi andiǯan bašlyq wilajätlarni kičik bermak kerak,* но БН 132$_{19-21}$ *ḫožänd sujydyn nary žänubi täräfi tükal sanqa berajik wä özgalarni andiǯan bilän kičik ḫanγa berduk*; см. еще аналогичные примеры: BN 105a$_{5-8}$ и БН 129$_{9-12}$; BN 111a$_{14}$–b$_1$ и БН 136$_{11-12}$; BN 112a$_3$ и БН 136$_{22}$.

Многочисленны замены также в области грамматики. Взаимозаменяемы, например, отыменный глагол на *-la* (*oqladylar* BN 112a$_9$) и аналитический глагол (*oq urdylar* К 441b$_7$, БН 137$_4$). В составе аналитического глагола именной компонент может иметь при себе в качестве стилистического усилителя аффикс мн. числа *-lar* (BN 183b$_3$ *ne aŋizlar qylur ekin deb*) или не иметь его (БН 231$_9$ *ne aŋiz qylur ekin deb*).

Один из важнейших характерологических признаков текста "Бабур-наме" – это сочетание повествования субъективированного и объективированного (с неявно выраженной субъектной отнесенностью к 1-му лицу) типов со специфичными для каждого из них ядерными языковыми явлениями: для первого – формы 1-го лица, для второго – отсутствие аффиксов принадлежности 1-го лица, страдательный залог 3-го лица, используемый здесь в целях "литературной скромности" (см. об этом ниже, с. 69–92). А.С.Беверидж сумела уловить одну сторону этой специфики памятника, утверждая, что Бабур "определенно безличен в своей форме выражения", а из этого был сделан некорректный вывод: посессивные показатели 1-го лица, например в *ekanim, ajaqlarym,* "не соответствуют стилю Бабура" [Beveridge 1908, с. 93]. Это ее заключение не подтверждается почти равномерной взаимозаменой глагольных форм основного залога (как правило, 1-го лица) и страдательного залога (3-го лица) в обоих списках. Так, страдательному залогу с вин. падежом объекта в Хайдарабадском списке (см. BN 24b$_{8-9}$ *sözni bu jerga qojuldy kim...*; BN 25a$_7$ *jibaryldy*; BN 93b$_{13}$ *ejürulub* ايورولوب [см. Буд. I, с. 168]; BN 55b$_5$, 209a$_4$ *at-*

lanyldy; BN 109b$_2$ *astaraq jüruldi*; BN 218a$_{12}$ *säjr qylyldy*) соответствует в Керовом списке форма основного залога, чаще всего – 1-го лица ед. или мн. числа (см. БН 31$_9$, К 144$_{14}$ *sözni bu jerga qojdylar kim...*; БН 31$_{23}$, К 148$_3$ *jibarduk*; БН 114$_{20}$, К 395b$_{11}$ *äwüjurub* ويورو | [см. Буд. I, с. 158]; БН 69$_9$, К 304a$_5$ *atlandym*; БН 265$_{21}$, К 591b$_3$ *atlanduq*; БН 134$_{10}$ *sekinraq jürub eduk*; БН 278$_6$, К 603a$_3$ *säjr qylduk*). И наоборот – страдательный залог в Керовом списке (БН 64$_{21}$ *wä'da qylylmajdur edi*; БН 130$_{21}$ *barylsa*; БН 227$_5$ *bitilmabdur*, К 559a$_{16}$ *bitilmajdur;* БН 274$_{13}$, К 600a$_4$ *kelindi*), но соответствующие формы основного залога 1-го и 3-го лица в Хайдарабадском списке (см. BN 51b$_{12}$ *wä'da qylmajdur edi*; BN 106b$_1$ *barsaq*; BN 180b$_7$ *bitimajdur*; BN 215a$_9$ *kelduk*), см. с. 86. Варьируются допустимые в обоих списках афф. страдательного залога *-(I)l-*, *-(I)n-*, см. BN 213a$_{4-5}$ *mäšwärät qylyldy* и БН 271$_{10}$ *mäšwärät qylyndy*.

Наблюдается окказиональный параллелизм в употреблении временны́х форм в обоих списка́х: на *-(I)btur* (БН 5$_{20}$ *hälak bolubtur*) и *-(U)r* (BN 4b$_6$ *hälak bolurlar*), формы на *-mAj dur* (BN 103b$_3$ *meni tanymajdur*) и прошедшего категорического (БН 127$_{10}$ *tanymady*), формы на *-(I)b edi* (БН 54$_1$ *čyqyb edi*; БН 138$_{19}$, К 445a$_4$ *qajtaryb edim*; БН 273$_{21}$ *olturmab edim*) и либо прошедшего категорического (BN 43a *čyqtylar*; BN 114a$_1$ *jandurdum*), либо давнопрошедшего на *-ɣan edi* (BN 214b$_{11}$ *olturɣan emas edim*).

Расхождения в области глагола могут опираться также на окказиональный семантический параллелизм временной формы на *-(U)r* и долженствовательной конструкции или соответствующей перифрастической (ср. БН 54$_{16-17}$ *salurbyz* и *ketar*, но BN 43b$_{9-10}$ *salmaq kerak* и *ketar bolur*); на подобной же взаимозаменяемости форм повелительного наклонения 3-го лица (БН 272$_{19}$ *čyqsunlar*, БН 274$_{18}$ *desunlar*) и желательного на *-ɣaj* (ср. BN 214a$_4$ *jürugajlar*, BN 215a$_{14}$ *degajlar*); на возможной вариантности позиции аффикса мн. числа при выражении его в аналитических глагольных формах (ср. БН 50$_{20-21}$ *derlar edi*, но BN 41b$_9$ *der edilar*). См. риторический вопрос с частицей *mu* 'ли' при временной форме глагола BN 205a$_6$, но отсутствие вопроса БН 260$_{7-8}$.

Ряд расхождений основан на возможности взаимозамены в инфинитных конструкциях: а) причастия на *-(U)r*, беспадежного или падежного (см. БН 54$_{11}$ *quryandyn čyqarlary*; БН 61$_{22}$ *kešniŋ qabilijäti šähär bolurɣa*; BN 208b$_4$ *jyɣyluryɣa*; BN 210b$_3$ *oq qojar ɧijal qylqy*) и имени действия на *-mAq* (ср. соответственно BN 43b$_3$ *quryandyn*

čyqmaqlary; BN 49b$_1$ *kešniŋ qabilijäti šähär bolmaqqa*; БН 265$_{21}$ *jyɣyšturmaqqa*; БН 267$_{21}$ *oq atmaqny ḫijal qyldy*); б) деепричастий на *-A* и на *-(I)b* в сочетаниях с другими глаголами (ср. BN 40a$_{6,8}$ *jandura bergaj*; BN 43a$_{11}$ *tüšura čyqyb*, см. также БН 295; но БН 50$_{4,6}$ *jandurub bergaj*; БН 54$_5$ *tüšurub čyqyb*, см. BN 230b); в) причастно-падежной конструкции на *-ɣanda* (см. БН 48$_{18}$ *jawuq jetganda*; БН 298$_2$ *aftab čyqanda*; БН 26$_{14}$ *ekanda*; БН 272$_{18}$ *atlanɣanda-oq*) и либо деепричастия на *-A* (ср. BN 39a$_2$ *jawuq jeta*; BN 232a$_{11}$ *aftab čyqa*), либо причастных беспадежных конструкций *-ɣan fyrsatlar* (BN 21a$_3$ *ekan fyrsatlar*) и *-ɣan bilä* (BN 214a$_3$ *atlanɣan bilä*).

Применительно к именному словоизменению расхождения между списками наиболее многочисленны в области склонения. Значительная часть расхождений здесь связана со свойствами тюркского основного падежа. Наблюдается взаимозамена следующих падежей: а) родительного (см. БН 10$_{13}$ *mirzaniŋ täsarrufida*; БН 11$_{23}$ *čaɣataj ḫannyŋ näslidin*; BN 45b$_6$ *sämärqändnyŋ arkida*) и основного (ср. BN 8b$_3$ *mirza täsarrufida*; BN 9b$_4$ *čaɣataj ḫan näslidin*; БН 57$_3$ *sämärqänd arkida*); б) винительного (см. БН 30$_{10}$ *oɣlanlaryny čuhrä qylur*; БН 59$_4$ *ajwannyŋ ičida bir uluɣ tašny taḫt qojubtur*; БН 132$_{16}$ *bu ʿuzrny ajttylar*; BN 183b$_2$ *ajmaqny öziga qošsa*) и основного (ср. BN 24a$_3$ *oɣlanlary*; BN 47a$_{11}$ *...taš...*; BN 108a$_3$ *mundaq ʿuzr ajttylar*; БН 231$_8$ *ajmaq...*); в) местного (см. БН 2$_{15}$ *šimali ǯanubida;* БН 60$_3$ *šärq täräfidadur*; БН 61$_9$ *sämärqändnyŋ ǯanubidadur*; БН 265$_{21}$ *uruš wäqtida*; BN 273b$_4$ *bäʿzi jerlarda*) и основного (ср. соответственно BN 2a$_5$ *šimali ǯanubi;* BN 48a$_9$ *šärq täräfidur*; BN 94a$_4$ *sämäqändnyŋ ǯanubidur*; BN 209a$_7$ *uruš wäqti*; БН 354$_8$ *bäʿzi jerlar*); г) дательно-направительного (см. BN 41b$_4$ *elikka tüšti*; BN 52a$_2$ *andiǯanya baryb*; BN 120a$_4$ *ilak jajlaɣyɣa... kelib tüštum*) и основного (ср. БН 51$_{21}$ *elik tüšti*; БН 65$_3$ *andiǯan baryb*; БН 146$_{10\text{-}11}$ *iläk jajlayy kelib*); д) исходного (см. BN 55a$_7$ *ajrylyandyn beklardin ʿäli därwiš bek...* – некорректное повторение исх. падежа; BN 272b$_3$ *käšmirdin ötkač*) и основного (ср. БН 68$_{21}$ *ajrylyandyn beklar ʿäli därwiš bek...* – корректное написание; БН 352$_{23}$ *käšmir ötkač*).

Некоторые различия основаны на возможности замены род. падежа определения на винительный падеж в составе определительного словосочетания. Для характеристики идиолектов переписчиков Хайдарабадского списка и коренной рукописи Керова списка важно отметить, что в Хайдарабадском списке такая замена наблюдается редко, в Керовом списке – сравнительно часто. См. род. падеж (BN 38b$_{14}$

ḫožä munir oši:niŋ aŋizi bilä; BN 53a$_7$ *häsänniŋ nukäri*; BN 210a$_{12}$ *biziniŋ žuwänyar*; BN 232b$_3$ *päršawärniŋ näwahisida*), но винительный (БН 48$_{15}$ *ḫožä munir oši:ni egizi bilä*; БН 66$_1$ *häsänni nukäri*; БН 267$_{15}$ *bizni žuwänyar*; БН 268$_9$ *päšawärni näwahisiya*). Изредка встречаются расхождения обратного порядка: в определительном сочетании в Хайдарабадском списке употреблен винительный падеж (см. BN 41a$_9$ *'älišir bekni ryqqät-i qalbyya*; BN 338b$_{11}$ *afyanlarny jäsirini*), в Керовом – родительный (БН 51$_{17}$ *'älišir beknin ryqqät-i qalbyya*; БН 438$_{14}$ *afyanlarnyŋ jäsirini*). Ср. также примеры на с. 268–270.

"Краткий" аффикс винительного падежа *-n* в именах, снабженных показателем принадлежности 3-го лица, в Хайдарабадском списке употребляется чаще (см. BN 35a$_6$ *tarhin*; BN 40a$_6$ *žihätin*; BN 230b$_4$ *kišisin*), чем в Керовом списке: ср. в соответствующих случаях наличие аффикса *-ny* (БН 43$_{20}$ *tarhini*; БН 50$_4$ *žihätini*; БН 295$_{19}$ *kišisini*); аналогичное расхождение можно видеть в некоторых стандартизованных формулах, например в формуле прощения (см. об этом ниже, с. 147–148).

Другой вид расхождений основан на известном функциональном параллелизме так называемых пространственных падежей: а) дат.-напр. (см. BN 10b$_{12}$ *kabulya keldilar*; BN 55b$_4$ *ḫožändqa ötkarildi*; BN 238b$_6$ *bu čarqunčynyŋ arqasyya*; BN 327b$_{10}$ *kölniŋ ičiga bardylar*) и местного падежа (ср. БН 13$_{13}$ *kabulda keldilar*; БН 69$_8$ *ḫožändta ötkarildi*; БН 307$_2$ *bu čarqunčynyŋ arqasyda*; БН 424$_6$ *kölniŋ ičida bardylar*); б) исходного (БН 35$_{18}$ *ölgandin soŋra*; БН 422$_8$ *fäthidin soŋ*; BN 240a$_{13}$ *bu uluy jylannyŋ ičidin*) и местного падежа (ср. BN 28a$_3$ *ölganda*; BN 326a$_4$ *fäthida soŋ*; БН 309$_9$ *bu uluy jylannyŋ ičida*).

Еще один вид расхождений вызван возможностью взаимозамены дат.-напр. падежа, с одной стороны, и послеложных конструкций или сочетаний со служебными именами – с другой, притом что от списка к списку варьируются и сами послелоги, служебные имена (подробнее см. [Благова 1961, с. 96–97]).

§ 4. Керов и Хайдарабадский списки: отношения взаимодополнения и взаимоверификации

В Керовом списке и соответственно в издании Ильминского представлен ряд ярко диалектных черт (примарных диалектных признаков), преимущественно фонетических, и некоторые аномальные языковые явления. Как правило, подобные примарные диалектные признаки не характерны для чагатайского литературного языка. Не под-

держиваются они и данными Хайдарабадского списка. На этом основании они должны быть квалифицированы как не отвечающие макроправилам языка изучаемого текста и принадлежащие идиолекту переписчиков (иногда – за счет ошибок переписчиков).

Примеры из области фонетики: а) переход *-č-* > *-š-*: К 308b$_{20}$, БН 72$_{10}$; К 336b$_{21}$, БН 86$_{22}$ *qašty*, но BN 58a$_{5}$, BN 70a$_{11}$ *qačty*; б) придыхание вместо йотации в начале слова: К 486b$_{5}$, БН 164$_{4}$ *qara hemiš*, но BN 133b$_{6}$ *qara jemiš*; в) отсутствие йотации в анлауте: К 395a$_{21}$, БН 112$_{3,7}$; БН 114$_{19}$ *yraq*, но BN 91b$_{3,8}$; BN 93b$_{13}$ *jyraq*; г) широкий гласный *-a-* (вместо узкого *-y-*) в аффиксе исх. падежа: К 421b$_{8}$, БН 126$_{14}$ *täškänd tan*, но BN 103a$_{1}$ *täškänddin*; ср., однако, BN 225a$_{10}$ *čeriklagandan*, но БН 288$_{18}$ *čeriklagandin*; д) веляризация дат.-напр. падежа местоимения 1-го лица ед. числа: БН 132$_{16}$; БН 134$_{4}$; БН 138$_{6}$; К 455a$_{11,19}$, БН 144$_{23}$; БН 145$_{7}$ *mänqa* منقا, но BN 103b$_{13}$; BN 108a$_{4}$; BN 109a$_{11}$; BN 113a$_{14}$; BN 119a$_{3,9}$ *mäŋä* منكا К 441b$_{10}$, БН 137$_{5}$ *manγa* منغا, но BN 112a$_{13}$ *mäŋä*; е) указат. местоимение ‘тот’ в виде открытого слога (вместо закрытого); послелог ‘вместе с, с’ в виде закрытого слога (вместо открытого): К 558b$_{11}$ *o ǯumlädin*, но BN 180a$_{7}$, БН 226$_{9}$ *ol ǯumlädin*; К 423a$_{16}$, 423b$_{10}$, БН 127$_{9,23}$ *biläп*, но BN 103b$_{3,14}$ *bilä*. В качестве морфологической диалектной черты можно рассматривать плеонастическое употребление аффикса принадлежности 3-го лица: К 460$_{11}$, БН 146$_{14}$ *eginilarida*, но BN 120a$_{8}$ *eginlarida*.

Примеры аномальных морфологических явлений в Керовом списке: а) отсутствие согласования в лице между местоименным определением и именным определяемым (с аффиксом принадлежности): БН 254$_{10}$ *meniŋ qašyda*, но ср. корректную форму BN 201a$_{1}$ *meniŋ qašymda*; б) усложнение аналитической временно́й формы 1-го лица мн. числа за счет присоединения аффикса мн. числа *-lar* к временно́й основе: БН 167$_{11}$ *derlar eduk*, но BN 136a$_{3}$ *der erduk*; в) усложнение формы повелительно-желательного наклонения 1-го лица: К 562$_{7}$, БН 231$_{10}$ ا يليكلاكا لينك, но BN 183b$_{4}$ *eliklaliŋ*; г) повторенное наречие с послелогом *bilä*: К 395a$_{21}$, БН 112$_{7}$ *jyraq jyraq bilä čyqa kiriштilar*, но BN 91b$_{8-9}$ *jyraq jyraq čyqa kiriштilar*.

Из числа аномальных синтаксических явлений в Керовом списке наблюдаются следующие:

а) глагольное управление род. падежом вместо вин. падежа прямого объекта, причем такие случаи далеко не единичны в Керовом списке и соответственно в издании Ильминского. См. БН 8$_{9}$ *baba ka-*

buli:niŋ bek at(a)ka qylyb, но BN $6b_{10}$ *baba kabuli:ni bek at(a)ka qylyb*; БН 16_{14} *munyŋ ešik iḫtijari qylyb*, но BN $13a_{11}$ *muny ešik iḫtijari qylyb*; К $455a_{8}$, БН 144_{12} *meniŋ sizga jibardilar*, но BN $118b_{7}$ *meni sizga jibardilar*; К $493a_{12}$, БН 169_{2} *bu suwnyŋ men aryq qazdurdum*, но BN $137a_{9}$ *bu suwny...*; БН $270_{4,5}$ *ḫäzanäniŋ zäbt qylyb, anyŋ tilamaj*, но BN $212a_{6,7}$ *ḫäzanälarni zäbt qylyb, any tilamaj*; К $807b_{15}$, БН 461_{5-6} *biharniŋ iskändärni oyly mähmud alyan*, но BN $356b_{1}$ *biharni iskändärni oyly mähmud alyan*. Как единичный случай отмечено в Керовом списке управление исх. падежом глагола *bayyšla-* 'простить (вину), дарить' (взамен вин. падежа) в стандартизованной языковой формуле: К $634a_{26}$, БН 315_{20} *günahlaridin bayyšlab*, но BN $245a_{6}$ *günahlarin bayyšlab*; б) отсутствие аффикса принадлежности в составе определяемого при наличии определения в род. падеже; см.: К $563b_{17}$, БН 232_{17} *sultan husäjn mirzanyŋ fäwtiniŋ ḫäbär edi*, но BN $184b_{2}$ *...fäwtiniŋ ḫäbäri edi*. Аналогичное отсутствие посессивного аффикса см.: БН 16_{8-9}; БН 39_{10-11}; БН 167_{2-3}; БН 202_{1}; К $558a_{10}$, БН 225_{19} при наличии его в соответствующих фрагментах Хайдарабадского списка: BN $13a_{6}$; BN $31b_{3-4}$; BN $135b_{10}$; BN $162a_{14}$; BN $179b_{9}$. Вместе с тем и в Хайдарабадском списке отмечена возможность отсутствия аффикса принадлежности в данных условиях, ср. BN $14a_{4}$ *andiǯannyŋ qošun beklardin*, но БН 17_{14} *andiǯan qošun beklaridin*. Наличие подобных случаев в обоих списках (см. БН 330_{13}, BN $255b_{6}$) позволяет считать их проявлением не только невнимательности переписчиков, но также некоторых побочных тенденций языковой эволюции (см. ниже, с. 260 и сл.). Н.И.Ильминский в своем издании сохранял подобные экзотизмы, видимо, в силу бережного отношения к языковым фактам, тем более таким редкостным.

Благодаря лингвотекстологической работе над двумя списками подобные экзотизмы и примарные диалектные признаки удается квалифицировать как наслоения разного рода.

В плане установления корректных чтений интерес представляет экзотическая лексика, связанная с описаниями Афганистана и особенно Хиндустана, в частности его флоры и фауны. Здесь много разночтений между обоими списками, ср. К 489_{8}, БН 166_{11}, БН 174_{4} نوجه, но BN $135a_{11}$, BN $141a_{1}$ لوجه; БН 362_{6} كنجک, но BN $279a_{13}$ كنجل и многие другие (М.А.Салье принял чтение *луча* и *канджал* [Бабур-наме 1958, с. 159, 165 и 323]).

Изобилует разночтениями ономастика (особенно экзотическая), часть из них обусловлена неразборчивым, без диакритических зна-

ков написанием в Керовом списке, неуверенным или некорректным чтением Ильминского, нередко, вероятно, и "самодеятельностью" наборщика (ср., к примеру: БН 206_{11-12} غربی یدیع الزمان вместо BN $165b_{13,14}$ *bädiʿ az-zäman, yazni*). См. БН 292_3 *baba ḫan qyzy*, но правильное BN $227b_9$ *baba ḫan qäbuzi*; К $833b_{14}$ بوس , БН 489_{15} توسن , но BN $378b_2$ توس К $470a_{18}$ پنجهر и BN $125b_{10}$ پنجهیر , но БН 153_{20} پنجشیر К $356a_8$ دست چمان и BN $78a_{12}$ دشت خسبان , но БН 96_7 دست حسان ; К $833a_2$ اسمعیل حلوانی BN $377a_5$ то же, но БН 487_{20} اسمعیل جوانی ; BN $376a_4$ اولیا خان اشراقی , К $832a_{26}$ اولیا خان اشراطی , но БН 486_{13} اولیا خان استرانی ; БН 135_{23} میرغینان вместо правильного BN $111a_{11}$ *maryinan*; БН 249_{20} *iki kösk*, но BN 229_{13-14} *tiski kösk*; БН 271_{12} *türkdin wä tažikdin*, но BN $213a_7$ *türk wä čayatajdin*.

Характерно, что сильные искажения переписчиками собственных имен и в особенности малоизвестных географических названий наблюдаются также в заимствованных из "Бабур-наме" разделах текста "Хабиб ас-сийар" Хондамира, и для исследователя этих текстов причины таких искажений вполне понятны [Миклухо-Маклай 1963, с. 248].

Иное отношение у А.С.Беверидж вызывали подобные ошибки, описки, опечатки в издании Н.И.Ильминского, по которому она судила о Керовом списке. Обилие подобных дефектов послужило для нее основанием называть Керов список (а вслед за ним и наборное издание) по-женски эмоционально "серией ошибок" [The Bābur-nāma in English. 1922, c. LV, см. также с. LI], "истинной комедией непредумышленных ошибок и недоразумений" [Beveridge 1923, с. 75].

Между тем, как и в любом другом, в Хайдарабадском списке наблюдаются описки, иногда и ошибки (в том числе языковые) переписчика, которые можно устранить при обращении к Керову списку или его изданию. Имеются в виду, например, нижеследующие случаи:

а) наращение начального алифа: BN $180a_{13}$ ایاغلیغ вместо нужного *jaylyq* [см. Буд. II, 333: ʿплаток, фуляр'] в конструкции: *...jaylyq baylayan üčün* БН 226_{17}, К $558b_{22}$;

б) пропуск начального алифа и как результат – некорректное морфемное членение, см. BN $159a_5$ سوزنینک سوزی ایدی, но *söz anyŋ sözi edi iš anyŋ iši edi* БН $159a_5$; пропуск конечного алифа: BN $341a_5$ *ortad* вместо нужного *ortada* К $738a_{23}$ (БН 441_{15} – ошибка: *otarda*); некорректная форма ар. мн. числа BN $314b_3$ وزارنیک вместо правильной К $705b_5$, БН 408_8 وزرانینک.

в) замена одной конечной буквы другой: BN 165a$_1$ تاوش вместо تاوق в предложении *tawuq häm urušqa salur edi* БН 205$_6$, К 540b$_9$;

г) наличие излишнего союза *wä* в сложном слове *keča künduz* 'сутки', самостоятельная морфема *miŋ* 'тысяча' прочитана как служебная – афф. род. п. *-niŋ*, см. BN 288b$_{13-14}$ كيچه و كوندوزنينك в таком предложении: *keča künduz miŋ tört jüz qyrq daqyqa bolγaj* БН 374$_{20-21}$, причем дефектное чтение Хайдарабадского списка отражено в переводе М.А.Салье: "в сутках получается четыреста сорок (! а не тысяча четыреста сорок. – *Г.Б.*) минут" [Бабур-наме 1958, с. 333];

д) пропуск служебных морфем: BN 163a$_2$ اوغلانلارى و بيكلارى تيلاتيب, но БН 202$_{18}$ *oγlanlaryny wä beklarini tilatib* 'заставив созывать (букв. требовать) своих сыновей и беков';

е) произвольная замена глагольного компонента, притом в некорректной форме, в составе языковой формулы (= фразеологизма), см. BN 215a$_3$ *uruš kelturdurlar*, но БН 274$_5$ *uruš salurlar*. Вообще, в каком бы из списков ни нарушалась языковая формула, это обязательно связано с порчей текста в этом месте, см. БН 275$_1$ *beklar kičik uluγ* (нарушен порядок следования прилагательных в формуле *uluγ kičik*), ср. BN 215b$_5$ *bek wä bekät uluγ kičik* (т.е. налицо две формулы, правильно написанные). Точно так же еще одна формула – *bu sözlar araγa tüšti* (BN 213a$_5$; ср. *söz düšmek* 'пасть слову, коснуться чего в разговоре', с *-dan* [Буд. I, с. 397]) – в издании Ильминского представлена менее корректно: БН 271$_{10}$ *bu sözlar önga(ünga?* – اونكا) *tüšti*. О синонимических заменах высокочастотного в "Бабур-наме" *teŋri* на *allah* или *ḫuda(j)* в составе формул набожности в издании Ильминского см. выше с. 31. В одном и том же текстовом фрагменте наблюдаются пропуски слов, разных в Керовом и Хайдарабадском списках, а это дает возможность осуществить хотя бы смысловую реконструкцию дефектного текста. Ср. БН 200$_4$ *ošol zäman ǯan täslim qyldy ildam edi* и BN 161a$_{3-4}$ *ošal zäman ǯan qyldy ildam kelilib edi* (подчеркнуты пропущенные слова в том и другом списке). В другом примере из двух именных определений одно пропущено в издании Керова списка, но зато правильно написано определяемое, которое в Хайдарабадском списке представлено в некорректном виде, ср. БН 151$_{15-16}$ *däwlätniŋ intiqalida* 'при уходе (букв. перемещении) его могущества', BN 124a$_6$ دولتى نينك و نوكرى نينك اشقالى دا В нижеприводимом примере в каждом из списков имеются лишние либо слово (в Керовом), либо слог (в Хайдарабадском),

которые заключены в квадратные скобки: К 474a$_{1-3}$, БН 156$_{15-17}$, BN 128a$_{2-3}$ *räbi' al-awwal* [К: *al-aḫir*] *ajynyŋ awaḫirida teŋri tä'ala fäzl wä kärämi bilä kabul wä yazni mülk wa wila:jäti* [BN: *sa*]*ni bi žäŋ wä žädäl mujässär wä musäḫḫär qyldy*. Ср. также разные чтения фрагмента текста К 423b$_{6-7}$, БН 127$_{23}$, но BN 103b$_{14}$ – 104a$_{1}$. По-разному написанный в том и другом списках топоним реконструируется при учете обоих написаний, см. BN 128a$_{4}$ پرشا دور, К 474a$_{10}$, БН 156$_{18}$ پشا ور, ср. *Пуршавар* [Бабур-наме 1958, с. 151]. BN 23b$_{4-5}$ содержит зачеркнутый (неправильно понятый переписчиком) фрагмент предложения, которое полностью восстанавливается по БН 29$_{19-20}$.

Подобные примеры, число которых можно увеличить, показывают, что оба списка находятся в отношениях взаимодополнения друг к другу, и отвергать саму возможность такого взаимодополнения предвзятостью суждений о малоценности Керова списка и его издания, по меньшей мере, неразумно.

Вместе с тем Хайдарабадский и Керов списки совпадают во множестве написаний специфических – как известных, так и, видимо, неизвестных переписчикам – слов. Ср., например: а) на одной странице в обоих списках вариантные написания *ošal* (через "алиф") и *ošol* (через "вав") К 457$_{12-15}$, БН 145$_{16-18}$, BN 119b$_{4-6}$; б) схожее отсутствие отдельных диакритик в антропониме *qanbar 'äli* и топонимах *maryynan* К 354b$_{9,16}$, BN 78a$_{1,6}$, но БН 95$_{19,23}$; К 559b$_{1}$, BN 180b$_{10}$ حام دين, но БН 227$_{8}$ جام دين; одинаковое использование для топонима "Кашмир" двух "йай" в начальном и конечном слогах, ср. BN 228a$_{8}$ كيشمير تاغلارى, но БН 292$_{17}$ كيشيميز تاغلارى в) одинаковое написание женского антропонима *appaq bikim* через "фа", как, по свидетельству Л.З.Будагова, это имеет место "в кашгарском наречии" [Буд. I, с. 778], см. BN 188b$_{2}$, БН 238$_{3}$ آفاق بيكيم, хотя в ряде других примеров начальный "фа" сохраняется в Керовом списке, в Хайдарабадском же списке представлен начальный "ба" или "па", подробнее см. [Благова 1961, с. 95]; г) неуверенная расстановка диакритики в названии экзотического растения К 679a$_{11}$ انبلى BN 283a$_{10}$ انبلى, но БН 367$_{11}$ انبلى – по-видимому, по аналогии с انبه 'манго (плод, водящийся в Индии)' [Гафф. I, с. 70]; д) одинаковое написание топонима BN 125b$_{9}$, К 470a$_{15}$, БН 153$_{19}$ *qaqšal* (ср. [Бабур-наме 1958, с. 149]: *Кашкал*).

Таких примеров совпадения различных языковых тонкостей в обоих списках можно привести очень много; недаром А.Н.Самойлович указывал "на поразительное согласие текстов fac-simile [т.е. изда-

ния Хайдарабадского списка. – *Г.Б.*] и казанского издания с рукописи Кера" [Самойлович, 1911, с. 0100, примеч. 2]. Даже и реконструируя частично дефектный текст (он приводится в скобках), Н.И.Ильминский мало отклоняется от соответствующего текста Хайдарабадского списка, ср. BN 252a$_{8-9}$ *keč kelgani žihätidin bir parä qatyq qatyq ajttym*, но БН 325$_{19-20}$ *keč (kelganiniŋ) žihätidin bir parä qatyq qatyq (söz) ajttym*: при наличии числительного *bir* с нумеративом *parä* естественно ожидать именное определяемое вроде *söz*.

В заключение кратко остановимся на текстовых расхождениях между двумя списками. Текстовые пропуски в Керовом списке подробно охарактеризованы Н.И.Ильминским [Ильминский 1857, с. III] и А.С.Беверидж [Beveridge 1908, с. 85–91]; различия между отдельными, нами фронтально сверенными частями текста Керова и Хайдарабадского списков (БН, с. 2–70, 265–450 и соответственно BN л. 2–56, 208–348) в отношении состава текста резюмированы в статье и наглядно представлены в приложении к ней [Благова 1961, с. 95, 100–105]. Критические замечания о фактическом несоответствии хронологической дефиниции фрагмента текста BN 120a–156b в Хайдарабадской рукописи как событий 910 г.х. и аргументированное соображение о приемлемости хронологизации Керова списка (БН 146–194 = события года 909) высказаны И.В.Стеблевой [Стеблева 1982, с. 174–175].

Помимо упомянутых выше различий в составе текста Хайдарабадского и Керова списков остановимся на нижеследующих. Еще Н.И.Ильминский отмечал, что "... даже самое начало записок отступает от общего обычая магометанских книг и отличается деловитою краткостью и простотою" [Извлечения 1883, с. 71]. Это говорилось об изданном им тексте Керова списка, где "бисмилла" занимает полторы строки набора (БН 2$_{1-2}$); в Хайдарабадском же списке – это всего лишь *bismilla arrähman ar-rähim* (BN 1b$_1$), а датировка важного события дается здесь в урезанном виде: BN 1b$_2$ *rämäzan ajy tariŋ sekiz jüz toqsan toquzda...*, ср. БН 2$_{2-3}$ *säšänbä küni rämäzan ajyny bešida tariŋ sekiz jüz toqsan toquzda färyanä wilajätida on iki jašta padišah boldum*.

Пропуски в Хайдарабадском списке налицо в BN 364a – в середине строки 5, а также между строками 5 и 6; этому необозначенному пропуску соответствует текст K 824b$_{8-9}$, БН 471$_{16-17}$; BN 284b – в верхней части листа пропущены три предложения, имеющиеся в БН 369$_1$; BN 129b$_{11}$ – пропущены два предложения, которые налицо в БН 159$_{4-5}$; BN 157b$_{13}$ – пропущено предложение, представленное в БН 195$_{23}$–196$_1$; BN 248b$_{10}$ – пропущено предложение и деепричаст-

ная конструкция, которые налицо в БН 321_{1-2}; BN $263a_{8}$ пропущено несколько предложений, ср. БН 340_{14-15}, К $652b_{7-8}$; BN $363b_{12}$ – пропуск целой наборной страницы, имеющейся в БН 470_{8-23} – 471_{9}, К $823b_{7}$–$824a_{23}$.

Многочисленны текстовые пропуски в Керовом списке по сравнению с Хайдарабадским, приведем отдельные примеры: БН $134_{2,10}$, – пропуски предложений, деепричастных конструкций, имеющихся в BN $109a_{8-9}$, $109b_{2-3}$; БН 137_{13} – пропуск эпизода, описанного в BN $112a_{4-8}$; БН 289_{15} – незначительный пропуск (аффикса *-lar*, начального слога *ki-*, *-ši* наличествует) отмечен отточиями, на следующей, 16-й строке – пропуск целого предложения с деепричастными оборотами, имеющегося в BN $226a_{1-2}$; БН 293_{8-9} – пропуск одиннадцати имен, полный перечень которых приводится в BN $228b_{6-8}$; БН 297_{21}, К $619b_{4}$ – пропуск конца первого предложения и начала второго, имеющихся в BN $232a_{6-7}$.

Наблюдается разный порядок следования мелких фрагментов текста в обоих списках, см. BN $178b_{11-13}$, но БН 223_{23}–224_{1-2} (что соответствовало бы BN 178a); BN $213a_{13-14}$, но БН 271_{19}; BN $215a_{2-4}$, ср. БН 274_{4-6}.

Что же касается крупных пропусков текста, то здесь Хайдарабадский и Керов списки также обнаруживают поразительное согласие, о котором говорил А.Н.Самойлович. Например, обрыв текста в главе "События года девятьсот четырнадцатого" представлен буквально в одних и тех же словах, см. BN $216b_{3}$, БН 276_{8}, а продолжение повествования начинается с главы "События года девятьсот двадцать пятого" в обоих списках так же в одних и тех же словах, с "мелочным" разночтением: в БН 276_{10} *šänbä küni*, BN $216b_{4}$ *dušänbä küni*. Точно так же после "Событий года девятьсот двадцать шестого", заканчивающихся в обоих списках одними и теми же словами (см. BN $251b_{2}$, БН 324_{20}), и в Хайдарабадском, и в Керовом списках следуют "События года девятьсот тридцать второго", открывающихся одними и теми же словами (см. BN $251b_{4}$, БН 324_{22}). Заканчивается сочинение также совершенно одинаково в обоих списках – только что начатым изложением "Событий года девятьсот тридцать шестого", обрывом на деепричастной конструкции: *gwaliarni bularγa tapšurub* BN $382a_{8}$, БН 494_{7}.

Все изложенное подтверждает следующие заключения А.Н.Самойловича о Хайдарабадском списке ("„Хайдарабадском кодексе", кодексе Б[еверидж]"), которые сделаны им на основе глубокого тексто-

логического исследования: "Беверидж несомненно переоценивает Хайдарабадский кодекс и заслуги его переписчика" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 27]. "Беверидж только полагает, что архетипом Хайдарабадского списка был очень ранний список, именно автограф Бабура..." [Самойлович. Ф. 671, № 74]. "Первый известный владелец рукописи منير الملک 1206–1791. Дата списка неизвестна!" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 27]. "Возможно, что переводчица [А.Беверидж. – *Г.Б.*] слишком доверяла Хайдарабадской рукописи, ею изданной, в то время как эта рукопись местами несомненно дефектна" [Самойлович. Ф. 671, № 86]. "Для меня ясно, что без издания Ильминского Беверидж не справилась бы вовсе с хваленым Хайдарабадским кодексом; так местами он искажен торопливостью переписчика" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 29]. "В общем, кодекс B[everidge] весьма ценен как проливающий свет на многие неясности издания Ильминского. Но так выдвигать кодекс B[everidge], как это делает m-me B[everidge], – нет никаких оснований" [Самойлович. Ф. 671, № 87].

Часть I

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА "БАБУР-НАМЕ" КАК ПАМЯТНИКА ЧАГАТАЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА РУБЕЖА XV–XVI веков

Одним из ведущих направлений современной языковедческой работы является комплексное "обращение к внешней и внутренней действительности фактического бытия языка" [Степанов 1988, с. 54]. Задача этого направления состоит "в том, чтобы реальность существования языка была представлена как некий итог сбалансированного взаимодействия языковых и внеязыковых факторов" [Степанов 1988, с. 54]. Эта задача очень важна применительно к теории и истории литературных языков, во всяком случае в связи с теорией литературного языка специально рассматривались мысли В.В.Виноградова о социальных и личностных факторах речи [Лаптева 1989, с. 114 и сл.]. На этой основе удастся "воссоздать целостную систему литературного языка с учетом индивидуально-творческих и субъективных моментов, которые позволяют этой системе быть динамической, исторически изменчивой..." [Лаптева 1989, с. 123].

Самый подход к произведению художественной литературы как к "литературно- художественной коммуникации" [Долинин 1989, с. 44] позволяет распространять на эту сферу общие закономерности речевой деятельности [Долинин 1989, с. 44]. Применительно к изучению текста литературного произведения в этой связи интерес приобретают те важнейшие задачи, которые ставятся при развитии комплексной науки когнитологии, а именно: моделирование самого процесса мышления и речеобразования в конкретной ситуации общения, выявление и описание представленных в языках мира способов обработки и передачи информации.

Известно, что в средневековый период любой из тюркских литературных языков представлен по большей части литературно-художественными, историко-художественными, этико- и религиозно-дидактическими текстами. При попытке исследовать эти тексты, имея задачу воссоздания исторически изменчивой системы литературного языка, встает вопрос о необходимости установления и описания многочленной языковой ситуации, состоящей из цепочки коммуникативных характеристик (по Н.Д.Арутюновой: прагматических параметров), а именно: адресант (т.е. автор) – коммуникативная установка –

адресат – сообщение (т.е. в нашем случае: текст) (см. [Степанов 1988, с. 108]). Н.Д.Арутюнова к числу прагматических параметров, присущих литературной коммуникации, относит также связанное с адресатом эстетическое воздействие текста [Арутюнова 1981, с. 365]. Она считает нужным подчеркнуть также: "Прагматическое значение речевого акта... чувствительно... и к социальной ситуации, в которой он осуществляется..." [Арутюнова 1981, с. 357]; К.А.Долинин говорит о зависимости имплицитного содержания (подтекста) и актуального смысла текста от экстралингвистической ситуации, в которой протекает "общение" [Долинин 1989, с. 14]. Все эти проблемы изучает прагматика текста.

Лингвистика текста в числе прочих проблем исследует тип отношений между единицами в тексте, соответствующий определенным коммуникативным установкам его автора [НЗЛ VIII, с. 31]; в свою очередь, "средства грамматики текста – это способы воплощения этих установок, причем регулярные: чтобы быть понятными всем носителям языка" [НЗЛ VIII, с. 31]. Существенной для такого анализа, материальной основой которого послужил текст "Бабур-наме", явилась методика отделения констативов (т.е. описательных сообщений) от перформативов – сообщений о действии, совершаемом носителем 1-го лица [НЗЛ VIII, с. 19]; с помощью этой методики удалось раскрыть специфичность исследуемого текста в данном отношении (см. главу II).

Еще В.В.Виноградов указывал на соотнесенность понятия стиля "с субъектом, формой выражения внутренних индивидуальных свойств и творческих возможностей которого и является соответствующий стиль" [Виноградов 1961, с. 8]. "Понятие стиля, – писал В.В.Виноградов, – является везде и проникает всюду, где складывается представление об индивидуальной или индивидуализированной системе средств выражения и изображения, выразительности и изобразительности, сопоставленной или противопоставленной другим, однородным системам" [Виноградов 1961, с. 8]. Ученый подчеркивал "все значение действия индивидуально-речевого фактора в формировании стиля, где субъективно-речевые моменты преобразуются в объективно-языковые" [Лаптева 1989, с. 123]. Вместе с тем В.В.Виноградов придавал важное значение связи понятия стиля с самой структурой языка, поскольку подобное понимание стиля значимо как для истории литературных языков, так и для глубокого, дифференцированного понимания системы современного языка [Виноградов 1961, с. 8]. Тем самым преодолевается "односторонний младограмматический подход к литературному языку как к языку искусственному и потому недостаточно отражающему чисто языковые законы развития языка" [Толстой 1988, с. 3].

Для построения рациональной методики интерпретации художественного текста ключевым признается понятие авторского выбора [Долинин 1989, с. 29]. На наш взгляд, в тех случаях, где представлена одна из важнейших коммуникативных функций языка – функция воздействия, ключевым понятием интерпретации текста, наряду с названным, должно быть понятие "отношение адресант–адресат". Логически это аргументируется уже самим определением произведения художественной литературы как "литературно-художественной коммуникации": в противном случае теряется самый смысл понятия коммуникации.

Отношение "адресант–адресат", целевая коммуникативная установка "Бабур-наме" как важнейшие текстообразующие факторы, их языковое выражение исследуются в главе I.

Глубже понять характер языка, которым написано сочинение, уяснить лингвостилистические характеристики и стилевую основу текста помогает филологическая интерпретация текста. Вопрос о составе текста, проблемы языкового структурирования текста и стиля "Бабур-наме" рассматриваются в главе II. Исследование организации индивидуально-художественной речи в ее отношении к стилю "Бабур-наме" составляет предмет главы III. Принципам отбора лексики в "Бабур-наме", общей характеристике лексического состава и стилистическому использованию словесного материала посвящена глава IV.

Глава I

ТЕКСТООБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В "БАБУР-НАМЕ"

РАЗДЕЛ I. МНОГОЧЛЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

§ 1. Автор-повествователь и его коммуникативная установка

Свое жизнеописание, апофеозом которого явился победоносный поход в Хиндустан, Бабур начинает сообщением о социально значимом событии: [*säšänbä küni*] *rämäzan ajy*[*ny bešida*] *tariḫ sekiz jüz toqsan toquzda färγanä wilajätida on iki jašda padišah boldum* БН 2, BN 1b (в BN отсутствуют слова и морфемы, заключенные в квадратные скобки) ʿВо вторник пятого [числа] месяца рамазана года восемьсот девяносто девятого (= 1493–1494) двенадцати лет отроду я стал государем в области Ферганы'. Свой труд Бабур часто называет *tariḫ* ʿхроника', ʿлетопись' (см., например: БН 14, BN 11b; БН 34, BN 27a; БН 36, BN 29a; БН 325, BN 252a) или же *wäqa:i:*ʿ[1], мн. ч. от *wa:qiʿa* ʿслучающееся, случай, приключение, происшествие', ʿбитва, сражение' [Буд. II, с. 302]; см. *ḫoža-i kälan ḫoža jähjäniḫ näbiräsi mendin bitij turγan wäqa:i:ʿni tilabdur edi istiktab qyldurub erdim šähräkdin jibarildi* БН 469, BN 363a ʿХоджа-и Калан, внук Ходжа Яхьи, просил меня прислать ему "Вакаиʿ", которые я пишу. Я велел переписать, послал [ему их] через Шахрака'.

Определение жанра этого новаторского для средневековой тюркской литературы сочинения составляет самостоятельную проблему литературоведческого анализа. Трудность решения этой проблемы применительно именно к новаторским произведениям в любые вре-

[1] Самой неустойчивой частью древнего произведения, по мнению Д.С.Лихачева, является его название [Лихачев 1983, с. 151].

мена очевидна; показательно, что в таких случаях и сами авторы затрудняются определить жанр созданного ими произведения. Впервые в восточной литературе Бабур соединил в своем сочинении мемуары и дневники, повествовательную прозу, энциклопедические сведения о Средней Азии, Афганистане и Хиндустане, элементы публицистики, черновики писем и грамоты. Осуществленное здесь "художественное исследование невымышленного" [Гинзбург 1976, с. 12], дающее читателю собственный авторский "монологизированный взгляд на мир" [Гинзбург, 1992, с. 165] и формирующее "образ эпохи и человека" [Там же, с. 179], позволяет отнести "Бабур-наме" к так называемой промежуточной литературе.

Опираясь на авторское название *tariḫ* и учитывая жанровое своеобразие "Бабур-наме", возможно определить его как художественно-историческую хронику (при учете еще одного из значений иного авторского названия труда *wäqa:i:* "'битвы', 'сражения'.). Вместе с тем нужно иметь в виду высказанную Н.Д.Миклухо-Маклаем гипотезу об истории создания сочинения: "...Записки Бабура начали оформляться в Индии в 934/1528 г. и к сентябрю 1528 г. готовой оказалась та часть "Записок", в которой повествуется о первых семи годах его правления" [Миклухо-Маклай 1963, с. 241, 243]. Во всяком случае, например, в главе "События года 900" имеются упоминания о 908 годе (БН 41, BN 32b), а о событиях 910 года говорится в прошедшем времени (БН 34, BN 27b). В той же главе, где описываются события на территории Мавераннахра и о Хиндустане речь еще не идет, используется индийская мера времени *pähr* (پهر) 'название одной из восьми частей суток, на которые в Индии разделяют день и ночь, т.е. три часа времени' [Буд. I, с. 323], см. БН 50, BN 40a.

Того мнения, что Бабур приступил к работе над своим сочинением в Индии, придерживался А.Н.Самойлович. Он оспоривал утверждения А.С.Беверидж о существовании сильных различий в характере обработки разных частей "Бабур-наме", мемуарной и дневниковой. Ученый считал: "Необходимо пересмотреть вопрос о том, где кончается обработанная (т.е. мемуарная. – *Г.Б.*) часть Бабур-наме. Еще на f. 154b, например, не чувствуется изменения стиля. А это – больше 1/3! См. еще большое описание 252b, 255b и сл." [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 27б]. "Форма дневника начинается со с. 216b" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 29а]. Свои наблюдения А.Н.Самойлович заключает следующим выводом: "Мне кажется, что разницы в обработке Бабур-наме нет в разных ее частях. Просто Бабур приступил к работе в Индии, и доиндийскую часть не мог уже изла-

гать в виде дневника. Но стиль один!" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 29б; подчеркнуто А.Н.Самойловичем].

С учетом сказанного выше можно предположить, что творческий замысел Бабура осуществлялся не без известного отталкивания от идеи его великого пращура Тимура оставить после себя дневник своих походов в Индию. Упоминаний о Тимуре, о "престоле Тимур бека" (см., например, БН 202, BN 162b) в "Бабур-наме" очень много, на авторитет Тимура автор ссылается неоднократно, на протяжении всего текста много раз говорится о походах Тимура в Хиндустан, см. БН 118, BN 97a; БН 288, BN 224b; БН 350, BN 270b; БН 378, BN 291b. При всем своем новаторстве Бабур все же не мог совершенно не считаться со средневековыми эстетическими нормами, а в соответствии с ними следование "идеальному" образцу было одним из условий функционирования произведения искусства как такового (ср. в поэзии многовековую традицию писания назира). Именно Тимур приказал написать дневник его похода в Индию (конец XIV в.), причем, как было подчеркнуто особо, "стилем, далеким от витийства и близким к пониманию" [Гийасаддин Али 1958, с. 24].

Однако этот социальный заказ Тимура не был понят и не был выполнен составителем дневника Гийасаддином Али, ученым теологом из Йезда: им был создан образчик цветистого и мудреного средневекового красноречия. "В выражениях необычайно витиеватых, нередко труднопонимаемых, сопровождаемых порою чудовищными гиперболами, Гийāсаддīн ʿАлī представил Тимура в виде избранной Аллахом персоны, ... которая во всех своих действиях пользуется поддержкой потустороннего мира... Можно думать, что подобная концепция Гийāсаддīна ʿАлī не пришлась по вкусу Тимуру; к тому же она оказалась выраженной языком, прямо противоположным замыслу Тимура... И Тимур, как известно, забраковал его (труд Гийасаддина. – *Г.Б.*)" [Семенов 1958, с. 7–8]. О том, что столетием позже придворный поэт султана Хусейна Байкары, сочинитель месневи Абд Аллах (тахаллус Хатифи) также написал "Тимур-наме", сообщается в "Бабур-наме" (БН 227, BN 180b); на стенах паркового дворца под Самаркандом был изображен поход Тимура в Хиндустан (БН 57, BN 45b–46a).

Бабур сам стал автором рассказа о своих походах в Хиндустан и сопредельные страны. Об этих походах, которым суждено было стать венцом его полководческой и политической деятельности, он мечтал десятилетиями: *tariḫ toquz jüz onda kim kabul wilajäti musäḫḫär boldy ol tariḫdin bu tariḫqačä hämišä hindustan häwäsi qylylur erdi* (БН 348$_6$: *sözi qylynur edi*) БН 348, BN 269 'в году девятьсот десятом (= 1504–1505) была завоевана область Кабула; с того года до этого года (т.е. 932 = 1525–1526) я вожделел к Хиндустану'. [О том, что зна-

чил для Бабура Хиндустан, можно судить по мотивации наречения новорожденного сына Хиндалом: младенец был назван так потому, что весть о его рождении была получена в пору покорения Хинда (БН 291, BN 227a)]. В этой связи повествование о поражениях автора-воина в междоусобных войнах тимуридских государей и борьбе с Шейбани ханом в Мавераннахре, об испытаниях, лишениях и унижениях в родных краях во времена его "казачества" (*qazaqlyq*), после потери родовых владений воспринимается в качестве того контрастного отрицательного фона, на котором в полном блеске предстают победы императора Бабура-гази в Хиндустане как "веление Аллаха судьбой предопределенное" (БН 420, BN 324b).

И именно как автор Бабур сумел осуществить требование своего великого пращура – писать о своих походах "стилем, далеким от неестественности и вполне понятным" [Семенов 1958, с. 8]. Бабуру, как ни одному из его современников, удалось значительно продвинуться в направлении внетрадиционного для средневековотюркской литературы художественного восприятия и отражения действительности, в направлении светского конструирования эстетического мира своего сочинения. Как это ни парадоксально, его выбор самовыражения может быть передан словами современного автора, бывшего президента Франции В.Жискар Д'Эстена: "Как же тогда поделиться опытом пребывания в должности, воспринимаемой как нечто далекое и почти абстрактное, наделенной властью, которую считают безграничной, и условиями жизни, не сопоставимыми с жизнью других людей? Единственным ответом мне представляется спонтанное и простое изложение, опирающееся на непосредственное воспоминание. Я ограничусь тем, что подчиню свое перо тем впечатлениям и картинам, которые роятся в моей памяти, не стану слишком шлифовать свой текст..." [Жискар Д'Эстен 1989, с. 17].

Такой выбор был обусловлен, прежде всего, самой личностью автора: Бабур был поэтом-лириком, писателем – тонким стилистом, литературоведом, законоведом, "талантливым ученым-историком" (по признанию историка, см. [Азимджанова 1966, с. 5]). И как историк Бабур проявил себя новатором – уже потому, что свою хронику он пишет по-тюркски, между тем как во времена тимуридов "языком двора и языком ученых" был персидский язык, более того: "...вообще персидский язык до новейших времен остался языком среднеазиатской исторической литературы" [Бартольд 1896, с. 380].

По отзыву Джавахарлала Неру, "... Бабур сам представлял тип государя периода Возрождения, хотя и был лучше, чем европейский тип государя этого периода. Он был авантюристом, но доблестным рыцарем и страстно увлекался литературой и искусством" [Неру 1975, с. 36]. И далее: "... Бабур был одним из самых культурных и обая-

тельных людей, какие только существовали. Он был свободен от сектантской ограниченности и религиозного фанатизма и не разрушал, как это делали его предки" [там же, с. 57]. Этими качествами автора, незаурядной языковой личностью Бабура, его высоким положением обусловлено то, что авторские слово, трактовка излагаемых событий, точка зрения по любому вопросу в "Бабур-наме" отражены так ярко и выразительно, как это весьма редко можно наблюдать в средневековой тюркоязычной литературе.

Значение личности автора сказалось и в выборе коммуникативной установки "Бабур-наме". Бабур преследовал вполне определенную социальную цель – дать целое жизнеописание (начиная с его вступления на престол) в выигрышной для автора интерпретации, рассчитанной на адресат [Арутюнова 1981, с. 365]. А это значило: показать своим современникам все те обстоятельства, которые вынудили его покинуть родные края и искать счастья на чужбине – идти походами сначала в Афганистан, мечтая о походах в Индию, а потом осуществить и эту заветную мечту, оправдать в глазах адресата свои поражения в молодые годы, оправдать завоевательные войны императора Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии [один из примеров такого оправдания приведен ниже, см. БН 124, BN 101b]. Эта коммуникативная установка "Бабур-наме" – еще один аргумент в пользу того, что рассказ о походах Бабура в Хиндустан является центральным в сочинении; к тому же такая трактовка его творческого замысла находит косвенное подтверждение в самом тематическом распределении изложения: двум частям повествования – о событиях, связанных с Мавераннахром (Ферганой прежде всего) и Кабулом, – отведены БН 2–231_{1-4}, BN 1b–183a, см. [Бабур-наме 1958, с. 11–212]; последней, незаконченной части – рассказу о походах в Хиндустан и жизни там – БН 231–494; BN 183a–b–382, см. [Бабур-наме 1958, с. 215–433].

Такая совершенно конкретная установка с четко осознанной и ясно выраженной социальной направленностью была новой для средневековой тюркской литературы, где традиционными были "вечные" установки на поучение читателя, на утверждение долгой жизни данного произведения и т.д. (характерно, что в "Бабур-наме" подобные мотивы отсутствуют). Примером могут послужить установочные высказывания в "Атебат ал-хакаик" (конец XII в. или начало XIII в.): *Ädib Ähmäd özüm, ädäb sözüm * Sözüm munda qalyr, baryr bu özüm* 'Сам я – Ахмад-литератор, мои слова – назидание [всем] * Слова мои останутся, а сам я ухожу (из мира)'; *Bittim bu tanŋsuq tözün sözlärin * Hala barsa özüm, atym qalsu dep* 'Написал я эти редкостные слова * В надежде, что останется мое имя, когда сам я уйду'

(цит. по [Наджип 1989, с. 53]). Бабур не приписывает себе статус Наставника.

В соответствии с коммуникативной установкой сочинения Бабур выработал свою "коммуникативно-творческую стратегию" [Гончарова 1989, с. 8], нацеленную на возможно более эффективное воздействие на читателя – не только и не столько эстетическое и познавательно-обогащающее, сколько общественно-политическое. Сама коммуникативная установка сочинения, как и реализующая ее коммуникативно-творческая стратегия находятся в полном соответствии с положением Бабура в социальной иерархии современного ему общества. Можно сказать, таким образом, что оба этих прагматических параметра, равно как и образ автора в данном сочинении напрямую связаны с социальной ситуацией того времени и того региона. Именно поэтому ниже этим двум коммуникативным характеристикам, равно как и образу автора отводится столь большое место.

§ 2. Новаторство в формировании образа автора

Действуя в рамках избранной им коммуникативно-творческой стратегии, Бабур при формировании образа автора развивает идею божественного одобрения своей власти, божественной помощи, но делает это тоньше, чем в свое время теолог из Йезда (Тимур–"венценосный завоеватель – избранник Аллаха, во всех своих действиях пользующийся поддержкой потустороннего мира").

Уже в начале повествования образ автора – воина и полководца – соотнесен с историей посредством декларируемых Бабуром особых отношений с божественной силой, им руководящей и его оберегающей. Пример: *teŋri tä'ala kim öz qudrät-i kämiläsi bilä här išimni här mähälda andaq kim bajäd wä šajäd bi minnät-i mäḫluq rast kelturub tur munda häm nečä išni ba'is qyldy kim alar bu kelmakdin usandylar* БН 21, BN 16b 'Бог всевышний, который своим совершенным могуществом всегда способствовал всякому моему делу, как [ему] быть следует, не требуя благодарности [его] тварям, там тоже явил (букв. вчинил, причинил) несколько дел, из-за которых они [противники] стали тяготиться (букв. проявлять беспечность, нерадивость, см. [ДТС, с. 616]) этим походом (букв. прихождением)'.

Это соотнесение красной строкой проходит через все сочинение Бабура. См. *bešinči näwbät* (БН 348_{14} + *-ta*) *teŋri tä'ala öz fäzl wä kärämi bilä sultan ibrahim dek yanimni mäqhur wä abtär qylyb hindustan dek wäsi'* (BN $269a_{11}$: пропуск последнего слова) *mämalikini bizga mujässär wä musäḫḫär qyldy* БН 348_{14-16}, BN 269_{10-11} 'На пятый раз господь великий по своей милости и благоволению покорил и по-

верг в ничтожество (лишил мужского потомства) такого противника, как Султан Ибрахим, сделал нам доступными и покоренными такие обширные земли, как Хиндустан'; *bu däwlätni özümiznin̡* (БН 349_{22}: *-ni*) *zor wä quwwätydyn körmasbiz balki tenrinin̡* (БН 349_{23}: *-ni*) *mähz lûtfi wä šäfäqqätydyn durur bu sä'adätny özumiznin̡ sa'ji wä himmätidin bilmasbiz bälki tenrinin̡ 'äjn käräm wä 'inajätidin dur* БН 349_{22-23}–350_{1}, BN $270a_{11-14}$ 'Это благо мы не рассматриваем [как доставшееся нам] через нашу собственную силу и мощь, но исключительно через благосклонность и милосердие бога; это счастье мы не считаем [доставшимся нам] через наши собственные хлопоты и деятельность, но подлинно от великодушия и милости бога'. См. также БН 202_{2-4}, BN $162b_{1-3}$; БН 345, BN 267a. Взятие Бабуром Самарканда в результате похода при благоприятствовавшем соотношении сил среди тимуридов и между ними и Шейбани ханом преподносится в авторском изложении как акт высшей, божественной справедливости: *jüz qyrq jylya jawuq sämärqänd paji tahti biznin̡ hanwadädä* (БН 104_{9}: *hanä zadä*) *edi qandayy jat jayy özbek kelib mutäsärrif bolub edi eliktin ketkan mulkni jinä tenri berdi* БН 104_{8-11}, BN $85a_{7-9}$ 'Почти сто сорок лет самаркандский престол был у нашего семейства, пришел откуда-то взявшийся чужак, враг узбек и завладел им. Бог снова отдал нам владение, [нами] утерянное (букв. вышедшее из рук)'. При взятии Маргинана – это еще к тому же и воля народа (БН 76, BN 61a).

Сама подобная декларация об особых отношениях будущего императора Хиндустана с божественной силой – один из важных приемов идеализации автора-государя. Наличие таких приемов идеализации ключевого звена жизни средневекового феодального общества лишает основы попытки ставить вопрос о "реализме" "Бабур-наме". Реализм – это не мастерство правдивых зарисовок с натуры (они изобилуют на страницах сочинения), но умение системно и исторически объективно анализировать все стороны жизни общества, что, естественно, исключает идеализацию его ключевого звена – государственной власти.

Тонкий психолог, стремившийся расположить к себе читателя, завоевать его симпатии и сочувствие, Бабур лепил образ автора с глубоким знанием дела, используя игру контрастов: заступничество божественного промысла и тут же – чисто человеческие черты. Ср. сходное наблюдение Н.Д.Арутюновой над мемуарной литературой, отбором и интерпретацией в ней жизненных фактов: "Когда речь идет о великих людях, на первый план выдвигаются их общечеловеческие свойства (доброта, простота...). Это "очеловечивает" поднявшихся в нечеловеческий рост" [Арутюнова 1987, с. 18].

Можно сказать, что автору "Бабур-наме" не чуждо ничто человеческое: он и ошибается (см. БН 179, BN 144b; пример БН 80, BN 64b приведен ниже на с. 229), и страдает из-за своих промахов. Недаром Джавахарлал Неру писал о "Бабур-наме": "... эта восхитительная книга позволяет заглянуть в сокровенный мир этого человека" [Неру 1975, с. 58]. В самом деле Бабур откровенен со своим читателем: *mänya bisjar dušwar keldi bi iḫtijar yalaba jyylady m* БН 69, BN 55b 'Мне пришлось очень тяжело, я поневоле много плакал'; *özumni ölumga qarar berdim* БН 144, BN 118b 'Я решился на смерть'. Только впоследствии, уже в Хиндустане, после пережитой смертельной опасности приходит осознание подлинной ценности человеческой жизни: *ǯan mundaq 'äziz nimä emiš munča bilmas edim* БН 398, BN 306b 'Что жизнь, оказывается, столь дорога, прежде я [этого] так не знал'. В сложных условиях утраты родовых владений приходит решение попытать счастье в чужих краях: *aḫyr özumya ajttym kim mundaq tiriklik qylyunča bir sary bašymny alyb jetkanim bihraq ta här jerga ajayym baryunca barsam jaḫšy bolyaj dep ḫätaj sary barmaqny özumga qarar berdim* (BN $101b_{2-4}$: перефразировка) БН 124_{13-15} 'Наконец я сказал сам себе: "Чем влачить такое существование, лучше мне уйти, куда глаза глядят; лучше уйти, куда ноги унесут", и я решил про себя уйти в Северный Китай' [Буд. I, с. 535: *ḫätaj* 'название Северного Китая']. А вот могущественному завоевателю Хиндустана привезли дыню из родных мест: *kesib jegäč yarib ta'sir qyldy tamam jyylab edim* БН 464, BN 359a 'Когда резал и ел [дыню], она произвела диковинное впечатление: я всё плакал'. Или: император узнал о недостойном поступке своего сына Хумаюна, незаконно завладевшего казнохранилищем: *men andyn härgiz mundaq köz* (BN $329b_4$: *köz* пропущено) *tutmas edim köŋlumga bisjar dušwar keldi* БН 426_{10-11}, BN $329b_{4-5}$ 'Я от него такого никогда не ожидал; у меня стало очень тяжело на сердце'.

Другой компонентой коммуникативно-творческой стратегии Бабура является широко декларируемое им твердое намерение – писать только правду обо всех случившихся событиях. Необходимость в таких декларациях объективно, видимо, существовала – на автора неоднократно возводилась, по его словам, напраслина: враги и злоумышленники приписывали ему "несодеянные жестокости и несуществующие нововведения" (*qylmayan zulm wä ötmagän bid'ätlar* БН 492_{23}, BN $381a_7$, см. также [Бабур-наме 1958, с. 432]). Авторские же декларации были призваны убедить читателя в правдивости его повествования. См. *bu ajtylgan* (BN $85b_{14}$: *deganlardin*) *yäräz elga säŋi käm urmaq emas bäjan-i waqi'äji bu edi kim mäzkur boldy bu bitilganlardin* (БН 105_9: *bu ajtkanlardin*) *mäqsud özini artturmaq*

emas rasti bu edi kim mästur boldy БН $105_{8\text{-}10}$, BN $85b_{14}$ – $86a_{1\text{-}2}$ ʿЦель сказанного здесь не в том, чтобы ударить в людей камнем умаления; объяснение (описание) случившегося было таково, как [это] было упомянуто. Предмет желания написанного здесь не есть самовозвеличивание (букв. ʿповысить себе цену', см. [Буд. I, с. 25]): истина была такова, как [это] написано'; см. более полное изложение целевой установки: *bu bitilganlardin ǰäräz šikajät emas rast hikajät tur kim bitibturmen bu mästur bolγanlardyn mäqsud öznin täʿrifi emas bäjan-i waqiʿäji bu edi kim tährir etibturmen čun bu tariḫda andaq iltizam qylylybtur* (БН 254_{14}: *qylybtur*) *kim här söznin rastyny* (БН 254_{14}: *rastynyŋ*) *bitilgaj wä här išniŋ bäjan-i waqiʿäjini tährir etilgaj la ǰäräm ata* (БН 254_{14}: *wä ini*) *ayadyn här jaḫšylyγ wä jamanlyγ kim šajiʿ edi täqrir qyldym wä qaryndaš* (BN $201a_6$: перс. *ḫojiš*) *wä beganädin här ʿäjb wä hunär kim bäjan-i waqiʿ edi tährir ajladym oquγučy mäʿzur tutsun ešitguči täʿärruz mäqamidin ötsun* БН $254_{11\text{-}17}$, BN $201a_{2\text{-}9}$ ʿЦель этого написанного – не жалоба, [а] правдивый рассказ, который я написал. Предмет желания этого написанного – не хвала самому себе, описание случившегося было таково, как я изложил письменно. Поскольку в данной хронике [мною] принято такое обязательство, чтобы писать истину каждого слова и о каждом деле излагать [так], как оно происходило, то без сомнений я записал об отце и старшем брате [т.е. о старших родичах] любое то хорошее и то плохое, что было разглашено; я рассказал о любом недостатке и достоинстве родственников и чужих, о которых было описание случившегося. Пусть извинит читающий, слышащий пусть минует обиталище обиды'[2].

С точки зрения языковой можно заметить, что оба раза установка на правдивость передается в почти стандартизованных выражениях, синтаксически построенных однотипно; в их лексике здесь обнаруживаются значительные совпадения, широко используются синонимы. Вообще же касаясь их синтаксической структуры и лексического наполнения, можно с полным правом говорить о представленных здесь случаях лексико-синтаксического параллелизма (см. ниже, гл. III, разд. I, § 3), призванного обеспечить ритмику прозы.

Надо сказать, что и по частным случаям автор сообщает читателю, что́ являлось его целью, а что́ – нет (см., например: *täbäqäya mäzahim bolmaq menin yäräzim emas edi* БН 197, BN 158b ʿМоей целью не было причинять затруднения этой группе [людей]'); заботясь о

[2] На эти два, во многом совпадающих фрагмента текста "Бабур-наме" обратил внимание А.Н.Самойлович, в конспективных записях которого находим следующее замечание: "201a. Взгляд Бабура на БН. По стилю ср. приписку к дивану Росса! Подобное откровение встречается вторично? см. 86a" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 62].

восприятии читателя, он стремится подробными описаниями и объяснениями очевидца упредить, а при надобности – и устранить возможные сомнения (*ḫatyrlarγa täräddud kečmagaj deb här ne waqi' bolγannyγ šärh busuti bilä bitidim* БН 398, BN 307a 'Чтобы не заронить сомнений в умы, я с подробным объяснением записал все, что произошло'). См. еще БН 380, BN 293a (приведен на с. 288). В совокупности это составляет одну из подкупающих черт образа автора "Бабур-наме" – доверительное отношение к читателю, который как бы активизируется и приобщается к целям, поставленным в сочинении. Таким образом, характер реализации коммуникативной установки находится во взаимодействии с формированием образа автора, нового типа отношений его с читателем.

Установка на нелицеприятную правдивость повествования определила и такую черту образа автора, как достаточно критическое отношение к себе и ближайшим родственникам [например, о себе: *anyŋ oγlyny bu* (БН 400_6: *mundaq*) *mähälda ruḫsät bermak bihisab ekandur* БН 400_{5-6}, BN $308a_{10-11}$ 'Отпускать его сына в такое время было, оказывается, нерасчетливо'; признание своей некомпетентности – БН 179, BN 144b; БН 80, BN 64b; о своем отце – БН 7, BN 5b].

Убедить читателя в правдивости авторского повествования, а следовательно – в правдивости и самого автора призваны также нижеследующие реплики Бабура, весьма многочисленные, в которых сформулированы его критерии достоверности. Так, рассказывая о говорящих и вроде бы сообразительных индийских попугаях, автор добавляет: *...kiši öz qulaγy bilä ešitmagunča ynansa bolmas* БН 360, BN 278a '... человек, пока своими собственными ушами [это] не услышит, [ему] не верится (букв. поверить невозможно)', а о многоцветной окраске другого вида попугаев говорит так: *mušäḫḫäs ḫatyrda qalmayan üčün mäšruh bitilmadi* БН 360, BN 278b 'Из-за того, что в памяти не сохранились по отдельности [разные цвета оперения попугаев], подробно [здесь] не описывается'. А когда рассказ ведется с чужих слов, Бабур добавляет: *bu söznŋ haqiqati mä'lum emas* БН 369, BN 285a 'Правдивость этих слов неизвестна'; см. еще БН 353, BN 272b. Вместе с другими, вышеназванными приемами такие реплики призваны были утверждать за автором репутацию рассказчика правдивого и вполне объективного, для которого основной предмет повествования – не его собственная персона, но истина.

И все же в центре повествования – образ автора – справедливого государя: он против грабежа тех земель, которые покорились ему или его союзнику, равно как и земель соседей; см. *sämärqänddyn özga ẕämi' wilaja:t* (БН 64_1: *wilajätlar tamam*) *meŋä kirib edi ja sultan 'äli mirzaγa bu kirgan wilajätlarni čapib bolmas edi munča talan wä taraẕ*

tartqan (БН 64_2: *taratγan*) *wilajätlardin nimä almaq ḫod nečuk mujässär bolγaj* БН 64_{1-3}, BN $51a_{3-7}$ ‘Кроме Самарканда все другие области покорились мне или Султан Али мирзе. Эти покорившиеся области нельзя было грабить. Да и как удалось бы что-нибудь взять от областей, подвергшихся [ранее] такому грабежу и расхищению?’; *...beklariga färmanlar boldy kim qaraq wä oγryny mänʿ qylyb jaḫšy mäʿaš wä iḫtilat qylγajlar* БН 467_{5-6}, BN $361a_{11-12}$ ‘... бекам были отданы приказы запретить разбой и воровство, хорошо обращаться [с соседями], оказывать [им] хороший прием’; см. еще БН 257, BN 203a; БН 286–287, BN 223b–224a. Государь инициативен и упорен в достижении поставленной цели (см. *čun sältänät däγdäγäsi wä mülkgirlik däʿijäsi bar bir qatlä iki qatlä iš jürumagan bilä baqyb olturub bolmas* БН 69, BN 55b ‘Поскольку есть соблазн царствования и притязание на завоевание земель, то, хотя дело и раз, и два не выйдет, не годится сидеть и смотреть’), но он и тверд в своем миролюбии по отношению к соседям, даже если они проявили неучтивость (*čun bängali bilä sulhgunä bar edi hämišä mundaq išlarda täjämmun ǯihätidin sulh išini ilgari tutulubtur agärčä bi adäblyq qylyb kelib jolumyz üstida olturubtur wälä daimγi qaʿidäni märʿi: tutub...* БН 477, BN 368b ‘Поскольку с бенгальцами [у нас] имелось нечто вроде мира, постоянно в таких делах [нами] ради успеха выдвигалось вперед дело примирения; хотя бенгальцы совершили неучтивость и, придя, встали на нашем пути, однако мы соблюли всегдашнее правило...’; см. еще БН 334–335, BN 258b-259a). Справедливый государь предстает одновременно и опытным полководцем, который тщательно вникает во все детали вооружения своего войска, стратегию и тактику боя (см., например: БН 109, BN 89a) и осуждает безрассудный риск и бесполезную смелость : *iš häm qyla almady andaq qalyn čerikka ne iš qyla alγaj edi* БН 36, BN 29a ‘... и де́ла (сражения) он не смог сделать – какое дело смог бы он сделать против столь многочисленного войска?!’, *...uruš joq nimä joq jinä janyb keldilar* БН 437, BN 336b ... ни боя не было, ничего не было, опять они, отступив, вернулись’); в то же время сам Бабур как воин проявляет и личную смелость, и физическую ловкость, выносливость [например: БН 470_{15-21} (BN 363b – лакуна); БН 258, BN 204a]. Он справедлив в гневе своем – БН 308, BN 239a (см. с. 95).

При возникновении спорных вопросов, каких-либо колебаний среди беков (например, когда многие из них не хотели оставаться с ним в Хиндустане) справедливый государь – Бабур – созывал совет (совещание: *keŋaš*), убеждая их словами разумными и уважительными (*mäʿqul wä muwaǯǯäh sözlar* БН 383, BN 295b), тем самым в этом случае показывая глубину постижения психологии воина (любого ранга) на чужбине (см. БН 342, BN 264b). В назидательном письме наследнику престола своему старшему сыну Хумаюну – Бабур реко-

мендует придерживаться того же правила: *... iniŋni wä beklarni iḫtijarlariya qojmaj qašyŋŋa čarlab här mäslähät bolsa keŋašib bu däwlätḫahlarniŋ ittifaqi bilä här söz önga qarar bergajsen* БН 452, BN 349b[c]... призывай к себе своего младшего брата и беков, не полагаясь на их волю ('против их воли', см. [Буд. I, с. 17]); какое бы ни было благое дело, советуйся [с ними], при соучастии этих доброжелателей решай любое слово и звук'; *iš körgan raj wä tädbirliq bekĺar bilä keŋašib alarnyŋ sözi bilä 'ämäl qylyajsen* БН 452, BN 349b [c]Советуйся с опытными беками, мудрыми и рассудительными; действуй в соответствии с их словом'. Не зря Бабур упоминает о том, что смолоду он не стремился навязать свою волю приближенным (см. БН 313, BN 243a).

Справедливый государь бывает тороват и щедр, особенно, например, в торжестве достигнутой цели – своей великой победы над Хиндустаном, см. рассказ Бабура о дележе индийских казнохранилищ, при котором деньги были пожалованы не только знатным и именитым в соответствии с их положением и заслугами, но также и простолюдинам, всем без исключения: "В области Кабула и в округе Варсак всякому живому человеку – мужчине, женщине, рабу, свободному, взрослому и малолетнему – было пожаловано по одному золотому шахрухи" [Бабур-наме 1958, с. 338] (см. БН 381_{1-2}, BN $294a_{3-4}$ *ẑandar bašyya erdin wä ḫatundyn bandä wa azaddin baliy wä nabaliydin birar šahruḫij in'am boldy*).

Примером щедрости и бескорыстия, справедливости и благородства для Бабура был его отец Омар Шейх мирза (см., например, рассказ о том, как тот сберег для наследников все товары каравана, погибшего во время необычного снегопада у подножья гор в его владениях – БН 9, BN 7a). Этого примера Бабур придерживался всю жизнь – и это не взирая на то, что в трудное для него время его соплеменники по отношению к нему далеко не всегда проявляли щедрость (*bizga jetkanda säḫawät bilä mäšhur bolyan el ḫäsis bolur muruwwät bilä mäzkur bolyan elniŋ muruwwäti unutulur* БН 100, BN 82a [c]Когда [дело] доходило до нас, люди, которые славились щедростью, становятся скупыми, [и] забывается великодушие [тех] людей, которые упоминались [в связи] с великодушием').

Справедливый и мудрый государь милосерден и великодушен: он прощает неудачи и промашки истинно преданных ему людей и не наказывает их, а даже награждает. Любимым детищем Бабура, немало способствовавшим покорению Хиндустана, его слабостью была артиллерия[3]. Он не мог пропустить случая посмотреть, как пушеч-

[3] Индийцы не располагали в то время новым, усовершенствованным видом артиллерии, который был на вооружении у войска Бабура [Неру 1955, с. 252]. Однако и у войска последнего имелось оружие, у которого, как предполагает Л.З.Будагов, "пули были каменные" – они так и назывались: *säŋ-i tufank* букв. 'ружейный камень'

ных дел мастер Устад Али Кули будет отливать большую пушку. Но случилось непредвиденное: из-за дефекта то ли в горнах, то ли в металле постепенно прекратился приток расплавленного металла в форму. В порыве отчаяния мастер пытался броситься в расплавленную медь. Бабур был благосклонен к мастеру, облачил его в почетный халат и рассеял его страдания, см. БН 392_{2-11}, BN 302a-302b [Бабур-наме 1958, с. 347–348]. Создавая величественный образ справедливого и мудрого монарха, Бабур в соответствии со сложностями реальной жизни как истинный художник, прибегая к приему контрастности, пользуется штрихами, заземляющими этот образ. На протяжении всего повествования это частые сообщения о человеческих (подчас даже физиологических) слабостях автора. Вот раненный в ногу стрелой, он идет с трудом, опираясь на палку (БН 133, BN 108b); см. о последствиях падения с лошади (ударился головой оземь) – БН 116, BN 95b; о последствиях попытки индуса-повара отравить Бабура – БН 398, BN 306b; о сильных простудах с кашлем, сопровождавшимся кровохарканьем, – БН 327 и 328, BN 253a и 254a; сильный жар и озноб – БН 448, BN 346a; язва на теле и ее лечение – БН 471–472, BN 364a; обломилась половина переднего зуба – БН 324, BN 251a; застудил ухо – БН 437, BN 338b; см. еще БН 303–304, BN 236a-b–237a и многое другое.

Одной из привлекательнейших черт образа автора является неукротимая любознательность. Например, за те двадцать дней, когда Бабур был в Герате в 913 (= 1507–1508) г., он совершал ежедневные прогулки по городу и его окрестностям и осмотрел столько достопримечательностей (других, по его словам, наверное, уж и не осталось), что их перечень занимает почти страницу наборного текста – БН 241–242, BN 191a-b. Где бы ни случалось ему побывать, он заинтересованно наблюдал, а затем записывал все, что стоило быть зафиксированным: сведения о населении покоряемых земель, быте и обычаях, о местной флоре и фауне, об охоте на диковинных зверей (БН 285, BN 222b; БН 298, BN 232b) и прочее. При описании современников автор обращал внимание на их грамотность, круг чтения или отсутствие оного (см., например, БН 23, BN 18b), отмечал разнообразные таланты и дарования. В "Бабур-наме" содержится множество сведений о современных автору поэтах, знаменитых и безвестных, с его крити-

---

[Буд. I, с. 638], см. БН 420_{11}, BN $324b_{7}$. Кстати, и пушки (*qazan* букв. 'котел', см. [Буд. II, с. 14; Zen. II, с. 680]) во времена Бабура также стреляли камнями, см. *bu taš-larny yazi qazany bilä atty* БН 436_{8}, BN 337_{3-4} 'Этими камнями стреляли из пушки [называемой] "Гази"'; ср. БН 481_{2}, BN $371b_{7}$ *firäŋgi tašy bilä* букв. 'франкским камнем': "*firäŋgi* 'европеец' (у Баб. в значении огнестрельного оружия: *jaŋšy firäŋgilar atty* – с. 345)" [Буд. I, с. 785].

ческими замечаниями по поводу их сочинений (см., например, о "Мунша'ат" Алишера Навои, которого он ценил и почитал). Бабур ценил в современниках не только литературные дарования, но и умение хорошо говорить (БН 209, BN 167b). Библиофил и ценитель книги (см. БН 335, BN 259b), Бабур между походами и пирушками выбирает время для филологической работы: так, например, завоевав Кабул, в 910 (= 1504–1505) г. он разработал почерк "бабури" (БН 179, BN 144b, см. еще БН 225, BN 179a; БН 462, BN 357b); в 925 (= 1519) г. он закончил отбор стихов и газелей из четырех диванов Алишера Навои, распределив их по размерам (БН 320, BN 248b).

Взявший себе за правило в мирное время систематически заниматься литературным трудом (см., например, БН 315, BN 245a), Бабур воспринимает творчество как своего рода панацею от болезни: во время очередного приступа, видимо малярии, он дал обет переложить в стихи "Родительское послание" (*walidijä risalä*) Убайд Аллах Ахрара, писал каждый день не менее десяти двустиший, благодаря чему довольно быстро избавился от болезни (см. БН 448–449, BN 346a-b, [Бабур-наме 1958, с. 396–397]). Среди событий года 935 (1528–1529) автор в деталях описывает, каково ему было работать над книгой (*kitab*) в походных условиях, когда однажды вечером внезапный сильный ветер с проливным дождем опрокинул ему на голову шатер, а листы книги оказались залиты водой: *...tenri saḫlady asibi jetmaj kitab wä aẕza' yaraq awwäl boldy täšwiš bilä jyyyšturuldy saqarlat ket zilučasiya čarmab ket üstiya* (BN 376b$_7$: *astyya*) *qojub üstiga gilamlarny japtuk ... čadyryny tekturub šäm' jaqturdy mäšäqät bilä ot jandurub taŋ atqunča ujuḫlamaj awraq wa aẕza'niŋ qurutmayyya mäšyul eduk* БН 487, BN 376b '... Бог хранил [меня], вреда это не причинило. Сочинение и отрывки из него первыми оказались в воде (букв. потонули). С обеспокоенностью велел [я все] подобрать; завернули в красный коврик с царского седалища, положили на седалище, сверху укрыли коврами велели поставить шатер, засветить свечу, с трудом развели огонь. До рассвета не спавши, мы занимались просушиванием листов и отрывков'.

Внимания заслуживает тот интерес, который автор проявляет к языковым вопросам: его наблюдения над местным произношением (см. БН 163, BN 133a; БН 286, BN 223b; БН 353, BN 272b; БН 371, BN 286b), многочисленные попытки этимологизации имен, особенно топонимов, и объяснения мотивировки номинации (см. БН 5, BN 4a-b; БН 14, BN 11b; БН 336, BN 260a; БН 358, BN 276b).

Итак, образ автора – справедливого государя, сформированный в "Бабур-наме", являлся принципиально новым как для чагатайской, так и для всей средневековой тюркской литературы. Известно, что вся чагатайская литература, за малым исключением, была придвор-

ной, а сочинитель представлял собой зависимое лицо, патронируемое государем или вельможей. Непосредственным адресатом сочинения, написанного при дворе, всегда был меценат сочинителя. А это вынуждало сочинителя приспособляться к меценату, прежде всего в мировоззренческом и идейно-эстетическом отношениях. Многие из меценатствующих властителей сами пописывали стихи (как, например, Султан Хусейн Байкара). Придворный поэт был обязан угождать вкусам своего адресата все более изощренным литературным мастерством, а утвердиться ему помогали постоянно доказываемая ученость, в том числе глубокое знание престижных арабского и персидского языков, литературы на них[4]. Не секрет, что, например, недавно изданный толковый словарь произведений старшего современника Бабура – Алишера Навои [НАЛ I–IV] примерно на 90% содержит слова арабского и персидского происхождения[5]. Средневековое красноречие и велеречивость, опирающиеся на сложную образную систему и широчайшее использование фарсизмов и арабизмов (не только лексических, но и грамматических), приводили к такому положению, что, например, ряд эпистолярных образцов из сочинения Алишера Навои "Мунша'ат" практически не поддаются переводу на современные языки [Давыдова 1961; 1986]. Примечательно, что младший современник Навои – Бабур, критик беспристрастный и строгий, с восторгом отзывался о поэтических сочинениях Навои, но считал, что именно "Мунша'ат" ниже и слабее этих сочинений (БН $213_{20\text{-}22}$, BN 170b–171a).

В связи с характером средневековой придворной литературы интерес представляют суждения А.С.Пушкина о "важной разнице между трагедией народной, Шекспировой и драмой придворной, Расиновой": "Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувству-

[4] Насколько ученость считалась непременным качеством средневекового поэта, показывает рассказ Бабура об одном из придворных поэтов Султана Хусейна Байкары – Сейфи Бухари. По словам Бабура, этот современный поэт в общем-то обладал ученостью (*mullalyγy*), но тем не менее показывал людям список прочитанных им книг, стремясь тем самым подтвердить свою ученость (... *fil-ǯumlä mullalyγy bar edi oqyγan kitabnıŋ mefsyly elga körsatib mullalyγyny isbat qylur edi* БН 226, BN 180b).

[5] Первым, кто отметил не только значительное число арабско-персидских заимствований в сочинениях Навои, но и фактический разрыв между его теоретическими суждениями и их практическим воплощением, был Н.И.Ильминский. Касаясь лингвистического трактата Навои "Тяжба двух языков", он писал: "Это сочинение есть как бы предсмертное завещание поэта-патриота, хотя должно по правде сказать, что Мир Алишер на деле не оправдал своей мысли о лексическом богатстве тюркского языка, употребляя постоянно в своих сочинениях большую примесь чужих слов" [Ильминский 1861, с. 36].

емым. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере так думали и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей – отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (...), привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения" (разрядка наша. – *Г.Б.*) [Пушкин 1962, с. 361–362].

Положение султана Бабура в социальной иерархии было столь высоко, что ему не было надобности доказывать свою ученость (а, надо сказать, он получил "основательное мусульманское образование", см. [Бартольд 1896, с. 380]) или литературную изощренность. Перефразируя слова А.С.Пушкина, можно сказать, что Бабур давал своим читателям "свои свободные произведения с уверенностью своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувствуемым" [Пушкин 1962, с. 361].

§ 3. Новаторский образ адресата и новая модель отношения "адресант–адресат"

В силу своей коммуникативной установки и благодаря неповторимой коммуникативно-творческой стратегии Бабур сумел вполне конкретно представить себе своего читателя, которого он вопреки традиции не рассматривал как наставляемого. Выбор адресата в "Бабур-наме" осуществлен вполне осознанно, более того – оригинально и новаторски для средневековой литературы; в этом выборе со всей ясностью сказалось значение личности автора. Новому типу образа автора в "Бабур-наме" соответствует новая модель адресата, которому автор сознательно предназначал свое произведение. Новая модель адресата – это почти фольклорный "слышащий и видящий вдалеке и вблизи", с чьим мнением считается автор: *čun ḫan ata aya durlar baryb mulâzimät qylsam ötkan kudurätlar räf' bolsa jyraqta jawuqta ešitur körarga jaḫšy bolγaj deb kelib... ḫanny mulâzimät qyldym* БН 39, BN 31b 'Думая: "Поскольку Хан [мне все равно что] отец, старший брат, то если я пойду и стану [ему] служить, если минувшие огорчения будут устранены, будет [это] хорошо для видящего и слышащего вдалеке и вблизи", я пошел..., стал служить Хану'; *arada mundaqlar bolsa jyraqdyn jawuqdyn ešitkan körganlar ne degajlar* БН 197, BN 158b 'Если такое случится между [нами], что скажут слышавшие и видевшие издалека и вблизи?'; *täwr* [см. Буд. I, с. 744] *tädbiri edi jawuqtyn jy-*

raqtyn (БН 409_1: *jyraqtyn* пропущено) *dost dušman körgali ešitkali jaḫšy boldy* БН 409_1, BN $315a_{3-4}$ 'План был хороший; [это] было хорошо видеть и слышать вблизи и издали и другу, и врагу'.

Как видим, для этой модели адресата даже не обязательно понятие грамотности (слышащий – видящий). Вместе с тем в "Бабур-наме" представлена и та модель, которая включает в себя это понятие: *oquγučy mä'zur tutsun ešitkuči tä'ärruz mäqamidin ötsun* БН 254, BN 201a 'Читающий пусть извинит [Буд. II, с. 241: *mä'zur tut-* 'извинить кому'], слышащий пусть минует обиталище обиды (угнетения)'.

Автор рассчитывает на "абсолютно справедливое ответное понимание" (М.М.Бахтин) своих читателей, по его мнению, знающих дело и лишенных предвзятости: ... *wäle iš bilur kiši alyda räwšän wä insafliq el qašyda mubin dur kim bu iš bilä ol* (BN $85a_{12}$: *bu*) *iš arasyda köp farq bar dur* БН 104_{11-14}, BN $85a_{10-12}$ '...Однако для человека, знающего дело, ясно и людям справедливым понятно (очевидно), что между этим делом и тем делом имеется большая разница'.

Стандартизованное наименование адресата в "Бабур-наме" *jyraqta jawuqta* (~ *jyraqtyn jawuqtyn*) *ešitur körar* (~ *ešitkan körgan*) в аспекте его возведения к давней традиции можно сопоставить с др.-тюрк. *közin körmädük, qulqaqyn äsidmädük bodunym* 'мой народ, не видавший своими глазами, не слышавший своими ушами' (цит. по [Текишев 1976, с. 167]) и вообще с распространенным в средневековой тюркоязычной литературе соположением лексем "глаз", "ухо", см. "Кутадгу билиг": *bajat berdi qulqa eki köz qulaq* 'бог дал человеку [по] два глаза и уха' [ДТС, с. 465]; парное слово *köz-qulaq* 'присмотр, надзор' [Наджип 1989, с. 135]; *köz qulaq tut-* 'сосредоточить внимание, становиться внимательным' [ДТС, с. 320]; *köz qulaq bol-* 'быть оком и ухом' [Zajączkowski 1961, с. 104; ср. также: Буд. II, с. 154]. См. казахскую пословицу: *жол анасы – түяқ, сөз анасы – құлақ* 'Копыто оценит путь, ухо оценит слово'. Модель адресата *ešidišči* 'слушатель' представлена также в орхоно-енисейской руннке: *ešidiščimiz... üčün bitidim* (ThS II_{103}) 'я написал [это] ... для наших слушателей' [ДТС, с. 185]. Ту же модель, что и в "Бабур-наме" (видимо, также традиционную), находим в "Сирадж ал-кулуб" (середина XV в.): *oquγly eštigligä manfä'ät uluγ turur* (2a) 'Тот, кто прочтет [и] услышит, большую пользу получит' [Наджип 1989, с. 182] – речь идет о чтении названного сочинения. Тему слушающего см. также БН 72–73, BN 58a-b.

Испанский философ Ортега-и-Гассет считал: "... хороша только такая книга, которая дает нам почувствовать скрытый в ней диалог, почувствовать, что автор умеет конкретно представить себе своего

читателя" (цит. по [Степанов 1988, с. 107]). В "Бабур-наме" явно выражено стремление автора установить диалогические отношения с адресатом и таким путем убедить и привлечь его на свою сторону. Установлению контакта с читателем, как известно, призван служить риторический вопрос. Как раз эта стилистическая фигура и используется часто в "Бабур-наме". Примеры: *sämärqänd dek paj taht turɣunča ne gäraj ol qylɣaj kim andiǰan dek jer üčün kiši awuqat zai' qylɣaj* БН 95, BN 78a 'Пока существует столица, подобная Самарканду, что заставит человека губить жизненные потенции ради такого места, как Андижан?'; *sultan husäjn mirza dek timur beknin urunyɣa olturɣan uluy padišah ɣanimnin üstiga jürumakni demaj jer berkitmakni desa el wä ulusqa ne umidwarlyq qalɣaj* БН 149, BN 122b 'Если столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, восседающий на престоле Тимур бека, не говорит о походе на врага, а велит укрепляться, – какая останется надежда у народа?' (букв. 'у племен и орд', см. [Буд. I, с. 203]); *čun analarymdyn kim anam wä anamnyn anasy isan däwlät bekim bolɣaj...bu* (БН: *bir) näw'...ǧätlar kelib mundaq ihtimamlar bilä tilagajlar ne könül bilä kiši turɣaj* БН 66, BN 53a 'Так как от моих матушек, коими были моя мать и мать моей матери Исан Даулат биким, ... приходили подобные письма и они с таким усердием меня призывали, то с каким сердцем устоит человек?'.

Вопрос, в том числе и риторический, подразумевает ответную реакцию адресата. Благодаря этому создается впечатление живого взаимодействия между автором и адресатом. Усугублению этого впечатления служит также установление тех доверительных отношений с адресатом, о чем шла речь выше (см. с. 55), а кроме того – забота автора о четкой и достаточно простой и ясной организации текста. Именно об этом Бабур писал сыну своему Хумаюну: *ǧätinni ǧod här täwr oqusa boladur wäle bu muɣläq alfaziŋdin mäqsud tämam mäfhum bolmajdur ɣaliba ǧät bitirda kahillyqyn häm oššbu ǯihättin dur täkälluf qylaj dejsin ol ǯihättin muɣläq boladur mundyn nary bi täkälluf wä räwšän wä pak alfaz bilä biti häm säŋä täšwiš azraq bolur häm oquɣučyɣa* БН 452, BN $349b_{4-8}$ 'Почерк твой так ли, сяк ли прочитать можно, однако из-за этих твоих неясных (темных) слов смысл (букв. желание, предмет желания) вовсе не понять. Вероятно, это именно из-за твоей нерадивости во время писания письма. Ты думаешь: "Напишу-ка поизысканнее (букв. сделаю-ка церемонию)", поэтому получается неясно (темно). Впредь пиши словами простыми (букв. без церемоний), ясными и чистыми: и тебе будет меньше беспокойства, и читающему'. Эта забота об удобстве читателя, стремление устранить всякое превышение предела небрежности, которое в конечном итоге бумерангом сказывается на интересах автора, стало одной из компонент коммуникативно-творческой стратегии Ба-

бура. Таким образом, можно говорить о том, что Бабуру вполне удалась предпринятая им попытка (говоря словами современного исследователя [Булыгина 1981, с. 339]) представить своих читателей участниками речевого акта, связанными общей целью коммуникативного сотрудничества.

И надо сказать, Бабур достиг своей цели, обращаясь к любому читающему и слушающему, к любому слышащему и видящему вдалеке и вблизи, убеждая их в правдивости и объективности своего повествования. Еще при его жизни современники обращались к нему с просьбой прислать им данное сочинение для ознакомления (см.: БН 439, BN 363a). А 19 сентября 1528 г. (4 мухаррама 935 г.х.) из Хорасана к индийскому двору Бабура прибыл известный историк Хондамир. По мнению Н.Д.Миклухо-Маклая, Хондамир приехал для внесения в текст своего сочинения по всеобщей истории, носящего название "Хабиб ас-сийар фи ахбар-и афрад-и башар" ("Друг жизнеописаний в известиях о выдающихся представителях рода человеческого"), "дополнительного материала, почерпнутого из „Записок" Бабура"; о том, что эта задача была выполнена, говорит тот факт, что в тексте сочинения Хондамира имеется ряд мест, "обнаруживающих несомненную связь с соответствующими местами „Записок" Бабура" [Миклухо-Маклай 1963, с. 239]. Это "самый ранний по времени известный нам случай использования „Записок" Бабура в литературе" [Миклухо-Маклай 1963, с. 248].

§ 4. Временное изменение адресата и восприятие текста

Н.Д.Арутюновой была высказана мысль о том, что с течением времени изменяется адресат данного текста, а следовательно, изменяется стиль восприятия текста адресатом и поэтому в его глазах как бы меняется и сам текст ("возникает новый текст"). Эта мысль хорошо подтверждается на примере исследуемого текста. Действительно, целый ряд фрагментов "Бабур-наме" воспринимается нынешним читателем совершенно иначе, нежели современниками Бабура. Современному читателю, например, представляются забавными тот пафос и торжествующая гордость Бабура, с какими он описывает стычку с баджаурцами, прежде не знавшими огнестрельного оружия. Кривлянием, непристойными позами несчастные выказывали свое презренье к воинам Бабура, вооруженным ружьями (а тем казалось – простыми палками). Грянул выстрел – полегло семь–восемь, даже десять баджаурцев, остальные в страхе и ужасе разбежались (БН 277, BN 217a).

С точки зрения средневекового читателя содержание следующего фрагмента воспринималось всего лишь в плане проявления справедливого гнева феодала к нерадивому вассалу: *atlanur čaq baba ḫan aḫtači jaramasraq at* (BN 242a$_{3-4}$: *aḫta-i jaramasraq*) *tartty ačyyymdyn bir mušt jüziga urdum bunsur barmaγym tübidin sindi ol fyrsatta ḫäjli aγrymady kelib jurtqa tüškanda ḫäjli täšwiš berdi bir neča mähäl* (BN 242a$_{5}$: *neča mähäl*) *ḫäjli riazät tarttym ḫät bitij almas edim* БН 311$_{19-22}$, BN 242a$_{3-6}$ ‘В момент выступления в поход конюший Баба хан подвел мне коня не такого, какого следовало бы (букв. совсем не подходящего). В гневе я ударил его раз кулаком в лицо – безымянный палец мой сломался у основания. В тот момент сильно не болел, а когда, приехав, [мы] остановились на стоянке, причинил много беспокойства. Некоторое время я очень воздерживался – не мог писать’. Стиль восприятия данного микротекста современным читателем резко меняется: для нас этот текст – проявление жестокости и цинизма; жалобы автора не вызывают ожидаемого им отклика.

Авторский текст изобилует такими фрагментами – ”временными оборотнями”, дающими сбой в отношении адресата, который изменился за прошедшее пятисотлетие. Имеются в виду сообщения о некогда ”нормативных” жестокостях этого ”одного из самых культурных и обаятельных людей, какие только существовали” [Неру 1975, с. 57]. Вот Бабур лично принимает участие в подавлении бунта у ворот Кабула: *aḫyr özum atlandym tört beš kišini oqlab bir iki kišini parä parä qyldurdum yawya basyldy* БН 156, BN 127b–128a ‘Наконец, выступил я сам, четырех–пятерых человек я приказал застрелить, одного–двух разрубить на куски. Раздор был подавлен’; см. еще БН 188, BN 151b; БН 278, BN 218a; БН 330, BN 255b. См. о наказаниях и расправах другого рода, не менее жестоких: *tiriklaj terisini sojdurdum* БН 421, BN 325b ‘Я велел живьем содрать кожу [с восставшего Ильяс хана]’; *sidim ‘äli därbanniŋ bir abädan nukäri birawniŋ bir küzä jayyny tartyb alyan üčün ešikka kelturtub tajaylattym tajaq astyda oq žany čyqty* БН 154, BN 126 ‘За то, что один хороший нукер Сидим Али дарбана утащил у кого-то кувшин масла, я велел привести его к дверям [моего шатра] и побить палками, прямо под палками он испустил дух’. См. также ”Формулы наказания” (гл. II, § 5$_{7}$). Афганцы, сдавшиеся на милость победителя (по своему обычаю они держали в зубах пучок травы, как бы говоря: ”я – твой бык”), также не избежали расправы: *tirik kelturganlarni häm bojunlaryny urdurub tüškan jurtta källä mänarä qoparyldy* БН 182, BN 147b ‘У тех, кого привели живыми, [я] также приказал отрубить головы; на стоянке, где [мы] остановились, из [их] черепов была возведена башня’ (”этот варвар-

ский обычай до такой степени входил в нравы диких завоевателей Азии, что и Бабур весьма хладнокровно упоминает об этом в своих записках на стр. 182..." [Буд. II, с. 255]). И далее: *jüz iki jüz mutämarrid afγanlarnyŋ bašlar[y]ny kelib kelturdilar munda häm källä mänarä qoparyldy* БН 330, BN 255b 'Приехали и привезли головы сотни–двух сотен непокорных афганцев; здесь также возвели башню из черепов'. Маршруты победоносных походов Бабура по Афганистану и Хиндустану изобиловали возведенными по его приказу башнями из черепов, см., например: БН 183, BN 148a; БН 279, BN 218b; БН 307–308, BN 239a; БН 421, BN 325b; БН 433, BN 335a; см. также "Формулы военной победы" (гл. II, § 5_8).

Как видим в результате временного изменения адресата, трансформируется отношение автор–адресат, меняется текст и стиль его восприятия. Учет всех этих изменений – лучшее средство против идеализации средневековых деятелей культуры, особенно таких сложных и многогранных фигур, как Бабур.

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ТЕКСТООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ В "БАБУР-НАМЕ"

§ 1. Языковое выражение коммуникативной установки, отношения "автор–адресат"

В системе отношений "адресант–текст–адресат" текст занимает особое место не только как результат творчества незаурядной языковой личности (адресанта-автора), но и как результат взаимодействия между автором и адресатом, как реализация коммуникативной установки автора.

Для реализации коммуникативной установки "Бабур-наме" необходим был язык всем доступный и понятный, без риторических красот персидского слога, с простотой и ясностью выражений (ср. [Бартольд 1896, с. 380]), с умеренным употреблением фарсизмов и арабизмов. Именно воздействием фактора совершенно определенной коммуникативной установки объясняется констатируемая всеми исследователями "Бабур-наме" простота и доступность этого объемистого прозаического сочинения, между тем как, скажем, описание языковой структуры сочинения само по себе, разумеется, не позволяет дать адекватный ответ на вопрос: "почему так сказано, а не иначе" [Степанов 1988, с. 125].

Переходим к собственно лингвистической части исследования.

Именно наличием разных адресатов для "Бабур-наме" и для сочинений Навои, а также разными для них характерами взаимо-

действия между автором и адресатом диктовались различия в способах достижения "литературной скромности". Это понятие, важное, как увидим ниже, для понимания структуры повествования "Бабур-наме", было введено К.Броккельманом [Brockelmann 1954, с. 286]. В сочинениях Навои употребляется более пятидесяти самоуничижительных субститутов местоимения 1-го лица ед. числа, как например: *bu bändä* 'этот раб', *faqyr* 'бедняга' [Юсуфов 1988, с. 8–9]. В "Бабур-наме" самоуничижительные субституты отсутствуют: султану Бабуру не было нужды выражать верноподданнические чувства кому бы то ни было[6]. Именно поэтому литературная скромность выражалась здесь иными способами.

Первый способ затрагивает область глагола, точнее – специфическую морфолого-синтаксическую реализацию страдательного залога. Это регулярные в "Бабур-наме" формы пассива 3-го лица ед. числа, образуемые как от переходных глаголов (при сохранении ими управления вин. падежом), так и от непереходных (в том числе – и глаголов движения). На "сочетание страдательного залога с вин. падежом того слова, которое естественнее всего было бы считать подлежащим" как на "весьма обыкновенное" в "Бабур-наме" обратил внимание П.М.Мелиоранский при описании и объяснении подобного же явления в руническом памятнике в честь Кюль-Тегина [Мелиоранский 1900, с. 102]. Полвека спустя исследователь узбекских залогов С.Фердаус, который посвятил этому явлению целый раздел, а при квалификации его исходил из современной языковой нормы, определил подобное живое функционирование пассива в узбекском как "языковые ошибки" [Фердаус 1950, гл. 5]. Л.В.Щерба придавал большое значение "ошибкам" подобного рода и видел в них нереализованные языковые потенции [Щерба 1974, примеч. 11 к с. 379], а Н.Д.Арутюнова специально подчеркивала роль аномалии в словесном творчестве [Арутюнова 1987, с. 16]. О пассиве "с вин. падежом отношения (des Bezugs)" см. [Brockelmann 1954, с. 344]. В "Бабур-на-

---

[6] Алишер Навои считался товарищем султана Хусейна мирзы: в детстве они вместе учились в школе и были близки между собой; экономически поэт никак не был зависим от Хусейна мирзы (*mirzadin nimä almas edi balkä jylda mirzaya kulli mäbläylar pišläš qylur edi* БН 214, BN 171a От мирзы он никогда ничего не брал, но даже мирзе каждый год преподносил в подарок крупные суммы'; комментарий к этому сообщению см.[Бартольд 1928, с. 140]). И все же, живя при дворе султана Хусейна и будучи его придворным поэтом [Brockelmann 1954, с. 11], Навои был зависим от последнего. Это явствует хотя бы из рассказа Бабура о кончине Навои (БН 214, BN 171b): когда султан Хусейн возвращался из похода на Астрабад, уже смертельно больной поэт выехал ему навстречу и, преклонив колени, поздоровался с ним. С колен подняться больной Алишер не смог; его подняли и унесли. На следующее утро он преставился к милости господней [Бабур-наме 1958, с. 199]; (см. также [Бартольд 1928, с. 158]).

ме" вин. падеж имени объекта действия при пассиве сигнализирует о его безличном употреблении. При этом безличность может быть неопределенной, и в этом случае субъектная отнесенность глагольно-личной формы пассива совпадает с формально выраженной – это 3-е лицо, например: *hindustanda daγy andaq ǯanwärlarni eštilmajdur* БН 174, BN 141a ʿВ Хиндустане о таких животных даже не слыхивали'.

Чаще в изучаемом тексте подразумевается субъектная отнесенность форм пассива 3-го лица к первому лицу, благодаря чему и достигается нужный Бабуру эффект безличности изложения. Это первая и весьма важная особенность использования форм пассива в "Бабур-наме". Эффекта такой именно субъектной отнесенности форм пассива Бабур добивается путем увязки высказывания с дейктическими значениями "этот", "здесь", "сейчас" (так называемая процедура локации, см. о ней ниже § 2.1_B). Например, *mundyn burun diŋni körulgan emas edi γarib häjatlyq quštur* БН 302, BN 235a-b ʿДо этого [мне] не приходилось видеть динга; это птица диковинного вида'.

По большей части субъектная отнесенность к первому лицу форм пассива 3-го лица обусловлена самим контекстом. Примеры: *hindu bekni humajun qašyda qojulub edi* БН 385, BN 297a (после празднования Бабуром праздника шаввала) ʿХинду бека [мы] оставили при Хумаюне'; *kabulniŋ üstiga fi-l-hal barurny barmasny keŋašildi* БН 154, BN 126a ʿ[мы] совещались, идти ли [нам] на Кабул немедленно или не идти'; *širim tayajyny husräw šahqa qošub jibariłdi* (BN $126a_{12}$: *jibarilib edi*) *kim...* БН 154, BN 126a ʿПрисоединив к Хусрау шаху, [я] послал Ширим Тагая, чтобы...'; *äsirni tämam ajryb azad qylyldy* БН 181, BN 146b ʿПленных [мы] отделили полностью и освободили'; *ǯäld muhässillar wä qalyn bildarlarni täjjin qylyldy kim jolnyŋ čaqyr čoquryny rast qylyb ǯäŋällarni kesgajlar* БН 431, BN 333a ʿ[Мы] назначили расторопных надсмотрщиков и многочисленных землекопов, чтобы они выровняли неровности дороги, вырубили заросли'.

Вторая особенность касается творческого использования форм пассива с вин. падежом объекта "Бабур-наме": это их высокая частотность в данном сочинении (см. [Благова 1965, с. 22–47]). Такая частотность представляет собой уникальное явление для средневековых тюркских языков, хотя, например, в прозаических сочинениях Навои (в частности – в "Мухакамат ал-лугатайн") формы пассива в безличном значении изредка встречаются, как и в тексте другого жанра – деловых документов, а именно в документе султана Омар Шейха, отца Бабура [Мелиоранский 1906]. Сама возможность использования пассива с вин. падежом в текстах разного жанра свидетельствует, что на рубеже XV–XVI вв. это было, по-видимому,

явление живое и не отвергаемое языковой нормой того времени. Однако подлинно творческое использование его, обеспечивающее его высокую частотность, представлено только в "Бабур-наме". Названные две особенности в использовании пассива Бабуром позволяют считать описанное явление языковым стилеобразующим признаком "Бабур-наме".

Данный стилеобразующий признак в языке "Бабур-наме" отнюдь не изолирован, но он оказывается сопряжен с некоторыми другими признаками разного ранга.

Второй способ, посредством которого достигается эффект литературной скромности, назовем лексическим. Это использование в качестве сказуемого аналитических глагольно-именных структур, где именным компонентом выступает либо фарсизм (*färman* ʿприказ'), либо арабское страдательное причастие, иногда масдар, а глагольным – чаще всего вспомогательный глагол *bol-* стать'. То, что аналитические структуры здесь в определенных случаях имеют стилистическим назначением выражение литературной скромности, как и словоформы пассива, обнаруживается при учете способности тех и других к варьированию и взаимозаменяемости. Ср., например: а) *žäld muhässillar wä qalyn bildarlarni täjjin qylyldy kim*... БН 431$_{1-2}$, BN 333a$_{2-3}$ ʿ[Мы] назначили расторопных надсмотрщиков и многочисленных землекопов, чтобы...' и *muhässillar wä bildarlar täjjin boldy kim*... БН 431$_{12}$, BN 333a$_{12}$ ʿБыли назначены надсмотрщики и землекопы, чтобы...'; б) *muʿmin at(a)kaniŋ aγa inisini ruḫsät berildi* БН 485, BN 377a ʿ[Мы] отпустили (букв. дали разрешение) братьев Муминаат(а)ка' и ... *näbiräsiga* ... *sämärqänd* (БН 462$_{14}$: *sämärqändγa*) *barmaqqa ruḫsät boldy* БН 462$_{13-15}$, BN 357b$_{5-6}$ ʿего внуку... было разрешение уйти в Самарканд'. Подробнее о лексическом способе перевода аналитических структур с переходным значением в аспект непереходности см. [Благова 1971, с. 90–91].

Указанное стилистическое назначение аналитических глагольных структур с *bol-* особенно очевидно в тех случаях, когда при таком глаголе объект действия, который нормативно должен выступать в форме грамматического подлежащего, вопреки этой норме в данном тексте представлен вин. падежом. Эта явная языковая аномалия появляется здесь неспроста: она бесспорно сигнализирует о значении безличности (не исключено, что вин. падеж объекта возник здесь по аналогии с управлением вин. падежом со стороны страдательного глагола). Примеры: *qurbegilikni hätimγa ʿinajat boldy* БН 200, BN 161a ʿХатиму была пожалована должность начальника арсенала'; *bhirä bilä sind därjasiniŋ arasydaγy wilajätlarni* (БН 297$_{20}$: *wä ellärni*).... *muhämmäd ʿäliγa* (BN 232a$_{5}$: *ʿäli žäŋ žänγa*) *ʿinajat boldy* БН 297$_{19-21}$,

BN 232a$_{3-5}$ ʿОбласти, лежащие между Бхирой и рекой Синд, были пожалованы Мухаммеду Али'. Названная языковая аномалия, малочастотная в "Бабур-наме", была отмечена П.М.Мелиоранским в памятнике в честь Кюль-Тегина, при этом для ученого оставалось проблематичным, возможно ли это явление синтаксически приравнять к пассиву с вин. падежом [Мелиоранский 1900, с. 102–103].

Третий способ достижения литературной скромности затрагивает имена и глагольные имена, главным образом – причастия. Имеется в виду широкая возможность для причастий и имен выступать без аффиксов принадлежности 1-го лица ед. и мн. числа, хотя наличие таких аффиксов здесь вроде бы необходимо. Здесь мы остановимся только на отсутствии аффикса принадлежности 1-го лица в таких ходовых для "Бабур-наме", устойчивых словосочетаниях, как сочетание имени ар. *ḫatyr* ʿмысль, идея', ʿсердце', ʿпамять' (обычно в дат.-напр. падеже, редко в исх. падеже) с варьируемыми глагольными компонентами. См. *ḫatyrγa keldi kim...* БН 146, BN 120a; БН 466, BN 360b ʿ[Мне] пришло на ум'; *ḫatyrγa bu jetti kim...* БН 39, BN 31b; БН 353, BN 272b; БН 437, BN 337b ʿДо сердца (или: до сознания) дошло это...'; *daim ḫatyrγa jetar erdi kim...* БН 388, BN 299b ʿДо сердца постоянно доходило, что...'; *ḫatyrγa kečti kim...* БН 326, BN 252b; БН 328, BN 253b; БН 329, BN 255a; БН 402, BN 310a ʿВ памяти пронеслось...'; *ḫatyrlarγa täräddud kečmagaj...* БН 398, BN 307a ʿчтобы в памяти многих не проносились сомнения...'; ... *ḫäjli ḫatyrγa jaqty* БН 330, BN 255a ʿ[Это место мне] очень пришлось по душе'; *čar bay ḫijali ḫatyrdyn čyqty* БН 388, BN 300a ʿМысль о Чар-Баге выскочила [у меня] из головы', см. еще БН 334, BN 258b. Субъектная отнесенность этих глагольно-именных словосочетаний к первому лицу становится ясна только из контекста.

Уже перечисленные выше способы достижения литературной скромности – морфолого-синтаксический (глагольные словоформы пассива 3-го лица с вин. объекта; отсутствие аффикса принадлежности в именном компоненте глагольно-именных устойчивых словосочетаний), лексический (аналитические глагольные структуры с страдательно-безличной семантикой; полное отсутствие обычных для средневековой придворной литературы самоуничижительных субститутов личного местоимения 1-го лица ед. числа) – притом что число таких способов увеличивается при дальнейшем углубленном исследовании (см. ниже, § 2.1$_{А-Г}$) – складываются в некую стилевую основу "Бабур-наме". Каждый из ее конкретных составляющих может быть с полным правом назван лингвостилистическим (стилеобразующим) признаком "Бабур-наме". Все эти лингвостилистические признаки взаимосвязаны один с другим, а в конечном счете – между собой и составляют своего рода систему.

Авторская ориентация на принципиально новую для средневековой литературы модель адресата – среднего (рядового) читающего, слышащего и видящего – обусловила вполне сознательный подход Бабура к языковому материалу. Благодаря авторскому сознательному отбору языковых средств и умелому их распределению в тексте возникает впечатление простоты языка "Бабур-наме", безыскусственности и даже известной близости к живому языку. Здесь, разумеется, необходимо помнить предупреждение: этот "лучший образец чагатайской прозы... отнюдь не следует оценивать как отражение обиходного языка того времени" [Brockelmann 1954, с. 15].

Само по себе появление в средневековой литературе произведения с названными лингвостилистическими характеристиками оказывается связанным с расширением сферы функционирования стилистической системы чагатайского литературного языка, поскольку знаменовало собой выработку принципиально нового среднего стиля (притом, что в "Бабур-наме" нет полного отказа от господствовавшего тогда в литературе высокого стиля: элементы этого последнего присутствуют в ряде фрагментов текста). Объективно все это не могло не привести к демократизации литературного языка; с точки зрения исторической представляется парадоксальным, что такая демократизация была осуществлена представителем правящих верхов, султаном, носителем не только власти, но и культуры средневековья, обусловлена же она, естественно, экстралингвистической ситуацией.

§ 2. Эпическое повествование объективированных типов и субъективированного типа; их взаимодействие

Бабур поставил перед собой задачу дать рядовому читателю правдивый рассказ о сложных, порой антагонистических отношениях его как государя и феодальной среды Мавераннахра, а впоследствии и Хиндустана, о ходе событий своей жизни, который привел к ее апофеозу – победоносным походам в Хиндустан. В соответствии с этой задачей сочинение в целом представляет собой эпическое повествование, скрепляющее и соединяющее воедино все композиционно-речевые разновидности текста, а именно: 1) собственно повествование о событиях жизни Бабура, 2) описание (описание целой галереи персонажей – главных и второстепенных участников излагаемых событий; описание местностей, где развертывались эти события; описание флоры и фауны и т.п.), 3) авторские отступления и рассуждения.

Для такой композиционно-речевой разновидности, как описание, используется объективированный тип изложения (констатив). Он подразумевает субъектную отнесенность к 3-му лицу; ключевыми для него являются глагольные формы 3-го лица с употребляемыми при них в качестве подлежащих различными именами, нарицательными и собственными (антропонимами, топонимами и т.п.).

Другие композиционно-речевые разновидности текста "Бабур-наме" – собственно повествование и авторские отступления – обслуживаются не одним, но тремя типами изложения. Перформативов здесь два: помимо субъективированного типа повествования (ключевые формы 1-го лица), обычного для произведений автобиографических, "мемуарно-дневниковых", в "Бабур-наме" используется еще и объективированный тип с ключевыми глагольными формами 3-го лица при подразумеваемой субъектной отнесенности их к 1-му лицу. В тех же фрагментах повествования, где речь идет о других действующих лицах излагаемых событий, имеет место обычный объективированный тип, в котором формально выраженное 3-е лицо ключевых глагольных форм полностью совпадает с их субъектной отнесенностью к 3-му лицу. Ниже этот последний тип по причине его обычности подробно не рассматривается.

Соположение трех названных типов повествования в тексте "Бабур-наме" было новаторским для средневековой тюркской литературы. Поэтому рассмотрим подробно каждый из этих типов, а также их взаимодействие.

1. Повествование объективированного типа с неявно выраженной субъектной отнесенностью к 1-му лицу (тип I)

Описанное выше отношение автор – адресат и одно из его проявлений – фактор литературной скромности – обусловили то, что значительная часть "Бабур-наме" представляет собой повествование объективированного типа с подразумеваемой субъектной отнесенностью к 1-му лицу (ниже для краткости типа I). Повествование объективированного типа (типа I), ведущим признаком которого, как и в обычном случае, является "нулевая форма номинации повествовательного субъекта" [Гончарова 1989, с. 13], конструируется в "Бабур-наме" с помощью целого ряда разноуровневых способов и средств – морфолого-синтаксических и лексических (в том числе индексальных) – и их различных комбинаций. Рассмотрим каждое из этих средств в их конкретных проявлениях.

(1) Ядерной языковой единицей повествования типа I следует признать глагольные словоформы пассива 3-го лица. В "Бабур-наме" это самое высокочастотное явление в ряду других морфолого-синтаксических средств данного назначения. При таких глагольных словоформах отсутствует упоминание о субъекте действия, именном или местоименном, а объект действия, вопреки общетюркской норме, присутствует в форме не грамматического подлежащего, но прямого дополнения в вин. падеже. Благодаря этому достигается эффект безличности изложения (при подразумеваемой субъектной отнесенности действия к первому лицу).

(2) Повествование типа I в "Бабур-наме" поддерживается также другими морфолого-синтаксическими средствами. Среди них – модально-безличные предложения без субъекта действия в форме грамматического подлежащего и со сказуемым в виде сочетания деепричастия на *-(I)b + bol-* [Кононов 1960, с. 401, 402]. См. *barča elga jarmaq ḫod jetkurub bolmas* БН 179, BN 144b 'Что касается] денег [, то] весь народ удовлетворить нельзя', см. еще БН 342, BN 264b; БН 99, BN 80b; *färγanä wilajätiniŋ ḫasili bilä agär 'ädl qylsalar üč tört miŋ kiši saḫlab bolur* (BN $5b_8$: *saḫlasa bolur*) БН 7_{1-2}, BN $5b_{7-8}$ 'Доходами с области Ферганы, если соблюдать справедливость, можно содержать три–четыре тысячи человек'. Как видно из последнего примера, модальность на *-(I)b bol-* способна заменяться "модальностью объективной возможности" на *-sa bol-* [Кононов 1960, с. 399–400]. См. пример употребления *-sa bol-*: *här jerda olturušluq bolsa čärḫlar jasab aqar suwlar qylyb tärhlyq wä siäqlyq jerlar jasasa bolur* БН 388, BN 299b 'Где бы ни пришлось обосноваться (букв. стать оседлым), можно будет установить мельничные колеса, провести проточную воду, устроить распланированные и упорядоченные места' [видимо, сады или парки. – *Г.Б.*]; см. также БН 459–460, BN 355a.

(3) Создавая свое особое повествование объективированного типа, Бабур умело пользовался явлением, находившимся на стыке языка и речи, а именно той, по В.Г.Гузеву, "необлигаторностью грамматического значения принадлежности", которую исследователи наблюдали в староанатолийско-тюркском [Гузев 1988, с. 9], древнеуйгурском [Д.Насилов 1988, с. 73] и которая существовала также в чагатайском [Благова 1954, с. 139]. В "Бабур-наме" посессивные аффиксы, и прежде всего 1-го лица, весьма часто отсутствуют в именах, глагольных именах и причастиях, а также в относящихся к последним определяемых. Поэтому в причастных конструкциях весь-

ма часто только контекст помогает понять, кем же совершено второстепенное действие, выраженное причастием. Например, *hindustan fäth qylγan jyl* БН 170, BN 139a ʿв год, когда [я] завоевал Хиндустан'; *käm rud aγzyγa tüškanda šir ʿäli čuhrä qačyb hüsräw šah qasyγa bardy* БН 99, BN 81a–81b ʿКогда [мы] стали в устье Кам-Руда, сбежал Шир Али Чухра, он ушел к Хусрау шаху'. Субъектная привязка такого второстепенного действия к первому лицу подразумевается и в тех немногочисленных случаях, когда причастие выступает в форме пассива, например: *muddäti barylγandyn soŋ* БН 327, BN 253b ʿпосле того как [мы] прошли некоторое расстояние...'. В том случае, когда налицо "подлежащее" *men* 'я' или *biz* 'мы' при причастно-полупредикативной форме на *-γan* + местн. пад. *-da*, аффикс принадлежности 1-го лица в этой последней, естественно, отсутствует: *biz čerik atlanγanda...* БН 95, BN 77b ʿКогда мы выступили войском...'; *men sämärqänddyn čyqγanda qalyb edi* БН 74, BN 59b ʿКогда я ушел из Самарканда, он остался там'. При именах аффикс принадлежности 1-го лица отсутствует там, где в современных тюркских языках представлены а) морфологический и б) морфолого-синтаксический способы выражения принадлежности.

а) Субъект и объект обладания должны были бы быть выражены в единой словоформе, но поскольку в "Бабур-наме" речь идет по большей части об авторе, т.е. 1-м лице, то в соответствии с авторской целевой установкой посессивный аффикс 1-го лица опускается – принадлежность более или менее легко определима из контекста. См. *teŋri ʿinajätidin umid bar kim...* БН 171, BN 139a ʿПо милости господней есть [у меня] надежда, что...', см. также БН 148, BN 121a; *amma mekr wä firib ḫatyrda joq edi* БН 135, BN 110b ʿНо хитрости и обмана в [моем] сердце не было'; *ʿäskäriya wä hindalγa wä bälkä ẕämiʿ uruq qajaš oγlan ušaqqa qalyn qyzyldyn aqdyn räḫtdyn ẕäwahirdin bärdädin säwγatlar bardy* БН 380, BN 293b ʿ[сыновьям Бабура] Аскери и Хиндалу, а также всем [нашим] родственникам и родичам, мужскому поколению пошло в виде подарков много золота, серебра, вещей, драгоценных камней, невольников'; то же при наименованиях *ata* ʿотец', *aγa* ʿстарший брат' БН 39, BN 31b; *čerik...ura tepäniŋ üstiga kim muddätlar ʿomär šäjḫ täsärrufida edi mirza ölar jyly eliktin čyqyb edi... ʿäzimät qyldy* БН 40, BN 32a–bʿ[Наше] войско... направилось на Ура-Тепа, который долгое время находился во владении Омар Шейха [мирзы, отца Бабура], а в год, как мирзе умереть, вышел из-под его власти...'; при упоминании об узбекских ханах и султанах, в чьем владении оказались все земли Мавераннахра, Бабур добавляет: *qädimi dušman edi* БН 349, BN 270a ʿ[Это наши] давние враги были'; аналогичный пример см. БН 473, BN 365b.

б) При отсутствии аффикса принадлежности 1-го лица в одном

конкретном случае применения морфолого-синтаксического способа (т.е. когда имеем имя субъекта обладания в род. падеже + имя объекта обладания с соответствующим аффиксом принадлежности) этот последний как бы превращается в другой способ, а именно синтаксический. Случай этот, однако, специфичен: это сочетание словоформы местоимения 1-го лица мн. числа род. падежа *biznің* и служебного имени *ara* в местн. падеже (без аффикса принадлежности). Здесь, по нашему мнению, столкнулись два явления, достаточно своеобразных. Во-первых, при служебных именах в языке "Бабур-наме" регулярно употребляется "управляемое" имя в род. падеже (см. об этом ч. II, гл. I, § 2_2). Во-вторых, статус *ara* в средневеково-тюркской письменности колебался (послелог ∿ наречие ∿ служебное имя); отголоски этой неустойчивости нашли отражение и в языке "Бабур-наме" (см. ч. II, гл. I, § 2_2). С учетом такого своеобразия в функционировании *ara* следует рассматривать нижеприводимые примеры *biznің arada iki čadyr edi* БН 146, BN 120a ʿУ нас (букв. в нашей среде) было два шатра'; *biznің arada bä'zilar* БН 152, BN 124b ʿнекоторые среди нас'.

(4) Синтаксический способ поддержания повествовательной структуры объективированного типа I проявляется в эллипсисе лично-местоименного (1-го лица) наименования адресата действия, например: *anyң kišilari mukärrär kelib qulluq wä däwlätḫähliyyyny ʿärzya jetkurdilar* БН 393, BN 303b ʿЕго люди многократно приходили [к нам], изъявляли [нам] покорность и доброжелательство', см. [Буд. I, с. 760]: *ʿärzya jetkur-* ʿпредставить, советовать, утверждать'; *tatar ḫan...kelib gwaliarni tapšurmaq boldy* БН 394, BN 304a ʿТатар-хан ...придя, решил отдать Гвалиар [нам]'; см. еще БН 402, BN 310b. В этих и подобных случаях адресат действия устанавливается только из контекста: это к Бабуру приходят вассалы, ему изъявляют покорность, ему собираются вверить Гвалиар.

Б. Лексические способы и средства

(1) Ядерной языковой единицей лексического уровня в структурировании объективированного повествования (тип I) являются аналитические глагольные структуры с *bol-*: их использование в "Бабур-наме" обеспечивает соблюдение ведущего признака повествования этого типа, а именно нулевую форму повествовательного субъекта; в данном тексте они высокочастотны почти в той же мере, как и глагольные словоформы пассива 3-го лица. Как правило, выступают они здесь также в форме 3-го лица, без упоминания действительного субъекта действия, который подразумевается и

обнаруживается из контекста (т.е. 1-е лицо). В очень редких случаях субъект действия представлен личноместоименной словоформой 1-го лица исх. падежа: *teŋriga räwšän dur kim mendin wä mäŋä tä'älluq eldin hič iš wä sözi waqi' bolmady kim säbäb dur munča kudurät wä niqar bolyaj* БН 202, BN 162b 'Богу ясно, что от меня и от подвластных мне людей не было проявлено ни дела, ни слова, которые были бы причиной стольких неприятностей и вражды'.

Среди аналитических структур особенно высокочастотны те, которые имеют значения приказания, повеления. См. примеры: *färman boldy kim bizniŋ bilä bolyanlar talayan nimälarni alsunlar* БН 80, BN 64a 'Вышел приказ: "Те, которые были с нами, пусть возьмут обратно награбленные [у них] вещи"', см. еще *färman boldy kim...* БН 152, BN 124b; БН 155, BN 127a; БН 196, BN 157b; БН 393, BN 303b; БН 431, BN 333a; БН 432, BN 334a; БН 437, BN 337b; *hukm boldy kim...* БН 332, BN 258a; БН 439, BN 339b; БН 454, BN 351a 'Было повеление, чтобы...'. В последней группе примеров в качестве именного компонента использован арабский масдар *hukm*; в нижеследующих примерах также выступают масдары различных пород: *ḫäjli täwähhum boldy agärčä žalä yarq bolmady* БН 323, BN 250b '[Мы] очень испугались, хотя плот не потонул', см. также частотные *'inajät boldy* БН 297, BN 232a 'было пожаловано'. Такие масдары, как *qärar* 'решение', *itmam* 'совершение, оканчивание', выступают в составе устойчивых словосочетаний, каждый со "своим" глаголом; взамен повествовательного субъекта при этом упоминается "нейтральный" объект, помогающий обойтись без упоминания этого первого. См. примеры: *'älišir ḫekniŋ tört diwanidin buhur awzan tärtibi bilä yäzällar wä abjat* (+ *lar* → БН 320_{15}) *kim intihab qylyladur edi itmamya jetti* БН $320_{14\text{-}16}$, BN $248b_{3\text{-}5}$ 'Достигла завершения выборка газелей и бейтов из четырех диванов Алишер бека, которая производилась [мною] с распределением по стихотворным размерам'; *keŋaška kirar beklarni čarlab keŋašib söz muŋa qärar tapty kim...* БН 314, BN 244a 'Созвав беков, входящих в [состав] совета, посоветовались, порешили на нижеследующем (букв. слово нашло решение к следующему)...'; см. еще *söz muŋa qärar tapty kim...* БН 54, BN 43b; БН $179_{4,18}$, BN 144b и 145a; БН 181, BN 146b; БН 479, BN 370a, а также *ra'jlar(y) muŋa qärar tapty kim...* БН 185, BN 150a; БН 342, BN 264a '(Их) мнения свелись к нижеследующему решению...'. Частотны аналитические структуры с *bol-*, где в качестве именного компонента выступают арабские страдательные причастия разных пород, см., например: *muqärrär andaq boldy kim...* БН 234, BN 186a; БН 426, BN 329b; БН 487, BN 377a или *andaq muqärrär boldy kim...* БН 333, BN 258a; БН 443, BN 342b 'Решено было так...'; *buruŋyy 'äzimät musämmäm boldy* БН 196, BN 158a 'Окончательно было решено относительно

прежнего предприятия': об употреблении *mäzkur boldy* 'упоминалось (выше)' см. гл. III, § 2.

Аналитические структуры с *qyl-*, имеющие именным компонентом персидское имя, арабские масдар или причастие (часто – основного залога), используются в форме пассива 3-го лица, без упоминания субъекта действия, при сохранении вин. падежа объекта (см. [Благова 1971, с. 90]). Иногда при употреблении аналитических структур с *qyl-* возможен своего рода стилистический маневр с целью умолчания об истинном производителе действия – не сам Бабур, но бог завоевал для него Кабул и Газни: *teŋri tä'ala fäzl wä kärämi bilä kabul wä γazniny̧ mülk wä wilajätini bi ǯäŋ wä ǯädal mujässär wa musäḫḫär qyldy* БН 156, BN 128a 'Бог всевышний своею милостью и благоволением без боя и сражения даровал [нам] и покорил [нам] царство и область Кабула и Газни'. Как видим, здесь же использован и синтаксический способ – эллипсис личноместоименного (1-го лица) адресата действия.

(2) Использование индексальных элементов в структурировании повествования типа I условно может рассматриваться как одно из лексических средств такого структурирования. На тюркском материале названное функционирование индексальных элементов не рассматривалось; по этим соображениям соответствующее описание вычленено нами в самостоятельный подраздел.

В. Использование индексальных элементов дейктического значения и модально-коммуникативных частиц

Повествование типа I обеспечивается, наряду с прочим, использованием индексальных элементов для таких референтов, о которых читатель знает (это знание почерпнуто им из предыдущего текста). Процедура локации в "Бабур-наме" проявляется, прежде всего, в дейктическом противопоставлении, имеющем характер политико-географический. Так, в индийской части "Бабур-наме" противопоставляются, с одной стороны, Хиндустан, где в тот самый момент находился автор, а с другой – покинутая, но оставшаяся в подчинении область Кабула, навсегда утраченная область Ферганы, причем обо всех этих обстоятельствах читателю уже известно из предыдущего текста. Кабул и Фергану Бабур обозначает как принадлежащее прошлому *ol wilajätlar* 'те области', *ol täräf* (*sary*) 'та сторона', а Хиндустан – *hindustan* или же как принадлежащее настоящему *bu wilajätlar* 'эти страны', *bu sary* 'эта сторона', см. *bu wilajätlar kim bhirädin bäharγača hala meniŋ täsärrufumdä dur* БН 379, BN 292a 'Эти области, которые от Бхиры до Бахара ныне находятся под моей властью'; *biznin ihtimamimiz ol sary barmaqqa bi häd wä*

bïyajättur БН 464, BN 359 ʿНаше старание отправиться в те края [т.е. в Кабул] безгранично и беспредельно'; *ol wilajätlar* см. также БН 359, BN 277a; БН 360, BN 278a; *bu gäwmiš* БН 357, BN 276a ʿэтот (= тутошний) буйвол'.

См. названное противопоставление в пределах одного предложения: *jinä ol wilajätlarda tört fäsl bolur* (BN 288a[11]: *fäsl tur*) *hindustanda üč fäsl bolur* БН 374, BN 288a ʿЕще[различие]: в тех землях [т.е. Фергана, Кабул] – четыре сезона, в Хиндустане – три сезона'; *hindustan lulilari bä'zi išlar körsatadurlar kim ol wilajätlarnïŋ lulilaridin körulmajdur edi* БН 457, BN 353a ʿИндийские цыгане показывают некоторые свои фокусы (букв. дела), каких от цыган тех стран не видывали' (то же противопоставление см. ниже: БН 457, BN 353a); *biz kabulda ekanda...mundaq qärar qylyb edi kim padišah ol täräfdin deli näwqahisiya kelsalar men bu sarydyn agra üstiga jürujmen* БН 386, BN 298a ʿКогда мы были в Кабуле, ...[Рана Санка-нечестивый] решил так: "Если государь из тех краев [т.е. из Кабула] придут в область Дели, то я из этого края уйду на Агру"'; *ḫätlardin wä 'ärzädaštlardin ol jüzdagi bu jüzdagi käjfijät wä halat mušäḫḫäs wä mä'lum boldy* БН 450, BN 348a ʿИз писем и петиций выяснилось и стало известно положение дел по эту сторону и по ту сторону [гор]'.

Следующий пример со всей очевидностью показывает, что в вышеуказанном противопоставлении *bu – ol* дейктическое значение последнего как бы приравнивается к значению словоформы род. падежа местоимения 1-го лица мн. числа *biznïŋ* ʿнаш' (в смысле "тот, откуда мы пришли сюда"). Рассказывая о разновидностях перепелок, встречающихся в Хиндустане, Бабур замечает: *bir budänä dur kim biznïŋ wilajätlarya barur budänä dur... jinä bir budänä dur kim ol wilajätqa barur budänälardin qysqaraq dur...jinä bir budänädur ol wilajätlarya barur budänä kičikrak boyzy bilä köksida qarasy köprak bolur* БН 362, BN 279b ʿОдна из разновидностей перепелок – те, которые прилетают в наши земли... Еще одна разновидность перепелок, которые мельче (букв. короче) перепелок, прилетающих в тот край... еще одна разновидность перепелок, которые меньше перепелок, прилетающих в те края, на горле и груди у них больше черноты'. Таким образом, использование противопоставления *bu – ol* (с политико-географической семантикой), где *ol*, выступая дейктическим субститутом словоформы *biznïŋ* ʿнаш', избавляло от навязчивого употребления местоименных словоформ 1-го лица ед. и мн. числа род. падежа *biznïŋ* ʿнаш', *menïŋ* ʿмой'[7] и, следовательно,

[7] В переводе М.А.Салье *ol wilajat(lar)* в данном фрагменте передается именно как ʿнаши земли' [Бабур-наме 1958, с. 324].

являлась одной из языковых строевых компонент объективированного типа (I) повествования. Противопоставление указательных местоимений *bu – ol* может быть и чисто пространственным, например: *ol jan bu jan säjr qylyb baryldy* БН 479, BN 370a ʿ[Мы] продолжали путь (букв. ехали), прогуливаясь в ту сторону и в эту сторону'; см. еще БН 442, BN 342a; БН 477, BN 369a.

Противопоставление *bu – ol* может иметь в "Бабур-наме" и временное наполнение, см. *ol tariḫdin bu tariḫqača hämišä hindustan häwäsi qylylur erdi* БН 348, BN 269a ʿС той даты вплоть до настоящего времени[я]постоянно вожделел к Хиндустану'. При упоминании о диковинной индийской птице динг Бабур отмечает: *mundyn burun diŋni körulgan emas edi* БН 302, BN 235a–b ʿДо этого [т.е. до походов Бабура в Хиндустан] [мне] не приходилось видеть динга'. В этом фрагменте текста объективированного типа I субъектная отнесенность к 1-му лицу становится ясна при учете дейктического *mundyn burun* ʿдо этого' – в подтексте: ʿдо походов Бабура в Хиндустан'. В следующем примере субъектная отнесенность (дейксис 1-го лица) действия в причастной конструкции проводится с помощью местоимения *ol* (точнее: словосочетания *ol jyl* ʿв тот год'): *ol jyl sämärqändtyn čyqyb ḫisar kelganda özbekniŋ ǯami' ḫan wä sultanlari jyɣylyb ittifaq qylyb...* БН 343, BN 265a ʿВ тот год, когда [мы] ушли из Самарканда и пришли в Хисар, все узбекские ханы и султаны собрались, объединились...'

Еще пример, когда дейксис 1-го лица может осуществляться посредством местоимения *ol*: *ol čeriklagandin* (BN $225a_{10}$: *čerik čeriklagandan*; ср. *čerikla-* ʿрасположить, сосредоточить, вести войско' [Буд. I, с. 475]) *mutäwähhim bolub bhiräni tašlab...* БН 288_{18}, BN $225a_{10-11}$ ʿОпасаясь того [т.е. нашего] сосредоточения войск, он оставил Бхиру...', см. также аналогичный пример БН 343, BN 265a. Довольно часто дейксис 1-го лица передается с помощью указательного местоимения *bu* ʿэтот': *bu jigitlardin jigirmä čaylyq kiši* БН 475, BN 367a ʿоколо двадцати человек из этих (т.е. моих, наших) молодцов'; см. также *bu suhbätlarda* ʿна этих (т.е. наших) беседах' БН 310, BN 240b. Противопоставление *bu – ol* при этом имеет семантику "наш круг – не наш круг". См. *bu iš bilä ol iš arasyda köp farq bardur* БН 104_{13-14}, BN $85a_{12}$ (в последнем ошибочно повтор *bu iš... bu iš*) ʿМежду этой (т.е. моей) битвой и той (т.е. Султан Хусейна) битвой имеется большая разница'; *bu huǯrä – ol huǯrä* БН 3, BN 2b ʿэта (т.е. Бабуром построенная) келья' – ʿта (т.е. султан Махмудом построенная) келья'. Именно такая семантика этого противопоставления видна из следующего примера, где место *bu* в противопоставлении занято словоформой род. падежа местоимения 1-го ли-

ца ед. числа *meniŋ* 'мой': *meniŋ išim ol padišahlarniŋ išiga oḫšamas* БН 348, BN 269b 'Мое дело не похоже на дела тех государей'.

Примечательно, что теоретиками прагматики (а исследование индексальных элементов человеческого языка в течение длительного времени считалось основной задачей прагматики) был сделан вывод "о наличии естественной связи между задачей установления принципов определения референтов указательных местоимений и дейктических выражений типа *здесь* и *теперь* и задачей выявления намерений, интересов и целей, преследуемых говорящим" [Булыгина 1981, с. 336].

В "Бабур-наме" процедура локации, как нам представляется, непосредственно связана с отношением автор–адресат. Бабур, применяя эту процедуру, имел целью воздействовать на читателя своим особым стилем, в основе которого лежала литературная скромность, поскольку само по себе использование местоимений *bu, ol* как субститутов местоименных словоформ 1-го лица избавляло автора от навязчивого повтора этих последних.

Другой коммуникативно ориентированный компонент текста "Бабур-наме" составляют модально-коммуникативные наречия *daγy* [чаг.] 'также, же, еще, опять, и' [Буд. I, с. 553] и *jinä* [чаг. *jana*] 'опять, еще' [Буд. II, с. 343], *jana* 'снова, опять, еще' [ДТС, с. 231], частицы *oq* 'уже, же; самый, именно, точно; только' [Буд. I, с. 142], *ginä* 'только'. В отличие от указательных местоимений они не связаны с каким-либо одним типом повествования, объективированным или субъективированным. Названные наречия и частицы частотны в "Бабур-наме". Наречие *jinä* особенно часто используется в описаниях обстоятельств жизни государей тимуридского Мавераннахра и Хорасана при перечислении их детей, жен и наложниц, а также эмиров (см., например БН 10–19, BN 8b–15b; БН 206–230, BN 166a–182b), а также при организации текста с помощью рубрикации (см. ниже, гл. III, § 1). Ему несколько уступает в частотности *daγy* (см., например БН 344, BN 266a).

Из частиц наиболее частотна *oq*, которая, за исключением личных форм глагола, других ограничений в сочетаемости практически не имеет: присоединяется к именам в любом падеже (см. БН 126, BN 102b; БН 289, BN 225b; БН 49, BN 39b; БН 106, BN 86b; БН 207, BN 166a; БН 208, BN 167b; БН 229, BN 182a), к местоимениям (БН 191, BN 154a), наречиям (БН 186, BN 150b; БН 214, BN 171b), деепричастиям на *-gač* (БН 330, BN 255a; БН 335, BN 259b), -(I)b (БН 329, BN 255a), сочетаниям имени с послелогом или служебным именем (БН 81, BN 65b; БН 154, BN 126a); см. также в именном компоненте именного сказуемого: *hali ošandaq oq bolγusy dur* БН 191, BN 154a 'Вот именно этак будет', *...at üstida oq edilar* БН 201,

BN 161b ‘...они были прямо на лошадях’. Менее частотна здесь частица *ginä,* см. БН 25, BN 20a; БН 208, BN 167a; БН 426, BN 329b.

Само по себе существование помимо обычного объективированного повествования (констатива) еще и объективированного повествования с неявной субъектной отнесенностью к первому лицу (тип I) должно быть признано инновацией для средневековой тюркской литературы. Новаторским является своеобразное назначение этого последнего типа повествования в составе средневековотюркского сочинения, по своей тематике и жанру носящего глубоко личностный характер, – заменять собою местами повествование субъективированного типа II, т.е. в конечном итоге быть его специфическим эквивалентом, свидетельствующим о литературной скромности автора. Все перечисленные выше морфолого-синтаксические и лексические способы и средства структурирования объективированного повествования с неявной отнесенностью к 1-му лицу обусловлены целевой установкой автора: воздействовать на рядового читателя манерой изложения (своей литературной скромностью). Все эти средства в своей совокупности с учетом специфики их функционирования и частотности в тексте ”Бабур-наме” могут рассматриваться как лингвостилистические признаки этого сочинения.

Г. Взаимодействие морфолого-синтаксических и лексических способов

В повествовании типа I для ”Бабур-наме” является обычным взаимодействие различных морфолого-синтаксических и лексических способов и средств его структурирования.

(1) Взаимодействие различных морфолого-синтаксических способов и средств между собой.

а) Довольно часто в одном микротексте параллельно используются в различных комбинациях глагольные словоформы пассива 3-го лица (реже страдательные причастия) с подразумеваемой субъектной отнесенностью к 1-му лицу и именные словоформы без аффикса принадлежности 1-го лица. Например: *hindustanni* (БН 171_{10}: *hindustan*) *fäth qylyan jyl bu bändni jasamay üčün ḫožä-i kälandin jarmaq jibarildi teŋri ʻinajätidin umid bar kim bu bänd abädan bolyaj* БН 171_{10-11}, BN $139a_{1-3}$ ‘В год, когда над Хиндустаном [нами] была одержана победа, через Ходжа-и Калана были посланы деньги для отстройки этой плотины; по милости господней есть надежда, что эта плотина будет хорошей’; при описании фауны Хиндустана Бабур, говоря об одном виде попугаев с особенно красивой расцветкой,

добавляет: *mušäḫḫis ḫatyrda qalmayan ücün mäšruh bitilmadi* БН 360, BN 278b ʿПоскольку в памяти [моей] не остались различия [в окраске разных частей оперения], подробно [я] не описал (букв. объяснительно не написано)'; *šaŋär läfzini kabulga kelganda ešitildi* БН 182, BN 147b ʿСлово *сангар* "укрепление в горах" [я] услышал, когда пришел в Кабул'; аналогичные примеры см. также: БН $154_{12\text{-}14}$, BN $126a_{11\text{-}13}$; БН 327_{21}, BN $253b_{7}$; БН $380_{22\text{-}23}$, BN $294a_{1}$; БН $462_{20\text{-}23}$, BN $367b_{10\text{-}12}$.

б) Изредка встречается нанизывание двух средств выражения безличности в глагольной словоформе: "пассив + модальность объективной возможности" [Кононов 1960, с. 400], см. *bir neča kün täwäqquf qylyb šärq täräfidin ḫatyrny ǯäm' qylyb barylsa häm bolur* БН 459–460, BN 355a–b ʿПомедлив несколько дней и успокоив [свое] сердце насчет восточной стороны, можно [нам] было и отправляться'.

(2) Взаимодействие между морфолого-синтаксическими и лексическими способами и средствами.

а) Довольно часто наблюдается параллельное употребление глагольных словоформ пассива 3-го лица с вин. падежом объекта и аналитических глагольных структур с *bol-* или другим глагольным компонентом, обеспечивающим безличность изложения. См. *...adinäpur kelildi gärm sijär wilajätlarini wä hindustan näwahisini här giz körulgan emas erdi niŋnäharya jetkač özga 'alami näzärya keldi* БН 179, BN 145a ʿ... [мы] пришли в Адинапур. Прежде [мне] никогда не приходилось видеть области жаркого климата и пограничные с Хиндустаном местности (букв. окрестности Хиндустана). Как только [мы] достигли Нингнахара, пред взорами предстал другой мир'; *ḫäzanäni körmakda ulašmak bunjad boldy humajunya jetmis läk ḫäzanädin berildi* БН 380, BN 293b ʿ... при осмотре хранилища сокровищ было положено начало их дележу; Хумаюну было выдано из казны семьдесят лаков'; см. еще БН $392_{17\text{-}19}$, BN $302b_{11\text{-}13}$.

б) Аналитические глагольные структуры с *bol-* употребляются рядом с именами без аффиксов принадлежности 1-го лица: *mundyn burun jaḫšy wä jaman häžw wä häzl här ne ḫatyrya jetsa edi mutajäbä täriqi bilä gahi mänzum bolur edi här nečük qäbih durušt näzm häm bolsa märqum bolur edi...könülga mundaq jetti kim...* БН 326, BN 252b ʿДо этого [случая] хорошее и плохое, сарказм и шутка – все, что ни приходило на мысль, бывало переложено в стихи, иногда в виде шутки. Как бы то ни было, скверное и грубое, если оно тоже вплеталось в стих, бывало записано... До сердца дошло, что...' (речь идет о стихотворных опытах самого Бабура); *ḫätlaridin wä taqrirlaridin kabuldayy käjfyät wä halat mušäḫḫäs wä mä'lum boldy mähdi*

ḫoǯä häm kemäda ekanda keldilar БН 463, BN 358b 'Из их писем и донесений события и положение дел в Кабуле обнаружились и стали [нам] известны. Махди Ходжа тоже прибыли, когда [мы] были на лодке'; см. еще БН 299_{21}, BN $233b_{5}$; БН 336_{12}, BN $260a_{5}$.

(3) Взаимодействие двух морфолого-синтаксических и лексического способов или же морфолого-синтаксического и двух лексических способов.

а) В одном фрагменте текста сополагаются глагольные словоформы пассива 3-го лица и имена без аффикса принадлежности 1-го лица, с одной стороны, а с другой – аналитические глагольные структуры с *bol-* (в нижеприводимом примере – еще и устойчивое словосочетание *qärar tap-* 'найти решение'), см. *bu mehnättin fariγ bolγandyn soŋ čerik wilajätiniŋ tärtib wä näsäqi wä zäbti wä räbtiγa* (БН 22_{14}: *zäbtiγa*) *ištiγal körsatildi andiǯan hukumäti wä ešik ihtijari hasan jä'qubγa muqärrär boldy oš qasym qäwčynγa qärar tapty aḫsi wä märγynan uzun häsänγa wä 'äli döst tayajγa tä'jin boldy* БН 22_{14-17}, BN $18a_{1-4}$ 'Освободившись от этих трудов, [я] был поглощен упорядочением и устроением (букв. размещением), укреплением (букв. удерживанием) и управлением областью и войском. Правление Андижаном и должность придворного главного министра [Буд. I, с. 198] были предоставлены (букв. были решены) Хасан Якубу. Ош был предоставлен (букв. нашел решение) Касим Каучину. Ахси и Маргинан были назначены Узун Хасану и Али Дост Тагаю'.

б) В одном фрагменте текста наблюдаются, с одной стороны, глагольные словоформы пассива 3-го лица, а с другой – аналитические глагольные структуры с *bol-* и индексальные элементы, причем противопоставление *ol* 'тот' – *bu* 'этот' имеет как пространственное, так и временно́е значение: "та стоянка", т.е. на которой находились прежде – "эта стоянка", т.е. на которой находятся в настоящее время. См. *čeriknin jyγylury üčün wä šäms ad-din muhämmäd-din kabuldayylarγa ḫätlar bitilur üčün iki üč kün ol jurtta täwäqquf boldy... bä'zi qalγan ḫätlarni bu jurtta bitildi* БН 464, BN 358b 'Чтобы собрать [свое] войско, чтобы написать письма тем, кто находится в Кабуле, через Шамс ад-Дина Мухаммеда, на той стоянке [мы] задержались на два–три дня... некоторые оставшиеся письма [я] написал на этой стоянке'. Аналогичные примеры с использованием в одном микротексте морфолого-синтаксических способов и средств (глагольные словоформы пассива 3-го лица, имена без аффикса принадлежности 1-го лица) и лексических (аналитические структуры с *bol-*, индексальные элементы) см. также: БН $464_{11-12,\ 21-23}$, BN $359a_{4-6}$, $359a_{14}$–b_{1-2}.

Предложенная попытка классифицировать разновидности взаимодействия способов структурирования повествования типа I име-

ет характер относительный: количество взаимодействующих морфолого-синтаксических и лексических способов и средств в ряде случаев может возрастать или уменьшаться в зависимости от объема обследуемого фрагмента текста.

Выше мы рассматривали всю совокупность способов и средств структурирования объективированного повествования (с неявно выраженной субъектной отнесенностью к 1-му лицу) как лингвостилистические признаки "Бабур-наме". Перечисленные здесь разновидности взаимодействия названных способов и средств показывают со всей очевидностью, что разноуровневые лингвостилистические признаки этого сочинения представляют собой набор не разрозненных и не изолированных друг от друга явлений. Напротив, они сопряжены между собой и активно взаимодействуют друг с другом, поддерживая и усиливая один другого.

2. Повествование субъективированного типа (тип II)

Описанное выше широкое применение взаимодействующих между собой морфолого-синтаксических и лексических способов и средств структурирования повествования типа I тем не менее вовсе не ведет к тому, чтобы образ автора в "Бабур-наме" был бы окрашен "внеличными тонами". Этому препятствует как сильно выраженное личностное авторское начало (гл. I, раздел I, § 1-2), так и наличие здесь параллельно ведущегося повествования субъективированного типа (типа II).

Ядерными языковыми единицами субъективированного повествования являются, во-первых, глагольные словоформы 1-го лица, во-вторых, местоимение 1-го лица (хотя его употребление в форме грамматического подлежащего при наличии глагольной словоформы 1-го лица по правилам тюркской грамматики является необлигаторным) и его падежные словоформы, в-третьих, имена, глагольные имена и причастия с аффиксом принадлежности 1-го лица; все эти ядерные единицы в своем функционировании теснейшим образом связаны между собой (примеры см. ниже). В повествовании II типа при упоминании возраста автора используется аффикс принадлежности 1-го лица: *beš jašymda sämärqändqa kelganda mäŋä qullub edilar* БН 25, BN 20a 'Когда в мои пять лет я приехал в Самарканд, [Айшу Султан биким] за меня просватали', *beš jašymda* БН 26, BN 20b; говоря о своих воинах, Бабур также употребляет посессивную словоформу 1-го лица: *meniŋ nukärlarimdin* БН 186, BN 151a 'от моих воинов'; так же о сооружениях, возводимых по его распоряжению, – БН 378, BN 291b.

Глагольно-именное словосочетание *ḫatyrγa kel-* (∿ *jet-* ∿ *keč-*), представленное в повествовании I типа без аффикса принадлежности 1-го лица в именном компоненте (см. выше, раздел II, § 1), в субъективированном повествовании имеет посессивное (1-го лица) оформление именного компонента. См. примеры: *ḫatyrymγa keldi kim...* БН $140_{4,5}$ (BN $115a_{11}$: *ḫatyrγa jetti kim...*) ʿна мысль мне пришло, что...', *ḫatyrymγa jetti kim...* БН 399, BN 308a; БН 405, BN 312a; *biznіŋ ḫatyrymyzγa häm jetadur kim...* БН 145, BN 119b ʿДо нашего сознания также дошло, что...', *menіŋ ḫatyrymγa kečar edi kim...* БН 371, BN 286b ʿВ мыслях у меня постоянно проносились, что...'; *ḫatyrymγa kečti* БН 448, BN 346a, ср. *köŋlumga kečurdum kim...* там же.

Повествование II типа с характерными для него лично-глагольными (1-го лица) формами и соответствующими посессивно-именными словоформами налицо в тех фрагментах текста, когда речь идет о событиях, затрагивающих непосредственно вопросы жизни (а иногда – и смерти) автора. Так, при описании Бабуром, в каких условиях ему приходилось работать над своими филологическими трудами, используются все названные формы: *qatyq jel qopty kim jyqylmaγan čadyr käm qaldy men čärgah ičida kitab* (BN $376b_4$: *kitabät*) *qyladur edim kayyz wä äẓẓäni jyγyšturγynča fyrsät bolmady čärgahni pešḫanä bilä oq menіŋ bašymγa jyqty* БН 487, BN 376b ʿПоднялся [такой] сильный ветер, что мало осталось неупавших шатров. Я в палатке делал записи. Удобного момента не нашлось приказать собрать бумаги и составные части [работы] – палатка прямо вместе с [ее] передней частью рухнула мне на голову'. Именно в заданном ключе повествуется о таких драматических эпизодах молодости Бабура, как потеря последнего пристанища в Фергане – отцовского удела Ахси, проигранное сражение и бегство с несколькими приближенными, которые по объективным причинам отстали от него, встреча с преследователями, пытавшимися хитростью заманить Бабура в стан его врага Танбала, отчаяние и решение умереть, чудесный сон и благодаря ему – своевременное пробуждение, помешавшее врагам схватить и связать его, чудесное избавление с помощью верных воинов, разыскавших его в тылу врага, – см. БН 135–136, BN 110b – БН 145, BN 119b.

Субъективированное повествование с широко представленными средствами его структурирования имеет место также в тех фрагментах текста, где на первый план выдвигаются общечеловеческие свойства автора – его доброта и отзывчивость, простота и доступность, а также его человеческие слабости. Рассказывая, как с двумя сотнями надеявшихся на него людей, без вооружения, обмундирования и припасов он вынужден был покинуть родную Фергану,

Бабур пишет: *'usrät bu märtäbädа edi kim biznің arada iki čadyr edi menің čadyrym walidämya tikilur edi mäŋä här jurtta alačuq jasar edilar men alačuqda olturur edim* БН 146, BN 120a 'Бедность была такова, что среди нас имелось [только] два шатра. Мой шатер ставили для моей родительницы. Для меня на каждой стоянке строили шалаш, я жил в шалаше'. Рассказ о том, как султан Бабур уже после покорения Хиндустана облагодетельствовал и одарил мастера, который на глазах у султана потерпел неудачу с отливкой заказанной ему пушки, также ведется при использовании личных форм глагола: БН 392, BN 302a–b. Примечательно, что в тех случаях, когда речь идет о строгостях и наказаниях, часто используются средства повествования I типа – глагольные словоформы пассива 3-го лица или же аналитические глагольные структуры со значением безличности, см., к примеру: *baŋynŋ tamy wä čahniŋ 'imarätlari ɧatyr ɧah bolmaɣan ǯihätidin iš üstidagilarni tähdid wä sijasät qylyldy* БН 446, BN 344b 'По причине того, что стена в саду и строения над колодцем не пришлись [мне] по душе, исполнителей (букв. находившихся на деле) [мы] подвергли устрашению и наказанию', см. также БН 20, BN 16b; БН 196_{14}, BN $158a_{11}$.

Описание человеческих слабостей автора, личных его затруднений, болезней ведется от 1-го лица: *mäŋä bu sözlaridin ɧäjli daɣdaya boldy...män dedim kim meniŋ köŋlum toɧtamajdur* БН 140, BN 115b 'От этих слов меня охватило большое смятение... Я сказал: мое сердце неспокойно'; *mäŋä bisjär dušwar keldi bi ihtijar ɣalaba jyɣladym* БН 69, BN 55b 'Мне выпало много тягот; невольно я много плакал'; *qulaɣymya bilman sowuqnyŋ tasiri boldy oɧšar bu aɧšam asru köp ayrydy ujqulaj almadym* БН 446, BN 344b 'Ухо, не знаю, похоже, что я застудил, в этот вечер очень сильно болело, я не мог спать'; примеры описания физиологических состояний автора средствами субъективированного повествования см. также: БН 396–398, BN $306a_{7-10}$–b_{10-11}; БН 437_{18-20}, BN $338a_{10}$.

Связь между содержанием высказывания и выбором I или II типов повествования, разумеется, далеко не во всех случаях так строго детерминирована. Довольно часто о своих действиях, сопряженных с военными событиями, Бабур ведет рассказ от первого лица (см., например: БН 19, BN 15b; БН 107, BN 88a; БН 170, BN 138a; БН 409, BN 315b), точно так же как о своих распоряжениях относительно наказания, даже казни тех или иных лиц (см. БН 156, BN 127b–128a; БН 188_{5-6}, BN $151b_{13-14}$; БН 275_{9-10}, BN $215b_{11-12}$; БН 334_{10-11}, BN $258b_{3-4}$).

Все ядерные языковые единицы повествования II типа, имеющие бóльшую или меньшую частотность в "Бабур-наме", в рассмотренном выше функционировании необычны для субъективи-

рованного повествования средневековотюркской литературы. Для последней, например, характерны не местоимение 1-го лица в форме грамматического подлежащего, но самоуничижительные субституты этого личного местоимения, которые, правда, согласуются с глагольными формами 1-го лица, однако частотность тех и других сравнительно невелика, как, впрочем, и посессивно-именных словоформ 1-го лица. Таким образом, названные ядерные языковые единицы можно считать лингвостилистическими признаками "Бабур-наме".

3. Взаимодействие средств структурирования повествования объективированного (I) и субъективированного (II) типов

На протяжении всего обширного текста "Бабур-наме" повествование I и II типов обнаруживает нередкие случаи взаимодействия между наиболее характерными средствами каждого из этих типов при их функционировании.

(1) В микротексте могут употребляться рядом глагольные словоформы 1-го лица и формы 3-го лица пассива (последние – с подразумеваемой субъектной отнесенностью к 1-му лицу). Примеры: *alarnyŋ sözlariga qulaq salmaj jüruj berdim ta namaz-i ḫuftanyača jol baryldy* БН 140, BN 115b ʿНе внимая их словам, я продолжал ехать. И двигался [своей] дорогой до ночного намаза'; *ɣazi ḫannyŋ kitabḫanäsiya keldim bir neča näfis kitablar čyqty bir nečasini humajunya bir nečasini kamranya jibardim...wäle anča näfis kitablar kim köz tutulur edi anča čyqmady* БН 335, BN 259b ʿЯ пришел в книгохранилище [бежавшего] Гази хана. Попалось несколько редкостных книг. Из них несколько я послал Хумаюну, несколько – Камрану... однако столь (или: столько) редких книг, как это ожидалось [Буд. II., с. 154: *köz tut-* ʿожидать, надеяться; смотреть с завистью, завидовать'], [столько] не попалось'. Завершая свое письмо в Кабул с рассказом о том, как повар-индиец пытался отравить его, автор попеременно употребляет глагольные словоформы то основного залога 1-го лица (*bitidim* ʿя написал'), то пассива 3-го лица с субъектной отнесенностью к 1-му лицу (*bitildi* ʿбыло написано [мной]') – БН $398_{12\text{-}16}$, BN $307a_{2\text{-}6}$. Аналогичное соположение глагольных форм 1-го лица и форм 3-го лица пассива см. также БН $190_{11\text{-}12}$, BN $153b_{5\text{-}6}$: *ötubturmiz su körulmabdur* (BN $153b_{6}$ *köru almajdur*[8]); БН $313_{4\text{-}6}$:

[8] Замена глагольной словоформы пассива 3-го лица (с субъектной отнесенностью к 1-му лицу) на словоформу основного залога 3-го лица (т.е. без субъектной отнесенности к 1-му лицу) в обоих примерах в Хайдарабадской рукописи делает данные высказывания некорректными в данном контексте.

BN 243a$_{5-7}$: *täklif qylmayajmen...täklifi qylylmas edi* (BN 243$_{6-7}$: *täklifi qylmas edi*); БН 254$_{11-17}$, BN 201a$_{2-9}$ (последний фрагмент текста приведен см. гл. I, § 1); см. еще БН 380, BN 292a.

(2) Параллельно могут употребляться глагольная словоформа 1-го лица и аналитическая глагольная структура с *bol-* 3-го лица (подразумевается субъектная отнесенность этой последней к 1-му лицу). См. *narinǯlarni aldurdum šah häsänya iki däräḫtniŋ narinǯi in'am boldy bä'zi beklarga bir däräḫt bä'zilarga iki kišiga bir däräḫt narinǯi in'am boldy* БН 316, BN 245b ʿЯ раздал (букв. велел брать) апельсины [из Баг-и Вафа]. Шах Хасану были пожалованы [мной] апельсины с двух деревьев, некоторым бекам – апельсины с одного дерева, иным – с одного дерева на двоих'.

(3) В одном микротексте могут сополагаться как глагольные словоформы 1-го лица, так и формы 3-го лица пассива и аналитических структур с *bol-* (при субъектной отнесенности двух последних к 1-му лицу). Пример: *...ḫäzanäni körmakda ulašmak bunjäd boldy humajunya jetmiš läk ḫäzanädin berildi jinä bir bitilmagan tähqyq qylmayan ḫäzanä Üjyny ošandaq oq humajunya in'am qyldym* БН 380, BN 293b ʿ... при осмотре хранилища сокровищ было положено начало их дележу; Хумаюну [мной] было выдано из казны семьдесят лаков; вот так же я пожаловал Хумаюну еще одно неописанное и непроверенное казнохранилище'.

(4) При сказуемом – глагольной форме пассива 3-го лица или же аналитической структуре с *bol-* – различные члены предложения (в основном – второстепенные) представляют собой либо местоименные словоформы 1-го лица, либо посессивно-именные словоформы 1-го лица. См. *özum kijgan ton wä baylayan kämär här iki mirzaya jibarildi* БН 462, BN 357b ʿКаждому из двух мирз [мной] были посланы по кафтану с моего плеча и по поясу, которыми я сам подпоясывался', аналогичный пример дарения "с собственного плеча" при использовании аналогичных же языковых средств см. БН 312$_{6-7}$, BN 242a$_{12-14}$; *aḫyr söz muŋa qärar tapty kim yärb täräfi barur jolumyz čun jawuqtur bir neča kün täwäqquf qylyb šärq täräfidin ḫatyrny ǯäm'qylyb barylsa häm bolur* БН 459–460, BN 355a–b ʿНаконец пришли к следующему решению (букв. слово нашло решение в нижеследующем): поскольку наш путь, пролегающий на запад, недалекий, то, помедлив несколько дней и успокоив сердце насчет восточной стороны, можно и отправляться'; см. еще БН 492$_{21-23}$–493$_{1-6}$, BN 381a$_{5-13}$.

Из приведенных выше примеров особенно ясно видна субъектная отнесенность к 1-му лицу словоформ как пассива 3-го лица, так и аналитических структур с *bol-* 3-го лица.

(5) При сказуемом – глагольной форме 1-го лица (подлежащее *men* ʿя' по правилам тюркской грамматики необязательно в данных условиях) – второстепенные члены данного предложения или семантически тесно связанных с ним предложений не имеют аффикса принадлежности 1-го лица. Например, *ḫatyrya jetišti kim...dedim* БН 121, BN 99b ʿна ум [мне] пришло, что..., я сказал'; *on iki jašta padišah boldum* БН 2, BN 1b ʿВ [свои] двенадцать лет я стал государем', *andiǯanya bula sämärqändny eliktin berduk andiǯan häm eliktin čyqmyš edi...ta padišah bolub edim bu näwʿ nukärlardin wä wilajättin ajrylmajdur edim* БН $67_{20\text{-}21}$, BN $54a_{11\text{-}14}$–b_1 ʿРади Андижана мы выпустили из рук Самарканд. В итоге Андижан тоже ушел из [наших] рук ... С тех пор как я стал государем, я еще не отделялся таким образом от [своих] воинов и владений'; *köp qalašlyq wä ḫorlyq tarttym* (BN $101a_{11}$: *tartyldy*) *wilajät joq umidwarlyq joq nukärniŋ köbi ajryldy* (BN $101a_{12}$: *nukär aksär tarqady*) БН $124_{6\text{-}7}$, BN $101a_{11\text{-}12}$ ʿМного я претерпел обездоленности и унижений. Владений у меня нет, обнадёженности нет, большинство моих воинов от меня отделилось (BN: большинство воинов разбрелось)' [Буд. I, с. 723: *tarqa-* ʿразбросать, рассеять...', ʿразойтись, рассеяться']. Аналогичные примеры см. также: БН $453_{4\text{-}5}$, BN $350a_{2\text{-}3}$; БН $464_{7\text{-}8}$, BN $359a_1$.

(6) В одном микроконтексте сополагаются глагольные словоформы как 1-го лица, так и 3-го лица пассива (при субъектной отнесенности последних к 1-му лицу), имена без вроде бы нужного аффикса принадлежности 1-го лица, причем о такой принадлежности может сигнализировать указательное местоимение *bu* ʿэтот'. См. *čun bu däydäyä bar edi kim qyrq jašta taib bolyajmen qyrq jašqa bir jyldyn azraq qalyb edi ifrat bilä ičilur ėdi* БН 322, BN 249b ʿПоскольку был [для меня] этот соблазн: в сорок лет я стану воздерживаться от недозволенного, [а] до сорока лет [мне] оставалось меньше года, то и пил [я] чрезмерно'.

Предпринятая попытка классифицировать разновидности взаимодействия повествования I и II типов, равно как и разновидности взаимодействия морфолого-синтаксических и лексических средств в повествовании I типа, помогают выяснить довольно широкие возможности сочетаемости (соположения) при функционировании в чем-то даже и противопоставляемых друг другу форм.

Вместе с тем само пересечение повествования I и II типов – а оно выразилось во взаимодействии способов и средств структурирования этих типов повествования – представляется возможным рассматривать как одну из важнейших компонент стилистической системы языка "Бабур-наме". Сам факт такого пересечения свидетельствует о том, что все названные выше разноранговые и разно-

уровневые лингвостилистические признаки "Бабур-наме" увязываются в один сложный блок, а он обусловливается и определяется, естественно, самим фактом наличия в "Бабур-наме" повествования объективированного и субъективированного типов, а кроме того – объективированного типа с неявно выраженной субъектной отнесенностью к 1-му лицу, исследованных выше. Именно эта доминанта лежит в основе стилистической системы "Бабур-наме", во многом определяя ее своеобразие и новаторство.

Глава II

СОСТАВ ТЕКСТА. СТРУКТУРИРОВАНИЕ ТЕКСТА И СТИЛЯ "БАБУР-НАМЕ"

§ 1. Соотношение авторского слова и чужого слова

В стиле любого эпического текста выделяются два пласта: авторское слово и чужое слово (М.М.Бахтин). Под авторским словом ниже подразумевается стиль повествования, субъектом которого является сам повествователь (характеристику такого повествования см. выше – гл. I, разд. II, § 2); чужое слово включает в себя речь персонажей [Долинин 1989, с. 39]. Ниже мы пользуемся предложенной К.А.Долининым классификацией способов передачи речи с помощью вычлененных им дифференциальных признаков [Долинин 1989, с. 39]. Описывая каждый из таких способов, представленных в "Бабур-наме", особое внимание обращаем на те языковые средства, которые при этом применяются. Соотношение авторского слова и чужого слова в тексте признается одной из важнейших характеристик текста [Долинин 1989, с. 39].

1. Прямая речь

Прямая речь[9] является одним из распространенных в "Бабур-наме" способов передачи чужого слова, призванным имитировать в данном тексте ситуации естественной коммуникации [Гончарова 1989, с. 29]. Прямая речь персонажей включается в текст в тех случаях, когда автору важно, имитируя естественные ситуации, отразить в подлинности чужое мнение (БН 218, BN 174a), иногда комплиментарное (БН 133, BN 108b), чужие соображения о дальнейшем развитии событий (БН 102, BN 83a–b; БН 115, BN 94b; БН 138, BN 114a; БН 222, BN 176b–177a), подчеркнуть уникальность (БН 117,

[9] Начало изучению "сложных предложений с прямой речью" в "Бабур-наме" положено Х.Н.Назаровой [Назарова 1979, с. 149–153].

BN 95a), забавность или трогательность ситуации (БН 26, BN 21a; БН 51, BN 41a); соответствующие примеры приведены ниже.

Прямая речь вводится в текст "Бабур-наме" тремя различными способами. Первый (1) из них, собственно тюркский – бессоюзный способ, малочастотный здесь, – подразумевает использование глагола речи в деепричастной или личной форме после прямой речи (БН 133, BN 108b); Х.Н.Назарова рассматривает его как случай, когда "прямая речь располагается среди авторских слов" [Назарова 1979, с. 152]. Второй (2), наиболее частотный ("союзный"), способ предполагает, что глагол речи в личной форме предшествует прямой речи, с которой он сочленяется посредством подчинительного союза *kim* (реже *ki*) 'что'. Третий (3), также частотный, способ является комбинированным и представляет собой рамочную конструкцию: глагол речи с союзом *kim* предшествует прямой речи, а деепричастие или лично-временная форма одного только глагола *de-* 'говорить', 'сказать' (*dep*; *dedi*) замыкает прямую речь; перечень глаголов, вводящих прямую речь в "Бабур-наме", см. [Назарова 1979, с. 149].

Приводимые нами примеры призваны иллюстрировать, с одной стороны, все три способа включения прямой речи в текст "Бабур-наме", а с другой – функционирование прямой речи в различных коммуникативных ситуациях, о чем также шла речь выше.

(1) *ḫan quly bäjan quly menің janymda edi bi mähäl janmaqdur dedi* BN $114a_2$ (БН 138_{19-20}: *ḫan quly wä bäjan quly ajttylar kim nä wäqt qajtmaqdur deb...*) 'Хан Кули, [сын] Баян Кули, был рядом со мной. "Возвращаться несвоевременно", – сказал он'. После сражения с Танбалом, когда Бабура стрелой навылет ранило в правое бедро, и он с великим трудом передвигался, опираясь на палку, произошла встреча с его дядей – Младшим ханом: *jetib körušub* (БН 133_{12}: *körušgandin soŋra*) *inim bähadur emiš siz* (БН 133_{13}: *ekan san*) *deb elik'mdin qoldab* (БН 133_{13}: *menің qoltuyumdyn tutub*) *čadyrya kelturdi* (БН 133_{13}: *kirguzdi*) БН 133_{12-13}, BN $108b_{9-10}$ 'Подойдя и поздоровавшись, [Младший хан] сказал: "Мой младший брат, вы, говорят, богатырь"; поддерживая меня под руку, привел в шатер'; см. еще БН 108, BN 88b.

(2) В рассказе об Алишере Навои, который по секрету сказал Бади'аз-Заману все тайные слова: *dayy dedi kim bu sözlarni unutuŋ mirza fi-l-hal ajtty kim qajsy sözlarni* БН 51, BN 41a 'Еще сказал: "Эти слова забудьте". Мирза тотчас сказал: "Какие слова?"'; о стихах второразрядного поэта Шейхим Сухейли (а он сочинял стихи особого рода, включая туда устрашающие слова и мысли) знаменитый поэт Мауляна Абд ар-Рахман Джами высказался так: *maulanä ajtyb*

turlar kim mirza šeʿr ajtasyz ja adäm qorqutasyz (BN 174a$_6$: *qorqujasyz*) БН 218$_{6-7}$, BN 174a$_{5-6}$ ʿМауляна сказал: "Мирза, Вы стихи читаете или людей пугаете?"'; см. резкую оценку малодушного поведения Султан Махмуд хана со стороны Ахмед бека, "человека простого, но смелого и преданного": *der kim bu tänbäl ne miqdar kiši dur kim munča däydäyä wä täräddüd tartasyz ägär közuŋiz qorqsa közuŋizni baylab jürub rubäru bolalyŋ* БН 115, BN 94b ʿ[И] говорит: "Этот Танбал – человек какого масштаба, что Вы проявляете такое смятение и нерешительность?! Если Ваши глаза боятся, завяжите Ваши глаза и пойдем-ка, станем-ка лицом к лицу [с противником – Танбалом]"'.

(3) Третий способ более широко представлен в издании Ильминского, ср. *...qyčqyra ajtty kim yanym jetti qopuŋlar deb...* БН 131$_2$ ʿ... он закричал: "Враг подошел, вставайте!" – говоря...', но *qyčqyryb ajtty kim jayy jetti qopuŋ ošmunča dep...* BN 106b$_7$ ʿ... он закричал: "Враг подошел, вставайте!". Так говоря...'; ср. также БН 130$_{19-20}$, BN 106a$_{12-14}$. См. также примеры субъективированной авторской косвенной речи: *ḫatyrymya keldi kim ta ki bu färyanä wilajätida sargärdan bolub jürumak* (БН 146$_{8,7}$: *turmaq, ḫatyrya*) *kerak här täräfqa täläb qylajyn deb...* БН 146$_{7-8}$, BN 120a$_{1-2}$ ʿМне пришло в голову (букв. на мысль): "Доколе нужно блуждать по этому ферганскому уделу? Поищу-ка я [доли] в любой другой стороне", – говоря...'.

Прямая речь в "Бабур-наме" – это форма введения и представления не только чужого, но непосредственно авторского слова. Так, гневная прямая речь Бабура обращена к бекам, не оказавшим помощи смельчаку Хусейн Хасану и фактически отдавшим его на растерзание афганцам: *sijasät wä ɣäzäb bilä dedim kim munča kiši baqyb turub bir neča jajaq afyaniya tüptüz jerda mundaq jigitni aldurursyz sizlarni törä-i muwäẓẓähiŋizdin* (BN 239a$_{12}$: *töra munčadyn* اورانیب) *pärgänä wä wilajätiŋizdin ajryb saqalyŋyzny qyrqyb šähärlarda täšhir qylmaq kerak ta här kim mundaq jigitni mundaq ɣanymya aldursa mundaq tüptüz jerda elik teratmaj baqyb tursa säzasy bolyaj* БН 308$_{1-6}$, BN 239a$_{10-14}$–b$_1$ ʿЯ сказал со строгостью и гневом: "Вы, столько людей, стояли [и] смотрели, нескольким пешим афганцам на совершенно ровном месте Вы позволили взять такого молодца! Следует лишить [вас] ваших почетных титулов, земель и владений, обрить Вам бороды и выставлять [вас] на позорище (букв. ославить) в городах, дабы каждому, кто (если) отдаст такого молодца таким врагам, [каждому, кто] если будет стоять и смотреть, не двинув рукой на таком совершенно ровном месте, пусть будет ему подобное возмездие!"'. См. также: *men dedim kim rastliyini ajt agär iš özgačarak bolyudek tur ḫod wuzuw qylaj* BN 118a$_{13-14}$ (ср.

...rast ajtqyn kim agär iš özga josunluq bolsa men wuzuw qylajyn БН 144_{1-2}) ‘Я сказал: "Говори правду! Если дело как будто оборачивается еще хуже (букв. совсем по-другому), я хоть сделаю [предсмертное] ритуальное омовение"’; *dedim kim kiši agär jüz agär miŋ jašasa aḫyr ölmak kerak* BN $118b_2$ ‘Я сказал: "Живет ли человек сто или тысячу лет, в конце концов нужно умереть"’, ср. авторскую косвенную (внутреннюю) речь и более многословную перефразировку: *ḫatyrymya kelturdi kim agär adäm jüz jyl wä agär miŋ jyl tirik bolsa aḫyr ölmakdin özga čarä joqtur* БН 144_{4-5} ‘Я заставил себя припомнить (букв. привел себе на память): если человек будет жить сто лет, если даже тысячу лет, в конце концов другой возможности нет, как умереть’.

Как видно из примеров, ядерными языковыми единицами прямой речи могут считаться глагольные словоформы 2-го лица, а также 1-го лица, соответствующие местоимения.

2. Косвенная речь. Несобственно прямая речь

Косвенная речь, в том числе и субъективно окрашенная косвенная речь [Долинин 1989, с. 39], является в "Бабур-наме" другим важнейшим способом передачи чужого слова – вопреки мнению, что косвенная речь в этом произведении не употребляется [Назарова 1979, с. 153][10]. Классическими примерами косвенной речи в "Бабур-наме" нам представляются следующие микротексты, где косвенная речь вводится в одном случае глаголом *jibar-* ‘посылать’ и обобщающим именем *mäzmun* содержание, а в другом – глаголом *bar-* ‘идти, ехать’; в передаваемой же речи (особенно это заметно во втором примере) полностью устранена ее первоначальная субъективность. См.: *kamrannïŋ kišisi ḫoǯaya barur kim ḫoǯa kelsunlar här ne kim färman bolubtur tekursunlar* БН 447, BN 345b ‘От

[10] В соответствии с этим мнением прямой речью в "Бабур-наме" считаются чуть ли не любые случаи употребления глагола *de-* ‘говорить, сказать; называть, именовать’ [Буд. I, с. 580] – см. "прямая речь, выраженная одним словом", с примерами, аналогичными следующему: *jänä mäjmundur hindustani bandär derlar* БН 358, BN 276b ‘Еще есть обезьяны, индийцы называют [их]: "*bandär*"’ [Назарова 1979, с. 153]. В данном предложении пропущен прямой объект действия именования, а в том случае, когда он наличествует, вполне очевидно, что управляет вин. падежом объекта глагол *de-*, см. *pilni hati derlar därwazäni pul* БН 441, BN 340b ‘[Индийцы] называют слона *hati*, ворота – *pul*’ (Бабур объясняет индийский топоним Хати-Пул), т.е. в таких предложениях, как приведенное выше, одно слово не составляет единицы прямой речи, признанию этого препятствует как форма, так и содержание предложений с якобы "прямой речью".

Камрана человек поедет к Ходже, чтобы: пусть Ходжа изволит приехать, пусть изволит довести [до сведения], что бы ни было приказано [Бабуром]'; *sultan ʿäli mirzanyŋ anasy zuhrä beki aγa bilmaslikidin wä biʿäqllyγydyn mäḫfi šäjbani ḫanγa kiši jibarur bu mäzmun bilä kim šäjbani ḫan any* (БН 98$_2$: *meni*) *alur bolsa oγly šäjbani ḫanγa sämärqändny bergaj atasynyŋ wilajätyny alγandyn soŋ sultan ʿäli mirzaγa bergaj* БН 97$_{23}$–98$_{1\text{-}3}$, BN 79b$_{13\text{-}14}$–80a$_1$ ʿМать Султан Али мирзы – Зухра Бики Ага – по своему неразумию и глупости тайно послала к Шейбани хану человека [с письмом] такого содержания: если Шейбани хан возьмет ее [в жены], ее сын отдаст Шейбани хану Самарканд. После того как [Шейбани хан] завоюет владение его отца, он отдаст [его] Султан Али мирзе'. Как видим, в первом примере еще сохранено повелительное наклонение глагола 3-го лица для передаваемой речи, во втором примере уже используется "косвенное наклонение" – форма на *-γaj*. В первом примере употреблено также лексическое средство структурирования объективированного повествования типа I – аналитическая глагольная структура с *bol-*. Во втором из приведенных примеров налицо транспозиция 1-го лица местоимения (знаменательно его сохранение в БН 98$_2$) и соответствующих посессивно-именных словоформ передаваемой речи в 3-е лицо передающей речи (для устранения субъективности)[11].

Точно так же в нижеприводимом примере *bu tay eli* ʿнаселение этих гор' передаваемой речи стало возможным транспозицировать в указательное местоимение *bular* ʿэти' передающей, косвенной речи. Постоянно помышляя о завоевании Индии, Бабур считал необходимым укрепить свои позиции в приграничных землях: *bu ǯihätdin bu tay eli bilä jaḫšy mäʿaš qylmaq waǯib edi färman boldy kim hič kim bularnyŋ kala qaralaryγa balkä ip učy ignä sauγlaryγa zärär wä noqsan tekurmasun* (БН 287$_2$: *jetkurmasun*) БН 286$_{22\text{-}23}$–287$_{1\text{-}2}$, BN 223b$_{14}$–224a$_{1\text{-}2}$ ʿПо этой причине нужно было хорошо обращаться с жителями этих гор. Был издан приказ: пусть никто не причиняет вреда и ущерба их имуществу и скоту [Буд. II, с. 44 : *qara* 4) ʿскот'], даже кончику нитки, обломку иголки'. См. еще БН 124, BN 101b (вводящий глагол *keŋäsildi* ʿ[мы] посовещались'); БН 144, BN 118b (см. с. 101).

Распространены также случаи субъективно окрашенной косвенной речи (вводится она не глаголом речи), см. *ḫäbär kelturdi kim keisunlar šähärni berurbiz* БН 96, BN 78b – 79a ʿОн доставил из-

[11] Ср. у К.А.Долинина "отсутствие/наличие транспозиции индексальных выражений в передаваемом высказывании" – один из четырех дифференциальных признаков, используемых при классификации способов передачи речи [Долинин 1989, с. 39].

вестие: "Пусть они приходят, мы сдадим город"'; здесь в передаваемой речи представлено не только повелительное наклонение 3-го лица, но также лично-временная глагольная словоформа 1-го лица мн. числа.

В пределах нижеприводимого микротекста, где средствами косвенной речи передается диалог, представлены разные градации устранения субъективности первоначальной речи. В авторской косвенной речи, вводимой предложением без глагола речи: *men aksär bärin eduk kim...* 'я, большинство, мы стояли на том, что...', налицо полное устранение первоначальной субъективности передаваемой речи; особенно это видно из того, что здесь употребляется глагольная словоформа пассива 3-го лица, т.е. одно из морфолого-синтаксических средств структурирования объективированного повествования. В ответной же реплике Касим бека субъективность присутствует, хотя в первом предложении этой реплики уже имеется синтаксическая зависимость его строя от вводящего глагола *de-* 'говорить; называть': этот глагол управляет здесь вин. падежом имени *jol*, которое семантически должно было бы являться "подлежащим" первого предложения реплики. См. *men aksär bärin eduk kim qyšdur tay jolyda köp däydäyä täräddud tur qändähar joly ägärčä bir nimä jyraqdur wäle bi täräddud wä bi däydäyä barylur qasym bek ol jolny jyraqdur bu jol bilä barurbyz deb köp žähl qyldy* БН 244, BN 193a 'Я, большинство, мы стояли на том, что [сейчас] зима, на горной дороге [нас ожидает] много беспокойств и сомнений. Кандагарская дорога хотя немного дальше, однако [по ней] можно идти без колебаний и без беспокойства. Касим бек, говоря, что та дорога – далекая, мы пойдем этой дорогой , – проявил полное неведение'. При учете синтаксической зависимости ответной реплики (вин. падеж – *ol jolny*) от вводящего *dep* (т.е. известной интерпретации автора) можно считать, что в данном случае имеем дело с несобственно прямой речью (эта последняя, по мнению Х.Н.Назаровой, также отсутствует в "Бабурнаме" [Назарова 1979, с. 153]).

Несобственно прямая речь и косвенная речь современными лингвистами рассматриваются как средства передачи психической деятельности (а не только произнесенной речи персонажа), его внутренней речи [Тер-Габриелян 1989, с. 11]. В "Бабур-наме" при передаче внутренней речи используются весьма часто в качестве вводящих устойчивые глагольно-именные словосочетания *ḫatyrya jet-* (∿ *kel-* ∿ *keč-*) 'на ум пришло, до сознания дошло; вспомнилось': *könlumga kečurdum* БН 448_1, BN $346a_{10}$ 'в сердце мне запало', *ḫijalyya kečti* BN $114a_{14}$ 'он подумал (букв. в мечтах пронеслось)', ср. *biz ḫijal qylduk* БН 139_9 'мы подумали', *bir ḫijal qyl-*

БН 323_{10}, BN $250b_{2}$. См.: *ḫatyrlaryγa jetibtur* (BN $102a_{7}$: *kečar*) *kim ri-'ajät tapmaγandyn* (БН 125_{13}: *tapmaγanymdyn*) *ruḫsat tilajdurmen* (БН 125_{14}: *tilaγan bolγajmen*) БН 125_{12-14}, BN $102a_{7-8}$ ʿИм пришло на мысль, будто я испрашиваю разрешение [на уход от них] из-за того, что не нашел благорасположения к себе'. Как видим, первоначальная субъектная отнесенность чужого слова оказывается в авторском изложении переориентированной – с 3-го (или 2-го) лица на 1-е лицо. В целях такой транспозиции в несобственно прямой речи нижеследующего примера используется глагольная словоформа пассива 3-го лица, т.е. одна из ядерных единиц объективированного повествования, см. *bä'zinin̡ ḫatyrγa jetti kim hasan ḫannyn̡ istimaläsi ǯihätidin oγlyny jibarilsa* (БН 400_{1}: *jibarilγaj*) *köprak mustämal bolub hizmätkarlyqny jaḫšyraq bäǯaj kelturgaj* БН $399_{23}-400_{1}$, BN $308a_{5-7}$ ʿНекоторым [из наших приближенных] пришло на ум, что если [мы] пошлем сына Хасан хана ради того, чтобы склонить к себе этого последнего, он будет больше расположен [к нам] и будет лучше исполнять службу'.

При передаче авторской внутренней речи (которая вводится теми же средствами, что и внутренняя речь персонажей) она сохраняет свою субъектную отнесенность к первому лицу и не обнаруживает синтаксической зависимости от передающей речи. Именно поэтому устойчивое глагольно-именное словосочетание со значением психической деятельности от списка к списку может варьироваться глаголом речи; в этом случае бывает затруднительно разграничить прямую речь и несобственно прямую речь. Ср. а) *menin̡ ḫatyrymγa jetti kim öluk tirik bir jerda bolalyn̡ deb aŋa baqa baqa jürudum* БН 139_{21-22} ʿ До моего сознания дошло: живые [или] мертвые, мы будем вместе, – говоря, я ехал, оглядываясь на него', но *men dedim kim seni tašlab qaǰan baraj jür öluk tirik bilä oq bolaly neča näwbät mirza qulyγa baqa jürudum* BN $115a_{2-3}$ ʿЯ сказал: "Тебя брошу – куда пойду? Поезжай! Живые [или] мертвые, только вместе будем". Я ехал, несколько раз оглядываясь на Мирзу Кули'; б) *aḫyr özumga ajttym kim mundaq tiriklik qylyunča bir sary bašymny alyb jetkanim bihraq ta här jerga ajaγym barγunča barsam jaḫšy bolγaj deb ḫätaj sary barmaqny özumga qärar berdim* БН 124_{13-15} Наконец я сказал сам себе: "Чем влачить такое существование, лучше мне уйти, куда глаза глядят; лучше уйти, куда ноги унесут", – говоря, я решил про себя уйти в Хатай (Северный Китай)', но *dedim kim mundaq dušwarlyq bilä tirigunča baš alyb itsam jaḫšy bu näw' horlyq wä zarlyq bilä el bilgunča ajaγym jetkanča ketsam jaḫšy ḫätajγa barmaqny ǯäzm qylyb...* BN $101b_{2-4}$ ʿЯ сказал: "Чем жить в таких тяготах, лучше мне уйти (букв. исчезнуть), куда гла-

за глядят; чем быть перед людьми в ничтожестве и огорчении (букв. люди бы знали в ничтожестве и огорчении), лучше мне уйти, куда ноги унесут". Приняв решение отправиться в Хатай...'.

Интерес представляет редкий случай, когда в прямой речи наличествует несобственно прямая речь, см. *ḫanlar dedilar kim biznin̆ ḫatyrymyzγa häm jetadur kim ošal jolγa barγan bolγaj* БН 145, BN 119b 'Ханы сказали: "Нам тоже думается, что он, возможно, пошел вот той дорогой"'

Спецификой "Бабур-наме" является насыщенность его текста авторской прямой речью и авторской несобственно прямой речью, четкую грань между которыми здесь не всегда возможно провести.

3. Диалог

Диалог в "Бабур-наме" прежде внимания исследователей не привлекал. Между тем он занимает важное место в тексте этого сочинения и служит целям достоверного представления ("объективации" [Тер-Габриелян 1989, с. 41]) той информации, которая сообщается в тексте. В эпическом повествовании диалог призван также оживлять размеренный рассказ. Так, Бабур упоминает о том, как и где он впервые увидел звезду Сухейл ("Канопус или альфа в созвездии Киля" [Бабур-наме 1958, с. 453]), и далее *dedim kim suhäjl bolmaγaj dedilär kim suhäjl dur* БН 153, BN 125a 'Я сказал: "Не Сухейл [ли] это?". Они сказали: "Это Сухейл"'. Уже из этого небольшого примера явствует, что диалог в тексте "Бабур-наме" характеризуется участием в нем автора (наличие авторской партии прямой речи).

На диалогах (с наличием авторской партии) построен большой фрагмент текста, где описывается цепь поражений Бабура после сдачи им Самарканда, бегство (пока еще в пределах Мавераннахра) и преследование его врагами, причем некоторые из них прикидывались его доброжелателями, стремясь обманом и хитростью захватить неудачливого юного полководца (см. БН 138, BN 113a–b – БН 145, BN 119b). Диалог в передаче этой драматической коллизии призван сообщить тексту динамичность, напряженность и остроту, известный психологизм. Для диалогических единств [Тер-Габриелян 1989, с. 6] рассматриваемого микротекста, равно как и всего текста "Бабур-наме", характерно активное участие повествователя, эмоционально-смысловые связи между его высказываниями и высказываниями персонажей (см. [Хализев 1987, с. 514]). Благодаря их взаимодействию в тексте запечатлены "содружества" разнокачественных сознаний, с одной стороны, и "стычки" конфликтующих

сознаний[12]. См. "содружество": *mirza qulynyŋ aty häm sästlyq qyla bašlady* (БН 139_{20}: *qyldy*) *men dedim kim seni tašlab qajan baraj jür öluk tirik bilä oq bolaly neč̌a näwbät mirza qulyγa baqa jürudum aγyr mirza quly dedi kim meniŋ atym boldurubtur bara almas siz mäŋä baqa aldurmaŋ jüruŋ šajäd čyqa alγajsyz* (БН 139_{23}: *qutulγajsyz*[13]) БН 139_{20-23}, BN $115a_{1-5}$ ʿКонь под Мирзой Кули тоже начал слабеть. Я сказал: "Тебя брошу – куда пойду? Поезжай! Живые [или] мертвые, только вместе будем". Я ехал, несколько раз оглядываясь на Мирзу Кули. Наконец, Мирза Кули сказал: "Мой конь замучился [Буд. I, с. 291: *boldur-* ʿизмучиться, устать (о лошади)'], не может идти. На меня глядючи, не дайте [врагам себя] взять, поезжайте! Может, спасетесь"'.

См. диалог конфликтующих сознаний: *ujγandym kim jusuf daruγa wä hämrahlari bir biriga mäslähät qyladurlar kim bähanä qylyb hil qyladur tutub baγlamaq kerak bu sözni men ešitib dedim kim sizlar bu josunluq sözlarsiz amma körajim kim qajsyŋyz meniŋ qašymγa kela alursyz* БН 144, BN 118b ʿЯ проснулся, когда Юсуф даруга и его спутники держали совет между собой, чтобы найти повод и исхитриться: следует [Бабура] схватить, связать. Я эти слова услышал и сказал: "Вы вот как говорите! Но я посмотрю, кто из вас сможет ко мне подойти!"'. Для данного диалогического единства специфична передача речи противников в виде косвенной речи, авторской же речи – как прямой; выше (с. 98) приводился также диалог, где спор передавался косвенной речью (Бабур и его сторонники) и несобственно прямой речью (их противник), БН 244, BN 193a.

В диалоге Бабура и его вассала Дервиш Мухаммеда о перспективах войны с Султан Ибрахимом, неопытным юнцом, действия которого непредсказуемы, произведена транспозиция индексальных элементов: Дервиш Мухаммед называет Ибрахима *ol* ʿон; тот', а Бабур того же Ибрахима с воинством – *bular* ʿэти'; при этом противопоставление *bular* ʿэти' – *alar* ʿте' соответствует противопоставлению ʿИбрахима с воинством' (настоящее) – ʿузбекские ханы и султаны' (прошедшее – *ol jyl*). См. *därwiš muhämmäd sarban 'ärzγa jetkurdi kim munč̌a ihtijät kim boldy ol ne imkan* (БН 343_2: *imkani*) *bar kim kelgaj dedim kim sen bularny özbek ḫan sultanlaryγa qyjas qyla mu sen ol jyl sämärqänddyn čyqyb ḫisar kelganda özbekniŋ žämi' ḫan sultanlary jyγylyb ittifaq qylyb biznij üstimizga kelur*

[12] По мнению современного литературоведа, это не было характерно "для канонических жанров давних эпох, где безраздельно господствовал голос повествователя, в тон которому высказывались и герои" [Хализев 1987, с. 514].

[13] Остальные разночтения в БН см. выше (2. Косвенная речь).

ʻazimät bilä därbänddin öttylar... bularny alarya oḫšatma iš hisabiny wä jüruš jaraɣyny qanda bilurlar БН 343$_{2\text{-}5,\ 9\text{-}10}$, BN 265a$_{3\text{-}7,\ 11\text{-}12}$ ʻДервиш Мухаммед Сарбан утверждал: "При таких предосторожностях, которые соблюдены, какая возможность ему прийти?". Я сказал: "Ты этих сравниваешь с узбекскими ханами-султанами? Когда в тот год [я], оставив Самарканд, пришел в Хисар, все узбекские ханы-султаны, собравшись, пришли к единодушию, двинулись на нас, перешли через Дарбанд... Этих с теми не равняй: откуда этим знать толк в военном деле и снаряжение в походе?"'. Примечательно, что в прямой речи повествователя использованы те же средства, которые применяются для структурирования объективированного повествования (тип I), а именно отсутствие местоимения 1-го лица и аффикса принадлежности 1-го лица в причастной конструкции, использование вместо этого дейктического выражения *ol jyl* ʻв тот год' (*ol jyl sämärqänddyn čyqyb ḫisar kelganda*).

Именно благодаря принципиальной возможности использовать в прямой речи и диалоге текста "Бабур-наме" средства, применяемые для структурирования его объективированного повествования (тип I), от рукописи к рукописи варьируются здесь глагольные словоформы 1-го лица основного залога и 3-го лица пассива. Ср. *dedim kim taŋ jaqyn boldy bir sary bašlaŋyz kim kündüz jašunub keča bolsa birar at qolya tüšurub ḫožänd sujydyn ol sary barylyaj dedilar kim munda bir poštä bardur kim anda jašunsa bolur* БН 141$_{15\text{-}17}$, но несколько иной текст с варьированием лексем и словоформ: *dedim kim bir jerga bašlaŋ kim kündüz anda buqub kečä bolyač at-mat eliklab ḫožänd sujyny kečib ol jüz bilä hožänd sary baralyŋ dedilar kim anda* (ошибочно: *nda*) *bir poštä bardur anda buqsa bolur* BN 116b$_{5\text{-}7}$ ʻЯ сказал: "(Заря уже близко. – БН)[14] Проводите меня куда-нибудь, где бы днем [можно было] спрятаться (сделать засаду – BN; см. [Буд. I, с. 286]: "дж. кир. *buq-* ʻсделать засаду, подкараулить'"), а настанет ночь, раздобудем себе по лошади (коней и все прочее – BN), перейдем через реку Ходженда и пойдем той стороной к Ходженду (через реку Ходженда можно будет нам пойти в ту сторону – БН)". Они сказали: "Там есть холмик, там можно спрятаться (засесть в засаду – BN)"'.

В отдельных случаях диалогическое единство заключает в себе многоголосие – авторскую прямую речь, прямую речь персонажей: *dedim kim kelinŋ ajtyŋ kim tenri rast keltursa sämärqändny qačan alyajbiz bäʻzi dedilar kim jazya alyajbyz ol mähäl kec küz edi bäʻzi bir aj qyrq kün bäʻzi jigirmä kün dedilar nujan kükältaš dedi kim*

[14] В круглых скобках представлен перевод фрагментов текста, разнящихся в Хайдарабадском и Керовом списках.

on tört künda alurbyz teŋri rast kelturdi rast on tört künda oq sämärqändny alduk БН 102, BN 83a–b ʿЯ сказал: "А ну-ка, скажите, если бог поможет, когда мы возьмем Самарканд?". Некоторые сказали: "К лету, наверное, возьмем" (в то время была поздняя осень), некоторые: "В течение одного месяца – сорока дней", некоторые: "В течение двадцати дней", – сказали. Нойан Кукельташ сказал: "В четырнадцать дней возьмем". Бог помог, правда, – именно за четырнадцать дней мы взяли Самарканд'.

В этом довольно однообразном образчике многоголосия все второстепенные реплики вместе с вводящими их фразами подверглись компрессии, причем настолько, что, например, такая реплика с осколком вводящей фразы, как *bä'zi bir aj qyrq kün* может быть понята только в составе контекста. В основе компрессии здесь лежит имеющий место в тюркских языках нестрогий запрет на вторичное (и последующее, как в вышеприведенном примере) использование повторяющихся отрезков высказывания (*alɣajbyz* ʿмы, наверное, возьмем' в прямой речи персонажей; *dedilar* ʿсказали' во вводящих прямую речь фразах). Подобная компрессия (присоединительные синтагмы), признаваемая особенностью тюркской живой разговорной речи, представлена не только в различных способах передачи чужой речи, но и в эпическом повествовании "Бабур-наме" (см. об этом гл. III, разд. 2, § 3).

Парцелляция, как и связь парцеллируемых членов с помощью разделительного союза *ja* и повторяемой при каждом таком члене вопросительной частицы *mu* ʿли', также считается особенностью тюркской разговорной речи [Сафиуллина 1978, с. 148 и сл.]. В "Бабур-наме" эту особенность также можно наблюдать в прямой речи. См. *andaq dedilar kim ignäni munyŋ ičiga salsalar irir türšlyɣydyn mu ekin ja ḫasijättyn mu ekin* БН 372, BN 287a–b ʿГоворили так, что если положить внутрь него [плода амалбида] иголку, она растает: то ли это от его кислоты, то ли от [какого-либо другого] свойства'. В другом случае использование союза *ja* и повторяемой частицы *mu* представлено в Керовом списке, см. *men dedim kim bil barymny munda bilib kelib mu dur ja bilmaj mu dur* БН 143_{12-13} ʿЯ сказал: "Узнай, пришел ли он, зная, что я тут, или же он не знает [этого]?"'; в Хайдарабадском списке этого не находим: *dedim kim aŋlayyl kim meni bilib keladur* BN $118a_{3-4}$ 'Я сказал: "Уразумей, он пришел, зная обо мне?"'.

4. Риторический вопрос

Помимо авторских прямой речи, несобственно прямой речи и косвенной речи в "Бабур-наме" представлена еще одна разновидность авторского слова, близкого к авторской прямой речи в диало-

ге, – риторический вопрос (если рассматривать его с точки зрения функционально-семантической, поскольку в стилистике он квалифицируется обычно как стилистическая фигура).

Риторический вопрос отличается от вопроса авторской прямой речи тем, что он нацелен не на собеседника – персонажа "Бабур-наме", а на читателя. Назначение риторического вопроса – установление диалогических отношений между адресантом и адресатом, причем таких, при которых прямой ответ адресата, естественно, не ожидается (см. "ложный вопрос" [Долинин 1989, с. 42]): он подразумевается из риторического вопроса. Это явствует из следующего примера, где с точки зрения стиля "Бабур-наме" был бы уместен риторический вопрос, однако на деле читатель уже получает надлежащий ответ: *bu beš künluk ölar ǯan üčün jaman at bilä bardy ḫatun söziga kirib özini nik namlar čärgasidin čyqardy mundaq kišiniŋ wäqaj'in* (БН 99$_2$: *wäqaj'i*) *mundyn artuq bitib bolmas bu josunluq šani'* (БН 99$_3$: شنيع , BN 80b$_9$: شيع) *häräkatni mundyn artuq ešitib bolmas* БН 98$_{23}$–99$_{1-3}$, BN 80b$_{6-9}$ 'Ради этой скоротечной жизни (букв. которая умрет в пять дней) [Султан Али мирза] скончался (ушел из этого мира) с дурной славой. Доверившись словам женщины, он сам вывел себя из круга достославных. Нельзя больше писать об обстоятельствах такого человека, нельзя больше слушать о столь гнусных поступках!'.

Риторический вопрос призван в ненавязчивой форме убедить читателя, привлечь его на сторону адресанта и вызвать его положительный отклик (т.е. непрямой ответ). Как стилистическая фигура риторический вопрос ярко выражает индивидуальность адресанта и, обладая повышенной эмоциональностью, способен своей семантикой и языковыми средствами в наибольшей степени воздействовать на читателя. Риторический вопрос широко используется в тексте "Бабур-наме". См. примеры: *sämärqänd dek paj täḫt turγunča* (БН 95$_{22}$: *turub*) *ne gäraj ol qylγaj* (БН 95$_{22}$: *qylur*) *kim andiǯan dek jer üčün kiši awuqat zai' qylγaj* БН 95$_{22-23}$, BN 78a$_{3-5}$ 'Пока существует столица, подобная Самарканду, что заставит человека губить жизненные потенции ради такого места, как Андижан?'; *čun analarymdyn kim anam wä anamnyŋ anasy isan däwlät bekim bolγaj... bu* (БН 66$_{16}$: *bir*) *näw' ḫätlar kelib mundaq ihtimamlar bilä tilagajlar ne köŋül bilä kiši turγaj* БН 66$_{15-18}$, BN 53a$_{11-13}$ 'Так как от моих матушек, коими были моя мать и мать моей матери Исан Даулат биким, приходили подобные письма и они с таким усердием меня призывали, то с каким сердцем устоит человек?'.

В тех случаях, когда, как в последнем примере, дело касается самого повествователя и его близких, а также допущенных в отно-

шении их несправедливостей, повышенная эмоциональность риторического вопроса живо отражает накал страстей; в составе вопроса появляются глагольные словоформы 1-го лица, посессивно-именные словоформы 1-го лица. См. *menің inim mirza ḫannyŋ wä anasy sultan nigar ḫanymnyŋ ʻäjn wä maʻmu:r wilajätlary bar erdi men wä anam wilajät ḫod tursun* (БН 253_{20}: *nersun*) *bir kent wä bir neča qoš egasi bola almaduk menің anam junus ḫan qyzy wä men näbiräsi emas mu edim* БН 253_{18-20}, BN $200b_{1-4}$ ʻУ моего младшего брата Мирзы хана и у его матери Султан Нигар ханум имелись великолепные и благоустроенные владения. Я и моя мать не смогли стать обладателями – какого уж там владения! – хотя бы одного селения да нескольких кибиток. [А] моя ли мать не дочь Юнус хана? Я ли не его внук?'

В ряде случаев риторический вопрос в "Бабур-наме" служит обличению недругов автора или других лиц, поступки которых никак не согласуются с моделью "правильного поведения". Характерно, что при этом Бабур всякий раз аппелирует к мнению народа (*el wä ulus* ʻплемена и орды' [Буд. I, с. 203]), который будет потом либо говорить дурно о содеянном, либо одобрять, а то и вовсе не захочет об этом больше слышать. См. примеры: *sultan husäjn mirza dek timur beknің* (BN $122b_4$: *bek*) *urunyγa olturγan uluγ padišah γanimnің üstiga jürumakni demaj jer berkitmakni desa el wä ulusqa ne umidwarlyq qalyaj* БН 149_{17-19}, BN $122b_{4-6}$ ʻЕсли столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, восседающий на престоле Тимур бека, не говорит о походе на врага, а велит укрепляться, – какая останется надежда у народа (букв. у племен и орд)?'. Еще более ярко зависимость адресанта от мнения адресата выражена в следующем риторическом вопросе автора: *här kim ʻaqldyn bähräwär bolsa nega andaq häräkätγa iqdam qylγaj kim andyn soŋ jaman degajlar* (БН 234_4: *degaj*) *wä här* (БН 234_4: *bir*) *kišiga hušdyn asär bolsa nega andaq amrγa ihtimam qylmaγaj kim qylγandyn soŋ mutähassin degajlar* БН 234_{1-6}, BN $185b_{3-6}$ ʻЕсли кто обладает долей разума, то зачем совершает такие действия, о которых потом будут говорить дурно? Если у человека есть [хоть] след ума, зачем он не усердствует в таком деле, после совершения которого [его] будут одобрять?'. Редкий средневековый текст так полно раскрывает взаимодействие категорий адресант–адресат, как это можно наблюдать в "Бабур-наме", и фигура риторического вопроса играет при этом далеко не последнюю роль.

В средневековой тюркской литературе существует традиция использования прямой речи; к примеру, на монологах и диалогах

персонажей построена поэма "Кутадгу билиг". Но в тексте поэмы прямая речь, диалоги условны, их функция специфична, ибо в них отражаются этические воззрения автора; соотношение авторского слова и чужого слова в "Кутадгу билиг" составляет предмет самостоятельного изучения.

В "Бабур-наме" широко представлены прямая речь, косвенная речь и несобственно прямая речь как персонажей, так и самого автора: автор в определенных, описываемых им ситуациях выражает свое мнение окружающим, произносит монологи, подает реплики в диалогах либо пересказывает собственные же высказывания, пишет о том, что он думал или чувствовал в разных ситуациях, особенно в критических. Соответственно и назначение разновидностей передачи речи в "Бабур-наме" принципиально иное (нежели, скажем, в "Кутадгу билиг"), новаторское для средневековой литературы. Различными способами передачи речи в "Бабур-наме" достигается не только объективация сообщаемой здесь информации, т.е. коммуникативное назначение, но также эффекты художественно-изобразительные – динамичность, острота и напряженность повествования, его психологизм, публицистичность.

Рассмотрение соотношения авторского слова и чужого слова в "Бабур-наме" получилось разветвленно конкретизированным: изучалось также соотношение прямой речи персонажей и авторской прямой речи; косвенной речи, несобственно прямой речи как персонажей, так и самого автора; внимание уделялось также участию адресанта в диалоге с персонажами сочинения (передаваемая речь того и других), а также в диалоге воображаемом – риторический вопрос, обращаемый к адресату. Изучение названного соотношения было бы неполным без наблюдений над языковыми средствами, применяемыми в целях передачи речи.

Прямая речь в "Бабур-наме", разумеется, еще не могла быть по-настоящему индивидуализированной. Более того, местами по используемым языковым средствам она мало отличается от эпического повествования объективированного типа I; в еще большей степени это относится к косвенной речи. Здесь могут употребляться глагольные словоформы 3-го лица – пассива и аналитических глагольных структур с *bol-*, именные и глагольно-именные словоформы без аффиксов принадлежности, дейктические элементы, как бы заменяющие посессивную отнесенность таких словоформ.

Наряду с этим в различных способах передачи речи, и прежде всего в прямой речи, представлены также черты, свойственные тюркской разговорной речи. Это компрессия как самой прямой ре-

чи, так и вводящих ее фраз; она опирается на нестрогий запрет вторичного использования повторяющихся слов высказывания в тюркских языках. Результаты компрессии – присоединительные конструкции, парцелляция – также представлены в прямой речи. Встречаются и просторечные обороты, например: *wilajät ḫod tursun* (БН 253_{20}: *nersun*) БН 253_{19-20}, BN $200b_{3-4}$ ‘где уж там область...’ в риторическом вопросе. Здесь важно подчеркнуть, что это не исключительная особенность прямой речи: и то, и другое явление свойственны также языку собственно эпического повествования.

Характерно, что именно в передаче речи особенно часто наблюдаются лингвотекстологические расхождения между Хайдарабадским и Керовым списками.

В совокупности наблюдения над соотношениями чужого и авторского слова в "Бабур-наме", над средствами языкового выражения разновидностей передаваемой речи составляют новый, перспективный аспект изучения стиля этого сочинения.

§ 2. Стихотворные цитации и автоцитации

Соотношение авторского слова и чужого слова можно наблюдать также в такой важной компоненте текста "Бабур-наме", как стихотворные цитации и автоцитации.

Здесь широко представлена такая разновидность чужого слова, как стихотворные цитации различных поэтов как на тюркé, так и на фарсé; в последнем случае это цитации из поэтических произведений Низами, Саади, Джами и других классиков персидской литературы, а также из сочинений современников Бабура. Стихотворными цитациями было принято украшать авторское изложение в средневековой тюркской литературе, см., например в "Кутадгу билиг" [Иванов 1983, с. 524]. В "Бабур-наме" такая цитация на тюркé или на фарсé чаще всего представляет собой двустишие (*bäjt*), или же два бейта (*ruba'ji*, либо *qyt'a* ‘короткое стихотворение из двух-трех бейтов на одну рифму’), или же полустишие (*mysra'*). Заметно реже наблюдаются стихотворные вставки большого объема, см., например: три тюркских бейта (БН 327_{6-8}, BN $253a_{8-11}$; БН 455, BN 351b, в последнем случае это авторское слово – цитация из "Мубаййин" Бабура), четыре персидских бейта (БН 413, BN 318b), пять тюркских бейтов (БН 426–427, BN 329b–330a), 18 тюркских бейтов (*še'r* ‘стихотворение, поэма’: БН 247, BN 196a–b). Встречается также комбинирование тюркской и персидской стихотворных цитаций – см. БН 405, BN 312a, где восемь тюркских бейтов пред-

варяются одним персидским бейтом. В обращении Бабура к бекам и воинам перед битвой с "неверными" в Хиндустане (БН 408, BN 314b) одним персидским бейтом вводятся два тюркских бейта, затем следует прозаическая сентенция [*jaman at bilä tirilgandin jaḫšy at bilä ölgan jaḫšyraq* ʿчем жить с дурной славой (букв. именем), лучше умереть с добрым именем'] и один персидский бейт, развивающий названный мотив смерти с добрым именем.

Распределение стихотворных цитаций в тексте "Бабур-наме" явным образом зависит от характера его содержания; тем не менее на каждые 100 страниц наборного текста приходится примерно равное число стихотворных цитаций. Так, в БН 1–101 насчитывается 16 стихотворных вставок; БН 102–202 – 21; БН 203–303 – 22; БН 304–404 – 16; БН 405–494 – 21 вставка. Всего на 494 страницы наборного текста БН приходится 96 стихотворных цитаций, т.е. примерно 300 бейтов. Это бесспорное подтверждение литературности анализируемого сочинения.

Стихотворные цитации употребляются в тексте "Бабур-наме" в соответствии с требованиями арабско-персидской поэтики (украшение мудрыми изречениями, назиданиями и увещеваниями). Поэтому значительная часть таких цитаций по традиции призвана оттенить, углубить ту информацию, которая дается в прозаическом тексте "Бабур-наме", развить тему, изложенную прозой, или подытожить вышесказанное в яркой, образной форме. По силе своей назидательности, стилистической окрашенности стихотворные цитации, имея, как это было показано, большой вес в тексте "Бабур-наме", являют собой в совокупности один из приемов организации данного текста. С точки зрения типологической заметим, что цитаты в повествовательной литературе – явление распространенное [Буҳаркин 1990, с. 29–36, там же см. обзор литературы по этому вопросу].

Наиболее элементарным является включение в прозаический текст стихотворной цитации, содержащей ту же информацию, что и прозаическое повествование. Рассказывая о том, как автор и его сподвижники совещались, двинуться ли им с войском на запад или на восток, Бабур говорит о преимуществах похода на запад и в подтверждение приводит следующее двустишие: *...ẏärb täräfyda bä'zi jerlar häm jawuqtur häm ḫäzanäsy bardur *maly wafyr eli käfir jol jawuq *šärq sary gär jyraqtur ol jawuq* БН 459, BN 355a ʿ... в западной стороне некоторые места и близкие [по расстоянию], и сокровища там есть: *Домашний скот (имущество) у них обилен, народ у них – неверные, путь к ним близок *Если на восток далеко, то в ту [сторону] близко'. См. также БН 117, BN 95b.

Часто стихотворная цитация развивает мотив, затронутый в эпи-

ческом повествовании, и обобщает его – от индивидуального к общечеловеческому, тем самым расширяя круг адресатов "Бабур-наме" и усиливая назидательность излагаемого: *...nukärimizga qylyan insanijätni byzga qylmady balki nukärimizča bizni közga ilmadi bäjt *kim körubtur aj köŋül ahl-i ǯähandyn jaḫšylyq *kim ki* (БН 100_{23}: *kimda*) *andyn jaḫšy joq köz tutma andyn jaḫšylyq* БН 100_{20-23}, BN $82a_{9-12}$ '... [Хусрау шах] не оказал нам [той] человечности, которую он оказал нашим нукерам, даже не обращал на нас внимания в той мере, как на наших нукеров. Стих: *Кто видел, о сердце, добро от людей [сего] мира? *От того, в ком нет доброты, не надейся [получить] добро'. Так же назидательно, стихом переводя повествование в план общечеловеческих переживаний, заканчивает Бабур рассказ о неудавшейся попытке отравить его блюдом индийской кухни: *ǯan mundaq 'äziz nimä emiš munča bilmas edini ol mysra bar kim *ölar halätqa jetsa ol bilur ǯan qadryny* БН 398, BN 306b 'Что жизнь, оказывается, так дорога, раньше я не знал. Есть такая стихотворная строка: *Тот, кто достиг смертельного состояния, узнает цену жизни'.

Наряду с подобным вполне традиционным функционированием стихотворные цитации часто используются в "Бабур-наме" новаторски – в профессиональных интересах самого Бабура как поэта, литературоведа, филолога широкого профиля. Стихотворными цитациями оснащены рассказы о своеобразной литературной жизни при дворе не одного только Бабура, но и других феодалов тимуридского Мавераннахра: состязания в поэтических импровизациях на фарси́ и тюрки́ (БН 106–107, BN 87a–b, где, естественно, приведены и сочиненные участниками состязания рубаи), литературные пирушки с поэтическими импровизациями или пародированием (см. БН 318, BN 247a; БН 326, BN 252b), бесконечное составление стихотворений-хронограмм (*tariḫ*), "гвоздем" которых является слово (или словосочетание), числовое значение букв которого составляет дату события – рождения, смерти, победы и т.д. (например, БН 62–63, BN 50a–b; БН 105, BN 86a; БН 433, BN 335a).

Описывая обстоятельства жизни многочисленных родственников и свойственников, друзей и недругов вместе с их приближенными, Бабур непременно отмечает тех из них, кто обладал поэтическим даром, приводит их наиболее удачные или характерные бейты, например: *täb-i näzmi häm bar ekandur bu ruba'i anyŋ dur* БН 204, BN 164a '[У Кичик мирзы] была, оказывается, способность к стихосложению. Это рубаи принадлежит ему' и далее следуют два бейта на фарси́; см. еще БН 17, BN 13b; БН 85, BN 68b; БН 218, BN 174a. В ряде случаев он сообщает также собственную оценку стихов своих современников, а иногда и всего их творчества

(см., например БН 213–214, BN 170b–171a). Такие, можно сказать, документированные стихотворные цитации из наследия ныне давно забытых поэтов способствуют восстановлению (хотя бы и частичному) историко-литературной обстановки в тимуридском Мавераннахре.

Авторское слово представлено стихотворными автоцитациями. Стихотворные автоцитации в "Бабур-наме" детально исследованы А.Н.Самойловичем в связи с подготовлявшимся им к изданию собранием стихотворений императора Бабура: в сохранившемся (рукописно) обширном варианте предисловия к этому изданию ученый вычленил специальным разделом "Цитаты из стихотворений Бабура [по „Бабур-наме"] и его стихотворения, не вошедшие в сборники" [Парижской Национальной библиотеки и Рампурского наваба], а также указал целый ряд стихотворений Бабура из обоих сборников, которые частями или полностью вошли в "Бабур-наме" и поэтому были известны востоковедам до открытия Рампурской и Парижской рукописей [Самойлович. Ф. 671, № 82]. О некоторых стихотворных автоцитациях в "Бабур-наме" см. также [Стеблева 1978; 1982]. Таких автоцитаций в тексте очень много: автор часто приводит свои стихи, подходящие к случаю или же на этот случай написанные (см., например БН 121, BN 99a; БН 426, BN 330a), в том числе и шуточные экспромты (БН 326, BN 252b; БН 489, BN 378b), рассказывает об истории создания им некоторых малых поэтических сочинений (см., например БН 121–123, BN 99a–101a; БН 427–428, BN 330b–331b).

Интерес представляют своеобразные поэтические диалоги между Бабуром и поэтами-современниками по разным поводам. Например, Беннаи в рубаи (на фарси́) жаловался на свое нищенское положение, а Бабур в ответ на это сочинил тюркское рубаи, призванное свидетельствовать о щедрости его автора: Беннаи сообщается, что при дворе его нового покровителя "о награде и жалованье будет отдан приказ" (БН 106–107, BN 87a). Ходжа-и Калан, один из наиболее приближенных к Бабуру вассалов, терпеть не мог Хиндустана и, добившись долгожданного разрешения покинуть страну, выразил чувства в стихе (на фарси́), который велел начертать на стене своего дома. Обиженный этим стихом Бабур сочинил и послал Ходжа-и Калану следующее тюркское рубаи: *jüz šukr de babur ki kärim ɣäffar *berdi säŋä sind wä hindu mulk bisjar * ysyqlyɣɣa gär säŋä joqtur taqat *sowuq jüzini köraj desäŋ ɣazny bar* БН 383, BN 296a ʿСто раз вознеси благодарность, Бабур, что щедрый всемилостивый [господь] *Дал тебе Синд и большое Индийское царство *Если у тебя нет терпения [выносить] жару * Если ты пожелаешь увидеть холодный край (букв. сторону), то [у тебя]

есть Газни'. Назначение данной автоцитации – еще раз подчеркнуть, сколь великим делом были для Бабура поход в Хиндустан и его завоевание.

Одна из стихотворных автоцитаций представляет собой самокритичное признание автора. Такое откровенное признание в стихах лишний раз подкрепляет его авторитет правдивого рассказчика; в то же время они содержат в себе модель "правильного поведения", т.е. в конечном счете – поучение. Бабур рассказывает (БН 326–327, BN 252b–253a), как прежде он стихами выражал все, что только ни придет в голову, – хорошее и плохое, сарказм (*häžw*) и шутку (*häzl*); любые такие стихи, даже и дурные (*qäbih*), грубые (*durušt*), он записывал. Позднее он отказался писать стихи саркастические и шуточные, но зарок свой однажды нарушил и, как он считает, поплатился за это жестокой простудой, кашлем и кровохарканьем. Фрагмент текста завершается арабскими изречениями, квалифицирующими клятвоотступничество (БН $327_{5,9}$, BN 253a), и следующими стихами самого Бабура: *ne qylajyn seniŋ bilä aj til *ǯihätiŋdin meniŋ ičim qandur *neča jaḫšy desaŋ bu häzl ilä *birisi fohš wä biri jalyandur *gär desaŋ küjmajin ǯäzm bilä *ǯilawuŋny bu ʿärsädyn jandur* БН 327, BN 253a ʿЧто мне делать с тобой, о язык *Из-за тебя мои внутренности – кровь (т.е. кровоточат) *Сколь бы хорошо ты ни говорил шутя * [все равно получается] то брань, то ложь. *Если ты не хочешь сгореть [не приняв] окончательного решения *[тогда] поворачивай свои поводья с этого поприща' (т.е. прекращай слагать дурные стихи).

Семантически связанные с прозаическим текстом в каждом данном микротексте, стихотворные цитации и автоцитации обнаруживают такую связь и в плане лексики (см., например, в последнем примере повторные употребления "стержневых слов" *häžw* ʿсарказм', *häzl* ʿшутка' в прозаическом и стихотворном тексте; использование окказиональных синонимов в других примерах).

Как можно видеть из приведенного в § 2 материала, самый подбор стихотворных цитаций, равно как и характер стихотворных автоцитаций, ярко обнаруживает авторское начало в "Бабур-наме", авторскую индивидуальность.

§ 3. Документ и его роль в "Бабур-наме"

Помимо стихотворных традиционных цитаций и нетрадиционных автоцитаций в "Бабур-наме" представлены также прозаические цитации особого рода, использование которых в средневековой тюрк-

ской литературе до Бабура не наблюдалось. Речь идет о цитации документов в "Бабур-наме", еще одной разновидности чужого слова. Чтобы корректно истолковать этот уникальный для средневековой литературы факт, следует, как нам представляется, прежде всего обратиться к коммуникативной установке "Бабур-наме". Всем своим сочинением, всеми его деталями Бабур стремится убедить читателя в том, что перед ним – не вымысел, но достоверное и правдивое повествование о действительно происходивших событиях. Использование же в тексте документа, как бы вживленного в художественную систему сочинения, по самой своей сути направлено на достижение подлинной достоверности в изображении событий (см. [Ноляк 1987, с. 28]).

Можно также говорить о том, что у Бабура-писателя была известная предрасположенность к документализму: этому, безусловно, способствовали такие его личные качества, как любознательность, обстоятельность и доскональность в описаниях любого рода. (Бабур, к примеру, выступил инициатором воинской статистики: ... *alty jetti särgar qylyb nilab guzarida kemälarniŋ üstiga tä'jin qylyldy kim ǯämi' čerik elini nam bänam bitib sanlaryn alyajlar* БН 328, BN 254a '... назначив шесть-семь смотрителей, [мы] определили их к лодкам при переправе Нил-Аба, чтобы они поименно переписали весь войсковой люд и сосчитали их количество'.)

Наряду с этими соображениями заслуживает внимания тот факт, что принципиально новый важный ингредиент текста – документы – вводится только в последнюю (индийскую) часть "Бабур-наме", начиная с изложения событий года 933 (= 1526–1527). Это грамоты и фирманы императора Бабура, выполненные в его придворной канцелярии; пространный экономический документ – роспись доходов с подвластных Бабуру индийских владений (БН 379–380, BN 292a-b–293a , [Бабур-наме 1958, с. 337]); прозаические автоцитации – послания Бабура к царевичам, своим сыновьям и прежде всего к старшему из них – наследнику престола Хумаюну, а также к своим сподвижникам, вассалам. В первой части (БН 149, BN 122a) лишь упоминания о "пространных грамотах" Султан Хусейна с кратким изложением их содержания. Естественно, что в отношении стиля все эти документальные материалы резко отличаются от собственно авторского текста "Бабур-наме".

Среди событий 933-го года имели место "великие", как их характеризовал Бабур, – это, во-первых, отказ самого императора от винопития с распространением воздержания от вина на всех обитателей его богохранимых царств и, во-вторых, победа над войском "нечестивого" Рана Санки. Специальные грамоты, написанные по приказу Бабура писцом Шейх Зайном из его канцелярии по пово-

ду каждого из событий (на арабском и персидском языках каждая), приводятся автором в тексте "Бабур-наме". В БН 406–408, BN 312b–314b приведена "антиалкогольная" грамота Захир ад-Дин Мухаммед Бабура, содержащая также приказ не взимать тамги в городах и селениях, на дорогах и переправах[15].

Огромная победная грамота (БН 410–420, BN 316a-b–324b) составлена на персидском языке, с обширным вступлением религиозного содержания на арабском языке, с лексическими вкраплениями из чагатайского: *araba* 'лафет (букв. телега)', *γul(o)* 'рота, находящаяся при хане' [Буд. I, с. 777], *ǯuwänyar* 'левое крыло армии' [Буд. I, с. 444], *bašlyq* 'во главе стоящий' [Буд. I, с. 226] – БН 418–419, BN 321b–322a; текст этой грамоты приводится в "Бабур-наме" полностью, без сокращений и каких-либо добавлений.

О полной противоположности стиля грамоты стилю текста "Бабура-наме" справедливо сказано М.А.Салье и Д.Г.Вороновским в примечаниях к сочинению: "Победная реляция, составленная высокоученым Шейх Зайном в соответствии с установившимися канонами в этой области, представляет своей замысловатостью полную противоположность изящной простоте стиля самого Бабура" [Бабур-наме 1958, с. 472].

Поскольку из этой грамоты становится документально "известно качество рати ислама и количество войск нечестивых, расположение и строй рядов и сражение мусульман с неверными" [Бабур-наме 1958, с. 352], факт ее использования в тексте освобождал автора от описания победоносной битвы.

Точно так же обширные автоцитации личных посланий Бабура делают излишними подробные изложения и объяснения произошедших "устрашающих", по выражению автора, событий либо усложненных межличностных отношений. Так, в БН 396–398, BN 305a-b–307a приводится обстоятельное послание в Кабул рассказом о том, как повар-индиец пытался отравить Бабура, и с уверениями – во избежание смуты – что здоровье монарха уже вне опасности; как и обычно, копия послания документирована (указано, где и когда оно написано). В БН 450–453, BN 348a-b–350a приводится черновик его послания к Хумаюну (*humajunγa bitilgan ḫätnyŋ säwady* БН 450, BN 348a), в заключение которого имеется документирующая приписка (*pänǯšänbä küni rabi' ul-awwäl ajynyŋ on üčida bitildi kamranγa wä ḫoǯa-i kälanγa daγy ošbu mäzmun bilä öz elikim bilä ḫätlar bitib jibardim* БН 453, BN 350a 'Писано в четверг 13-го числа месяца раби' первого. Камрану и Ходжа-и

[15] На этот фирман обратил внимание А.Н.Самойлович в своих конспективных заметках [Самойлович. Ф.671, № 85, с. 41, 57].

Калану я собственноручно написал и послал письма именно такого же содержания'). В БН 464, BN 358b–359a частично приводится, частично пересказывается вкратце письмо к Хумаюну, очень лаконично излагается также содержание писем к младшим сыновьям – Хиндалу, Камрану. В БН 464–466, BN 359a-b–361a приводится (без купюр и изменений) послание автора к Ходжа-и Калану в Кабул.

Отбор приводимого в "Бабур-наме" документального материала, безусловно, осмыслен и регламентирован. Тем не менее возникают вопросы: почему именно на предпоследние 70 страниц наборного текста (БН 396–466, BN 305a-b–361a) приходится, собственно, основная документальная информация? Почему в первых двух – "ферганской" и "кабульской" – частях "Бабур-наме" документальный материал почти отсутствует, хотя коммуникативная установка едина для всех трех частей сочинения?

Вполне возможно предположить, что при общей установке Бабура на максимальную достоверность описываемых им событий он не мог использовать документы и письма в первых двух частях – "ферганской", 899 (= 1493–1494) – 908 (= 1502–1503), и "кабульской", 910 (= 1504–1505) – 911 (= 1505–1506), поскольку письменные свидетельства о делах давно минувших дней, естественно, могли и не сохраниться, особенно если иметь в виду жизнь самого Бабура, насыщенную бурными переменами, вынужденными перемещениями на огромных пространствах.

Нельзя исключить и другое предположение. Бабур при его пошатнувшемся состоянии здоровья в условиях непривычного тропического климата Хиндустана (см. участившиеся в последней части упоминания о "сильных простудах", "лихорадках", кровохарканье при кашле, о тяжело перенесенной попытке отравить его) спешил завершить главное сочинение своей жизни. Экономя усилия, стремясь ускорить выполнение своей работы, автор, начиная с изложения событий года 933 (= 1526–1527, т.е. за три года до своей смерти – 26 декабря 1530 г.), прибегает к использованию имевшихся в наличии апробированных документальных материалов. С этой точки зрения заслуживает внимания мотивировка включения в текст сочинения черновиков некоторых посланий Бабура. Так, вместо подробного рассказа о попытке отравить его блюдом индийской кухни автор приводит свое обстоятельное послание в Кабул: *nečük kim kabulya bitigan kitabätta mäšruh bitilib edi ol kitabätni oq bi zijadä wä bi noqsan munda kelturuldi ol kitabät bu dur...* БН 396, BN 305a 'Поскольку [об этом] объяснительно написано в послании, написанном в Кабул, здесь [мы] привели то самое послание, без прибавления и купюр. Вот оно...'. Излагая вкратце содержание своих писем сыновьям, Бабур приводит далее черновик

своего обширного послания к Ходжа-и Калану с аналогичной мотивировкой: *jinä bä'zi käjfijat ḫoǯa-i kälanγa bitilgan ḫättyn mä'lum bolur üčün ošal ḫätnyŋ säwadyny bi täfawut bitildi* БН 464, BN 359a 'С тем чтобы некоторые обстоятельства стали известны из письма, написанного [мной] Ходжа-и Калану, черновик этого самого письма [я] переписал без отличий [т.е. не внес в него изменений]'.

Если учесть все сказанное о документальности текста "Бабур-наме" и принять изложенную нами гипотетическую мотивировку использования документов и писем Бабура в последних главах "Бабур-наме", то появится возможность уточнить некоторые детали истории создания этого сочинения. Во-первых, самый факт такого использования в последних главах и отсутствие документов в первых двух частях "Бабур-наме", по нашему мнению, может рассматриваться как добавочный аргумент в пользу того, что эти две части, "ферганская" и "кабульская", писались не синхронно с описываемыми событиями. Во-вторых, становится понятно, почему в имеющихся рукописях "Бабур-наме" повествование обрывается на изложении событий года 935 (= 1528–1529): автор действительно не успел закончить свое сочинение из-за смертельной болезни.

§ 4. Пословицы и поговорки, афоризмы и сентенции

К числу тех составляющих текста "Бабур-наме", которые, представляя собой чужое слово, призваны усугублять назидательность текста, расцвечивать острым и метким словом эпическое повествование, относится такой особо активный разряд художественно-выразительных средств языка, как пословицы и поговорки; сюда же примыкают афоризмы и сентенции. Названные средства традиционно использовались в этих целях в средневековой тюркской литературе (в соответствии с требованиями арабско-персидской поэтики), см., например, об использовании пословиц, поговорок, вообще устного поэтического творчества тюркских народов в "Кутадгу билиг" [Кононов 1983, с. 508]. Афоризмы, сентенции, а также "конденсаты человеческого опыта и мудрости" – пословицы и поговорки – считаются "минимальными законченными художественными текстами" [Арутюнова 1981, с. 365].

Взаимосвязь контекста и пословицы в "Бабур-наме" в большинстве случаев традиционна: рассказывая о том или ином, поучительном, с его точки зрения, эпизоде, в заключение Бабур приводит назидание – резюмирующую пословицу. По традиции она часто вводится фразами вроде *mäsäl bar kim...* 'есть пословица...'; *mäsäl* может иметь при себе определения (указательные местоимения *bu*

'эта', *ol* 'та', прилагательное со значением этнической принадлежности пословицы – *türki* 'тюркская'). Так, с горечью говоря о том, какую напраслину возводят на него недруги, Бабур заключает: *mäsäl bar kim dušmän ne demas tüška ne kirmas* БН 178, BN 144b 'Есть пословица: "Чего [только] враг ни скажет, что [только] во сне ни приснится"' (эту же тему продолжает включенный сюда персидский бейт, смысловым эквивалентом которого может быть русская пословица *на чужой роток не накинешь платок*). Рассказывая о том, как он в молодости послушался неразумного совета своих беков и упустил возможность нанести поражение врагу, Бабур пишет: *bu mäsäl bar kim qabudayyny qabmasa qaryyunča* (BN 73_4: *qaryyuča*) *qajyurur* БН 90_{1-3}, BN $73a_{3-4}$ 'Есть такая пословица: "Кто не схватит того, что лезет в руки, будет жалеть до старости"' (и здесь также назидательность усугубляется за счет персидской стихотворной цитации подходящего содержания). Рассказ о коварстве Танбала венчает такая пословица: *ol bir türki mäsäl bar dur kim ynanmayyn* (BN $78b_1$: *ynanmayyl*) *dostuŋya saman tyqar pustyŋya* БН 96_{10-11}, BN $78b_{1-2}$ 'Есть одна такая тюркская послозица: "Не доверяй своему другу, он набьет твою шкуру* соломой"'.

Более сложные способы введения пословицы в текст отражают индивидуальный характер авторского использования ее – например, в рассказе о перебежчике Мухаммед Дусте: *aḫyr özbek elikiga* (BN $79b_6$:) *tüšti közlarni kör qyldylar közlarni tuz tuttynyŋ bu ma'nasy bar ermiš* БН 97_{16-17}, BN $79b_{6-7}$ 'В конце концов он попал в плен к узбекам, они ослепили оба его глаза. Таков, оказывается, смысл [пословицы]: "Соль выела ему глаза" [Бабур-наме 1958, с. 95], ср. [Буд. I, с. 571]: 'хлеб-соль ослепила его глаза, т.е. он изменил дружбе и был за то наказан'. Характерно, что пословица здесь воспринимается в качестве такого словесного единства, которое может даже принимать падежные показатели (в данном случае – род. падежа). Здесь отсутствует традиционная вводная фраза *mäsäl bar kim* – как и в следующем примере, где пословица является придаточным предложением в сложноподчиненном союзном предложении: *taylary ellariga münasib tüšub tur nečük kim teŋ bolmayunča tüš bolmas debturlar* BN 141b (с перефразировкой: БН 174, см. об этом с. 27) 'Горы [там] представляются соответствующими тамошнему люду, поскольку говорят: "Пока нет сходства, не будет и встречи"'.

О принадлежности пословицы тюркскому народу иногда сообщается в определении *türki mäsäl*; о персидской (или таджикской)

* Букв.: 'внутрь тебя', см. каз. диал. *пост* ~ *пуст* 'внутрь'.

пословице такое предуведомление встречается совсем редко. См. *bir farsi mäsäl bar märg ba jaran su:r ast* БН 246, BN 194b ‘Есть одна персидская пословица: "Смерть с друзьями – пиршество"’. Чаще же языковое указание при персидской пословице отсутствует. Так, рассказывая о вероломстве Шейбани хана, по приказу которого был убит прежде им отпущенный досточтимый Ходжа Яхья, Бабур по поводу приведенного ханом оправдания (Ходжа якобы убит людьми хана без его ведома) говорит так: *bu andyn jamanraq mäsäl bar kim ‘uzr* (BN 81a$_2$: *‘uzräš*) *bätär* [Гафф. I, с. 94: *bätär* вм. *bädtär* ‘хуже’] *az gunah* БН 99$_9$, BN 81a$_{1-2}$ ‘Тем хуже! Есть пословица: "Извинение (BN 81a$_2$: ‘его извинение’) хуже вины"’. Ср. совр. перс. *ózr bädtár äz gonáh*, тадж. *uzr badtar az gunóh*. Персидская пословица *deh koẕa wä däräẖtan koẕa* БН 6, BN 5a ‘Где деревня и где деревья?’, по мнению Бабура, сказана скорее всего про Ахси, жилые кварталы которого расположены более чем в одном шери от крепости.

Бабур, ценивший острое и меткое слово, охотно приводивший чужие удачные остроты (см., например: БН 119$_{4-7}$, BN 97b$_{3-6}$; БН 424$_{22-23}$–425$_1$, BN 328a$_{11-13}$), снабдил свой текст многочисленными назидательными афоризмами и сентенциями; особенно их много в послании Бабура к старшему сыну Хумаюну, которое включено в текст "Бабур-наме" (см. БН 452$_{1-2,\ 5-6,\ 8}$, BN 349a$_{5-6,\ 10,\ 13}$). См. примеры: *muqärrär dur kim* (BN 15b$_9$: *kim* отсутствует) *här kim ki* (БН 19$_{17}$: *ki* отсутствует) *köp ajtur pärišan* (БН 19$_{18}$: *häm*) *ajtur* БН 19$_{17-19}$, BN 15b$_{8-9}$ ‘Установлено, что любой, кто много говорит, [и] вздор говорит’; *‘alämda ẕan wähmidin jamanraq nimä bolmas emiš* BN 118a$_{12-13}$ (БН 144$_1$: *nijarsa joq ekandur*) ‘Оказывается, не бывает на свете ничего хуже страха за [свою] жизнь’; см. также БН 144$_{4-5}$, BN 118b$_2$ (мотив развивается последующей стихотворной цитацией-бейтом на фарси); БН 52$_{5-6}$, BN 41b$_{11-12}$; БН 115, BN 94a (приведен на с. 366).

§ 5. Устойчивые литературно-языковые формулы

В целях удобства изложения ниже в качестве литературно-языковых формул (далее сокращенно: языковых формул) рассматриваются не только целые фразы, но также частотные глагольно-именные и именные словосочетания, причастные конструкции, употребление которых связано со словесным этикетом средневековья и которым присуще "формульное" значение.

Языковые формулы (клише, штампы) могут рассматриваться

как мельчайшие единицы в иерархии микротекстов; вместе с тем их явная повторяемость и специфичность распределения в тексте "Бабур-наме" позволяет видеть в них одно из лингвостилистических средств.

Клише, как известно, признается внутренне присущим природе информации (Н.Винер, цит. по [Будагов Р.А. 1967, с. 101]). В истории же литературных языков формульность как языковая, так и сюжетная считается одной из важных примет литературности средневекового сочинения, наддиалектности его языка (т.е. обособления от диалекта) [Гухман, Семенюк 1983, с. 122]. В "Бабур-наме" формульность сюжетная не представлена по причине специфичности и уникальности для средневековой литературы внетрадиционного жанра данного сочинения.

Языковые формулы как одно из проявлений наддиалектного характера языка тюркских рунических памятников впервые исследованы Э.Р.Тенишевым [Тенишев 1976, с. 165–169]. О наличии клишированных оборотов в "Кутадгу билиг" см. [Иванов 1983, с. 528]. На материале чагатайского языка вопрос этот не изучался, хотя уже более ста лет назад внимание к конкретным языковым формулам проявлял Л.З.Будагов [см., например: Буд. I, с. 242, 590 и сл.], а затем – А.Н.Самойлович [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 13].

В "Бабур-наме" представлен богатейший репертуар разнообразных языковых формул, причем число их еще более возрастает, если учитывать все представленные варианты[16]. Ниже рассматриваются языковые формулы в их разбивке по тематическим группам.

1. Формулы набожности

Формулы набожности находятся в ряду тех языковых формул, которые небезразличны стилю "Бабур-наме". Вместе с тем изучение формул набожности в "Бабур-наме" представляет интерес в типологическом аспекте: по ним можно судить, как проявлялось воздействие религиозной письменности на язык средневековой светской литературы (см. [Гухман, Семенюк 1983, с. 122]); наши наблюдения по этой проблематике см. ниже.

---

[16] Варьирование языковых формул в "Бабур-наме" составляет самостоятельный интерес. Оно имеет выход прежде всего в текстологию: формулы варьируются от одной рукописи к другой, особенно это касается формул набожности; ниже такие расхождения даются в скобках при сокращенных указаниях на Хайдарабадскую рукопись (BN) или на Керову рукопись в издании Ильминского (БН).

Кроме того варьирование формул используется в "Бабур-наме" также для стилистических целей.

С точки зрения типологической большое количество формул набожности естественно для средневекового сочинения при том "верховном господстве богословия во всех областях умственной деятельности" [Энгельс, с. 360], которое было присуще всей культуре средневековья[17]. "... монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия, и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем" [Энгельс, с. 360].

Бабур получил весьма основательную мусульманскую богословскую подготовку [Бартольд 1896, с. 380]. Об этом может свидетельствовать написанный им дидактико-правоведческий трактат в стихах "Мубаййин"; он адресован наследнику престола – сыну автора – Хумаюну и в доступной стихотворной форме объясняет основы шариата, нормы поведения правоверного мусульманина. Уже поэтому Бабуру с его достоинством монарха не было надобности выказывать богословскую ученость в "Бабур-наме".

К характеру употребления формул набожности в этом сочинении, как и к другим лингвостилистическим приемам, автор, истинный реформатор литературного языка своего времени, относится совершенно осознанно, можно даже сказать – нормирующе-ограничительно. Не перегружая в целом текст своего сочинения (и особенно его описательную часть) подобными формулами, как это было свойственно литераторам его времени, Бабур показал пример того, как с позиций здравого смысла целесообразно относиться к вопросу о воздействии арабоязычной мусульманской письменности на язык тюркоязычной светской литературы. Среди употребляемых им формул набожности не так уж много собственно арабских, связанных непосредственно с арабоязычной мусульманской письменностью; их частотность сравнительно невелика. См. примеры: *inša li-llah* БН 330, BN 255a 'бог даст', *inša li-llah tä'ala* БН 454, BN 350b 'бог всевышний даст; если будет угодно богу всевышнему', *al-hämdu li-llah* БН 328, BN 254a; БН 466, BN 360b 'слава богу', *bä-*

[17] Даже измерение времени на средневековом Востоке, по свидетельству Бабура, проводилось с позиций религиозной обрядности, см. *daqyqanyŋ miqdari täqriban alty qatlä fatihäni bismi-l-lah bilä oquɣunča dur kim bir kečä kündüz sekiz miŋ alty jüz qyrq näwbät fatihäni bismi-l-lah bilä oquɣunca boly̨aj* БН 374, BN 288b–289a 'Продолжительность минуты приблизительно – пока прочитают шесть [раз] фатиху с бисмиллой; [так] что за сутки получится прочитать фатиху с бисмиллой восемь тысяч шестьсот сорок раз'. В старом русском быту, по словам Н.Д.Насиловой, временной отрезок окказионально также мог отмеряться при помощи молитвы: троекратного чтения "Отче наш" достаточно, чтобы сварить яйцо всмятку.

hämdu li-llah БН 325$_{11-12}$ (ср. *al-hämdu li-llah* BN 252a$_1$) 'с хвалою богу', *rähmätu li-llah 'äläjhi* БН 164, BN 134a 'да помилует его бог' и др.

Значительно более частотны здесь формулы с использованием тюркской лексики; грамматическая структура их также тюркская (см. ниже); они сравнительно просты и доступны пониманию рядового читателя. В "Бабур-наме" малочастотны такие выспренние формулы, как следующие: *himmät rikabiya ajaq qojub täwäkkül 'inaniya elik urub... afyannyn üstiga... mutäwäẓẓih bolduk* БН 337, BN 261a 'Вставив ногу в стремя высокого подвига, прикоснувшись рукой к поводьям упования на бога, мы отправились [в поход] против афганцев'.

Формулы набожности с тюркской лексикой отмечены в "Бабур-наме" традиционностью штампа[18]: в них частотно явно преобладает употребление тюркского имени бога *teŋri* (с "йай" после "та") по сравнению с ар. *allah* или перс. *ḫuda(j)*, причем в Хайдарабадской рукописи представлено *teŋri* и во всех тех немногочисленных случаях, когда в издании Н.И.Ильминского налицо *allah* или *ḫuda(j)* в тюркоязычной конструкции. Обращаясь к соответствующему словоупотреблению в языке Навои (по Словарю языка произведений Алишера Навои), такого явного преобладания *tenri* мы не заметили: напротив, частотность этого слова здесь представляется более низкой, чем для *allah* и *ḫuda(j)*; ср. *teŋri* [НАЛ 3, с. 180], но *allah, ḫuda(j)* [НАЛ 1, с. 80; НАЛ 4, с. 258, 265–266; НАЛ 3, с. 425–426].

Явное предпочтение *teŋri* в "Бабур-наме", безусловно, вызвано вполне осознанным индивидуально-авторским следованием старинной письменной традиции: *täŋri* используется в языке средневековых памятников, начиная с древнеуйгурских [ДТС, с. 544], позднее употребление – в теологическом сочинении XVI в. "Сираж ал-кулуб" [Наджип 1989, с. 196]. Традиция эта была глубоко укоренена в народном обиходе, о чем свидетельствуют факты современной Бабуру средневековой антропонимии, в которой наряду с *allah* и *ḫuda(j)* представлено также и *teŋri*. Ср. в "Указателе собственных имен" *Allah Werän* (*Allah Bergan*), *Ḫudaj Berdi* и *Teŋri Berdi* ('Бог дал'); *Allah Quly* и *Teŋri Quly* ('Божий раб'), см. также *Ḫudaj Bahš* [Бабур-наме 1958, с. 485, 509, 505]. В тексте "Бабур-наме" неоднократно встречается также вариант имени 'Бог дал'

[18] Традиционность штампа принято связывать с функционально-стилистическим обособлением литературного языка от диалекта [Гухман 1976, с. 8]. О роли традиционных пластов лексики и грамматики в истории тюркских литературных языков см. [Тенишев 1979].

(т.е. Богдан) – *Uyan berdi*[19], см. др.-тюрк. *uyan* ‘всемогущий, бог’ (QB N; ЮгС) [ДТС, с. 607]. По всей видимости, это имя одного и того же человека – Уган Берди Могола, см. BN 228b$_7$ (БН 293$_8$ – пропуск); БН 481$_{19}$ BN 372a$_8$ (некорректно: تردی вместо *berdi*); БН 482$_5$, BN 372b$_3$; см. еще BN 221a$_{12}$, но БН 283$_{12}$ некорректно: *afyan berdi*. Видимо, опираясь на это некорректное чтение, М.А.Салье принял повсюду чтение Ауган Берди и только при последних упоминаниях на с. 423 представлены оба чтения – Ауган Берди и Уган Берди [Бабур-наме 1958, с. 257, 265, 423].

Переходя к анализу структуры и семантики формул набожности в "Бабур-наме", отметим, что имя *teŋri* содержат практически все эти формулы, имеющие тюркскую структуру и тюркскую лексику (хотя бы и частично), будь то именной или глагольный оборот или же предложение.

Из числа именных оборотов высокочастотна формула *teŋri ʻinajäti bilä* ‘с божьей помощью, по божьей милости’, например: *teŋri ʻinajäti bilë bu näwʻ qalyn jayylarny basyb* БН 382, BN 295b ‘с божьей помощью разбив столь многочисленных врагов’; другие случаи использования этой формулы см.: БН 54, BN 43b; БН 78, BN 63b; БН 433, BN 335a и проч. Варианты этой формулы – с род. падежом или *teŋri* или же его традиционного постпозиционного определения ар. *täʻala* ‘всевышний’ – представлены попеременно то в Хайдарабадской рукописи, то в издании Ильминского, см. *teŋriniŋ ʻinajäti bila* БН 107 и соответственно *teŋri täʻalaniŋ inajäti bilä* BN 88a ‘по милости бога всевышнего’; *teŋri taʻalaniŋ ʻinajäti bilä* БН 105 и *teŋri ʻinajäti bilä* BN 86a; см. еще БН 352, BN 272a. Реже встречаются варианты формулы с двумя определяемыми-арабизмами, см. две нижеследующие пары синонимов: *teŋri täʻalanyŋ lûtfi wä ʻinajäti bilä* БН 278$_{12-14}$, ... *inajätidin* BN 218a$_6$ ‘по благости и милости бога всевышнего’, *teŋri täʻala fäzl wä kärämi bilä* БН 156, BN 128a ‘по милости и благоволению бога всевышнего’, то же – БН 87, BN 70b; БН 345, BN 267a; БН 348, BN 269a.

В качестве формулы используются и именные предложения, в которых группу подлежащего составляет определительное словосочетание *teŋri ʻinajäti* ‘божья милость’, см.: *teŋri ʻinajäti edi* БН 251, BN 199a ‘[на то] была милость божья’; *teŋri täʻalaniŋ ʻinajäti bar ekandur* БН 398, BN 307a ‘[на то] имелась, оказывается, милость бога всевышнего’; *teŋri täʻala ʻinajäti bolub özbekni basarlar* БН 458, BN 354b ‘Будет [на то] милость бога всевышнего – они разобьют узбеков’.

[19] Имя *Uyan Berdi* привлекло внимание А.Н.Самойловича: он выписал его (BN 221a) в рубрике под общим заголовком "Кличьки, прозвища" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 32].

Из других формул набожности – именных предложений – приведем следующие: *teŋriga rawšan dur kim...* БН 202, BN 162b ‘Богу ясно, что...’; *teŋri tä‘aladin umid andaq dur kim...* БН 464, BN 359a ‘надежда на бога всевышнего такова, что ...’.

Формулы набожности, представляющие собой глагольные словосочетания или предложения, довольно разнообразны. Наиболее частотна конструкция *teŋri rast keltur-* ‘бог даст’, см. *rast ke[l]tur-* ‘способствовать успеху, дать случай воспользоваться чем’ [Буд. I, с. 586]. Иногда здесь подлежащее *teŋri* может иметь традиционное определение *tä‘ala* ‘всевышний’ (см. БН 342, BN 264b); сказуемое же обычно представлено глагольными словоформами прошедшего категорического времени или условного наклонения, изредка – деепричастия на *-(i)b*. Примеры: *jinä teŋri rast kelturša sämärqändny eliklasa bolur* BN 53a, *... eliklab bolur* БН 66 ‘Еще, если бог даст, можно будет овладеть Самаркандом’, см. также БН 447, BN 345a–b; *teŋri rast kelturdi men degan dek oq boldy* БН 343, BN 265a ‘Бог дал, получилось так именно, как я говорил’, см. также БН 54, BN 43a; БН 105, BN 85b; БН 132_{6-7} (*oŋ kelturdi*), BN 107b (*rast kelturdi*); БН 257, BN 203a; БН 268_{9} (*allah tä‘ala*), BN 210b (*teŋri*); БН 269_{4} (*ḫudaj tä‘ala*), BN 211a (*teŋri*); *teŋri rast kelturub* БН 182, BN 147a; БН 172, BN 139b.

Встречается также формула *teŋri saḫlady* ‘бог хранил’ (сказуемое – глагольная словоформа прошедшего категорического времени): *teŋri saḫlady hič jeriga azari jetmadi* БН 195, BN 157b ‘Бог хранил, [это падение] не причинило огорчения (вреда) никакому его месту’, см. еще БН 487, BN 376b. Вариант данной формулы – *teŋri tä‘ala saḫlady* БН 481, BN 372a ‘бог всевышний хранил’.

В составе другой формулы – аналитическая глагольная структура с арабским масдаром *täwäkkul* ‘упование, надежда на бога; поручение, предание себя воле божьей’ [Гафф. I, с. 193], благодаря использованию в ней тюркского имени бога, получается тавтология; глагол выступает здесь в форме деепричастия. См. *teŋriga täwäkkul qylyb... ahmäd beknin* (БН 89: *bek*) *üstiga atlanduq* БН 89, BN 72a–b ‘Уповая на бога, ... мы выступили в поход против Ахмад бека’, см. также БН 82, BN 66a; БН 102, BN 84a; БН 268_{22-23} (*ḫudaj tä‘alaya*), BN $211a_{9-10}$ (*teŋriga*); в редких случаях конструкция употребляется без тавтологического использования тюркского имени бога: *täwäkkul qylyb* БН 244, BN 193b ‘уповая на бога’.

Менее частотная формула *teŋri jetkursa* ‘если бог допустит’ имеет сказуемое в условной форме; в аподозисе представлено сказуемое в форме будущего категорического. См. *...jaqyn fyrsatta teŋri jetkursa čerik atlanyumyzdur* БН 449, BN 346b ‘... В ближайшее вре-

мя, если бог допустит, мы выступим войском в поход'; см. еще БН 464, BN 359a.

Для формулы *teŋri berdi* (сказуемое в прошедшем категорическом времени) допускается варьирование как именного, так и глагольного компонентов: *teŋri* и *teŋri tä'ala*; *berdi* 'дал' и *bayyšlady* 'даровал' (БН 398, BN 307a). См. *eliktin ketkan mulkni jinä teŋri berdi* БН 104, BN 85a 'Ушедшее из [наших] рук владение снова бог дал'; *teŋri mäŋa bašdyn žan berdi* БН 397, BN 306b 'Бог снова дал мне жизнь'; ср. *här qačan kim teŋri tä'ala däwläti berdi* БН 178, BN 144b 'Каждый раз, когда бог всевышний давал [мне] то царство...'.

Варьируется и формула благодарения бога, см.: *teŋriya šukr qyldy* БН 260, BN 205a 'Он славил бога (благодарил бога)'; *šukr teŋriya* БН 398, BN 307a 'Слава богу!'.

В частотном распределении формул набожности в "Бабур-наме" наблюдаются довольно значительные колебания. В наиболее обширных описательных частях сочинения частотность формул набожности невелика.

Повышенная частотность этих формул налицо в тех фрагментах текста, где повествователь декларирует особое отношение к нему божественной силы, им руководящей и его оберегающей. Примеры приведены в гл. I, разд. I, § 2 – БН 21, BN 16b; БН 202, BN 162b; БН 348, BN 269a; БН 349–350, BN 270a. См. также в следующем рассказе о религиозных настроениях Бабура во время событий в Кабуле и его окрестностях в 1507–1508 гг.: *men bu du'any oqub edim anyŋ ḫasijjati* (BN $199a_6$: *ḫasijjatidin*) *edi kim teŋri tä'ala bu mäzärrätni däf' qyldy wä bu mutäwäžžih bolyan bälany räf' qyldy ol du'a bu dur...* БН 252_{2-4}, BN $199a_{5-7}$ 'Я [в то время] читал эту молитву, польза от нее была та, что бог всевышний эту пагубу отвратил [от меня] и устранил надвигавшуюся беду. Та молитва – следующая...'; далее приводится молитва на арабском языке, перевод ее см. [Бабур-наме 1958, с. 231].

Дважды подряд употреблены формулы набожности в прямой речи (особо подчеркнуто устной речи: *ayyz sözi*) вассала Бабура, к этому последнему обращенной: *sultan žunäid ayyz sözi muny debtur kim šukr* (BN $354b_{11}$: *šukr šukr*) *teŋri 'inajätidin bu täräflar padisah mutäwäžžih bolyunča iš körunmajdur* БН 459_{6-8}, BN $354b_{11-12}$ 'Султан Джунаид устно сказал следующее: "Благодарение богу! По милости господней, в наших краях не видно дел, [которые требовали бы] прибытия падишаха"'.

Явно повышенная частотность формул набожности обнаруживается в черновиках посланий Бабура, которые адресованы сыновь-

ям, а также его вассалам и включены им в текст "Бабур-наме". В эпистолярных автоцитациях личность Бабура предстает во всей своей непосредственности и эмоциональности; вместе с тем самый жанр особенно заметно подчиняется словесному этикету средневековья, а он обязывал монарха писать высоким стилем с повышенной частотностью формул набожности. Приведем здесь лишь заключительный, дидактический фрагмент из совсем не дидактического послания Бабура с рассказом о том, как его пытался отравить повар-индиец, и о последствиях этого отравления: *teŋri tä'alanyŋ 'inajäti bar ekandur kim mäŋä jaŋy bašdyn ǯan bayyšlady munuŋ šukrini ne til bilä qyiyajmen* БН 398, BN 307a 'Была, оказывается, милость бога всевышнего, что подарил мне заново жизнь. Благодарение [богу] за это каким языком мне возносить?'.

Не менее выразителен и другой образчик высокого стиля с повышенной частотностью таких формул – черновик дидактического послания Бабура сыну Хумаюну по поводу рождения у него первого ребенка мужского пола: *šukr bermiš säŋä haqq färzändi * säŋä färzänd wä mäŋä dilbändi * teŋri tä'ala mundaq sewinčlar mäŋä wä säŋä hämišä ruzi qylyaj amin ja räbbu al-'alamina atyny al-aman qojmyš sen teŋri mubaräk qylyaj... teŋri atyny wä zatyny färḫändä wä mubaräk qylyaj... teŋri tä'ala öz fäzl wä kärämi bilä biznig išimizni jasajdur* БН 451, BN 348a–b 'Слава богу, дал бог тебе сына, * Тебе сына и мне желанного [внука] * Бог всевышний пусть всегда бы осчастливливал меня и тебя такими радостями! Аминь, о владыка двух миров! Имя ты ему дал Ал-Аман [переделав] Ал-Аламина, господь [его] благослови... Да сделает господь имя его и его самого счастливым и благословенным... Бог всевышний своею милостью и благоволением устраивает наши дела'.

В вводной части послания Бабура к его вассалу Ходжа-и Калану налицо также достаточно высокая частотность формул набожности: *teŋri tä'aladyn umid andaq kim bu aranyŋ išï teŋri 'inajäti bilä bat säranǯam tabqaj bu iš zäbtidin soŋ bitäwäqquf teŋri jetkursa mutäwäǯǯih bolyumdur* БН 464, BN 359a 'Надежда на бога всевышнего такова, что дело здесь, по милости бога, скоро завершится. После упорядочения этого дела, если бог допустит, без промедления я выступлю [в Кабул]'.

Как видно из приведенного материала, в обширном и не однородном по своему составу тексте "Бабур-наме" колебания в частотности формул набожности находятся в прямой зависимости от характера тех или иных его фрагментов, типов микротекстов. В эпическом повествовании нагромождения формул набожности не встречаются, частотность таких формул усредненная, и это вполне соответствует среднему стилю данного типа текста "Бабур-наме". Что же

касается эпистолярных автоцитаций, то здесь, как и в фрагментах повествования с явной религиозной окраской, налицо повышенная частотность формул набожности, и это находится в полном соответствии с высоким стилем названных типов микротекстов.

Таким образом, колебания в частотности формул набожности входят в число тех лингвостилистических средств, из совокупности которых составляются стилевые характеристики – средний стиль, высокий стиль. Проведенные наблюдения позволяют заключить, что текст "Бабур-наме" неоднороден не только по своему составу, но также и по стилям – среднему и высокому, присущим различным типам микротекстов, включенных в это сочинение. Общее полотно "Бабур-наме" состоит из сложных переплетений (пересечений) стилей среднего и высокого (особенно заметно – высокого стиля в эпистолярных автоцитациях).

2. Формулы ухода из жизни

Глагольно-именные формулы ухода из жизни (семантическая доминанта "умереть"), во всяком случае – те из них, употребление которых присуще высокому стилю, семантически и конструктивно связаны с формулами набожности: определением к прямому дополнению (ар. *hukm* 'повеление, приказ') или к косвенному (ар. *rähmät* 'милосердие') является имя *teŋri*. Примеры: а) *teŋri hukmini bütkarib tur* БН 209, BN 168a 'Она исполнила повеление бога' (т.е. умерла) (чаг. *bütkar-* 'окончить, исполнить' и формула *tenri hukmin bütkardi* "Шейб. с. 4 'исполнил повеление бога, т.е. умер'" [Буд. I, с. 242]), то же БН 211, BN 169b; б) *meniŋ wa:lidim... teŋri rähmätiya bardylar* БН 13, BN 11a 'Мой родитель... преставились к милости божьей', см. *rähmätiya bar-, ket-* 'отойти к милосердию бога, т.е. умереть' [Буд. I, с. 590], в "Бабур-наме" с глаголом *ket-* эта формула не встречается. См. еще БН 11, BN 9a; БН 18, BN 14b; БН 25, BN 20a; БН 28, BN 22a; БН 34, BN 27a; БН 49, BN 39b; БН 106, BN 86b; БН 194, BN 156b–157a; БН 203, BN 163b; БН 214, BN 171b; БН 300, BN 234a; БН 484, BN 374b; БН 485, BN 375a; с варьированием временных форм: БН 11, BN 9a; БН 16, BN 13b.

Варьирование может осуществляться также за счет включения в формулу традиционного определения *tä'ala* к имени *teŋri*, а иногда – косвенного дополнения, конкретизирующего причину смерти. См. *zäžä zähmäti bilä teŋri tä'ala rähmätiya bardy* БН 25, BN 20a 'от послеродовых тягот она отошла к милосердию всевышнего бога'; *qyly̆nž zähmäti bilä teŋri rähmätiya baryb tur* БН 190, BN 154a 'от рези в животе он преставился к милости божьей'.

Как видим, последняя формула – одна из высокочастотных. Обе названных формулы использовались, когда речь шла о царствовавших тимуридах, членах их семей, о крупных феодалах и лицах духовного сана.

Сюда же примыкает малочастотная формула, где сказуемое – аналитический глагол (именной его компонент – ар. *täslim*) имеет при себе дополнения – фарсизм и арабизм (последнее – с персидским послелогом *bä*): *ǯan bä haqq täslim qyldy* БН 335$_{15}$, но с пропуском: *ǯan täslim qyldy* BN 259b$_{2}$ ‘он отдал (букв. вручил, вверил) богу душу’. Полная формула представляет собой кальку с соответствующей персидской формулы.

С глаголом *bar-* ‘идти, отправляться’ может употребляться в качестве обстоятельства места словоформа исх. падежа арабизма *‘aläm* ‘мир, вселенная’: *‘alämdyn bardy* БН 29, BN 23a; БН 208, BN 167b; БН 229, BN 182a ‘ушел (отправился) из этого мира’. Иногда эта формула распространяется за счет косвенного дополнения, уточняющего причину смерти: *abylä zähmäti bilä ‘alämdyn bardy* БН 35, BN 27b ‘Она ушла из мира (т.е. умерла) от оспы’. Варьирование формулы возможно за счет замены *bar-* глаголами *öt-* или *keč-*, среди значений которых имеется ‘пройти, перейти’. См. *‘alämdyn kečti* БН 32, BN 25b ‘ушел из мира’, ср. *dunjadyn keč-* ‘перейти из мира, умереть’ [Буд. II, с. 116]; *‘aläm-i fanidin ötub erdi* БН 117$_{20-21}$ ‘ушла из бренного мира’, но *‘aläm-i fanini wida‘ qylɣan ekandur* BN 96a$_{13}$ ‘оказывается, она уже распрощалась с бренным миром’.

Говоря о смерти своих ”нечестивых” врагов, Бабур использует формулу с опорным глагольным компонентом *bar-*: *duzäḫqa bardy* БН 347, BN 268b; БН 433$_{10}$, BN 335a$_{4}$ (دوزحعه) ‘отправился в ад’.

Высокому стилю принадлежит формула смерти, синонимичная приведенной выше *‘alämdin bardy*, – с тем отличием, что вместо тюрк. *bar-* здесь употребляется аналитическая глагольная структура с арабским масдаром *näql* ‘перемещение, переход’; см. *dunjadin näql et-* ‘преставиться, переменить мир, т.е. умереть’ [Буд. I, с. 568]. Применение этой формулы обусловлено высоким положением в социальной иерархии, которое занимал покойный: она употреблена, например, в отношении эмира Султан Хусейна – мирзы Ходжи Абд Аллаха, хотя тот был ”развратник и бесстыдник”, а умер ”от дурных последствий разврата”, но все же о нем говорится не *öldi* ‘умер’, а *‘alämdin näql qyldy* БН 219, BN 175a ‘из [этого] мира перешел [в загробный]’, см. еще БН 170, BN 138a; БН 350, BN 270b 271a. Еще одна синонимичная названным формула – *bu dunjadyn rihlät qyldy* БН 208, BN 167 ‘из этого мира отошел [в вечность]’

здесь в аналитической глагольной структуре также использован масдар, формула малочастотна.

Калькированной выглядит частотная формула с аналитической глагольной структурой *wida‘ qyl-* ‘проститься’, употребляемое здесь дополнение может варьироваться лексически и морфологически: *‘aläm* и *dunja*, вин. и исх. падеж (последний – только БН 22_{22}). См. *‘aläm-i fanini* (БН 22_{22}: *fanidin*) *wida‘ qyldy* БН 22_{22}, BN $18a_{9}$ ‘простился с бренным миром’; *dunja-ji fanini wida‘ qyldylar* БН 13, BN 11a ‘простились с бренным миром’; см. еще BN 96_{13}.

Применительно к сильным мира сего употребляется аналитическая глагольная структура с масдаром *fäwt bol-* ‘скончаться’: *sultan muzäffär fäwt bolub* БН 391, BN 301b ‘Султан Музаффар скончался’, см. еще БН 62, 63, BN 50a, b.

В особо торжественных случаях употребляется формула *‘ažäl jetib ekandur* БН 194, BN 156b ‘оказывается, пробил смертный час’, см. еще БН 193, BN 155b. Напротив, стилистически снижена формула *žan cyqty* ‘душа отошла’ (т.е. отлетела): *... tajaq astyda žany čyqty* БН 154, BN 126a ‘... под палками он испустил дух (букв. душа его вышла)’.

Принадлежностью высокого стиля является метафорическая формула, в которой также использованы арабская и персидская лексемы: *öz ‘ämäliya giriftar boldy* БН 32, BN 25a ‘он стал пленником собственного деяния’ (т.е. его погубил его же поступок); то же БН 198, BN 160a.

В "Бабур-наме" дважды встречается поэтичная формула ухода из жизни – *šunqar boldy* ‘стал соколом’[20]; она принадлежит высокому стилю и употребляется в отношении самих близких и самых почитаемых родственников мужского пола: отца Бабура Омар Шейха мирзы (БН 7–8, BN 6a–b) и его деда (по материнской линии) Юнус хана (БН 117, BN 96b). В рассказе о гибели Омар Шейха мирзы, заядлого голубятника, высокая метафоричность этой формулы делает возможной стилистическую игру: метафоричность ее как бы растворяется в семантике жизненных реалий, излагаемых обстоятельств этого несчастья[21]. См. *bu asnada yarib waqi‘a däst berdi*

[20] Характерно, что для обозначения ловчих птиц, в том числе соколов, в "Бабур-наме" обычно используется тюрк. *quš* ‘птица’ (см., например, БН 212, BN 170a) или же перс. *šähbäz* ‘сокол, балабан’ (например, БН 299, BN 233a). Помимо названной формулы *šunqar* в "Бабур-наме" отмечен еще в составе топонима: *šunqar ḫanä tayydyn ašyb* БН 101, BN 82b ‘Перевалив через горы Шункар-Хана...’, см. также [Бабур-наме 1958, с. 528].

[21] Заслуживает внимания тот факт, что, рассказывая средствами среднего стиля о бесславной гибели своего приближенного Нойан Кукельташа, также упавшего с обрыва, но в пьяном виде, Бабур употребляет нейтральный в стилистическом отно-

mäzkur bolub edi kim aŋsy quryany bäländ ǯär üstida waqy' bolubtur 'imarätlar ǯär jaqasyda erdi ošbu taryŋda... 'omar šäjŋ mirza ǯärdin käbutär wä käbutärŋanä birlä učub šunqar boldy БН 7–8, BN 6a–b 'В этот промежуток времени случилось странное событие. Упоминалось, что крепость Ахси находится на высоком обрыве. Постройки были на краю обрыва. В том самом году... Омар Шейх мирза вместе с голубями и голубятней полетел с обрыва и стал соколом' (т.е. умер). Вместе с тем здесь ощутимо действие старинной традиции: для стиля древнетюркских рунических надписей было характерно метафорическое употребление глагола *uč-* 'улететь' в значении 'умереть', 'скончаться': *küi tigin qon jylqa jiti jägirmikä učdy* 'Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день' [Малов 1951, с. 33, 43, 437; Тенишев 1976, с. 169], типологически ср. рус. *отлетела душа*. По-видимому, только на действие традиции (без стилистического обыгрывания) опирается употребление данной формулы при упоминании о смерти Юнус хана: *ŋan babam šunqar bolyandyn soŋ...* БН 117, BN 96b 'после того как опочил Хан, мой дед...'.

Связь такого словоупотребления со старинной традицией, по-разному "проросшей" в фольклорные образные системы и фразеологию различных тюркских языков, очевидна из следующих наблюдений. В образной системе узбекской версии дастана "Алпамыш" *šunqar* используется для именования героя – царственного Алпамыша: *Jol jurar davlatli šunqar* 'Дорогой едет царственный сокол'; *Jalyyz ketdi mundan šunqar* 'Одинокий удаляется отсюда сокол' (цит. по [Жирмунский 1964, с. 9]). В якутском языке слово *кы̄рт* 'ястреб; сокол сапсан' – опорное в составе фразеологизма, семантика которого связана с самочувствием человека: *кы̄рт буолан халлла* 'он выздоровел' (о больном), *кы̄рт буолан халлым!* 'чувствую себя очень легко!' [Пек. I, стлб. 1419] (букв. 'он, я стал соколом'), *кыырт буолан хаал-* 'совсем выздороветь, окончательно поправиться (после болезни)' [ЯРС 1972, с. 216]. В древнеуйгурском фразеологизме, семантика которого связана с возрастным состоянием человека, опорным словом является *quyu* 'лебедь': *quyu qondy baŝqa* 'на [мою] голову сел лебедь' (т.е. седина) [ДТС, с. 464, QBN 404_8]; о табу в отношении лебедя "по общему поверью на-

---

шении глагол *öl-* 'умереть': *nujan kükaltaš mästlyyda ǯärdin jyqylyb ölub tur* БН 119, BN 98a 'Нойан Кукельташ в пьяном виде свалился с обрыва и умер'. Когда же два сражающихся на горе воина падают с ее склона, употребляется глагольная словоформа *učtylar* 'слетели' (но не разбились), видимо, в этом своем значении принадлежащая высокому стилю: *qutluq qadam bir afyan bilä čapqulašyb tutaylašyb on on iki qary jerdin bilä oq učtylar bašyny kesib kelturdi* БН 186, BN 150b 'Кутлук Кадам схватился и стал рубиться с одним афганцем. С [высоты] десяти–двенадцати кари они полетели прямо вместе. [Кутлук Кадам] отрезал афганцу голову и принес [ее]'.

рода" см. в статье *kielej* 'предметы заповедные, неприкосновенные' [Буд. II, с. 183].

В повествовании среднего стиля наряду со стилистически нейтральным *öl-* 'умереть' в этом же значении употребляется глагол *bar-*, о чем см. [Буд. I, с. 223, со ссылкой на БН 81]. Такое значение было традиционным для памятников старинной письменности, где для *bar-* наряду со значениями 'идти, отправляться, пропадать, исчезать' фиксируется также 'умирать' [ДТС, с. 83, см. еще ЭСТЯ 1978, с. 64]; сохранилось оно и в современном якутском [Пек. I, стлб. 364; ЯРС, с. 63][22]. Как правило, в "Бабур-наме" *bar-* в этом значении употребляется с косвенным дополнением, конкретизирующим, каким образом умер или погиб данный персонаж. Косвенное дополнение может включаться с помощью послелога *bilä* 'с': *ošbu jara bilä bardy* БН 196, BN 158b 'Он умер от этой самой раны', см. еще БН 81, BN 65b.

Гораздо чаще косвенное дополнение при *bar-* в значении 'умереть' выступает в форме дат.-напр. падежа, лексическое наполнение таких дополнений своеобразно – это названия стрелы, меча, воды. Примеры: *qylyčqa bardy* БН 201, BN 161b 'умер (погиб) от меча', *oqqa qylyčqa baryb* БН 232_6, BN $184a_6$; БН 307, BN 239a '[афганцы] умерли (погибли) от стрел, от меча'; *köp kiši oqqa wä qylyčqa wä suwγa bardy* БН 232, BN $184a_{11-12}$ 'Много людей умерло (погибло) от стрел и меча, утонуло в реке'; *suwγa bardy* БН 55, BN 44a; БН 186, BN 151a 'утонул (букв. пропал в реке)', то же см. БН 310, BN 241a; БН 470, BN 363b[23]; ср. *suwda häm köp kišisi öldi* БН 232, BN 184a 'в реке тоже много его людей погибло (букв. умерло)'. Оборот *suwγa bardy* со значением 'пропал в воде, реке' применим также к именам неодушевленных предметов: *čini pijalä wä qašuq wä dajrä suwγa bardy* БН 310, BN 241a 'В воде пропали фарфоровая посуда и ложка и бубен' (при резком ударе плота о гористый берег).

В некоторых случаях косвенное дополнение при глаголе *bar-*

[22] Схожим образом может употребляться и аналитическая глагольная структура *näql qyl-*, примеры: *ošol märäz bilä oq näql qyldy* БН 224, BN 178b 'Именно из-за этой болезни он перешел [в загробный мир];' *näql qyldy* БН 207, BN 166a; БН 211, BN 169a 'перешел [в загробный мир]', см. еще БН 164, BN 134a. Ср. *intiqal et-* (*tap-*) 'переселиться, перейти куда, умереть' (с дат. п.) [Буд. I, с. 98]. В значении "умереть" может употребляться и тюрк. *keč-*, см. *atasynyŋ häjaty oq kečti* БН 208, BN 167b 'он умер еще при жизни своего отца'; то же значение – 'исчезать, умирать' – зафиксировано: [ДТС, с. 291 – МК II 9]. Это же значение отмечено в причастии на *-gan*, образованном от *keč-*, в чагатайском и алтайском: чаг. *kečkanlar* 'перешедшие, т.е. умершие' [Буд. II, с. 115].

[23] Ср. внеформульное описание подобного же события: *čir sujγa batyb öldi* БН 28_{10} с формульным вариантом *čir sujγa bardy* BN $22b_{1-2}$ 'утонул в реке Чир'.

бывает выражено масдаром *qatl* ‘убой, убиение’ в дат.-напр. падеже: *qatlγa barur* БН 450, BN 347b; БН 459, BN 354b ‘будут убиты’, см. таг. *qatlγa bar-* ‘быть убиту’ [Буд. II, с. 39]; *qatl-i ‘ammγa baryb* БН 278, BN 218a ‘подвергшись всеобщему избиению’, ср. *elni qatl-i ‘amm qylyb* БН 183, BN 148a; БН 348, BN 269 ‘сотворив всеобщее избиение народа’.

Как чагатайскую отметил Л.З.Будагов формулу *baš qoj-* ‘положить (сложить) голову, (мет.) лишиться жизни, быть убитым’ [Буд. I, с. 227]. См. *här kim täht da‘ijäsi bilä baš qojsa häm munda qojar* БН 46, BN 37a ‘Если кто лишается жизни (сложит голову) за притязание свое на престол, тоже там лишается’.

Для обряда погребения используется формула *tofraqqa tapšur-* ‘предать земле’, см. БН 120, BN 98b. Упоминание о траурном обряде см. БН 22, BN 17b.

Заслуживает внимания соположение двух формул ухода из жизни в одном фрагменте текста. В одних случаях это нагнетение средств высокого стиля, см. *čun ažäl jetib ekandur alty kündin soŋ šänbä küni teŋri rähmätiγa bardy... men wä qasim kükaltaš tofraqqa tapšurduk* БН 194, BN 156b–157a ‘[Для матери Бабура – Кутлук Нигар ханум] поскольку пробил смертный час, через шесть дней, в субботу она отошла к милости господней... Я и Касим Кукельташ предали [ее тело] земле’; *ḫäjli ‘umr tabmady... täräqqy mähälyda oq ‘alämdyn bardy* БН 229, BN 182a ‘[Шах Музаффар] не обрел долгой жизни, ...он ушел из мира в самую пору преуспеяния’.

В других случаях сополагаются формула высокого стиля и нейтральная лексема (применительно к другому персонажу), чем также передается почтительное отношение автора к описываемому персонажу. Например: *nasyr mirza ölgan jyly ‘alämdin näql qyldy* БН 170, BN 138a ‘[Мулла Абд ар-Рахман Газневи] ушел из мира в год, когда умер Насыр мирза’.

При обозначении насильственной смерти сподвижников Бабура (или же вообще персон, занимающих высокое положение в социальной иерархии) в качестве средств высокого стиля используются аналитические глагольные структуры с арабизмом в качестве именного компонента (ар. *mäqtul* ‘убитый’, ар. *šähid* ‘мученик, убитый на войне против немусульман’). См. *özga sekiz sultan mäqtul bolur* БН 459, BN 354b (ошибочно: *mäqbul bolur*) ‘Другие восемь султанов будут убиты’; *šähid boldy* БН 16, BN 13a; БН 401, BN 309b ‘был убит за веру, сделался мучеником за религию’, *šähid qyldy* БН 62, BN 50a; БН 223, BN 177b ‘сделал мучеником за веру, убил’, см. также БН 25, BN 19b; БН 99, BN 80b; БН 403, BN 310b.

Для среднего стиля характерно употребление стилистически нейтральных глаголов *öltur-* 'убить', *qyryl-* 'быть разбитым, истребленным' [Буд. II, с. 51], см. *qalyn moγol kišisi qyryldy* БН 38, BN 30b 'Из моголов много людей было истреблено'. См. также выражение *ölumga bujurdy* БН 40, BN 32b 'приказал убить (приговорил к смерти)'.

Ряд формул, принадлежащих в "Бабур-наме" среднему стилю, конкретизируют способы убиения. Например, *baš kes-* 'отрезать (отрубить) голову', см. *bašlar kesib* БН 88, BN 71a 'отрезав головы' и *bašlaryny kesib* БН 182_{15}, BN $147b_{6}$ (*bašlarny*) 'отрезав им головы', см. еще БН 186, BN 150b; БН 191, BN 154b; ср. *bašyny ur-* 'отрезать голову, убить' [Буд. I, с. 227]. С глаголом *ur-* Л.З.Будагов приводит еще одну такую формулу *bojny ur-* 'отрубить голову, убить' и ее побудительный вариант: чаг. *bojnyγa urdur-* 'велеть отрубить голову' [Буд. I, с. 296], различающиеся управлением: в в первом случае – вин., во втором – дат.-напр.падежи. В "Бабур-наме" частотны оба варианта, притом что дат.-напр. падежом управляет как основной, так и побудительный залоги; вин. падеж отмечен при побудительном залоге. Примеры: а) *bojnyγa urub* БН 194, BN 156b 'отрубив ему голову', см. еще БН 86–87, BN 70a; б) *bojnyγa urdurdy* БН 85, BN 69a; БН 153, BN 125b 'приказал отрубить ему голову'; в) ср. *bojunlaryny urdurub* БН 182, BN 147b 'приказав отрубить им головы', то же – БН 38, BN 30b.

С точки зрения как достоверности фольклорного материала, приводимого в "Бабур-наме", так и многовековой сохранности и стабильности фольклорных формул, интерес представляет формула насильственной смерти, содержащаяся в приводимой Бабуром тюркской пословице: *bir türki mäsäl bar dur kim ynanmaγyn dostuŋγa saman tyqar pustuŋγa* БН 96, BN 78b 'Есть одна тюркская пословица: "Не доверяй своему другу, он набьет твою шкуру соломой"'. В современных узбекских сказках бытует вариант этой формулы: *терисига сомон тиқмоқ* 'убить, букв. набить кожу соломой' [Бушуй и др. 1990].

3. Формула бренности мирской жизни и благополучия

Названная формула близко примыкает к формулам ухода из жизни уже потому, что она часто сополагается с этими последними, а также с выражениями "умер [запятнав свое имя]", "убил" и др. Принадлежащая к высокому стилю, формула эта выражает резкое осуждение.

Включающая в себя фарсизмы и арабизм, формула эта, по край-

ней мере – в части одного из важных смысловых компонентов – определения *beš kün* 'пять дней', *beš künluk* 'пятидневный' – представляет собой кальку с перс. *pänǯ ruz* 'пять дней – человеческая жизнь' (ср. *pänǯ gänǯ* 'пять сокровищ' – пять поэм Низами, *pänǯ tän-i pak* 'пять святых') [Гафф. I, с. 134]. В качестве разночтения представлен даже вариант формулы, видимо, максимально приближенный к персидскому оригиналу: *bu beš künluk dunja-ji guzärän üčün* (BN 206a$_8$: *ötar dunja üčün*) *mundaq jaman at qazγandy* БН 261$_{17\text{-}18}$, BN 206a$_8$ 'Ради преходящего мирского благополучия человеческой жизни он снискал себе такую дурную славу (букв. имя)'.

Наиболее стабилен и частотен вариант с определяемым ар. *dunja* 'здешний мир, блага здешнего мира' и причастным определением *ötar* 'преходящий; тот, который пройдет'. Эллипсис именного определения *beš künluk* здесь возможен в случае, когда в одном микротексте почти рядом формула бренности употреблена дважды, что обеспечивает особую эмоциональную напряженность фрагмента. См. *beš kün ötar dunja üčün bir özi asraturγan wälij-i niγmät zadäsini kör qyldy jinä birni ölturdi... bu ötar dunja üčün mundaq jaman išlar qyldy* БН 36, BN 29a 'Ради преходящих мирских благ (букв. преходящих благ человеческой жизни) он [Хусрау шах] ослепил одного из сыновей благодетеля, его воспитавшего, а другого – убил. Ради этого преходящего благополучия он совершил столько дурных дел!'. См. еще пример: *bu beš künluk ötar dunja üčün andaq danišmänd wä qary atasyny šähid qyldy* БН 62, BN 50a 'Ради сего преходящего мирского благополучия [Абд ал-Латиф мирза] сделал мучеником (т.е. убил) такого ученого и старого [человека, как] отец его [Улугбек]', см. также БН 72, BN 58b.

В "Бабур-наме" представлен также вариант формулы бренности, где определяемым выступает не обычное *dunja,* но *ǯan* 'жизнь', причастным же определением – *ölar* 'тот, кто умрет'; пожалуй, именно здесь *beš künluk* имеет свое прямое, а не переносное значение 'пятидневный; в течение пяти дней', см.: *bu beš künluk ölar ǯan üčün jaman at bilä bardy* БН 98–99, BN 80b 'Ради этой жизни, которая может скончаться в течение пяти дней, он ушел из этого мира с запятнанным именем (букв. с дурным именем)'.

Как можно видеть из приведенных примеров, использование формулы бренности всегда связано с эмоциональной напряженностью обличения. В языковом отношении это выражается, во-первых, употреблением оценочных прилагательных эпитетов (*jaman at, jaman išlar*); во-вторых, противопоставлением слов и выражений с негативной семантикой (*šähid boldy*; *ölturdi*; *kör qyldy*), с одной

стороны, а с другой – с положительной семантикой (*danišmänd wä qary atasy*; *wälij-i niγmät*).

В тимуридской культурной среде, описываемой Бабуром, имела место сакральность числа (но это было число "девять", см. ч. II, гл. I, § 7_1). Возможно, что калька с персидского *beš kün, beš künluk* была активно воспринята высоким стилем литературного языка еще и потому, что она поддерживалась древнеуйгурской (манихейской) традицией, см. *beš aγun (рел.)* 'пять миров' (Man. III 48_1) [ДТС с. 96], *beš türlüg jini (рел.)* 'пять видов членов тела' (TT VI_{448}) и др. [ДТС с. 97].

4. Формулы служения

Из числа формул, призванных отражать социальные отношения в феодальном обществе, по признаку частотности на одном из первых мест находятся формулы служения сюзерену. Они представляют собой аналитические глагольные структуры разной степени спаянности; в качестве опорного именного компонента в них используются ар. *hizmät* 'служба, должность', ар. *mulazimät* 'неотлучность, привязанность, постоянное присутствие, нахождение на службе, в свите' [Гафф. II, с. 814], тюрк. *qulluq* 'рабство; услуга, услужение'.

Из них *mulazimät* входит в состав многовариантных и частотных аналитических глагольных структур, где варьируются прежде всего глагольные компоненты: а) глагол *qyl-* 'делать' – *mulazimät qyl-* 'служить старательно' [Буд. II, с. 252], см. БН 39, BN 31b; БН 156, BN 127b; БН 180, BN 145b; БН 181, BN 146a; БН 192, BN 155a; БН 233, BN 184b; БН 209, BN 168a; БН 312, BN 242a; БН 384, BN 296a; БН 395, BN 305a; БН 399, BN 307b; БН 425, BN 328a; БН 437, BN 338a; БН 485, BN 375b; б) глаголы движения *kel-* 'приходить', реже *bar-* 'идти, отправляться'; соответственно *mulazimät* принимает аффикс дат.-напр. падежа (см. *mulazimätqa kel-* БН 153, BN 125b; БН 201, BN 161b 'прийти в услужение'), а также аффиксы принадлежности надлежащего лица (имя объекта служения – в осн. или род. падеже); *meniŋ mulazimätimγa keldi* BN $168b_9$, БН 210_{12} (*keldilar*) 'Он пришел ко мне в услужение'; *sultan ahmäd mirza* (БН 16_{17}: *mirzanyŋ*) *mulazimätiγa bardy* БН 16_{17}, BN $13a_{13-14}$ 'Он шел в услужение к Султан Ахмаду мирзе'; в) с глаголами *tur-* 'стоять', *bol-* 'становиться', соответственно *mulazimät* – в местн. падеже, часто с надлежащими аффиксами принадлежности, см. *ẖan mulazimätida turub* БН 21, BN 17b 'состояв на службе у хана'; *mirza mulazimätida boldylar* БН 204, BN 164a 'они были на службе у мирзы', см. еще БН 14, BN 11a; БН 393, BN 303a.

Аналитическая структура *ḫizmät qyl-* 'служить, нести службу' (в BN регулярно: *ḫidmät*) стабильна, см. БН 17, BN 13b; БН 19, BN 15a$_{11}$ (*ḫan hidmätida oq edi* 'был на службе именно у хана'); БН 211, BN 169b; БН 217–218, BN 173b.

Тюрк. *qulluq* 'служение, услуга, служба, послушничество' [Zajączkowski 1961, с. 143] в дат.-напр. падеже, иногда с аффиксом принадлежности соответствующего лица сочетается с глаголом *kel-* 'приходить', см. *qulluqqa kel-* БН 150, BN 123a; БН 154, BN 125b; БН 384, BN 296b; *padišaḫ qulluγγa kelgusi dur* БН 150, BN 122b 'он должен явиться на государеву службу'.

В "Бабур-наме" (особенно в последней, индийской части) употребительна формула готовности нести службу. С аналитической глагольной структурой *izhar qyl-* 'засвидетельствовать, изъявить' [Буд. I, с. 58] сочетаются или имя *qulluq*, или синонимы *qulluq* и ар.-перс. *ḫizmätkärliq* 'несение службы вольнонаемной', или же окказиональные синонимы *qulluq* и ар.-перс. *däwlätḫahlyq* 'благожелание, благосклонность'. См. *qulluq wä däwlätḫahlyq izhar qylyb* БН 150, BN 123a 'засвидетельствовав благожелание и готовность к службе'. Помимо различного состава названных именных компонентов варьирование достигается также за счет слабой спаянности компонентов внутри аналитической структуры. Именной компонент этой последней в ряде случаев продолжает сохранять самостоятельность: он способен принимать аффиксы как принадлежности 3-го лица ("тюркский изафет"), так и вин. падежа или же вступать в отношения "персидского изафета" с именами *qulluq, däwlätḫahlyq, ḫizmätkarlyq* и в силу этого занимать дистантную позицию. См. а) *qulluq izhari qylyb edi* БН 485, BN 375b 'сделал изъявление [готовности к] службе'; б) *qulluq wä ḫizmätkarlyq izharyny qylyb* БН 443, BN 342b 'делая изъявления [готовности к] услужению и к службе'; в) *izhar-i qulluq wä däwlätḫahlyq qylur edi* БН 394, BN 304a 'он постоянно делал изъявления [готовности к] службе и благожелания'. Семантически, а также структурно сюда относится и формула *qulluq wä däwlätḫahlyγyny 'ärzγa jetkurdilar* БН 393, BN 303b 'они утверждали [готовность к] службе и благожелательность'.

Специфичность использования формулы *mulazimät qyl-* состоит в том, что формула осложняется мотивом дарения, подношения, языковое выражение которого варьируется, притом что опорным именным компонентом остается перс. *peškäš* 'подарок', см. *peškäšlar bilä mulazimät qyldylar* БН 312, BN 242a 'подарками они оказали услужение'. Чаще *peškäš* в такой формуле сочетается с деепричастиями глаголов *qyl-* 'делать', реже – *kel-* 'приходить', *keltur-* 'приводить', *tart-* 'приводить, притащить', *ber-* 'дать'. При-

меры: а) *bir kečimlik at peškäš qylyb mulazimät qyldylar* БН 296, BN 231a ‘Подарив одного коня в кирасе (латах), они оказали услужение’, см. также БН 287, BN 224a; БН 287, BN 224b; БН 289, BN 225b; б) *muhäqqär peškäš bilä kelib mulazimät qyldylar* БН 287, BN 224b ‘Придя с ничтожными подарками, оказали услужение’; в) *bir kečimlik at peškäš kelturub mulazimät qyldy* БН $286_{17\text{-}18}$ (*qyldylar*), BN $223b_{9}$ ‘Приведя в виде подарка одного коня в кирасе, оказал услужение’; см. еще БН 306, BN 238a; г) *peškäšlarin tartyb* (БН 296_{14}: *peškäšlarni berib*) *mulazimät qyldy* БН $296_{14\text{-}15}$, BN $231a_{5}$ ‘Притащив (приведя; БН: отдав) подарки, оказал услужение’.

Заслуживает внимания употребление *mulazimät qyl-* вместе с формулой изъявления покорности: *qulluqny iḫtijar qylyb šäwwal ajyda qylyč saydaγyny bojnyγa asyb kelib mulazimät qylyb* БН 39, BN 31b ‘выбрав служение, в месяце шавваль он пришел и, повесив себе на шею меч и колчан [в знак покорности], оказал услужение...’

5. Формулы пожалования (царской милости)

Названные формулы представляют собой аналитические глагольные структуры, одна из наиболее частотных – *‘inajät qyl-* ‘пожаловать’, где ар. *‘inajät* ‘милость, щедрость, благодать, помощь’ [Буд. I, с. 768]. Примеры: *šah husäjnγa ḫassä baš ajaq ‘inajät qyldym* БН 300, BN 233b ‘Шах Хусейну я пожаловал полный костюм из собственного гардероба’, перевод по: [Буд. I, с. 226]; см. также БН 200, BN 161a; БН 252, BN 199b; БН 294, BN 229b; БН 300, BN 233b: БН 393, BN 303a; БН 475, BN 367b. Вариантность может осуществляться благодаря слабой спаянности именного и глагольного компонентов аналитической структуры, см.: а) *bu ‘inajätni qylyb edi kim...* БН 218, BN 174a ‘он оказал [ему] ту милость, что...’ (наличие собственного определения и аффикса вин. падежа у именного компонента; глагол *qyl-* сохраняет свойственное ему управление вин. падежом); б) *külli ‘inajät wä tärbijjät häm qyldym* БН 187, BN 151b ‘Я и оказал [ему] огромную милость и обеспечил полное содержание’ (именной компонент – сочетание окказиональных синонимов, соединенных союзом *wä*, между именным и глагольным компонентами в БН 187_{19} налицо усилительный союз *häm* ‘также, и’; в BN $151b_{5}$ он отсутствует). См. употребление *‘inäjät* с глаголом *bol-*: *ḫil‘ätlar ‘inajät boldy* БН 456, BN 352a ‘Почетные халаты стали пожалованием’, см. еще БН 200, BN 161a; БН 422–423, BN 326b.

Аналитическая структура *ri‘ajät qyl-* ‘оказывать уважение, по-

чтение, хорошее обхождение' [Буд. I, с. 594], см. к примеру БН 214, BN 171b, может здесь также варьироваться за счет того, что именной компонент имеет при себе определение, иногда аффикс принадлежности, аффикс вин. падежа, т.е. *qyl-* сохраняет управление вин. падежом. Примеры: а) *aŋa uluɣ ri'ajät qylyb...* БН 484, BN 374b 'оказав ему великое почтение...', см. еще БН 215, BN 172a; б) *jaẖšy ri'ajätin qyldy* БН 215, BN 172a 'он очень хорошо обошелся [с ним]', см. еще БН 221, BN 176a. Подобной же вариантностью отмечена аналитическая структура *ri'ajät tap-* 'снискать почтение, хорошее обхождение', см. *munča ri'ajät tapqandur* БН 217, BN 173a 'он снискал такое почтение', *jaẖšy ri'ajät tapty* БН 215, BN 171b 'Он нашел очень хорошее обхождение'.

Благодаря частотности приобрело характер клише словосочетание *ẖil'ät kijdur-* 'надеть почетный халат на кого-нибудь, подарить почетное платье' [Буд. I, с. 536]. Пример: *mirzäɣa wä beklariɣa ẖil'ätlar kijdurub...* БН 424, BN 327b 'надев почетные халаты на мирзу и его беков...', см. еще БН 392, BN 302b; БН 400, BN 308a; БН 444, BN 343a; БН 454, BN 350b; БН 493, BN 381b. Формула варьируется за счет различных наименований даримой одежды: *sär-u pa kijdurub* БН 490, BN 379a 'облачив в полный костюм'; *kelganlariga čäkmänlar kijduruldi* БН 456, BN 352a 'Тем пришедшим [мы] надели [т.е. подарили] чекмени'; ср. там же *hil'ätlar 'inajät boldy* 'были пожалованы почетные халаты'; *nukärlariga üč toquz ton an'am boldy* БН 454, BN 351a 'Его воинам наградой стали три девятки одежды' (т.е. три комплекта по девять штук одежды каждому).

Используется также аналитическая структура *an'am qyl-* 'наградить' (ар. *an'am* 'награда, вознаграждение, подарок от высшего лица'), которая в тексте может сочетаться с другой формулой пожалования: *šah beknin elčisi abu muslim kükältašqa hil'ät kijdurub an'am qylub...* БН 306, BN 238a 'подарив послу Шах бека Абу Муслим Кукельташу почетное платье, наградив его...'. Иногда употребляется также аналитическая структура *an'am bol-* 'быть награжденным', см. *... üč miŋ täŋgä an'am boldy* БН 468, BN 362a '... три тысячи тенга стали ему наградой', см. еще БН 456–457, BN 352b–353a.

В пределах одного микротекста наблюдаются случаи нанизывания формул пожалования одна на другую. См. примеры: *čäkmänlar wä qumaš ẖil'ätlar... an'amlar boldy... ošbu dästur bilä 'inajätlar boldy* БН 456, BN 352b–353a '[тем лицам] наградой были... чекмени и тканевые халаты, [другие лица] таким же образом были осыпаны милостями'; см. еще БН 477–478, BN 369a; БН 456, BN 352a, b; БН 468, BN 362a; *ri'ajät qylyb niŋnähar tümanini aŋa 'ina-*

jät qylyb edim БН 252, BN 199b ‘Оказав уважение, я пожаловал ему Нингнахарский туман’.

6. Формулы дипломатического обихода

В составе названных формул употребляются имя *elči* ‘посол, вестник’ [ДТС, с. 169], ‘посол, посланник’ [Буд. I, с. 206] или же производное от него *elčilik* ‘посольство, обязанность посла’ [Буд. I, с. 206] и один из глаголов *jibar-* ‘посылать’, *kel-* ‘приходить’, *bar-* ‘идти, отправляться’ со свойственным им падежным управлением. См. примеры: а) *...elči josunluq jibarildi* БН 426_{16-17} (BN 329b: отсутствует) ‘... был послан в качестве посла’; б) *...elčilikka jibarib...* БН 150, BN 123a; БН 459, BN 355a ‘... послав с посольской миссией (букв. в посольство)...’; б-в) *ḫožagi äsädni kim ‘iraqqa elčilikka baryb... šahzadä tähmasqa munasib sawγatlar bilä elcilikka* (БН 426_{14}: *elčilik*) *jibarildi* БН 426_{12-14}, BN $329b_{6-8}$ ‘Ходжаги Асада, который уже ходил посольством в Ирак, ...с соответствующими дарами послали с посольской миссией к царевичу Тахмаспу’; в) *...elčilikka baryb...* БН 396, BN 305a ‘...ходил посольством’; г) *elčilikka keldi* БН 305, BN 237a ‘... прибыл посольством’.

Обмен грамотами между средневековыми государями выражен вариантами формул. См. а) *wä‘dä wä wä‘jid färmanlary jibarildi* БН 386, BN 297b ‘... послали грамоты с посулами и предостережениями’, ср. *baba quly bekni... wä‘dä wä wä‘jid färmanlary bilä jibarildi* BN $298a_{7-8}$ (БН 387_{2-3}: *...wä‘dä wä wä‘jid bilä färmanlar jibarildi*) ‘[Мы] послали Баба Кули бека... с грамотами, содержащими посулы и предостережения’; б) *men häm ‘inajät amiz mušfiqanä* (БН 391_{8}: последнее слово отсутствует) *färmanlar jibarib...* БН 391_{6-8}, BN $301b_{12}$ ‘Я тоже послал грамоты, полные милости и сочувствия...’

7. Формулы, связанные с военными и репрессивными действиями. Формулы наказания

Формулы, связанные с военными действиями, частотны в ”Бабур-наме”, что обусловливается тематикой повествования. Формулы эти представляют большой познавательный интерес: из них читатель узнает о приемах ведения войны на средневековом Востоке, получает сведения по истории развития военной техники. Их можно разделить на две подгруппы: это формулы с обобщенной военной семантикой и формулы с конкретной военной семантикой; и те, и другие представляют собой глагольно-именные структуры.

Формулы с обобщенной военной семантикой обычно имеют глагольным компонентом глагол военного действия с относящимся к нему внутренним дополнением. Так, *uruš-* ‘драться, сражаться’ имеет внутренним дополнением ар. *mäsaff* ‘ряды сражающихся; поле сражения, битва’ [Буд. II, с. 236], см. формулу *mäsaff uruš-* ‘сражаться в битве’. Примеры: *tört mäsaff urušty* БН 24, BN 19a ‘Он сражался в четырех битвах’; *šäjbaq* (БН 107_{20}: *šäjbani*) *ḫandek kiši bilä sär-i pulda mäsaff uruštuk* БН 107_{20}, BN $88a_2$ ‘У Сар-и Пула мы дали бой (букв. бились битвой) такому человеку, как Шейбак хан’, см. еще БН 33, BN 26a; БН 38, BN 30b. Еще более развернутому обозначению действия служит глагол *uruš-* с внутренними дополнениями-синонимами, из которых непосредственно примыкающее к нему – глагольное имя *uruš* ‘битва, бой’, а другое – ар. *mäsaff*. См. *meniŋ awwäl mäsaff uruš urušqanym ošbu edi* БН 87, BN 70b ‘Именно это была первая битва-сражение, в которой я сражался’.

Менее частотен в ”Бабур-наме” глагол *čerikla-* ‘расположить, сосредоточить, вести войско’ [Буд. I, с. 475] с внутренним дополнением *čerik* ‘войско’. Примеры: *beš alty aj* (БН 491_{11}: *aj* пропущено) *čerik čeriklab* ... БН $491_{10\text{-}11}$, BN $380a_1$ ‘в течение пяти–шести месяцев ведя войско походом’..., см. еще БН 33, BN 26b. Параллельно употребляется клишированный оборот *čerik tart-* ‘выставить войско, идти с войском, вести войну, совершить поход’ [Буд. I, с. 723]: *šäjbani ḫannyŋ üstigä čerik tartyb...*’ БН 203, BN 163b ‘совершив поход на Шейбани хана...’, см. еще БН 7, BN 5b; БН 348, BN 269a.

С внутренним дополнением *čapqun* ‘набег; разгром’ [Буд. I, с. 452] употребляется глагол *čap-* ‘гнаться, скакать, нападать, делать набег, нашествие’ [Буд. I, с. 451]: *iki näwbät özum čapqun čapyb turmen* БН 200, BN 161b ‘Дважды я сам нападал набегом’. С внутренним дополнением *oq* ‘стрела’ употребляется производный глагол *oqla-* ‘стрелять стрелою’; маг. ‘застрелить, убить стрелою’ [Буд. I, с. 143]: *bir häzarä emčakiga oq oqlar* БН 199, BN 160a ‘Одному хезарейцу стрелой попадает в грудь (сосок)’.

Формула, в которой глагол *uruš-* ‘драться, сражаться’ управляет словосочетанием, арабско-персидским по своему лексическому составу и построенным на основе персидского изафета – *zärb-i rast* ‘праведный удар, битье’, видимо, индивидуальна для данного текста, см. *meni deb bäŋälidin zärb-i rast urušub ajrylyb...* БН 477, BN 368b ‘Имея в виду меня [т.е. желая присоединиться ко мне], сражаясь праведными ударами, вырвались от бенгальца...’. В другом случае с тем же дополнением употреблен глагол

ur- ‘бить, ударять’, см. *čapqulaša čapqulaša zärb-i rast ura jürudi* BN 93a$_{11-12}$ (ср. *čapqulaša zärb-i rast ura jürub* БН 114$_{4-5}$) ‘[Эти четверо] интенсивно рубились, продвигаясь, рассыпали праведные удары...’. В качестве определения в конструкции персидского изафета при том же глаголе *ur-* может выступать тюркский конкретизатор орудия действия: *zärb-i taš* ‘удар камнем’. См. пример: *jar ‘äli bilälniŋ bašyγa bir zärb-i taš urdylar* БН 83, BN 67a ‘На голову Яр Али Биляла обрушили единичный удар камнем’.

В качестве именного конкретизатора орудия действия при глаголе *ur-* может выступать также имя *oq* ‘стрела’. Примеры: *meniŋ atymnyŋ ajaγyγa oq urdylar* БН 137$_{3-4}$, ср. *atymnyŋ ajaγymγa oq-ladylar* BN 112a$_9$ ‘Мою лошадь ранили в ногу стрелой’; ... *jawuqraq jetib bir oq urdum jinä bir oq häm urdum* БН 258, BN 204a ‘... подскакав поближе, я пустил [в кулана] стрелу и еще одну стрелу пустил’, см. еще БН 285, BN 223b.

Формулы, с помощью которых передаются разные конкретные боевые действия, при различных именных конкретизаторах нередко имеют глагольным компонентом *sal-* ‘класть, положить, бросить’. В сочетании с глагольным именем *uruš* образуется аналитическая структура *uruš sal-* ‘сделать приступ, атаковать’ (по Л.З.Будагову, это чагатайское выражение [Буд. I, с. 128]), с именем *qylyč* – аналитическая структура *qylyč sal-* ‘наносить удары мечом’ [ДТС, с. 482]. Примеры: а) *uruš salmaj oq... fäth boldy* БН 433, BN 335a ‘даже не атакуя, ... одержали победу’; *neča märtäbä uruš salurlar* БН 273$_5$, ср. *neča qatla uruš keltururlar* BN 215a$_3$ ‘несколько раз они атакуют’; см. еще БН 22, BN 17b; БН 43, BN 34b; БН 83, BN 67a; БН 113, BN 92b; БН 196, BN 158a; БН 331, BN 256b; БН 433, BN 334b; б) *...birga qylyč saldym... men qylyč salγan kiši...* БН 252, BN 199b ‘... одному [воину] я нанес удар саблей... человек, которому я нанес удар саблей...’. См. еще БН 132, BN 107b; БН 156, BN 127b; БН 307, BN 238b; в других случаях налицо разночтения: *qylyč salur wäqtta* БН 137$_{2-3}$, но *qylyč tekurur mähälda* BN 112a$_9$; *bir qylyč salmaj* БН 130$_{15}$, но *bir iki qylyč alyšunča häm bolmady* BN 106a$_8$; *bašymγa qylyč saldy* БН 131$_{21-22}$, но *bašymγa čapty* BN 107b$_{14}$. Изредка встречается выражение *qylyč tegur-* (БН *jetkur-*) ‘наносить удар мечом, обнажить меч’ [Буд. II, с. 62]: *qylyč tegurdi* BN 7b$_5$, *qylyč jetkurdi* БН 9$_{8-9}$; см. еще БН 204$_{23}$, BN 164b$_{10}$; БН 308$_{8-9}$, BN 239$_{2-3}$.

Обычай ведения боя живописует формула *süräп sal-* ‘издавать боевой клич’, где чаг. *süräп* ‘страшный крик, производимый войсками, ставшими друг против друга и вызывающими к бою’, соответственно *süräп sal-* букв. ‘кричать диким голосом, выть, поднять тревогу’ [Буд. I, с. 642]. Примеры: ... *näqqarä čalyb süräп sal-*

dylar БН 114, BN 93b ‘[Враги ночью]... били в барабаны (букв. в литавры), издавали воинственный клич’; см. еще БН 108, BN 88b; БН 123, BN 100b; БН 129, BN 104b; БН 130, BN 105b; БН 181, BN 147a.

Глагол *alyš-* (чаг., кирг.) ‘быть в ссоре, состязаться; меняться’ [Буд. I, с. 86] принимает участие в составлении двух формул, одна из которых зафиксирована в Словаре Л.З.Будагова: чаг. *elik alyš-* ‘завязать рукопашный бой’ [Буд. I, с. 86]. Примеры: *az aγlaq jigit jalaŋ ilgari čyqyb γanim kišisi bilä elik alyšyb šol kün bastylar* БН $409_{22\text{-}23}$, BN $315b_{9\text{-}10}$ (некорректное *šu kün laštylar*) ‘Немногочисленная легкая конница [Р III, стлб. 348, ср. Буд. II, с. 338: *”jigit jylaŋy* значит конные солдаты, конница”], выйдя вперед, завязала рукопашный бой с людьми врага и в тот же день их разбила’, см. еще БН 49, BN 39b; БН 200, BN 161a. С глаголом *alyš-* в том же значении в ”Бабур-наме” может употребляться и другой именной конкретизатор – *qylyč* ‘меч, сабля’, например: *qul näzär bilä qylyč alyštylar* БН $112_{13\text{-}14}$, BN 92a (порча текста: *alyš*...) ‘Они схватились на саблях с Кул Назаром’, см. еще БН 53, BN 42b; БН 156, BN 127b; BN $106a_8$, но БН 130_{15} (*qylyč sal-*).

Глагол *qoj-* ‘класть; оставлять, бросать’ сочетается с именем *oq* ‘стрела’ для обозначения военного действия: *käfirlar taγ üstiga ildam kelib oq qojdylar* БН 273, BN 214b ‘Неверные, быстро взобравшись на гору, пускали стрелы’; см. еще БН 343, BN 265a; в стихотворной автоцитации – БН 248, BN 196b.

Конкретика военной фразеологии в ”Бабур-наме” представлена высокочастотными сочетаниями (свободными и несвободными) глагола *at-* ‘бросать, кидать, ... стрелять’ [Буд. I, с. 10] с разнообразными именными конкретизаторами – от стрелы и дротика до ружья и пушки.

Приведем примеры этих конкретных клише:

1) *oq at-* ‘стрелять стрелою, метать стрелы’ [Буд. I, с. 10][24] частотно как в несвободном, так и свободном употреблении. Например: а)... *oq atmajdur edim* БН 321, BN 249a ‘... [тогда] я не метал стрел’, см. еще БН 112, BN 92a; БН 187, BN 151a; БН 252, BN 199b; БН 335, BN 257b; БН 267_{21}, но BN $210b_3$ (*oq qoj-*); б) *jajny kučluk tartyb oqny jaγšy atar edi* БН 207, BN 167a ‘Он сильно натягивал лук, хорошо метал стрелы’ (дистантная позиция глагола и именного конкретизатора, вин. падежом которого управляет *at-*); см. еще *birar oq häm ata bilmaj* БН $272_{20\text{-}21}$, но ср. *bir oq häm qoja almady* BN $214b_5$ ‘[Афганцы] не смогли даже одной стрелы пустить’; аналогичные рас-

[24] См. в ”Гулистан бит-тюрки” Сайфа Сарайи (XIV в.): *tört üüz oq uz atqyčylar* ‘четыреста стрелков’ [Наджип 1989, с. 107].

хождения см. также БН 135_{1-2} и BN $110a_{6}$; БН 137_{5} и BN $112a_{10}$; БН 137_{21} и BN $112b_{12}$.

2) *näwk at-* ‘метать дротик (швырковое копейцо)’, ср. перс. *näwk* ‘острие’, клюв’; по А.Н.Самойловичу (Ф. 782. Оп. 1, № 16, с. 112), перс. ‘стрела’. Например: *näwk atar edim* БН 112, BN 92a ‘Я метал дротик’. В свободном употреблении сополагаются два конкретизатора – *näwk* и *oq*, которые управляются глаголом через послелог *bilä* ‘с; посредством’ и находятся в дистантной позиции от глагола: *näwk oqy bilä jaŋšy attym* БН 113, BN 92b ‘Я хорошо метал стрелы [оснащенные] жалом’.

3) *tüfänk at-* ‘стрелять из ружья’ [Буд. I, с. 10]: *ol kün häm jaŋšylar tüfänk atty* БН 277–278, BN 217b ‘И в тот день он очень хорошо стрелял из ружья’; аффикс множественности *-lar* в оценочном значении может присоединяться не к глагольному определению *jaŋšy*, а к самому именному конкретизатору: *tüfänk andazlar... jaŋšy tüfänklar attylar* БН 435, BN 336b ‘Стрелки ... хорошо стреляли из ружей’, то же БН 345, BN 266b; см. также БН 341, BN 264a; БН 436, BN 237a.

4) *firäŋgi at-* ‘стрелять из полевой пушки’, см. [Буд. I, с. 718], ср. также: ”перс. *firäŋgi* ‘житель Европы, ...европеец’ (у Бабура в значении огнестрельного орудия)” [Буд. I, с. 785]. Показательно, что пушкарем у Бабура был Мустафа-и Руми, тахаллус которого указывает на то, что он был выходцем из Рума, см. *rum* ‘Рим, Греция, Византия, Турция европейская’ [Буд. I, с. 599]. Примеры: *iki qatla firäŋgi atty* БН 278, BN 217b ‘дважды он выстрелил из полевой пушки’, см. еще БН 482, BN 372b.

5) *zärbäzän* (БН *zärbäzäŋ*) *at-* ‘стрелять из пушки’, см. перс. *zärbäzän* ‘пушка’; *qazan bilä at-* то же, см. чаг. *qazan* ‘пушка’ [Буд. II, с. 14][25]. См. примеры: а) *araba üstidagi zärbäzänlar bilä jaŋšy zärbäzänlar atty* БН 345, BN 266b–267a тавтология: ‘Пушками с лафетов хорошо постреляли из пушек’, *zärbäzän ata kirišti* БН 435, BN 336b ‘начал стрелять из пушек’, см. еще БН 479, BN 370a; б) отдельные клише объединяют в себе по нескольку именных конкретизаторов, см. *ustad ‘äli qulynyŋ firäŋgiwä zärbäzän atmayyny täfärruž qyldym* БН 481, BN 371b ‘Я развлекался [зрелищем] стрельбы Устада Али Кули из пищалей и пушек’; в) ... *bu tašlarny yazi qazany bilä atty* БН 436, BN 337a ‘... этими ядрами [Устад Али Кули] стрелял из пушки, [называемой] Гази’ (пушку назвали так потому, что она была на вооружении во время битвы с ”нечестивым” Рана Санкой); также в сочетании с глаголом *qur-* ‘приготовить, рас-

[25] В ”Бабур-наме” одно из первых упоминаний о *qazan* ‘пушка’ приходится на рассказ об осаде Султан Хусейн мирзою крепости Хисар (см. БН 42, BN 34a).

положить, возводить, ... поставить, зарядить' [Буд. II, с. 77] – чаг. *qazan qur-* 'поставить, направить пушку, приготовиться стрелять, стрелять в крепость', где *qazan* 'котел, ... чаг. пушка' [Буд. II, с. 14]; там же чаг. *qazan qoj-* с теми же значениями, например, БН 435, BN 336b; БН 479, BN 370b, см. еще *šimal täräfidin qazan qurub qalyn taš urub...* БН 43, BN 34b 'Поставив пушку на северной стороне от крепости, много стреляли ядрами...'.

6) чаг. *taš at-* 'бросать камни, стрелять каменьями, ядрами' [Буд. I, с. 725], где *taš* 'камень; ядро, пуля' [Буд. I, с. 724]. Это высокочастотное клише имеет гораздо менее частотный вариант с глаголом *ur-*, см. *....firäŋgi tašy bilä iki kemä urub syndurub ɣarq qyldy* БН 481, BN 371b '... ударив ядром из пищали [или металлическим ядром? см. Буд. I, с. 725: *firäŋgi tašy* 'металлическое ядро'] в две лодки, проломил и потопил их', см. еще БН 42, BN 34a; БН 43, BN 34b. См. употребление высокочастотного варианта: *uluɣ qazan bilä taš atty* БН 429, BN 331b 'стрелял ядрами из большой пушки', см. еще примеры с упоминанием о пушке БН 435, BN 336b; БН 436, BN 337a, ср. *камнеметный самострел* [Даль III, с. 545]. Весьма часто *taš at-* встречается в тексте без прямого упоминания о пушке, притом что речь идет именно о стрельбе ядрами, а не метании камней, см. БН 401, BN 309a; БН 431, BN 333a; БН 432, BN 334a; БН 436, BN 337a; БН 481, BN 372a; БН 482, BN 372b. В некоторых таких примерах имеется в виду, действительно, метание камней, например: *juqqarydyn kuffar här neča taš attylar* БН 433, BN 334b 'Сверху нечестивые сбросили каждый по нескольку камней'.

Частично результаты боевых действий могут передаваться глаголом *je-* в значении 'испытывать что-либо, подвергаться чему-либо' в сочетании с именными конкретизаторами *qylyč* 'сабля, меч', *oq* 'стрела'. Например: *bu tört kiši qylyč jeb oq jeb jaralyq bolub...* БН 251, BN 198b 'Эти четыре человека были ранены – кто мечом (букв.: подвергшись [удару] меча), кто стрелой (букв. подвергшись стреле)'.

Клишированное выражение, употребляющееся в "Бабур-наме" только с аффиксом отрицания (или показателем невозможности) *turuš berma-* (*bera alma-*) 'не выдержать натиск, атаку', см. чаг. *turuš* 'остановление, противустояние, выдержка' [Буд. I, с. 745] и *ber-* 'дать', является частотным. Примеры: а) *šäjbani ɧan turuš bermaj sämärqänd sary özini tartty* БН 55, BN 44a 'Шейбани хан, не выдержав натиска, потянулся в сторону Самарканда'; см. еще БН 86, BN 69b; БН 390, BN 301a; БН 475, BN 367a; б) *turuš bera almas* (БН 438_6: *almady*) *qačarlar* БН 438_6, BN $338b_{4-5}$ '[Враги] не могут выдержать натиска, обращаются в бегство', см. еще БН 130, BN 106a; БН 232, BN 184a. То же значение может быть передано не стерео-

типно – глаголами *boldur-* ʿбыть в состоянии, в силе (перенесть, превозмочь), устоять' [Буд. I, с. 291] и *toḫta-* ʿостановиться, стоять', см. примеры: *boldura almadylar qača berdilar* БН 187, BN 210b ʿ Они были не в силах устоять и пустились в бегство', *häzarälar toḫtaj almaj qača berdilar* БН 200, BN 161a ʿХезарейцы, не в силах устоять, пустились в бегство'.

При описании военных действий весьма часто употребляется выражение, оценивающее поведение воина, военачальника в бою: *jaḫšy(lar) bardy* ʿ(очень) хорошо действовал'; см. мет. *bar-* ʿдействовать, поступать' (с иллюстративным примером из "Бабур-наме") [Буд. I, с. 223–224). Примеры: *mälik qasim jaḫšy bardy* БН 410, BN 315b ʿМалик Касим действовал хорошо'; *quč bek aya ini bilä jaḫšylar bardylar eliklari aksär iška tegdi* БН 91, BN 73b–74a ʿКуч бек с братьями действовали очень хорошо, руки у них чаще всего доходили до дела (битвы, сражения)', см. чаг., аз. *iš* мет. ʿбитва, сражение' [Буд. I, с. 196]. Об оценочно-усилительной функции аффикса *-lar* см. ч.II, § $1_{1б}$.

Формулу *til tut-* ʿвзять пленника с тем, чтобы у него выведать, что нужно' Л.З.Будагов считал чагатайской, со ссылкой на БН 340 [Буд. I, с. 371]. Однако она встречается и в Словаре Махмуда Кашгарского: *jayyndan til tutty* ʿон поймал вражеского языка' (МК III 134, цит. по [ДТС, с. 591]), притом что среди значений *tut-* отмечено ʿловить, захватывать в плен' [ДТС, с. 591], а среди значений *til* перен. ʿпленный' [ДТС, с. 559]; в формуле налицо, таким образом, *tut-* с внутренним дополнением *til* ʿпленный, "язык"'. См. примеры из "Бабур-наме": *til tuta* (БН 340_{11}: *til tutar üčün*) *sultan ibrahimniŋ ordusyya kiši jibarib...* БН $340_{11\text{-}12}$, BN $263_{5\text{-}6}$ ʿ...послав человека в лагерь Султана Ибрахима взять языка...', *til tuta baryan häjdar quly...* БН 341, BN 263b ʿХайдар Кули, отправившийся взять языка...', то же см. БН 401, BN 309a; БН 435, BN $336a_{10}$. Реже встречается формула с глагольным компонентом *al-* взять: *uyan berdini bir neča kiši bilä til alyaly ilgarrak jibarildi* БН 283, BN 221a ʿЧтобы взять языка, [мы] послали вперед Уган Берди с несколькими людьми'.

Значение пленения передается аналитическими глагольными структурами. См., например, кальку с персидского с использованием фарсизма же – имени *giriftar* ʿпленный': *giriftar bol-* ʿстать пленным': *toquz sultan giriftar bolur* БН 458–459, BN 354b ʿДевять султанов становятся пленниками'. Ар. *asir* ʿпленный, пленник ʿможет иметь при себе глагольные компоненты *qyl-* ʿделать', *tüš-* ʿпадать, ниспадать', *keltur-* ʿприводить'. См.: а) *bäʿzisini* (БН 12_{23}: *elni tämam*) *asir qyldy* БН 12_{23}, BN $10a_3$ ʿНекоторых из них (БН: на-

род полностью) он захватил в плен', см. еще БН 391, BN 301b; б) *afγanlardyn daγy qalyn asir tüšti* БН 181, BN 146b 'Из афганцев также попало много пленников', см. еще БН 186, BN 150b; в) *afγanlarnyŋ jäsirini kelturdilar* БН 438, BN 338b 'Они привели пленников из [числа] афганцев'.

Производное имя *asirlyq* в дат.-напр. падеже, управляемое глаголом *tüš-, asirlyqqa tüš-* 'попасть в плен' – еще одна частотная формула пленения. См. *ǯämi' elniŋ ahl wä 'äjali asirlyqqa tüšti* БН 13, BN 11a 'Семейства всего сообщества попали в плен', см. еще БН 261, BN 205b. В близком же значении употребляется сходное по структуре *elikka tüš-* 'попасть в руки' (если оно относится к имени одушевленному); ср. *ele düš-* 'пасть в руку, т.е. представиться, случиться, быть приобретену' [Буд. I, с. 397]. См. *mäγlub bolγanda elikka tüšti* БН 27, BN 21b 'Когда [он] был побежден, попал в плен': см. еще БН 9, BN 8a; БН 20, BN 16a; БН 208, BN 167a; БН 232, BN 184a; БН 249, BN 196b; БН 279, BN 218b; БН 315, BN 244b. Ср. употребление *elikka tüš-* с именами неодушевленными: *bälŋ... qara sultannyŋ elikiga tüšti* БН 400, BN 308b 'Балх попал в руки... Кара Султана'.

К этой же тематической группе относится также аналитическая глагольная структура *bänd qyl-* 'связать', см. *bänd et-* 'связать, запереть, привязать' [Буд. I, с. 170]; она управляет вин. падежом объекта действия. Пример: *...wä jinä bir nečä uluγlaryny bänd qylyb...* БН 336, BN 259b '... связав еще нескольких знатных [людей]...'; см. еще БН 207, BN 166b; БН 338, BN 216b; БН 400, BN 308b.

Формула военного грабежа населения представляет собой аналитическую глагольную структуру *talan wä taraǯ qyl-* 'производить грабеж и расхищение', в которой сочинительным союзом *wä* соединены тюркское и персидское имена-синонимы: чаг. *talan* 'грабеж' [Буд. I, с. 336], перс. *taraǯ* 'расхищение, грабеж, добыча' [Буд. I, с. 331]. См.: *... täwabi' wä läwahiqini talan wä taraǯ qyldylar* БН 256, BN 202b '... Они подвергли грабежу и разорению подданных и приспешников [Насыр мирзы]'. Еще одна формула грабежа использует в качестве именного компонента вышеназванные синонимы, дат.-напр. падежом которых управляет глагол *bar-*: *talan wä taraǯγa bar-* 'подвергнуться грабежу и расхищению'. См.: *iki üč bölak aγyl talan wä taraǯγa* (БН 247_{22}: *taraǯ wä talanγa*) *bardy* БН 247_{21-22}, BN $195b_{13-14}$ 'Две-три группы дворов подверглись грабежу и расхищению', см. еще БН 330, BN 255b. Ср. также *däštni talab taraǯ qylyb...* БН 288, BN 225a 'подвергнув степь грабежу и расхищению...'; *el tutmaqqa mal talamaqqa elik qojubturlar* БН 253, BN 200a '... они приложили руку к захвату населения, грабежу

имущества', чаг. *tala-* 'грабить' [Буд. I, с. 336], *qol qoj-* 'прикладывать руку' [Буд. II, с. 99]. См. еще БН 155, BN 126b.

Формулы наказания обычно имеют глагольным компонентом глагол *jet-* 'достигать, дойти', его побудительный залог *jetkur-* 'довести, заставить дойти' [Буд. II, с. 349]; в Хайдарабадском списке вместо *jetkur-* используется чаг. *tegur-* 'доставить, нанести, попасть в цель, причинить кому что' [Буд. I, с. 420]; эти глаголы управляют дат.-напр. падежом именного компонента – монголизма *jäsaq* 'закон; наказание', арабизмов *sijasät* 'расправа, публичное наказание, пытка' или – реже – *qyssas* 'казнь, наказание, смерть за смерть', см. *jäsaqqa jet-* 'быть наказанным, казненным', *jäsaqqa jetkur-* (*tegur-*) 'подвергнуть наказанию, казнить' [Буд. II, с. 329]. Примеры: а) *na munasib söz ajtqan üčün jasaqqa jetti* БН 20, BN 16b 'За то, что он говорил неподходящие (букв. несоответствующие) речи, был казнен', см. еще БН 279, BN 218b; БН 341, BN 263b–264a; б) *bujurdum kim barčany bazar bašyda jasaqqa jetkurgajlar* БН 275, BN 215b (*tegurgajlar*) 'Я приказал, чтобы всех [изменников] казнили [на площади] перед базаром', см. еще БН 196, BN 158a; в) *... bir paräsini sijasätqa jetkurdilar* БН 201_{16}, BN $162a_{6}$ (*tegurdilar*) '... часть [врагов] подвергли расправе', см. еще БН 46, BN 37a; г) *qyssasya jetkurdilar* БН 324, BN 251a (*tegurdilar*) 'подвергли [его] смертной казни'.

Из приведенного обзора военных формул можно сделать заключение когнитивного характера, а именно что в "Бабур-наме" зафиксирован переходный период в развитии военной техники на Востоке. Еще в ходу было традиционное вооружение: луки и стрелы, дротики и мечи, сабли. Вместе с тем уже проникла передовая техника – огнестрельное оружие – с Запада, о чем свидетельствует название одного из видов такого оружия *firäŋgi* 'европейский' < 'франкский'. Как известно, Дж.Неру видел одну из причин победы Бабура над разобщенными феодальными княжествами Индии в том именно, что его армия была оснащена передовой военной техникой, усовершенствованным видом артиллерии, в то время как феодалы Индии такой техникой не располагали [Неру 1955, с. 252].

Своеобразный характер освоения огнестрельного оружия в тимуридском Мавераннахре может быть понят с точки зрения "Wort und Sache", см. семантическое развитие: а) пушка' < 'котел'; б) 'ядро (пушечное)' < 'камень'[26] (ядро изготовляли специально:

[26] Слово *taš* в чагатайском было многозначным, оно употреблялось также "в значении слитка металла драгоценного, гирьки" [Буд. I, с. 725], см. пример: *iki uluy elčiga ...kümüš taš bilä altun wä altun tašy bilä kümüš tartylyb an'am boldy*

ustad qašydyn kiši keldi kim taš täjar bolubtur ne färman bolur БН 482, BN 372b ‘От мастера пришел человек: ядро готово, каков будет приказ?’), в) ‘лафет (пушечный)’ < ‘арба, телега’, см. о специальном его устройстве: *mustäfa-ji rumi: rum dästuri bilä araba qylyb edi* БН 403, BN 310b–311a ‘Мустафа-румиец сделал лафет на румийский (т.е. западный) манер’, см. также БН 449, BN 347a; чаг. *qazan arabasy* ‘лафет’ [Буд. I, с. 24], а также *zärbäzänlyq arabasy* БН 435, BN 336b ‘пушечный лафет’, *araba üstidagi zärbäzänlar* БН 345, BN 266b ‘пушки на лафетах’; г) ‘устанавливать пушку’ < ‘возводить, раскинуть, строить’.

8. Формулы военной победы

Высокочастотные в ”Бабур-наме” (особенно в последней, индийской части) формулы военной победы своею семантикой позволяют составить известное представление о жестоких нравах воюющих сторон военного средневековья. Бабур как истинный сын своего времени, естественно, не мог быть не причастен к этим жестокостям.

Одна из этих формул и по лексике, и по структуре сугубо тюркская: *bašyny kesib kelturdilar ...häm bir neča baš kesib kelturdi* БН 409–410, BN 315b ‘его голову отрезав, привезли еще несколько голов отрезав, привез’. Варьирование возможно за счет оформления именного компонента *baš* ‘голова’ аффиксами мн. числа, принадлежности, наличия различных числовых определений к этому имени, см. БН 88, BN 71a; БН 182, BN 147b; БН 183, BN 148a; БН 186, BN 150b; БН 232, BN 184b; БН 277, BN 217a; БН 283, BN 221b; БН 285, BN 223a; БН 301, BN 234b; БН 307, BN 239a; БН 311, BN 241b; БН 343, BN 265a; БН 385, BN 297b. Смысловым вариантом этой формулы является *bojnyγa ur-* ‘отрубить голову’ (ср. [ДТС, 111]: *bojun čap-* ‘отрубить голову’): *ḫusräw šahnyŋ bojnyγa urub bašyny... šäjbani ḫan qašyγa jibardilar* БН 194, BN 156b ‘Хусрау шаху отрубили голову, его голову послали к Шейбани хану’; см. также *bojunlaryny urdurub...* БН 182, BN 147b ‘приказав отрубить им головы..’.

В следующей такой формуле сочетаются перс. *källä* ‘голова (человека или животных)’ и ар. *mänarä* ‘башня, минарет’ с тюрк. *qopar-* ‘поднять, возвысить’ [Буд. II, 69]: *källä mänarä qopar-* ‘возвести башню из черепов’ [Буд. II, с. 255]. Примеры: а) *taγnyŋ üstida*

altun taŝy beš jüz miskal dur kim kabul taŝy bilä bir sir bolγaj kümüš taŝy iki jüz elik miskal dur kim kabulniŋ jarym siri bolγaj БН 456, BN 352b ‘Двум великим послам ... было поднесено и стало наградой золото [на вес] серебряной гири и серебро [на вес] золотой гири. Золотая гиря – это пятьсот мискалей, что на кабульскую [меру] веса составляет один *сир;* серебряная гиря – это двести пятьдесят мискалей, что составляет половину кабульского *сира*’.

käfirniŋ bašydyn källä mänarä qoparyldy БН 433, BN 335a ‘На горе была воздвигнута башня из голов неверных’; см. еще БН 182, BN 147b; БН 183, BN 148a; БН 421, BN 325b; б) с варьированием глагола: *bujurduk kim bu afγanlarnyŋ bašlaryny källä mänarä qyldylar* БН 307–308, BN 239a ‘Мы приказали, чтобы они сделали башню из голов этих афганцев’; *bir bäländida källä mänarä bujuruldy* БН 279, BN 218b ‘На одной высоте было приказано [возвести] башню из черепов’.

См. нанизывание трех формул: *qatl-i ‘amm qylyb qalyn baš kesib kelturdilar ...bannuda häm källä mänarä qoparyldy* БН 183, BN 148a ‘Произвели всеобщее избиение, отрезали и привезли много голов... в Банну также возвели башню из черепов’.

9. Формулы изъявления покорности. Формулы прощения

Формулы изъявления покорности семантически зависимы от различных обычаев ее проявления у различных народов. Так, уцелевшие враги из числа тимуридских тюрков-чагатаев свидетельствовали свою покорность следующим образом: *saγdaq qylyčlaryny bojunlaryγa asyb keldilar* БН 197, BN 158b ‘Они пришли, повесив себе на шеи свои колчаны и мечи’; *qylyč saγdaγyny bojnyγa asyb kelib...* БН 39, BN 31b ‘он, повесив себе на шею свои меч и колчан, пришел...’[27]. У афганцев – другой обычай: когда они бессильны выдерживать бой, они приходят к своим врагам с травою в зубах, тем самым как бы говоря: ”я твой бык”: *aγyz bolγan afγanlar ot tyšlab keldilar* БН 182, BN 147b ‘Обессилевшие афганцы пришли, держа в зубах траву’; см. еще БН 182, BN 147a; БН 183, BN 148a.

Формула прощения вариативна и состоит из глагола *bayyšla-* ‘прощать (проступки, вину)’ [см. ДТС, 78; Буд. I, с. 233], аналитического глагола *‘afw qyl-* ‘прощать’ [Буд. I, с. 763], каждый из которых управляет вин. падежом перс. *günah* ‘грех, вина’ или же тюрк. *qan* ‘кровь [пролитая кем-либо]’, а также оборота *‘uzr[ini] jut-* ‘принимать (букв. глотать) чье-либо извинение’. Примеры: а) *günahlaryn* (БН 279_3: *günahlaryny*) *bayyšlab* БН 279_3, BN $218b_4$ ‘против их прегрешения’, см. еще БН 315_{20} (*günahlarydyn*), BN $245a_6$ (*günahlaryn*); б) *qanlaryn bayyšladym* БН 275, BN 215b ‘Я простил [пролитую ими] кровь’; см. еще БН 153, BN 125b; в) *günahlaryny* (BN $158b_8$: *günahlarny*) *‘afw qylduk* БН 197_{3-4}, BN $158b_8$; г) *häsän čälä-*

[27] Для сравнения интерес представляет, как передается значение особой боевитости: *däwlät ẖan ol qarylyγy bilä beliga iki qylyč baylab tur* БН 329, BN 255a ‘Даулат хан, хоть он и старик, опоясал стан двумя саблями’.

biniŋ keč qalγanynγŋ 'uzrini jutub... БН 467, BN 361b 'Приняв извинения Хасана Челеби за то, что он опоздал...'.

Тематически сюда же примыкают выражения, передающие значения освобождения, сохранения жизни: *asirlaryny azad qylduk* БН 315, BN 245a 'Мы освободили их пленных'; *bu josunluq 'ahd boldy kim anγŋ ǯany amanda bolγaj* БН 150, BN 123a 'Было условлено таким образом, что его жизнь будет в безопасности (будет сохранена)'.

Приведенные формулы информативны в плане этнографическом, будучи нейтральны в стилистическом аспекте.

10. Формулы решения, ведения переговоров. Формулы, связанные с речевыми актами

Все эти формулы объединяются почти обязательным использованием в них лексемы *söz* 'слово' (реже – *aγyz* 'рот') как именного компонента (или одного из таковых).

Формулы решения структурно обычно представляют собой главное предложение в сложноподчиненном предложении, со своими прямым и косвенным дополнениями; раскрывает суть решения придаточное предложение дополнения – оно постпозитивно и вводится союзом *kim* (*ki*) 'что'.

Собственно тюркская формула решения имеет глагольным компонентом *qoj-* 'оставить, бросить, положить, ставить, оставить на месте' [Буд. II, с. 99], а именными компонентами – *söz* (вин. падеж) и указательное местоимение *bu* 'этот; нижеследующий' (дат.-напр. падеж). Лексикографически зафиксирована аналитическая структура *söz qoj-* 'условиться, решиться'; ощущая ее неполноту, Л.З.Будагов приводит в качестве примера полный ее состав: *sözni muŋa qojdylar ki...*'решили так, решились на то, что...' [Буд. I, с. 643]. См. примеры в "Бабур-наме": *keŋäsib sözni muŋa qojuldy kim...* БН 282, BN 220b '...посовещавшись, [мы] порешили на том, что...', см. еще: БН 283, BN 221a; БН 312, BN 242b; БН 331, BN 256b; БН 423, BN 327a; БН 480, BN 371a. Варьируется косвенное дополнение: указательное местоимение *bu* 'это' может выступать в местн. падеже (только в БН: *sözni munda qojduk* БН $79_{15\text{-}16}$, но *sözni muŋa qojduk* BN $64a_3$, ср. *söz munda qärar tapty kim...* БН $54_{13\text{-}14}$, но *söz muŋa qärar tapty kim...* BN $43b_6$), варьироваться словосочетанием *bu jerga* 'в это место' или же *bir jerga* (*jerda*) 'в одно место (в одном месте)', см. *γaliba sözni bu jerga qojarlar kim...* БН 331, BN 256a 'Вероятно, они на том порешат, что...', *sözni bir jerga qojulmaj dur* БН 185, BN 149b '[Мы] не пришли к единому решению', *sözlašib sözni bir jerda qojub...* БН 275, BN 216a 'сговорившись и

придя к единому решению...'. В единичном случае вместо *söz* в этой формуле используется *keŋäš* 'совет, совещание': *keŋäšni muŋa qojarlar kim...* БН 450, BN 347b 'посовещавшись, на том порешили, что ...'.

Другая такая формула – *söz muŋa qärar tapty kim...* букв. 'слово на том нашло установление, признание', т.е. 'на том порешили, что...'; ср. *söz tap-* 'увертываться, извиняться' [Буд. I, с. 719], *söz qärari* 'словесное обещание или признание' [Буд. I, с. 645], *qärar tap-* 'установиться, остановиться, успокоиться' [Буд. II, с. 45], см.: *ešik iḫtijari wä andiǯan hukumäti qasim qawčynŋa qärar tapty* БН 31, BN 25a '[Звание] ишик-аги и правление Андижаном были утверждены за Касим Каучином'. Приведем примеры из "Бабур-наме": *keŋäsib söz muŋa qärar tapty kim...* БН 314, BN 244a 'Посовещавшись, порешили на том, что...', см. еще БН 54, BN 43b; БН 179, BN 144b; БН 181, BN 146b; БН 479, BN 370a.

Варьирование формулы достигается за счет различных средств – лексических и грамматических конкретизаций формального подлежащего и косвенного дополнения. Такое подлежащее – *söz* –может иметь при себе дейктическое определение (*bu* 'это'), принимать аффикс мн. числа: *bu sözlar qärar tapqunča...* БН 347, BN 268b 'Пока эти вопросы не нашли разрешения...' (см. также здесь пропуск косвенного дополнения *muŋa*); *söz* может быть заменено на *räjlar(i)* '(их) мнения': *räjlar muŋa qärar tapty kim...* БН 423, BN 327a 'Мнения свелись к такому решению, что...', см. еще БН 185, BN 150a (*räjlari* в обоих списках); БН 342, BN 264a. Конкретизация косвенного дополнения может быть весьма обстоятельной, как в данном примере: *söz qälatnyŋ üstiga barmaqqa qärar tapty* БН 196, BN 158a 'Было решено идти на Калат'. Конкретизацию обоих именных компонентов см. в следующем примере: *keŋäš hindustan jürušiga qärar tapty* БН 179, BN 145a 'Было принято совместное (букв. совещательное) решение идти в Хиндустан'.

Еще одним вариантом этой формулы может рассматриваться употребление в ней глагольного компонента *ber-* 'дать, подать, вручить', управляющего вин. падежом прямого дополнения *söz*; примеры: *sözni muŋa* (БН 87_{10}: *mundaq*) *qärar berildi kim...* БН 87_{10}, BN $70b_9$ 'Мы порешили на том, что...', см. еще БН 91, BN 74b; с конкретизацией косвенного дополнения: *pur sary atlanmaqqa sözni qärar berildi* БН 461, BN 356b '[Мы] решили отправиться походом в сторону Пура (?)', *ḫič iška sözini qärar bera almaj...* BN $206b_{13}$ (но ср. *hič išqa wä hič qajsy sözga qärar qyla almajdurlar* БН 262_{11-12}) 'Никакому делу не сумев дать решения...', см. еще

БН 452, BN 349b. Весьма употребительна также аналитическая глагольная структура *qärar ber-* ‘решить’ с управлением вин. и дат.-напр. падежами прямого и косвенного дополнений, см. *özumni ölumga qärar berdim* БН 144, BN 118b ‘Я обрек себя на смерть’.

Формула ведения переговоров имеет глагольным компонентом *sal-* ‘класть, назначать, определять’ и при нем прямое (вин. падеж) и косвенное (дат.-напр. падеж) дополнения: *sözni araγa sal-* ‘вести переговоры’. Ср. *til sal-* ‘сплетничать, клеветать’ [ДТС, с. 559], *söz sal-* ‘слово, слух, молву распустить’ [Буд. I, с. 690], *araγa keltur-* ‘вывести на сцену, (мет.) ввести в употребление’ [Буд. I, с. 22]. При *söz* довольно часто выступают конкретизаторы – именные определения (*jaraš* ‘мир’, *sulh* ‘мир’ и др.). Примеры: *türk umärasini wä hind umärasini tilab mäšwärät qylyb bu sözni araγa salduk kim...* БН 387, BN 299a ‘Мы пригласили тюркских и индийских эмиров и, совещаясь, вели переговоры о том, что...’, *šäjbaq* (БН 116_{11}: *šäjbani*) *ẖan sulh* (БН 116_{12}: *jaraš*) *sözini araγa* (БН 116_{12}: *ortaγa*)[28] *saldy* БН 116_{11-12}, BN $95a_{7}$ ‘Шейбак хан вел переговоры о мире’, см. еще БН 91, BN 74a; БН 274, BN 215a; *islah sözini araγa salyb tur* БН 486, BN 375b и *musaläḥä araγa salyb edi* (BN $229a_{12}$: *salylyb edi*) БН 294_{3-4}, BN $229a_{12}$ ‘вел переговоры о примирении (замирении)’.

Формула, отмеченная Л.З.Будаговым для огузских языков, *sözina gir-* ‘послушаться чьего слова, подчиниться чужим советам’ [Буд. I, с. 646], встречается и в ”Бабур-наме”. См. *ẖatun söziga kirib özini nik namlar čärgasidin čyqardy* БН 99, BN 80b ‘Послушавшись слов женщины, он вывел себя из круга [лиц] с добрым именем’. Встречается здесь и формула с противоположным значением: *sözidin čyq-* ‘не следовать тому, что он говорит’ [Буд. I, с. 480], см. *...jolluq türälik sözidin čyqmayajlar* БН 460, BN 355b ‘... пусть они не преступают его повелений, правильных и законных’, см. еще БН 437, BN 338a.

В ”Бабур-наме” наблюдается формула речевого акта, по своей структуре предикативно-именная: *el arasyda bu söz bar edi kim...* БН 479, BN 370b ‘Среди людей речь шла о том, что...’. Ср. *el arasyda andyn pärišan sözlar derlar edi* БН 485, BN 374b ‘В народе о нем говорили вздорные (букв. пустые, см. [Буд. I, с. 316]) слова’, *bir neča čin wä jalγan sözlar ajtyb...* БН 68, BN 55a ‘говоря несколько правдивых и лживых слов...’; *ẖäjli söz bilur edi sözga mu-*

[28] Такое же разночтение см. еще: BN $101b_{7}$ *araγa sal-*, но БН 124_{18} *ortaγa sal-*. Среди значений др.-тюрк. *otra* отмечается послелог ‘между’: *ol ikki kiši otra aralady* букв. ”‘он стал между двумя человеками’ (т.е. стал посредником в примирении) (МК I, с. 308)“ [ДТС, с. 374].

ŋy joq edi БН 209, BN 167b 'Султаним биким] хорошо владела речью (букв. знала много слов), затруднений [в подборе] слов у нее не было (букв. нужды в словах не было)'.

Глагольно-именная формула *ayyz ač-* 'раскрыть рот; начать есть, разговеться после дневного поста' [Буд. I, с. 63] в "Бабур-наме" имеет, скорее, традиционное для старотюркской письменности значение 'начать говорить', ср. *til ač-* 'начинать говорить (QBN)' [ДТС, с. 559], *söz ač-* 'начать говорить, завести речь (QBN)' [ДТС, с. 511]. Пример: *zäji' wä šärif fäqyr wä miskin näfrin wä du'a-ji bädiya ayyz ačyb qol kötardilar* БН 30, BN 24a 'Именитые (см. ар. *zäj'ä* 'имение, земельный участок' [Гафф. II, с. 534]) и благородные, бедные и нищие, отверзнув уста на хулу и проклятия, воздевали руки'.

Определительное словосочетание чаг. *ayyz sözi* 'словесная инструкция' [Буд. I, с. 63] (ср. *tilin söz* 'устное слово, речь' (ДТС, с. 560]) вместе с глаголами *tujtur-* 'дать понять, дать заметить, вразумить' или же *ajt-* 'сказать, говорить', управляющими вин. падежом, образует формулу словесного наставления; см. *ayyz sözlarin tujtur-* 'наставить словесными инструкциями' [Буд. I, с. 63]. См. примеры из "Бабур-наме": а) *sultan ibrahimya bitilgan ḫätlarni* (БН 290_{20}: *ḫätlarini*) *tapšurub ayyz sözlari* (БН 290_{20}: *sözlarni*) *dayy ajtyb...* БН $290_{19\text{-}20}$, BN $226b_{11\text{-}12}$ 'Вручив послания, написанные Султан Ибрахиму, высказав словесные наставления...', см. еще БН 323, BN 250b; б) *bu färmanlarni tapšurub ayyz sözlarini tujturub...* БН 460, BN 356a 'вручив эти грамоты и дав словесные наставления ...', см. еще БН 467, BN 361a.

11. Именные формулы

Из этой группы формул, вычлененной по признаку их структуры, от предшествовавшей традиции древнетюркской письменности унаследована *jer suw* букв. 'земля-вода', т.е. 'материк, совокупность имеющихся земель и вод, место жительства' [Буд. II, с. 352], см. *jir sub* 'родина' (КТ, Тоń.) [Малов 1951, с. 388], *jer sub* (*suv*) 'материк, земля' [ДТС, с. 257]. Примеры из "Бабур-наме": *sizga tä'älluq jer wä suw* БН 477, BN 369a 'принадлежащие Вам земли' (букв. 'земля-вода'); *jer suwni bilur kišilar* БН 183, BN 148b 'люди, знающие [тамошнюю] местность', см. также *jer suwni bilur däwlätḫahlar* BN $208b_{3\text{-}4}$ 'доброжелатели, знающие местность', но см. разночтение с придаточным пояснительным: *däwlätḫahlar här täräfni kim bilur edilar* БН 265_{4} 'доброжелатели, которые знали любую сторону'.

Частотными являются именные формулы, семантически связанные с отражением социальной иерархии тимуридского государства.

Могла бы считаться унаследованной из др.-тюрк. *beg (lar) bodun* 'правители и народ' (КТб, Тон.) [ДТС, с. 91] следующая модель: *ḫan wä tükal ḫälq* БН 123_5 'хан и весь народ', но см. разночтение: *han wä tämam turγanlar* BN $100b_2$ 'хан и все стоявшие (рядом)'. Частотно обозначение кочующих орд и племен [Буд. I, с. 89, 203], см. *zärdäk čulydaγy el wä ulusny čapqaly jibardi* БН 71, BN 57 'Послал грабить кочующие племена и орды в Зардак-Чуле', *aŋa tä'älluq el wä ulus* БН 153, BN 125b 'подвластные ему кочующие племена и орды'.

Др.-тюрк. *beg* 'правитель, вождь, бек, князь, господин' [ДТС, с. 91], 'бек, дворянин' [Гафф. I, с. 107] в "Бабур-наме" часто выступает в сочетании с *begät,* которое в литературе рассматривается как "форма персидского мн. числа" [Щербак 1962, с. 120]. Наблюдения над функционированием *begat* в "Бабур-наме" с учетом его сочетаемости позволяет предполагать, что это производное, как и производное др.-тюрк. *begač* 'принц' [ДТС, с. 91], означает некое снижение сословной семантики: если *beg* 'князь', то *bekät* 'дворянин (?)'; М.А.Салье переводил словосочетание *beg wä begät* как 'большие и малые беки' [Бабур-наме 1958, с. 96]. Это подтверждается и тем, что в приводимом ниже определительном словосочетании, во всяком случае определение *kičik* 'малый, молодой' [Буд. II, с. 174] соотносится, по-видимому, не с *beg,* но с *begät : kičik kärim beg begät* БН 348, BN 269a 'малые [и] почтенные (,) князья и дворяне', ср. *uluγ beklari* БН 351, BN 271a 'их великие беки', но *kičik kärim sultanlary* БН 28, BN 22a 'малые (молодые) [и] почтенные султаны'. Клише *beg* [*wä*] *begät* встречается и в составе более распространенных формул с семантикой сословной иерархии, см. *sultan 'äli mirza* (БН 98_8: *mirzanin*) *beg wä begätiga jigit jylaŋγa hič kimga ḫäbär qylmaj...* БН 98_{8-9}, BN $80a_{5-6}$ 'Султан Али мирза, не известив никого – ни своих больших и малых беков, ни конницу...' (*jigit jylaŋy* Л.З.Будагов переводит как 'конные солдаты, конница' [Буд. II, с. 338]), см. еще БН 68, BN 55a. В такой распространенной формуле *begät* может заменяться на *ički* (или *ički beg*) 'беки или князья, находящиеся при дворе, при особе хана, придворные, куртизаны' [Буд. I, с. 181], см. *sultan mäs'ud mirzanyŋ beg wä ičkisi wä jigit jylaŋy azurdä bolub edilar* БН 70, BN 56b 'Беки и приближенные и конница Султана Масуда были обеспокоены', см. еще БН 338, BN 261a. Употребление *jigit jylaŋ* см. еще БН 409, BN 315b; *qazaq jigit* 'вольный (вольнонаемный?) солдат' – БН 401, BN 309a; БН 435, BN 336a.

Еще одна разновидность формулы соединяет в себе названия различных сословий, см. *zäji'* (ضيع , не ضايع) *wä šärif fäqyr wä*

miskin БН 30, BN 24a ‘Именитые (ср. ‘худородные’ [Бабур-наме 1958, с. 34]) и благородные, бедные и нищие’, *wä zäji‘ wä šärif wä sipahi wä rä‘jät* БН 29, BN 23a ‘именитые (ср. ‘худородные’ [Бабур-наме 1958, с. 34] и благородные, воины и подданные’; *uluɣ kičik jaẖšy jaman nukär wä ɣäjr-i nukär on iki miŋ kiši qälämɣa kelibtur* БН 328, BN 254a ‘Великих и малых, хороших и плохих, воинов и не-воинов было записано двенадцать тысяч человек’.

Формула, обозначающая совокупность лиц по различным родственным отношениям: *uruq qäjaš oylan ušaq* БН 380, BN 293b ‘близкие и дальние родственники, дети’, где в парном слове чаг. *uruq qäjaš* “первое слово (*uruq*) означает близких родственников, сына, брата и пр. ..., а второе *qajaš* близких родственников последних ..., вообще же родство ”[Буд. I, с. 128], см. еще БН 294, BN 229b; парное слово *oylan ušaq* ‘дети’ [Буд. I, с. 141], см. еще БН 247, BN 196a; БН 261, BN 205b; БН 315, BN 244b. Еще одна ”семейно-родственная” формула представлена в следующем примере: *ol bi hämmijät na märd ata* (BN 259b$_7$ некорректно: تا مرا دته) *aya inisini wä ana egači siŋlini milwätta tašlab...* БН 335$_{22-23}$, BN 259b$_{7-8}$ ‘Тот трус, лишенный ревностного отношения к достоинству семьи, бросив в Милвате отца, старших и младших братьев, мать, старших и младших сестер...’.

Изучение литературно-языковых формул в ”Бабур-наме”, где они особенно репрезентативны, представляет интерес не только в собственно лингвистическом и лингвостилистическом аспектах, но еще и в аспекте когнитивном. Совокупность вышеописанных формул позволяет как бы изнутри получить концентрированное знание о самом колорите эпохи, реконструировать картину мира, увиденную глазами средневекового человека с его психологией, религиозными воззрениями, характером восприятия действительности. Литературно-языковые формулы в ”Бабур-наме” дают ключ к познанию важнейших реалий описываемого периода жизни среднеазиатского общества, например развития военной техники и военного дела.

В плане стилистическом благодаря частотному использованию формул естественно достигается неповторимая средневековая, отчасти и традиционно-религиозная окраска текста. Здесь удалось сделать следующее наблюдение: формулы, информативные в познавательном отношении (военном, этнографическом и др.), как правило, стилистически нейтральны и, наоборот, например, формулы набожности оказываются небезразличными к стилистике.

С точки зрения лингвистической формулы, по большей части глагольно-именные структуры, представляют собой весьма подвижные образования: в одних случаях они являются, казалось бы, совершенно клишированными выражениями, а в других микротекстах допускают разного рода варьирование (дистантное расположение именного и глагольного компонентов при наличии определений как к имени, так и к глаголу, возможные вставки союза *hämʿ* ‘также, еще и’ между обоими компонентами и прочее).

Глава III

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И СТИЛЬ "БАБУР-НАМЕ"

РАЗДЕЛ I. О СПОСОБАХ И ПРИЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Постановка этого вопроса, для средневековой тюркской литературы неизученного, сильно затрудняется отсутствием в средневековой арабографической письменности самих понятий о знаках препинания, прописных литерах, абзаце. Прозаический арабографичный текст развертывается сплошным монолитным потоком, членение которого на предложения, простые и сложные, осуществляется с опорой на морфологию, синтаксис и смысл (последний особенно важен для случаев инверсии или же, к примеру, эллипсиса сказуемого, т.е. недостаточности морфолого-синтаксической опоры).

Явным образом текст "Бабур-наме" в Керовом списке и соответственно в издании Ильминского членится на двадцать один крупный фрагмент – главы – с помощью заголовков хронологического порядка на арабском языке: "События года 899 (= 1493–1494)" и так подряд вплоть до "Событий года 908 (= 1502–1503)" включительно, затем следуют главы "События года 910 (= 1504–1505)" и далее вплоть до "Событий года 914 (= 1508)" включительно, после чего идут главы "События года 925 (= 1519)", "События года 926 (= 1519–1520)" включительно, потом "События года 932 (= 1525–1526)" и далее вплоть до "Событий года 935 (= 1528–1529)", глава же "События года 936" обрывается после первых четырех строк текста. В факсимильном издании Хайдарабадского списка этим заголовкам, в оригинале выполненным золотой краской, часто соответствуют пробелы (техника начала XX в. не справилась с воспроизведением "золотых" заголовков), а в отдельных случаях – белые надписи арабицей на черном поле.

Более дробное членение текста наблюдается при описании обстоятельств жизни и смерти тех или иных крупных феодалов из числа родственников и свойственников Бабура, его союзников и

неприятелей. См. БН 7-10, BN 6b-8b; БН 22-25, BN 18a–20a; БН 32-36, BN 25b-28a; БН 84-85, BN 68a-68b; БН 203-221, BN 163b-176b. В этих фрагментах текста налицо набор следующих однотипных подзаголовков, причем чем знатнее и значительнее описываемое лицо, тем полнее этот набор: Рождение и происхождение; Наружность и внешние качества; Свойства нрава и повадки (отсутствует в БН 32-33, BN 25b-26a); Битвы (и сражения); Владения (отсутствует в БН 24, BN 19a-b); Потомство (отсутствует в БН 85, BN 68b); Жены и наложницы (отсутствует в БН 85, BN 68b); Эмиры (отсутствует в БН 11, BN 9b; БН 85, BN 68b); Вазиры (представлено в БН 221, BN 176b). Только в казанском наборном издании эти подзаголовки подчеркнуты, в Хайдарабадском списке они никак не выделяются.

Невзирая на упоминавшуюся выше специфику арабографичных текстов, нельзя не признать, что "Бабур-наме" является сочинением, глубоко продуманным в части организации его текста. Во всяком случае при ближайшем рассмотрении данного текста в этом аспекте набирается целая палитра средств его организации. Оставляя для специального литературоведческого исследования вопрос о синтагматической организации текста (т.е. о взаимном расположении отдельных его фрагментов, порядке следования эпизодов внутри всего произведения или его части и т.д. см. [Долинин 1985, с. 159]), ниже остановимся на тех частных способах и приемах организации текста, которые представляют интерес в лингвистическом или же лингвостилистическом отношениях.

§ 1. Рубрикация семантически связанных последовательностей в изложении

Рубрикацией (иногда – с последующей нумерацией) мы условно называем такой частотный в "Бабур-наме" прием организации текста, когда тематическое единство данного микротекста подчеркивается наличием соотнесенных между собою вводных предикативно-именных оборотов (например, *bir bu kim... jinä bir bu kim...* 'одно – это то, что..., еще одно – то, что ...'), посредством которых вводятся отдельные "событийные последовательности" (этот термин см. [Долинин 1985, с. 162]), тематически между собой связанные. Благодаря этим вводным оборотам достигается аналитичность подачи событийных последовательностей внутри данного микротекстового единства и подчеркивается "линейность повествования" (см. [Долинин 1985, с. 162]).

В качестве примера приведем фрагмент очень острого эпизода, рассказывающего о походе Султан Ахмеда на Андижан – владение

своего младшего, уже покойного брата Омар Шейха, отца Бабура, сразу после его смерти, когда юный наследник тщетно пытался умилостивить своего дядю. На счастье Бабура, Бог своим могуществом и милостью явил несколько таких дел, от которых враги стали тяготиться своим походом на Андижан и вернулись восвояси без удачи. Приводим только аналитическую часть фрагмента: *biri bu kim qubanyŋ batqaqlyq qara sujy bar köprükidin özga jerdin kečib bola almas* (БН 21$_6$: *bolmas*) *qalyn čerik kelib köprükda jyqylyb qalyn at wä tewä bu qara suwda jyqylyb zaji' boldy ...čerik eliga wähmy ɣalib boldy jinä bir bu kim ol fyrsatta andaq at ölati boldy kim täwilä täwilä atlar jyqylyb öla kirišti* (БН 21$_{11}$: *bašlady*) *jinä bir bu kim biznіŋ sipahi wä rä'jätni andaq jekdil wä jekǯihät taptylar kim ta ǯan wä tänlaryda rämäq wä täwan bardur ǯan tartmaqlardyn* (БН 21$_{12}$: *tartqajlardyn*) *qojmaɣajlar* БН 21$_{5-13}$, BN 16b$_{13-14}$-17a$_{1-6}$ 'Одно [из этих дел] – то, что у Кубы есть болотистые стоячие воды, кроме как через мост перейти их невозможно. Когда подошло многочисленное войско, оно на мосту обрушилось, множество коней и верблюдов упало в те стоячие воды и погибло... Страх одолел войсковой люд. Еще одно – это то, что в это время приключился такой падёж коней, что они начали валиться и издыхать косяками (ар. *täwilä* 'конюшня'). Еще одно то, что [враги] нашли наших воинов и подданных столь единодушными и единогласными, что они не переставали радеть [о победе], пока в душе и теле у них был [хоть] последний вздох и сила'. Примеры рубрикации на сходных основаниях см. БН 29-30, BN 23a–b–24a, где по пунктам излагаются причины неприязни самаркандцев к Султан Махмуду, который из-за этого правил Самаркандом всего около полугода; БН 202, BN 162b-163a, где также по пунктам излагаются причины, в силу которых Бабуру было необходимо направиться в Хорасан и принять участие в борьбе против Шейбани-хана (*bir bu kim... jinä bu kim...*); БН 369, BN 285a, где речь идет о двух сходствах, которые якобы существуют у финикового дерева с животными.

Особенно охотно рубрикация используется с описаниях – как социальных (см., например: БН 202, BN 162b-163a; БН 350–351, BN 270b; БН 457, BN 353a), так и природноестественных (см. БН 360-362, BN 278a-b–279a-b; БН 367, BN 283a). Склонность Бабура к рубрикации настолько велика, что он пользуется ею даже в неосложненном предложении, например: *hindustannyŋ üč išidin mutäzärrir eduk bir ysyɣydyn jinä bir gärdidin jinä bir tund jelidin* (BN 300a$_{9-10}$: كردى دين или كروى دين)[29] БН 389$_{1-2}$,

[29] Еще А.Н. Самойлович писал о Хайдарабадском списке, что "местами он искажен торопливостью переписчика" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 29].

BN 300a$_{8-10}$ ‘Мы страдали от трех вещей (букв. дел) в Хиндустане: одно – от ее жары, еще одно – от ее пыли, еще одно – от ее сильных ветров’.

В заключение приведем наиболее яркий случай использования рубрикации событийных последовательностей, сопровождающейся их нумерацией. Поскольку здесь сопоставляются два разновременных и разносубъектных событийных ряда (события одного ряда касаются самого Бабура, события другого – Султан Хусейна), постольку названные приемы осложняются приемом параллелизма (см. о нем ниже, § 3), в данном случае – лексико-семантического. Рассказывая, как удалось ему, врасплох застигнув Шейбанихана с его воинством, захватить стольный город тимуридов Самарканд, Бабур напоминает, что так же врасплох Султан Хусейн захватил в свое время Герат. Автор тут же выражает надежду, что читателю – человеку, справедливому и дело знающему – ясны и очевидны большие различия между тем и этим захватами. Он детализирует эти различия, излагая внешне сходные событийные последовательности сначала применительно к Султан Хусейну, а потом – к себе, и всякий раз их попарно нумеруя. См. *awwäl bu kim sultan husäjn mirza köp išlar körgan bisjar täǧribälar kečurgan uluy jašlyq padišah edi ikinči bu kim yanimi jadyar muhämmäd nasir mirza edi on jetti on sekiz jašlyq kiši bi täǧribä oylan jigit edi üčunču bu kim yanimniŋ ičidin käjfijjat wä halatny bilgan kiši mir ʻäli miraḫur mirzaya kišilar jibarib yafyllyqta yanim üstiga kelturdi törtunči bu kim yanimi quryanda emas edi bay-i zayanda edi sultan husäjn mirza alyan mähälda jadgar muhämmäd mirza wä täwabiʻi andaq* (БН 104$_{20-21}$: *andaq* отсутствует) *ičkulukka tüškan ekandurlar kim ol keča jadgar muhämmäd mirzanyŋ ešikida üč kiši ekandur olar häm mäst* (БН 104$_{22}$ добавлено: *özi häm mäst wä biḫäbar*) *bešinči bu kim awwäl märtäba yafyllyqta oq keldi wä aldy* || *men sämärqänd alyanda on toquz jašyda edim ne köp iš körub edim ne täǧribä bolub edi ikinci bu kim meniŋ yanimim šäjbaq* (БН 105$_{2-4}$: *šäjbani*) *ḫan dek por täǧribä wä köp iš körgan wä uluq jašlyq kiši edi üčunču bu kim bizga sämärqändtyn hič kiši kelmajdur edi agärčä šahär eli mäŋä koŋülluk edi wäle šäjbaq ḫannyŋ qorquničydyn hič kiši bu ḫijalni qyla almas edi törtunči bu kim meniŋ yanimim quryanda edi häm quryanny* (БН 105$_{6}$: *quryanyny*) *alyndy* (BN 85b$_{12}$: *alyldy*) *häm yanimni qačuruldy bešinči bu kim bir märtäbä sämärqänd qasdyya kelib yanimya tujdurub ikinči märtäbä kelganda teŋri rast kelturdi sämärqänd fäth boldy* БН 104$_{14-23}$–105$_{1-8}$, BN 85a$_{12-14}$–b$_{1-14}$ ‘Первое – это то, что Султан Хусейн мирза был государь в почтенном возрасте, многоопытный, повидавший много битв

(чаг. *iš* мет. ʿбитва, сражение' [Буд. I, с. 196]); второе – то, что его противником был Ядгар Мухаммед Насыр мирза, неопытный юноша 17–18 лет; третье – то, что из среды противника человек, знавший [его] положение и обстоятельства, – Мир Али Мирахур – послал [к мирзе] людей и повел [их] на противника, оставив его в неведении. Четвертое то, что его противника не было в крепости, он был в саду Баг-и Заган; когда Султан Хусейн мирза брал [Герат], Ядгар Мухаммед мирза и его приближенные настолько впали в винопитие, что в ту ночь (вечер) у дверей Ядгар Мухаммед мирзы, говорят, было три человека и те пьяные (БН 104_{22}: и он сам пьян и неосведомлен). Пятое то, что в первый раз, при неведении же [противника] он пришел и захватил [Герат]. || Мне, когда я брал Самарканд, было девятнадцать лет. Ни битв много я не видел, ни опыта не имел. Второе то, что моим противником был такой многоопытный и видавший много битв пожилой человек, как Шейбак хан. Третье то, что к нам из Самарканда не явился ни один человек; хотя городской люд был расположен ко мне, однако никто не мог подумать об этом из-за боязни Шейбак хана. Четвертое то, что мой противник был в крепости: и крепость [мы] взяли, и врага обратили в бегство. Пятое то, что один раз [мы уже] приходили с намерением [захватить] Самарканд и позволили врагу [об этом] проведать; когда пришли второй раз, бог помог – Самарканд был завоеван'.

Приведенный фрагмент текста явно разделен на две части ("Султан Хусейн", "Я"; между этими частями нами поставлены две параллельные вертикальные черты, то же и в переводе), в каждой из которых в строгой очередности перебираются схожие мотивы – их автор насчитывает по пять. Каждая пара соотносимых мотивов в обеих противопоставляемых частях имеет свой порядковый номер (не обозначен только номер первого мотива во второй части, которая открывается местоимением 1-го лица *men* ʿя'). Как правило, каждый мотив вводится одинаковым по структуре оборотом, в составе которого соответствующее порядковое числительное (для обозначения первого мотива в первой части используется ар. *awwal* ʿпервый'; ʿначало'; ʿво-первых'). См. *ikinči bu kim* ʿвторое – то, что', *üčunču bu kim* ʿтретье – то, что', *törtunči bu kim* ʿчетвертое – то, что', *besinči bu kim* ʿпятое – то, что'; дважды повторенные в данном микротексте, эти скрепы и формально сочленяют обе части, объединяемые общим смыслом.

В двух рядах событийных последовательностей, построенных таким образом, уже чисто тематически заложен принцип параллелизма, лексико-семантического параллелизма – в пределах каждой пары мотивов. Так, при изложении первого мотива в обеих частях фактически используется одна и та же лексика, а противопо-

ставление достигается за счет употребления персидского сочинительного союза *ne...ne* 'ни... ни' во второй части, см. а) *köp išlar körgan bisjar täžribälar kečurgan* 'много битв видавший, многоопытный (приобретший много опыта)', б) *ne köp iš körub edim ne täžribä bolub edi* 'ни многих битв я не видел, ни опыта [у меня] не было'. Противопоставление во второй паре мотивов опирается на использование антонимических выражений: а) *on jetti on sekiz jašlyq* 'семнадцати- – восемнадцатилетний', б) *uluq jašlyq* пожилой'; а) *bi täžribä* 'неопытный', б) *por täžribä* 'многоопытный'. В последующих мотивах в обеих частях наряду с действительными антонимами широко использованы окказиональные антонимы. Организация многих и многих фрагментов текста "Бабур-наме" при помощи рубрикации и нумерации как отдельных членов предложения, так и целых предложений или даже сверхфразовых единств, по замыслу Бабура, призвана была обеспечить четкость, ясность, логичность и строгость изложения.

§ 2. Текстовые сцепления с помощью ссылок и отсылок

При смене частных тем, что признается характерным для текстов большого объема (см. [Долинин 1985, с. 170]), в "Бабур-наме" сцепления достигаются с помощью разветвленной сети ссылок на предыдущее изложение, отсылок к последующему повествованию (порою они бывают перекрестными). По предварительным и далеко не всеобъемлющим подсчетам ссылок на предыдущее изложение в "Бабур-наме" наблюдается примерно в три раза больше и чаще, чем отсылок на последующее. И ссылки, и отсылки представлены здесь клишированными оборотами (своего рода формулами).

Для ссылок на предыдущее изложение используется аналитическая глагольная структура *mäzkur bol-* 'быть упомянутым' (именной компонент – арабское страдательное причастие *mäzkur* 'упомянутый') чаще всего в прошедшем категорическом времени, реже прошедшем на *-(I)p tur*, давнопрошедшем на *-(I)p edi*, в форме причастия на *-yan*. Изредка для ссылок употребляются аналитические структуры с масдаром I породы *zikr* 'упоминание' – *zikr kel-* и *zikr qyl-* 'упоминать' в прошедшем времени. В функции уточняющих определений при данных аналитических структурах могут выступать наречия *burnaraq* 'ранее, раньше', *ilyarraq* то же, *juqyary* 'выше', ар. *mukärrär* 'многократно'. Такие клишированные обороты могут включаться в состав простого распространенного предложения, а могут выступать в составе главного предложения, когда основная информация бывает заключена в прида-

точном предложении, или же, наоборот, составлять придаточное предложение. Примеры: *bay-i wäfanyŋ... hüsni wä lätafäty bu tariḫda mukärrär mäzkur bolubtur* БН 325, BN 252a ʿВ этой хронике неоднократно упоминалась красота и приятность сада Баг-и Вафа'; *burnaraq bu mahiḫanäniŋ käjfijjäti mäzkur bolub edi* БН 324, BN 251a ʿОб устройстве этих рыбьих садков было упомянуто раньше'; *ilɣarraq* (BN $212b_{13}$: *burun*) *mäzkur boldy kim muqɨm zämin dawär täräfyya qačyb ketti* (BN $212b_{13}$: *täräfy qačty*) БН 271_2, BN $212b_{13}$ ʿРанее упоминалось, что Муким бежал в сторону Замин-Давара'; *häbibä sultan bekim kim* (БН 263_{11} добавлено: *any*) *jeŋgä der edim nečük kim* (БН 263_{11}: *čunančä juqaryda*) *mäzkur boldy* БН 263_{11}, BN $207a_{13-14}$ ʿЯ называл Хабибу Султан биким тетушкой, как было указано (выше)'; *käfir ɣäzawatydyn* (БН 423_4: *ɣuzatydyn*) *burunraq nečük kim mäzkur boldy uluɣ kičikka ant berurda bu häm mäzkur bolub edi kim bu fäthdyn soŋra täklifi joqtur här kim agär barur bolsa ruḫsat berilgaj* БН 423, BN 326b–327a ʿПеред священным походом на нечестивых, как упоминалось, когда великим и малым была дана клятва (это тоже упоминалось), что после этой победы принуждения не будет, каждый, кто захочет уйти, получит разрешение'; *mäzkur boluan beklar* БН 460, BN 356a ʿупоминавшиеся беки'; *qanbar ʻäli moɣul kim zikri mukärrär kelibtur pärišan guj kiši edi* БН 150, BN 123a ʿКанбар Али Могол, упоминания о котором приводились неоднократно, был пустослов'; *...muny täqryb bilä zikr qyldym* БН 361, BN 279a ʿоб этом я упомянул приблизительно'.

Изредка в составе аналитической структуры могут иметься два именных компонента (арабские страдательные причастия), соединенных между собой союзом *wä* ʿи': *mäzkur wä mästur boldy* ʿупомянуто и написано', *mäšruh wä mäzkur bolub tur* БН 35, BN 28a ʿобъяснено и упомянуто'; *baharlar säjr qylmaqqa... bu jerlarčä käm oq bolɣaj nečük kim kabul wä ɣazni wilajätiniŋ tāʿrif wä täwäsifida šämmä mäzkur wä mästur boldy* БН 256, BN 202b ʿВсе же мало бывает подобных этим мест... для прогулок вёснами, как об этом немного было упомянуто и написано при описании и рассказе об областях Кабула и Газни', см. еще БН 225, BN 179b.

Для отсылок на последующее изложение также употребляется *mäzkur bol-*, но уже соответственно в форме будущего категорического времени: *mäzkur bolɣusydur*. См. *hindustanniŋ häjwanat wä näbanatyny zikr qylɣanda mäzkur bolɣusydur* БН 297, BN 231b [О дереве сунбул] ʿбудет упомянуто, когда будет идти речь (букв. упоминание) о животных и растительности Хиндустана' (ср. БН 302, BN 235a–b), еще см. БН 34, BN 27a; БН 322, BN 249b.

Преимущественно же для отсылок используются клишированные обороты с масдарами I породы *zikr* 'упоминание', *šarh* 'изложение, объяснение' и глаголом *kel-*: *zikr(i) kelgusidur* 'упоминание (о нем) последует', *šarh (i) kelgusidur* 'изложение (или объяснение этого) последует'. При этом масдар (*zikr, šarh*) как формальное подлежащее снабжается соответствующим аффиксом принадлежности, бывает расположено дистантно от глагола; уточнитель *mukärrär* 'неоднократно' относится непосредственно к глаголу *kel-*. Отсылочный клишированный оборот может употребляться как в простом, так и в сложноподчиненном предложении (в составе как главного, так и придаточного предложения). См.: а) *jinä ibn husäjn mirza bilä muhämmäd qasim mirza edi zikrlari kelgusidur* БН 208, BN 167b 'Еще были Ибн Хусейн мирза и Мухаммед Касим мирза. Упоминание о них последует'; *junus 'äli kim... zikri mukärrär kelgusidur* БН 218-219, BN 174b 'Юнус Али, ... упоминание о котором последует неоднократно', см. еще БН 14, BN 11b; БН 20, BN 16a; б) *šarhy hindustan häjwanatyny* (BN 235b$_1$: *häjwanyny*) *zikr qylyanda kelgusidur* БН 302$_{10\text{-}11}$, BN 235b$_1$ 'Изложение [об этой птице] последует, когда будет упоминание о животных Хиндустана'; *ḫäjli ḫoš häwa wä säfa* (БН 287$_{10}$: *basäfa*) *jer waqy' bolubtur nečük kim šarhy kelgusidur* БН 287$_{9\text{-}10}$, BN 224a$_{8\text{-}9}$ 'Это хорошее место с прекрасным воздухом, как о том будет изложено [ниже]'; ср. *'älinin hikajäti wäqai' zäjlida kelgusidur* БН 243, BN 192b 'Рассказ о событиях [жизни] Али последует ниже'.

Изредка отсылка к последующему тексту осуществляется с помощью аналитической структуры *mä'lum bol-* 'стать известным'. Так, упоминая о доходе, который Бабур получал с подвластных ему земель от Бхиры до Бахара, он называет цифру и дает к ней пояснение: *elik iki krur dur nečük kim bu mufassalidin mužmali mä'lum bolyusydur* БН 379, BN 292a '... пятьдесят два крура, как это станет очевидно из резюме этой подробной [росписи]', тем самым приводимая роспись включается в текстовой оборот.

Использование ссылок и отсылок в "Бабур-наме" является высокочастотным приемом организации текста.

§ 3. Ритмико-синтаксический параллелизм как способ организации текста

В числе важнейших приемов организации текста тюркских народных эпических сказаний В.М.Жирмунский исследовал ритмико-синтаксический параллелизм и показал его организующую роль

в генезисе и структуре древнетюркского народного стиха [Жирмунский 1964, с. 5 и сл.].

При этом чередование стихотворных и прозаических партий, каждая из которых обнаруживает ритмическое членение при помощи синтаксического параллелизма, ученый считал "традиционным типом эпической поэзии тюркских народов" [Жирмунский 1964, с. 11]. Еще раньше, в 1921 г., Т.Ковальский вычленил в качестве "одной из самых выдающихся стилистических особенностей тюркской народной поэзии „дихотомическую структуру"" (по В.М.Жирмунскому – "двучленная структура"): "мысль, выраженная с наибольшей эмоциональностью, выделяется, насколько это возможно, при помощи симметричных с синтаксической точки зрения предложений" [Ковальский, с. 68; см. с. 66 – о "параллелизме синтаксической структуры, соблюдаемой весьма педантично, – два ряда параллельных грамматических форм, идентично сгруппированных"].

В средневековой тюркоязычной литературе разных периодов ученые также наблюдали синтаксический параллелизм в построении стихотворных сочинений различных жанров, начиная с древнетюркской руники, также в древнеуйгурской литературе, в частности – весьма широко в стихотворных фрагментах уйгурской версии путешествия Сюань-цзана [Тугушева 1970, с. 106, 107], для прозаической части этого же памятника характерен "прием ритмизованной прозы", используемый для усиления экспрессии [Тугушева 1980, с. 7]. Приведем примеры из руники: ...ырак ärсär, jаблаk аŋы бiрур || jаŋуk ärсär, ädgu аŋы бiрур (КТм 7) 'Кто живет далеко, [тому табгач] дают плохие дары || кто живет близко, (тому) дают хорошие дары' [Малов 1951, с. 28, 34–35]; körур көзiм көрмäз täг || bilip bilигiм bilмäз täг болты (КТб 50) 'зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел' [Малов 1951, с. 33, 43; Тенишев 1976, с. 167]; *köz-dä yaš kälsär tida köŋül-tä siyit kälsär yanturu saqintim (KT N 11)* 'when tears came down from the eyes, I mourned by holding them back, and then wails came out from the heart, I mourned turning them back' [Tekin 1968, с. 134].

В чагатайской и староузбекской поэзии для жанра газели отмечается "устойчивый параллелизм (= изоморфизм) сравниваемых понятий" [Иванов 1978, с. 156], в частности для газелей Бабура – "наряду с приемом полного текстуального повтора... прием, который можно назвать приемом частичного или переосмысленного повтора текста" [Стеблева 1982, с. 65].

Применительно к средневековым прозаическим сочинениям помимо "приема ритмизованной прозы", отмеченного в древнеуй-

гурской литературе Л.Ю.Тугушевой, А.Н.Кононов, относя "Возлюбленного сердец" Алишера Навои к особому жанру прозаических произведений, обратил внимание на его ритмические свойства: "это „стихотворение в прозе", так как почти во всех случаях конечное слово каждого предшествующего предложения рифмуется с конечным словом последующего предложения, что придает произведению особую художественную прелесть" [Кононов 1948, с. 5].

Явления параллелизма – синтаксического и семантического – были широко распространены также в истории такого иносистемного литературного языка, как немецкий: здесь высокому стилю были свойственны "параллелизм в построении малых и больших синтаксических отрезков и даже целых глав, их ритмическое членение, использовавшееся преимущественно в памятниках XIV, начала XV в.", в прозе XV в. [Гухман, Семенюк 1983, с. 181, 183]. Не отождествляя данный способ организации художественного текста с явлением фольклорным – сильно развитым ритмико-синтаксическим параллелизмом, нельзя, однако, не признать, что он сродни этому последнему.

С точки зрения лингвостилистической синтаксический параллелизм в художественном тексте возможно рассматривать и как средство изобразительности в синтаксисе ("наличие изоморфизма между ритмом, членением, порядком следования компонентов сегмента текста и характером описываемого процесса" [Долинин 1989, с. 42]).

К написанию своего главного сочинения – "Бабур-наме" – Бабур приступил, будучи уже поэтом, искушенным в разных поэтических жанрах; его творчество считается "вершиной развития классической тюркоязычной поэзии Средней Азии" [Стеблева 1982, с. 137][30]. Он в совершенстве владел приемами полного текстуального повтора, частичного или переосмысленного повтора текста [Стеблева 1982, с. 65]. Он владел искусством ритмического членения текста и осуществлял его с помощью параллелизма – лексического и смыслового, морфологического и синтаксического. Все эти приемы и умения, выработанные тюркским стихосложением, Бабур творчески применил в "Бабур-наме"[31] для организации прозаического текста.

---

[30] Существует, однако, и иное мнение: "Стихи Бабура не оригинальны, они полностью восходят к стихам Неваи. Однако между стихами Б[абура] и Н[еваи] все же есть разница... Б[абур] пишет проще, чем Н[еваи], и эта простота подкупает читателя больше, чем сложная техника Н[еваи]" [Самойлович. Ф. 671, № 87].

[31] Первым обратил внимание на симметричность ряда фрагментов текста "Бабур-наме" А.Н.Самойлович, в конспективных заметках которого находим запись: "Рифмованная проза? 51b *aŋiz qylyučy ...tiz qylyučy*. 52b 1-2 св.; 81a 7 сн.; 81b 4 сл. св.; 86a, b; 95b 4 сн...." [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 26].

Переходя к анализу данного способа организации текста "Бабур-наме", отметим следующее. В "Бабур-наме" широко распространены частичные (реже – полные) повторы словоформ в пределах одного простого предложения, а также так называемые "этимологические фигуры" – словесные повторы при аффиксальном варьировании повторенных словоформ внутри одного предложения, равно как и случаи без словесных повторов, но с богатой лексической синонимией (действительной и окказиональной) при морфолого-синтаксическом параллелизме компонентов двучленной структуры. Перечисленные случаи представляют собой как бы различные ступени приближения к параллелизму, синтаксическому или лексико-синтаксическому, см. [Благова 1990, с. 5–10], и на этом основании ниже они не рассматриваются: внимание здесь привлечено к наиболее ярким проявлениям ритмико-синтаксического параллелизма. Касаясь техники подачи текстового материала, следует отметить, что: а) в приводимых примерах и их переводах для показа границ двучленной структуры нами используются фигурные скобки обычно с двух сторон, а при дистантном расположении частей такой структуры – с четырех сторон, поскольку каждая часть оказывается заключенной в фигурные скобки; б) при контактном расположении для показа границы между частями внутри каждой такой структуры применяются две вертикальные параллельные линии; противопоставление внутри любой части структуры показано одной вертикальной линией; в) иногда для выделения текстового материала используется также подчеркивание. Перевод всюду, по возможности, буквальный, с попыткой сохранить порядок следования слов и синтаксический параллелизм оригинала.

Упомянем здесь только, что в известной мере ритмическое членение микротекста может обеспечиваться уже за счет этимологических фигур в ключевом звене синтаксиса тюркского предложения, а именно словесного повтора сказуемых при варьировании их грамматического оформления и соответственно различном синтаксическом функционировании (условное наклонение на *-sa* 1-е лицо ед. число, сказуемое придаточного условного II подчинения– будущее-желательное на *-γaj* 3-е лицо мн. число, сказуемое придаточного пояснительного I подчинения). Фактически в нижеприводимом примере можно видеть симметричное построение – две однотипные двучленные структуры, причем в каждой из них развивается по одному мотиву на основе противопоставления "я – они". Вместе с тем полный синтаксический параллелизм двух сложноподчиненных предложений, каждое – с придаточным условным, позволяет рассматривать эти сложноподчиненные предложения как две части большой двучленной структуры (в этой последней сло-

весные повторы – только подлежащее в обоих условных предложениях *men* ‘я’). См. *bir nečäni jaŋy bek qylynyb* (BN 295a$_2$: *qylylyb*) *edi meniŋ čäsmdaštym bulardyn mundaq edi kim { men oːtqa suya kirsam cyqsam || bi tähašy bular bilä kirgajlar wä bilä cyqyajlar } { men här saryya bolsam || alar meniŋ sary bolyajlar }* БН 382$_{9-11}$, BN 295a$_{2-4}$ ‘Нескольких [человек мы] произвели в новые беки. Надежда моя на них была такова, что { если я в огонь, в воду войду – выйду, || безотказно они вместе войдут и вместе выйдут }; { я в какой стороне [ни] буду || они на моей стороне будут }’. Повтор глагольных сказуемых (хотя бы и в разных грамматических формах) попарно в каждой из двух структур обеспечивает, во-первых, эмоционально окрашенный ритм фрагмента, во-вторых, ведет к известному совпадению частей структур в смысловом отношении, чему придавал значение В.Штейниц, исследователь параллелизма в карело-финской народной эпической поэзии [Steinitz 1934, с. 1].

Этот пример с этимологическими фигурами сказуемых в плане экспрессии оказывается более сильным, нежели случай почти полного текстуального повтора целого предложения. См. *{ afyanlar urušmaqdyn ‘ažyz bolsalar* (БН 182$_8$: *bolsa*) *yanimlariniŋ alyda ot tyšlab kelur emiš } ja‘ni men seniŋ ojuŋ dur men degan emiš bu räsmny anda körduk { ‘ažyz bolyan afyanlar ot tyšlab keldilar }* БН 182$_{7-10}$, BN 147a$_{12-14}$–b$_{1-2}$ ‘{Афганцы, когда бессильны выдерживать бой, приходят, оказывается, к своим врагам, держа в зубах траву }, т.е. они как бы говорят: ”я – твой бык”. Этот обычай мы увидели там: { обессилевшие афганцы пришли, держа в зубах траву }’.

Первая часть двучленной структуры, которая занимает дистантное положение относительно второй ее части, представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия. Вторая часть этой структуры – распространенное простое предложение, – как бы ”свернутый” аналог первой части: причастное (на *-yan*) определение к подлежащему во второй части можно рассматривать как ”трансформировавшуюся” условную форму сказуемого придаточного предложения первой части; при ”свертывании” оказались утраченными также косвенные дополнения *urušmaqdyn* ‘от войны’, *yanimlariniŋ alyda* ‘перед врагами’. Полностью совпадают в обеих частях подлежащие *afyanlar* ‘афганцы’, деепричастная конструкция *ot tyšlab* ‘держа в зубах траву’, а лексически – также и сказуемые, которые различаются своим морфологическим оформлением (время и модальность, ед. и мн. число).

В приводимых ниже примерах (один из прямой речи автора) син-

таксический параллелизм действует в пределах двух простых предложений при довольно точном совпадении морфологической канвы, но без словесных повторов. Вместо них используется либо тематически близкая лексика (а), либо синонимы – как действительные, так и окказиональные для данного микротекста (б). См. а) *söz anyŋ* (BN 159a$_5$ некорректно: *söznіŋ*) *sözi edi* || *iš anyŋ iši edi* БН 197$_{15}$, BN 159a$_5$ 'Слово решалось по-его, || дело делалось по-его (букв. слово было его словом, || дело было его делом)'; (б) *men dedim kim { saltanat wä ǯähangirlyq bi asbab wä alat däst bermas || padišahlyq wä amirlyq bi nukär wä wilaja:t mumkin ermas }* БН 382, BN 295a 'Я сказал: { царствование и покорение мира без орудий приготовления и без снаряжения не удается || быть государем и полководцем без воинов и без владений невозможно }'. Сказуемые в обоих предложениях последнего примера представлены в отрицательных формах настоящего-будущего времени 3-го лица ед. числа (окончание *-mAs*), хотя в первом предложении сказуемое глагольное, во втором – именное (с отрицательной связкой). Пары однородных подлежащих в обоих предложениях почленно синонимичны между собой (*saltanat – padšahlyq* 'царствование'; *ǯähangirlyq* 'покорение мира' – *amirlyq* 'полководчество'), причем три из четырех подлежащих имеют в своем составе аффикс *-lyq*. Пары однородных косвенных дополнений в обоих предложениях с точки зрения окказионально-функциональной также могут считаться почленно синонимичными между собой (*asbab* 'орудия приготовления' – *nukär* 'воины', *alat* 'снаряжение' – *wilaja:t* 'владения'), а компонентом их грамматической формы в обоих случаях является персидский предлог *bi* 'без'.

Приведенный случай синтаксического параллелизма, фактически без словесных повторов, но с богатой лексической синонимией, действительной и окказиональной, обеспечивает эмоционально окрашенный ритм и экспрессивность прямой речи автора.

Можно заметить, таким образом, что в группе рассмотренных выше примеров ритмико-синтаксический параллелизм проявляется либо в условиях словесных (почти полных или частичных) повторов, либо при использовании синонимов (действительных или окказиональных), т.е. при отношениях известного смыслового взаимодополнения.

В другой группе примеров, которые будут рассмотрены ниже, ритмико-синтаксический параллелизм проявляется в условиях антонимичности – как лексической и смысловой, так и грамматической (эта последняя может сопровождаться и словесными повторами). Здесь налицо отношения противопоставления, контрастности, за счет которых достигается усугубление экспрессивности.

Ритмизованное противопоставление – весьма распространенный прием организации текста "Бабур-наме". Этимологические фигуры служат одним из средств осуществления этого приема. Приведем лишь одну типичную для "Бабур-наме" разновидность – эти цели достигаются здесь за счет окказионального словесного противопоставления: *bir* 'один' – *iki* 'два', *baš* 'голова' – *ajaq* 'нога', *taš* 'камень' – *tajaq* 'палка' (условность подобного противопоставления видна хотя бы из того, что последняя пара слов узуально выступает в соположении: *... taš wä tajaq bilä ölturdilar* БН 103, BN 84b '... убивали камнями и палками'). Грамматически варьируются: (а) сказуемые главного предложения и придаточного условного (условное наклонение *-sA* – неопределенный имперфект *-Ar edi*), (б) сказуемое главного предложения и зависимое сказуемое причастной конструкции (будущее-желательное *-γaj* – причастие в местн. падеже *-γanda*). См. примеры: а) *šatranžγa köp mäš'uf edi* { *el bir elik bilä ojnasa* || *ol iki elik bilä* (BN 173a$_5$ некорректно: *iki bilä elik*) *ojnar edi* } *här neča* (BN 173a$_6$: *här hečük*) *köŋli tilar ojnar edi* БН 216$_{20-22}$, BN 173a$_{5-6}$ 'Он был безумно увлечен шахматами { Люди одной рукой если играли | он двумя руками постоянно играл }. Играл, сколько душа его захочет'.

Во втором примере (б) ритмико-синтаксический параллелизм выявляется в двучленной структуре с полным синтаксическим изоморфизмом (два полипредикативных предложения), почти полным текстуальным повтором и поддерживается наличием глагольных этимологических фигур внутри каждой из двух частей этой структуры. См. (б) *...šäjbani ḫan dek γanimniŋ üstiga 'azim bolγanda* { *el ajaq bilä barγanda* | *biz baš bilä barγajbyz* || *el tajaq bilä barγanda* | *biz* (БН 202$_{20}$ некорректно: *bir gina*) *taš bilä barγajbyz* } БН 202$_{18-20}$, BN 163a$_{2-4}$ 'Когда отправились [в поход] на такого врага, как Шейбани хан, { если люди шли ногами, | мы пойдем головой, || если люди шли с палками, | мы пойдем с камнями }'. В этом почти фольклорном микротексте обе части двучленной структуры между собой почленно рифмуются (*abab*) рифмой глубокой – настолько, что эти части фактически различаются лишь отдельными звуками (0 – *t-*; *b-* – *t-*), см.

el ajaq bilä barγanda | *biz baš bilä barγajbyz*
el tajaq bilä barγanda | *biz taš bilä barγajbyz* [32].

[32] А.Н.Самойлович [Ф. 671, № 85, с. 4] к этому фрагменту, так им изображенному, поставил вопрос: "Стихи?".

Такая же рифмовка (*abab*) налицо в другой двучленной структуре (каждая ее часть – сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным), где смысловое противопоставление внутри каждой части достигается за счет использования окказиональных антонимов – подлежащих, именных сказуемых. См. *šah ɣarib mirza... bükri* (BN 166a$_6$ некорректно: *nukri*) *edi* { *agärčä hajaty jaman edi* | *tab'i ɧob edi* || *agärčä bädäny natawan edi* | *kälami märɣub edi* } БН 206$_{18-21}$, BN 166a$_{6-7}$ 'Шах Гариб мирза... был горбуном. { Хотя фигура у него была плохой, | способности у него были хорошие. || Хотя тело его было немощным, | речь его была прекрасной }'.

Нагнетение антонимов (их в следующей двучленной структуре четыре пары) при противопоставлении положительной и отрицательной форм глагола в двух частях этой структуры наблюдается в прямой речи автора, которая благодаря этому приобретает эмоционально остро окрашенную ритмичность, экспрессивность. См. *men därwiš muɧämmädqa dedim kim qutluq ɧoǯanyŋ saqalydyn ujat* { *därwiš wä qary wä aq saqallyq hamišä čaɣyr ičar* || *sen sipahi wä jigit wä qapqara saqallyq härgiz ičmas sen* } *ne mä'ni* БН 310, BN 240b 'Я сказал Дервишу Мухаммеду: "Постыдись бороды Кутлук Ходжи! { Он, дервиш и старик с белой бородой, всегда пьет вино. || Ты, воин и молодой человек с черной-пречерной бородой, никогда не пьешь }. Какой [в этом] смысл?'.

Внутренняя речь автора также характеризуется наличием синтаксического параллелизма, с употреблением большого числа антонимов, что обусловливает контрастность речи, ее эмоциональную остроту. Рассказывая о своем зимнем переходе из Герата в Кабул, во время которого войско Бабура в горах застиг сильнейший снегопад, автор пишет: *bir neča dedilar kim ɧawalɣa baryŋ barmadym köŋülga kečti kim* { *barča el qarda wä čapqunda* | *men ysyq üjda wä istirahat bilä munda* || *barča ulus täšwiš bila musäqätta* | *men munda ujqu bilä faraɣatta* } *muruwwät jyraq wa hämǯihätlyqtyn qyraq iš tur* { *men häm här täšwiš wä mušäqät bolsa kürajin* | *här nečük el taqat qylyb tursa turajyn* } *bir farsi mäsäl bar* (BN 194b$_5$ некорректно: *naz*) *märg ba jaran su:r ast ošandaq čapqunda qazɣan jasaɣan čuqurda olturdum* БН 246$_{2-8}$, BN 194b$_{1-6}$ 'Несколько человек говорили: "Идите в пещеру (хавал)!". Я не пошел. До сердца дошло: { Все люди – на снегу, на метели, | я – в теплом месте и при отдыхе здесь. || Весь народ – в беспокойстве и тяготах, | я – здесь, в покое и сне }. Это дело, далекое от доблести и сокрушающее единую линию (букв. единонаправленность). { Какие ни будут беспокойства и трудности, я тоже [их] испытаю. | Что

только ни терпят люди, я вытерплю }. Есть персидская поговорка: "Смерть с друзьями – пиршество". Вот в такую-то метель сидел я в вырытой и устроенной [мною] яме'.

В приведенном фрагменте налицо целых три двучленные структуры. Первые две следуют непосредственно одна за другой. Они взаимосвязаны между собой как содержательно, так и посредством ритмико-синтаксического параллелизма. В них одинаковы по своему строению именные сказуемые (имена или указательные местоимения в местном падеже, эллипсис глагольной связки). В силу концевой позиции сказуемого варианты аффикса местного падежа выступают в качестве своего рода рифмы, см. а) *čapqun-da – mun-da* при одинаковых фонетических условиях присоединения этого аффикса – *-un-da*; б) *musäq-ät-ta – faraɣ-at-ta*, где глубокая рифма охватывает не только аффикс местного падежа, но также арабский показатель мн. числа *-at*, он присоединяется в почти равных фонетических условиях окончания основ на звукосочетания *-aq* ∞ *-aɣ*. Каждая из этих структур резко контрастна (внутри своей пары). Контрастность достигается за счет мнимого противопоставления *barča el* 'все люди', *barča ulus* 'весь народ' – *men* 'я', в соответствии с которым осуществляется поляризация словесного материала, нагнетение антонимов, действительных и окказиональных. Здесь противопоставляются такие функциональные "антонимы": *qarda* 'в снегу, на снегу' – *ysyq üjda* 'в теплом месте (букв. доме)'; *čapqunda* 'на метели' – *istirahat bilä munda* 'при отдыхе здесь' (*munda* 'здесь' – субститут *ysyq üjda* 'в теплом месте'), *tašwiš bilä mušäqätta* 'в беспокойстве и тяготах' – *munda ujqu bila faraɣatta* 'здесь в покое и сне'.

От двух рассмотренных третья двучленная структура отделяется одним лаконичным простым предложением, как бы выпадающим из ритмической прозы с ее экспрессивностью не только по своей форме, но и по мужественной трезвости смысла – это заявление автора, содержащее категорическую, весьма негативную оценку вышеизложенного мнимого противопоставления: *muruwwät jyraq wä hämžihätlyqtyn qyraq iš tur* 'Это дело, далекое от доблести и сокрушающее единую линию'.

В третьей двучленной структуре, где мнимое противоречие снято, излагается действительная точка зрения Бабура, вполне соответствующая этикету поведения. Таким образом две первые структуры создают своего рода мнимо отрицательный фон, противоречащий этикету поведения, тем самым усиливается положительный эффект третьей двучленной структуры и достигается острая экспрессивность внутренней речи. Положительный эффект закрепляется приводимой далее в тексте персидской пословицей ("Смерть

с друзьями – пиршество") и скромной констатацией автора, у которого слово не расходится с делом ("В такую-то метель сидел я в вырытой и устроенной [мною] яме"). Благополучный исход описываемого эпизода также дается при использовании приема ритмико-синтаксического параллелизма, см. БН 247, BN 195b.

В обширном фрагменте текста, построенном на полной симметричности авторского сопоставления двух ситуаций (своей и Султан Хусейна), используется параллелизм лексический и синтаксический, подчеркиваемый к тому же двойной нумерацией рассматриваемых параллельных мотивов (БН 104–105, BN 85a–b), см. выше § 1, с. 158–159.

Проведенный выше анализ показывает, как разнообразны в "Бабур-наме" конкретные проявления ритмико-синтаксического параллелизма, а вместе с тем – насколько мастерски владел Бабур как поэт разновидностями ритмико-синтаксического параллелизма, как умел он при этом добиваться ритмического звучания и соответственно – эмоциональности своей прозы.

Естественно, что ритмически организованные микротексты на фоне прозы, для организации которой данный прием не применялся, дополнительно приобретали стилистическую значимость. Так, усиление экспрессивности повествования происходило благодаря эмоционально окрашенному ритму и смысловым сближениям на основе взаимодополнения (при использовании синонимов, действительных и окказиональных) или же смысловым противопоставлениям на основе контрастности (при использовании антонимов – лексических и грамматических).

РАЗДЕЛ II. АВТОРСКОЕ СЛОВО В ТЕКСТЕ И СТИЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Всеми исследователями отмечалась изящная простота и, следует добавить, сдержанность стиля "Бабур-наме". Бабур словом и делом откликнулся на призывы почитаемого им старшего современника Джами "к умеренности в использовании риторических средств художественной изобразительности в поэзии, призывы, идущие вразрез с бурным развитием формализма и риторизма в литературе его времени" [Болдырев 1969, с. 149].

В настоящей главе была предпринята попытка раскрыть ту систему языковых средств, посредством которых автор достигал эффекта простоты, а в отдельных местах даже создавал впечатление известной близости к разговорной речи (в области синтаксиса, фразеологии, просторечных личных имен и прозвищ; см. об этом также ниже). Наблюдения, которые были получены благодаря проведенному

в данной главе исследованию, ложатся в общую "копилку" изучения стиля "Бабур-наме" и показывают этот стиль как систему достаточно сложную и индивидуальную, не укладывающуюся в однозначные дефиниции ("стиль – эпический", "изобразительно-повествовательный стиль языка произведения" [Назарова 1979, с. 154]). Как показано выше, конститутивными, строевыми ингредиентами стиля "Бабур-наме" в целом являются два типа (I, II) эпического повествования с прямой или косвенной субъектной отнесенностью обоих их к 1-му лицу, с их сложными переплетениями и взаимодействиями, что во многом определяется отношениями адресант–адресат и характером языкового выражения этих отношений: соотношение авторского слова, авторской косвенной и прямой речи (в том числе риторических вопросов) и чужого слова; новаторские цитации документов и автоцитации личных посланий самого Бабура, стихотворные автоцитации. Широко используемая здесь синтаксическая изобразительность, особенно параллелизм – синтаксический, морфологический, лексический и семантический, придавая эмоционально окрашенный ритм определенным фрагментам текста "Бабур-наме", также в конечном счете характеризуют его стиль. Точно так же характеризует этот стиль и прямая противоположность эмоционально-ритмическим средствам – сухая, почти канцеляристски разветвленная сеть ссылок на предыдущий текст и отсылок на последующий или же рубрикация – логически строгое разбиение текста на пункты (нередко с их порядковой нумерацией). Другой ингредиент стиля "Бабур-наме", придающий его тексту неповторимую средневековую, местами – и традиционно-религиозную окраску, – это огромный массив употребительных здесь литературно-языковых формул.

Новаторство Бабура в области стиля тем явственнее, что он в данном своем сочинении совсем не пытался добиться некоего формального совершенства – той (подчеркнутой) "литературности" стиля, откровенно противопоставляемого обыденной речи, к которой так стремились его современники – придворные литераторы. В силу своего социального положения всеми доступными им средствами стремясь оправдать полученный социальный заказ, они вынуждены были предпочитать стилистически возвышенные риторические построения с мудреными аллегориями и диковинными метафорами, с применением максимального количества арабизмов и фарсизмов. Именно этот цветисто-изощренный возвышенный стилистический фон литературного средневековья позволяет по достоинству оценить простоту и сдержанность стиля "Бабур-наме", свободного от избыточной образности и метафоричности, т.е. без искусственного нагнетения сравнений, метафор, эпитетов.

Достаточно сослаться только на один пример. Без использования каких-либо образных средств, строго по-деловому описан в "Бабур-наме" драматический эпизод походной жизни автора в Хиндустане. Внезапно начавшаяся страшная буря и тропический ливень опрокинули шатер Бабура в то время, когда он там сидел за писанием книги (возможно, "Бабур-наме"?), в результате затопленными оказались все его бумаги и записи, и император Хиндустана до рассвета не спал, занятый просушкой листов своего труда при свете свечи в наспех поставленной складной палатке (БН 487, BN 376b, [Бабур-наме 1958, с. 427]; частично этот текст воспроизведен в гл. I, с. 61). Автор остается здесь верен художественному вкусу и такту: он умеет использовать экспрессию и эмоциональность стиля, когда это касается многих персонажей (особенно отрицательных, см. ниже) его повествования, но в случаях, когда речь идет о нем самом, Бабур, как правило, сдержан и фактографичен (см. также приводимое в сочинении его послание, в котором рассказывается о попытке отравить его блюдами индийской кухни – БН 395–398, BN 305a-b–307a). Противопоставление такой эмоциональности, с одной стороны, и сдержанности стиля, с другой, – это также один из приемов, позволяющих лепить величественный, суровый и человечный образ справедливого монарха – воина и писателя, умеющего достойно выдерживать удары судьбы.

При исследовании авторской речи, т.е. собственно повествования, различают "два аспекта: номинативный, или изобразительный, и коммуникативный, создающий наряду с другими уровнями образ повествователя. При этом средства словесной изобразительности в то же время характеризуют повествователя и, следовательно, участвуют в формировании коммуникативного аспекта" [Долинин 1989, с. 41].

Такие важные синтагматические средства словесной изобразительности, как полный или частичный текстуальный повтор, синтаксический параллелизм, рифма, основанная на повторе или частичной фонетической эквивалентности, здесь специально не рассматриваются, поскольку они достаточно детально проанализированы выше, в разделе I, гл. III, § 3. По той же причине не рассматривается здесь и такой способ выражения эмоциональности стиля, как риторический вопрос (см. гл. II, § 1_4).

§ 1. Средства словесной изобразительности

1. Меры расстояния в идиолекте воина

К числу таких номинативных средств, неожиданно обладающих резко индивидуализированной изобразительностью, принадлежат своеобразные меры расстояния и отсчета времени по солнцу. Если русский крестьянин конца XIX – начала XX в., определяя время по солнцу, говорил: "солнце на три дуба поднялось" [Бунин 1966, с. 149], то Бабур, воин и полководец, для этих же целей измерял высоту подъема солнца копьем[33] (*näjzä*), см. *aftab bir näjzä boyy čyqyb edi kim...* БН 153, BN 125a; БН 345, BN 267a ʿСолнце поднялось на высоту одного копья, когда...', см. еще БН 283, BN 221b. В древнетюркской рунике отразился обычай воинов промерять копьем глубину снега, см. ... сӱӈӱг батымы қарыӷ сӧкипän... (КТб 35) ʿ... проложив дорогу через снег глубиной с копье...' [Малов 1951, с. 32, 41]. В "Бабур-наме" длиною копья измеряется также и расстояние; рассказывая о том, как хорошо носорог бьет своим рогом, автор иллюстрирует это таким примером: *bir awda mäqsud atlyq čohränin atny* (так по обоим спискам!) *šaḫi bilä bir näjzä boyy tašlady* БН 357, BN 276a ʿОднажды на охоте [носорог] своим рогом отбросил на длину копья лошадь одного оруженосца по имени Максуд'.

Заметим сразу, что подобного рода номинативные средства могли быть связаны не только со старинной литературно-языковой традицией, но, возможно, поддерживались и узуальными для языковой практики средневековья стилистически нейтральными и вместе с тем бесспорно изобразительными способами словесного выражения измерений разного рода. Так, в "Бабур-наме" количество воды в источнике или в реке измеряется на "мельницы" (т.е. количество воды, достаточное для того, чтобы обеспечить работу одной водяной мельницы, и т.д.). См. примеры: *bu čäšmänin sujy jarym tegirman sujyga jawušur* БН 429, BN 328a ʿВоды из того источника хватило бы на полмельницы'; *bir aryamčy bäländ qäjadyn bir tegirman sujy šaryldab tüša dur* БН 445, BN 343b ʿСо скалы высотою более чем двадцать локтей (чаг. *aryämčy* ʿверевка или канат длиною более 20 локтей' [Буд. I, с. 29]; "аргамчи – мера длины в

[33] В свой ассоциативный ряд воина Бабур включил и сообщение о том, что топоним Ташкент в некоторых книгах пишут *šaš*, а в других – *čač*, добавляя при этом: *käman-i čači*: *andyn 'ibarät tur* БН 7, BN 6a ʿотсюда пошло выражение "чачский лук"'(т.е. название оружия).

„(шерстяную) веревку", трудно определимая. Обычно это – длина конской привязи, т.е. 3–4 м" [Бабур-наме 1958, с. 476]), клокоча, низвергался [поток] воды, достаточной на одну мельницу'

Высокочастотна в "Бабур-наме" другая мера расстояния, также принадлежащая образной системе писателя с психологией воина: *oq atymy* 'расстояние на выстрел стрелы' [Буд I, с. 10]. Тюрк. *oq* может заменяться довольно часто на перс. *tirgez* 'стрела без пера и железка'[34] (см. *oq gez* 'стрела без пера и железка' [Буд. I, с.143]) или перс. *gez* то же, а в единичных случаях – на ар. *nišab* 'стрела'. См. примеры: а) *quryandyn ärja bir oq atymy bolyaj* БН 5, BN 4a 'Река находится примерно на расстоянии полета стрелы от крепости [Ходженд]', см. еще БН $131_{6-7,\ 8-9}$ (оба раза некорректно: *bir oq atym*), BN $106b_{11,\ 13-14}$; БН 184, BN 148b; БН 195, BN 157b; БН 342, BN 264b; БН 491, BN 379b; БН $140_{6\ 7}$, но BN $115a_{14}$ описательно: *oq jetar jerga* 'в то место, куда долетает стрела'; б) *bhiränin jawuyyda bir tir gez atymy jerdin köprük guzär joq edi* БН 289, BN 226a 'Вблизи Бхиры на расстоянии более, чем полет бесперой стрелы, переправы не было', см. еще БН 110, BN 90a; БН 295, BN 230a; в) *bir gez atymy* (BN $357a_5$ некорректно: *bir atymy*) *jer kelib tä'zim qylyb jandy* БН 461_{23}, BN $357a_{5-6}$ 'Подойдя на расстояние полета бесперой стрелы, он отвесил поклон и отступил', см. еще БН 166, BN 135a, см. также в сочетании с именем: *bir gez atymy inčka tänap* BN $142a_{13}$ (в БН 176_{1-2} *tänap* пропущено) 'тонкая веревка длиною в полет бесперой стрелы'; г) *...bir nišab atymy kejinimizča keldilar* BN $107b_5$ '... они подъехали нам вслед на расстояние полета стрелы' (в БН 132_5 чтение некорректное: *bir jyyač jol kejinidin keldi*). Такое словоупотребление могло поддерживаться действием старинной письменной (а, возможно, и обиходно-речевой) традиции, см. *bir oqtam jer* 'расстояние, измеряемое полетом одной стрелы' (МК I 107) при *oqtam* 'полет стрелы' [ДТС, с. 370]; см. каз. *ақ атым жер* то же. Ср. русск. *стре́лище, стрельбище* "расстоянье полета стрелы" [Даль IV, с. 345].

Единственный раз в "Бабур-наме" встретилась еще одна мера расстояния, аналогичным образом сконструированная, только вместо слова "стрела" в ней представлено – "ядро" (букв. "камень") – "расстояние на выстрел ядром", см. в рассказе о страшном землетрясении в Афганистане: *pämyan bilä bektut arasyda bir pärčä jer kim 'ärzi bir gina taš atymy bolyaj učub bir oq atymy qujy bardy* БН 195, BN 157b 'Между селениями Памган и Бектут об-

[34] М.А.Салье истолковывает сочетание *oqy wä tirgezi* БН 23_{20}, BN $19a_1$ как 'его пернатая и бесперая стрела' [Бабур-наме 1958, с. 29].

рушилась (букв. полетела) глыба земли, ширина которой составляет, наверное, как раз расстояние на выстрел ядра (букв. камня), и она ушла вниз на расстояние выстрела стрелы'.

Употребление в очень небольшом микротексте (одном сложноподчиненном предложении) двух "военизованных" мер расстояния (расстояние на выстрел ядра, расстояние на выстрел стрелы), равно как и довольно частое употребление их вообще в тексте "Бабур-наме", причем также и при изложении событий, тематически совсем не связанных с войной и военными действиями (см. БН 166, BN 135a; БН 176, BN 142a; БН 184, BN 148b; БН 187, BN 151a; БН 461, BN 357a; БН 491, BN 379b), или при описаниях географических (см. БН 5, BN 4a; БН 195, BN 157b; см. также отсчет времени по солнцу, поднявшемуся "на высоту копья": БН 153, BN 125a; БН 345, BN 267a), придает повествованию особый, воинственно суровый колорит и внушает читателю мысль, что сочинение написано человеком с "солдатской косточкой", полководцем по призванию.

Как видим, данное средство словесной изобразительности – именно благодаря выбору единицы плана выражения – в конечном счете несет в себе определенную характеристику повествователя, с формальной точки зрения обнаруживая известную близость к компаративному тропу (см. ниже).

2. Сравнение и противопоставление

"Бабур-наме" в основной своей части при изложении событий совсем не изобилует яркими сравнениями и прочими красотами стиля. Компаративные конструкции здесь немногочисленны, лаконичны, по своей языковой структуре адекватны либо словосочетанию, либо простому предложению. Используются они в тех фрагментах текста, по содержанию которых требуется особая выразительность. См., например, в рассказе о первой страстной влюбленности юного Бабура: *tilbälar dek jalγuz pašta wä däštqa barur edim gahi bayat wä mähällatni köča köča iɳtijar qylur edim* (BN $76a_9$ некорректно: *iɳtijarwär edim*) { *ne jürumakta iɳtijarim bar edi ne olturmaqta* || *ne barmaqta* (БН 93_{18-19}: пропуск двух последних слов) *qärarym bar edi ne turmaqta* } БН 93_{17-19}, BN $76a_{8-11}$ 'Подобно сумасшедшим, ходил я холмами и степью, иногда предавался блужданию (букв. многократно перекочевывая) по садам и кварталам. { Ни двигаться у меня не было воли, ни сидеть. || Ни в хождении не было мне покоя, ни в стоянии }'. Здесь изобразительность сравнения поддерживается синтаксической изобразительностью, а именно синтаксическим параллелизмом двух заключительных предложений, построенных в этом фрагменте при исполь-

зовании персидского отрицательного союза *ne... ne...* ʿни... ни...'; он показан фигурными скобками и двумя параллельными вертикальными линиями, разделяющими две части двучленной структуры[35]. Относительно объединения различных средств словесной изобразительности, которые при восприятии, усиливая друг друга, тем самым навязывают читателю определенное впечатление, см. [Долинин 1985, с. 266–267]. См. еще примеры сравнения при изложении событий: *tilba itlar dek özbeklarni kөčä sajylarda* (БН 103_{15} вместо двух последних слов: *sajyn*) *taš wä tajaq bilä ölturdilar* БН $103_{15\text{-}16}$, BN $84b_{3\text{-}4}$ ʿВдоль по улицам узбеков, словно бешеных собак, побивали камнями и палками'; *bu ḫäbär kelgan bilä o:tqa suw uryan dek basyla qalqylar* БН 194, BN 156b 'Как только пришло это известие [о гибели Хусрау шаха], [моголы] присмирели, словно на огонь плеснули водой', см. о том же образе с. 360. Как видим, в обоих случаях для сравнения здесь используется послелог *dek* 'как, подобно, словно'.

Сравнение оказывается высокочастотным приемом в другом типе текста "Бабур-наме", а именно при описании той или иной области, страны и особенно при описании Хиндустана, его фауны и флоры. Описание это построено таким образом, что почти о каждом животном, птице или растении сообщается, с чем их можно сравнивать "в наших землях (= тех землях)", т.е. в Мавераннахре. Из языковых средств для выражения сравнения используются послелоги *dek* ʿкак, подобно' и *baqa* ʿпо сравнению с чем-либо' (с дат.-напр. падежом; букв. ʿглядя на что-либо'), аффиксоид *-ča*, конструкция с исх. падежом объекта сравнения и прилагательным, снабженным аффиксом *-rak*. См. примеры: а) простые предложения: *biznің wilajätlarya baqa özga* (БН 352_{16}: *özgača*) ʿ*alämi dur* БН $352_{15\text{-}16}$, BN $272a_{11}$ ʿ[Хиндустан] по сравнению с нашими землями – это иной мир'; *jinä nilägau dur bäländliyi at ča bolyaj atlyn bir nimä inčkarak tur* БН $357_{18\text{-}19}$, BN $276a_{3\text{-}4}$ (именное сказуемое пропущено) ʿеще есть нилгау: высота его приблизительно с коня, телом он тоньше коня'; б) причастная конструкция (с *dek*): ʿ*äjbi bu dur kim čini: synuyyny mis täbäqqa tartqandek* (BN $278b_{2}$: *tartaqandek) köp naḫoš wä tez öni bar* БН $360_{22\text{-}23}$–361_{1}, BN $278b_{2\text{-}3}$ ʿНедостаток [этой разновидности говорящих попугаев] тот, что у них очень неприятный пронзительный голос, словно фарфоровым че-

[35] См. еще пример синтаксического параллелизма при использовании персидского отрицательного союза *ne... ne* ʿни... ни': *tar kučäda atlyq el tyqyldylar turdylar* { *ne ilgari jüruj aladurlar* || *ne kejinga jana aladurlar* БН 251, BN 198b ʿВ тесной улице набился и стоял конный люд: ни вперед не могли двинуться, ни назад отступить'.

репком водят по медному блюду'; в) придаточное именное уступительное: *jinä hindustan bäqalary agärčä ošal bäqalar dek tur wäle bu bäqalar suwnyŋ jüzida jetti sekiz qary jügura durlar* БН 366, BN 282b ʿЕще хиндустанские лягушки, хотя они – как те именно лягушки [т.е. как лягушки в Мавераннахре], однако эти лягушки пробегают по воде семь–восемь кари' (кари – мера длины около 70 см [Бабур-наме 1958, с. 439]). Примеры см. также БН 362, BN 279b; БН 363, BN 280b; БН 365–366, BN 282b.

На сопоставлении явлений жизни человека и окружающей его природы, а конкретно – на приписывании молвой болезни людей ("лихорадки") воробьям основывается компаративный троп (см. [Долинин 1985, с. 259 и сл.]), призванный иронически усиливать впечатление о гнилостности воздуха в Ходженде, о чем речь идет в следующем примере: *küzlar bezgak köp bolur andaq riwajät qyldylar kim čupčuk bezgak bolyandur* БН 5, BN 4a ʿОсенью [в Ходженде] много [заболеваний] лихорадкой; так рассказывают, что [даже] воробьи лихорадкой болели'.

Излюбленным в "Бабур-наме" способом усиления эффекта при характеристике человека, при оценке тех или иных его действий служит противопоставление положительного и отрицательного факторов, нередко сопровождаемое обыгрыванием словесных повторов или этимологических фигур (и те, и другие подчеркнуты в приводимых ниже примерах). Так, говоря о царедворцах своего отца, Омар Шейха, – Али Дуст Тагае и Канбар Али, Бабур замечает: *elikidin iš kelur dedilar bunča jyl kim meniŋ qašymda edi hič andaq iš zahir bolmady kim desa bolyaj* БН 18, BN 14b–15a ʿИз его рук дело выйдет, – говорили. За столько лет, когда он был при мне, никакого такого дела не обнаружилось, чтобы можно было бы говорить'; *iška jetkunča ihtimami jaḫšy edi iška jetkan mähälda qaltayajlyyy bar edi* БН 19, BN 15b ʿДо сражения пока [не] доходило, он выказывал усердие хорошо; до сражения когда дошло, был трусоват' (чаг. *qaltayajlyq* ʿленость, нерадение, трусоватость' [Буд. II, с. 22]); о царевиче Музаффар мирзе: *sultan husäjn mirzaniŋ sewukluk oyly bu edi agärčä ḫäjli sewgudek aḫlaq wa af'ali häm joq edi* БН 207, BN 166a ʿЛюбимый сын Султан Хусейн мирзы был этот, хотя и не было у него [таких] качеств и поступков, [за которые стоило бы его] сильно любить'. Последние два примера несколько схожи между собой синтаксическим рисунком именных фраз. Но в одном из них противопоставление реализуется за счет именных сказуемых, положительного и отрицательного (*...joq edi*), а в другом – за счет использования окказиональных антонимов (*ihtimami* ʿего усердие, рвение' – *qaltayajlyyy* ʿего нерадение, трусость').

Противопоставление "высоких" качеств, соответствующих высокому положению Султан Хусейна в тимуридской иерархической лестнице, и отрицательной оценки его действий заложено в рассказе Бабура об этом султане; языковое выражение этого противопоставления осуществляется лексическими и грамматическими средствами. См. *sultan husäjn mirza dek sahib-i täğribälyq padšahdin kim šäjbaq* (БН 108_1: *šäjbani:*) *ḫannyŋ af'al wä atwarini mirzadin jaḫšyraq kiši bilmas edi hič kiši kümakka* (БН 108_3: *kümak*) *kelmadi* БН 108_{1-3}, BN $88a_{6-8}$ 'От такого опытного государя, как Султан Хусейн мирза, лучше которого никто не знал дел и повадок Шейбак хана, ни один человек не пришел [нам] на помощь'; *sultan husäjn mirza dek märdanä wä uluq padšah bu iki üč jürušda* (БН 206_4: *urušda*) *padšahanä 'äzmini* (BN $165b_7$: *'azmi*) *bäğaj kelturmaj hič išni bütkarmaj jandy* БН 206_{3-4}, BN $165b_{6-7}$ 'Такой благородный и великий государь, как Султан Хусейн мирза, в эти два–три похода (БН: войны) не осуществив свое царственное решение, отступил, не завершив никакого дела'. О царевичах, сыновьях Султан Хусейна: *rämäzan dek mutäbäräk wä 'äziz ajyya bir kečalik fyrsat qalyb atasydyn imanmaj teŋridin qorqmaj hänuz* (БН 52_4 вместо *hänuz: qylur*) *iši čayyr ičmak edi* БН 52_{3-4}, BN $41b_{9-10}$ 'До такого священного, почитаемого месяца, как рамазан, оставалось благоприятного времени с один вечерний промежуток, а они, не совестясь отца, не боясь бога, только и делали, что пили вино'. Еще примеры противопоставления см.: БН 151, BN 123b; БН 253, BN 200b.

§ 2. О коммуникативной значимости стиля "Бабур-наме"

Ниже мы остановимся на тех чертах словесного стиля "Бабур-наме", которыми усугубляется личностная характеристика автора-повествователя, а именно: (1) словесное выражение его отношения к своим врагам; (2) языковое выражение эмоциональности (а отчасти – также и оценочности) стиля. Что же касается тенденции в отборе лексики, то она рассматривается в главе IV.

1. Словесное выражение отношения автора к врагам

Внушить читателям ненависть или, по крайней мере, неприязнь к заклятым врагам Бабура призвано обращенное к эмоциям читателя частотное использование пейоративных прозвищ[36]. Султан Ах-

[36] Частотное использование такого необычного для средневековотюркской литературы пласта антропонимии, как прозвища, не могло не привлечь внимания столь

мед Могол, крупный феодал, родственными узами связанный с придворными кругами правившего тогда могольского хана, конфронтировал с молодым Бабуром и в конечном итоге захватил его наследный удел Андижан. Бабур именует его не иначе, как перс. *tänbäl* ʿленивый' [Гафф. I, с. 184], ʿленивый, неповоротливый; (мет.) тучный, невежа' [Буд. I, с. 379]; ср. уйг. диал. *tamāl* (*tämbāl*) ʿHose' (ʿбрюки, штаны') [Le Coq 1911, с. 87]. В отношении других лиц слово это в "Бабур-наме" часто используется нейтрально – в значении "тучный". Так, говоря о своем отце Омар Шейх мирзе, автор пишет: *quba* (БН 8_{13} некорректно: *quja*) *jüzluk tänbäl kiši edi* БН 8_{13}, BN $6b_{14}$ ʿэто был белокурый (так! см. [Буд. II, с. 69]) тучный человек', см. аналогичное словоупотребление: БН 23, BN 18a; БН 32, BN 25b; *tänbäl bolγanlaryda* БН 23, BN 19a можно понять ʿкогда он растолстел' и ʿкогда он обленился' [Бабур-наме 1958, с. 29].

Как можно видеть из следующего примера, значение "ленивый; лентяй" также было в широком обиходе, и именно благодаря этому значению *tänbäl* могло стать в языке словом оценочной модальности, закрепленным в данной ситуации за Султан Ахмедом. Касаясь творчества поэта Мухаммеда Салиха и его поэмы "Шейбани-наме", Бабур считал, что в ней хорош только один стих, построенный на игре слов: *boldy tänbälγa wätän färγanä* **qyldy färγanäni tänbäl ḫanä* **andiǰan wilajätini tänbälḫanä häm derlar* БН 228, BN 181a ʿФергана стала родиной Танбалу *Сделал он Фергану домом лентяев. *[Игра слов в том состоит, что] область Андижана тоже называют "домом лентяев"'.

Другой заклятый враг Бабура, упоминания о котором можно найти чуть ли не на каждой странице "Бабур-наме", особенно первой части, звался Мухаммед Шейбани хан, ср. *šäjban sultanlaridin* БН 209_{5}, BN $167b_{12}$; БН $210_{10\text{-}11}$, BN $168b_{7}$ (*šäban*) ʿиз числа султанов Шейбан', ср. ʿиз султанов рода Шейбан'.[Бабур-наме 1958, с. 194]. Автор же часто называет своего врага не его официальным ("торжественным") именем *šäjbani ḫan*, но либо просто "Узбек", см. [Бабур-наме 1958, с. 439], либо просторечным (сниженным) вариантом *šäjbaq ḫan* (БН 237, BN 187b; БН 243, BN 192b; БН 260, BN 205a; БН 261, BN 206a; БН 262, BN 206b; БН 273, BN 214b; БН 274,

---

заинтересованного читателя "Бабур-наме", как А.Н.Самойлович. В его конспективных заметках, связанных с чтением этого сочинения, находим записи: "Клички, прозвища", "Личные имена и прозвища" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 32, 33].

BN 215a[37]). Имя такое существовало в средневековотюркской антропонимии – во всяком случае, в "Бабур-наме" есть упоминание о неком Шейбаке-пехотинце, но это простолюдин, см. *Šäjbaq pijadä* БН 291, BN 227a. В словаре "Абушка" (с. 303) приводится многозначное нарицательное существительное شيبـاق 'край', 'бахрома', 'ветвь дерева', '(какая-то) трава' с примером из сочинений Навои. В современном казахском языке зафиксированы такие личные имена, как *Шабақ, Шабак*, см. также *Шайбек, Шайхан* [Джанузаков и др. 1988, с. 414]. Надо думать, что эффект пейоративности в "Бабур-наме" усугублялся за счет того, что это просторечное имя, присущее "низкому" сословию, здесь выступало в сочетании с высоким титулом *ḫan*.

Вообще же, говоря о своих врагах, Бабур совсем не стесняется в выражениях, употребляет слова сильной оценочной модальности, выражающие отношение автора к описываемому лицу, к описываемой ситуации. Так, при упоминании о старейшине укрепления Мачам – Сейид Юсуфе Мачами, Бабур дает этому последнему уничтожающую характеристику: *'äžäb munafiq wä bi pašnä* (БН 90_{18} некорректно: *patšna*) *märdäk edi men ošbu näwbät andiǯanni alyandyn ošbu tariḫqača šajäd kim iki üč qätlä mäŋä kirib tänbälya jayyqty ekin* (БН 90_{20} некорректно: *aḫyr*) *jinä iki üč qätlä tänbälya kirib mäŋä* (БН 90_{20}: *maŋa*) *jayyqty ekin* БН $90_{18\text{-}20}$, BN $73b_{7\text{-}9}$ '[Сейид Юсуф] был удивительно двуличный и непостоянный (букв. без пятки, без каблука) человечишко. С той поры, как я в этот самый раз взял Андижан, до сего времени он, вероятно, два–три раза подчинялся мне, а с Танбалом враждовал и так же, наверное, два–три раза подчинялся Танбалу, а со мной враждовал'. Примеры отрицательных характеристик с использованием резко оценочной лексики см. также: БН 17, BN 13b; БН 64, BN 51b; БН 197–198, BN 159a; БН 216, BN 172b; БН 218, BN 174b; БН 335, BN 259b. Говоря об эмире Вали, брате своего врага эмира Хусрау шаха, автор также находит сильные выражения: *bäd zäban wä fohš guj edi wä ḫod päsänd wä tirä mäyz märdäk edi özidin özgä hič kišini hič išta päsänd tutmas edi* БН 37, BN 29b 'Был он злоязычным и сквернословом, самодовольным и темного ума человеком. Кроме самого себя никого ни за какое дело не одобрял'.

Самому же Хусрау шаху в "Бабур-наме" посвящены едва ли не самые патетически обличительные страницы. Здесь отрицатель-

[37] При сопоставлении изданий каждого из двух списков "Бабур-наме" обнаруживаются расхождения в употреблении данных вариантов этого имени: *šajbaq* чаще встречается в Хайдарабадском списке, *šajbani*: – в Керовом. Однако абсолютизировать это наблюдение ни в коем случае нельзя, поскольку отмечены случаи

ные качества этого военного деятеля перечисляются и впрямую, и косвенно ("с курицей даже не схватился"); здесь в причудливых переплетениях скрещиваются разностилевые средства – низкие ("человечишко", см. также о "курице") и высокие ("перед богом ослушник, людьми преданный проклятью, достойный того, чтобы его проклинали и поносили до [дня] страшного суда", "ради благ быстротечной жизни" и т.д.). См. *agärčä nämaz qylur edi wä ta-ʿamda pärhiz qylur edi wäle tirä wä fasiq edi käwdän wä bi fähm* (БН 36_{12}: *edi* опущено; *bi fähm wä käwdän*) *wä bi wäfa wä häramnämäk kiši edi beš kün ötar dunja üčün bir özi asrayan wälij-i niymät zadäsini kör qyldy jinä birini* (BN $29a_2$: *birni*) *ölturdi teŋri täʿala* (BN $29a_2$: пропущено *täʿala*) *qašyda ʿasi wä hälq aldyda* (BN $29a_2$: *qašyda*) *märdud bolub dur damn* (БН 36_{15}: *dayy*) *qyjamätqača läʿnät wä näfrin säzawari boldy bu ötar dunja üčün mundaq jaman išlar qyldy wä mundaq bisjar mäʿmur wilajätda munča qalyn jaraqlyq nukär bilä bir makian bilä tutušmady bu tariŋda zikri kelgusidur* БН 36_{11-17}, BN $28b_{13-14}$–$29a_{1-6}$ ʿХотя [Хусрау шах] совершал обычно намазы и соблюдал воздержание (умеренность) в еде, однако был он человеком темным и развратным, бестолковым и лишенным понятия, вероломным (букв. неверным) и неблагодарным. Ради благ быстротечной жизни он ослепил сына своего благодетеля, его же вырастившего, а другого [его сына] убил. Перед богом всевышним он ослушник, а людьми – преданный проклятию, да продлятся до [дня] страшного суда всяческие проклятия, [которых] он стал достоен! Ради [благ] сего бренного мира он совершил столько дурных дел! И [владея] столь многочисленными благоустроенными областями, [располагая] столь большим числом вооруженных нукеров, он не схватился [даже] с курицей. Упоминание о нем последует в этой хронике'. Действительно, на страницах БН 72–73, BN 58a–b находим почти полное текстуальное повторение этого фрагмента с добавлением патетических восклицаний, свидетельствующих о том, что автор рассчитывает на "абсолютно справедливое ответное понимание" своих читателей (М.М.Бахтин): *här kim ki* (БН 72_{23}: опущены *här, ki*) *mundaq šäniʿ häräkätka iqdam qylyaj wä ol kišiga kim bu näwʿ iška ihtimam qylyaj jüz miŋ läʿnät dur damn* (БН 73_1: пропущено) *qyjamätqača här kim* (BN $58b_8$: *här* пропущено) *ǧusräu šahniŋ* (БН 73_2: аффикс род. падежа отсутствует) *bu afʿalini ešitsa läʿnät qylsun bu afʿalini eši-*

употребления *šäjbaq* в Керовом списке, а в Хайдарабадском – соответственно *šajbani*:. См. примеры: BN $88a_2$ *šäjbaq ǧan*, но БН 107_{20} *šäjbani ǧan*, то же BN $95a_7$ и БН 116_{11}; BN $123a_2$ и БН 150_2; BN $125b_{12}$ и БН 153_{22}. Ср., однако, наоборот БН 208_3 *šäjbaq ǧan*, но BN $167a_6$ *šajbani*: *ǧan*.

tib lä'nät qylmayanny häm säzawar-i lä'nät bilsun (БН 73_3: *bolsun*) БН 72_{23}–73_{1-3}, BN $58b_{7-10}$ 'Сто тысяч проклятий каждому, кто совершает подобные гнусные поступки, и тому, кто усердствует в делах этого рода, да продлится это до [дня] страшного суда! Всякий, кто услышит об этих поступках Хусрау шаха, пусть [его] проклянет! Тот же, кто, услышав про эти поступки, не проклянет [его], пусть [сам] считается достойным проклятия!'. В данном микротексте Хусрау шах также именуется уничижительно – *bu häramnämäk märdäk* БН 72_{22}, BN $58b_3$ 'этот неблагодарный человечишко'.

Описывая жизненный крах Хусрау шаха, автор пользуется все той же пейоративной лексикой: *qary tänbäl märdäk* БН 151, BN 123b 'старый тучный человечишко', *bad namärdlyq wä nämäk-i häramlyq* (БН 151_6: *häramnämäklyq*) *kawak wä bi mäzä guj häm bar erkan* БН 151_{5-6}, BN $123b_{10-11}$ 'Пусть [уж у Хусрау шаха] имелись малодушие и неблагодарность, [но] еще, оказывается, был он безмозглым и безобразным болтуном' (что стало очевидным из личной беседы Бабура с Хусрау шахом); *padšahlyq qylyb jürujduryan märdäk* БН 151_{8-9}, BN $123b_{13}$ 'человечишко, [долгое время] державшийся по-царски'; *nečä jyl qylyan bekligi wä saltanati tämam burnydyn čyqty* БН 151_{3-4}, BN $123b_{8-9}$ 'Его бекство и султанство, которое он осуществлял несколько лет, полностью слетели у него с носа (букв. вышли у него из носа)'.

Не раз возвращаясь к столь эмоциональной характеристике Хусрау шаха, автор, безусловно, имел в виду достичь эмоционального воздействия на читателя, внушить ему свое отношение к своему врагу и описываемой ситуации в целом.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что именно при передаче своего отношения к врагам Бабур создает эффект стилистической сниженности – за счет использования просторечных личного имени (*šäjbaq*) и прозвища (*tänbäl*) применительно к высоким титулованным особам, явно просторечного фразеологизма (*burnydyn čyqty* 'вышли у него из носа') в соединении с наименованиями титулатуры (*beklik* 'бекство', т.е. положение бека, князя, *saltanat* 'царство', т.е. положение правителя, государя). Для контраста см. пример положительной оценки ситуации при дворе одного из союзников Бабура – Султан Хусейна – БН 222, BN 177a–b.

2. Языковое выражение эмоциональности (оценочности) стиля

Для такого выражения могут использоваться средства как словесные, так и грамматические, нередко – также комбинация обоих этих средств.

А. Числовые формы прилагательных и существительных. Повторяемые падежные словоформы

Грамматическим средством выражения эмоциональности и оценочности служит аффикс мн. числа *-lar*. Д.М.Насилов, останавливая внимание на значениях "экспрессивности, почтительности" у этого аффикса (пример: *atalar*), полагает, что "здесь мы имеем „расщепление" ФСП (функционально-семантического поля. – *Г.Б.*) множественности и пересечение его с ФСП оценки" [Насилов Д. 1989, с. 31; см. еще Сафиуллина 1978, с. 179–181].

По-видимому, именно о таком "пересечении с ФСП оценки" можно говорить в случае необычного для тюркских языков, но высокочастотного в "Бабур-наме" использования аффикса *-lar* в прилагательном – глагольном определении *jaḫšy* 'хорошо'. Такое необычное аффигированное определение-прилагательное может сочетаться далеко не с каждым глаголом, но только а) с глаголом *bar-*, выступающим в метафорическом значении 'действовать, поступать' (имеется в виду: в бою) [Буд. I, с. 223–224], либо б) с глаголами и аналитическими глагольными структурами военной семантики (таким образом о субстантивации *jaḫšylar* в подобных случаях, естественно, не может быть и речи). Примеры:

а) с глаголом *bar-*: *bu jürüšta hälifä jaḫšylar bardy* БН 408, BN 314b 'В этом походе Халифа действовал очень хорошо', см. еще БН 19, BN 15b; БН 91, BN 74a; БН 114, BN 93a; БН 300, BN 234a; БН 382, BN 295a; БН 484, BN 374b; в отдельных случаях *jaḫšylar* может иметь при себе также усилитель, например, *ḫäjli* 'много; очень': *färidun mirza ḫäjli jaḫšylar barybtur* БН 208, BN 167a 'Феридун мирза чрезвычайно хорошо действовал [в бою]'; примечательно, что при антонимическом глагольном определении *jaman* 'плохо' аффикс *-lar* не употребляется: *bular agärčä jaman bardylar...* БН 382, BN 295a 'Хотя они (букв. эти) поступали плохо...';

б) с глаголом *uruš-* 'воевать, биться': *... az az kiši jaḫšylar uruštylar* БН 435, BN 337a '...очень малым [количеством] людей они очень хорошо воевали'; с *at-* 'стрелять, метать': *özga tufänk andazlar häm... jaḫšylar attylar* БН 277, BN 217b 'Другие стрелки из ружей тоже... очень хорошо постреляли', то же – БН 435, BN 336b; с *bas-* 'давить, подавить, победить': *...jaḫšylar basty* БН 215, BN 172b '...очень хорошо победил'; с аналитическими глагольными структурами: *ustad 'äli quly jaḫšylar taš atty* БН 436, BN 337a 'Мастер Али Кули очень хорошо стрелял ядрами [из пушки]'; *...jaḫšylar qylyč čapty* БН 215, BN 172a '[Зу-н-Нун Аргун] очень хорошо рубился на саблях'; *... jaḫšylar härb wä zärb qyldy* БН 384, BN 296b '[Мустафа] очень хорошо сражался'.

Высокая частотность описанного использования аффикса мн. числа *-lar,* ломающего нормы его литературного употребления, позиционная замкнутость (только препозитивное глагольное определение) и ограниченная сочетаемость *jaḫšylar* именно с глаголами военной семантики, специфическое оценочно-усилительное значение *jaḫšylar* в подобных сочетаниях – все эти признаки делают данное формоупотребление своего рода лингвостилистическим средством в "Бабур-наме".

В качестве модуляции этого стилистического средства можно рассматривать "перемещение" *-lar* из глагольного определения – прилагательного – в именной компонент аналитической глагольной структуры с военной семантикой; на самом деле здесь мы имеем дело с числовой формой уже не прилагательного, но существительного. Среди основных факторов обусловленности выбора числовых форм существительных в тексте называются "субъективно-модальные (прагматические в узком смысле слова), связанные с различными целями дополнительного воздействия на слушающего" [Грамматические исследования 1989, с. 234]. См. примеры: *jaḫšy qylyčlar čapqandur* БН 215, BN 172a '[Зу-н-Нун Аргун] очень хорошо рубился на саблях' (ср. там же в том же значении: *jaḫšylar qylyč čapty*), *jaḫšy qylyčlar čapyp edi* БН 147, BN 121a, *jaḫšy tufänklar attylar* БН 435, BN 336b 'очень хорошо постреляли из ружей' (как видим, *jaḫšy* относится здесь ко всей аналитической структуре, а не к одному именному компоненту); см. еще *qylyčlar čapty* БН 216, BN 172b.

Присоединение аффикса *-lar* для достижения эффектов экспрессивности, эмоциональности к именному компоненту аналитической структуры было возможным благодаря пока еще слабой спаянности обоих ее компонентов, см. об этом подробно [Благова 1971, с. 93–94]. Внутри этих структур нередко еще сохранялись синтаксические отношения компонентов (примеры см. ниже: б, в), причем именные компоненты были способны иметь при себе собственные определения, так что в каждом конкретном случае приходится решать, имеем ли мы дело с аналитической структурой или свободным словосочетанием (см. *jaḫšy ašlar tartyb qalyn peškešlar qyldy* БН 445, BN 343b 'подал прекрасные кушанья, преподнес многочисленные дары').

В "Бабур-наме" одним из частотных способов достижения экспрессивности и эмоциональности словесного стиля является присоединение аффикса *-lar* к именному компоненту аналитической глагольной структуры, который нередко может иметь при себе то или иное оценочное определение ("многочисленный", "хороший", "удивительный", "непристойный" – см. ниже примеры а–г). См.

а) *aḫsidaɣy beklar wä jigitlar jaḫšy ɣanlar tarttylar* БН 22, BN 17b ʿНаходившиеся в Ахси беки и молодцы проявили очень большое мужество', еще БН 383, BN 295b; см. *ɣan tart-* ʿнести душу, усердствовать, оказать храбрость, мужество' [Буд. I, с. 429]; ... *märdanä ɣanlar tartty* БН 22_{10-11}, BN $17b_{12-13}$ ʿ... проявили большое мужество и храбрость'; *mundaq ɣanlar tartyb alyan wilajätlar* БН 383, BN $295b_{2-3}$ ʿобласти, завоеванные с проявлением такого большого мужества'; б) ... *jäläbä täšwišlar tartty* БН 402, BN 309b ʿ... он испытал множество беспокойств (огорчений)'; *ḫäjli širin goftugular qyldy* БН 318, BN 247a ʿон сказал много сладких речей'; в) *mirza häm jaḫšy riʿäjatlaryn qyldy* БН 212, BN 170a ʿМирза также оказал ему очень большое уважение', см. еще БН 211, BN 169b; г) ... *šäniʿ* (BN $217a_{10}$: некорректно *šiɣ*) *häräkätlar qylurlar edi* БН 277_{9-10}, BN $217a_{9-10}$ ʿ... они производили мерзкие [тело]движения' (о баджаурцах, впервые увидевших огнестрельное оружие). Заслуживают внимания разночтения, касающиеся использования *-lar* в именном компоненте аналитической структуры: *andyn ḫäjli ɣärib riwajätlar qylurlar* БН 26_{12-13} ʿО нем [Джанибеке Дулдае] рассказывают очень много удивительного', но ср. *andyn ɣärib nimälär* (без аффикса вин. падежа!) *ḫäjli riwajät qylurlar* BN $21a_{1-2}$ ʿО нем много рассказывают кое-что удивительное'; д) *bäkawullarga taʿkidlar qylyb edim kim* ... БН 396, BN 305b ʿСтольникам (букв. пробователям кушаний) я дал наставления, чтобы...'; *neča jyl säʿjilar qylyb mäšäqätlar körub...* БН 382, BN 295b ʿсколько лет прилагая массу усилий, испытывая множество трудностей...'; *soŋra bu ata oɣul ol* (БН 216_3: пропущено *ol*) *oɣul bilä ata arasyda jaɣylyqlar salyb fitnälar qyldylar* БН 216_3, BN $172b_{4-5}$ ʿВпоследствии они сильно поссорили (букв.: заложили много вражды) этих отца с сыном и тех отца с сыном, посеяли всяческие смуты'; ... *atasyɣa wäʿdälar qylyb...* БН 400, BN 308a ʿ... много наобещав его отцу'.

Усилению эффекта эмоциональности служит также а) присоединение аффикса *-lar* к каждому из существительных-синонимов, однородных членов предложения, см. *ʿinajätlar wä šäfäqqätlar bilä särafraz qylyb...* БН 401, BN $309a_1$ ʿосчастливив [его] милостями и снисхождениями...', см. еще БН 97, BN 79b; БН 197–198, BN 159a; БН 443, BN 342b; б) присоединение аффикса *-lar* к одному из двух таких синонимов (отвлеченного значения) при наличии усилителя – явно гиперболизированного порядкового числительного *jüz tüman* ʿсто тысяч', см. *ḫälifä ḫälas bolub jüz tüman mäšäqät wä ʿäzablar bilä iki üč kündin soŋ jajaq wä jäläŋac keldi* БН 40, BN 32b ʿХалифа спасся, через два–три дня с миллионом всяческих тягот и мучений пришел он пеший и нагий' (ср. с гиперболизированным числительным, но без аффикса *-lar*: *jüz mägär wa*

hilä bilä ḫälas boldy БН 22, BN 17b ʿ[Абу Бекр] освободился посредством сотни уловок и хитростей'), см. еще БН 431, BN 333b; в) присоединение *-lar* к каждому из антонимов (в данном примере – окказиональных) – однородных членов предложения, см. *kečäsi jol azyqyb... puštälarda wä däštlarda ḫäjli särgärdanlyq tartyldy* БН 309, BN 238a–b ʿВ ту ночь [мы] сбились с пути... и долго (букв. много) мыкались по холмам и степям', см. еще БН 14, BN 11a.

К оценочному употреблению аффикса мн. числа *-lar* относится выражение почтительности этим аффиксом, например: *häzrät ḫoǯa häm färzänd deb erdilar* БН 8, BN 7a ʿДосточтимый Ходжа также называл [почитавшего его Омар Шейха] сыном', см. также БН 39, BN 31b–32a; БН 132, BN 108a; БН 463, BN 358a.

Известный эмоциональный фон за счет подчеркивания значимости каждого данного компонента высказывания создают падежные формы каждого из именных однородных членов предложения. Пример: *... jaǯylyqqa wä oǯurluqqa wä rähzänlyqqa jüz qojub edilar* БН 381, BN 294b ʿ... они устремились (букв. обратились) к враждебности, воровству и разбою'. Актуализация интенсивнее в тех случаях, когда при каждом однородном члене предложения повторяется не только падежный, но и числовой показатель, см. *aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda menin̨ bilän bilä edi* БН 13, BN 11a ʿВ периоды нашего казачества и междуцарствия [моя родительница] была по большей части со мною вместе'; *... utrusyya beklardin ičkilardin jibarib...* БН 338, BN 261a ʿ... им навстречу послав [некоторых] из беков и придворных...'.

Б. Удвоенные определения в их отношении к числовой форме определяемого

Удвоение определений – оценочных, качественных прилагательных – нормативно сопряжено с употреблением аффикса мн. числа *-lar* в именных определяемых. Примеры: *abadan abadan beklarni wä jaḫšy jaḫšy jigitlarni tüšurub...* БН 54, BN 43a ʿзаставив спешиться многих добрых беков, очень хороших молодцев', см. еще БН 110, BN 90b; БН 189, BN 152b; БН 381, BN 294b; *neča jyl türluk türluk ʻäzab wä mäšäqätlar tartyb* (BN $175a_{8}$: некорректно *tatyb*) БН $219_{19\text{-}20}$, BN $175a_{7\text{-}8}$ ʿстолько лет испытывая всяческие-превсяческие мучения и тяготы'; *suḫtä dek qara qara nimälar däfʿ boldy* БН 398, BN 306b ʿ[Из желудка] изверглось нечто черное-пречерное, подобное [чему-то] жженому'; см. также БН 308, BN 239b; БН 367, BN 283a; БН 368, BN 284a; БН 441, BN 340b; БН 444, BN 343a. Удвоению подвергаются также прилагательные с аффиксом "ос-

лабления качества" *-rak*, см. *taylary kičikrak kičikrak puštä josunluq taylar dur* (БН 336_{23} некорректно: *taylary*) БН 336_{22-23}, BN $260b_{1}$ 'Горы там намного поменьше, вроде холмов', см. еще БН 430, BN 332b.

Исторически в качестве редупликации можно рассматривать сочетание *az aylaq* 'немного, незначительно; маленько' в его прииенном, реже – приглагольном употреблении (без аффикса *-lar* в определяемом), подробно см. [Благова 1969, с. 155–158]. Примеры: *az aylaq čerik bilä* БН 450, BN 347b 'с незначительным войском', см. также БН 449, BN 347a; БН 425, BN 328b; *az aylaq jasab...* БН 341, BN 263b 'кое-как (букв. маленько) построившись (снарядившись)...', см. также БН 484, BN 374a.

Удвоению подвергаются также определения – имена существительные, обозначающие ту или иную меру как а) предметов неодушевленных, так и б) объектов одушевленных (кони, слоны), названных в соответствующих определяемых. Определение и определяемое при этом соединены приемом примыкания; удвоенное определение нормативно сопряжено с определяемым, имеющим аффикс мн. числа *-lar*. См. а) *här häzanäda sänduq sänduq...räḫtlar wä artmaq artmaq wä qab qab aq täŋgälar* БН 270_{11-12} (*aq* опущено), BN $212a_{12-14}$ в каждой сокровищнице – одежда... сундуками, серебряные монеты вьюками (верблюжьими) и мешками' (в описании военной добычи, взятой при победе над Шах беком и Мукимом в Кандахаре), но ср. без аффикса *-lar* в определяемом: *härwar härwar wä qab qab aq täŋgä* БН 270, BN 212b 'серебряные монеты харварами (*härwar* 'тяжесть, поднимаемая одним ослом' [Гафф. I, с. 288]) и мешками'; *... ortasyda parčä parčä qajalar tüšubtur* БН 434, BN 335b 'Посреди [речушки] торчат глыбами скалы', см. еще БН 112, BN 91b; БН 445, BN 343b; в функции определения способно редуплицироваться даже имя с послелогом *dek ičida funduq dek funduq dek danälari bar* БН 368, BN 284a 'внутри [плода кадхил] много косточек вроде лесных орехов'; б) *süruk süruk fillarni filbanlari kelturub peškäš qyldylar* БН 346, BN 267a 'Погонщики слонов пригнали слонов стадами и преподнесли [их нам]'; *biznіŋ wilajätlarda sährada jürur elniŋ qäbilä qäbilä atlary bolur* БН 376, BN 290a 'В наших землях у кочевого народа, кочующего по степям, [само]названия бывают по племенам [по племенным названиям]'.

Довольно часто встречается удвоение глагольного определения – прилагательного (а) или существительного (б), также и деепричастия (в). См.: а) *mirzalarya näsihät josunluq qatyq qatyq ajtyb...* БН 240, BN 190a 'Он сказал царевичам очень строго (стро-

го-настрого), в виде наставления...', см. еще БН 325, BN 252a; *bu häm türluk türluk boladur* БН 361, BN 278b ʿЭти [птицы Хиндустана – шарак] тоже бывают разными-преразными'; б) *nukärlari közinin aldyda ḫäjl ḫäjl kelib mäŋä nukär boladur* БН 151, BN $123b_{12}$ ʿВоины [Хусрау шаха] у него на глазах толпами приходили ко мне и становились воинами [моего войска]', см. еще БН 362, BN 279b, а также БН 21, BN 17a; БН 370_{16-17}, BN $285b_{8}$; БН 372, BN 286b–287a; в) *ḫäjli el bäd sämumnyŋ täsʿiridin här zämanda* (БН 381_{22} некорректно: *biz rämanda*) *jyqylyb jyqylyb öla kirištilar* БН 381_{22-23}, BN $294b_{7-8}$ ʿПод воздействием злого, губительного жаркого ветра много народу то и дело падало и падало, начинало гибнуть'.

Частичная редупликация прилагательных цветообозначения и некоторых других используется в пейзажных фрагментах и особенно частотна в сугубо описательной части текста "Бабур-наме", в которой сообщаются сведения о природе, флоре и фауне Хиндустана. См. *aksär jerlari tübtüz waqiʿ bolub tur* БН 355, BN 274a ʿМестность [в Хиндустане] большей частью совершенно ровная', см. еще БН 308, BN 239a; *däräḫtlary sapsaryy ḫošräŋ ḫäzan bolub-tur anarlar däräḫtlaryda* (BN $245a_{6}$: аффикс принадлежности отсутствует) *qypqyzyl* БН 316_{1-2}, BN $245a_{5-6}$ ʿДеревья [стояли] ярко-желтые. Наступила осень [с ее] прекрасным цветом. Гранаты на деревьях стали ярко-красными', см. *qypqyzyl* в описании птиц Хиндустана – БН 360, BN 278a; БН 362, BN 279b; БН 363, BN 280b; БН 364, BN 281a; БН 442, BN 341b; *tüki aqraq tur* (БН 359_{2}: связка пропущена) *jüzi qapqara dur* БН 359_{2-3}, BN $277a_{5}$ ʿ[У другого вида обезьян] шерсть беловатая, [а] лицо черное-пречерное', см. еще БН 359_{4-5}, BN $277a_{6}$; БН 365, BN 281b. Иногда встречается полная редупликация *aq* ʿбелый': *boyzy wä köksi qaradur aq aq tüklari bardur* БН 361, BN 279a ʿ[У птицы турач] шейка и грудка черные, есть белые-белые перья' Интерес представляет употребление *apaq* в функции определения к глаголу *aqar-* ʿбелеть, седеть': *jašy häm ḫäjli bar edi saqaly ḫod apaq aqaryb edi* БН 310, BN 240b ʿВозраст его также был преклонным, [что же касается] его бороды, [то] сна поседела белоснежно'. См. также: *men sap say turub...* БН 304, BN 236b ʿя, будучи совершенно трезвым...'

Менее частотна частичная редупликация имен в "Бабур-наме", но она очень выразительна здесь своей просторечностью и пейоративностью семантики. Примеры: *qyšlayan häzarä mäzarä* БН 244, BN 193a ʿзимовавшие хезарейцы-мезарейцы'; *azaylaq uruš muruš bolur* БН 128, BN 104a ʿпроисходят немногие стычки-схватки'; *jolnyŋ čaqur čuqur rast qylyb...* БН 431, BN 333a ʿвыровняв рытвины-уха-

бы дороги...'; *at mat eliklab* BN 116b$_6$ 'захватив коня-лошаденку' (но ср. БН 141$_{16}$: *birar at qolγa tüšurub* 'заполучив в руки по одному коню').

Отметим здесь же аффиксальный плеоназм – *az-raq-ča* 'совсем поменьше', также используемый в целях эмоционально-экспрессивных: *azraqča kiši šärq täräfidin qačyb čyqtylar* БН 278, BN 218a 'Горстка людей убежала через восточную сторону [крепости]', см. также БН 165, BN 134b.

В. Эмоциональная функция усилителей семантики качества и количества

Наряду с названными выше языковыми средствами частотное использование "усилителей" (актуализаторов) качества и количества, применяемых как в приименных (а), так и в приглагольных определениях (б), также способствует приданию тексту "Бабурнаме" эмоциональной окраски. Среди высокочастотных – *asru* 'слишком, очень, в особенности' [Буд. I, с.45], см. *asru, ašru* 'чрезмерно, в высшей степени, в избытке' [ДТС, с. 61, 64]. Примеры: а) *asru köp mäšäqät wä su'ubät bilä* БН 246, BN 195a 'с очень многими трудностями и тяготами'; *niŋnähar bilä kabul arasy asru qatyq wä* (БН 161$_{23}$: *wä* отсутствует) *jaman joldur* БН 161$_{23}$, BN 131b$_{14}$ 'Между Нингнахаром и Кабулом очень тяжелая (и) плохая дорога', см. еще БН 212, BN 170a; БН 332, BN 257a; БН 432, BN 334b; б) *soŋralar asru köp ulγajyb edi* БН 36$_{5, 10}$, BN 28b$_{7-8, 12-13}$ 'Впоследствии [Хусрау шах] чрезмерно возвысился'.

Частотным является также *köp* 'много' в функции подобного усилителя. Примеры: *meniŋ bilä kiši köp az edi* БН 104, BN 85a 'Со мной было очень мало людей', *köp naḫoš wä tez öni* БН 361, BN 278b 'очень неприятный и пронзительный голос [у этого вида попугаев]', см. также БН 271, BN 213a; БН 322, BN 250a. Есть и разночтения по спискам, см. *köp qatyq sowuq* БН 246$_{19}$ 'чрезвычайно жестокие холода', но *bisjar zärb-i sowuq* BN 195a$_3$ букв. 'обильные заряды холода'; заметим, что перс. *bisjar* 'много, многочисленный; очень, весьма, чересчур' также употребляется здесь в усилительной функции: *dušman bisjar qäwijj* БН 271, BN 213a 'враг чрезвычайно силен'.

Не менее частотен в той же функции ар.-перс. синоним *ḫäjli* 'много; очень; часто'. Примеры: *ḫäjli uruš boldy... kičik bek ḫäjli märdanä jigit edi* БН 196, BN 158a 'Был сильный бой... Кичик бек был очень смелый молодец', см. еще БН 162, BN 132b; БН 165, BN 134b.

Изредка в функции усилителей используются такие арабизмы, как, например, *muhkäm* 'крепкий, твердый, прочный; неоспоримый, несомненный' или *'äǯab* 'удивительный'. Примеры: *muhkäm uzaq küč edi* БН 285, BN 223a 'Очень (букв. крепко) длинный был переход'; *kötäldin inkanda 'äǯab ɣäläbä čijürtka köruldi* БН 321, BN 249a 'Когда [мы] спускались с перевала, увидели удивительно много саранчи'.

Как можно видеть из изложенного, в "Бабур-наме" представлено множество словесных, а также грамматических способов выражения эмоциональности (в некоторых случаях – оценочности) стиля. В числе таких способов – аномальное с точки зрения тюркской языковой нормы использование числовой формы (с *-lar*) прилагательного *jaḫšy* в функции определения к глаголам военной семантики, но которое в "Бабур-наме" высокочастотно; грамматически не обязательное, но тоже частотное здесь употребление числовых форм существительных как в качестве именного компонента аналитических глагольных структур, так и в функции однородных членов предложения; аффиксальный плеоназм; различные виды удвоения имен, включая частичную редупликацию как прилагательных, так и существительных; высокочастотность "усилителей" семантики качества и количества.

Особенно показательны в плане достижения эффекта эмоциональности нередко наблюдаемые в "Бабур-наме" объединения различных словесных и грамматических (или лексико-грамматических) средств выражения эмоциональности (о подобном объединении средств словесной изобразительности см. [Долинин 1985, с. 266–268]). Часты объединения: а) словесных удвоений и аномального употребления числовой формы прилагательного *jaḫšylar* в функции глагольного определения, б) *jaḫšylar* в названной функции и числовой формы существительного в качестве именного компонента, в) *jaḫšylar* в названной функции и усилителя при нем, г) различного рода словесных повторов (см. БН 354, BN 273a; БН 362, BN 279b). Примеры: а) *az az kiši bilä qalyn qalyn häzarä wä nikudärini jaḫšylar basty* БН 215, BN 172a–b 'С малым-премалым [количеством] людей он распрекрасно победил многочисленных-премногочисленных хезарейцев и никударийцев', см. еще БН 435, BN 337a; б) *... ḫoǯä-i kälan jaḫšylar bardy märdanä sözlar ajtty wä sahib-i himmätanä ra'ilar körsatti wäle agrani alɣandyn neča kün soŋra tämam ra'ilari özga boldy barmaqqa bäǯidd ḫoǯä-i kälan edi* БН 382, BN 295a '...Ходжа-и Калан действовал очень хорошо, говорил мужественные речи и высказывал суждения, ис-

полненные высоких помыслов. Однако спустя несколько дней после взятия Агры его мнения полностью изменились: [как раз] Ходжа-и Калан был [тем, кто] усердствовал в уходе [из Хиндустана]'. Здесь щедрое нагнетение словесных средств положительной эмоциональности в первой части фрагмента еще более подчеркивается резким противопоставлением "положительные речи Ходжа-и Калана – его отступничество от политической линии Бабура"; в) *ḫäjli jaḫšylar barybtur* БН 208, BN 167a '... он действовал чрезвычайно хорошо', см. еще БН 300, BN 234a.

Вся совокупность перечисленных словесных средств позволила Бабуру осуществить своего рода эмоциональную ретушировку текста, а это ломает сложившееся стереотипное представление об эпически бесстрастном повествовании. Даже в тематически нейтральном тексте – пейзажных фрагментах, описании природы, флоры и фауны Хиндустана – проявляется эмоциональность повествователя, его неравнодушие, человеческая заинтересованность во всем том, о чем бы он ни писал.

§ 3. Явления разговорного синтаксиса в тексте и тенденция к демократизации чагатайского литературного языка

Вопросу о том, как разговорная речь отражается в художественной литературе, уделялось большое внимание исследователями русского языка (краткий обзор см. [Долинин 1985, с. 229–230]). В отношении "Бабур-наме" такой вопрос специально не ставился, хотя имеются высказывания о "сильном влиянии живого разговорного языка на язык Бабура" [Назарова 1979, с. 96], о том, что Бабур "без сомнения удержал в возможной чистоте язык родного ему Андеджана" [Ильминский 1857, с. I; см. также Благова 1977 (2)].

Между тем, по нашим наблюдениям, названный вопрос для данного сочинения вполне возможно поставить на конкретном материале, и решение его связано с инвентаризацией в "Бабур-наме" отклонений от средневековотюркской литературной синтаксической нормы.

Имеется в виду так называемое "эллиптирование" сказуемого, присоединительные конструкции. В однотипных однородных простых предложениях – а их очень много в "Бабур-наме" – глагольное сказуемое, если оно семантически и структурно может быть отнесено и ко второму из этих однородных "предложений", бывает представлено только в первом предложении. Примеры: *bä'zi mäẕlisda* (BN $179a_{10}$ добавлено: *šäjḫ ul-islam*) *qazi iḫtijar joqqary olturur edi bä'zi mäẕlisda bu* БН 225_{4-5}, BN $179a_{9-10}$

'На некоторых собраниях высоко сидел Кази Ихтияр, на некоторых собраниях – этот (Мухаммед Юсуф)', т.е. во второй, постпозитивной по отношению к общему сказуемому фразе при сохранении идентичного обстоятельства места ("в некоем собрании") главная семантическая перемена – в новом подлежащем ("этот" вместо "Кази Ихтияр"); аналогичные примеры см. также БН 17_{6-7}, BN $13b_{10-11}$; БН 93, BN 76a; БН 290_{11-12}, BN $226b_4$; БН 356, BN 245a; БН 389, BN 300a; БН 473_{2-5}, BN $365a_{9-10}$; БН 476_{4-6}, BN $376b_{11}$. В случае, когда сказуемое именное, во втором из однородных "предложений" необязательна глагольная связка: *toyry jol on bir kuruh ekandur suw jaqasy on sekiz kuruh* БН 473, BN 365a 'Оказалось, что прямая дорога [составляет] одиннадцать курухов, берегом реки – восемнадцать курухов' (это выяснилось в результате специальных замеров, произведенных по приказу Бабура); *ošbu taynyŋ jarymyda žud dur wä jarymyda* (БН 286_{10}: аффикс принадлежности отсутствует) *žänžuhä* БН 286_{9-10}, BN $223b_2$ 'На половине этой горы находится [племя] Джуд и на [другой] половине – Джанджухa'; *bu munasibätlardyn mäŋä häm ini dur häm färzänd* БН 282 'В соответствии с этим обстоятельством[38] он мне приходится и младшим братом, и сыном'; см. еще БН 316, BN 245a. В том случае, когда однородные сказуемые представлены аналитическими глагольными структурами, соответствующая словоформа глагольного компонента *qyl-* наличествует только в первом таком сказуемом, а из состава второго сказуемого налицо только именной компонент (в данном примере арабский масдар); вин. падеж прямого дополнения в обоих случаях сохраняется. См. *...ja kudurätini räf' qylyajbiz* (БН 202_{21}: лично-числовой показатель отсутствует) *ja mäzärrätini däf'* БН 202_{21}, BN $163a_5$ '... мы должны либо рассеять его недовольство, либо пресечь вред от него'.

Об аналогичном явлении в русском языке В.В.Виноградов писал: "Это – своеобразные типизированные формы предложений живой разговорной речи, особые структурные их типы, которые вовсе не представляют собой нарушения норм „полных" предложений, требуемых абстрактно представляемой грамматической схемой. Эти живые структурные типы предложений разговорной, по преимуществу, диалогической, речи следует изучать не с точки зрения их предполагаемой формальной недостаточности или неполноты, а со стороны их собственных, специфических для них структурных свойств и функций" [Виноградов 1954, с. 97]. Именно

[38] Речь идет о новорожденном сыне Бабура – Хиндале, которого усыновила другая, юная жена Бабура – Махим биким. В соответствующей части BN 220a этот фрагмент текста пропущен.

в таком аспекте изучены схожие конструкции, получившие название присоединительных, в татарской разговорной речи, где они широко распространены [Сафиуллина 1978, с. 192–235]. В описании синтаксиса "Бабур-наме" упоминаний об этом явлении нет, хотя один пример этого рода приведен как иллюстрирующий "назывные предложения" [Назарова 1979, с. 98].

Специфика присоединительной конструкции состоит в следующем. К каркасу предложения постпозитивно подсоединяются семантически и структурно связанные с ним один (а) или несколько (б) второстепенных членов предложения, иногда даже деепричастная конструкция (в), благодаря чему происходит их актуализация. Примеры: а) *ḫandyn bir oγly bolub edi baba ḫan atlyq* БН 24, BN 19b ʿОт хана у нее был один сын, по имени Баба хан' (в постпозиции приложение); ... *humajunniŋ oγly bolmyš jadgar tayajynyn qyzydyn* БН 448, BN 346a[14] ʿ[Скороход принес весть, что] у Хумаюна родился сын, от дочери Ядгар Тагая' (в постпозиции косвенное дополнение); *jinä bir näw*ʿ (БН 360_{20}: последнее слово пропущено) *tuti bolur ḫoš räŋ* (БН 360_{21}: последние два слова пропущены) *qyp qyzyl* БН 360_{20-21}, BN $278a_{14}$ ʿБывает еще один вид попугаев, хорошего окраса, ярко-красного' (в постпозиции определения); см. также БН 360, BN 277b; б) *iki qatla jaγy boldy bir märtäbä aḫsyda jinä bir märtabä täškändda* БН 17, BN 13b ʿДважды он становился [нам] врагом, один раз в Ахси, еще один раз в Ташкенте' (в постпозиции обстоятельства места, меры и счета); *iki qatla mäsaf urušty här iki qatla sultan husäjn mirza bilä* БН 33, BN 26a ʿОн сражался два раза, оба раза – с Султан Хусейн мирзой' (в постпозиции косвенное дополнение и обстоятельство меры и счета); *iki märtäba... qylyč tegurdi* (БН 9_8: *jetkurdi*) *bir märtäbä ahsy ešikida jinä bir märtäbä šahruḫijä ešikida* БН 9_{8-9}, BN $7b_{5-6}$ ʿДважды он... доводил меч до дела, один раз у ворот Ахси, другой раз у ворот Шахрухии' (в постпозиции те же обстоятельства); ср. также БН 225, BN 179a; БН 290, BN 226b; БН 473, BN 365a; БН 476, BN 367b; в) *bu kölniŋ ičida kičik kinä kemälar bar üč tört kiši syqqunča* БН 430, BN 332b ʿНа озере имеются маленькие лодочки, вмещением на три-четыре человека' (в постпозиции деепричастное обстоятельство меры и степени); *hala jinä köp kiši jibarib tur sizni tutqaly* БН 144, BN 119a ʿТеперь он послал еще много людей, чтобы Вас схватить' (в постпозиции деепричастное обстоятельство цели). Мы старались подобрать примеры таким образом, чтобы читателю было ясно: это не случайные и не единичные факты, но четко отработанная синтаксическая модель.

Оценить эту синтаксическую модель, новизну ее использова-

ния в средневековотюркском художественно-литературном тексте возможно только, если иметь в виду литературную синтаксическую норму ("конечная позиция сказуемого в составе предложения"), если учесть свидетельство исследователя синтаксиса языка данного сочинения: "В „Бабур-наме" в основном правильный порядок слов. Лишь в случае переноса логического ударения на какой-либо из членов предложения допускается инверсия" [Назарова 1979, с. 157, 86]. Исследователем приводятся примеры "нарушения нормального порядка" следования дополнения и сказуемого, обстоятельства и сказуемого [Назарова 1979, с. 87, 91], однако подаются они как единичные: "такая инверсия (дополнение после сказуемого. – *Г.Б.*) отмечена в произведении только в этих двух случаях (BN 69b, BN 210a. – *Г.Б.*)..." [Назарова 1979, с. 87–88]. Между тем "эти два случая" не совпадают с приводимыми выше примерами БН 33, BN 26a; БН 448, BN 346a и многими другими, притом что мы никоим образом не претендуем на тотальный охват материала. Примеры, приведенные выше в составе подгруппы "в", рассматриваются как построенные "по моделям синтаксиса персидско-таджикского языка" и как призванные иллюстрировать проницаемость синтаксиса "для чужеродных элементов грамматического строя" [Назарова 1979, с. 91, 92]. В качестве назывного предложения здесь же рассматривается одна из присоединительных конструкций в составе нижеследующего микротекста ("назывное предложение", по Х.Назаровой, подчеркнуто; границы предложений с присоединительными конструкциями показаны вертикальной чертой): *alty mäsnäwi kitab näzm qylybtur ḫämsä ẕäwabida jinä biri mäntiq ut-täjr wäznida lisan ut-täjr atlyq | tört yäzälijat diwani tärtib qylybtur yärajib us-syyar näwadir uš-šäbab bädaji ul-wäsät fäwajid ul-kibär atlyq* БН 213, BN 170b ʿ[Навои] сочинил шесть книг месневи: [пять] из них – в ответ на "Пятерицу", еще одна из них, в размере "Язык птиц", [тоже] под названием "Язык птиц". | Он составил четыре дивана газелей под названиями "Диковины детства", "Редкости юности", "Чудеса зрелости", "Полезные поучения старости"'.

Как можно видеть, в данном микротексте налицо одно предложение с двумя присоединительными конструкциями (слева от вертикальной черты) и одно предложение с одной присоединительной конструкцией (справа от вертикальной черты). При всех их различиях по составу каждое из этих предложений, содержащих в присоединительной конструкции приложения-конкретизаторы, построены однотипно с использованием в конечной позиции специального слова *atlyq* ʿпод названием', призванного связывать постпозитивное приложение со всем предложением в целом, а сле-

довательно – и явным образом демонстрировать синтаксическую зависимость этого якобы "назывного предложения". Таким образом присоединяемая к предложению конструкция приложения является синтаксической моделью, которая используется в языке "Бабур-наме" неоднократно – помимо двух случаев в данном микротексте см. еще приведенный выше пример БН 24, BN 19b, а также два примера в БН 81–82, BN 65b. Квалифицировать же подобную присоединительную конструкцию приложения, имеющую свои собственные специфические структурные признаки, в качестве "назывного предложения" стало возможным в результате произвольной манипуляции текстом, а именно усечения связующего звена *atlyq* 'под названием', сигнализирующего о синтаксической зависимости конструкций, а в целом – в результате неучета синтаксических макроправил, действующих в языке исследуемого текста.

Между тем в тех из тюркских языков, где синтаксис разговорной речи изучался специально, как например в татарском, синтаксические модели, подобные тем, которые анализированы выше, рассматриваются именно в числе присоединительных конструкций (см. [Сафиуллина 1978, с. 195–232]).

Еще одна примета живого разговорного синтаксиса: конструкция с *joq* – может употребляться здесь в обстоятельственной функции, см. *munča qalyn čerik uruš joq talaš joq biri biriga* (BN $19b_3$: *birga) baqmaj buzuldylar* БН 24_{13-14}, BN $19b_{2-3}$ 'Столь многочисленные войска – сражения нет, стычки нет (чаг. *talaš* 'ссора, спор, раздор, драка, травля' [Буд. I, с. 336]) – не глядя друг на друга, повергли себя в беспорядок (порушили свой строй)'

Итак, в отношении синтаксиса в "Бабур-наме" просматривается авторская установка не на подчеркнутую литературность повествования, но на обычную (обиходную) речь, т.е. в конечном счете – на демократизацию литературного языка, его норм, чем достигается эффект доходчивости повествования, непринужденности изложения.

Глава IV

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЯЗЫКА "БАБУР-НАМЕ" И ХАРАКТЕР ОТБОРА ЛЕКСИКИ В АВТОРСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

Один из самых культурных, по определению Дж.Неру [Неру 1975, с. 57], людей своего времени, Бабур своим "Бабур-наме" создал подлинную энциклопедию жизни средневекового Среднего Востока (Мавераннахр, Афганистан, Индия). Пишет ли он о своих современниках – противниках или союзниках, об административно-социальном укладе, военном деле или о культуре, нравах и обычаях своего времени, сообщает ли сведения по этнографии, географии, о фауне и флоре завоеванных им земель, делает это обстоятельно, добросовестно и тщательно. "Он рассказывает нам об Индостане, о его животных и цветах, деревьях и фруктах – не забывает даже о лягушках!" – так отзывается Дж.Неру об "этой восхитительной книге" [Неру 1975, с. 58] (фрагмент о лягушках см. с. 178, 252).

В полном соответствии с энциклопедическим характером "Бабур-наме" находится его лексический состав, который все еще ждет специального исследования; имеющийся "Краткий словарь по произведениям Захириддина Бабура" [Назарова 1972] вобрал в себя лексику не только "Бабур-наме", но также других сочинений автора (в первую очередь поэтических), причем это по большей части заимствования из арабского и персидского языков, не употребительная в современном узбекском языке лексика.

Характерной чертой лексического состава "Бабур-наме" является так называемое "горизонтальное расширение словаря" (см. [Долинин 1985, с. 279]): здесь действительно используются слова из самых различных областей человеческой деятельности и знания, разнообразные заимствования, в том числе названия экзотических реалий на языках Хиндустана (см., например, названия животных: *nilägau* БН $357_{18,19}$, BN $276a_{3,6}$ 'нилгау'; *kälähärä* BN $276b_{3}$ 'калахара', но БН 358_{5} *kälähärän*; *ginä* БН 358_{19}, BN $276b_{12}$ 'гини'; *nul* BN $277a_{6}$ 'нул', но БН 359_{5} *nijul*).

Составить известное представление о лексике "Бабур-наме" и особенно ее фразеологической части позволяет § 5 "Устойчивые ли-

тературно-языковые формулы" в главе II (см. с. 117–154). Не располагая возможностью в настоящих заметках отразить всю энциклопедичность и "универсализм" охвата лексики в "Бабур-наме", в разделе I мы приведем имена и глаголы частично из числа общетюркских и межтюркских, а также те, которые традиционно употреблялись в памятниках средневековотюркской письменности, равно как и слова, специфичные для чагатайского языка. В разделе II при характеристике принципов отбора и самого отбора лексики в связи с названными принципами рассматриваются арабские и персидские заимствования, особое внимание уделяется военной лексике как специфичной для языка "Бабур-наме", изучаются вопросы синонимии и антонимии.

РАЗДЕЛ I. ВЫБОРКА ОБЩЕТЮРКСКИХ И МЕЖТЮРКСКИХ ОСНОВ В ЯЗЫКЕ „БАБУР-НАМЕ"

§ 1. Имя

abaγa [чаг., "сродно с монг."][39] 'дядя (брат отца, старший или младший)' [Буд. I, с. 2; ЭСТЯ 1974, с. 64–65; см. еще Назарова 1972, с. 104] – БН 26, BN 21a; БН 29, BN 23b; БН 34, BN 27a. Изредка употребляется синоним-арабизм *'äm* 'дядя по отцу' [Гафф. II, с. 566] – см. БН 157, BN 128a.

aγačä в составе женского личного имени: *papa aγačä* БН 211, BN 169b; *meŋli bij aγačä atlyq mirzani özbek γunčäčysy* БН 208, BN 167a 'узбечка–наложница мирзы по имени Мингли Бий Агача', см. чаг. *aγa* '... поставленное после женского имени, означает принцессу или родственницу хана' [Буд. I, с. 60]; *aγačä* < *aγa* + *eče* 'женщина', 'жена', 'старшая госпожа' уйг. диал. [Jarr. 14], 'женщина', 'дама', 'госпожа' [Vám. ČSpr. 210], см. [ЭСТЯ 1974, с. 71].

at(ä)kä, bek at(ä)kä [чаг.] букв. 'отец-князь, глава семейства, старший в доме'. "Это название, – добавляет Л.З.Будагов, имея в виду также *ata* и *atalyq*, – давалось воспитателям детей султанов сельджукидов, и потому впоследствии приняло вообще значение надзирателя, воспитателя, а затем главного министра" [Буд. I, с. 8–9; Назарова 1972, с. 18] – см. *wä'is at(ä)kä mirzanyn at(ä)käsi* БН 157, BN 128a 'воспитатель мирзы Веис-воспитатель'; *uluγ bek mirzaγa at(ä)kä qylyb edi* БН 212, BN 170a '[его] сделали воспитателем при Улуг беке мирзе', ... *any mäŋä bek at(ä)kä qyldylar* БН 18, BN 14b '... его сделали регентом при мне'. В статье АТА

[39] Помета "чаг.", заключаемая нами в квадратные скобки, принадлежит Л.З.Будагову, как и другие языковые пометы в квадратных скобках.

[ЭСТЯ 1974, с. 200–201] это слово не приводится. Ср. чаг. *anakä* 'матушка, названная мать, кормилица' [Буд. I, с. 96].

alačuq 'балаган, шалаш, летний домик из досок и лубков' [Буд. I, с. 78; Назарова 1972, с. 106; ДТС, с. 33 (*alačи*); ЭСТЯ 1974, с. 130–132] – см. БН 146, BN 120a.

ana 'мать' [ДТС, с. 43], 'мать', 'самка' [Буд. I, с. 96; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 147, 278–283], – см. *meniŋ anam* БН 194, BN 156b; БН 253, BN 200b. Употребляется также арабский синоним – *meniŋ walidäm qutluq nigar ḫanym* БН 13, BN 11a 'моя родительница Кутлук Нигар ханум'.

otaγ, otaq [чаг.] 'комната, гостиная; шатер, палатка, павильон' [Буд. I, с. 110], 'шатер, жилище' [ДТС, с. 373, см. подробно ЭСТЯ 1974, с. 484–487]; в значении "шатер, палатка" см. БН 313, BN 243b; в "Бабур-наме" слово встречается также в значении "царская палатка" [Буд. I, с. 110] – см. БН 332, BN 256b.

utru 'напротив, навстречу', послелог 'перед, против' [ДТС, с. 618; ЭСТЯ 1974, с. 610–611], см. также об архаическом послелоге *uturu* 'напротив' [Наджип 1989, с. 160]. Примеры: ... *bädi' az-zäman mirza utrusyya* (БН 206_{11}: местн. падеж) *ilyar* (БН 206_{11}: пропуск слова) *baryb edi* БН 206_{10-11}, BN $165b_{13-14}$ 'Он совершил набег на Бади' аз-Заман мирзу', см. еще БН 338, BN 261a; БН 483, BN 373b.

uruγ, uruq [чаг.] 'род, родство, клан, поколение' [Буд. I, с. 128; ДТС, с. 615, см. подробно ЭСТЯ 1974, с. 604–606]; в "Бабур-наме" это слово употребляется в паре с *qyjaš, qajaš*, в совокупности обозначая вообще 'родство; совокупность родственников' [Буд. I, с. 128; ДТС, с. 615; Назарова 1972, с. 151] – см. БН 294, BN 229b; БН 337, BN 261a.

ušaq 'мелкий, мелочь', 'дитя, ребенок; сын, мальчик' (производное от чаг. *uša-* раздробляться, измельчаться' [Буд. I, с. 137]) чаще используется в составе аналитического *oγlan-ušaq* 'сыновья; дети мужского поколения' – см. об этом ниже, с. 200; [Назарова 1972, с. 177]; изредка – как самостоятельное слово, см. *ušaq taγlarda* БН 186, BN 150b 'в невысоких горах'.

oγul 'сын' и *oγlan* 'юноша, мальчик, сын, ребенок ...'; чаг. *oγlan* 'класс людей из узбеков, которых родство восходит до султанов..., сюда относились царевичи, принцы крови и другие родственники...' [Буд. I, с. 141; см. ДТС, с. 363, 364; подробно ЭСТЯ 1974, с. 411–412, 414–417]. В "Бабур-наме", где чаще всего речь идет именно о сыновьях султанов, ханов, мирз, беков и др., используются оба слова с некоторыми различиями. *Oγlan* чаще всего употребляется для выражения множественности, принимая при этом аффикс мн. числа *-lar*, см. *taž ḫan oγlanlary bilä kelib...* БН 471, BN 364a 'Тадж

хан, придя со своими сыновьями...', см. еще БН 211, BN 169a; БН 449, BN 347b; БН 469, BN 363a. Даже в парном употреблении (см. *oγlan qyz* 'дети' [ДТС, с. 363]) *oγlan* получает аффикс *-lar*, см. *agärčä özga ẖatunlary häm bar edi wäle oγlanlar wä qyzlar[y]nyŋ* (БН 14_{10}: *qyzlaryny*; BN $11b_3$: аффикс принадлежности отсутствует) *analary bu iki erdi* БН 14_{9-10}, BN $11b_{2-3}$ 'Хотя [у Юнус хана] были и другие жены, но матерями его детей (букв. его сыновей и дочерей) были две вышеназванные'. Представлено здесь и парное слово *oγlan ušaq* дети' [Буд. I, с. 141], 'маленькие (*майда*) дети' [Назарова 1972, с. 177] – см. БН 337, BN 261a.

В тех случаях, когда имеется в виду ед. число, употребляется слово *oγul*; оно же используется в сочетании с порядковыми числительными (БН 468, BN 362a), в составе парного слова *oγul qyz* (см. БН 206, BN 166a; БН 211, BN 169b) 'дети' [ДТС, с. 364]. Отличия в словоупотреблении особенно отчетливо видны в тех фрагментах текста, где *oγlan* и *oγul* представлены рядом, как например: *ön tört oγul on bir qyz qalyb edi bary oγlanlarydyn uluq bädi' az-zäman mirza edi* БН 206, BN 166a '[От него] осталось четырнадцать сыновей и одиннадцать дочерей. Из всех сыновей старшим был Бади аз-Заман мирза'; *čun oγly qyzy joq edi papa aγačänyŋ oγlanlaryny oγly dek saẖlar edi* БН 211, BN 169b 'Поскольку своих детей [у Апак биким] не было, она пестовала сыновей Папа агаче, как своих (букв. как своего сына)'.

Как явствует из приведенных примеров, в "Бабур-наме" еще нельзя говорить о полной индифферентности *oγlan* к значению множественности, как это иногда утверждается применительно к чагатайскому и более ранним литературным языкам [Brockelmann 1954, с. 150]. В неполной отрешенности *oγlan* от значения множественности, скорее всего, проявилось действие старинной литературно-языковой традиции: в древнеуйгурском *oγlan* употреблялось "для выражения ... усиления (редко, или старого мн. числа?)" [Gabain 1950, с. 61].

arγamčy 'силок, ловушка', 'веревка или канат, длиною более двадцати локтей' [Буд. I, с. 29; Назарова 1972, с. 10; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 171–172] – см. БН 355, BN 274a; БН 445, BN 343b.

uz [чаг. "о"] 'знакомый', [хорезм.] 'искусный, проворный, способный' [Буд. I, с. 129; см. ДТС, с. 620; ЭСТЯ 1974, с. 569–570] – см. *sözga uz edi* БН 108, BN 88b 'на словах он был проворен'.

oŋ 'правый, правосторонний' [ДТС, с. 367; Буд. I, с. 149] – см. *oŋ jan wä sol jan* БН 266, BN 209b 'правая сторона и левая сторона', см. еще БН 131, BN 107a; БН 345, BN 267a. В значении "правый, правдивый" [ДТС, с. 367] слово это в "Бабур-наме" встречалось в составе формулы *teŋri oŋ kelturdi* 'бог оказал помощь' [Буд. I,

с. 149] – см. в разночтении: БН 132_6, но *rast kelturdi* BN $107b_6$.

öküz ‘бык, вол’ [Буд. I, с. 145; ДТС, с. 382 (*ögüz*); ЭСТЯ 1974, с. 521–523] – см. БН 199, BN 97b.

öj ‘вол’ [Назарова 1972, с. 175] – см. *ol taγlarda öj ornyγa qutas saḫlarlar* БН 40, BN 32a ‘В тех горах вместо волов держат кутасов’ (возможно сравнение с узб. *öjga* ‘время расходки баранов, быков и коней’ [Буд. I, с. 167]). См. еще БН 9, BN 7a; БН 355, BN 274a.

üj ‘дом’ [ДТС, с. 623], см. *üjiniŋ* (BN $295b_{14}$: написано неразборчиво) *‘imarätlariniŋ tamyda* БН 383_{13-14}, BN $295b_{14}$ ‘на стене их дома-жилища’; ... *säračälarini wä üjlarni* (БН 346: *üjlanï*[40]) *säjr qylyb*... БН 346, BN $267b_{3-4}$ ‘... осмотрев его домики (беседки, павильоны) и дома’, см. еще БН 401, BN 309a (в переносном значении ”казенная часть пушки”).

ajaq I ‘нога’ [ДТС, с. 27], ‘нога, лапа’, ‘основание, ступень лестницы’ [Буд. I, с. 174; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 103–104]. См. пример: *köp kišiniŋ elik ajaγyn sowuq eltti* БН 246, BN 195a ‘Многие люди отморозили себе руки и ноги’; см. еще БН 336, BN 261a.

ajaq II [чаг.] ‘чашка, чаша, чарка для вина’ [Буд. I, с. 174; ДТС, с. 27; Назарова 1972, с. 6; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 105]. Примеры: *bir ajaq süt ičtim* БН 398, BN 306b ‘Я выпил чашку молока’, см. еще БН 292, BN 227b; БН 320, BN 248a; БН 322, BN 249b; БН 323, BN 250b.

ički ‘беки или князья, находящиеся при дворе, при особе хана, придворные’ [Буд. I, с. 181], см. еще *ički bek* то же, ср. *ič bujruqy beg* титул, должностное лицо [ДТС, с. 201] – см. БН 102, BN 83a; БН 244, BN 193b. В ”Бабур-наме” встречается в следующем окружении: *beklari wä ičkilari* БН 225, BN 179b (то же – БН 111, BN 91a) ‘беки и придворные’; *ičkilar wä jigitlar* БН 240, BN 190b ‘придворные и молодцы’.

ekäči [чаг.] ‘старшая сестра’ [Буд. I, с. 201; Наджип 1989, с. 254], *ekä* ‘старшая сестра, тетя’ и *ekäč* ”ласкательное слово, употребляемое по отношению к смышленой девочке” [ДТС, с. 167]; подробно см. [ЭСТЯ 1974, с. 222–224], ср. также *egät* ‘женщина, которую посылают прислуживать в комнате невесты в первую брачную ночь’ [ДТС, с. 165]. Пример: БН 11, BN 9b. В ”Бабур-наме” это слово нередко употребляется в паре с *siŋil* ‘младшая сестра; младшие родственницы’, см. *ekäči siŋil* БН 261, BN 205b ‘старшие и младшие родственницы’, *mirzalarniŋ ana ekäči siŋli wä ḫärämlari*

[40] Из этой описки (или ошибки) в словаре Л.З.Будагова получилось новое слово: чаг. *üjlan* ‘хозяйство, убранство, устройство домашнее’ [Буд. I, с. 163].

БН 260, BN 205b ‘мать, старшие и младшие родственницы мирз, их гаремы’.

elči [чаг., др.-уйг.] ‘посол, посланник; вестник’ [Буд. I, с. 206; ДТС, с. 169; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 350–351] – см. БН 26, BN 21a; БН 31, BN 24b; БН 294, BN 229a; БН 446, BN 345a; БН 477, BN 368b. Производное *elčilik* [чаг.] ‘посольство; обязанность посла’ [Буд. I, с. 206] – см. БН 146, BN 120a; БН 147, BN 120b; БН 305, BN 237b.

elik [чаг.] ‘рука’ [Буд. I, с. 208], ‘кисть руки, рука’ [ДТС, с. 170; см. еще Назарова 1972, с. 52; Наджип 1989, с. 160, подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 263–264], примеры: БН 120, BN 112b; БН 229, BN 182a; БН 246, BN 195a; БН 284, BN 222a. Об *elik* в качестве меры длины ”ширина пальца, дюйм” см. [Буд. I, с. 208], БН 366, BN 282a; БН 455, BN 351b. В значении ”рука” слово выступает в качестве именного компонента ряда устойчивых глагольно-именных словосочетаний, например *elik alyš-* ‘схватиться врукопашную, завязать рукопашный бой’ [Буд. I, с.86] – см. БН 200, BN 161a; БН 409, BN 315b; *elikka kir-* ‘попасть в руки’, *elikka tüš-* ‘попасть в плен’ БН 10, BN 8a; БН 232, BN 184a; БН 284, BN 222a; *eliktin čyq-* ‘выйти из повиновения’; *elik qoš-* [чаг.] ‘ударить в неприятеля, атаковать’ [Буд. II, с. 84], см. *yanimya elik qošuŋ* БН 483, BN 373b ‘Атакуйте врага!’, см. еще БН 484, BN 374a; *elik tebrat-* ‘двинуть рукой’ (∞ ‘пошевелить пальцем’) – см. БН 255, BN 201b; примеры см. также [Назарова 1972, с. 52]; от этого слова производится глагол *elikla-* ‘овладевать’ , см. БН $293_{7, 15}$ (*elikla-*), но BN $228b_{9}$ (*elikimga alyb*).

yd [чаг.] ‘благовоние, запах’ [Буд. I, с. 183; Назарова 1972, с. 52], см. также [чаг.] *jyd* благовоние, запах, дух’ [Буд. И, с.338], ‘запах, аромат’ [ДТС. с. 264], *ïыз* ‘запах’ [Наджип 1989, с. 219], *ис* ‘запах, благоухание’ [ЭСТЯ 1974, с. 380–382]. Пример: *ydy näränŋ ydyga oḫšar* БН 372, BN 287a ‘его аромат похож на аромат апельсина’; см. еще БН 373, BN 287b; БН 458, BN 354a.

baš ‘голова, глава, начало’, ‘начальник’, ‘вершина...’ [Буд. I, с. 225; ДТС, с. 86–87; ЭСТЯ 1978, с. 85–88] – одно из частотных слов в ”Бабур-наме”, употребляющееся также и в служебной функции: *diwan bašyda* БН 451, BN 351a. Оно представляет интерес своими производными, именными (а) и глагольными (б), а также аналитическими, именными и глагольными, структурами (в). См. а) *baščy* ‘глава, начальник, командир, вожак’, ‘проводник’ [Буд. I, с. 226], см. ... *päšaji baščy edi... jolny* (BN $193a_{7}$; пропуск последнего слова) *bašlaj almady* БН 244_{7-9}, BN $193a_{6-8}$ ‘был у нас проводник-пешаварец... он [потерял дорогу,] не мог [нам] показывать дорогу’, см. еще БН 180, BN 145b; БН 183, BN 148a; БН 284, BN 221b;

bašlyq [чаг.] ‘начальство, власть, главный, во главе стоящий’, ‘то, что для головы, башлык, надеваемый на голову’ [Буд. I, с. 226; ср. Назарова 1972, с. 23: из всех производных приводится только последнее с последним же значением]; см. также *bašlyq qyl-* ‘начальствовать, командовать, первенствовать, возглавлять’ [Буд. I, с. 227], а также *bašsyzlyq qyl-* ‘своевольничать’ [Буд. I, с. 227] – см. БН 49, BN 39b; БН 330, BN 255b; б) *bašla-* ‘начинать; показывать дорогу’, ‘быть во главе; командовать, предводительствовать’ [Буд. I, с.226]; в ”Бабур-наме” представлена вся многозначность этого глагола, см. ”начинать” – БН 329, BN 254b; ”показывать дорогу” – БН 244, BN 193a; ‘возглавлять, предводительствовать’ – БН 283–284, BN 222b; *bašlat-* ‘поставить во главе, дать команду’ [Буд. I, с. 226] – БН 183, BN 148a; в) парное имя *baš ajaq* ‘с головы до ног, т.е. полный костюм’ [Буд. I, с. 226], калька с перс. *särapa[j]* < [*sär-u pa*] ‘с головы до ног... (в Бухаре полный комплект платья, в перс. почетное платье ...)’ [Буд. I, с. 623] – см. БН 312, BN 242a (пример с *sär-u pa* см. выше гл. II, § 5_5); *baš qoj-* [чаг.] ‘сложить голову’, (мет.) ‘лишиться жизни’ [Буд. I, с. 227] – см. БН 46, BN 37a; *baš qyrq-* ‘сбрить волосы на голове’ [Буд. I, с. 227] – см. БН 467, BN 361b.

burtaɣ [чаг.] ‘местность с подъемами, спусками и рытвинами’ [Буд. I, с. 275; Назарова 1972, с. 25] – БН 369, BN 254b; БН 191, BN 154a (в составе *burtaɣlyq* ‘неровность’).

bölak ‘группа, отряд’ и *böluk* ‘часть, доля, отрывок, отделение’, ‘полк, легион’, ‘уезд, волость’ (в отношении поземельного деления: *böluk* меньше, чем *tüman*, как видно из слов Бабура: *lämɣanat beš tüman iki böluk tur* ‘Ламганат состоит из пяти туманов [и] двух болюков’, БН 161) [Буд. I, с. 292], см. также [ДТС, с. 117; ЭСТЯ 1978, с. 216]; только *böluk* см. [Назарова 1972, с. 25]; оба слова – производные от *böl-* ‘(раз)делить’. Примеры: ... *bir böläk wä özni mäst-i šärab qylɣajlar* БН 304, BN 236b ‘... чтобы группу [людей] и его самого напоили вином допьяна’; *kabul bölugatidin bir böluk ala saj böluki* БН 172, BN 139b ‘Одна волость (*böluk*) из кабульских волостей (*bölugat*) – это волость Ала-Сай’.

berk ‘крепкий, твердый’ [Буд. I, с. 253], ‘крепкий; могущественный, власть имущий’ [ДТС, с. 96], см. также *berik* ‘укрепленный’ [ДТС, с. 95]. Примеры: *berk quryan* БН 137, BN 112b; БН 333, BN 257a ‘укрепленная крепость’, *taylary berk... bolubtur...* БН 40, BN 32a ‘горы... труднопроходимы...’, см. еще БН 174, BN 141a. Это имя активно в словообразовательном отношении. См. именное производное *berklik* ‘крепость, сила’ [Буд. I, с. 253] – см. *därrä-i nurniŋ quryanynyŋ berkligi* БН 191, BN 154a ‘неприступность крепости Дара-и Нур’, см. еще БН 337, BN 261a; БН 352, BN 272a. См. произ-

водный глагол *berkit-* ‘утвердить, укрепить’ [Буд. I, с. 253; ДТС, с. 96] – см. *quryan berkit-* БН 261, BN 205b ‘укреплять крепость’, см. еще БН 186, BN 150b; БН 343, BN 265a.

biltur [чаг.] ‘прошлый год’ [Буд. I, с. 266] – см. *biltur kelganida* БН 484, BN 374b ‘когда он пришел в прошлом году’, см. еще БН 474, BN 366b. См. также производное *bilturγy* ‘прошлогодний’ [Буд. I, с. 266] – БН 472, BN 365a; БН 473, BN 365b; ср. вариант *bildurγy* ‘прошлого года’ [Буд. II, с. 389]..

bilik «знание, умение, мудрость’ (в уйг. *bilük* также ‘стиль, слог’); ведение, весть, и в этом значении употребляется ар. мн. ч. *bilikät*» [Буд. I, с. 267], ср. *билкот* ‘весть, известие’ [Назарова 1972, с. 20]. Пример: *ḫanym qašydyn ḫät wä bilikät* (BN 242_8 некорректно: *bilak*) *kelturdi* БН 312_1, BN $242a_{7-8}$ ‘От Ханум он привез послание и вести’. В поэтическом языке Бабура встречается слово *bilik* [Назарова 1972, с. 20].

törä [чаг.] ‘начальник, глава, судья’, ‘обычай, закон, народные постановления, судебный приговор, решения’ (а), [чаг.] ‘сан, происхождение, род’ (б), ”У Баб. в значении бруствера, парапета” (в) [Буд. I, с. 390, 391; см. еще Назарова 1972, с. 149], *törü* ‘порядок, правило, закон’, ‘обычай, обряд’ [ДТС, с. 581]. В ”Бабур-наме” представлены почти все основные семы этого слова: а) БН 235, BN 186b; БН 305, BN 237b; б) БН 276, BN 216b; в) БН 236, BN 187a.

tüš I [чаг.] ‘грудь’, ‘перёд, против’, ‘встреча’, ‘у, при, около’ [Буд. I, с. 394; Назарова 1972, с. 149] с производным *tüščilik jol* ‘пространство, на котором встречают приезжего’ [Буд. I, с. 395] – см. БН 52, BN 41b.

tuš II [чаг.] ‘сторона, место’ [Буд. I, с. 395; Назарова 1972, с. 149] с производным *tušluk tuš* ‘удобное место, выгодная сторона’ [Буд. I, с. 395] – см. БН 181–182, BN 147a.

tüš III ‘полдень, время обеда’ [Буд. I, с. 395; ДТС, с. 600] и производное чаг. *tüšlan-* ‘остановиться в полдень, сделав утренний переход (предполагая вечером ехать дальше...)’ [Буд. I, с. 395] – см. БН 439, BN 339a; *tüš* ‘полдень’ – БН 317, BN 246b.

tüš IV ‘сон, сновидение’ [Буд. I, с. 395; ДТС, с. 599] – см. БН 116, BN 95b.

tošäk ‘постель; тюфяк, матрас’ [Буд. I, с. 395; ДТС, с. 582; Наджип 1989, с. 197] и *tošäkḫanä* ‘комната, где хранятся принадлежности постели’ [Буд. I, с. 395; Назарова 1972, с. 149] – см. оба слова БН 254–255, BN 201a.

tezäk ‘навоз, помет скота’ [Буд. I, с.354; ДТС, с. 557] – см. БН 355, BN 274a.

tegra, tegru [чаг.] ‘сторона, окрестность’, ‘около, вокруг’, ‘до-

коле, до, к' [Буд. I, с. 419; ДТС, с. 548; Наджип 1989, с. 160, 195] – см. БН 33, BN 26a.

teŋri [монг., турк., уйг.] 'бог, божество' [Буд. I, с. 370; ДТС, с. 544]. Подробно о словоупотреблении в "Бабур-наме" см. гл. II, § 5_1, о словоупотреблении в "Сираж ал-кулуб" (XVI в.) см. [Наджип 1989, с. 196]. Изредка встречаются синонимы *allah, ḫuda(j)* (последнее см. БН 145, BN 119a).

ǯar 'крутой берег, пропасть, овраг, яр' [Буд. II, с. 323; ЭСТЯ 1989, с. 17–18] – см. БН 7, BN 6b; БН 120, BN 98b; БН 295, BN 230a; БН 330, BN 255a; БН 470_{16} (BN $363b_{12}$: лакуна).

ǯilaw [чаг.] 'уздцы, поводья' [Буд. I, с.449; ЭСТЯ 1989, с. 41–42] – БН 19, BN 15b; *ǯilawsyz* (тюрк.-перс. *ǯilawriz*) 'опустя поводья, во всю прыть, вскачь' [Буд. I, с. 449–450; см. также Назарова 1972, с. 44].

čerik [чаг., из скр.] 'войско, армия' [Буд. I, с. 475; ДТС, с. 144; Назарова 1972, с. 164] – высокочастотное в "Бабур-наме" слово, употребляется как с определениями-уточнителями, так и без них. См. *atlyq jajaγ čerik* БН 394, BN 304a 'конное и пешее войско'.

čybyn 'комар' [Буд. I, с. 468], ср. *čybun* 'муха; комар' [ДТС, с. 147]; см. БН 159, BN 130a.

čijürtka 'саранча' [Буд. I, с. 483; Р III, стлб. 2119] – см. БН 321, BN 249a.

sačγ [чаг.] 'подарки разного рода, делаемые при торжественных случаях; мелкие монеты, бросаемые народу во время свадьбы' [Буд. I, с. 611; см. также Назарова 1972, с. 131], ср. *sačγ sač-* 'совершать жертвенное окропление' [ДТС, с. 479]. Пример см. БН 275, BN 215b. Употребляется в словосочетании: *sačγ kejur-* '(разостлать) поднести подарки' [Буд. I, с. 611] – см. *miŋ šahruḫi sačuq kejurdi* БН 311, BN 241b 'Он поднес подарок [в] тысячу шахрухи', см. еще БН 455–456, BN 352a.

saγ 'трезвый' [Буд. I, с. 686; ср. ДТС, с. 480] – см. *men sap saγ turub...* БН 304, BN 236b 'я, будучи совершенно трезвым...' (речь идет о пирушке).

saydaq 'колчан' [Назарова 1972, с. 131] – см. БН 39, BN 31b; БН 131, BN 107a.

säqärlat [< итал.] 'багряный; красная материя' [Буд. I, с. 629; Назарова 1972, с. 128] – см. *säqärlat kät zilučä* 'багряный коврик, предназначенный для трона'; два других примера см. [Назарова 1972, с. 128].

sowuq 'холодный; холод, мороз' [Буд. I, с. 714], ср. *soγuq* 'холод; прохладительное' [ДТС, с. 507]. В "Бабур-наме" часто используется в номинативной функции, см. *sowuqdyn bi taqät bolub... sowuq zärbidin bi taqät bolub...* БН 250, BN 197b 'потеряв терпе-

ние от холода..., потеряв терпение от сильного мороза' (букв. 'ударов холода').

sawγat [чаг.] 'дар, награда, подарок, гостинец...; подарки ханам и вельможам' [Буд. I, с. 647] – см. БН 317, BN 246a; БН 325, BN 251b; БН 337, BN 261a; БН 380, BN 294a.

sol 'левый' [Буд. I, с. 711] – см. БН 266, BN 209b; реже в том же значении перс. *cäp* 'левый'.

syčqan 'мышь' [Буд. I, с. 621], ср. *syčγan* то же [ДТС, с. 502]: см. БН 359, BN 277a.

sijdük 'моча' – производное от *sij-* 'мочиться' [Буд. I, с. 657; ДТС, с. 499] – см. БН 355, BN 274a.

šatu 'лестница' [Буд. I, с. 659; ДТС, с. 521; Назарова 1972, с. 171], о словоупотреблении см. ниже раздел II, § 1 (с. 223).

šunqar 'кречет, ловчий сокол' [Буд. I, с. 649; ДТС, с. 525] – в "Бабур-наме" встречается в составе *šunqar bol-* 'умереть, погибнуть' (см. выше, с. 127–128; [Назарова 1972, с. 171]) и топонима *šunqar ḫanä* '[горы] Шункар-Хана' БН 101, BN 82b, но ср. антропоним *säjid lačin* БН 329, BN 255a.

šuḫ 'резвый, веселый', 'шалун, бесстыдный' [Буд. I, с. 674] – см. БН 123, BN 101a; БН 156, BN 127a (оба раза в составе *šuḫluq* 'веселье, шалости').

šyralγa 'туловище, часть человеческого тела выше поясницы', 'верхняя половина и ближайшая часть к голове у животных и птиц, которых делят на части после охоты' [Буд. I, с. 680] – см. БН 285, BN 222b.

firäŋgi [< перс.] 'франк, житель Европы, ... европеец', у Бабура в значении огнестрельного оружия" [Буд. I, с. 785], ср. *firäŋg* 'европеец, франк' [Гафф. II, с. 604]. См. БН 345, BN 266b.

qalqan 'щит' [Буд. II, с. 23; ДТС, с. 413] – см. БН 203, BN 163a.

qalaš [чаг.] 'оставленный без средств к жизни, беспомощный, сирота' [Буд. I, с. 178] (ср. *қаллош* 'голодный, оголодавший; бездельник; бессовестный' [Назарова 1972, с. 178], *qallaš* 'друг' [Наджип 1989, с. 241]). Пример: *köp* (BN 101a$_{11}$: *häjli*) *qalašlyq wä horlyq tarttym* БН 124$_6$, BN 101a$_{11}$ (*tartyldy*) 'Много я претерпел обездоленности и унижений'.

qutluq [чаг.] 'счастливый, благополучный, благословенный' [Буд. II, с. 69; ДТС, с. 473] – в составе личных имен как мужских, так и женских. См. *qutluq nigar ḫanym* БН 13, BN 11a (имя матери Бабура) и мужские имена *qutluq qädäm* БН 155, BN 126b (Джалал ад-Дин Кутлук Кадам караул), Кутлук Мухаммед Кукельташ, Кутлук Мухаммед Барлас, Кутлук Ходжа Кукельташ ["Указатель собственных имен" – Бабур-наме 1958, с. 494], *qutluq ḫoǰa* БН 310,

BN 240b. Ср. др.-уйг. личные имена, мужские по преимуществу, имеющие в своем составе *qutluq* [ДТС, с. 473].

qol [чаг.] ‘холмы по скату горы, соединяющиеся со степью’, ”но у Бабура в значении ложа, бассейна реки” (далее пример из БН 184] [Буд. II, с. 88, а также с. 86]; ср. ‘сторона’ [Назарова 1972, с. 182]. См. БН 336, BN 259b; в значении ‘холмы по скату горы...’ см. *bu poštälardin wä qollardin tüzga čyqqač...* БН 257, BN 203b ‘Как только [мы миновали] холмы, пригорки по скату горы и вышли на равнину...’.

qulluq ‘рабство, услуга, служение’, ‘покорность, преданность’ [Буд. II, с. 88], ‘рабство, неволя, зависимость; положение, состояние раба, невольника, слуги’ [ДТС, с. 465; Грунина 1988, с. 84]. В ”Бабур-наме” это слово употребляется в значениях ”служение” и ”покорность”, см. БН 39, BN 31b; БН 49, BN 39b; БН 128, BN 104a; БН 156, BN 127b; БН 179, BN 145a; БН 276, BN 216b. Встречается здесь и производное от этого слова *qulluqčy* ‘служитель, лакей’ [Буд. II, с. 88; Назарова 1972, с. 182] в сочетании с *qul*: *qul* [*wä*] *qulluqčy* БН 369, BN 254b ‘невольники [и] слуги’. Ср. *qul* ‘раб’, ‘янычар’, ‘военная охрана султана’ [Грунина 1988, с. 84].

qonalγa [чаг.] ‘ночлег’ [Буд. II, с. 96; Назарова 1972, с. 183] – производное от *qonal-* ‘поселяться, проводить ночь’ [Буд. II, с. 96; ДТС, с. 455], см. БН 465, BN 359b; БН 472, BN 364b.

kötarimlik [чаг.] ‘перенесение (тяжких обстоятельств), самообладание, твердость воли’ – производное от *kötar-* ‘поднять, возносить; снять, ... переносить, претерпевать’ [Буд. II, с. 143], БН 30, BN 24a; ср. др.-уйг. *emgäk kötürmäk* ‘перенесение, испытание мучений’ [ДТС, с. 320]. См. *uluqlar kötarimlik keräk* БН 452, BN 349a ‘Великие [люди] должны владеть собой’. См. *köterim* с субстантивными и адъективными значениями [ЭСТЯ 1980, с. 88].

küč bek – титул (букв. ‘могучий, сильный бек’), см. БН 20, BN 16b. В составе титула – имя *küč* ‘сила, насилие’ [Буд. II, с. 145; ДТС, с. 322; ЭСТЯ 1980, с. 96–98], которое могло также входить в состав мужских личных имен, см. Куч Хайдар [”Указатель собственных имен” – Бабур-наме 1958, с. 494]; см. также [ДТС, с. 323].

körunuš [чаг.] (собственно ‘вид, наружность’) ‘свидание, навещание, осмотр, аудиенция, представление пред царем или ханом’ [Буд. II, с. 151, см. еще ЭСТЯ 1980, с. 79]. Заимствовано персидским языком в значении одного из элементов названной церемонии: *kornеš* ‘поясной поклон’ [Гафф. II, с. 674]. В ”Бабур-наме” используется в составе аналитической глагольной структуры *körunuš qyl-* ‘навестить, представиться, исполнить церемонию представления или откланивания’ [Буд. II, с. 151] – см. *körunus qylur* (BN 103a$_4$: *körušur*) *jerga jetib* БН 126$_{16}$, BN 103a$_4$ ‘достигнув ме-

ста аудиенции'. Глагол *körüš-* вз. 'видеться с кем, друг с другом', в каз., кир. 'здороваться, прощаться' [Буд. II, с.150; ДТС, с. 319] в последних значениях также употребителен в "Бабур-наме" – см. БН 39, BN 32a.

kökaldaš(ü) 'сердечный, искренний друг'; 'молочный брат' (в качестве варианта приводится *köŋültaš*) [Буд. II, с. 166; Назарова 1972, с. 64], см. *köŋüldaš* 'единомышленник' [ДТС, с. 316]. См. БН 212, BN 169b; чаще всего отмечается в составе личных мужских имен, см. БН 325, BN 251b; БН 342, BN 242a.

köŋül 'сердце', 'воля, смелость, храбрость' [Буд. I, с. 166–167, а также с. 159; ДТС, с. 315; ЭСТЯ 1980, с. 75–77] – см. БН 116, BN 95b; БН 338, BN 261b. От этого частотного в "Бабур-наме" слова образуется производно-составное *kičik köŋülluk* 'снисходительность, уступчивость' [Буд. II, с. 166] – см. *kičik köŋülluk ... kiši erdi* БН 17, BN 13b 'он был человеком ... уступчивым'. Редко встречается производное от синонимичного *jürak* 'сердце' [Буд. II, с. 371, 372; ДТС, с. 286] – *jüraksiz* 'робкий, трус, малодушный' [Буд. II, с. 372; ДТС, с. 286], см. *jüraksiz kiši edi* БН 33, BN 26a 'Был он человеком робким'.

kümäk 'помощь, пособие, поддержка, резерв (в войске)' [Буд. II, с. 163], 'охрана, присмотр' [ДТС, с. 326] – см. *balhqa kümak jibarildi* БН 337, BN 261a '[Мы] послали помощь в Балх', см. еще БН 108, BN 88a; БН 254, BN 200b; БН 329, BN 254b; БН 336, BN 260a.

kümuk 'мозговая кость', ср. узб. *кўмик* 'губчатое костное вещество; (анат.) копчик'. Пример: *nečük kim atnŋ elikida kümuk bolur munyŋ häm elikida kümuk bar* БН 357, BN 275b 'Как у лошади в передних ногах имеются мозговые кости, так и у того [т.е. у носорога] в передних ногах имеются мозговые кости'.

müžä 'туловище, тело' [Буд. II, с. 262] – см. *abayasy žani bek ölgandin soŋ anyŋ müžäsini berib sämärqändqa jibardi* БН 26, BN 21a 'После того как умер его дядя Джани бек, он забрал его тело и отправил в Самарканд'.

muŋ 'нужда', 'несчастие, бедствие', 'уныние, печаль, огорчение' [Буд. II, с. 266; ДТС, с. 350; Назарова 1972, с. 84] – см. *ḫäjli söz bilur edi sözga muŋy joq edi* БН 209, BN 167b '[Султаним биким] 'хорошо владела речью (букв. знала много слов), затруднений в [подборе] слов у нее не было'.

nukär [< монг.] 'слуга, служитель, прислужник'; "... сотоварищ (в этом значении и у Бабура...)" [Буд. II, с. 296], 'соратник, боевой друг, дружинник; нукер' [ДТС, с. 361] – см. БН 186, BN 151a; БН 454, BN 351a; БН 458, BN 354a. В том, что *nukär* в "Бабур-наме" семантически близко к рус. *дружинник, соратник* (в старинном, прямом значении этих слов), позволяют убедиться факты как эк-

стралингвистические (а), так и собственно языковые (б). (а) Для того чтобы стать нукером того или иного сюзерена, необходимо было пройти через особый обряд посвящения в нукеры (*nukärlikka jükundurul-* букв. 'быть заставленным преклонить колени на нукерство'), в этот обряд входило щедрое одаривание сюзереном посвящаемого (конь под седлом, платье с собственного плеча) – см. БН 311, BN 241b. Сюзерену, располагавшему большим количеством нукеров (а оно могло исчисляться одним–двумя десятками БН 145, BN 119a и пятью–шестью тысячами, а иногда достигать и двадцати тысяч БН $36_{6, 11}$, BN $28b_{8-9, 13}$), были обеспечены сохранность владений (*wila ja:t*), богатство (*mal*), благополучие (*däwlät*), отсюда – соположение слова *nukär* с каждым из этих слов, см. БН 206, BN 166a; БН 152, BN 124b; БН 151, BN 124a; б) не меньший интерес представляют лексико-семантические связи слова *nukär* в тексте "Бабур-наме". Наблюдается стилистическая (относительная) синонимизация *nukär* и *jigit* 'юноша, молодой человек (от 20–30 лет)', 'храбрый, уда́лый, мо́лодец' [Буд. II, с. 359; ДТС с. 260]. И те, и другие в условиях феодального общества вели себя довольно свободно по отношению к сюзерену – могли уйти от одного к другому или же на зиму разбрестись на кормежку по домам. Контекстные смыслы словосочетания *qazaq jigitlar* БН 87, BN 71a; БН 435, BN 336a 'молодцы-казаки, казакующие удальцы' подразумевают отрешенность йигита от владений и других мирских благ, еще большую вольность в выборе сюзерена. В каракалпакском эпосе, по Д.С.Насырову, *нөкер* означает 'солдат'.

Тем не менее производные на *-lik* от двух данных существительных не составляют синонимической пары, ср. *nukärlyq qyl-* БН 133, BN 108a–b 'оказывать услужение', но *jigitlik* 'молодость', поскольку для *jigit* "возрастная" сема оказывается доминирующей (см. это доминирование: БН 99, BN 80b; БН 310, BN 240b). К тому же налицо антонимизация *nukär* и *ɣajr-i nukär* в приводимых Бабуром выкладках переписи наличного войска, которая была предпринята по его инициативе: *uluɣ kičik jaḫšy jaman nukär wä ɣajr-i nukär on iki miŋ kiši* БН 328, BN 254a 'больших и малых (т.е. знатных и незнатных), хороших и плохих, нукеров и не нукеров [всего] двенадцать тысяч человек'. Примечательно, что *nukär* сополагается в тексте с *säwdär* 'слуга' (БН 19, BN 15b; БН 30, BN 23b) или *čäkär* 'слуга' (БН 351, BN 271a–b), а *jigit* – с наименованиями должностных лиц высшего сословия (с *ički*, составляя вместе с этими последними *jawuqdaɣylarym*, т.е. приближенных Бабура, – БН 240, BN 190b; с *beklar* – БН 178, BN 141b). В пространной стихотворной автоцитации (БН 248, BN 196a) прямо говорится о том, что *nukär* – наемный воин: "Ты нанимаешь нуке-

ра, * Чтобы оружие его было с тобой, [защищая] твою душу" [Бабур-наме 1958, с. 238].

najzä [перс.] 'копье, дротик' [Буд. II, с. 298], см. 'копье, пика', 'дротик' [Гафф. II, с. 879] – БН 298, BN 232b.

jarmaq 'монета, деньги' [Буд. II, с. 326; ДТС, с. 242 и 243 (*jartmaq*); Наджип 1989, с. 75; ЭСТЯ 1989, с. 142–143] – см. БН 222, BN 176b; БН 222, BN 177a; БН 290, BN 226b; БН 337, BN 261a; БН 347, BN 268a; БН 472, BN 364b.

jasy [чаг., с вариантом *jasaŋ*] 'широкий' [Буд. II, с. 330], 'плоский' [ДТС, с. 245; ЭСТЯ 1989, с. 155–156] – *jasy jasy ḫoš räŋ säbz bärglari* БН 367, BN 283a 'его широкие-преширокие листья хорошего зеленого цвета'.

jaɣy [чаг.] 'враг, неприятель' [Буд. II, с. 332; ДТС, с. 224; ЭСТЯ 1989, с. 55–57; Назарова 1972, с. 41] – один из высокочастотных синонимов для обозначения семы "враг". Образует производный глагол *jaɣyq-* [чаг.] 'сделаться врагом, восстать, взбунтоваться' [Буд. II, с. 332], 'враждовать' [ДТС, с. 224] – см. БН 276, BN 216a.

jaɣyn [чаг.] 'дождь' [Буд. II, с. 333; ЭСТЯ 1989, с. 57] – см. БН 355, BN 274a. Параллельно употребляется другое производное от глагола *jaɣ-* 'идти дождю' – *jamɣur* (< *jaɣmur*) 'дождь' [Буд. II, с. 357; ДТС, с. 225], см. БН 290, BN 226b; БН 385, BN 297a.

josun [чаг.] 'правило, обычай, порядок, строй, образ действия' [Буд. II, с. 376–377; ДТС, с. 275; ЭСТЯ 1989, с. 31–32], его производное *josunluq* 'законный, правильный, честный, благопристойный, порядочный' [Буд. II, с. 377] в "Бабур-наме" употребляется в полуслужебной функции в значении "в качестве, как", см. *bäŋali*: *bularny köz qabaɣy* (BN 368b$_1$: *köz baɣy*) *josunluq saḫlar ekan dur* БН 477$_1$, BN 368b$_{1\text{-}2}$ 'Бенгалец, оказывается, хранил их [пленников], как зеницу ока', см. еще БН 293, BN 228b; БН 472, BN 364b.

jumurtqa 'яйцо' [Буд. II, с. 384 (*jumurqa*); ДТС, с. 280 (то же); ЭСТЯ 1989, с. 250–251; Назарова 1972, с. 174] – см. БН 371, BN 286b; БН 372, BN 287a.

jeŋä, jeŋgä [чаг.] 'тетка; сноха (жена старшего брата или другого близкого родственника)' [Буд. II, с. 369; см. ДТС, с. 256; ЭСТЯ 1989, с. 189–190] – БН 263, BN 207a.

§ 2. Глагол

atqula- [чаг.] 'напасть верхом, сделать нападение' [Буд. II, с. 57] – см. БН 436, BN 336b. Взаимно-совместный залог *atqulaš-* см. [Буд. I, с. 57; Назарова 1972, с. 108].

azyrɣan- [чаг.] 'почитать малым или ничтожным; казаться ма-

лым кому, быть недовольным' [Буд. I, с. 35; Назарова 1972, с. 105] – см. БН 451, BN 349a.

azyq- [чаг.] 'заблуждаться [заблудиться. – *Г.Б.*], потерять дорогу' [Буд. I, с. 37; Назарова 1972, с. 105] – производное от *az-* 'блуждать; заблуждаться; расстраиваться; развращаться' [Буд. I, с. 37; ДТС, с. 72; ЭСТЯ 1974, с. 94–95] – БН 295, BN 230a; БН 309, BN 238a; БН 384, BN 296a; БН 488, BN 377b.

asra- [чаг.] 'воспитать, вскормить', 'содержать', 'держать у себя, приберечь'; " защищать, удержать за собою (крепость, местность, как у Баб. 329 стр.)" [Буд. I, с. 44; см. ЭСТЯ 1974, с. 193–194] – см. БН 36, BN 29a; БН 281 (BN 220a: пропуск) ("воспитать"); БН 249, BN 197a; БН 329, BN 254b (в значении "защищать, удержать за собою").

ewür- [чаг.] 'вертеть вокруг, кружить'; 'обратить; отвратить'; 'вернуть' [Буд. I, с. 168], ср. *evir-* 'вращать'; 'поворачивать, направлять', 'переводить (с одного языка на другой)' [ДТС, с. 189–190], *авур-* ∞ *äjür-* 'кружить' [Наджип 1989, с. 179], уз. диал. *ўўўр-* ∞ *ийир-* 'окружить (двор камышами)' [Данияров 1975, с. 219], чаг. *ügür-* 'кружить, обходить кругом' [Буд. I, с. 147], *ögür-* 'отворачивать' [ДТС, с. 382], все эти и многие другие варианты см. [ЭСТЯ 1974, с. 498–500]; *ewrul-* – страдательный залог со значением 'вращаться', 'быть окруженным, кружиться; оборачиваться', 'обратиться во что', 'свернуться на бок' [Буд. I, с. 147; ДТС, с. 190; Назарова 1972, с. 172]. В обоих списках "Бабур-наме" чаще всего используется вариант *ewür-* и соответственно страд. *ewürul-* (*ewrul-*). Отмеченное написание ايورولوب | БН 126, BN 103a можно прочитать как *ejürul-* и *üjürul-*. Вариант *ügür-* встречается в Керовом списке (по изданию Н.И.Ильминского), см.: *jaγydyn öz ügürub* БН 268_{1-2}, но *jaγydyn jüz ewürub* BN $210b_6$ 'отвратив лицо от врага'. В другом разночтении представлен вариант *üjïr-*, см. *üj*[*ï*]*rulub* BN $343b_2$, но *ewürulub* БН 444_{21}. Представлен в обоих списках "Бабур-наме" вариант *egir-* 'кружить, вращаться' [Буд. I, с. 201] – см. БН 442, BN 342a. В качестве примера приведем предложение, в котором рядом употреблены основной и возвратно-страдательный залоги глагола *ewür-*: *öj bu čärhni* (БН 354_{23}: без аффикса вин. падежа) *ewürgač pärälari ikinči čarḫniŋ pärälariγa kirib ol küzälik čarḫ ewürulur* БН 354_{23}–355_1, BN $274a_{3-4}$ 'Как только вол [начнет] крутить это колесо, зубцы его входят в зубцы второго колеса, и то колесо с кувшином вращается' (описание поливального устройства в Хиндустане), см. еще БН 458–459, BN 354b.

öksü- 'уменьшаться, недоставать, быть малым, недостаточ-

ным' [Буд. I, с. 71; ДТС, с. 382; Назарова 1972, с. 176; подробно см. ЭСТЯ 1974, с. 257–258]. Примеры: БН 17, BN 14a; БН 353, BN 272b. Производное имя чаг. *öksük* 'недостаток', 'мало, меньше' [Буд. I, с. 71], см. *bularnyŋ alyšy wä olarnyŋ beriši bu muqärrärdin artuq wä öksük bola almas* BN 223a$_{11}$, БН 286$_4$ (пропуск *olarnyŋ*; сказуемое некорректно: *ökisumas*) 'Этих [т.е. правителей] поборы, а тех [т.е. подданных] дань не могут быть ни больше, ни меньше того, что установлено'.

eŋiš- 'скорчиться, скрючиться', ср. *eŋi-* [др.-уйг.] 'нагнуться вперед, наклоняться, нагибаться, кланяться, преклоняться' [Буд. I, с. 203], см. *eŋ-* 'гнуть, сгибать' [ДТС, с. 174]. Пример: *men eŋišib olturub edim* БН 246, BN 194b 'Я сидел, скорчившись'.

ilγa- [чаг.] 'быстро нападать, сделать набег' [Буд. I, с. 84; об именной основе этого глагола см. ЭСТЯ 1974, с. 347–349]. Пример: *sämärqänd üstiga ilγaduk* БН 102, BN 84a 'Мы сделали внезапный набег на Самарканд'. Производное имя *ilγar* [чаг.] 'быстрый ход, галоп; набег, нападение' [Буд. I, с. 84].

emgän- 'мучиться, измучиться' – возвр. от *emgä-* 'мучиться' [ЭСТЯ 1974, с. 273; ДТС, с. 172; Буд. I, с. 94], см. *čerik eli wä tewä wä at bu inišda wä teŋida asru köp emgändilar* БН 182, BN 147b 'Войсковой люд, верблюды и кони очень сильно измучились на этих скатах и подъемах'. Производное от *emgä-* имя *emgäk* 'беда, бедствие, хлопоты, забота, труд, болезнь, мучение' [Буд. I, с. 94; ДТС, с. 172] употреблено в одном списке "Бабур-наме", см. *mundaq ǯilawriz beš alty miŋ čapqun qoγan čeriknin tγjmaγynyŋ ḫäjli emgäki* (BN 203b$_5$: *išgali*) *bar* БН 258$_{1-3}$, BN 203b$_{4-5}$ 'Очень трудно удержать такое – пяти-шеститысячное – войско, с распущенными поводьями [кружащее в знак] начатия битвы'.

bayyšla- 'прощать проступки, вину; дарить' [Буд. I, с. 233; ДТС, с. 78] – см. БН 153, BN 125b.

büt- 'совершиться, кончиться; удаваться; уцелеть, излечиться, закрыться (о ране)' [Буд. I, с. 242], 'кончаться, заканчиваться, завершаться, исполняться; совершаться, осуществляться; зарастать, заживать, проходить (о ране, болезни)' [ДТС, с. 133; подробно см. ЭСТЯ 1978, с. 152–155; см. еще Назарова 1972, с. 24; там же пример из БН]. Понудительный залог *bütkar-* 'окончить, исполнить', 'вырастить, исцелить'; [чаг. (мет.)] 'скрыть, спрятать' [Буд. I, с. 242; ДТС, с. 134; Назарова 1972, с. 24] – см. *hič išni bütkarmaj jandy* БН 203, BN 167b '... не завершив никакого дела, он отступил'.

bit (i)- 'писать' [Буд. I, с. 242; ДТС, с. 103; ЭСТЯ 1978, с. 155–158; Наджип 1989, с. 191] – один из высокочастотных глаголов в "Бабур-наме" (см., однако, только одно производное имя *bitik* 'письмо,

запись, книга': [Назарова 1972, с. 21]), примеры: БН 7, BN 6a; БН 221, BN 176b; БН 264, BN 208a; БН 464, BN 358b.

pupa- [чаг., звукоподр.] 'пробормотать' [Буд. I, с. 320; Назарова 1972, с. 112], ср. тур. *pepe* 'заика'. Пример: БН 334, BN 259a.

tarqaš- 'расходиться в разные стороны' [Буд. I, с. 724], см. *дарга-* [ЭСТЯ 1980, с. 150–151], ср. *tarqan-* 'рассеиваться, разбредаться' и *tarqar-* 'рассеивать, разгонять', 'уничтожать'; 'распространять' [ДТС, с. 538]. Производные от чаг. *tarqa-* 'разбросать, рассеять, раскидать, разгребать, рассевать, разостлать; разойтись, рассеяться; издержаться' см. [Буд. I, с. 723]. Пример: *här saryya tarqaštylar* БН 292, BN 228a 'Они разошлись в разные стороны'.

tala- [чаг.] 'грабить, разорять' [Буд. I, с. 336; ДТС, с. 528] – см. БН 80, BN 64a; БН 288, BN 225a. О *tala-* в связи с *da:la-* 'грызться; ругаться; спорить' см. [ЭСТЯ 1980, с. 134–137].

talyq- 'утомиться, устать, изнемогать, ослабевать' [Буд. I, с. 728; ЭСТЯ 1980, с. 133–134] – см. *bu boš at häm on on beš qädämča jol jürub talyqur edi* БН 245, BN 193b 'И эта лошадь без вьюка через десять–пятнадцать шагов пути [по глубокому снегу] изнемогала' (при описании зимнего перехода через горы).

tükat- побуд. от *tüka-* 'исполнять, завершать, оканчивать' [Буд. I, с. 402; ДТС, с. 596] – *bir šälajinliq bašlasa kečkačä tükata almas edi* БН 329, BN 254b 'Если, бывало, начнет какой-нибудь спор [по А.Н.Самойловичу – рассказ, сказку], то до [самого] вечера не может [его] закончить'; см. еще БН 324, BN 251b.

toŋ- 'замерзать' [ДТС, с. 575] – см. *jawuq tur kim kiši sowuqqa toŋyaj* БН 389, BN 300a 'Близко было [к тому], что люди от холода замерзнут'.

tuj- 'заметить, догадаться, понять, почувствовать' [Буд. I, с. 749; ДТС, с. 584; ср. Назарова 1972, с. 148] – *bular tujub žähangir mirzani tutub...* БН 212, BN 170a 'Те догадались [о кознях Джехангир мирзы], схватили Джехангир мирзу...', см. еще БН 278, BN 218a. Понудительный залог *tujtur-* 'заставить или дать понять, дать заметить' [Буд. I, с. 749] в формуле *ayyz sözlarin(i) tujtur-* БН 460, BN 356a; БН 466, BN 361a 'дать понять устные указания (букв. слова)'.

tyj- 'препятствовать, мешать' (∞ 'удерживать') [ДТС, с. 566], 'удерживать' [Наджип 1989, с. 200] и *tyn-* 'быть спокойным, смирным, перестать, утихнуть, устояться' [Буд. I, с. 740], 'успокоиться, остановиться, отдохнуть' [Наджип 1989, с. 201], 'успокаиваться, обретать покой; останавливаться, прекращаться' [ДТС, с. 567]; подробно о сложных семантических взаимопереплетениях омоформных глаголов см. [ЭСТЯ 1980, с. 341–345]. Пример на употребление обоих глаголов: *čerik eli tämam čapqun qojdylar*

kišini atny oqlab elni tyjdym mundaq ǯilawriz beš alty miŋ čapqun qojɣan čeriknіŋ tyjmaɣy (БН 258$_2$: некорректно *tynmaɣy)nyŋ ḫäjli emgäki* (BN 203b$_5$: *išgali*) *bar teŋri rast kelturdi čerik tynyldy* БН 257$_{22-23}$– 258$_{1-3}$, BN 203b$_{3-6}$ ‘Войсковой люд полностью стал кружить в знак начатия битвы... стреляя из лука по людям и по коням, я удерживал народ [от военных действий]. Очень трудно удержать такое – пяти-шеститысячное – войско, с распущенными поводьями [кружащее в знак] начатия битвы. Бог милостив, войско остановилось (успокоилось)’. См. еще *tyn-* БН 470$_{20}$ (BN 363b$_{12}$: лакуна). Понудительный залог *tyndur-* ‘дать, позволить отдохнуть’, см. БН 250, BN 197b.

tep- [чаг.] ‘разбросать, расчищать (снег)’ (точнее, видимо, ‘утаптывать’) и, как и в других языках, ‘лягать, пинать, брыкать’ [Буд. I, с. 412, 413], ‘пинать, лягать’, ‘выколачивать зерна из колосьев, молотить’ [ДТС, с. 552]. См. *qar tep-* БН 244$_{10, 23}$, BN 193a-b; БН 245, BN 194a. Страдательный залог *tepil-* ‘быть утоптанным, истоптанным’ [ДТС, с. 552] – см. БН 245, BN 194a.

tebra- [чаг.] ‘пускаться с места, выступать в путь, тронуться, двинуться; дрожать, трястись, шевелиться; бить ногами’ [Буд. I, с. 340; ДТС, с. 546; ЭСТЯ 1980, с. 200–203; Назарова 1972, с. 144] – см. БН 199, BN 160b; БН 231, BN 183b; БН 333, BN 257b; БН 446, BN 344b. Возвратный залог *tebran-* ‘шевелиться, встрепенуться’ [Наджип 1989, с. 199], см. *oš̌ol kün otuz üč̌ qatla jer tebrandi* БН 196, BN 157b ‘В тот самый день земля содрогалась тридцать три раза’ (при описании сильнейшего землетрясения в Афганистане). Понудительный залог *tebrat-* ‘шевелить, сотрясти, колебать’ [Буд. I, с. 340] – см. *bularny tebrattilar* БН 436, BN 336b ‘[Враги] потеснили (букв. поколебали) наших’, см. еще БН 251, BN 198b.

tirat- [чаг.] ‘шатать, качать, двигать’ [Буд. I, с. 348], ср. *tirä-* ‘подпирать’ [ДТС, с. 561; ЭСТЯ 1980, с. 237–240]? Пример: ... *elik tiratmaj* (BN 239a$_{14}$: неотчетливо читаемые точки допускают такое чтение, но возможно и другое: *tebranmaj* ‘не шевелясь, не двинувшись’) *baqyb tursa...* БН 308$_6$, BN 239a$_{14}$ ‘... не двигая рукой [т.е. не оказывая помощи – не подпирая рукой?], если стоит – смотрит...’. О глаголе *tebra-* и его производном *tebran-* см. выше.

čapqula- [чаг.] ‘изрубать, рубить саблей’ [Буд. I, с. 452] – производный глагол с учащательно-интенсивной семантикой от *čap-* ‘гнаться, скакать, нападать, делать набеги, нашествие’, ‘рубить, сечь, косить (сено); ударять, колоть; ... бежать иноходью’ [Буд. I, с. 451], ‘хлестать, стегать’ [ДТС, с. 139], который также широко представлен в ”Бабур-наме”. Примеры употребления *čapqula-* БН 186, BN 150b; БН 220, BN 175b; БН 307, BN 238b. В отношении по-

годных явлений (снег, дождь) употребляется вариант *čapquda-*, см. *qar anča čapqudap jaɣdy kim...* БН 246, BN 194b ‘Снег мёл так сильно, что ...’ (ср. чаг. *čapqun* ‘ветер, дождик и снег, метель’ [Буд. I, с. 452; Назарова 1972, с. 165]). Вз.-совм. *čapqulaš-* [чаг.]‘рубиться на саблях’, ‘делать разбойничьи набеги’ [Буд. I, с. 452] – см. БН 81, BN 65b; БН 305, BN 234b.

čaɣla- [чаг.] ‘умерять, соразмерять, сравнивать’, ‘сообразить, предположить, уразуметь’ [Буд. I, с. 459] – см. *yanim kišisini čaɣlamaj bular häm elik qojarlar* (BN 310b$_1$: *qošarlar*) БН 403$_{1-2}$, BN 310b$_1$ ‘Не соизмерив [количество] вражеских солдат [со своими силами], эти тоже вступили врукопашную’. В указанном значении, как отмечает Л.З.Будагов, употребляется также аналитическая структура *čaɣ qyl-*, см. *bir jerni čaɣ qylyb atmajdurlar här täwr bilä atadurlar* БН 482, BN 372b ‘[Бенгальцы] не стреляют в пункт рассчитанный [букв. рассчитав какое-то место], а стреляют как попало’ [Буд. I, с. 459].

čät- ‘задеть, зацепиться, столкнуться, наткнуться (борт о борт и разбиться)’,‘соединиться, дойти до чего, пристать’; ‘приметать на живую нитку’; ... *qaš čät-* ‘нахмурить брови’ [Буд. I, с. 453], ср. *čät-* ‘сгонять, собирать, пригонять (скот)...’ [ДТС, с. 141]. Ложную реинтерпретацию *читамак*, где *-а* из деепричастной основы *cät-amu dur*, см. [Назарова 1972, с. 165]. Пример: ... *jänä biri čirajin čäta mu dur...* БН 240, BN 190a ‘... еще одни из них то ли хмурили лицо...’.

čupur-, см. *čupruš-* ‘взлезать друг на друга’, ‘идти друг за другом гусем [гуськом]’ [Буд. I, с. 491; см. Назарова 1972, с. 166: *чубур-*]. Пример: БН 295, BN 230a.

čina- [чаг.] ‘определять, выводить заключение по аналогии, предположить, думать, соразмерять по соображению, по взгляду (но верно)’ [Буд. I, с. 508; Назарова 1972, с. 164] – см. БН 15, BN 12a; БН 127, BN 103b; БН 342, BN 264b; БН 349, BN 270a; БН 458, BN 354a.

sačra- [чаг.] ‘прыгать, скакать’ [Буд. I, с. 611]. См. БН 366, BN 282a; БН 366, BN 282b; БН 470$_{16}$ (BN 363b$_{12}$: лакуна); БН 476, BN 367b.

sanč- ‘тыкать, колоть, пронзить, продеть’, ‘бросать, метать (копье, стрелу)’ [Буд. I, с. 616; ДТС, с. 483] – см. БН 298, BN 232b.

suɣur- [чаг.] ‘вынуть, выдернуть (из ножен меч)’ [Буд. I, с. 647] – см. *baba jäsawul qylyč suɣurub...* БН 298, BN 232b ‘Баба есаул, выдернув саблю [из ножен]...’, см. еще БН 132, BN 107b.

soj- ‘раздевать, ограбить’, ‘ощипать’, ‘облупить’, ‘ссадить, снять кожу, шкуру’, ‘заколоть, резать (животного)’ [Буд. I, с. 715; ДТС, с. 507]. Пример: *tiriklaj terisini sojdurdum* БН 421, BN 325b ‘Я ве-

лел содрать живьем с него кожу' (в составе понудительного залога).

syɣ- 'помещаться, содержаться' [Буд. I, с. 700], 'вмещаться, помещаться' [ДТС, с. 502] – см. БН 195, BN 157b; БН 398, BN 307a; БН 430, BN 332b. Возвратный залог *syɣyn-* 'помещаться, вмещаться, укрыться, прижаться', 'прибегнуть к защите, уповать' [Буд. I, с. 700], т.е. два глагола: *syɣyn-* I 'укрываться, прятаться', *syɣyn-* II 'взывать о помощи, просить прибежища, молить', 'молиться, поклоняться' [ДТС, с. 502] – см. в первом значении БН 258, BN 204a; БН 436, BN 336b.

sekir- 'прыгать, скакать' [Буд. I, с. 631 (*segir-*); ДТС, с. 494; ср. Назарова 1972, с. 128] – см. БН 9, BN 8a; см. там же топоним *tekä sekiritkü*, ср. название города *sekirmä* [ДТС, с. 494].

silk- 'трясти, вытряхивать' [Буд. I, с. 633; ДТС, с. 500] – см. БН 246, BN 194b.

syn- 'ломаться, переламываться, разбиваться' – возвр. от *sy-* 'ломать, разбить' [Буд. I, с. 704; ДТС, с. 503] – см. БН 212, BN 170a; БН 311, BN 242a; БН 324, BN 251a; БН 436, BN 337a; БН 481, BN 371b.

šarylda- [чаг.], см. *šarla-* [казан., тоб.], *šarqylda-* [кир.] 'клокотать, шуметь (вода)' [Буд. I, с. 660] – см. *suwdek šaryldab...* БН 392, BN 302b '[расплавленный металл] клокоча, подобно воде...', см. еще БН 445, BN 343b. Ср. перс. *šaridän* 'истекать с шумом, с рокотом' [Гафф. II, с. 488]. Ср. еще тур. *šyrylda-* 'ворчать, бранить' [Буд. I, с. 666].

ɣyrqɣra- [чаг.] 'рыкать' [Буд. I, с. 778] (ср. *qɣrɣa-* 'ругать, бранить, клясть' [ДТС, с. 445]) – см. *bir šer ɣyrqyrab čyqty* БН 298, BN 232b 'Рыча, вышел лев'.

qap- [чаг.] 'клевать, глотать, кусать; схватить, похитить, унести' [Буд. II, с. 3], 'хватать, захватывать' [ДТС, с. 420] – см. БН 90, BN 73a. Производное имя от этого глагола *qapu* [чаг.] 'укушение', 'горсть, захват, добыча' и *qapudaɣy* 'то, что можно захватить', 'то, что лезет в руку, в добычу' [Буд. II, с. 3] – см. БН 90, BN 73a.

qaba- [чаг.] 'окружить, осадить (крепость, город)' [Буд. II, с. 2; Назарова 1972, с. 177] – см. БН 39, BN 31b; БН 208, BN 167a; БН 293, BN 228b; БН 334, BN 258a. Чаг. *qabal* 'осада' – именное производное от этого глагола [Буд. I, с. 2; Назарова 1972, с. 177], см. БН 305, BN 234b.

quryala- [чаг.] 'искать у кого-л. защиты, прибегнуть под защиту, укрываться (например, войти в чужую кибитку от дождя или от преследования)' [Буд. II, с. 78], производное от чаг. *quryа-* 'охранять от чужого посягательства, защищать', 'окружить стеною, укрепить' [Буд. II, с. 77], в "Бабур-наме" представлено в форме *quryadab*, см. о ней: "форма кир. вместо *quryalab*, встречается и

у Бабура" [Буд. I, с. 78]. См. *ǯäŋällarda quryadab mutämärridliq qylyb mal bermaslar* БН 355, BN 274b 'Народ, скрываясь [и защищаясь] в этих лесах, проявляет непокорность и скот не отдает'.

qus- 'блевать, рвать кого' [Буд. II, с. 81; ДТС, с. 470], см. *köŋli bärhäm ur-* 'тошнить'. Пример: *iki üč näwbät köŋlum bärhäm urub qusa jazdym* БН 396–397, BN 306a 'Три раза меня тошнило, чуть не вырвало'.

qul- [чаг.] 'просить прощения, просить вообще, испрашивать, желать', 'свататься, желать сочетаться браком' [Буд. I, с. 92] – см. *uluy mirzaniŋ bir qyzy* (БН 208_{15}: *qyzny*) *bu oylyya quldy* БН $208_{15\text{-}16}$, BN $167b_2$ 'Одну дочь Улуг мирзы он сватал за этого своего сына'.

jap- 'покрывать, накрывать, закрывать' [Буд. II, с. 320; ДТС, с. 235; ЭСТЯ 1989, с. 127–128] вместе с производным *japuy* 'чепрак, попона' [Буд. II, с. 320], но *japyy* (рел.) 'наслоение, придаток' [ДТС, с. 236]. См. *jyraqtyn japuy japyan dek körunur* БН 357, BN 275b 'Издали кажется, как будто [носорог] покрыт попоной'.

jasa- 'строить, делать, устраивать' [ДТС, с. 245], 'сделать, устроить,... зарядить (ружье); снарядить, убрать...' [Буд. II, с. 330; ЭСТЯ 1989, с. 150–152] – см. *üj jasa-* БН 356, BN 277b 'строить дом', *bayčalar wä häwuzlar jasadylar* БН 389, BN 300b 'устроили небольшие сады и пруды', см. еще БН 288, BN 225a; БН 292, BN 228a; БН 314, BN 244a; БН 314, BN 244b; БН 344, BN 266a; БН 355, BN 274b; БН 388, BN 299b. Залоговые формы *jasa-* употребляются редко, см. понудительный залог *jasat-* 'заставить устроить' БН 314, BN 244a. См. сочетание *jasa-* с его производным именем *jasal* [чаг.] 'строй войска, отряд' [Буд. II, с. 330; Назарова 1972, с. 175]: *jasal jasa-* 'приготовиться к бою, выстроиться' [Буд. II, с. 330] – см. БН 134, BN 109b; БН 265, BN 208b; БН 402, BN 310a. Сочетание другого производного *jasaq* 'дань, повинность государственная', 'запрещение, наказание, штраф' [Буд. II, с. 329; Назарова 1972, с. 175] с глаголами *jetkur-* или *tekur-* имеет значение 'подвергнуть наказанию, казнить' [Буд. II, с. 329] (примеры: БН 196, BN 158a; БН 275, BN 215b), с глаголом *jet-* 'быть наказанным, казненным' (пример: БН 341, BN 264a).

jut- 'глотать', 'испытывать что-л., подвергаться чему-л.' [ДТС, с. 282], 'глотать, поглощать, пожирать' [Буд. II, с. 370–371] – см. в сочетании с арабизмом *'uzr* 'извинение, прощение': *häsän čälä-bi:niŋ kеč qalyanynyŋ 'uzrini jutub...* БН 467, BN 361b 'приняв извинения за то, что Хасан Челеби опоздал ...'.

jükun- [чаг.] 'преклонять колени, припадать, падать ниц перед ханом (во время просьбы или представления)' [Буд. II, с. 380; см. ЭСТЯ 1989, с. 264–265], 'поклоняться, кланяться' [ДТС, с. 285; Назарова 1972, с. 173]. См. *üč jükundum* БН 39, BN 32a 'Я трижды

преклонил колени' (из описания церемонии посещения хана). Понудительно-страдательный залог *jükundurul-* 'быть заставлену преклоняться или повиноваться, быть возвышену в звание, удостоену почетного звания' [Буд. II, с. 381; см. Назарова 1972, с. 173] принадлежит к кругу административной лексики в "Бабур-наме" – таким путем посвящали, например, в регенты и в нукеры, щедро одаривая при этом посвящаемых (БН 311, BN $247b_{2\text{-}4,\ 7}$), вводили в вассальное владение землями (БН 486, BN 376a).

joluq- 'встретить ксго (с дат.), сойтись, наткнуться' [Буд. II, с. 383; ДТС, с. 272; ЭСТЯ 1989, с. 218] – см. *jolda qasim bekka joluqub...* БН 249, BN 196b–197a '... встретив по пути Касим бека ...'.

РАЗДЕЛ II. ОТБОР ЛЕКСИКИ В АВТОРСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

§ 1. О военной лексике

В значении "воин" здесь употребляются два слова – собственно тюркское, в чагатайском варианте *jigit* 'юноша, молодой человек' [ДТС, с. 260], 'юноша, молодой человек (от 20–30 лет), храбрый, удалый, мóлодец' [Буд. II, с. 359] и заимствование из монгольского *nukär* [монг. *nökür*] 'соратник, боевой друг, дружинник, слуга; нукер', 'слуга, служитель, прислужник, сотоварищ' [Буд. II, с. 296][41], см. также выше с. 208–210. См. примеры употребления этих двух частотных слов в "Бабур-наме": *... bir neča jigit tüšub jürub oq qojdylar* БН 251, BN 198b '... несколько молодцев, спешившись и двигаясь [вперед], пускали стрелы'; *... munča qalyn jaraqlyq nukär bilä bir makijan bilä häm tutušmady* БН 36, BN 29a '... [располагая] столь большим числом вооруженных нукеров, он не схватился [даже] с курицей'.

Отметим, что *jigit* довольно часто выступает как определяемое в составе устойчивых словосочетаний, см. *jigit jylaŋy* 'конные солдаты, конница' [Буд. II, с. 338; P III, стлб. 348: ∞ *jaläŋi* 'легкая конница' – БН 409, BN 315b; *qazaq jigit* [Назарова 1972, с. 178] – БН 435, BN 336a 'вольный (вольнонаемный?) йигит'[42], ср.

---

[41] Л.З.Будагов считал это слово "персидским"; у Бабура, по его мнению, оно употреблялось в значении "сотоварищ" [Буд. II, с. 296 – без примера из БН]. Ср., однако, БН 248, BN 196a, где ясно говорится, что нукер – это наемный воин.

[42] См. производное от *qazaq qazaqlyq* [Назарова 1972, с. 178]: *aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda menin biländ bilä edi* БН 13, BN 11a 'В периоды [нашего] казачества (странствий в обездоленности) и междуцарствия [моя мать] по большей части была со мною вместе'.

свободное определительное словосочетание, употребленное для обозначения охотников: *qušluq wä itlyq jigitlar* БН 175$_{11-12}$, BN 141b$_{14}$ (здесь первое слово написано неразборчиво: то ли *häwaslyq* 'страстно желающий', то ли *muslyq* 'с бритвой') 'йигиты с ловчими соколами и собаками'.

Для обозначения пеших воинов, пехоты вообще в "Бабур-наме" употребляется устойчивое словосочетание *jajaq jylaŋy* [Буд. II, с. 338; Р III, стлб. 349: ∞ *jäläŋi* 'легкая пехота'; Назарова 1972, с. 174 – *яёг*]. Примеры: ... *beš alty jajaɣ jalaŋ bilä keldi* БН 254, BN 200b '... пришел с пятью–шестью пехотинцами' (ср. 'с пятью–шестью пешими, голыми йигитами' (?) [Бабур-наме 1958, с. 233]), см. еще БН 52, BN 42a; БН 338, BN 261a. В этом же значении здесь может употребляться чаг. *jajaɣ* 'пеший; пешком; ... также инфантерия, пехота' [Буд. II, с. 387], см. *jaja* 'пешее войско (до янычар), получавшее жалованье' [Грунина 1988, с. 76]; ср. "древнюю йотированную форму *йадаҡ*" в статье АЙАК 'нога' [ЭСТЯ 1974, с. 103]. См. БН 138, BN 113a; БН 319, BN 247b; БН 338, BN 261a; БН 394, BN 303b; БН 483, BN 373b. В значении 'пехотинец' чаще используется *jajaq*, гораздо реже перс. *pijadä* 'пехотинец; пеший; пешеход; пешком' [Гафф. I, с. 136], причем обычно – в сочетании с именами собственными, например: *šäjbaq pijadä bilä därwiš 'äli pijadä* БН 291, BN 227a 'Дервиш Али-пехотинец с Шейбаком-пехотинцем', *rähmät pijadä* БН 340, BN 263a 'Рахмат-пехотинец', еще БН 258, BN 203b; см. *jajaq* – имя собственное (ТТ IX$_{113}$) [ДТС, с. 226]. Ср. употребление того и другого имени в сходных контекстах: *biz daɣy bir jajaqdyn 'inajät färmanlari jibarib* ... БН 338, BN 261a 'Мы также отправили с пешим гонцом (букв. через пехотинца) милостивые грамоты...'; *häbärni bir pijadä kelturub edi* БН 391, BN 302a 'Один пеший гонец (букв. пехотинец) доставил эту весть'[43]. Слово *jajaq* могло использоваться также в функции глагольного определения, в значении "пешком", см., например БН 189, BN 152b. Производный глагол *jajaqla-* 'идти пешком' [Буд. II, с. 388] также представлен: *abädan abädan kišilar jajaqladylar* БН 189, BN 152b 'Очень хорошие (знатные) люди шли пешком', см. еще БН 200, BN 161b. Основной глагол *jaja-* зафиксирован в "Бабур-наме", его значение 'идти пешком по дну воды [реки]' – выводится Л.З.Будаговым [Буд. II, с. 388] из следующего примера: ... *suwɣa kirduk jarymydyn köprak jajab oq kelindi* БН 110, BN 90a$_{12}$ (*kelildi*) '... мы вошли в

[43] Подобный параллелизм в использовании названной пары синонимов идет вразрез с утверждением А.Беверидж о том, что фарсизм *pijadä* якобы был несвойствен языку "Бабур-наме" и встречается, по ее утверждению, только в издании Ильминского (см. об этом во Введении с. 30–31).

реку и более ее половины прошли пешком [по дну]'. Слово *jajaq* и употребительные его варианты *jadaγ, jaδaγ* 'пеший; пешком' см. [ДТС, с. 226, 222, 223]; *jajaq* 'пеший, пешком', *jajaq čärigi* 'пешее войско' см. в "Сираҗ ал-қулуб" (середина XVI в.) [Наджип 1989, с. 223]. В "Кысса-и Юсуф" Али (начало XIII в.) см. *jajan* 'пеший' [Наджип 1989, с. 75].

Для обозначения войска, армии в "Бабур-наме" употребляется высокочастотное *čerik* [скр. *kṣatrika,* через посредство монгольского языка] [ДТС, с. 144; см. Буд. I, с. 475; Назарова 1972, с. 164]; малочастотное перс. *läškär* 'армия, войско' [Гафф. II, с. 714; Буд. II, с. 188] встречается в Керовом списке взамен обычного *čerik*. Ср. *barča čerik eli jaraγlanyb atlandylar* BN 208a$_{14}$ 'Весь войсковой люд, вооружившись, выступил в поход' и перефразировка *hämmä läškär jaraq kijib* БН 264$_{22\text{-}23}$ 'Все войско, надев вооружение, [выступило в поход]'; см. еще *čerik eli* BN 209a$_{4,\ 6}$, но *läškär ḫalqy* БН 265$_{22,\ 23}$ 'войсковой люд'. См. примеры употребления *čerik* в обоих списках: БН 71, BN 57a; БН 206, BN 165b; БН 257–258, BN 203b; БН 311, BN 241b; БН 345, BN 267a; БН 349, BN 270a. Слово это часто употребляется в устойчивом словосочетании с глаголом *tart-* 'тянуть, тащить, вести': *hindustanγa čerik tarttuk* БН 348, BN 269a 'Мы вели войско на Хиндустан', см. еще БН 7, BN 5b; БН 203, BN 163b. От *čerik* с помощью аффикса *-lA-* производится глагол *čerikla-* 'расположить, сосредоточить, вести войско' [Буд. I, с. 475], см. БН 232, BN 184a; БН 288, BN 225a. Иногда этот глагол имеет при себе в качестве внутреннего объекта имя *čerik* : *čerik čeriklab* БН 491, BN 380a 'поведя войско' и с вин. падежом при наличии конкретизатора-определения: *hindustan čerikini čeriklab* БН 33, BN 26b 'собрав войско Хиндустана', см. еще БН 284, BN 222a. Об употреблении *čerik, čeri* 'войско' в "Гулистан биттюрки" Сейфа Сарайи (XIV в.), а также в более ранних памятниках, начиная с Словаря Махмуда Кашгари см. [Наджип 1989, с. 112].

Для обозначения построения войска в "Бабур-наме" употреблялась монгольская и тюркская лексика: [монг.-чаг.] *jasal* 'строй войска, отряд' [Буд. II, с. 330; Назарова 1972, с. 175] и соответственно *jasal jasa-* 'приготовиться к бою, выстроиться, привести строй в боевой порядок' [Буд. II, с. 330]; монг. *baraγun, bäraγun* 'правое крыло войска, армии' [Буд. I, с. 251; Назарова 1972, с. 24], [монг.] *ǯuwäγun* 'левое крыло армии' [Буд. I, с. 444; Назарова 1972, с. 46]; *oŋ qol wä sol qol* 'правая и левая дивизии [центра]' [Буд. II, с. 87], *oŋ wä sol* 'правый и левый фланг' [Буд. II, с. 87]; *γul* (*γol*) 'центр войска' [Буд. II, с. 87; Назарова 1972, с. 185]. Эти значения приводятся Л.З.Будаговым по изложению в тексте того, как хорошо и правильно построил свое войско полководец Бабур

перед решающей битвой, и по его же объяснению, какое значение он вкладывает в каждое из приведенных здесь слов (БН 266, BN 209a–b). Примеры: *bärunγar γuwänγar jasal jasab...* БН 265, BN 208b 'правый фланг, левый фланг выстроившись...', см. еще БН 409, BN 315b; *γanimniŋ oŋ qoly wä sol qoly* БН 345, BN 267a 'правый фланг и левый фланг врага'. См. [чаг.] *qaraul, qarawul* [< монг.] 'стража, караул ...; сторожевой отряд, назначенный на известный пункт для встречи неприятеля; передовой отряд, который начинает сражение или дает знать своим, когда показывается неприятель' [Буд. II, с. 48], *čaγdawul* [< монг.] 'конный караул' [Буд. I, с. 477], 'караул, стража, конвой' [Наджип 1989, с. 201; Назарова 1972, с. 165, 166]. В "Бабур-наме" оба этих слова могут встречаться рядом в одном контексте, см. БН 131, BN 106b; БН 260, BN 205a.

Для обозначения места стоянки войска используются два ставшие здесь синонимами слова: а) *ordu* 'стан, лагерь' [Буд. I, с. 124; Назарова 1972, с. 176], 'ставка, резиденция хана, дворец' [ДТС, с. 370], подробно см. [ЭСТЯ 1974, с. 470–472]. См. БН 340, BN 263a; БН 472, BN 364a; б) *jurt* 'страна, государство, царство, владение; жительство, отечество; стойбище, стан, лагерь' [Буд. II, с. 371; см. еще Назарова 1972, с. 174], 'дом, владение, место жительства, земля, страна' [ДТС, с. 282]; в "Бабур-наме" употребляется в значении 'стан [войска], [военный] лагерь', см. БН 276, BN 216b; БН 340, BN 263a; БН 471, BN 364a. См. использование двух этих слов в пределах одного предложения: *biltur ošbu ordu tüškan jurt* БН 474, BN 366b 'стойбище, где в прошлом году располагался тот именно лагерь'.

Значение "враг" передают в "Бабур-наме" четыре синонима, разные по происхождению: собственно тюркское *jaγy* 'враг' [ДТС, с. 224; Малов 1951, с. 383; Назарова 1972, с. 41], ар. *γanim* 'противник, враг, неприятель, недруг' [Гафф. II, с. 586], ар. *muḫalif* 'противник' [Назарова 1972, с. 92], перс. *dušman* 'враг, неприятель, противник'. Из них высокочастотны *jaγy* (см., например: БН 251, BN 198; БН 260, BN 205a; БН 330, BN 255b; БН 438, BN 338b) и *γanim* (см., например: БН 197, BN 158b; БН 259, BN 204b; БН 342, BN 264b; БН 344, BN 266a; БН 409, BN 315b; БН 436, BN 337b; БН 450, BN 347b). Реже встречается *dušman*, см. БН 271, BN 213a; БН 409, BN 315a; нельзя назвать частотным и *muḫalif*, см. БН 361, BN 278b; БН 435, BN 336a; БН 485, BN 375a. Представление о характере использования названных синонимов дает следующий пример: *... az kiši bilä mälik qasim jaγyny dairäsiγa urub atqulab syγydurdy* (БН 436_3: *syγyndurdy*) *muḫaliflar qalyn kiši bir fil bilä kelib zurladylar* БН 436_{2-4}, BN $336b_{12-14}$ '... Малик Касим с малым числом людей напал на лагерь врагов и,побивая, потеснил [их]. Многочисленные

люди противников пришли с одним [боевым] слоном, осилили [Малик Касима]'; *jaγy* и *γanim* см. БН 268$_{1\text{-}2,\ 10\text{-}11}$, BN 210b$_{6,\ 13}$; *dušman* и *jaγy* см. БН 387$_{19\text{-}20,\ 23}$, BN 299a$_{11,\ 13\text{-}14}$. Производные отмечены только для слова *jaγy*: а) *jaγylyq* 'вражда, враждебность' [ДТС, с. 224], см. БН 381, BN 294b; б) *jaγyq-* 'враждовать' [ДТС, с. 224], см. БН 211, BN 169a; БН 301, BN 234b (см. также [Назарова, 1972, с. 41]).

Наименования вооружения: *jaraq, jaraγ* 'приготовление, снаряд, оружие, вооружение' [Буд. II, с. 354], см. БН 52, BN 42a; *ǯäbä, ǯäibä* [< перс.] 'латы, броня, кирас, всякое железное вооружение, состоящее из разных частей и надеваемое на себя' [Буд. I, с. 432; Назарова 1972, с. 44]; *keǯim* [< перс.] 'род военной одежды, кирас, латы, надеваемые на воинов, слонов и лошадей' [Буд. II, с. 117; Назарова 1972, с. 61]; *saγdaq* 'колчан' [Назарова 1972, с. 131], см. *meniŋ saγdaq qylyčdyn özga jaraγym joq edi* БН 131, BN 107a 'У меня не было оружия, кроме колчана и сабли'. Слова эти активны в словообразовательном отношении, причем их производные принадлежат к одним и тем же словообразовательным моделям, см. а) *jaraqlyq nukär* БН 36, BN 29a 'вооруженный воин'; *ǯäibälik keǯimlik oq suwγa kirdur* БН 110, BN 90a 'Прямо одетые во всякое железное снаряжение мы вошли в воду'; ср. также *jetti sekiz oqluq jajlyq kiši* БН 252, BN 199a 'семь-восемь человек с луками и стрелами'; б) *biz daγy ǯäibälanyb wä jaraγlanyb atlanduk* БН 344, BN 266a 'Надев на себя латы и вооружившись, мы тоже выступили в поход', см. *jaraqla-* 'снарядить, вооружить' [Буд. II, с. 354].

О названиях огнестрельного оружия упоминалось выше, см. с. 59 примеч. 3, с. 140–142, 206. Заметим только, что слово *qazan,* метафорически используемое в "Бабур-наме" для обозначения пушки, употребляется здесь и в традиционном своем значении "котел": *qazanda aš pišurur mähälda tattururlar ermiš* БН 396, BN 305b 'В то время, когда пищу варят в котле, они, оказывается, [всегда] заставляют пробовать [ее]'. С точки зрения истории освоения огнестрельного оружия интерес представляет военный термин *taš üji* БН 401, BN 309a 'казенная (задняя) часть пушки', букв. 'дом (гнездо) камня (т.е. ядра)'. Перечисление различных видов огнестрельного оружия см. в следующем примере: *ustad 'äli quly wä mustäfi top wä tufänk zärbzän wä firäŋgi bilä urušqa mašyul bolub...* БН 480, BN 371a 'Устад Али Кули и Мустафа, занявшись стрельбой из пушек и ружей, полевых пушек и [другого] огнестрельного оружия...', см. *top* 'пушка' [Буд. I, с. 741], *tufänk* [< перс.] 'ружье' [Буд. I, с. 363; Назарова 1972, с. 148], *zärbzän* [< перс.] 'полевая пушка' [Буд. I, с. 718; Назарова 1972, с. 48], *firäŋgi* [ар.-перс.] 'огнестрельное оружие' [Буд. I, с. 78]. В "Бабур-наме" названы

также приспособления, с помощью которых осуществлялся приступ и взятие крепости: а) *törä* ʿбруствер, парапетʼ (в таком значении это многозначное слово употребляется здесь; в "Шейбани-наме" оно означает "баррикада, делавшаяся из повозок") [Буд. I, с. 391; см. еще Назарова 1972, с. 149]; в [ДТС, с. 581] у слова *törü* военизированная семантика не зарегистрирована; б) *šatu* ʿлестницаʼ [Буд. I, с. 659; см. еще Назарова 1972, с. 171], *šatu qoj-* ʿставить лестницу для приступа крепостиʼ [Буд. I, с. 659]. Примеры: *färman boldy kim čerik eli törä wä šatu wä quryan almaq asbabi täjar qylyajlar* БН 276, BN 216b ʿБыло приказано, чтобы войсковой люд приготовил парапеты, лестницы и [другие] орудия [для] взятия крепостиʼ, см. еще БН 431, BN 333a, где в семантически схожем тексте вместо *quryan almaq asbabi* ʿорудия приготовления [для] взятия крепостиʼ употреблен арабско-персидский синоним *qälʿagirlyq asbabi.*

Значения "бой, сражение, битва" в "Бабур-наме" передаются синонимами тюрк. *uruš,* ар. *mäsaff* букв. ʿряды сражающихся; поле сражения; битваʼ [Буд. II, с. 236; Назарова 1972, с. 73]. Описывая деяния государей и полководцев своего времени, Бабур обычно вычленяет особую часть подзаголовком *mäsaff wä urušlary* БН 9, BN 7b ʿЕго битвы и сраженияʼ, то же БН 204–205, BN 165a. Иногда *uruš* употребляется в паре с другим синонимом – чаг. *talaš* ʿссора, спор, раздор, драка, травляʼ [Буд. I, с. 336]: *munča qalyn čerik uruš joq talaš joq biri biriga* (BN $19b_3$: без аффикса принадлежности) *baqmaj buzuldylar* БН $24_{13\text{-}14}$, BN $19b_{2\text{-}3}$ ʿСтоль многочисленные войска [в условиях, когда] сражения нет, стычки нет, не глядя друг на друга, порушили [свой строй]ʼ. См. также [чаг.] *ilyar* ʿнабегʼ [Буд. I, с. 207] – см. БН 206, BN 165b.

Из глаголов военной семантики здесь приведем *atlan-* ʿсесть верхом, выступить в походʼ [Буд. I, с. 56] – см. БН 344, BN 266a; *jüruš qyl-* ʿпредпринимать походʼ (см. *jüruš wä turušyn qyl-* BN $226b_{14}$, но *turuš wä jüruš qyl-* БН $290_{22\text{-}23}$); *čapqulaš-* ʿрубиться на саблях; делать разбойничьи набегиʼ (см. БН 81–82, BN 65b); *tutuš-* ʿсхватиться с кем, ссоритьсяʼ [Буд. I, с. 743] (см. БН 36, BN 29a); чаг. *qaba-* ʿокружить, осадить (крепость, город)ʼ [Буд. II, с. 2; Назарова 1972, с. 177] (см. БН 71, BN 57a).

§ 2. Об арабско-персидских заимствованиях в тексте

Языковая ситуация на средневековом Среднем Востоке, в частности в тимуридском тюркоязычном Мавераннахре, имела многочленную функциональную парадигму (см. [Благова 1986]), в которой арабский и персидский языки играли важную роль. Арабский –

это язык религии, науки, образования; персидский – язык культуры, отчасти науки (главным образом историографии), канцелярии. Естественно, что в этих условиях в любом средневековом тюркоязычном сочинении просто не могло не быть довольно значительного количества арабизмов и фарсизмов[44] (грамматические особенности этих заимствований в османско-турецких сочинениях подробно рассмотрены [Грунина 1988, с. 92–133]). Вопрос в том, с каких позиций отбирались тем или иным автором арабско-персидские заимствования, как эти последние соотносились с тюркоязычной лексикой в каждом конкретном сочинении. Алишер Навои, страстно ратуя в своем, как мы бы теперь сказали, лингвостилистическом сочинении "Мухакамат ул-лугатайн" за признание лексического богатства и своеобразия тюркского языка, в своих произведениях, по справедливому замечанию Н.И.Ильминского, не осуществил пропагандируемых им взглядов, из-за чего арабско-персидская заимствованная лексика явно преобладает над собственно тюркской [Ильминский 1861, примеч. к с. 36].

Как осуществляются авторские принципы сознательного отбора лексики в сочинении, намеренно выведенном за пределы придворной литературы и в отличие от нее адресованном любому – рядовому – читающему и слушающему, особенно хорошо видно на примере этой, самой многочисленной части заимствований в "Бабур-наме".

В соответствии с исторически данной языковой ситуацией и сложившейся литературно-языковой традицией в "Бабур-наме", естественно, достаточно широко представлены как заимствования из арабского и персидского языков, так и цитации на этих языках; преимущественно это цитации на персидском языке (чаще всего стихотворные и фольклорные – пословицы, поговорки). И все же сравнительно с современной ему литературой "Бабур-наме" характеризуется относительно умеренным употреблением арабизмов и фарсизмов, причем чаще всего таких, которые были, по всей видимости, доступны пониманию рядового читателя (возможно, что часть их уже вошла в речевой обиход тюркоязычного населения Мавераннахра) и принадлежали к стилистически нейтральному слою лексики, а иногда – к пейоративному (перс. *märdäk* 'человечишко' и др.), реже – к слою лексики высокого стиля. Среди них – множество арабских масдаров и причастий, действительных и страдательных, различных пород. См. выше гл. II, § 5, см. также

[44] Представляется корректным, имея в виду литературный язык и культурно-литературное заимствование в нем (о заимствовании устным путем, через обиходную речь в средние века можно говорить гипотетически), употреблять термин фарсизм (литературное заимствование из литературного языка фарси).

гл. IV, раздел II, § 3. Ниже мы остановимся а) на тех ходовых, как правило, довольно элементарных арабских и персидских устойчивых выражениях, которые частотны в "Бабур-наме", а также б) на некоторых способах собственно тюркской обработки арабских и особенно персидских заимствований, которые здесь наблюдаются.

а) Высокочастотны арабские вводные обороты: *fi-l-ǯümlä* ‘вкратце, одним словом, итак’ (например: *fi-l-ǯümlä jaḫšyraγ boldum* БН 197, BN 157a ‘Итак, я стал понемногу поправляться’, см. еще БН 226, BN 180b; БН 277, BN 181a; БН 338, BN 261b; БН 367, BN 283b; БН 368, BN 283b; БН 492, BN 380b); *fi-l-waqi‘* ‘действительно, в самом деле, на самом деле’ (например: *šäjbani: ḫannyŋ ‘alämda bir jaḫšy iši kim bar bu dur fi-l-waqi‘ ḫob bar dur* БН 229, BN 182b ‘Одно хорошее дело, которое [числится] за Шейбани ханом на [этом] свете, [вот] это [на пиру велел надавать по шее привередничавшему музыканту. – *Г.Б.*]; оно, действительно, хорошее’, см. еще БН 189, BN 152b; БН 236, BN 187a; БН 256, BN 202b; БН 366, BN 282b; БН 466, BN 360b).

Встречаются также арабские обстоятельственные обороты, предложные и беспредложные: *fi-l-hal* ‘тотчас, сейчас, тотчас же’, например: *bäd kälam edi jinä sözini fi-l-nal aŋlab bolmas edi* БН 33, BN 26a ‘Был он косноязычным, даже сразу нельзя было понять его слова’, см. еще БН 182, BN 147a; БН 189, BN 152b; БН 229, BN 182a; БН 232, BN 184a; БН 241, BN 190a; БН 284, BN 222a; БН 356, BN 274b; БН 384, BN 296b; БН 470_{16} (BN $363b_{12}$: лакуна); *müddät ul-‘umr* ‘протяжение жизни, в течение жизни’, например: *andaq sowuq edi kim müddät ul-‘umr anča sowuq käm körulub edi* БН 250, BN 197b ‘Был такой холод, что за [всю свою] жизнь [я] мало видал таких холодов’.

См. также арабские определительные словосочетания *muti‘ ul-islam* БН 352, BN 272a ‘подвластный исламу’ (об индийских раджах), *dar ul-härb* ‘неприятельская сторона, земля’ и *dar ul-islam* ‘исламская страна’ – см. *čändiri kim neča jyl edi dar ul-härb bolub edi... biz iki künda zurlab alyb... dar ul-islam qyldym* БН 352, BN 272a ‘[Земли] Чандири, которые несколько лет были неприятельской стороной, мы захватили силой в течение двух дней, ...я превратил их в страну ислама’.

Из разнообразных персидских оборотов, по большей части уже лексикализовавшихся, назовем: *ḫahi naḫahi* ‘волей-неволей’ (*ḫahi naḫahi razi boldum* БН 132, BN 108a ‘Волей-неволей я согласился’); *zad bud* ‘место рождения’, ‘отечество, родина’ (*zad wä bud andiǯan wilajätini bayyšlab...* БН 254, BN 200b ‘подарив мое родовое владение – область Андижана...’), *päj där päj* ‘шаг за шагом’, ‘по-

следовательно', 'беспрерывно' (см. БН 483, BN 373b); *ru bäru* 'лицом к лицу', 'напротив', 'навстречу' (БН 126, BN 103a; этот персидский оборот может быть представлен в Керовом списке *ru bärujimγa* БН 267_{21}, но заменяться в Хайдарабадском списке тюркским *utrumda* BN $210b_2$); перс.-тюрк. *köč bär köč* 'перекочевка за перекочевкой', 'переход за переходом' (см. БН 312, BN 242b; БН 313, BN 242b; БН 347, BN 268a; БН 388, BN 299b; см. еще БН 264_{20}, но пропуск в BN $208b_2$).

б) Из особенностей использования и освоения арабско-персидских заимствований, как они представлены в "Бабур-наме", отметим прежде всего, что наречия ар.-перс. *märdanä* 'мужественно; отважно, храбро; благородно; открыто, откровенно', *padšahanä* 'по-царски, царственно' часто функционируют здесь как именные определения, см. *sultan husäjn mirza dek märdanä wä uluq padisah bu iki üč jürušta* (БН 206_4: *urušta*) *padšahanä 'äzmini* (BN $165b_7$: *'äzmi*) *bäžaj kelturmaj...* БН 206_{3-4}, BN $165b_{6-7}$ 'Такой храбрый и великий государь, как Султан Хусейн мирза, в эти два–три похода не осуществив свое царственное решение...', см. еще БН 22, BN 17b; БН 196, BN 158a; БН 382, BN 295a. В качестве определения к тюрк. *barmaq* 'палец' может выступать ар. *bunsur* 'безымянный палец', см. *bunsur barmaγym* БН 311, BN 242a 'мой безымянный палец'. От наречия *märdanä* с помощью аффикса *-lyq* производится существительное, см. *märdanälyγy* БН 216, BN 172b 'его смелость'. К персидским именам-субстантивам, например *namärd* 'недостойный, низкий, подлый', 'малодушный, трусливый, трус', *gird* 'круг, окружность', 'орбита', 'окрестность', 'окружение, обхождение вокруг', 'кругом, вокруг', присоединяется аффикс *-raq*, значение которого – смягчение и уменьшение качества, см. *namärdraq kiši erdi* БН 148, BN 120b 'трусоватый это был человек'; ... *bärgi tal bärgiga fi-l-ǯümlä oḫšar girdräk wä jašilraq dur* БН 368, BN 283b '... его лист в целом похож на лист тальника, [только] округлее и зеленее'.

Заимствуются также ар.-перс. определительные словосочетания, построенные по модели персидского изафета, см. *ahl-i näγma* и *ahl-i saz* БН 229, BN 182a 'музыканты' и 'те, которые играют на сазе (= "сазисты")'. Возможно, что в чагатайском языке рубежа XV–XVI вв. такие словосочетания воспринимались в качестве сложных слов, как это было в османско-турецком (см. [Грунина 1988, с. 131]). Во всяком случае, к последнему члену "персидского изафета" в "Бабур-наме" может присоединяться аффикс *-lyq*, образуя сложносоставное прилагательное, см. *sahib(-i) täzribälyq padšah* БН 108, BN 88a 'многоопытный государь'.

Персидские или арабско-персидские сложные слова, образуемые по модели словосложения "имя (персидское или арабское) + персидская глагольная основа", представлены в "Бабур-наме" в тюркизированном, освоенном виде – с прибавлением абстрагирующего имяобразующего аффикса *-lik*. Примеры: *mülkgirlik wä mämläkät darlyq* БН 80, BN 64b 'завоевание царств и управление страной', *ǯähangirliq wä läškärkešliq* БН 206, BN 166a 'миродержавие и полководчество'.

§ 3. Синонимия в "Бабур-наме"

В "Бабур-наме" широко представлены синонимы как абсолютные, так и относительные, функционально-речевые и стилистические. Параллельное (или так или иначе соотнесенное) использование стилистических синонимов составляет особую фигуру речи [Ахманова 1969, с. 406]. В "Бабур-наме" особое развитие синонимия получила за счет использования синонимов арабского и персидского языков, а не одних только собственно тюркских синонимов. Обычно употребляются парами следующие синонимы.

а) Арабские: *täräddud wä täwähhum* БН 342, BN 264b 'нерешительность и опасения', *ǯäfa wä 'äzab* БН 97, BN 79a 'притеснение и мучение', *'äzab wä mäšäqät* БН 219, BN 175a 'мучение и трудности', *'äzab* и *'uqubät* 'наказание; возмездие; мучение; пытка' БН 249, BN 196b; *täšwiš* 'смущение' и *mäšäqät* 'трудность, затруднение' БН 244, BN 193b. Синонимизированными парами выступают в составе аналитических глагольных структур арабские причастия (см. [Благова 1971, примеч. 16 к с. 89]), например: *mujässär wä musäḫḫär qyldy* БН 348, BN 269a '... даровал [нам бог] и позволил [Хиндустан] покорить', то же – БН 156, BN 128a; см. еще *... mäzkur wä mästur boldy* БН 256, BN 202b '... было упомянуто и написано', *... mäzbut wä mustähkäm qylyb...* БН 249, BN 197a '...укрепив и усилив [крепость]', *... mutäräddid wä mutäwähhim edilar* БН 342, BN 264b '... они пребывали в сомнениях и опасениях'.

б) Персидские (в тюркской аффиксальной аранжировке): *ḫorlyq wä zarlyq* БН 29, BN 23a 'унижение и сетование'.

в) Арабский и персидский: *äwbaš wä jetim* БН 112, BN 91b 'чернь (сброд, люди низшего класса) и низший класс людей – голытьба (сирота; народ отчаянный, голь)'; *däydäyä wä täräddud* БН 255, BN 202a; БН 408, BN 314b 'смятение и нерешительность', *mekr wä firib* БН 135, BN 110b 'обман и обольщение'; *bi ǯäng wä ǯidal* БН 96, BN 78b; БН 156, BN 128a 'без боя и сражения', *zulm wä bidad* БН 43, BN 33a 'угнетение и несправедливость'.

г) Тюркский и арабский: *mäsaff uruš* БН 87, BN 70b 'битва-сра-

жение'; *kümäk wä mädäd* БН 115, BN 94a 'помощь и подкрепление'.

д) Тюркский и персидский (*jamanlyq wä bädnamlyq* БН 43, BN 33a 'зло и бесславие').

е) Сочетание тюркского и арабского синонимов-определяемых с персидскими синонимами-определениями (*märdanä söz wä dilirani raj* БН 408, BN 314b 'смелые слова и отважные суждения'). Генетически разноязычные синонимы из числа тех, что не были в речевом обиходе, занимали внимание Бабура, о чем свидетельствует, например, толкование синонимов из разряда административной лексики: объясняя, что в Самарканде и Бухаре небольшую область, подчиненную столице большой области (удела), называют *tüman,* он замечает, что в Андижане, Кашгаре и землях, лежащих между ними, это же именуется *orčin,* а в Хиндустане – *pärgänä* (БН 161, BN 131b).

Развитая синонимия – один из признаков литературного языка (и соответственно – литературности изучаемого сочинения). В синонимии ярко проявляется авторская индивидуальность в отборе лексики соответственно целевым установкам. Говоря о синонимии в целом, важно также иметь в виду ее конкретные, стилеобразующие применения в отдельных микротекстах.

В "Бабур-наме", как и в других сочинениях чагатайской литературы, уже в силу генетических различий используемой синонимии широко представлено теснейшее соположение арабского, персидского, тюркского синонимов, употребление их в одном словесном ряду. Вместе с тем частотность этого явления, видимо, типологически присуща средневековой литературе в целом, см., например, о "рядах, включающих близкие, однотипные, но не тождественные по своему значению лексемы", в средневековой немецкой литературе [Гухман, Семенюк 1983, с. 180].

Высокая степень насыщенности текста синонимами видна из следующего примера, где пять синонимических пар и одна антонимическая (арабизмы и фарсизмы) выстраиваются в цепочки, передавая тем самым накал обличительного пафоса повествования: *bu näw' zulm wä fisqdin bäžan wä dil azurdä wä ränžidä boldylar wä zäji' wä šärif füqir wä miskin näfrin wä du'a-ji bädiya ayyz ačyb qol kotardilar* БН 30, BN 24a '[Жители Самарканда] были до [глубины] души и сердца оскорблены и разгневаны такого рода притеснениями и нарушениями закона религии. Именитые и благородные, бедные и нищие, отверзнув уста на хулу и проклятия, воздевали руки'. Одна синонимическая пара и две пары антонимов представлены в одном небольшом предложении: *täwr tädbiri edi jawuqtyn jyraqtyn döst dušman körgali ešitgali jahšy boldy* БН 409,

BN 315a ʿХороший это был план; это стало хорошо увидеть и услышать вблизи и издали и другу и врагу'. Как видим, такое нагнетение синонимических и антонимических пар является одним из средств достижения выразительности и эмоциональности повествования.

Нередко в целях достижения эффекта эмоциональности выстраивающиеся в одном микротексте ряды и пары синонимов сочетаются с другими словесными средствами усиления выразительности. Например: *mülkgirlikta wä mämläkät darlyqta agärčä bä' zi išlar zahirda mä'qul wä muwäžžäh körunur wäle här išniŋ zimnida jüz miŋ mulahäzä waǯib wä lâzim dur ošbu bi mulahäzä hukm qylyanymyzdyn ne miqdar šor wä fitnälär qopty* БН 80, BN 64b ʿПри завоевании царств и управлении страной хотя некоторые действия с виду кажутся разумными и приемлемыми, однако по сути своей для всякого дела необходимы и обязательны сто тысяч обдумываний. Сколько смут и распрь поднялось из-за того, что мы отдали один тот самый необдуманный приказ!' Здесь категоричность суждения подчеркивается синонимами-арабизмами *waǯib* ʿобязательный, непременный' и *lâzim* ʿнеобходимый, нужный, обязательный', с одной стороны, а с другой – гиперболой *miŋ jüz mulahäzä* ʿсто тысяч обдумываний'; эмоциональность восклицательного предложения усилена синонимами-фарсизмами *šor* ʿволнение, смятение, сумятица, суматоха' и *fitnä* ʿсмута, распря'. В рассказе о посещении Бабуром могилы отца: *ʿäza räsmini bäǯaj kelturub aš wä tä'am fuqära wä mäsakinya tartyldy* БН 22, BN 17b ʿИсполняя траурный обычай, [мы] роздали неимущим беднякам и нищим еду и пищу', о том же обычае раздавать "беднякам и нищим еду и пищу" в тех же самых словах см. БН 195, BN 157a; БН 347, BN 268a (*bir parä jarmaq* ʿнемного денег') – здесь налицо две пары синонимов: перс. *aš* ʿкушанье, пища' и ар. *tä'am* ʿеда, пища' (прямое дополнение), ар. *fuqära* ʿбедняки, нищие, неимущие' и ар. *mäsakin* ʿбедные, нищие, беспомощные' (косвенное дополнение). Последнюю пару синонимов в ед. числе – *fäqir wä miskin* – см. также БН 30, BN 24a; БН 218, BN 174a. Другие примеры: *... här söz on wä iš küč beklarsiz qärar tapmas edi* БН 20, BN 16b ʿ[У Султан Ахмед мирзы] никакое слово, звук, дело не устанавливалось без могучих беков'; *... däštni talab taraǯ qylyb duki bilä čyqyldy* БН 288, BN 225a ʿ... разграбив и расхитив [кочевую] степь, [мы] вышли через Дуки' – здесь рядом стоят деепричастия от чаг. *tala-* ʿграбить' [Буд. I, с. 336] и от аналитической структуры с именным компонентом-фарсизмом *taraǯ qyl-* ʿрасхитить' [Буд. I, с. 331].

В приведенных выше примерах, как видим, на протяжении од-

ного микротекста могут быть употреблены синонимы, абсолютные и относительные: а) тюркские [*söz* ‘слово’ и *on* ‘звук, голос’; см. еще *tilga aɣyzɣa syqqusyz qorqɣudek waqi‘ä* БН 398, BN 307a ‘событие, не выразимое языком и устами (букв. не умещающееся на языке и в устах) и устрашающее’]; б) арабизмы (*fuqära* ‘бедняки, нищие, неимущие’ и *mäsakin* ‘бедные, нищие, беспомощные’; см. еще *šärir* ‘злой, злобный; злостный; дурной, скверный; порочный’ и *mufättin* ‘сеющий смуту; зачинщик, доносчик’ БН 231, BN 183b; ар. *kitab* ‘книга, сочинение’ и *aǯza‘* ‘отрывки, составные части [книги]’ БН 487, BN 376b; ар. *awraq* ‘листы книги, сочинения’ и ар. *aǯza‘* ‘отрывки, составные части’ БН 487, BN 376b; *ɧät* ‘письмо, грамота’ и *kitabät* ‘записи, записки’ БН 338, BN 261b; в) фарсизмы (*šor* ‘волнение, смятение, сумятица, суматоха’ и *fitnä* ‘смута, распря’); г) тюркское слово и арабизм (*keŋäš* ‘совет, совещание’ и ар. *ittifaq* ‘единодушие, согласие, случай; содействие, стечение обстоятельств, соответствие, гармония, союз, жребий, успех’ [Гафф. I, с. 6] – БН 382, BN 295a); д) тюркский глагол и фарсизм в тюркской аранжировке, т.е. в составе аналитической глагольной структуры (*talab* ‘разграбив’ и перс.-тюрк. *taraǯ qylyb* ‘расхитив’). Такое парное употребление синонимов свойственно как чагатайскому, так и другим средневековым тюркским языкам; типологически оно сопоставимо с подобным же явлением в средневековом немецком литературном языке (см. [Гухман, Семенюк 1983, с. 118, 122, 180, 182]).

С лингвостилистической точки зрения интерес представляет употребление синонимов в одном микротексте с целью избегнуть навязчивого повторения одного слова. В этом также проявляется авторское решение проблемы отбора лексики для коммуникативных целей. Примеры: *... az kiši bilä mälik qasim jaɣyny dairäsiya urub atqulab syɣynurdy* (БН 436_3: *syɣyndurdy*) *muɧaliflar qalyn kiši bir fil bilä kelib zurladylar* БН 436_{2-4}, BN $336b_{12-14}$ ‘... С малым числом людей Малик Касим напал на лагерь врагов и, побивая, потеснил [их]. Многочисленные люди противников пришли с одним [боевым] слоном, осилили [Малик Касима]’; в этом микротексте употреблены синонимы-имена – тюрк. *jaɣy* ‘враг’ и ар. *muɧalif* ‘противник’, хотя более частотным синонимом к *jaɣy* в ”Бабур-наме” является ар. *ɣanim*. В следующем микротексте из числа этих синонимов употреблен перс. *dušman* ‘враг’, выбор этого слова здесь обусловлен соседством с антонимом перс. *dost* ‘друг’ (это подтверждается и другим случаем употребления в одном контексте антонимов *dušman* и *dost* см. БН 9, BN 7b, но ср. не обусловленные употребления *dušman*: БН 178, BN 144b; БН 349, BN 270a). Чередование синонимов-наречий *bat* [чаг.] ‘скоро, быст-

ро' [Буд. I, с. 218] и *tez* [перс. → чаг.] 'скоро, проворно', 'рано' [Буд. I, с. 415], см. *ajmaqny batraq eliklaliŋ dep ǯäridä tez tebraduk* БН 231, BN 183b 'Намереваясь поскорее завладеть аймаками, мы быстро двинулись налегке'. Чередование синонимов-глаголов – тюрк. *at-* 'стрелять, метать (стрелы)' и аналитической глагольной структуры перс.-тюрк. *tir andazlyq qyl-* 'метать стрелы' см.: *andaq tir andazlyq qyldylar kim barlar qalqandyn ǯäbädin bä'zi mähälda iki ǯäbadin ötkara ötkara atyb turlar* БН 203, BN 163a 'Они так[хорошо] стреляли, что, бывало, простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда – даже две кольчуги'; *men här giz hič ɣäzälimni jyɣyšturmaq wadi:sida bolmadym... bu ɣäzälijatini inisi... ǯäm' qylybtur* БН 225, BN 179b '[Поэт Асафи говорил:] Никогда никакие свои газели я не намеревался собирать воедино... Эти его газели собрал... его младший брат'. Здесь параллельно употреблены тюрк. *jyɣyšur-* 'заставить собирать' и ар.-тюрк. *ǯäm' qyl-* 'собирать, собрать'. Таким образом, из примеров видим, что синонимическую пару составляют тюркское слово и близкое к нему по значению арабское или персидское заимствование (для глагола – аналитическая структура, где именной компонент заимствованный, а глагольный – собственно тюркский).

Синонимическая пара, которая оснащена наречием-усилителем *ɣäläbä* 'много', а каждый член которой – еще и аффиксом мн. числа *-lar* (также в функции усиления), способствует особой эмоциональной выразительности контекста: *...ɣäläbä jaɣylyqlar* (БН 97_{13}: последнее слово отсутствует) *jamanlyqlar bu atalyq wä oyulluqtyn zuhurya keldi* БН 97_{13-14}, BN $79b_{1-2}$ '... множество враждебных действий и злодеяний проявилось от этих отца с сыном'. Это один из примеров взаимодействия разноуровневых – лексических и грамматических – стилистических средств в языке "Бабур-наме".

В "Бабур-наме" чрезвычайно развита синонимия имен (в их субстантивных и атрибутивно-адъективных функциях). Глагольная же синонимия представлена значительно скромнее (см., например, *qus-* 'блевать, рвать кого' и *kögli bärhäm ur-* 'тошнить', *tala-* 'грабить и *taraǯ qyl-* 'расхищать, грабить', см. также формульные устойчивые выражения, к примеру – многочисленные формулы ухода из жизни). Сходное соотношение именной и глагольной синонимии, судя по приведенному материалу, можно наблюдать, например, в современных узбекских джекающих говорах [Данияров 1975, с. 199–202].

Ниже остановимся подробно на именной синонимии.

1. Синонимы с субстантивными функциями

Многочленный синонимический ряд составляют разноязычные наименования бога – *teŋri* 'бог, божество' [Буд. I, с. 370; *täŋri* ДТС, с. 544]; *uγan* [чаг.] 'бог' [Буд. I, с. 140], 'всемогущий, бог' [ДТС, с. 607]; ар. *allah* 'бог'; перс. *ḫuda(j)* 'бог'. Из всех этих наименований в "Бабур-наме" высокочастотным является слово *teŋri,* тесно связанное с тюркской литературно-языковой традицией более ранних периодов. О характере распределения названных имен см. выше, гл. II, § 5 "Формулы набожности" (с. 120–121).

Высокочастотное *kiši* 'человек' (см. *yul kišisi, irawul kiši* БН 155, BN 127a 'люди центральной части [войска], люди авангарда', см. еще БН 240, BN 190b; БН 278, BN 218a) и редко употребляемое ар. *adam(i)* 'человек' (БН 20, BN 16b; БН 218, BN 174a; БН 458, BN 354a). На возможность параллельного употребления двух этих синонимов опирается такое разночтение по спискам "Бабур-наме": *adam* БН 144_4, но *kiši* BN $118b_2$. Эти синонимы с различной стилистической окраской могут употребляться параллельно на протяжении менее чем одной полустраницы – см. БН 155, BN 126b–127a.

Частотное тюрк. *ana* 'мать' (БН 14, BN 11b) и менее употребительное ар. *walidä* 'родительница; мать' (БН 13, BN 11a; БН 146, BN 120a), обладая различной стилистической окраской, служат целям стилистической дифференциации.

Частотные *el* 'народ, племя, общество людей' [Буд. I, с. 203] и *ulus* 'народ, большое племя, орда' [Буд. I, с. 88]; по наблюдению Л.З.Будагова, "у Бабура *el* принимается за кочующее племя, а *ulus* – соединение нескольких племен, [за] род, орду" [Буд. I, с. 203]. Именно такие значения эти два слова имеют, употребляясь парно, см. *suhan sujynyŋ näwahysyda el wä ulus* БН 286, BN 223b 'кочующие племена и союзы племен в окрестностях реки Сухан', см. БН 286, BN 223a; БН 352, BN 272a. См. параллельное употребление этих двух имен в одном микротексте: БН 246, BN 194b. По нашим наблюдениям, слово *el* Бабур употребляет также применительно к своему народу (а), *ulus* – применительно к малоизвестному или же вовсе не известному народу (б). См. а) *bu fikridin bary el waqif bolub edilar* БН 31, BN 24b 'Об этом замысле [низложить двенадцатилетнего государя Андижана – Бабура] был осведомлен весь народ'; б) *bu na mä'lum ulusnyŋ kim käs derlar...* БН 353, BN 273a 'этого неведомого народа, который именуют Кас (كس)'. Ср. также БН 133, BN 108a.

В разных своих значениях (прямом и переносном) *baš* синонимизируется с перс. *sär* или *källä* 'голова', ар. *qullä* 'вершина'.

См. выше о кальке чаг. *baš ajaq* букв. 'с головы до ног', т.е. 'полный костюм' (БН 312, BN 242a) и ее прототипе перс. *sär(u)paj* то же, но ср. свободное сочетание ... *baš jalaŋ ajaq jalaŋ kirar edim* БН 124, BN 101b '... с непокрытой головой, с босыми ногами входил я обычно' [в дом Хана-дяди, т.е. как в собственный дом]; *qylyč agär tegsa baštyn ajayyya... kesar* БН 127, BN 103a 'Сабля, как ударит, – с головы до ног рассечет'.

Упоминая о заурядной для средневекового Востока акции – отсечении головы у побежденного врага, Бабур всякий раз употребляет словосочетание *baš kes-* 'отрубить (отрезать) голову' (только с *baš* – см. БН 183, BN 148a; БН 191, BN 154b; БН 232, BN 184b); говоря же о возведении башни из черепов поверженных неприятелей, пользуется исключительно перс. *källä mänarä qyl-* (только с перс. *källä*, поскольку заимствовано целиком сочетание *källä mänarä*) – см. об этом выше, с. 146–147; пример употребления *baš* в одном предложении с *källä mänarä* : *ölgan afyanlarnyŋ bašidin källä mänarä qoparyldy* БН 258, BN 203b 'Из голов умерших афганцев были возведены башни'. См. в переносном значении: *taynyŋ bašydyn* БН 167, BN 136a 'с вершины горы', *bir čäšmä bašyda* БН 157, BN 128b 'у начала одного источника'; *tay qullälari* БН 361, BN 279a 'горные вершины', см. еще БН 157, BN 128a; БН 163, BN 132b. Все производные образуются только от *baš* (*bašču* 'проводник', *bašlyq* 'во главе; головной убор башлык', *bašla-* 'возглавлять; начинать', *bašlat-* 'ставить во главе войска' и т.п.), как и различные устойчивые словосочетания (*baš kes-* 'отрубить голову', *baš qoj-* 'сложить голову'), чем и доказывается повышенная активность этого слова. Как видно из приведенного материала, синонимы данного синонимического ряда обладают различными словосочетательными возможностями и в соответствии с этим обнаруживают строгую функционально-семантическую специализацию.

Синонимизация перс. *tänä* 'тело, туловище', 'ствол, стебель' (БН 365, BN 282a) и ар. *ǯäsäd* 'тело (живого существа)' (БН 364, BN 280b), скорее всего, перешла из фарси.

Синонимами выступают высокочастотное *elik* 'рука', 'кисть руки' (см. выше – с. 202) и менее употребительное здесь *qol* 'рука'[45] (*ḫannyŋ sol qoly bilä kejindin ejürulub...* БН 126, BN 103a 'обойдя сзади с левой руки Хана ...'; *qol* чаще представлено в Керовом списке, см. *qolyda* БН 271_{12}, но *elikida* BN $213a_6$; то

[45] Помимо значения "рука, член тела от плеч до кисти" в "Бабур-наме" представлены и другие значения этого слова – "передняя нога у животных" [Буд. II, с. 86]: см. БН 357, BN 275b, а в "военном" языке – "сторона, крыло, фланг" [Буд. II, с. 87]: см. БН 277, BN 217b.

же – БН 125_7, но BN $102a_2$; БН 130_{22}, но BN $106b_2$; *qol* БН 470_{19}, но BN $363b_{12}$: лакуна).

Отыменные глаголы производятся от обоих слов, см. *elikla-* ‘овладевать, обладать’ и *qolda-* ‘взять за руку, оказать защиту, помощь’ [Буд. II, с. 87] (см. БН 293, BN 229a). В многочисленных устойчивых словосочетаниях участвует чаще *elik* : *yanimγa elik qošuŋ* БН 483, BN 373b–374a ‘Атакуйте врага!’; *elikka tüš-* БН 284, BN 222a ‘попасть в плен’; *elikka kir-* ‘попасть в руки кому’; *eliktin čyq-* ‘выйти из повиновения’. См. глагольно-именные словосочетания с *qol*: *qol kötar-* БН 30, BN 24a ‘воздевать руки’ (жест возмущения и отчаяния), *qol sal-* БН 470_{18} (BN $363b_{12}$: лакуна) ‘плыть саженками’ (словом *qol* передается здесь смысл: ”взмах руки”). Переносным значением обладает *elik* ‘ширина пальца, дюйм’ [Буд. I, с. 208]. Здесь можно говорить о синонимизации более активного и менее активного слов. Точно такое же явление наблюдается в случае с высокочастотным *köŋül* ‘сердце’ (см. БН 338, BN 261b; БН 381, BN 294b) и малоупотребительным в ”Бабур-наме” *jürak* то же (см. выше, с. 208), причем *köŋül* употребляется в значениях как конкретном (орган человеческого организма), так и абстрактном (*köŋülga kečti* ‘запало в сердце, душу’, *köŋülga jetti* ‘дошло до сердца’ – БН 326, BN 252b).

О синонимии активного тюрк. *jajaq* ‘пеший; пехотинец’, ср. ст.-тур. *jaja* ‘пешее войско (до янычар), получавшее жалованье’ [Грунина 1988, с. 76] и неактивного *pijadä* ‘пеший, пехотинец’ см. выше, с. 30–31, 219.

Индивидуальной для ”Бабур-наме” является относительная синонимизация (отношения компенсации) *nukär* “слуга, служитель, прислужник’ [< монг.], в уйг. и алт. *нокöр*, кир. *нöкöр* ‘сотоварищ’ (в этом значении и у Бабура)...” [Буд. II, с. 296], ‘соратник, боевой друг, дружинник’ [ДТС, с. 361], у Бабура ‘наемный воин’ (см. выше с. 208–210), с одной стороны, и высокочастотного *jigit* ‘юноша, молодой человек (от 20–30 лет), храбрый, удалый, молодец’ [Буд. II, с. 359] – с другой; в одном контексте оба слова см. *... jigit jylaŋdyn bä'zisi... qalyb mirzalarγa nukär boldylar* БН 243, BN 192a ‘... Некоторые из конных йигитов ... остались и стали нукерами у мирз’. В этот же синонимический ряд подключается и перс. *sipahi* ‘воин, солдат’ [Гафф. II, с. 443], пример: *bä'zi bek wä bekat wä sipahilar* БН 46, BN 36b ‘некоторые большие и малые беки и воины’, см. еще БН 21, BN 17a; БН 488, BN 378a, ср. БН 119, BN 97b.

Синонимическую пару составляет высокочастотное *čerik* [чаг. < скр.] ‘войско, армия’ (см. БН 380, BN 293b; *atlyq jajaq čerik*

БН 394, BN 304a ʿконное [и] пешее войско') и менее употребительное перс. *läškär* то же (БН 206, BN 166a). Ар. *ʿäskär* ʿвойско, армия' в "Бабур-наме" синонимического ряда с вышеназванными словами не составляет, употребляется только в составе одного личного имени *ʿäskäri*: (БН 380, BN 293b) – Мухаммед Аскери, сын Бабура[46]; ср. *лəшкəр, əскер* в каракалпакском эпосе (Д.С.Насыров).

По-видимому, перешла из фарси частичная синонимизация ар. *šärik* ʿтоварищ, компаньон', ʿсообщник, соучастник' (см. ар. *šerkät* ʿобщество, сообщество, соучастие', ʿтоварищество, компания' [Гафф. II, с. 499; Назарова 1972, с. 170]) и перс. *hämrah* ʿспутник'. См. примеры: *bädiʿ az-zäman mirza wä* (BN $172b_{8-9}$: *wä* отсутствует) *muzäffär mirza kim šäriklik padišah boldylar* БН 216_8, BN $172b_{8-9}$ ʿБадиʿ аз-Заман мирза и Музаффар мирза, которые стали править [государством] сообща (в сотовариществе)'; *ǯäunäpur hukumäti šerkät bilä anɣa täʿalluq dur* БН 217, BN 173b ʿЕму принадлежало управление Джаунапуром [на условиях] сотоварищества' (см. еще БН 260, BN 205a); *här kiši kim bu čerikta hämrah edilar* БН 380, BN 293b ʿлюбой человек, кто сотрудничал (букв. был спутником) в этом войске'. Ср. аз. диал. *јолдаш* ʿсовместно', ʿв компании', ʿтоварищество' [Исламов 1988, с. 10], *joldašlyq qyl-* в этом значении см. БН 119_{7-8} (BN $97b_{6-7}$: отсутствует); см. еще алт. *nökörläš-* ʿбыть в сотовариществе с кем' [Буд. II, с. 296].

Синонимический ряд составляют тюрк. *quliuq* ʿслужение', ʿпокорность, преданность', ар. *mulazämät* (масдар III породы) ʿнеотлучность; привязанность', ʿпостоянное присутствие', ʿнахождение на службе, в свите' [Гафф. II, с. 814] (последнее см.: БН 97, BN 79a; БН 468, BN 362b), ар. *ḫizmat* ʿдолжность, служба' (БН 215, BN 171b) и ар.-перс.-тюрк. *ḫizmätkarlyq* ʿслужба' (имеется в виду вольнонаемный служащий [Буд. I, с. 530]) (БН 400, BN 308a). Два из этих синонимов выступают в однотипном глагольно-именном словосочетании: *qulluɣɣa kel-* БН 49, BN 39b; БН 156, BN 127b; БН 179, BN 145a; БН 334, BN 258b ʿприйти в услужение, на службу к кому-л.' и *mulazämätimɣa kel-* БН 210, BN 168b ʿприйти ко мне на службу'. Параллельное употребление обоих синонимов в одном предложении см. БН 39, BN 31b. См. также *qulluq wä ḫizmätkarlikni özigа aladur* БН 393, BN 303b ʿпринимает на себя услужение и службу'.

О многочленном синонимическом ряде с семантикой "враг", "противник", "неприятель", состоящем из тюркизма, двух арабизмов, а также фарсизма, см. выше с. 210, 221–222.

---

[46] Это обстоятельство было замечено также А.Н.Самойловичем, см. в его конспективных записях: "350$_a$ عسکری личное имя, но слово عسکر никогда! всюду چریک" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 35].

Семантическая дифференциация синонимов предметно-понятийного тождества представлена в триаде перс. *peškäš* ‘подарок младшего старшему’ [Гафф. I, с. 138], чаг. *sawγat* ‘дар, награда, подарок, гостинец (в особенности привозимый друзьям после путешествия)’, ‘подарки ханам и вельможам’ [Буд. I, с. 647] и *sačγq* [чаг.] ‘подарки разного рода, делаемые при торжественных случаях’ [Буд. I, с. 611]. Примеры: *sačγq kelturdilar* БН 275, BN 215b; см. еще БН 454, BN 351a, где *sačγq* употреблено в одном микротексте с *peškäš; ... humajun mäŋä peškäš qyldy men humajunγa oq bayγyšladym* БН 347, BN 268b ‘... Хумаюн [сын Бабура] преподнес мне подарок; я одарил Хумаюна же’ (здесь налицо еще одна пара синонимов: тюрк. *bayγyšla-* ‘дарить, делать подарки’ и аналитическая глагольная структура *peškäš qyl-* с именным компонентом *peškäš*); *ŋanymlar wä ŋandyn ŋätlar bilä muŋtäss sawγat bilä kelturdi* БН 325, BN 251b ‘От ханш и хана привезли вместе с письмами специальный подарок’; *sawγat* см. еще БН 317, BN 246a; БН 337, BN 261a. Характерно, что семантическое развитие обоих синонимов шло в одном направлении: см. кр.-тат. *sawγa* ‘сбор, повинность в пользу хана’, ‘сборы с деревенских жителей в пользу проезжающих по делам службы’ [Буд. I, с. 647]; для *peškäš* это значение фиксируется уже в ”Бабур-наме”: *niγraw eli peškäšni altmyš misqal* (BN 249a$_2$: *misqal* отсутствует) *altunγa qärar berildi* БН 321$_{9\text{-}10}$, BN 249a$_{2\text{-}3}$ ‘Дань с жителей Ниджрау была установлена в шестьдесят золотых (или в шестьдесят мискалей золотом?)’.

Синонимами являются высокочастотное тюрк. *quryan* ‘крепость’ (см. БН 137, BN 112b; БН 249, BN 197a; БН 278, BN 218a) и ар. *qäl'ä* то же (см. БН 278, BN 218a; БН 469, BN 363a). Параллельно употребляются в одном микротексте: БН 400, BN 308b.

Синонимизация *qaraq* [чаг.] ‘грабеж, похищение’, ‘разбой’ [Буд. II, с. 46] (ср. *qaraqčy* ‘разбойник’ [ДТС, с. 425]) и *oγry* ‘вор, хищник, грабитель’ [Буд. I, с. 140; ДТС, с. 363] осуществляется в рамках почти формульного словосочетания *qaraq wä oγryny män' qyl-* БН 467, BN 361a ‘запретить разбой и воровство’, см. еще БН 464, BN 358b.

Многочленный синонимический ряд образуют тюркские имена: а) *jan* ‘сторона, бок’ [Буд. II, с. 341] (см. *ol jan bu jan säjr qylyb baryldy* БН 479, BN 370a ‘[Я] разъезжал, прогуливаясь [то] в ту, [то] в эту сторону’, см. еще БН 197, BN 158b; БН 266, BN 209b; БН 472, BN 364a); б) *jüz* ‘лицо’, поверхность’, ‘лицевая сторона (ткани)’, ‘фасад (дома)’ [Буд. II, с. 375] (см. *ol jüzdagi bu jüzdagi käjfijät wä halat* БН 450, BN 348a ‘обстоятельства и положение [дел] в той стороне и в этой стороне’; см. еще БН 182,

BN 147a; БН 442, BN 342a); в) чаг. *sary* ‘сторона’, ‘к’ [Буд. I, с. 613], ‘направление, сторона’ [ДТС, с. 488] (см. *ol sary bu sary* БН 477, BN 369a ‘в ту сторону, в эту сторону’; *ol sarylar* БН 453, BN 350a ‘в тех сторонах’; *biznің sarydyn, alar sarydyn* БН 81–82, BN 65b ‘с нашей стороны, с их стороны’; *bir sary, här saryya* БН 453, BN 350a ‘в одном направлении, в любую сторону’; *šärq sary baqa* БН 355, BN 274b ‘на восточную сторону’; *özga sary* БН 328, BN 254a ‘в другую сторону’; см. еще БН 131, BN 107a; БН 453, BN 350b) и г) арабизм *täräf* ‘страна, сторона’ (см. *ol täräf bu täräf barurda... aňyr bir täräf jüruj berdi* БН 268_{17-19}, но *... ol sary bu sary barmaqqa mutäräddid bolub aňyr bir sary baqa jetiradi* BN $211a_{5-6}$ ‘... не решаясь идти в ту сторону, в эту сторону, наконец, устремился в одном направлении’; *här täräfdyn* БН 433, BN 334b ‘с любой стороны’; *šärq täräfydyn* БН 278, BN 218a ‘с восточной стороны’, см. еще БН 151, BN 123b; БН 196, BN 158a; БН 295, BN 230a; БН 444, BN 343b; БН 459, BN 355a–b; БН 468, BN 362b; БН 488, BN 377a).

Синонимы-нумеративы составляют свой ряд из тюрк. *qatla* ‘раз’, которое, возможно, связано с *qat(a)* ‘раз’ при аффиксальной аналогии с *qurla* ‘раз’ (оба слова синонимизированы в ”Хосрау и Ширин” Кутба, см. [Наджип 1989, с. 133]), и ар. *märtäbä* ‘раз’, ар. *näwbät* ‘черед, очередь, раз’. Высокочастотным среди них является *qatla* (см. *otuz üč qatla jer tebrandi* БН 196, BN 157b ‘[Во время землетрясения] земля содрогнулась тридцать три раза’; см. еще БН 33, BN 26a; БН 303, BN 236a; БН 355, BN 274a; БН 359, BN 277b). В целом ряде микротекстов наблюдается употребление *qatla* параллельно с *märtäbä* или *näwbät*, см. БН 17, BN 13b; БН 90, BN 73b; БН 205, BN 165a; БН 327, BN 253b; БН 363, BN 280a.

Синонимический ряд со значением ‘утро’ составляют следующие тюркские и арабские слова: а) тюрк. *taŋla* ‘утром, наутро; завтра’ и *taŋlasy* ‘наутро, завтра, на следующий день’ [Буд. I, с. 727], ‘утром, на следующий день утром’ [Наджип 1989, с. 194], *taŋlasyya* ‘на следующее утро’; б) тюрк. *ertä* ‘утром, рано’ [Буд. I, с. 186; ДТС, с. 182] и *ertä bilä* ‘поутру, утром’ [Буд. I, с. 186]; в) ар. *säbah* ‘утро, утренняя заря, рассвет’ и *säbahi* ‘утром’ (с аффиксом принадлежности 3-го лица по модели *taŋla-sy*); г) ар. *sähär* ‘рассвет, заря; на рассвете, на заре’ (БН 54, BN 44a), в целом присуще Керову списку (см. БН 314_3, но BN $242b_1$: *taŋlasy*; БН 315_5, но BN $244b_3$: *ertä bilä*). Примеры: а) *taŋla* БН 333, BN 257b; *taŋlasy* БН 313, BN 243a; БН 333, BN 257b; БН 427, BN 330b; БН 479, BN 370a; БН 481, BN 372a; *taŋlasyya* БН 320, BN 243b; БН 385, BN 297b; б) *ertä* БН 316, BN 245b; БН 321, BN 248b; БН 333, BN 257b; БН 488, BN 377b; *ertä bilä* БН 315, BN 244b; в) *säbah* БН 314, BN 243b;

БН 320, BN 248b; БН 321, BN 248b; *säbahi* БН 309, BN 240b; БН 310, BN 240b; БН 313, BN 243a; БН 323, BN 250a; БН 324, BN 251a. Взаимоотношения компенсации демонстрирует парное сочетание тюркизма и арабизма: *tanla säbahi* БН 482, BN 372b 'назавтра утром'. Взаимоотношения семантического тождества двух синонимов – арабизма и уже другого тюркизма (*ertä*) – представлено в следующем микротексте: *säbahi säbuhi qylduk... ertä säbuhi qylduk* БН 321, BN 248b 'Утром мы устроили утреннюю выпивку, ...утром мы устроили утреннюю выпивку' (наречие *säbahi* употреблено рядом с арабским производным от той же основы: *säbuhi* 'утренняя выпивка').

Синонимами являются тюркское и персидское названия дерева: чаг. *aγač, jγγaž* 'дерево' [Буд. II, с. 356] (см. БН 6, BN 5a; БН 165, BN 134b; БН 427, BN 330b) и перс. *deräḫt* 'дерево, растение' [Гафф. I, с. 325] (см. БН 162, BN 132b; БН 308, BN 239b; БН 366–367, BN 282b–283a; БН 369, BN 285a, где две словоформы *deräḫt* совпадают в обоих изданиях, а третья варьируется: БН 369_{18} *aγač*, но BN $285a_{2}$ *deräḫt* БН 441, BN 340b). Имеются случаи параллельного употребления этих синонимов в одном микротексте (см. БН 365, BN 281b; БН 369, BN 284b), а также парного их употребления (*agärčä deräḫt wä jγγačy qalmajdur edi...* БН 250, BN 198a 'хотя деревьев и кустарников там больше не осталось...'). Производное отмечено от высокочастотного *deräḫt*: *qalyn deräḫtlyq baylar* БН 364, BN 281b 'сады, изобилующие множеством деревьев'. См. также параллельное употребление синонимов тюрк. *japraq* 'лист (дерева)' и перс. *bärg* то же – БН 367, BN 283a.

Пару синонимов составляют тюрк. [чаг.] *öj* 'вол' (БН 354, BN 274a) и перс. *gäwmiš* 'буйвол' [Буд. II, с. 110] (БН 356, BN 275b; БН 357, BN 276a).

2. Синонимы с атрибутивно-адъективными функциями

Многочленный синонимический ряд образуют тюрк. *jaḫšy* 'хороший' (а) и заимствования – [чаг.] *täwr* (< ар.) 'хороший, полезный, приятный, удивительный' [Буд. I, с. 744] (б), [чаг.] *obdan, abadan* 'хороший, добрый, достоверный; хорошо, вполне, совершенно' [Буд. I, с. 108] и 'уместный, толковый, дельный' [Назарова 1972, с. 104], ср. *abadan* [перс.] 'населенный, благоустроенный; процветание, благоустройство' [ДТС, с. 1] (в), перс. *ḫob* 'хороший, добрый, красивый' (г), перс. *beh* 'хороший, лучше, превосходный, здоровый' (д). Примеры: а) высокочастотное *jaḫšy* БН 39, BN 31b; БН 133, BN 108b; БН 378, BN 291b; БН 409, BN 315a; б) *täwr(i)* – см. *täwri köl dur* БН 100, BN 81b 'Это красивое озеро', то же БН 373,

BN 287b; другие примеры см.: БН 137, BN 112b; БН 326, BN 252b; в) *abadan jigitlar* БН 399, BN 307b 'хорошие молодцы', *abadan abadan jigitlar* БН 381, BN 294b 'очень хорошие молодцы', см. еще БН 189, BN 152b; г) *bähari ǰob bolur* БН 62, BN 49b 'Весна там бывает хороша', см. еще БН 299, BN 233a; д) *behrak* только в БН 124_{13-15}, в BN $101b_{2-4}$ – *jaǰšy*. Названные синонимы (за исключением *beh*) могут параллельно употребляться в одном микротексте: *jaǰšy* и *täwr* БН 326, BN 252b; БН 409, BN 315a; *jaǰšy* и *ǰob* БН 62, BN 49b; БН 229, BN 182b. Случаи не только лексической, но и синтактико-функциональной синонимии представлены в следующих примерах: *jaǰšy šähbazym... turnany wä läklakni* (БН 299_4: некорректно *här nä* вместо вин. падежа) *asru ǰoblar alyb edi* БН 299_{3-4}, BN $233a_{3-4}$ 'Мой хороший охотничий сокол... уж очень хорошо брал журавлей и аистов', где *ǰoblar* с аффиксом мн. числа и усилителем *asru* 'очень' употреблен в той же оценочно-эмоциональной стилистической функции, что и *jaǰšylar* с аффиксом мн. числа в сочетании *jaǰšylar bardy* 'очень хорошо действовал'; в пределах пяти строк текста находим оба синонима в этой функции, причем оба – с аффиксом мн. числа: *... jaǰšylar baryb... ǰoblar eliki iška tegdi* БН 114, BN 93a '... очень хорошо действовал распрекрасно руки его доходили до дела'. В функции глагольного определения (без усилителя в виде аффикса мн. числа) см. *ǰob* БН 138, BN 113a и *täwri*: *... täwri čapqulašurlar* БН 81, BN 65b '... они хорошо сражаются'.

Тюркские относительные синонимы *qary* 'старый, древний, опытный' и *uluy* 'большой, великий, взрослый, старший' употребляются в тексте парно, см. БН 247, BN 195a.

Многочленный синонимический ряд представлен тюркскими словами: а) *qalyn* [чаг.] 'много, множество, густо' [Буд. II, с. 25], б) *köp* много' и заимствованиями – в) перс. *bisjar* 'много, весьма, очень', г) ар.-перс. *ǰäjli* 'многочисленный, много' [Буд. I, с. 544], д) ар. *aksär* 'большая часть, больше, многочисленнее', е) ар. *ɣäläbä* 'толпа, множество'. Примеры: а) высокочастотное *qalyn*, сочетаемость которого не имеет семантических ограничений: БН 38, BN 30b; БН 232, BN 184b; БН 258, BN 204a; БН 312, BN 242b; БН 337, BN 261a; БН 353, BN 273a; БН 431, BN 333b; БН 436, BN 336b; БН 468, BN 362b; БН 483, BN 373b; б) высокочастотное *köp*: БН 246, BN 195a; БН 322, BN 249b; в) частотное *bisjar* БН 9, BN 7b; БН 33, BN 26a; БН 363, BN 280a; г) частотное *ǰäjli* БН 196, BN 158a; БН 310, BN 240b; БН 363, BN 280b; БН 364, BN 280b–281a; д) *aksär*: БН 8, BN 7a; БН 161, BN 131a; БН 200, BN 161a; БН 206, BN 165b; БН 211, BN 169b; БН 381, BN 294b; БН 433, BN 335a; БН 490, BN 379a; е) *ɣälä-*

bä: *yäläbä jyγladym* БН 69, BN 55b ‘[тогда] я много плакал’; *yäläbä jayylyqlar wä jamanlyqlar* БН 97, BN 79b ‘много враждебности и зла’, см. еще БН 352, BN 272a; БН 493, BN 381b. Примеры параллельного использования в одном микротексте см.: а) *qalyn* и *köp* БН 232, BN 184a; БН 258, BN 204a; б) *qalyn* и *bisjar* БН 352, BN 271b; в) *köp* и *bisjar* БН 271, BN 213a; г) *köp, qalyn* и *bisjar* БН 40, BN 32a; д) *bisjar* и *ẖäjli* БН 9, BN 7b.

Синонимический ряд составляют в ”Бабур-наме” генетически разные слова: а) *yldam* [чаг.] ‘ветроносный, быстрый, проворный’ [Буд. II, с. 361], б) перс. *tez* ‘острый, резкий; едкий; колкий; пронзительный; ... скорый, быстрый, смелый’ [Гафф. I, с. 196], в чагатайском *tez* ‘скоро, проворно, рано’ [Буд. I, с. 415], в) *bat* [чаг.] ‘скоро, быстро’ [Буд. I, с. 218; ДТС, с. 88; Наджип 1989, с. 77]; все три синонима примерно одинаково частотны. Примеры: а) *yldam* БН 89, BN 72b; БН 200, BN 161a; БН 201, BN 162b; БН 283, BN 221b; БН 295, BN 230a; БН 394, BN 304a; БН 409, BN 315b; БН 457, BN 353b; БН 479, BN 370b; б) *tez* БН 199, BN 160b; БН 231, BN 183b; БН 251, BN 198a; БН 436, BN 337b; БН 490, BN 379a; *tez* в значении ‘пронзительный, резкий’ – БН 361, BN 278b; в) *bat* БН 214, BN 171b; БН 315, BN 244b; БН 450, BN 347b. Названные синонимы могут параллельно употребляться в одном микротексте, см.: *yldam* и *bat* БН 472–473, BN 365a; *yldam* и *tez* БН 248, BN 196a; БН 307, BN 238b–239a; БН 385, BN 297b; *bat* и *tez* БН 231, BN 183b; *yldam, bat* и *tez* БН 449–450, BN 347a–b. На синонимичности данных наречий основываются некоторые разночтения между Керовым и Хайдарабадским списками, см. *yldam* BN $144b_4$, но *tez* БН 139_{13}. Одинаково частотные в ”Бабур-наме”, данные синонимы обнаруживают примерно одинаковую словообразовательную активность: они принимают аффикс *-raq*, см. *yldamraq* ‘побыстрее’ БН 283, BN 221b; БН 307, BN 238b; *batraq* БН 231, BN 183b; БН 473, BN 365a. С помощью словообразовательного аффикса *-lik* от *tez* здесь образуется имя *tezlik*, выступающее компонентом аналитической глагольной структуры *tezlik qyl-* ‘поспешать’, см. БН 250, BN 198a; БН 265, BN 208b. С подобным образованием можно сравнить сходное *tärk* ‘быстро, скоро’ – др.-тюрк. рун. *tärklä-* ‘быстро идти’ [Наджип 1989, с. 195].

Синонимы *jawuq* [чаг.] ‘близкий, близко’ [Буд. II, с. 345; ДТС, с. 249] и *jaqyn* ‘близкий, близко, близ, около’ [Буд. II, с. 358; ДТС, с. 237] обладают примерно одинаковой частотностью:

а) *jawyq* может употребляться в различных функциях, например, в качестве субстантива, принимая при этом падежные аффиксы (*jawuqta ešitur* БН 39, BN 31b ‘слышащий вблизи’, *jawuqtyn... körgali* БН 409, BN 315a ‘чтобы видеть... вблизи’, см. еще

БН 352, BN 272a; *meniŋ jawuɣumdaɣy kiši* БН 31, BN 24b ‘человек, ко мне приближенный’), как и в функции служебного имени (*bhiräniŋ jawuɣyda* БН 289, BN 226a ‘поблизости от Бхиры’, см. еще БН 395, BN 304b; *jüz miŋga jawuq čerik* БН 349, BN 270a ‘войско приблизительно в сто тысяч [человек]’); в атрибутивно-адъективных функциях: БН 126, BN 103a; БН 276, BN 216a; БН 280, BN 219b; БН 287, BN 224b; БН 290, BN 226a; БН 295, BN 230a; БН 331, BN 256b; в предикативной функции: БН 283, BN 221a; БН 285, BN 222b; БН 326, BN 252b; БН 389, BN 300a;

б) *jaqyn*, также функционируя как субстантив (см. БН 309, BN 240a; БН 432, BN 333b), может использоваться и как служебное имя (БН 276, BN 216b; БН 309, BN 240a; БН 401, BN 309b); часто выступает в атрибутивно-адъективных функциях: БН 52, BN 42b; БН 258, BN 204a; БН 265, BN 208b; БН 298, BN 232b; БН 304, BN 237a; БН 334, BN 258a; БН 360, BN 278a; в отдельных случаях – в предикативной функции: БН 312, BN 242a; БН 400, BN 308b. Абсолютными синонимами являются также производные от того и другого имени глаголы, их значение ‘приближаться друг к другу’: *jawuqlaš-* (БН 426, BN 329b; БН 486, BN 376a) и *jaqynlaš-* (БН 276, BN 216b). Глагольный синонимический ряд пополняется за счет частотного *jawuš-* ‘приближаться друг к другу’, от основы которого *jawu-* произведено имя *jawuq*; см. примеры: БН 265, BN 209a; БН 287, BN 224a; БН 294, BN 229a; БН 424, BN 328a.

В один синонимический ряд включены относительные синонимы с разной частотностью – частотное *jyraq* (в БН также *yraq*) ‘далекий, далеко’ [Буд. II, с. 354], ‘дальний, далекий’ [ДТС, с. 268, 219], ‘даль, далеко’ [Наджип 1989, с. 219 и 230 (*iraq*)] и редкое здесь *uzaq* “продолжительный, долгий, медленно, долго; *тур., аз.* далекий” [Буд. I, с. 131; см. также ДТС, с. 620]. Примеры: а) *jyraq* БН 39, BN 31b; БН 352, BN 272a; БН 429, BN 331b; БН 474, BN 366a; BN 315a$_4$ (БН 409: пропуск); интерес представляет падежная словоформа *jyraqraqdyn* ‘издалечка’ (... *jyraqraqdyn kördum* БН 365, BN 282a ‘... Я увидел издалечка’); б) *uzaq* БН 285, BN 223a; *uzaq jerlar qät' etib...* БН 382, BN 295b ‘урезав дальние земли...’.

В другой паре синонимов *özga* ‘особенный, отдельный; странный; иной, другой’ [Буд. I, с. 132], ‘иной, другой’ [ДТС, с. 395; ЭСТЯ 1974, с. 508] высокочастотно, а образованное по той же модели *bašqa* ‘другой, прочий; кроме, особенно, исключая’ [Буд. I, с. 229; ЭСТЯ 1978, с. 92–93] встречается в ”Бабур-наме” редко. Примеры: а) *özga* БН 14, BN 11b; БН 131, BN 107a; б) *bašqa* БН 378, BN 291b.

На протяжении одной страницы при описании плодов индийских деревьев употреблены синонимичные тюркские прилагательные

jupqa, см. *jufqa* 'тонкий, мелкий, мягкий' [Буд. II, с. 377], 'тонкий, легкий' [ДТС, с. 281] и *jumšaq* 'мягкий; нежный...' [Буд. II, с. 384; ДТС, с. 279], см. БН 367–368, BN 283b–284a.

Из прилагательных цветообозначения, семантически разнящихся оттенками, составляется только одна пара синонимов с различной частотностью: частотное *qyzyl* 'красный' (см. БН 316, BN 245a) и редкое ар.-перс. *qyrmyzy* 'красный, малиновый' [Буд. II, с. 51] (см. *qyrmyzy mähmäl* БН 60, BN 48a 'малиновый бархат').

Синонимизируются две генетически и структурно разнородных единицы: а) [чаг.] *josunluq* 'законный, правильный, честный, благопристойный, порядочный' [Буд. II, с. 377], в "Бабур-наме" чаще в значении 'наподобие, в виде, [таким] образом' и б) перс. *dästur* 'образец, модель, правило; ... обычай' [Буд. I, с. 559] + послелог *bilä* 'с, совместно с...'; функционируют они как служебные, сочетаясь с указательным или вопросительным местоимением, именами, реже причастиями. Примеры: а) *hirini ošbu josunluq yafillyqta alybtur* БН 104, BN 85a 'вот таким образом он взял Герат при беспечности врагов ...', еще БН 58, BN 46b; БН 409, BN 315b; *qarluγač josunluq tur* БН 364, BN 281b '[Эта птица –] наподобие ласточки', см. еще БН 250, BN 198a; БН 365, BN 281b; БН 483, BN 373b; *...hatini qabayan josunluq qylyb...* БН 293, BN 228b '... устроив наподобие осады Хати...', см. еще БН 89, BN 72b; БН 263, BN 207a; БН 399, BN 307b; б) *mustafä-i rumi*: *rum dästuri bilä arabä qylyb edi* БН 403, BN 310b–311a 'Мустафа-румиец сделал повозки [лафеты для пушек] по румскому образцу', см. то же БН 449, BN 347a; БН 458, BN 354a; *aksäri bu dästur bilä duzähqa bardy* БН 433_{16} (BN $335a_4$: некорректно *bardylar*) 'Большинство [неверных] таким образом (способом, путем) отправились в ад', см. еще БН 103, BN 84b; *ošbu dästur bilä* БН 151, BN 123b 'вот таким образом'.

§ 4. Антонимия в "Бабур-наме"

В "Бабур-наме" широко представлены антонимы – как лексические ("лексико-стилистические"), так и стилистические, т.е. такие, которые на лексическом уровне, собственно, антонимами не являются, но противопоставляясь друг другу в словесном тексте, превращаются в стилистические антонимы [Мосашвили 1973, с. 24]. Наблюдения над антонимией в языке "Бабур-наме" (см. ниже) подтверждают вывод, сделанный при изучении антонимов в современном узбекском языке [Шукуров Р. 1973, с. 8]: наиболее богаты лексическими антонимами прилагательные (в том числе и субстантивированные) и наречия, за ними следуют существительные; антонимов среди глаголов, если не считать банальных пар вроде *kel-*

'приходить' – *ket-* 'уходить', *kir-* 'входить' – *čyq-* 'выходить', не так уж много, и они менее часто употребляются параллельно в одном микротексте.

Приведем некоторые лексические антонимы, употребительные в "Бабур-наме": а) *jaŋšy* 'хороший' – *jaman* 'плохой', б) *uluγ(q)* 'большой, великий (> знатный)' – *kičik* 'маленький, малый (> незнатный)', в) ар. *qäwijj* 'сильный; могучий, мощный; могущественный, крепкий' – ар. *zä'i:f* 'слабый, немощный, бессильный', г) *qalyn* 'много' – *az* 'мало', д) *čin* 'правдивый, истинный' – *jalyan* 'ложный, фальшивый', е) *öluk* 'мертвый' – *tirik* 'живой', ж) *čüčük* [чаг.] 'сладкий' – перс. *türš* 'кислый; соленый', з) *jawuq* 'близкий, близко' – *jyraq* 'далекий; далеко', и) перс. *dost* 'друг' – перс. *dušman* 'враг' Как видим, в составе антонимической пары могут выступать как тюркизмы, так и арабизмы и фарсизмы или же тюркизм и фарсизм, тюркизм и арабизм. Примеры: а) *išniŋ jaŋšysy* [*wä*] *jamanyny mulahäzä qylmaj...* БН 394$_2$, BN 303b$_1$ (*wä* отсутствует) 'не раздумывая о хорошей [и] плохой [сторонах] дела...', см. еще БН 326, BN 252b; БН 369, BN 284b; БН 382, BN 294b; см. еще *jaŋšylyγ wä jamanlyq* БН 254, BN 201a 'добро и зло'; б) *uluγ kičik jaŋšy jaman nukär wä γäjr-i nukär on iki miŋ kiši* БН 328, BN 254a 'больших и малых (т.е. знатных и незнатных), хороших и плохих (т.е. хорошо и плохо снаряженных?), нукеров и не нукеров [всего] двенадцать тысяч человек', см. еще БН 76, BN 61a; БН 275, BN 215b; БН 408, BN 315a; БН 423, BN 326b; в) *dušman bisjar qäwijj biz köp zä'if* БН 271, BN 213a 'враг очень могуч, мы очень слабы'; г) *...az kiši bilä... muŋaliflar qalyn kiši bir fil bilä...* БН 436, BN 336b '...[вассал Бабура] с малым числом людей... враги с многочисленными людьми и одним [боевым] слоном...'; д) *čin wä jalyan sözlar ajtib...* БН 68, BN 55a 'говоря правдивые и лживые слова'; е) *öluk tirik bilä oq bolaly* (БН 139$_{21}$: *bir jerda bolalyŋ*) БН 139$_{21-22}$, BN 115a$_{2-3}$ 'Живые или мертвые, будемка вместе', см. еще БН 111, BN 91a; ж) *čüčuk – türš* (о плодах индийских деревьев) БН 371, BN 286b; см. еще *čüčükrak* БН 61, BN 48b, ср. БН 370, BN 285a; з-и) *jawuqtyn jyraqtyn dost dušman körgali ešitkali...* БН 409, BN 315a '...чтобы вблизи – издали друг [и] враг увидели – услышали...', см. еще БН 39, BN 31b; БН 197, BN 158b.

В последнем примере представлена полностью заимствованная из персидского антонимическая пара существительных *dost* 'друг' – *dušman* 'враг' Этим и объясняется, что в следующем примере из синонимов, употребляемых в "Бабур-наме" для передачи значения "враг, неприятель", выбран именно этот, далеко не самый частотный синоним (ср. высокочастотные здесь тюрк. *jaγy*, ар. *γa-*

nim, а также ар. *muḫalif*). Антонимические отношения сохраняются и в том случае, когда противопоставляются тюркские производные от этих существительных: *dostluq* ‘дружба’ – *dušmanlyq* ‘вражда’, пример: ... *ḫäjli jarašlar urušqa wä dostluqlar dušmanlyqqa mubäddäl bolur edi* БН 9, BN 7b ‘[Омар Шейх мирза] часто сменял мир на войну, дружбу на вражду’. Другая пара антонимов в этом примере *jaraš* ‘мир’ – *uruš* ‘война, битва, стычка’ представляет собою глагольные имена на *-š*.

Три пары именных антонимов, лексических и стилистических, представлены в следующем примере: ...*därwiš wä qary wä aq saqallyq hämišä čaγyr ičar sen sipahi wä jigit wä qapqara saqallyq här giz ičmas sen* БН 310, BN 240b ‘[Кутлук ходжа], дервиш и старик белобородый, всегда пьет вино; ты, воин, молодой человек с черной-пречерной бородой, никогда не пьешь’.

Стилистическими антонимами являются аналитические глагольные структуры с именными компонентами – арабским масдаром одной и той же породы, см. ... *dušman bisjar qäwijj biz köp zä‘if ne musalähät qylmaqqa iḫtimal* (БН 271_{14}: *iḫtimali bar edi wä*) *ne muqawämät qylmaqqa* (БН 271_{14}: *muqawämätqa*) *mäǯal* БН $271_{13\text{-}14}$, BN 213a ‘... враг очень могуч, мы очень слабы; ни заключить мир [не[8-9] было] возможности, ни оказывать сопротивление [не было] сил’.

К антонимам не относятся, по нашему мнению, такие пары, как *aγa ini* ‘старший и младший братья’, *ata oγul* ‘(и соответственно связанное сочетание *atalyq oγulluq* ‘отец с сыном’), *atlyq wä jajaq* (БН 138, BN 113a, см. еще *atlyq jajaq čerik* БН 394, BN 304a ‘конное и пешее войско’).

Наблюдения над лексикой языка ”Бабур-наме” показали, что каждое из понятий ключевых, особо важных для автора – таких, как ”бог”, ”враг” (”неприятель”, ”противник”), представлено многочленным синонимическим рядом (”бог” – *teŋri, uγan*, ар. *allah*, перс. *ḫuda(j)*; ”враг” – *jaγy*, ар. *yanim*, ар. *muḫalif*, перс. *dušman*), притом что частотность каждого синонима из любого такого ряда разная.

Выбор слова из многочленного синонимического ряда, представленного в ”Бабур-наме”, помимо вкусовых и прочих соображений (среди них не последнюю роль играют требования словесного ритма), бывает обусловлен лексико-семантическими связями этого слова с другими словами в данном микроконтексте, а это свидетельствует об относительной открытости синонимического ряда. Так, дважды к перс. *dost* ‘друг’ в качестве антонима под-

биралось слово из многочленного синонимического ряда со значением ‘враг’ (∞ ‘неприятель’, ‘противник’, т.е. тюрк. *jaγy* – ар. *γanim* – ар. *muḫalif* – перс. *dušman*; расположены по признаку убывания частотности). Оба раза было выбрано далеко не самое частотное перс. *dušman* (БН 9, BN 7b; БН 409, BN 315a). При этом сыграли определяющую роль такие факторы, как генетическая принадлежность обоих слов персидскому языку, а возможно – и самое заимствование из персидского языка новых межсловных лексико-семантических связей, т.е. перенос в чагатайский язык персидской антонимической пары *dost* – *dušman*. На этом примере можно видеть взаимодействие синонимии и антонимии в языке "Бабур-наме" при обогащении его новыми лексико-семантическими связями.

В том случае, когда от каждого существительного, в совокупности составляющих пару синонимическую или антонимическую, образуется по производному, эти производные в одних случаях составляют подобную же пару (см. синонимическую глагольную пару *jawuqlaš-* ‘приближаться’ – *jaqynlaš-* то же) или же такой пары не составляют. Это зависит от лексико-семантических связей имени, сложившихся или находящихся в процессе становления, от разветвленности значений имени, от степени укорененности заимствования. Так, перс.-тюрк. *dostluq* – *dušmanlyq* – тоже антонимы, как и лексические антонимы *dost* – *dušman*. Другое дело стилистические синонимы *nukär* – *jigit*: их производные *nukärlik* ‘услужение’ (в составе *nukärlik qyl-* ‘оказывать услужение’) и *jigitlik* ‘молодость’ синонимической пары не составляют.

Проведенные наблюдения над синонимией и антонимией языка "Бабур-наме" позволяют поставить вопрос о взаимодействии разноуровневых (лексических и грамматических) средств словесного стиля в целом.

Собранные выше лексические материалы, призванные демонстрировать характер отбора лексики в "Бабур-наме", равно как и материалы по синонимии и антонимии языка этого сочинения помогают представить язык "Бабур-наме" в динамике его функционирования и гибкости его стилевого воплощения. Поскольку принцип отбора лексики в "Бабур-наме" поистине энциклопедический, полученные данные фактически выводят исследователя за пределы языка писателя, позволяя приблизиться к пониманию лексических потенций чагатайского литературного языка XV–XVI вв.

§ 5. Принципы отбора лексики и становление среднего стиля "Бабур-наме"

Приведенная в разделе I даже сравнительно небольшая выборка дает представление о лексическом богатстве языка "Бабур-наме", о его необыкновенной емкости. При бесспорном наличии слоя стилистически окрашенных слов основную часть лексики здесь все же составляет стилистически нейтральный слой (в том числе большое число специализованных "военных" слов, административных и прочих). Нейтральными, обиходными словами автор оперирует умело, добиваясь эффекта открытости и откровенности своего повествования. Так, в рассказе о том, как покинул отчий удел – Фергану – в сопровождении своих приверженцев ("более двухсот, но менее трехсот знатных и простых"), Бабур описывает положение этого своего воинства в словах самых простых и доходчивых: *aksär jajaq wä eliklarida tajaq wä ajaqlaryda čaruq wä eginlarida čapan erdi* БН 146, BN 120a 'Большинство было пешими, и в руках у них были палки, а на ногах коты, и на плечах у них были чапаны'.

В "Бабур-наме" употребляются и такие обиходные ("грубые") слова, которые нельзя найти на страницах изысканной придворной литературы, современной Бабуру, например: *sijdük* 'моча', *tezäk* 'навоз, помет скота' (в словосочетании *öjni sijdük wä tezäki* БН 355, BN 274a 'моча и помет вола' – при описании устройства для полива огородов в Хиндустане), *sönük* 'кость' в значении "останки (человека)" (БН 209, BN 168a), *enis-* 'скорчиться, скрючиться', *qus-* 'рвать кого, извергать, блевать' и др. Бабур в отборе лексики сознательно идет наперекор действовавшей литературно-языковой традиции, описывая реальный мир живым языком. Нейтральное использование обиходных слов такого рода, равно как и вполне осознанный ("пропорционально-нормирующий") подход к отбору арабизмов и фарсизмов – бесспорно, важнейшие приметы среднего стиля, который складывался на страницах "Бабур-наме" благодаря усилиям Бабура и в соответствии с его коммуникативной установкой.

В качестве приметы даже не среднего, а низкого стиля, обеспечивающей задиристую публицистичность сочинения, можно рассматривать необычное и довольно широкое здесь употребление прозвищ и кличек, притом часто – применительно к титулованным особам (Танбал – Султан Ахмед; Шейбак или Узбек – Шейбани хан), а также ряда нарочито грубых, оскорбительных слов, даже ругательств. В свое время такое словоупотребление поразило А.Н.Са-

мойловича. В записях появляются заметки: «Ругань كوت بير كوچى نمكخرام 204b» [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 30], "206a–b поношение Шейбани-хана. Любопытно! Видно, что Шейбани-хан был поэтом" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 61]. В самом деле, говоря о том, что Шейбак хан – "[ничего] не видавшая деревенщина" *rusta'ji wä nadidä* (БН 261$_{17}$: *rusta'jilyq wä nadidälyq*) *kiši* БН 261$_{17}$, BN 206a$_{8}$, Бабур так характеризует его слова и действия: ... *wäle mundaq* (БН 262$_{10}$: *amma bu räwiš*) *kulanä wä ablähanä wä ustaḫanä* (БН 262$_{10}$: пропуск последнего слова) *wä kafiranä aqwal wä af'al andyn bisjar* (БН 262$_{10}$: пропуск последнего слова) *sadir bolur edi* БН 262$_{10}$, BN 206b$_{7-8}$ 'ʿ...и, однако, от него постоянно исходили во множестве такие дурацкие и бессмысленные, бесстыдные и нечестивые речи и действия'. Стихи же Шейбак хана были безвкусные (*bimäzä bäjt*), и, 'ʿсказав один такой стих, хан приказывал читать его с минбара, а потом распоряжался вывесить этот стих на базарной площади и брал с городского люда подарки'(БН 262$_{7-8}$, BN 206b$_{4-5}$).

Столь же неизящно выражается Бабур о некоторых враждебно настроенных по отношению к нему вельможах. О Шейх Зу-н-Нун Аргуне: *anyŋ kulluk wa tilbäligiga* (БН 260$_{7}$: *kullugiga wä diwanäligiga*) *hič nima mundyn jaḫšyraq* (БН 260$_{7}$: вместо четырех последних слов – *mundaq*) *dälil bolur mu* (БН 260$_{7}$: *bolub tur*) *kim...* БН 260$_{7}$, BN 205a$_{6-7}$ 'ʿМожет ли быть лучшее доказательство его дурости и сумасбродства, чем то, что...' О Шах Мансуре: *šah mänsur baḫši kut berguči nämäk häräm kim andḫudda edi šäjbaq ḫanya kišilar jibarib šäjbaq ḫanny atlanmaqqa tezrak qylybtur andḫud näwahisiya kelganda bu kut berguči özbekka kiši jibarib tur* БН 259$_{6-8}$, BN 204b$_{1-3}$ 'ʿШах Мансур Бахши, засранец [далее – З.], не помнящий хлеба-соли, был в Андхуде. Он, посылая к Шейбак хану людей, подстрекал Шейбак хана к выступлению в поход. Когда тот подошел к окрестностям Андхуда, этот З. послал к Узбеку человека...'.

Естественно, что художественными канонами средневековотюркской литературы использование такого рода грубой лексики исключалось, равно как и пейоративных прозвищ и кличек. В том, что все эти стилистически явно сниженные лексические средства свойственны стилю не только языка "Бабур-наме", но шире – языка писателя Бабура, убеждает следующее его высказывание. Вот как писатель характеризует свое отношение к "скверному и грубому" в поэзии: "Раньше я все, что мне только ни приходило в голову – хорошее, дурное, веселое и забавное, иногда в виде шутки, выражал в стихах и все стихи, даже скверные и грубые, записывал.

В дни, когда я сочинял „Мубаййин", в мой слабый ум пришла такая мысль и в скорбное сердце запала такая [дума]: * Жаль, что с языка сходят такие речения, а мысли тратят на скверные слова * Печально, что в сердце, где возникают [возвышенные] помыслы, проходят столь грубые образы *. С той поры я бросил и закаялся сочинять шуточные и насмешливые стихи..." [Бабур-наме 1958, с. 295]; оригинальный текст БН 326, BN 252b–253a фрагментарно приводится выше, см. с. 111.

Изучение лексики языка "Бабур-наме" приводит к заключению, что государство Бабура на всех этапах его развития поддерживало устойчивые связи не только с Востоком, но и с Западом. Об этом свидетельствуют соответствующие заимствования, среди них *säqärlat* (< итал.) ʿбагряный', ʿкрасная ткань', *firäŋgi* (через посредство перс., где имело значение "франк, европеец") ʿогнестрельное оружие', часто употребляемое (особенно в хиндустанской части сочинения). Рассказывая о литье пушек, изготовлении лафетов к ним, о пальбе из этих пушек, Бабур часто пользуется оборотом *rum dästuri bilä* ʿпо румскому образцу' (БН 403, BN 310b–311a; БН 449, BN 347a; БН 458, BN 354a), неоднократно упоминает имя главного пушкаря империи – Мустафа-и Руми; в числе придворных назван также Сейид Руми (БН 455, BN 352a).

Интерес представляет традиционный слой лексики. Это преимущественное и высокочастотное употребление *teŋri* ʿбог, божество', сохранение лексем *uɣan* ʿВсемогущий (бог)' и *qutluq* ʿсчастливый' в личных именах, *bilikät* ʿвести', словосочетание *jer suw* букв. ʿземля-вода', ʿродина', ʿместность со всей совокупностью географических объектов'.

Из приведенного материала также явствует, как глубоко и всесторонне изучал лексику "Бабур-наме" Л.З.Будагов при составлении своего словаря; его с полным правом можно считать первым исследователем этого важнейшего и репрезентативнейшего объекта тюркской исторической лексикографии и лексикологии.

Часть II

МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКА „БАБУР-НАМЕ": ОПИСАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Предлагаемый здесь очерк структуры языка "Бабур-наме" выполнен в двух аспектах – описательном (формально-грамматическом) и функционально-стилистическом. В общем языкознании признается, что между формальной и функциональной грамматикой нет резкой грани, и их противопоставление не является абсолютным [Грамматические исследования, с. 13]. Первый из названных аспектов позволяет осветить общий языковой фон, на котором только и можно показать экспрессивные возможности грамматических ресурсов языка писателя, своеобразие в выборе и распределении вариантных словоформ в "Бабур-наме", притом что это своеобразие обусловливается темой повествования, связанной с назначением текста. В тюркологии функциональный аспект рассмотрения глагольных категорий (при опоре анализа на текст) был предложен Э.А.Груниной [Грунина, 1988; см. также: 1976].

Совмещение двух этих аспектов изучения, естественно, подразумевает известную неравномерность в освещении морфологической системы: "фоновые" явления освещаются более бегло, стилистически релевантные – более подробно. Вместе с тем необходимо также учитывать, что "было бы трудно объединить если не большую, то хотя бы значительную часть грамматических средств в соответствии с их функционально-стилистической характеристикой" [Грамматические исследования, с. 29]. Таким образом, мы не претендуем на исчерпывающую полноту данного очерка, призванного, по нашей мысли, служить развитию новой дисциплины – исторической грамматики чагатайского литературного языка (ср. [Тенишев 1988]).

В то же время поскольку описание общего языкового фона (морфологии) "Бабур-наме" ставит своей целью "выведение „индивидуальной речевой системы" данного писателя, имея, однако, в виду, в конечном счете, установление „языковой системы" того языка, на котором он пишет" [Щерба 1931, с. 124], естественно, мы не можем не резюмировать здесь своих наблюдений, касающихся не только исторической грамматики чагатайского литературного языка, но также и исторической грамматики тюркских языков (и узбекского, а также уйгурского в том числе).

Глава I. ИМЯ

§ 1. Грамматические категории имени существительного

1. Категория числа

Категория числа в системе форм имен существительных может быть признана "абсолютной", для глагола же она является согласовательной. Формально выраженным является только мн. число. Для выражения мн. числа помимо наиболее частотного собственно тюркского способа с помощью аффикса *-lAr* используются также заимствованные способы, а именно: а) арабское "ломаное множественное", б) с помощью аффикса *-at*. Этот последний квалифицируется исследователями то как женское окончание арабского мн. числа [Eckmann 1966, с. 79], то как предположительно монгольский аффикс [Щербак 1962, с. 120] или же дифференцированно – в одних случаях как арабский аффикс (например, *wila:ja:t* ʿстраны, земли', *mähällät* ʿпредместья, кварталы'), в других – как монгольский (*bekat* ʿкнязья', *tümanat* ʿуделы') со ссылкой на К.Грёнбека [Brockelmann 1954, с. 151][1]. Примеры: а) *ǯämiʿ sälatin wä ḫawanin wä akabir wä umära* БН 455, BN 352a ʿвсе султаны, и ханы, и вельможи, и эмиры'; *šuʿära* BN 86a$_2$, но *šuʿäralar* БН 105$_{10}$ ʿпоэты'; *ḫäwatyn* БН 11, BN 9b; БН 35, BN 28a ʿжены' (в формуле *ḫäwatyn wä särari* ʿжены и наложницы его'); подчеркнуты неарабские слова в форме арабского "ломаного" мн. числа, *ḫäwanin* ʿханы', см. еще БН 349, BN 270a; б) *baɣat* (перс.-ар.) *wä mähällat* (ар.) БН 130$_{10}$, но *mähällä wä baɣat* BN 106a$_3$ ʿсады и предместья'. Аффикс *-at* в словах неарабского происхождения: *kabul bölügatidin bir bölük* БН 172, BN 139b ʿодна волость из кабульских волостей'; *jaḫšy wila:ja:ti wä tümanati bar* БН 60, BN 48b ʿЕсть там [в Самаркандском уделе] хорошие области и туманы' (арабское и неарабское слова оформлены аффиксом *-at); tümanat* см. еще БН 62, BN 49b, но *tümanlar* БН 62$_{17}$, BN 50a$_4$; *tämam ajmaqat* БН 191, BN 154b ʿполностью все скотоводческие племена (аймаки)'; *pärgänät* БН 426, BN 329a ʿуделы'; *bilikät* в сочe-

[1] Ниже из-за частой употребляемости данная ссылка в тексте дается сокращенно [Brock.].

тании *ḫät wä bilikät* БН 312, BN 242a ‘письмо и известия’; *bekat* часто в устойчивом сочетании *bek wä bekat* БН 30, BN 23b; БН 46, BN 36b; БН 59, BN 47b; БН 66, BN 53a; БН 189, BN 152b ‘великие беки и малые беки’; как видим, словоформа переосмыслена и означает не просто ”беки”, но именно ”малые беки”, в этом значении может принимать тюркский аффикс мн. числа *-lar* : *bir parä bekatlar* БН 32_1, но *bir parä jigitlar* BN $25a_8$ ‘несколько [малых беков] йигитов’. Заслуживает внимания употребление аффикса *-at* при топонимах: *ǯämi‘ ḫorasanat* БН 222, BN 177a ‘все Хорасанские земли’, *tämam lämγanat* БН 324, BN 250b; БН 359, BN 277b ‘все Ламганские земли’, см. еще БН 160, BN 129b; БН 161, BN 131b (но ед. число *lämγan* БН 369, BN 284b), *tämam hindustanat* БН 353, BN 272b; БН 358, BN 277a ‘все Хиндустанские земли’.

Некоторые фарсизмы заимствовались в форме мн. числа, например: *čirayan* БН 326, BN 253b ‘светильники’.

А. Категория числа и противопоставление по антропонимичности–неантропонимичности, членимости–нечленимости

Выработанную на романском языковом материале ”функционально-семантическую категорию” антропонимичности–неантропонимичности, ”открытую для местоимений” и ”скрытую для существительных” [Басманова 1977, с. 10–11], небесполезно применить к морфологии тюркских имен, где уже высказывались близкие идеи и наблюдения. Так, А.Н.Кононов, говоря о морфологическом способе обозначения раздельной, членимой, множественности с помощью *-lar*, особо отмечал, что в языке тюркских руни-ческих памятников этот аффикс ”в подавляющем числе примеров сочетается с именами существительными – названиями лиц, как правило, „высокого” происхождения” [Кононов 1980, с. 145]. В тюркских языках категория антропонимичности–неантропонимичности, сочетаясь с противопоставлением членимость–нечленимость, проявляется во взаимодействиях с категорией числа. Оформление существительных аффиксом мн. числа *-lAr* в значительной своей части связано с антропонимичностью этих существительных. Во всяком случае, по нашим наблюдениям, в языке ”Бабур-наме” антропонимических существительных с аффиксом *-lAr* встречается гораздо больше, чем неантропонимических. Это особенно хорошо видно на примере начальных пяти страниц ”Бабур-наме”, посвященных описанию области Ферганы, ее природных условий (БН 2–7, BN 1b–5b), а также больших фрагментов текста с описанием фауны и флоры Хиндустана (БН 356–374, BN 275a–288a): словоформы

с аффиксом *-lAr* здесь имеют явно пониженную частотность (к тому же среди немногих таких словоформ значительное место занимают сказуемые неопределенно-личных предложений, например: *derlar* ʿговорят'). Типично здесь употребление основных словоформ неантропонимических существительных[2], как например: *ašlyy* (БН 2_{17}: *ašlyyy*) *wafir mewäsi färawan qawun üzümi jaḫšy bolur* БН 2_{17}, BN $2a_{7}$ ʿХлеба́ [в Андижанской области] обильны, фрукты там в изобилии, дыни и виноград хороши'. Аффикс *-lAr* употребляется, например, при названии растения в том случае, когда имеются в виду все его разновидности. Так, см. при сравнении индийского жасмина с его разновидностями в Средней Азии: *biznıŋ jerni* (BN $288a_{10}$: *jer*) *jasminlaridin uluyraq* БН 374_{2}, BN $288a_{10}$ ʿон крупнее (букв. больше) жасминов наших мест'.

В основной же форме выступают фаунонимы, особенно если речь идет о нерасчлененном множестве. Пример: *jaḫšy ölaŋ dur oty atqa sazäwar dur... jazlar čybyny atqa täšwiš berur... oty atqa bisjar sazäwar dur čybyny bolmas* БН 159, BN 130a ʿ[Это] хорошая лужайка, трава [там] годится для коней ... Летом [тамошние] комары причиняют беспокойство коням... [На другой лужайке] трава [уж] очень годится для коней. Комаров там нет'.

При передаче расчлененного множества фаунонимы употребляются в форме на *-lAr*: *hindustan baqalary ošal baqalar dek tur wäle bu baqalar suwnyŋ jüzida jeti sekiz qary jügura durlar* БН 366, BN 282b ʿЕще индийские лягушки: хотя они подобны лягушкам тем самым (т.е. среднеазиатским), однако эти лягушки пробегают по воде семь–восемь кари', здесь имеются в виду все разновидности этого земноводного. Нижеприводимый пример заслуживает внимания четко осмысленным противопоставлением основной словоформы и словоформы на *-lar*: *andaq at ölati boldy kim täwilä täwilä atlar jyqylyb öla kirišti* (БН 21_{10}: *bašlady*) БН 21_{9-10}, BN $17a_{3-4}$ ʿСлучился такой падёж коней, что кони стали валиться и издыхать косяками (букв. конюшнями)'. Основная словоформа, передающая нерасчлененное множество, здесь употреблена в нейтрально-констатирующем словосочетании *at ölati* ʿконский падёж'; когда же речь заходит конкретно о море, напавшем на коней врага, то здесь имеет место эмфатическое использование аффикса *-lar* при фаунониме *at*, что подчеркивается также повтором *täwilä täwilä* конюшнями'. Подобные примеры мешают принять безоговорочно точку зрения, в соответствии с которой имя без показателя множественности и форма, включающая этот показатель, ничем общим не объединяются [Гузев 1987, с. 69].

[2] Употребляя термин "основная словоформа", мы присоединяемся тем самым к точке зрения В.Г.Гузева–Д.М.Насилова, в соответствии с которой имя без показателя множественности не является формой ед. числа [Гузев 1987, с. 69].

Б. Экспрессивно-стилистическая функция формы множественного числа

В исторической грамматике тюркских литературных языков Средней Азии одним из первых, кто отметил экспрессивную функцию аффикса мн. числа *-lAr*, был К.Броккельман, см. [Brock. с. 281-282; см. еще Kowalski 1936].

1. В языке "Бабур-наме", как и вообще в тюркских языках, из однородных членов предложения обычно последний получает словоизменительные аффиксы, в том числе и аффикс *-lAr*: *awbaš wä jetimlari* БН 112, BN 91b 'самаркандская чернь и голытьба', см. еще БН 46, BN 36b.

Бабур, однако, часто использует эмфатические повторения аффикса *-lAr* в определенных группах лексики. Случаи эмфазы этого рода, по нашим наблюдениям, приходятся как на антропонимические, так и неантропонимические существительные, примерно на нижеследующие группы: а) антропонимы – названия участников действия (часто это имена из числа военно-административной титулатуры), б) неантропонимы – имена непредметные, часто используемые для описания условий жизни (нередко снабжаются количественными актуализаторами). Примеры: а) *beklar wä ičkilar* БН 97, BN 79a; БН 225, BN 179b; БН 338, BN 261a 'беки и придворные', *ičkilar wä jigitlar* БН 240, BN 190b 'придворные и йигиты', *beklar wä jigitlar* БН 94, BN 76b 'беки и йигиты'; б) *aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda* БН 13, BN 11a 'во многие периоды казачества (т.е. скитаний) и междуцарствия', *qazaqlyqlar wä mehnätlar* БН 91, BN 74b 'казачества и бедствия'. К разряду непредметных имен относятся и те, которые получили аффикс *-lAr*, как в следующем примере: *bir neča näsihätlar qylyb mä'qul sözlar dedilar* БН 193, BN 155b 'Давши столько-то советов, говорили [ему] разумные слова'.

2. Из числа непредметных интерес представляет оформление аффиксом *-lAr* абстрактных существительных, часто либо имеющих в своем составе имяобразующий аффикс *-lIk*, либо представляющих собой арабские масдары различных пород, т.е. по самой морфологической природе имена неисчислимые.

Особого внимания заслуживают многие случаи, когда снабженные аффиксом *-lAr* абстрактные существительные – относительные синонимы выступают в предложении попарно: они либо являются однородными членами предложений, либо входят в состав однородных сказуемых, деепричастных конструкций, при этом нередко получая количественные или местоименные актуализаторы. Примеры: *yäläbä jayylyqlar wä jamanlyqlar* (БН 97_{12}: налицо

только *jamanlyqlar*) *bu atalyq oγulluatyn zuhurγa keldi* БН 97$_{12-13}$, BN 79b$_{1-2}$ ‘Много всяческих враждебности и зла проявилось от этих отца с сыном’, *barča fitnälarγa ol muhärrik wä žämi‘ jamanlyγqa ol ba‘is edi* БН 422, BN 326a ‘Он был подстрекателем всех интриг (распрь) и он был причиной всяческого зла’, ... *jaγylyqlar salyb fitnälar qyldylar* БН 216, BN 172b ‘...заронив [семена] враждебности, они породили смуты’, *neča γyl sä‘ilar qylyb mäšäqätlar körub...* БН 382, BN 295b ‘столько лет прилагая усилия, претерпевая трудности ...’; см. еще БН 193, BN 155b; БН 76, BN 61a; БН 92, BN 75a; БН 451, BN 348a.

Как видим, и здесь есть свои излюбленные пары относительных синонимов: *jaγylyq* ‘враждебность’ – *jamanlyq* ‘зло’ (с вариантом *fitnä* ‘интрига, смута, распря’ к любому из этих слов). Эмфатическое повторение аффикса *-lAr* призвано подчеркнуть и усилить синонимическую пару морфологическим путем, притом что чисто словесно она бывает усилена за счет наречия-актуализатора (*γäläbä* ‘много’) или же другого актуализатора – обобщающе-определительного местоимения (*barča, žämi‘* ‘все, всё’).

В этих примерах наглядно представлена экспрессивно-стилистическая функция словоформ на *-lAr*, контекстуальная по самой своей природе. Так же контекстуально употребление субстантивированного местоименного производного *mundaq* с аффиксом *-lAr* в экспрессивных целях, пример: *arada mundaqlar bolsa* БН 197, BN 158b ‘если между [нами] произойдет этакое’.

3. Аффикс *-lAr* могут получать существительные как предметные, так и непредметные, выступающие в основном падеже в функции а) прямого дополнения или же б) именного компонента аналитической глагольной структуры. Примеры: а) *jaḫšy qylyčlar čapyb edi* БН 147, BN 121a ‘[Яр Али Билал] очень хорошо рубился на саблях’, см. еще БН 215$_{18}$, BN 172a$_{11}$; *jaḫšy tufänklar atylar* БН 435, BN 336b ‘очень хорошо стреляли из ружей’, *jaḫšy firänggilar atty... jaḫšy zärbzänlar atty* БН 345, BN 266b–267a ‘очень хорошо стрелял из пушки, очень хорошо стрелял из полевого орудия’; во всех этих случаях *jaḫšy*, как видим, относится не к существительному *qylyč* ‘сабля’, *tufänk* ‘ружье’ и т.п., но ко всему глагольно-именному комплексу в целом, б) *jaḫšy hizmätlar qyldy* БН 52, BN 42b ‘очень хорошо услужил’; *jusuf antlar ičti* БН 144, BN 118a ‘Юсуф много [раз] клялся’. Во всех этих случаях функция *-lAr* – усилительная или же интенсифицирующая.

4. Частотным является в ”Бабур-наме” употребление глагольного определения *jaḫšy* (изредка также его синонима – фарсизма *ḫob*) с аффиксом *-lAr*; характерно, что ни в других средневековых тюркских памятниках, ни в современных тюркских языках и

диалектах такое формоупотребление не отмечается. Заслуживает внимания то, что подобное формоупотребление в ряде примеров варьирует с вышеописанным (*-lAr* в прямом дополнении): *jaḫšylar taš atty* БН 435, BN 337a 'очень хорошо метал ядра', *ḫoblar eliki iška tegdi* БН 114, BN 93a 'очень хорошо руки его доходили до дела'; здесь также *jaḫšy* (*ḫob*) относится ко всему глагольно-именному комплексу в целом.

Особенно часто *jaḫšylar* используется как определение к глаголу *bar-* 'ходить; действовать, поступать': *bu jürušta halifä jaḫšylar bardy* БН 408, BN 314b 'В этом походе Халифа держался очень хорошо', *jaḫšylar bardy* (БН 300_{12}: *išladi*) БН 300_{11-12}, BN $234a_{3-4}$ 'держался очень хорошо', ср. иной перевод: 'er hatte Gutes getan' [Brock., с. 281], который свидетельствует о некорректной трактовке *jaḫšylar* как субстантивированного прилагательного в функции прямого дополнения. А.М.Щербак рассматривает *jaḫšylar* в составе "особой группы наречий", к образованию которых приводит "семантическое обособление аффикса *-лар* ∞ *-läp*" [Щербак 1962, с. 119]. С большей вероятностью можно допустить, что здесь налицо экспрессивно-стилистическая функция *-lAr*, выступающего в качестве эмоционального усилителя: с его помощью подчеркивается особо высокое качество исполнения действия, интенсивность его. Можно предположить, что столь необычное для тюркских языков использование аффикса *-lAr* в глагольном определении явилось результатом своеобразной контаминации. Дело в том, что, по сообщению А.Б.Джураева, диалектная зона юго-восточной Ферганы с центром в Андижане характеризуется широким употреблением усилительной частицы *-лА*; многозначная частица *-лА*, которая "в других тюркских языках не отмечена" [Наджип 1960, с. 103], наблюдается также в сопредельном уйгурском языке Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Не исключено, что такое распространение частицы *-lA*, уходящее корнями в древность, оказало воздействие на литературный язык андижанца (по рождению и воспитанию) Бабура в виде скрещения с фонетически созвучным *-lAr*, что привело к активизации *-lAr* в необычных для него синтаксических условиях. См. также единичный пример употребления частицы *-lA* в "Шейбани-наме" [Турабова 1966, с. 27].

См. в одном предложении сочетание двух моделей усиления экспрессивности (3 и 4) с помощью аффикса *-lAr*: ... *jaḫšylar baryb märdanälyqlar qyldylar* БН 114, BN 93a '... держались очень хорошо, совершали смелые дела' (букв. 'храбрости, смелости').

5. В языке "Бабур-наме" при числительном обычно употребляется основная словоформа, передающая объект исчисления, в том

числе и антропонимы. См. *jigirma miŋ kiši* БН 450, BN 347b ʿдвадцать тысяч человек'. Тем очевиднее, что употребление аффикса *-lAr* в этой же позиции при неантропонимических существительных "имеет подчеркивающее или усиливающее действие" [Kowalski 1936, с. 16]. Примеры: *hälifä ḫälas bolub jüz tüman mäšäqätlar wä ʿäzablar bilä... jajaq wä jalaŋač keldi* БН 40, BN 32b ʿХалифа спасся, с миллионом всяческих тягот и мучений ... пришел он пеший и нагий'; экспрессивному эффекту здесь содействует и самый гиперболический актуализатор – количественное числительное высшего разряда *jüz tüman* ʿтысяча тысяч' (букв. ʿсто [по] десять тысяч'). При наличии актуализаторов – количественных, местоименных или же в виде постпозитивных приложений – аффикс *-lAr* получают и такие обобщающие существительные, как *el* ʿнарод', *čerik* ʿвойско', которые обычно употребляются в языке "Бабур-наме" в основной форме. Примеры: *jüz miŋga jawuq čeriklari bar edi* БН 349, BN 270a ʿУ них было войска около ста тысяч [человек]'[3]; *...ḫoǯaǯa mänsub ellar misl-i nukär wä čakär wä ajmaq wä ahšamni tämam tutturub...* БН 67, BN 54a ʿ... велев схватить полностью людей, имевших отношение к Ходже, как то: нукеров и слуг, сородичей (букв. соплеменников) и приближенных' (*ahšam* – мн. число ар. *häšäm* ʿсвита, приближенные').

6. При употреблении имен определенной семантики, а именно: а) наречий и б) существительных временно́го значения с аффиксом *-lAr* подчеркивается идея протяженности, периодичности, повторяемости[4]. Примеры: а) *burunlar köp ičar edi soŋralar häftädä bir iki qatla suhbät tutar edi... soŋralar mäʿǯun köprak iḫtijar qylur erdi* БН 9, BN 7b ʿВ прежние времена он много пил, впоследствии раз – два раза в неделю устраивал застолья... В последние времена [своей жизни] больше пристрастился к возбуждающим средствам', см. еще *soŋralar* БН 32, BN 25b; БН 36, BN 28b; б) *bäharlar* БН 256, BN 202b ʿвеснами', *jazlar* БН 159, BN 130a, *jazlarda kečalar* BN 129b$_{13}$ (БН 159$_{7}$: *jazlar kečalari*) ʿлетом по ночам', *jazlar... qyšlar* БН 160, BN 130b ʿлетом... зимой' (букв. ʿлетами ... зимами'), *muddätlar ʿomär šäjḫ täsärrufida edi* БН 40, BN 32a–b ʿ[Ура-Тепа] длительное время находился во владении Омар Шейха'. Как видим,

[3] Здесь могло иметь место скрещение двух аффиксов *-lAr*, – относящегося к имени и входящего в состав аффикса принадлежности 3-го лица мн. числа (об этом см. на с. 258). Ср. обычное согласование с количественным числительным основной формы существительного, в том числе и антропонимического: *jüz miŋ qary jaγy* БН 349$_{19}$ (отсутствует *qary*), BN 270a$_{9}$ ʿстотысячный старинный враг'.

[4] В стилистически нейтральном тексте употребляется основная форма имени: *... häm qyš wä jaz jaḫšy häwalar dur* БН 378, BN 291b ʿ...[В Хиндустане] и зимой и летом погоды хорошие'.

-lAr в этом значении присоединяется достаточно свободно к словам из "временно́й" группы, будь это существительное или наречие, тюркизм или арабизм. К.Броккельман отметил из наречий, принимающих аффикс мн. числа, только *burun* и *soŋra* [Brock., с. 169].

Тюркское языкознание не располагает объективными критериями для определения того, происходит ли здесь "семантическое обособление аффикса *-lAr*" и образуется ли при этом "особая группа наречий" [Щербак 1962, с. 119]; скорее всего, здесь мы имеем дело с известным общему языкознанию явлением: "Множественное число, как правило, увеличивает неоднозначность денотативной характеристики имени" [Грамматические исследования, с. 262].

7. Отношение почтительности выражается а) посессивно-оформленными существительными, б) местоимениями, личными и указательными с афф. *-lAr* и характером глагольного согласования (обязательным наличием *-lAr*) с таким именем-подлежащим (о чем см. ниже, с. 331 и сл.). Примеры: а) *häzrät ḫoǯanyŋ häm ajaǯlary arada edi* БН 23, BN 18b ʿ[Султан Ахмед мирза] был в полном подчинении (букв. между ног) досточтимого Ходжи'; б) *čun egäči edilar tä'äzzim wä ihtiramlari ǯihätidin jükundum alar häm jükundilar* БН 301, BN 235a ʿТак как [Султаним биким] была старшей сестрой [для меня], из почтения и уважения к ним я поклонился; оне тоже поклонились', *alarnyŋ atlary* БН 223, BN 177b 'их имя' (имеется в виду поэт Джами); *meni tanymajdur sorub tur kim bular qajsy sultan dur* БН 126, BN 103b ʿОн меня не узнал, спросил: "Они (букв. эти) какой султан будут?"'.

Сделанные выше наблюдения над функционированием осно́вных форм имени и именных словоформ на *-lAr* подтверждают правомерность постановки "вопроса об отношении категории числа к актуализационным морфологическим категориям" [Грамматические исследования, с. 264]. Можно сказать, что ни одна из именных категорий не располагает таким разнообразием в конкретных осуществлениях экспрессивно-стилистической функции, какое находим у именных словоформ на *-lAr*.

2. Категория принадлежности

Эта грамматическая категория, которая "выражает одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя" [Дмитриев 1956, с. 22], свойственна прежде всего имени существительному как особой части речи, а также и другим именам – некоторым группам местоимений, числительных, глагольным именам [Щербак 1962, с. 116].

Аффиксы принадлежности (приводятся без указания соединительных гласных): а) 1-го лица ед. и мн. числа *-m*; *-mIz*, *-mUz* (редко); б) 2-го лица ед. и мн. числа *-ŋ*; *-ŋIz*, *-ŋUz* (редко); в) 3-го лица ед. и мн. числа *-I*, *-sI*; *-lArI*. Примеры: а) *jawuqdaɣylarym* БН 240, BN 190b ‘мои приближенные’; *qulluɣumyz* БН 128, BN 104a ‘служба у нас (т.е. в нашу пользу)’; б) *ḫatyryŋ* БН 143, BN 118a ‘твоя мысль (разум; память)’; *nukärlariŋiz* БН 143, BN 118a ‘Ваши нукеры’, *közüŋiz* БН 115, BN 94b ‘Ваши глаза’; в) *inisi ... siŋli* БН 335, BN 259b ‘его младший брат... его младшая сестра’ (в этих примерах представлен морфологический способ передачи отношений принадлежности). Аффикс принадлежности 3-го лица мн. числа *-lArI* употребляется редко: *bir jamanlyqlary* БН 272, BN 213b ‘одно их дурное качество ...’, БН 247, BN 195b; обычное словоупотребление: *özbek ḫawanin wä sälatinniŋ täsärrufida edi jüz miŋga jawuq čeriklari edi* БН 349, BN 270a ‘[Страна] была во власти узбекских ханов и султанов; у них было войска около ста тысяч [человек]’: при мн. числе определения в определяемых представлен аффикс принадлежности 3-го лица то ед., то мн. числа (в последнем случае не исключено воздействие количественного актуализатора, см. выше, с. 256). Обычно согласование с посессивным аффиксом ед. числа даже и при наличии аффикса *-lar* в определяемом: *alarnyŋ näslidin kiši qalmady* БН 223, BN 177b ‘Из их рода не осталось [в живых ни одного] человека’.

Для аффикса принадлежности 3-го лица возможно плеонастическое употребление, когда в одной словоформе соединяются оба варианта этого аффикса *-I* и *-sI*. Примеры: *šähäri wä bazarisida* БН 3, (*šähär* без посессивного аффикса), BN 2b, ‘в городе [Андижане] и на его базаре’, *taɣnyŋ jarymysyɣača* БН 186, BN 150b ‘до середины горы’, *alwärniŋ iki kuruhisida kelduk* БН 423, BN 326b ‘Мы подошли на два куруха к Алвару’. Об этом явлении см. [Brock., с. 335].

Имена, оформленные аффиксом принадлежности соответствующего лица, часто бывают непосредственно соотнесены с род. (или осн. – для существительных) падежом личных местоимений, имен существительных (морфолого-синтаксический способ передачи отношений принадлежности). Такое определение, выражаемое падежной словоформой, может занимать как контактную, так и дистактную позицию по отношению к своему определяемому, снабженному соответствующим аффиксом принадлежности, см. *jigirma otuz miŋ nukärniŋ igasi* БН 151, BN 124a ‘владелец (хозяин) двадцати–тридцати тысяч нукеров’; но *meniŋ saɣdaq qylyčdyn özga jaraɣym joq edi* БН 131, BN 107a ‘У меня не было другого оружия, кроме сабли и колчана [со стрелами]’.

Местоимение 1-го лица мн. числа в род. падеже *biznіŋ* ʿнаш' может соотноситься с определяемым – именем без соответствующего аффикса принадлежности (синтаксический способ передачи отношений принадлежности), например: *biznіŋ bäʿzi ičkilarni wä jigitlarni* БН 240, BN 190b ʿнекоторых наших придворных и йигитов', см. еще БН 152, BN 124b; БН 235, BN 186b; словоформа с аффиксом принадлежности 1-го лица мн. числа может употребляться самостоятельно, без местоименного определения. На возможность такого варьирования опирается разночтение по спискам: *biznіŋ atlar* БН 142_{3-4}, но *atlarymyz* BN $177a_2$ ʿнаши кони'.

Помимо прочего местоимение 2-го лица мн. числа в род. падеже *siznіŋ* может в качестве определения выступать при определяемом *sary*, статус которого, по материалам "Бабур-наме", был динамичен: это и послелог "к, по направлению к" и еще самостоятельное существительное "сторона"; во всяком случае как послелог *sary* не принимал аффикса принадлежности. Пример: *... fäth wä nusrät siznіŋ sary dur* БН 144, BN 118b ʿ... победа и помощь божия на вашей стороне'.

Определяемое способно выступать без посессивного аффикса (3-го лица) также при определении – имени в род. падеже. См. *aralnyŋ ol jüzdaγy suw* БН 187, BN 151a ʿрека по ту сторону острова'; *... čuhränіŋ atny šaǰi bilä bir näjzä boγy tašlady* БН 357, BN 276a ʿ[Однажды на охоте носорог] своим рогом отбросил коня оруженосца на длину копья'; *... hindustani jajaqnyŋ kelturgan ḫätqa ǯäwab bitib jibarildi* БН 474, BN 366a ʿ... на письмо, принесенное скороходом-индийцем, [я] написал ответ и послал [его]'; во втором примере позиция таких определения и определяемого контактная, в первом и третьем – дистантная. Здесь особенно часты разночтения по спискам, опирающиеся на нормативное наличие посессивного аффикса в данных условиях и возможность его отсутствия, ср. *andiǰannyŋ qošun beklardin* BN $14a_4$ ʿиз беков андижанского войска', но *andiǰan qošun beklaridin* БН 17_{14}; *sultannyŋ nukär* BN $354a_6$ ʿнукер султана', но *sultannyŋ nukäri* БН 458_{11} и наоборот: *aq qyčγyaj degan jajlaγyda* BN $13a_6$ ʿна летовке Ак-Кычыгай', но *aq qyčγyaj degan jajlaqda* БН 16_{8-9}; ср. еще БН 232_{17}, но BN $184b_2$. Это явление отмечалось в чагатайском [Brock., с. 333–334; Eckmann 1966, с. 81], языке древней и средневековой тюркской письменности [Кононов 1980, с. 148; Кондратьев 1962, с. 74; Агманов 1964, с. 10; Каримов 1962 (1), с. 6], из современных тюркских языков и диалектов, например в саларском [см. Тенишев 1976 (2), с. 104], закатальско-кахских говорах азербайджанского языка [Ширалиев 1947, с. 436].

Приведенные факты позволяют увидеть морфолого-синтаксический и синтаксический способы передачи отношений принадлежности в динамике их взаимодействия и предположить, что не всегда они были четко разграничены и специализированы.

А. Необлигаторность грамматического значения принадлежности и ее стилистическое использование в языке „Бабур-наме"

Имена, снабженные аффиксами принадлежности (особенно 3-го лица с присущими ему весьма широкими значениями; морфологический способ передачи принадлежности), могут употребляться в предложении самостоятельно [Гузев 1979, с. 41], будучи опосредованно, контекстуально соотнесены с лицом имени, личного местоимения, которые занимают в предложении ключевую позицию (подлежащего главного или подчиненного предложения, причем даже и ситуативно подразумеваемого), с лицом сказуемого или же с самой ситуацией данного контекста. В субъективированном типе повествования "Бабур-наме" самостоятельно могут употребляться имена с аффиксом принадлежности 1-го лица. Примеры: *beš jašymda sämärqändya kelganda mäŋä qolub edilar* БН 25, BN 20a ʿКогда [я] в мои пять лет приехал в Самарканд, мне сосватали [Айшу Султан биким]', см. еще БН 26, BN 20b. С аффиксами 3-го лица: *on üč jašyda teŋri rähmätiya bardy* БН 34, BN 27a ʿ[Сын Султан Махмуд мирзы] в свои тринадцать лет отправился к милости господней', см. еще БН 22, BN 18a; *jaḫšy ölaŋ duŗ oty atqa säzawar dur* БН 159, BN 130a ʿЭто хорошая лужайка, трава [там] годится для коней' (на этих же страницах множество подобных примеров ситуативного соотнесения аффикса принадлежности 3-го лица).

Вместе с тем можно привести ряд примеров, где в совершенно таких же синтаксических условиях употреблены словоформы без аффиксов принадлежности, см. ... *on iki jašta padisah boldum* БН 2, BN 1b ʿ... в двенадцать лет я стал государем', *čun bu däydäyä bar edi kim qyrq jašta ta'jib bolyajmen qyrq jašqa bir jyldyn azraq qalyb edi...* БН 322, BN 249b ʿПоскольку было это волнение, чтобы в сорок лет мне покаяться [т.е. отказаться от винопития], а до сорока лет оставалось меньше года...', см. также БН 13, BN 11a; БН 289, BN 226a.

В этих последних примерах как раз и представлена та самая необлигаторность грамматического значения принадлежности, которая наблюдается исследователями в староанатолийско-тюркском [Гузев 1988, с. 9] и древнеуйгурском [Насилов Д. 1988, с. 73], а также

в современных тюркских языках [Исхакова 1972, с. 6]. Именно на необлигаторности грамматического значения принадлежности основаны разночтения по спискам, см. ... *qolda bolsak*... БН 140$_{10}$, но ... *elikida bolsak*... BN 115b$_{4-5}$ 'если мы окажемся у него в руках...'.

Необлигаторность грамматического значения принадлежности – явление, широко представленное в языке "Бабур-наме". Особенно это ясно видно на примере частотных здесь устойчивых глагольно-именных оборотов, см. выше *ḫatyr(ym)ɣa* (реже *köŋülga*) *kel-* (∞ *jet-*, *keč-*, *čyq-*, *jaq-*) с аффиксами принадлежности и без них в именном компоненте; на возможности их варьирования основываются разночтения по спискам, см. *ḫatyrymɣa keldi* БН 140$_5$, но *hatyrɣa jetti* BN 115a$_{11}$.

Употребительны также устойчивые словесные обороты без аффикса принадлежности в имени: *umid andaq tur kim*... БН 148, BN 121a 'Надежда такова, что...', ... *umid bar kim*... БН 171, BN 139a '... есть надежда, что...' при варьировании их обычным словосочетанием, где представлен аффикс принадлежности в стержневом имени: *umidim bar kim*... БН 452, BN 349a 'есть у меня надежда на то, что...'.

Ряд устойчивых глагольно-именных оборотов характеризуется тем, что именной компонент не принимает каких-либо аффиксов принадлежности. Это касается, например, *elik* 'рука' в устойчивых оборотах, причем даже и при разночтениях по спискам (см. *elikka kirar* BN 106b$_2$, но *qolɣa kirar* БН 130$_{22}$ 'покоряется'). Примеры: *elikta bolsa edi*... БН 137, BN 112b 'если бы была в наших руках...', *elikka tüš-* БН 87, BN 70b; БН 89, BN 72a 'попасть в плен', *eliktin ket-* БН 104, BN 85a 'уйти из рук', *eliktin čyqyb edi* БН 78, BN 63b 'вышел из рук' (т.е. из повиновения).

О том, насколько необязательным было грамматическое значение принадлежности, могут свидетельствовать нижеприводимые примеры без соответствующих аффиксов: *uluqlar kötarimlik kerak* БН 452, BN 349a 'Великим нужна выдержка', см. еще БН 146, BN 120a. Даже при терминах родства и свойства не всегда употреблялись аффиксы принадлежности: *oɣul wä qyz wä ahl wä ʿäjäl joq ʿalämni täwri färd wä ǯärida ötkardi* БН 214, BN 171a 'Без сына и дочери, без жены и семьи провел он [Навои] свою жизнь прекрасно, одиноко и налегке', *jinä bir yunčäčidin bir qyz bolub edi* БН 210, BN 168b 'Еще от одной наложницы была [у него] одна дочь', но ср. здесь же с аффиксом принадлежности: *andyn bir oɣly bolub edi* БН 210, BN 168b 'От нее был у него один сын', см. еще БН 210, BN 168a; БН 212, BN 169b; в подобном же предложении возможны разночтения по спискам: *bir oɣul* БН 209$_5$, но

oγly BN 167b$_{11}$; такое соотношение словоформ без аффикса и с аффиксом принадлежности см. БН 365, BN 282a, а также БН 2$_{7}$, BN 1b$_{6}$; БН 8$_{9-10}$, BN 6b$_{10-11}$.

Частотность описываемого явления в языке "Бабур-наме", по всей видимости, имеет глубинные корреляции с более широким распространением (не только 1-е лицо мн. числа, но также 3-е лицо) синтаксического способа передачи отношений принадлежности, чем это представлено в современных тюркских языках (см. выше с. 259).

Необлигаторность грамматического значения принадлежности в языке "Бабур-наме" находит широкое применение в качестве стилистического конструктивного средства: отсутствие у имен аффикса принадлежности 1-го лица в условиях, привычно допускающих его употребление, и особенно в высокочастотных словосочетаниях типа *ẖatyrγa* (*könγülga*) *jetti* (*keldi, kečti*) ʿдо разума (сердца) дошло (запало, мелькнуло)' или *umid bar kim...* ʿесть надежда на то, что ...' и др., является одним из важных признаков объективированного типа (I) повествования в "Бабур-наме" (см. выше, с. 76). Соответственно именные словоформы с аффиксами принадлежности 1-го лица закрепляются в качестве характерного признака субъективированного типа (II) повествования.

Таким образом, допускаемая в одних и тех же синтаксических условиях вариативность посессивных словоформ и имен без аффиксов принадлежности используется Бабуром творчески, а именно для противопоставления субъективированного (II) и объективированного (I) типов повествования в "Бабур-наме".

Б. Необлигаторность аффиксов принадлежности в пространственных именах служебного назначения

В связи с описанным выше явлением заслуживает внимания использование слова *ara* ʿсредина, промежуток', ʿмежду' [Буд. I, с. 22; ДТС, с. 50; Наджип 1989, с. 173], ʿпромежуток, место' [Грунина 1988, с. 134] в различных синтаксических функциях и позициях без аффикса принадлежности. См. в функции самостоятельного слова в объективированном типе (I) повествования (без аффиксов принадлежности): *ẖatyrγa jetti kim ara munča jawuq bolγanda ẖan ata aγa durlar* БН 39, BN 31b ʿНа ум [мне] пришло: раз промежуток [между нами] такой близкий, хан [мне словно] отец [или] старший брат' (см. еще БН 40, BN 32b; но ср. *marγynan bilä isfärä arasy toquz jγač jol dur* БН 4, BN 3b ʿПромежуток между Маргеланом и Исфарой составляет путь в девять йигачей', см. еще БН 431,

BN 333a). Весьма часто *ara* употребляется в местн. падеже без аффиксов принадлежности, имея при себе определение или без него. Ср. *čun arada bir näwᶜ uruɣluq bolub edi...* БН 255, BN 201b ʿПоскольку между [нами] было некое родство...'; *biznin arada iki čadyr edi* БН 146, BN 120a ʿВ нашей среде было два шатра' (см. еще БН 152, BN 124b); *häzrät ḫoǯänyn häm ajaylary arada edi* БН 23, BN 18b ʿ[Султан Ахмед мирза] был в полном подчинении (букв. между ног) досточтимого Ходжи'; см. также БН 301, BN 235a; БН 463, BN 358b; разночтение: *arada alty kuruh* БН 332_1, BN $256b_8$ (здесь представлен своеобразный орфографический прием слитного написания этих двух слов, свойственный одному переписчику этого списка: ارآلتی) ʿв промежутке шесть курухов'. Так же без аффикса принадлежности употребляется и производное *aradaɣy* ʿнаходящийся в промежутке' – см. БН 68, BN 55a.

Ara способно выступать в составе глагольно-именных фразеологизмов как именной компонент, не принимающий аффикса принадлежности. Например: *araɣa sal-* ʿсделать кого посредником' [Буд. I, с. 22] (см. БН 156, BN 127b; БН 271, BN 213a; БН 274, BN 215a; БН 294, BN 229a) и *ortaɣa sal-* то же (только в БН 140_{11}, 265_{2-3}, 269_{10}, но ср. перефразировку BN $115b_{10-11}$, $208b_{2-3}$, $211b_{4-5}$); *araɣa* (*arada*) *tüš-* ʿвыпасть (на долю)' (см. БН 172, BN 139b; БН 271, BN 213a; БН 426, BN 329a; БН 464, BN 358b); *arqada qoj-* ʿоставить в тылу' (БН 349, BN 270a); *ara qon-* [чаг.] ʿпровести день и ночь, иметь две стоянки, два перехода' [Буд. II, с. 96] и *arada bir qon-* [чаг.] ʿпровести день или ночь, иметь одну стоянку, один переход' [Буд. II, с. 96]. В "Бабур-наме" числительные отмечаются в обоих вариантах последнего фразеологизма. Примеры: а) *mundyn köčub ara qonub* БН 325, BN 251b ʿоткочевав оттуда, имев две стоянки' (см. еще БН 180, BN 146a; БН 182, BN 147b; БН 330, BN 255a; БН 342, BN 264a; БН 346, BN 267b[5]; БН 424, BN 328a; БН 431, BN 333a); б) *andyn ara iki qonub* БН 333, BN 258a ʿ[выступив] оттуда, совершив два перехода', см. еще БН 486, BN 376a; БН 490 (BN $379a_7$: некорректно ارایکی); *ara tört qonub* БН 422, BN 326a; *ara alty qonub* БН 179, BN 145a; в) *arada qonub* БН 431, BN 333a и *arada bir qonub* БН 155, BN 126b; БН 182, BN $147b_{10}$ (некорректно: *arad*; эту же некорректную словоформу см. BN $207b_7$) ʿимев один переход'; *üč*

[5] В последнем примере – разночтение на уровне орфографии: вместо *ara iki* (БН 346_{12}) написано ارایکی (BN $267b_{11}$), т.е. с пропуском начального алифа во втором слове. Так же пишется в Хайдарабадском списке *ara alty* (БН 179_{20}) – ارآلتی (BN $145a_{11}$), см. еще *arada alty* (БН 332_1) – ارادالتی (BN $256b_8$). Такое слитное написание характерно лишь для одного из переписчиков Хайдарабадского списка.

arada qonub БН 186, BN 150b ‘имев три перехода’. Возможны разночтения по спискам этих близких по структуре и значению вариантов: *arada* (*ara* BN $263a_{10}$) *iki qonub* БН 340_{18}, BN $263a_{10}$ ‘имев два перехода’.

Подобное свободное отношение к грамматическому значению принадлежности характерно в языке "Бабур-наме" и для других имен с пространственной семантикой (ныне – служебных имен), включая заимствование из персидского *rubäru* ‘навстречу’. Не останавливаясь на употреблении таких имен с аффиксами принадлежности, отметим только случаи использования их без таковых. Примеры: *... jüz miŋ qary* (БН 349_{19}: пропуск *qary*) *jayyny arqada qojub...* БН 349_{19}, BN $270a_{8}$ ‘... оставив в тылу [у себя] стотысячного старинного [нашего] врага...’; *kičik ɣan rubärudin kela dur edi jawuq jetkač ɣannyŋ sol qoly bilä kejindin ejürulub kelib...* BN $103a_{2-3}$ (БН 126_{15-16}: перефразировка с заменой *rubärudin* посессивной словоформой *rubärujidin*, а *kejindin* – словоформой же без аффикса принадлежности *arqadyn* ‘с тылу’) ‘Младший Хан вышел навстречу; как только я приблизился, обойдя Хана сзади с левой его руки, придя...’, *quryanny arqaya alyb* БН 385, BN 297b ‘окружив крепость со всех сторон’ (ср. *ortaya al-* ‘взять в середину, окружить со всех сторон’ [Буд. I, с. 122]); *teŋri* (БН 263_{20}: *haqq tä'alaniŋ*) *rizasini arada* (BN $207b_{7}$: некорректно *arad*; БН 263_{20} *ortada*) *körub...* БН 263_{20-21}, BN $207b_{7}$ ‘угождая Господу...’; *özinin čuhräsi kejindin oq bilä urdy* БН 203, BN 163a ‘Его собственный оруженосец сзади [его] поразил стрелой’. Возможны разночтения: БН 141_{3}, БН 314_{13} – словоформа без аффикса принадлежности *kejindin*, соответственно BN $116a_{9}$ (*kejinlariča*), BN $244a_{6}$ (*kejinidin*) – с аффиксами принадлежности.

Свободное отношение *ara, orta* и других имен пространственной (в перспективе – служебной) семантики к грамматическому значению принадлежности было свойственно раннесредневековым и средневековым тюркским языкам (см. [Tekin 1968, с. 126; ДТС, с. 50, 53, 371; Буд. I, с. 203; Vámbery 1867, с. 147, 207, 332; Насилов В. 1963, с. 94; Наджип 1989, с. 99, 173]). Традиционным являлось также участие *ara* в основной форме как именного компонента в глагольной аналитической структуре, см., например, *ara kirgüči* ‘заступник’ [Наджип 1989, с. 173]. Можно усматривать динамику в описанных языковых фактах: здесь отразился один из этапов развития самостоятельного имени в служебное, притом что следование традиции в чагатайском литературном языке уже ограничивалось и перебивалось живыми тенденциями живого языка, которые так мастерски умел вплетать Бабур в свою прозу. В связи

со сказанным интерес представляет также участие, например *ara*, в образовании местоименных наречий (см. ниже, с. 305).

В. Экспрессивно-стилистическая функция аффиксов принадлежности

1. Обычно если в одной синтаксической функции выступает несколько имен – однородных членов предложения, соответствующий аффикс принадлежности присоединяется к последнему из них по порядку следования, а при разбивке на группы (как в приводимом ниже примере – по родо-половому признаку) – к последнему в каждой группе имен. См. *ata aγa inisini wä ana egäči siŋlini milwättä tašlab...* БН 335, BN 259b ‘бросив в Милвате своих отца, старших и младших братьев и своих мать, старших и младших сестер...’, см. еще БН 393, BN 303b.

В целях стилистических каждый из таких однородных членов предложения в "Бабур-наме" может получать аффиксы принадлежности, главным образом 1-го или 3-го лица. Например: *išniŋ jaḫšy-sy wä* (BN $303b_{10}$: пропуск *wä*) *jamanyny mulahazä qylmaj* БН 394_2, BN $303b_{10}$ ‘не раздумывая о хорошей и плохой [сторонах] дела’ – здесь, возможно, аффикс принадлежности 3-го лица при первом из однородных дополнений призван сигнализировать о субстантивации прилагательного *jaḫšy*. В другом примере при однородных подлежащих эмфатически повторены не только аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа, но и предшествующий ему аффикс принадлежности *-lAr*: *sultan husäjn mirzaniŋ beklari wä ičkilari* БН 225, BN 179b ‘беки и приближенные Султан Хусейн мирзы’.

При подобном эмфатическом употреблении аффикса принадлежности 1-го лица мн. числа с каждым из однородных членов предложения эффект усиливается благодаря употреблению еще и словоформы местоимения *biz* в род. падеже: *biznіŋ bary beklarimiz wä ičkilarimiz* БН 97, BN 79a букв. ‘наши все беки-наши и придворные-наши’. Тот же эффект достигается повторением в рамках одного предложения сочетания "определение *biznіŋ* + определяемое с аффиксом принадлежности 1-го лица мн. числа" для двух членов предложения. См. примеры: *šäjbani*: *ḫan... biznіŋ jurtumiz-γa* (BN $44a_2$: *jurtumiz üstiga*) *kelib turdy biznіŋ čerikimiz jaqyn emas edi* БН $54_{22-23}-55_1$, BN $44a_{1-2}$ ‘Шейбани хан двигаясь на наш лагерь, остановился. Наше войско было неблизко’ (налицо эмфаза противопоставительная: "Шейбани хан – наш лагерь, наше войско"), см. еще БН 49, BN 39a; БН 128, BN 104a; БН 343, BN 265a.

Экспрессивность, передаваемая таким образом, достигает предельного накала во фрагменте эмоционального обличения не верных Бабуру беков: ... *bä täḫsis biznıŋ közumiznıŋ utrusyda* (БН 79$_{19}$: *közumizda*) *biznıŋ atymyzny minib biznıŋ tonymyzny* (БН 79$_{20}$: здесь и ниже *biznıŋ* пропущено) *kijib biznıŋ qojumyzny* (БН 79$_{20}$: *ruzimizni*) *jeb jürügajlar* БН 79$_{19-20}$, BN 64a$_{7-8}$ ‘... тем более [что] на наших глазах они разъезжают на наших конях, надевают нашу одежду, едят наших овец’.

Эмфаза сохраняется даже и при наличии разночтения по спискам: *alymyzda biznıŋ ɣanimimiz* BN 210a$_{13}$, но *bizni aldymyzɣa ɣanim* БН 267$_{17}$ ‘перед нами наш враг’. Об эмфазе при употреблении род. падежа личных местоимений в качестве определения к определяемому, снабженному соответствующим аффиксом принадлежности, см. [Eckmann 1966, с. 81]. Помимо приведенных выше примеров очень показательного употребления *biznıŋ* ‘наш’ при имени, снабженном аффиксом принадлежности 1-го лица мн. числа, см. также эмфатическое использование местоимения 1-го лица ед. числа в тех же условиях: ... *menıŋ elikimni qawij qylyb* ... БН 222$_{4}$, BN 176b$_{13}$ ‘... сделав мою руку могущественной...’ (в ”силовой” речи будущего везира Маджд ад-Дин Мухаммеда, адресованной Султан Хусейну).

2. Аффикс принадлежности 3-го лица мн. числа в ”Бабур-наме” употребляется главным образом для передачи отношений почтительности. Примеры: *men istiqballaryɣa čɣqmyšmen* БН 102$_{11}$, BN 83b$_{5}$ ‘Я как будто бы вышел навстречу им’ (т.е. досточтимому Ходжа Убайдулле), *alarnıŋ atlary* БН 223, BN 177b ‘их (т.е. поэта Джами) имя’, см. еще БН 23, BN 18b. В другом примере комбинируются передача почтительности с помощью аффиксов принадлежности 3-го лица мн. числа и дополнительно эмфаза этих же аффиксов: *ɧanym ɧan babam šunqar bolyaly* (БН 117$_{22}$: *bolyandyn soŋ*) *analary inilari siŋillarini* (БН 117$_{22}$: наоборот первые два однородных дополнения с аффиксами вин. падежа, третье – без такового) *kim šah bekim wä sultan mähmud ɧan* (БН 117$_{23}$: пропуск последнего имени) *wä sultan nigar ɧanym wä däwlät sultan ɧanym bolyajlar körmajdur* (БН 117$_{23}$: *körmab dur edi*) БН 117$_{21-23}$, BN 96b$_{1-3}$ ‘[Моя матушка] Ханум, с тех пор как умер Хан, мой дед, не видели своих мать, своих младшего брата и своих младших сестер, коими являются Шах биким, Султан Махмуд хан, Султан Нигар ханум и Даулат Султан ханум’.

3. Использование аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа *-(I)m* при некоторых именах-титулах, скорее всего, только в самом начале такого функционирования могло представлять явление

стилистическое, см. ласкательную кличку старшего сына Махмуд хана – Султан Мухаммеда – *sultanym* ‘мой султан, султанчик’, см. [Указатель собственных имен – Бабур-наме 1958, с. 499]. Впоследствии же, в результате такого его специфического употребления, аффикс *-(I)m* закрепился в его несобственном значении для словообразовательных целей. При помощи его стали образовываться; главным образом: а) женские личные имена, б) отчасти женская придворная титулатура, а также в) некоторые мужские имена; об этом см. [Brock., с. 336; Благова 1970]. Примеры: а) *šah bekim ... sultan nigar ḫanym wä däwlät sultan ḫanym* БН 117, BN 96b, *firuzä bekim* БН 203, BN 163b, *äka bekim* БН 203, BN 163b, *sultanym bekim* БН 221, BN 176a, *beka sultan bekim* БН 210, BN 168b, *aq bekim* БН 211, BN 169a; б) *sultan husäjn mirza aldy wä sewdi ǰunčäčylyq märtäbäsidin bekimlik märtäbäsiya täräqqi qyldy* БН 211, BN 169a ‘Султан Хусейн мирза взял [Хадичу биким] и полюбил [ее], из положения наложницы возвел [ее] в сан княгини’; в) *säjidim ‘äli därban* БН 243, BN 192a ‘Сидим Али дарбан’, *mirim* БН 134, BN 109b ‘Мирим’ (приемный сын Узун Хасана).

3. Склонение

Склонение, реализуемое как система падежей, распространяется, главным образом, на существительные и местоимения, на другие же имена – при условии их субстантивации; склонение причастий В.М.Насиловым [Насилов В. 1985] и Е.И.Убрятовой [Убрятова 1976 (1), с. 102–104] рассматривается за пределами именного склонения.

С учетом существующего в тюркских языках взаимодействия склонения с категорией принадлежности и с прономинальной персональностью склонение членится на именное, посессивно-именное, местоименное. В чагатайском языке представлен карлукско-уйгурский тип склонения, который характеризуется совпадением двух разновидностей склонения – именного и посессивно-именного; вопросы классификации тюркского склонения освещены: [СИГТЯ, с. 30–35, 57–70; Благова 1982, с. 29–55]. Ниже, в посессивно-именной парадигме склонения мы привлекали также падежные словоформы возвратно-выделительного местоимения *öz* ‘сам, самый’, а также женских личных имен с компонентом *bekim* (поскольку по причине генетического наличия в их составе аффиксов принадлежности склонение их осуществляется по посессивно-именной модели). Основной падеж совпадает с основной формой имени и поэтому ниже не приводится.

Род. падеж: *-nIŋ*. Мнение Х.Назаровой относительно того, что род. падеж в "Бабур-наме" (точнее – в Хайдарабадском списке, который анализировался ею) иногда передается как *-iŋ* [Назарова 1979, с. 53–54], основывается на недостаточном учете сложной и кое в чем неоднозначной орфографии этого списка. Дело в том, что переписка Хайдарабадского списка, как это видно по разным почеркам на протяжении всего текста, выполнялась не одним лицом, и у каждого из них были свои мелкие отличия (да и погрешности) в орфографировании. Во всяком случае, орфографическим приемом одного из переписчиков был своеобычный "принцип экономии", своего рода "сдвигология", когда "экономилось" на передаче рядом стоящих графически подобных букв (алиф в разных его функциях, зубцы букв "бе", "те", "йай", "нун" при слитном их написании), опущении надстрочных и подстрочных диакритик. Так получались ارآلتی BN $145a_{11}$, $256b_{8}$ вместо *ara alty* БН 179_{20}, 332_{1} и ارایکی BN $267b_{11}$, $379a_{7-8}$ вместо *ara iki* БН 345_{12}, 490_{12}; درحعه BN $333a_{4}$ вместо *duzäḫqa* БН 433_{16}; فنحی BN $139b_{9}$ вместо *fäthi* БН 172_{11}; نزنیک BN $97b_{6}$ вместо *biznin* БН 119_{8}; تاپتیکیز BN $119a_{12}$ (на фоне нормативного *-ŋiz*) вместо *taptyŋyz* БН 145; پزنی BN $104a_{3}$ вместо *bizni* БН 329_{20}; اغیرنی BN $284a_{4}$ вместо *ayyzny* БН 368_{10}; هرکر BN $103a_{14}$ вместо *härgiz* БН 126_{6}; число таких орфографических разночтений можно бесконечно увеличивать.

Примеры[6]: а) *mä'rufnyŋ* БН 484, BN 374b 'Ма'ру́фа' (имя собств.), *öjniŋ* БН 355, BN 274a 'вола'; б) 1-е лицо ед. и мн. числа: *rabi'ä sultan bekimniŋ* БН 209, BN 168a 'Раби'ə и Султан биким', *özumniŋ* БН 492, BN 380b 'меня самого', см. еще БН 221, BN 176b; *özumizniŋ* БН 290, BN 226b 'нас самих', см. еще БН 349–350, BN 270a; 3-е лицо ед. и мн. числа: *atasynyŋ* БН 208, BN 167b 'его отца', см. еще БН 228, BN 181b; *öziniŋ* БН 203, BN 163a 'самого себя', см. еще БН 23, BN 18b; БН 197, BN 159a; *özlariniŋ* БН 68, BN 55a; БН 79, BN 64a 'их самих'.

Вин. падеж: *-nI*; для имен с аффиксом принадлежности 3-го

[6] Под рубрикой а) приводятся собственно именные падежные словоформы, под б) – посессивно-именные. В рубрике б) падежные словоформы 2-го лица ед. и мн. числа либо вовсе не представлены, либо представлены одной из словоформ, ед. или мн. числа, по причине их отсутствия (или весьма низкой частотности), в чем сказывается специфика авторского повествования: эти словоформы встречаются преимущественно в прямой речи, особенно редки словоформы 2-го лица мн. числа.

лица *-nI* ~ *-n*, первый из этих аффиксов высокочастотен, второй – встречается реже.

Примеры: а) *qyzny* БН 208, BN 167b 'девушку', *özbeklarni* БН 191, BN 154b 'узбеков', *jaγyny* БН 260, BN 205a 'врага'; б) 1-е лицо ед. и мн. числа: *oqumny* БН 140, BN 115a 'мою стрелу', *ǯilawumni* БН 19, BN 15b 'мои поводья', *elikimni* БН 222, BN 176b 'мою руку', см. еще БН 21, BN 16b; БН 239, BN 189b; *'inajätimizni* БН 422, BN 326a 'наше благорасположение'; 2-е лицо мн. числа: *özuŋizni* БН 395, BN 304b 'вас самих'; 3-е лицо ед. и мн. числа: преобладают посессивные словоформы с вин. *-nI*, см. *terisini* БН 421, BN 325b 'шкуру его', *inisini... siŋlisini* БН 335, BN 259b 'его младшего брата... его младшую сестру', *abänus jaγačyny* БН 427, BN 330b 'эбеновое дерево', *özini* БН 211, BN 169a 'его самого'; среди "фоновых" форм на *-nI* отдельными вкраплениями выглядят формы на *-n*, причем характерно, что прослеженные нами случаи употребления этих форм часто совпадают по обоим спискам[7]: *ajaγyn* БН 202, BN 162b 'его ногу', *oγlan ušaγyn* БН 245, BN 195b 'его сыновей и младших детей', *šükrin* БН 422, BN 326a 'благодарность за это', см. еще БН 89, BN 72b; БН 180, BN 145b; БН 215, BN 172a; БН 239, BN 189a; БН 246, BN 195a; БН 397, BN 306a; БН 426, BN 329a; *baǩlaryn* БН 245, BN 194a 'их головы'. Местоименно-посессивная словоформа вин. падежа *özin* 'его самого' нам встретилась один раз – БН 36, BN 29a. В пределах одного предложения формы на *-nI* и *-n* могут чередоваться: *...ǯämi' čerik elini nam bä nam bitib sanlaryn alγajlar* БН 328, BN 254a '... пусть поименно запишут весь войсковой люд, подсчитают количество [людей]'. Варьирование этих форм можно наблюдать в некоторых формулах, см. *ayyz sözlarini tujturub* БН 460, BN 356a 'дав понять устные указания', но ср. *ayyz sözlarin* БН 466, BN 361a; *günahini... baγyšlab* БН 494, BN 382a 'простив... его грех', ср. с разночтениями по спискам *günahlarin* (БН 279_3: *günahlarini)*

---

[7] Отмечены следующие разночтения: *ihtiramlarin* BN $169b_7$, но некорректно *ihtiramlaridin* БН 211_{18}; *käjfijätin* БН 239_{10}, но *käjfijätini* BN $189a_{14}$; *ǯihätin* BN $40a_6$, но *ǯihätini* БН 50_4; *kišisin* BN $230a_4$, но *kišisini* БН 259_{19}. Относительно большее число посессивных словоформ 3-го лица вин. падежа на *-n* в Хайдарабадском списке может быть объяснено тем, что для переписчика (возможно, только одного из переписчиков) этого списка узуальными были именно названные словоформы на *-n* (не на *-nI*), и это подтверждается любопытным разночтением. В Хайдарабадском списке вин. падеж *-n* получает индийский топоним Сикри, имеющий окончанием *-i*, как и посессивная словоформа 3-го лица; *sikrin säjr qyla...* BN $331b_7$ 'прогуливаясь по Сикри'; в Керовом списке, естественно, находим корректную словоформу *sikrini* (БН 429_5).

bayyšlab БН 279_3, BN $218b_4$ ‘против их прегрешения’, *günahlarin* (БН 315_{20}: некорректно *günahlaridin*) *bayyšlab* БН 315_{20}, BN $245a_6$ ‘против их прегрешения’; см. еще *qanyny bayyšlab* БН 153, BN 125b ‘против его кровь’ (т.е. пролитую им кровь), *andiǯan wilajätini bayyšlab* БН 254, BN 200b ‘подарив область Андижана’; ... *bašyny kesti* БН 191, BN 154b ‘отрезал ему голову’.

Из приведенного материала явствует, что бесспорно активной в языке "Бабур-наме" является посессивная форма 3-го лица вин. падежа *-nI*, между тем как активность ее варианта на *-n* заметно ограничена.

Дат.-напр. падеж: *-ya, -qa, -ga, -ka.* Примеры: а) *qäl‘aya* БН 278, BN 218a ‘в крепость’, *qyrq jašqa* БН 322, BN 249b ‘к сорока годам’, *jelga* БН 246, BN 194b ‘ветру’, *elčilikka* БН 147, BN 120a ‘в посольство’; б) 1-е лицо ед. и мн. числа: *közumga wä köŋlumga* (БН 117_1: только *közumga*) БН 117_1, BN $95b_{6-7}$ ‘моим глазам и моему сердцу’, *meniŋ mulazimätimya* БН 210, BN 168b ‘ко мне на службу’; *özumizga* БН 180, BN 145b; БН 198, BN 159b; БН 329, BN 255a ‘нам самим’; 2-е лицо ед. и мн. числа: *dostuŋya... pustuŋya* БН 96, BN 78b ‘твоему другу... в твою шкуру’; 3-е лицо ед. и мн. числа: *elikiga* БН 284, BN 222a ‘его руке’, *čeriklariga* БН 161, BN 131a ‘их войскам’; *özigа* БН 43, BN 33a ‘ему самому’.

Местн. падеж: *-dA, -tA.* Примеры: а) *moǧulistanda* БН 88, BN 72a ‘в Моголистане’, *jurtta* БН 464, BN 358b; БН 468, BN 362b ‘в лагере’; б) 1-е лицо ед. и мн. числа: *özumda* БН 144, BN 118b; *biznіŋ közumizda* БН 79_{19}, но *biznіŋ közumizniŋ utrusyda* BN $64a_7$ ‘на наших глазах’; 3-е лицо ед. и мн. числа: *qyrq tört jašyda* БН 22, BN 18a ‘в его сорок четыре года’, *anyŋ ǧizmätida* БН 215, BN 171b ‘у него на службе’.

Исх. падеж: *-dIn, -tIn.* Примеры: а) *qalqandyn ǯäbädin* БН 203, BN 163a ‘через щит, через кольчугу’. Орфографически аффикс *-dIn* является преобладающим в обоих списках, он присоединяется также и к основам, оканчивающимся на глухой согласный, см. а) *husräw šahtyn* БН 146_{21} (так же К $460b_6$), но *šahdyn* BN $120a_{14}$; ср. *husräw šahdyn* БН 147, BN 120a ‘от Хусрау шаха’, *jajaqdyn* БН 338, BN 261a ‘через пехотинца’; б) 1-е лицо ед. и мн. числа: *sözumdin* БН 222, BN 176b ‘от моих слов’; *özumizdin* БН 82, BN 66b ‘от нас самих’; 3-е лицо ед. и мн. числа: *bu fikridin* БН 31, BN 24b ‘об этой его мысли’; *šarq täräfidin* БН 459, BN 355a–b ‘с восточной стороны’; *kejinlaridin* БН 49, BN 39a (слово написано неясно).

Орудн. падеж: *-(I)n.* Представлен единичными словоформами, причем они не всегда поддаются идентификации, см. *padišah qylyčyn čapsam* БН 181_{16}, но BN $146b_{12-13}$ без диакритики حالسام

(или ? حاسام) ʿЕсли я ударю мечом государя...', ср. перевод М.А.Салье: "я занесу меч государя..." [Бабур-наме 1958, с. 171].

Разрозненными словоформами с различными обстоятельственными значениями представлен экватив на *-čA*, см. обстоятельственное значение *soŋyča qawγunčy bardy* БН 36, BN 29a ʿза ним шли преследователи'; *alarnyŋ soŋyča* БН 461, BN 356b (*soŋča*) ʿследом за ними'; аналогичное употребление см. в "Шейбани-наме" [Турабова 1966, с. 7]. См. сопоставительное значение: *ahl-i näγmädin qanunny ʿäbd allah märwarič̆a kiši č̆almas edi* БН 229, BN 182a ʿИз музыкантов ни один человек не играл на кануне подобно Ходжа Абд Аллаху Марвари'.

Б. Наблюдения над функционально-семантическим содержанием падежей

Ниже приводятся некоторые наблюдения над функционально-семантическим содержанием падежей в языке "Бабур-наме" (подробно о значениях и функциях падежей в чагатайском языке см. [Brock., с. 330–368; Щербак 1962, с. 100–110, 112–115; Eckmann 1966, с. 81–102]).

Осн. падеж широко употребителен в языке "Бабур-наме". Помимо выражения субъектных и предикативных отношений он употребляется также в функции постпозитивного приложения: *bary oγlanlarydyn uluq men zahir äd din muhämmäd babur edim* БН 10, BN 8b ʿИз всех сыновей [Омар Шейха] старшим был я, Захир ад-Дин Мухаммед Бабур', см. еще [Brock., с. 332]. Основн. падеж распространен здесь в функции прямого объекта. Широко используется этот падеж также при передаче различных обстоятельственных значений. Так, часто топонимы, реже нарицательные существительные в основном падеже используются при глаголах движения: *ḫorasan bardy* БН 208, BN 167b ʿон ушел в Хорасан', см. еще БН 46, BN 37a; *bajsunγar mirza sär-i pul keldi sultan ʿäli mirza ḫoǯä-i kärdzan keldi* БН 48, BN 38b ʿБайсункар мирза пришел к Сар-и Пулю, Султан Али мирза пришел к Ходжа-и Кардзану'; ... *sämärqänd eltti* БН 8, BN 6b ʿ... он доставил [его] в Самарканд'; ... *kabul jibarildi* БН 340, BN 263a ʿ... [мы] послали [его] в Кабул'; *bir tir qez* (БН 110_{17}: *tir*) *atymy* (БН 110_{17}: *atymyč̆a*) *jer ǯäbälik* (БН 110_{18}: *ǯäbä*) *wä keǯimlik at uzdurub öttuk* БН 110_{17-18}, BN $90a_{13}$ ʿРасстояние полета стрелы мы прошли, ведя вплавь коней в латах и в кирасах'; *bäǯäur toγrysy tüšuldi* БН 283, BN 221a ʿ[Мы] стали [лагерем] против Баджаура'. В одном микротексте могут варьироваться словоформы основн. и исх. падежей: *ilgaridin wä*

kejindin zorladylar ... ilgari wä kejin bek wä nukäri tämam ... kela durlar БН 110, BN 90a ʿ[враги] наседали спереди и сзади... спереди и сзади полностью подъезжают [узбекские] беки и воины'. Возможность такого варьирования лежит в основе многих разночтений по спискам: в Керовом списке чаще бывает представлен основн. падеж (БН 89_{14}, 70_{11}, 161_{21}, 208_{18-19}), в Хайдарабадском соответственно дат.-напр. (BN $72b_{6}$), местн. (BN $56b_{1}$, $131b_{12}$) или местн. и исх. падежи (BN $167b_{4-5}$).

Иногда основн. падеж существительного употребляется в функции глагольного определения, имеющего орудийное значение, о таком словоупотреблении в языке узбекского фольклора см.: [Гуломов А., 1941]. Пример: *qasim moγul wä bäʿzi jigitlar kema bilä kečib az az kiši jaḫšylar* (БН 435_{23}: *jaḫšy*) *uruštylar* БН 435_{22-23}, BN $336b_{9-10}$ ʿКасим Могул и несколько молодцов, переправившись на лодке, очень малым числом людей очень хорошо сражались', ср. *az kiši bilä mälik qasim jaγyny ... urub* БН 436, BN 336b ʿМалик Касим, побивая врагов малым количеством людей ...'. См. разночтения по спискам: *qamčy urub* БН 129_{7}, но *qamčylab* BN $105a_{3}$ ʿпобивая [людей] ногайками'.

Род. падеж в языке "Бабур-наме", помимо обычного для тюркских языков употребления в составе определительного словосочетания, может использоваться и вне рамок такого словосочетания. Изредка он может выступать в функции вин. падежа[8]: *quryannyŋ girdagirdiniŋ* (БН 431_{10}: без аффикса принадлежности *-i*) *yul(o) wä* (БН 431_{11}: пропуск *wä*) *bärunγar wä ǯuwänγarγa qysmat qylyldy* БН 431_{10-11}, BN $333a_{10-11}$ ʿ[Мы] разделили [пространство] вокруг крепости на [места размещения] для роты, находящейся при государе, для правой дивизии и левой дивизии', *saqalsyz elniŋ čohräsiniŋ jaman ačadur* БН 228, BN 181b ʿЛица безбородых людей он изображает плохо', см. еще БН 409, BN 315b; БН 484–485, BN 374b. Надо сказать, что такое функционирование род. падежа в большей мере свойственно Керову списку, тогда как в Хайдарабадском списке ему соответствует обычный вин. падеж. Ср. *ḫoǯa ahrar meni* (БН 144_{12}: *meniŋ*) *sizga jibardilar* БН 144_{12}, BN $118b_{7}$ ʿХоджа Ахрар послал меня к Вам', см. такое же формоупотребление БН 22_{9}, но BN $17b_{10}$; БН 118_{9-10}, но BN $96b_{13}$; БН 169_{3}, но BN $137a_{9}$; БН 210_{5-7}, но BN $168b_{3-4}$; БН 296_{18-19}, но BN $231a_{9}$. Другой характер разно-

[8] Подобное употребление род. падежа в функции вин. падежа — прямого дополнения — наблюдается в современной узбекской обиходной речи [Боровков 1952; Маъруфов 1958, с. 46], а также в одном из закатальско-кахских азербайджанских говоров [Ширалиев 1947, с. 435].

чтения представлен в именном определительном словосочетании: *bu fitnäniŋ täskini* (БН 64_{10}: *täskih*) *üčün* БН 64_{9-10}, BN $51a_{14}$ ‘ради успокоения этой смуты’.

Можно говорить о функционально-семантическом взаимодействии род. и вин. падежей (чему способствовала, видимо, фонетическая близость их показателей: *-nIŋ* – *-nI*), если учесть также способность вин. падежа выступать в функции род. падежа (см. об этом ниже, с. 274).

Единичны случаи использования род. падежа в функциях, свойственных ныне притяжательным местоимениям: *čun türk olturušluq wilajätlarini özumiziniŋ täsäwwur qylyb eduk* ... БН 290, BN 226b ‘Поскольку мы считали (букв. представляли себе) области, принадлежавшие Тюрку, нашими собственными...’.

Частотным является функционирование род. падежа (особенно личных местоимений) в предикативной функции (ныне это тоже функция притяжательного местоимения). Чаще всего оно представлено в своеобразном клише *bu bäjt anyŋ dur kim* ... БН 17, BN 13b; БН 26, BN 21a; БН 206, BN 166a; БН 207, BN 166b ‘Нижеследующий стих – его...’. См. еще примеры: *här kimni kim birawniŋ* (БН 351_{11}: некорректно *unyŋ*) *jeriga olturγuzdy ol jerga täbi‘ wä muti‘ nukär wä čakär* (БН 351_{12-13}: перефразировка) *tämam bu kišiniŋ bolur* БН 351, BN 271a–b ‘[В Бенгалии] ко всякому, кто посажен на чье-либо место, переходят (букв. становятся принадлежащими этому человеку) полностью подчиняющиеся и повинующиеся этому месту нукеры и слуги’, см. еще БН 213, BN 170a–b; BN $83a_{5}$ (*biznIŋ dur*), но БН 101_{19} (*biznIŋki dur*). Предикативное функционирование род. падежа отмечается также в языке сочинений Навои (например, ”Мезан ул-авзан”, с. XXVIII), в ”Шейбани-наме” [ШН, с. 4, 39], ”Насаб-наме”, см. также [Щербак 1962, с. 114–115; Eckmann 1966, с. 85; Гузев 1979, с. 42].

Такое расширенное функционирование род. падежа связано с тем, что притяжательные образования на *-ni(n)ki* практически не употребляются в языке ”Бабур-наме”[9] и по крайней мере имеют значительные ограничения в использовании их в чагатайском языке.

Вин. падеж, выполняющий, главным образом, функцию прямо-

[9] Притяжательные местоимения зафиксированы только в Керовом списке, но их нет в Хайдарабадском списке. На отсутствие притяжательного местоимения в древнеуйгурском указывал К.Гренбек [Grönbech 1936, с. 106–107]. К.Броккельман, однако, приводит встречающееся в ”Кутадгу билиг” образование *munuŋki* и ему подобные примеры из произведений Навои и его современников [Brock., с. 112].

го дополнения, передает также полноту охвата объекта действием, например: *alwär qurγanyny säjr qyldym* БН 423, BN 326b ‘Я совершал прогулку по крепости Алвар’, см. еще БН 429_{5-6}, BN $331b_{7}$ (некорректно: *sikrin* вместо *sikrini*). Как и в караханидско-уйгурском, вин. падежом здесь управляет глагол *tila-* ‘хотеть, желать, стремиться, добиваться’ [ДТС, с. 560] (ср., например, в современном узбекском его управление исх. падежом). См. *...bizni* (BN $207a_{7}$: *meni*) *tilab edilar* БН 263_{6}, BN $207a_{7}$ ‘... Они призывали нас (меня)’; см. еще БН 54, BN 43b; БН 292, BN 227b.

Взаимодействуя с род. падежом, вин. падеж нередко может выступать в его функции определения (см. широкое распространение род.-вин. падежа в говорах узбекского языка, особенно диалектной зоны юго-восточной Ферганы с центром в Андижане). Приведем здесь только пример, где в одном предложении рядом употребляются в функции определения две словоформы – род. и вин. падежей: *... arγamčy öjniŋ jolγa kim öjni sijduk wä tezäki bilä muläwwäs dur tikib jinä čahγa tüšar* БН 355, BN 274a ‘... веревка, проходя по пути [следования] вола, загрязненному мочой и пометом вола, снова падает в колодец’ (из описания устройства для полива огородов в Хиндустане). См. еще вин. падеж в этой функции: БН 145, BN 119b; БН 260, BN 205a; БН 428, BN 331a; ср. разночтение: *šähärni jawuγydyn* БН 54_{16}, но *šähärniŋ* BN $43b_{8}$.

Дат.-напр. падеж, выполняющий функции косвенного дополнения и обстоятельства, полисемантичен. Отметим так называемый дат. инклюзивный (со значением направления движения, завершающегося проникновением в само место назначения): *žam rudγa tüšuldi* БН 180, BN 145b ‘[Мы] остановились у реки Джам’ (высокочастотное применение); *araba jetmagan jerga jaγačdyn sä pajä dek jasab...* БН 401, BN 311a ‘на том месте, куда не доезжали повозки, соорудив из дерева нечто вроде треножника...’. В Керовом списке чаще, чем в Хайдарабадском, представлен дат. инклюзивный, см. БН 121_{5-6}, 146_{17}, 261_{7-8}, 262_{13}, 324_{8}, 447_{22-23}; соответственно в Хайдарабадском употреблен местн. падеж: BN $99a_{6}$, $120a_{9-10}$, $206b_{6,\ 10}$, $251a_{6}$, $345b_{10-11}$. Дат.-напр. падеж передает значение предела: *qyrq jašqa bir jyldyn azraq qalyb edi* БН 322, BN 249b ‘До сорока лет [мне] оставалось меньше года’, *agär qylyč teksa baštyn ajaγyga* (БН 127_{5}: *ajaγy*) *kesar* БН 127_{4-5}, BN $103a_{12-13}$ ‘Если вонзится сабля, рассечет с головы до ног’; нередко значение предела усиливается аффиксом *-čA*: *tün jarymγača* БН 286, BN 223b ‘до полуночи’. Дат.-напр. падеж употребителен в функции обстоятельства цели (пример – БН 255, BN 202a), в языке ”Бабур-наме” – также и в функции обстоятельства причины: *künlar γajat qysqalyqqa ilgarigi*

kiši jaruqta (БН 245_{20}: *jaruq caqta*) *ḫäwal aldyya keldilar* БН 245_{20}, BN $194a_{10-11}$ ʿИз-за того, что дни были очень короткие, переднефланговые подошли к пещере засветло'; такое формоупотребление отмечалось в чагатайском [Brock., с. 357], в языке современной узбекской поэзии и фольклора [Ғуломов 1941, с. 48].

Интерес представляет именное управление дат.-напр. падежом: *jelga pänah boldy* БН 246, BN 194b ʿПолучилось укрытие от ветра', *sözga muŋy joq edi* БН 209, BN 167b ʿ[У Султаним биким] затруднений в выборе слов не было' (= ʿза словом в карман не лазила'); *sizlarga täʿälluq jer wä suw* БН 477, BN 369a ʿпринадлежащие Вам земли и воды'.

Местн. падеж передает целую гамму пространственно-временны́х отношений, будучи одновременно соотнесенным как с дат.-напр., так и с исх. падежами. Так, вместо "дат. инклюзивного" он оказывается управляем глаголом *kel-* ("падеж нахождения – внутренне-местный", т.е. инессив): ... *bu mänzilda keldilar* БН 314, BN 244a ʿ... они пришли на этот бивак'. Ср. такое же формоупотребление в Керовом списке (БН 117_{19-20}), но дат.-напр. падеж в Хайдарабадском (BN $96a_{12}$). Об употреблении местн. падежа с глаголом *kel-* см. [Гузев 1987, с. 93; там же см. о местн. падеже как "грамматическом синониме дат. и исх. падежей"], см. еще [Гузев 1979, с. 45]. Функциональная близость местн. и исх. падежей была свойственна древним тюркским языкам. Приведем особенно наглядный пример синтаксической взаимозамены указанных падежей: ... *bir išni näjdin ḫob čyqarur qul muhämmäd yïžaqda ol išni čyqara almas* БН 229, BN 182a ʿ[Случилось однажды: Шейх-и Найи] хорошо исполняет на нае одну [музыкальную] пьесу, Кул Мухаммед на геджаке не может исполнить ту же пьесу'. См. также случай, когда послелог *soŋ* управляет не исх., а местн. падежом: *hind fätḥida soŋ* BN $326a_{5-6}$, но *fätḥidin* БН 422_4 ʿпосле победы (завоевания) над Хиндом'.

Местн. падеж в языке "Бабур-наме" широко используется предикативно, для передачи значения временного обладания землями, примеры: *širaz qasim duldajda edi* БН 49, BN 39a ʿШираз был у Касим Дулдая', *tämam hindustan bir padišahta emas edi* БН 349, BN 269b ʿПолностью Хиндустан не был у одного государя', см. еще там же ниже; БН 289, BN 225b; БН 140_{9-10}, BN $115b_{4-5}$ (при наличии текстовых перефразировок).

Для имени непространственной, отвлеченной семантики возможно варьирование словоформы местн. падежа и сочетания этого имени со служебным именем *üst* тоже в местн. падеже: *išimiz*

bisjar täräqqida edi БН 107, BN 87b и *išimiz bisjar täräqqi üstidä boldy* БН 105–106, BN 86b ‘Наше дело было на большом подъеме’.

Для синтаксиса местн. падежа характерны следующие употребления его в предложении: а) *yazi ḫanny quryanda täsäwwur qylur eduk* БН 335, BN 259b ‘Мы думали, [что] Гази хан в крепости’ (букв. ‘мы представляли себе Гази хана в крепости’); б) *säfa wä häwada oš bilä kasan elinin täʿäsubi bar* БН 6, BN 5a ‘У жителей Оша и Касана [существует] фанатизм в отношении приятности и [чистоты] воздуха [в этих местностях]’. В современных тюркских языках, например узбекском, в этом случае используются либо форма, осложненная словообразовательным аффиксом ”отвлеченности” (*ҳаволиқда*), либо конструкция с привлечением служебного имени (*ҳаво жиҳатидан*). См. еще *täläf bolyan wä riʿajät qylyan bilä bir läk qojda hič söz joq* БН 258, BN 204a букв. ‘Нет никакой речи об одном лаке [100 000 голов] овец вместе с теми, что погибли и были пожалованы’, перевод М.А.Салье: ‘вместе с теми, которые погибли или были пожалованы, число овец безусловно составляло один лак’ [Бабур-наме 1958, с. 237], см. также БН 362, BN 279b. К этому последнему значению местн. падежа функционально близок исх. падеж в следующем примере: *bu fikridin bary el waqif bolub edilar* БН 31, BN 24b ‘Об этой его мысли [т.е. намерении низложить двенадцатилетнего государя – Бабура] был осведомлен весь народ’.

Исх. падеж полисемантичен; четкую классификацию его значений см. [Гузев 1979, с. 44; Гузев 1987, с. 87–91]. В зависимости от лексических значений слов, которые принимают этот падеж и которые им управляют, исх. падеж может обозначать отправную точку движения, отсчета в широком смысле слова (отложительные значения, массово представленные в ”Бабур-наме”) или же источник действия, явления. Это последнее значение исх. падежа проявляется как при глагольном сказуемом в форме страдательного залога, так и при именном сказуемом. Например: ... *ḫoǯanyŋ išidin mendin emas edi* БН 99, BN 80b–81a ‘... дело Ходжи [речь идет об убийстве Ходжи] [исходило] не от меня’, см. еще БН 102, BN 83b; БН 129_{6-7}, BN $105a_{2-3}$ (с частичной перефразировкой текста); БН 202, BN 162b; БН 255, BN 202a.

Заслуживает внимания своеобразное использование в языке ”Бабур-наме” исх. падежа при глагольном сказуемом в форме страдательного залога с субъектной отнесенностью его к первому лицу: здесь исх. падеж передает значение не источника действия (подразумевается – 1-е лицо), но посредника действия: *mirza bek ta-*

yajydyn häm kamranya ... baburi: ḫati bilä bitilgan särḫät jibarildi БН 462_{22-23}, BN $357b_{12-13}$ 'Через Мирза бек Тагая я послал также Камрану... прописи, написанные почерком "бабури"', см. еще БН 304, BN 237a; БН 462_{18-20}, BN $357b_{9-10}$; БН 469, BN 363a. То же значение посредника действия может иметь исх. падеж при основном залоге *jibar-* 'посылать' (см. БН 315, BN 244b; БН 338, BN 261a) и понудительном залоге *sözlat-* 'велеть сказать' (БН 444, BN 343). Подобные же трансгрессивные отношения (по В.Г.Гузеву) в пространстве могут передаваться исх. падежом имен соответствующей семантики при глаголах движения противоположной направленности: *... därwazädyn kirdi* БН 137_{16-17}, BN $112b_{12}$ (*kirib kela dur*) 'въезжает через ворота', *... šatudyn qälʿäya čyqtylar* БН 278, BN 218a '... вышли в крепость с помощью лестницы'. Выражение трансгрессивных отношений может варьироваться – вместо исх. падежа может использоваться послелог *bilä* 'с', 'посредством': *čar rah därwäzäsi bilä čyqyb...* БН 46, BN 37a 'вышел через ворота Чар Рах'; иногда на этом варьировании основывается разночтение: *teŋri täʿalaniŋ lûtfi wä ʿinajätidin* (БН 278_{13}: *ʿinajäti bilä*) *... fäth boldy* БН 278_{12-14}, BN $218a_{6-7}$ 'По благости и милости Господа всеблагого... получилась победа'.

В. Экспрессивно-стилистическая функция падежных словоформ

При наличии в предложении однородных именных членов падежный аффикс обычно принимает последний из них (см. примеры: БН 212, BN 170a; БН 393, BN 303b; БН 394, BN 303b; БН 467, BN 361a).

Вместе с тем в "Бабур-наме" нередко встречаются случаи, когда каждый из однородных именных членов предложения получает соответствующий падежный аффикс; это касается всех падежей, реже родительного (о повторении определения *bizniŋ* при каждом из однородных определяемых см. выше, с. 265–266).

Примеры: а) вин. падеж: *... bäʿzi elikni ayyzny* (БН 368_{10}: *ayyzyny*) *jaylab jer emišlar* БН 368_{10}, BN $264a_{4-5}$ '... некоторые, оказывается, едят, пачкая (букв. замасливая) руки, рот', см. еще БН 117, BN 96b; БН 126, BN 103a; БН 127, BN 103b; БН 240, BN 190b; БН 293, BN 228b; БН 335, BN 259b;

б) дат.-напр. падеж: *biznin elga wä šähär ahliga yärib bäšašät wä näšät edi* БН 103, BN 84b 'Нашим людям и городскому населению была необыкновенная радость и ликование' – повтор падежного аффикса при однородных членах предложения, наличие двух пар синонимов; см. еще БН 116–117, BN 95b – также при наличии пары синонимов;

в) местн. падеж: *meniŋ bilä qazaqlyqlarda wä mehnätlarda bolyan kišilar bilä* (БН 92$_1$: добавлено *jaman bolub*) *jaman mäʿaš qyla kirišti* БН 91$_{23}$–92$_{1-2}$, BN 74b$_{9-10}$ ʿС людьми, которые были со мной в скитаниях и тяготах, он стал дурно обращаться' (букв. ʿдурно содержать') – здесь повторы не только падежных аффиксов, но и аффикса мн. числа призваны подчеркнуть особое отношение Бабура к преданным ему приверженцам; *meniŋ walidäm ... aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda meniŋ* (BN 11a$_5$: добавлено *bilän*) *bilä edilar* БН 13$_{19-20}$, BN 11a$_{3-5}$ ʿМоя родительница по большей части в [моих] скитаниях и междуцарствиях были со мной вместе' – в примере повтор сочетающихся аффиксов мн. числа и местн. падежа при наличии к тому же количественного актуализатора, почтительное именование матери *walidä* вместо обычного в "Бабурнаме" *ana* призваны подчеркнуть, как высоко ценил Бабур преданность ему в дни унижений и страданий; см. еще БН 186, BN 150b;

г) исх. падеж: *mehman wä yärib beklarni wä jigitlarni bajirilardin andiǯanilardin artuyraq wä jaqšyraq kördum* БН 178, BN 144b ʿЯ больше жаловал беков-гостей и чужих беков и йигитов, чем [своих] старинных слуг, андижанцев' – со всей страстностью своей натуры опровергая напраслину, возводимую на него недругами, Бабур для эмоционального воздействия выбирает такие словесные средства, как повторяемые внутри каждой из двух пар однородных членов предложения (прямых и косвенных дополнений) сочетания аффикса мн. числа и падежного аффикса, в третьей паре (приглагольных определениях) – аффикс *-raq*. В целях эмфазы повторен аффикс исх. падежа в следующих трех однородных членах предложения: *... qalqandyn ǯäbädin bäʿzi mähälda iki ǯäbädin ötkara ötkara atyb turlar* БН 203, BN 163a ʿ[Воины так стреляли, что] простреливали щит и кольчугу, а иногда – две кольчуги'; см. еще БН 338, BN 261a.

Структурный повтор по парам частично одних и тех же словоформ, частично тех же падежных форм уже других лексем внутри подчиненной (здесь – деепричастной) конструкции и в подчиняющем предложении, притом что предикативными центрами обоих служат положительная и отрицательная формы одного глагола, создает симметричность внутри такого осложненного синтаксического комплекса. Это излюбленный прием Бабура-повествователя. См. *ǧatyrya kečti kim bädiʿ az-zäman mirza aya dur anyŋ elikidin wä anyŋ üjida ičmaj inisiniŋ* (БН 239$_{20}$: некорректно *inisi*) *elikidin wä inisiniŋ üjida ičsam ǧatyryya nima kelgaj dep ...* БН 239$_{19-21}$, BN 189b$_{10-12}$ ʿВ голове мелькнуло: Бади аз-Заман мирза – старший

брат. Не пивши из его рук у него дома, если я выпью из рук его младшего брата и в доме у младшего брата, [то] что придет ему на ум? ...'.

В приведенных выше примерах налицо эмфаза, создаваемая за счет повтора падежных аффиксов при каждом из однородных именных членов предложения. Однако она не замыкается на одних только падежных словоформах, но предстает во взаимодействиях с другими словесными средствами передачи экспрессивности, а именно с повтором аффикса *-lAr* в тех же однородных членах предложения, с наличием при них количественных (и других) актуализаторов, с наличием одной и более пар синонимов в пределах того же предложения. Взаимодействуя между собой, все эти средства экспрессивности усиливаются одно другим.

§ 2. Именная категория сказуемости

Вслед за В.Г.Гузевым мы рассматриваем названную категорию как включающую в себя три частные подкатегории: 1) совокупность форм изъявительной модальности настоящего и прошедшего времени; 2) совокупность форм субъективной модальности со значением опосредованного знания о содержании высказывания, см. [Насилов Д. 1983, с. 175]; 3) совокупность форм условной модальности [Гузев 1987, с. 118]. (О формах условной модальности см. ниже, с. 354). Парадигму всех перечисленных форм в "Бабур-наме" удалось наблюдать фрагментарно.

1.А. Настоящее время изъявительной модальности передается с помощью личных аффиксов (а), аффикса *dur* для 3-го лица[10] (б), который может сочетаться также и с личными аффиксами, например в следующем примере – с аффиксом 1-го лица: а) *üčünči men durmen* БН 348, BN 269b 'Третьим [из тюркоязычных государей, когда-либо завоевывавших Хиндустан] являюсь я', но ср. отсутствие аффикса *dur* во 2-м лице ед. числа: *... bir uluyrayy sen* БН 253, BN 199b '... ты один из знатнейших [среди бунтовщиков]'; б) *bädi' az-zäman mirza aya dur* БН 239, BN 189b 'Бади' аз-Заман мирза – старший брат'. См. еще БН 134_{8-9}, BN $109b_{1-2}$ (даже при наличии текстовой перефразировки). При отрицательном именном сказуемом *joq* 'нет', 'не имеется' в ряде случаев употребля-

[10] В заметках А.Н.Самойловича читаем: "48) Обратить внимание, что у Ильминского и Beveridge при глаголах пишется تور, а при именах دور ... (Хотя и не всегда.)... Важно, что Ильминский и Beveridge согласны" [Самойлович. Ф. 671, № 84, с. 12].

ется предикативирующий аффикс *dur*; см. *bu fäthdin soŋra täklifi joqtur* БН 423, BN 327a ʿПосле этой победы нет принуждения [чтобы нежелавшие оставались в Хиндустане]', см. еще БН 9, BN 7b; но без аффикса *dur*: БН 139, BN 114b; также *bar* без этого аффикса: БН 398, BN 306b. Отрицательная форма настоящего времени может передаваться также с помощью отрицания *emas* + *tur dedim kim mendin emas tur* БН 102, BN 83b ʿя сказал: [эта промашка исходит] не от меня'.

1.Б. Прошедшее время изъявительной модальности передается с помощью служебного глагола *e-* в прошедшем категорическом времени, с соответствующими лично-числовыми показателями[11]. См. *qar tebar kiši men edim on on beš ički bilä qasim bek edi* БН 244, BN 193b ʿЧеловек, который утаптывал снег [во время горного перехода при сильной метели], был я [и] был Касим бек с десятью–пятнадцатью придворными', 1-е лицо ед. числа см. еще БН 10, BN 8b; см. со сказуемым *bar*: ... *el ḫäjli bar erdilar* БН 326, BN 252b ʿ... народу было много', аналогичный пример – БН 350, BN 270b. В "Бабур-наме" представлены также отрицательная (а) и вопросительная (б) формы именного сказуемого прошедшего времени. Примеры: а) ... *ḫoǯanyŋ iši mendin emas edi* БН 99, BN 80b–81a ʿ... дело Ходжи [речь идет об убийстве Ходжи] [исходило] не от меня'; *ynanyu dek söz emas edi* БН 275, BN 216a ʿЭто не были слова, которым можно было бы верить'; б) *meniŋ anam junus ḫan qyzy wä men näbiräsi emas mu edim* БН 253, BN 200b ʿМоя ли мать не дочь Юнус хана, а я ли не был внук его?!'

2. Субъективная модальность, как и изъявительная, является конституирующим признаком предложения и передается прибавлением к именному компоненту сказуемого производных глагола *e- – emiš* (а), *ekan* и *ekin* (б), снабженных соответствующим лично-числовым показателем, он отсутствует в 3-м лице. Примеры: а) *inim bähadur emiš siz* BN $108b_9$, но... *ekansan* БН $133_{12\text{-}13}$ ʿБратец мой, Вы, оказывается, герой'; *ita'ät wä jekǯihätlyq mäqamida emiš* БН 459, BN 355a ʿ[Бенгалец], оказывается, на стезе (букв. намерении) повиновения и единодушия', см. еще БН 398, BN 306b; ... *ḫijallari bar emiš* БН 488, BN 378a ʿ... у них, оказывается, имеется намерение'; б) ... *bar ekandur* БН 398, BN 307a ʿ... оказывает-

[11] По поводу фонетического облика этого глагола в языке "Бабур-наме" ученый писал: "38) B[everidge] ایردی | (sic!). По-видимому, новейшее искажение, ибо у Бабура, как будто, всегда ایدی | , как у Ильминского, и у B[everidge] в большинстве мест" [Самойлович. Ф. 671, № 84, с. 10].

ся, имеется' и в прошедшем времени: ... *bar edi ekin* БН 189, BN 152b '...оказывается, имелось ...'.

Формы субъективной модальности, частотные в языке "Бабур-наме", несут здесь экспрессивно-стилистическую нагрузку, местами придавая повествованию своеобразную окрашенность ("известно из вторых рук", "известно по результатам действия" и т.д.), чем лишний раз подчеркивается принятое на себя автором обязательство перед своим читателем: быть правдивым и чистосердечным в своих записках.

§ 3. Именное словообразование

Именное словообразование в средневековотюркских литературных языках Средней Азии в литературе описано подробно, см. [Brock., с. 87–143; Eckmann 1966, с. 52–67; Щербак 1962, с. 123–129, 131–132]. Здесь мы сможем уделить внимание только отдельным явлениям в словообразовании.

1. Одним из самых распространенных и высокочастотных в "Бабур-наме" аффиксов отыменного словопроизводства является *-lyq/ -lyɣ, -lik/-lig*; какую-либо специализацию того или иного из этих вариантов усмотреть не удается, хотя исторически они, по-видимому, представляют результат конвергенции *-lyq...* × *-ll*. Для *-lyq* (с вариантами), кажется, нет ограничений в его способности присоединяться к словам из различных лексических разрядов, к собственно именам и отглагольным именам (в том числе именам действия, причастиям, что рассматривается ниже, в соответствующих разделах), к тюркизмам и заимствованиям, арабизмам и фарсизмам. Отсюда – весьма широкий диапазон значений у производных на *-lyq*, см. [Brock., с. 121–124; Eckmann 1966, с. 56–58]. К примеру, такие производные представляют собой абстрактные существительные со значениями: а) положение в обществе, сан, чин; б) состояние человека; в) свойства человека, его характера; г) протяженность во времени (о присоединении *-lik* к временны́м наречиям, см. с. 316–317); ср. д) конкретное значение (в других языках выражаемое аффиксом *-ll*): отношение–обладание (конкретные имена, особенно близкие к прилагательным). Примеры на абстрактные существительные: а) *padišahlyq* БН 452, BN 349a 'сан, положение государя'; ... *ɣunčačylyq märtäbäsidin bekimlik märtäbäsiya täräqqi qyldy* БН 211, BN 169a '...он возвел [Хадичу биким] из положения наложницы в сан княгини'; *elčilik* БН 146, BN 120a 'посольство, посольская миссия'; б) *jalɣuzluq* 'одиночество' (*padišah bilä jalɣuzluq rast kelmas* БН 452, BN 349a '[Сан] государя и одиночество несовместимы'); *jaɣylyq*

БН 216, BN 172b ‘вражда, враждебность’; в) *qaltaɣajlyq* БН 19, BN 15b ‘трусость’;

имена с конкретными значениями: г) *bu qyšlyqta* БН 107, BN 87b ‘в эту зиму’, см. еще БН 48, BN 38b; *taŋlalyqta* БН 148_{11}, BN $121b_3$ (*taŋlalyq künda*) ‘назавтра (на завтрашний день)’; д) *qasim bek bašlyq beklarni jibarildi* БН 101, BN 82b ‘[Мы] послали беков во главе с Касим беком’; *zärbzänlyq arabalar* БН 435, BN 336b ‘повозки (лафеты) с пушками’.

Как уже отмечалось в литературе [Brock., с. 122; Eckmann 1966, с. 57, 58], аффикс *-lyq* могут получать определительные словосочетания, в том числе и арабско-персидские; по В.Г.Гузеву, в результате получаются ”именные функционально-атрибутивные формы” [Гузев 1979, с. 46]. Их образование от целиком заимствованных словосочетаний представлено, например: ар.-перс. *mal dost* БН 260_2, BN $205a_2$ (некорректно: *mal dos*) ‘жадный, скупой, скряга’ – абстрактное существительное *mal dostluq* БН 260_5, BN 205_4 ‘корыстолюбие’. В качестве определения могут выступать а) числительные, б) прилагательные (в том числе и частично редуплицированные), даже в) причастия, см.: а) *bir kečälik fyrsat* БН 52, BN 41b ‘один вечерний промежуток’, *bu beš künluk ölar ǯan* БН 98–99, BN 80b букв. ‘эта жизнь, умирающая в пятидневный срок’; б) *qap qara räŋlik... bir özgača räŋlik* БН 280, BN 219a ‘черный-пречерный окрас... немного другой окрас’ (при описании животных Хиндустана); в) *jaramas aɦlaq wä atwarlyq kiši* БН 18, BN 15a ‘человек с негодными свойствами и повадками’ – здесь определительное словосочетание, которое принимает аффикс *-lyq,* состоит из двух однородных определяемых, представляющих собой арабизмы в форме ломаного мн. числа, соединенных союзом *wä* и имеющих причастное определение *jaramas* ‘не годящийся, негодный’. В описанном случае *-lyq* несет не столько словообразовательную, сколько синтаксическую функцию, переводя само определительное словосочетание в разряд сложных определений.

Сказанное заставляет усомниться в том, стоит ли считать омонимичным словообразовательному аффиксу *-lyq* и резко отграничивать от него еще одно его синтаксическое применение (см. [Мелиоранский 1897, с. 2]), которое Н.К.Дмитриев относил к способам ”синтаксического словообразования” [Дмитриев 1954, с. 53], – ”парный союз”, по Э.Р.Тенишеву [Тенишев 1963, с. 202]. Аффикс *-lyq, -luq* в языке ”Бабур-наме”, как и аффикс *-lI* в древнетюркских языках (см. [Мелиоранский 1900, с. 65, 97–98; Малов 1951, с. 80, 85; Тенишев 1953, с. 120–121; Каримов 1962(2), с. 38, 39]), может использоваться в качестве средства синтаксической связи имен существи-

тельных – однородных членов предложения, подчас соединенных между собой союзом *wä*, для выражения идеи тесной совместности, совокупности [Radloff 1897, с. 52][12]. Примеры: *bu atalyq oγulluqtyn ol muddätta yäläbä horlyq tartyldy* БН 92$_{11-12}$, BN 75a$_{6-7}$ 'От этих отца с сыном в тот период много унижений [я] перенес'; *bu käjfijätni analyq* (БН 444$_4$: *atalyq*) *oγulluqqa häm izhar qylyb tur* БН 444$_4$, BN 343a$_1$ 'И матери с сыном он объяснил это обстоятельство'. Как можно видеть из этих примеров, к данной структуре в языке "Бабур-наме" вполне может быть отнесено наблюдение над сходной структурой в якутском языке: "слова́, вошедшие в сочетание однородных членов, оформленных аффиксом *-лаах*, оказываются настолько тесно связанными между собой, что они как члены словосочетания теряют всякую самостоятельность и имеют общие для обоих членов словосочетания определения, словоизменительные аффиксы и служебные слова, выражающие отношение всего словосочетания в целом к другим словам предложения" [Убрятова 1950, с. 71, см. также с. 171]. Отличие состоит в том, что в языке "Бабур-наме" описываемый случай "синтаксического словообразования" представляет собой явление малоактивное, малочастотное: лексический охват парного аффикса *...-lyq...-luq* минимален – в качестве однородных членов предложения здесь могут выступать лишь названия ближайших кровных родственников "отец" (четыре раза) и "мать" (один раз), с одной стороны, "сын" – с другой. Мала частотность подобных структур – они встретились всего пять раз на протяжении почти пятисот страниц текста "Бабур-наме" (кроме приведенных выше примеров см. еще: БН 51, BN 41a; БН 92$_{7-8}$, BN 75a$_{2-3}$; БН 97, BN 79b), хотя упоминания о подобных парах действующих лиц имеются в других фрагментах текста (см. *bu ata oγul ol oγul bilä ata arasyda* БН 216, BN 172b 'между этими отцом с сыном и теми отцом с сыном').

Образования *ata*(∞ *ana*)*lyq oγulluq* в языке "Бабур-наме" можно было бы рассматривать как дань литературно-языковой традиции, хотя рефлексы этого явления довольно широко распространены по современным тюркским языкам и говорам. См. присоединение аффикса *-лий* ∞ *-ли* к парным словам в ряде современных узбекских говоров – ташкентском, папском, каттакурганском го-

[12] К.Броккельман отмечал значение совместности, совокупности у форманта *-li*, посредством которого "образуется почти как частицей связанная пара" [Brock., с. 119], указывая далее (с. 122), что "в особенности *lig, liγ*, как и *li*, служит в парономастических соединениях также для выражения распределения", и приводя примеры: *bašlyq bašγa* БН 331$_{23}$, BN 205b$_2$ 'каждый за себя', *tušlyq tušydyn* BN 334a$_2$ 'каждый со своей стороны'.

родском, хорезмском, где, однако, он передает лишь признак обладания обоими предметами, выраженными этими парами слов, например: *уйли-жойли одам* ‘человек, имеющий дом, хозяйство, семью’. В ногайском языке сохранились структурно и семантически близкие древним образованиям пары с двумя *-ли* в их составе: *эртели-кешли* ‘по утрам и вечерам’, *абысынлы-келинли* ‘снохи’, *агалы-инили* ‘старший и младший братья’. Ср. казах. *ойлы-қырлы* ‘неровная, пересеченная местность’. В киргизских говорах подобные образования имеют ”соединительный” аффикс только при первом компоненте (*эртели-кеч* ‘утром и вечером’, *эрди-катын* ‘муж с женой’) [Бакинова 1953, с. 11], как и в якутском языке (*түүннээх күн* ‘ночь и день’), ср., однако, в значении обладания обоими признаками *билиилээх-көрүүлээх киһи буолуон* ‘быть образованным человеком’ [Убрятова 1950, с. 71, 171]. С типологической точки зрения можно сопоставить названные образования с так называемыми ”парными словосочетаниями” в коми языке: посредством аффикса *-а*, присоединяемого к обоим компонентам словосочетания, здесь ”можно сочетать любые два слова одного разряда” (*ая-пиа* ‘отец и сын’, *ныла-зонма* ‘девушка и парень’, *тэа-меа* ‘мы с тобой’), причем в коми языке это ”явление абсолютно продуктивное” [Лыткин 1970, с. 125; Сидоров 1953, с. 57, 61].

2. Аффикс *-sIz* с лишительным значением может присоединяться не только к основе имени, но также и к имени с аффиксом мн. числа: *här söz on wä* (BN 16b$_8$: пропуск *wä*) *iš ʿ kūč beklarsiz qärar taptmas edi* БН 20, BN 16b ‘Любое слово, соглашение и дело не находило своего решения без могучих беков’. Для сравнения словообразовательных возможностей *-sIz* и *-lik* интерес представляет тув. *баалык-тар-лык даглар* ‘горы с седловинами’.

3. Аффикс *-čI* присоединяется: а) к именам, б) в том числе и отглагольным (о присоединении его к именам действия см. ниже). См.: а) *elči* ‘посол’ (*burunγy elči wä soŋγy elči* БН 446, BN 345a ‘первый посол и второй посол’); *tilči* ‘шпион, лазутчик’, ср. также *til tut-* ‘взять пленника с тем, чтобы выведать у него, что нужно’ [Буд. I, с. 371] (*bularnyŋ tilčisi mundaq ḫäbär kelturur kim ...* БН 450, BN 347b ‘Их разведчик доставляет такие известия...’); б) *qawγuncy* ‘преследователь’ (*soŋγča qawγunčy bardy* БН 36, BN 29a ‘За ним отправился преследователь’, см. еще БН 139, BN 114b), *čapqunčy* ‘мародер’ [Буд. I, с. 452], см. БН 82, BN 66b.

4. Аффикс- *-laq* присоединяется к односложным конкретным именам, принадлежащим к семантически определенным разрядам: *jajlaq* ‘летовка’ (см. БН 6, BN 5a), см. также *ḫožändniŋ awlaγy wä*

qušlaγy bisjar jaḫšy dur БН 5, BN 4a ‘Очень хороши ходжендские места для охоты на зверей и птиц’.

5. Аффикс *-ki, -γy,* присоединяемый к именам пространственной и временно́й семантики, образует преимущественно прилагательные относительные; см. *burunγy... sonγy* БН 446, BN 345a ‘начальный... последний’, *tašqy el wä ulus* БН 191, BN 154b ‘пришлые (букв. внешние) род и племя’, *ičkilar* БН 102, BN 83a ‘придворные’ (перен.; букв. ‘внутренние’). Для *orta* ‘середина’ в языке ”Бабур-наме” представлено производное прилагательное *ortanču (oγly)* БН 209, BN 167b ‘средний (его сын)’ вместо др.-тюрк. *ortaqy, ortun, ortunqy* ‘средний’ [ДТС, с. 371].

Притяжательное прилагательное на *-niŋki* языку ”Бабур-наме”, скорее всего, несвойственно, см. с. 301.

6. Аффикс *-dayy, -dägi,* образующий прилагательные с пространственной семантикой, в силу своего строения (местн. падеж *-da* + *-ki*) может присоединяться как к осно́вной форме имени, так и к посессивной словоформе, а также к сочетанию имени со служебным именем, см. *araba üstidagi zärbäzänlar* БН 345, BN 266b ‘пушки, находящиеся на повозках’, см. еще БН 19, BN 15b; БН 450, BN 348a; БН 472, BN 364a.

Экспрессивно-стилистические функции словообразовательных средств

1. Аффикс *-lyq* употребляется в составе синонимических пар и наряду с повторяющимися при каждом из синонимов аффиксами принадлежности, падежа, числа служит для концентрации эмфазы, например: *zuhrä beki aya bilmasligidin wä biʿäqlliγidin* БН 97–98, BN 79b ‘из-за неосведомленности и глупости Зухры Бики Ага’; *yäläbä jaγylyqlar wä* (БН 97_{12}: последние два слова пропущены) *jamanlyqlar bu ataluq oγulluqtyn zuhurγa keldi* БН $97_{12\text{-}13}$, BN $79b_{1\text{-}2}$ ‘Много всяческих враждебности и зла проявилось от этих отца с сыном’, см. еще БН 25, BN 20b; БН 43, BN 33a.

Особую стилистическую роль может играть аффикс *-lyq,* образуя сложносоставные определения: употребление при одном определяемом двух таких определений, произведенных по единой модели, способствует симметричности расположения словесного материала в тексте ”Бабур-наме”. Примеров можно привести очень много, ограничимся следующими: *qatyq sözluk wä sowuq jüzluk kiši* БН 18, BN 15a ‘человек суровый на язык, хмурый с виду’; см. еще БН 23, BN 18a; *qalyn čeriklik wa bisjar wilajätlyq bu beš padišah edi* БН 352, BN 271b ‘Обладающими многочисленным вой-

ском и множеством земель были эти пять государей' (последний пример содержит группу постоянных эпитетов к слову *padišah* 'государь', сложных по своему составу, см. еще БН 349, BN 270a; БН 88, BN 71b); *gahi beklarniŋ sästrajlyγydyn gahi aγa ininiŋ nahämpajlyγydyn hindustan jüruši mujässär... bolmas edi* БН 348, BN 269a 'То ли из-за слабомыслия беков, то ли из-за отсутствия сотрудничества старшего и младшего братьев поход в Хиндустан не был... осуществлен'.

Как можно видеть, экспрессивно-стилистическая функция словообразовательного аффикса *-lyq* осуществляется в сцеплении и взаимодействии его со словоизменительными аффиксами – показателями мн. числа, принадлежности, падежа. Достигаемая при этом симметричность в пределах данного микроконтекста выполняет ритмическую функцию в процессе текстообразования (совпадающие цепочки аффиксов рифмуются между собой, представляя простейшую, грамматическую рифму).

2. Как экспрессивно окрашенное словесное средство, почерпнутое из живой народно-обиходной речи, можно рассматривать парные имена существительные в языке "Бабур-наме"; в небольшом числе отмечены они также в средневековых тюркских литературных языках – от караханидско-уйгурского до староосманского [Brock., с. 146]. Стилистические возможности использования парных имен обусловлены теми дополнительными оттенками пренебрежения, которыми осложнена их семантика (множественность), и этим они отличаются от стилистически нейтральных композит, в которых сополагаются равноценные слова (например: *aγa ini* 'старший и младший братья'). Рассматриваемые здесь парные имена построены путем соединения значащего имени с его "словом-эхом", в котором начальный звук (независимо от его качества) изменен на сонорный *m-*; *m-* добавляется в анлаут и к основе, начинающейся на гласный; эти парные имена также выполняют ритмическую функцию, представляя собой простейшую рифму-повтор. Примеры: *at mat eliklab* БН 141, BN 116b 'завладев всякими там конями', *uruš muruš salur ḫijaly qylur hič iš qyla almas* БН 400, BN 308b '[Узбеки] думали завязать какие-нибудь схватки-стычки, ничего не смогли сделать', *täʿjin qylduq kim... qyšlaγan häzarä mäzarädin tapyp jol bašlaγaly kelturgajlar* БН 244, BN 198a 'Мы назначили, чтобы... они разыскали кого-нибудь из всяких там зимующих хезарейцев и привели [к нам] указать путь'. Иногда слово-эхо образуется за счет изменения гласных основного слова: *täʿjin qylyldy kim jolnyŋ čaqyr čuquryny rast qylyb...* БН 431, BN 333a 'Мы назначили, чтобы они выровняли всякие там рытвины на дороге...'. Возможностью употребления в "Бабур-наме"

эмоционально-окрашенного парного существительного, включающего в себя слово-эхо, с одной стороны, и стилистически более нейтральной синонимической пары – с другой, может быть объяснено разночтение по спискам: *tüš wä ḫijal dek* (БН 116_{23}: *tüš müš tek*) *közumga* (BN $95b_{7}$: добавлено *wä köŋlumga*) *körunur erdi* БН $116_{23}-117_{1}$, BN $95b_{6-7}$ ʿ[После моего падения с лошади] всё виделось мне (букв. моим глазам и моему сердцу) как бы во сне и в мечтаниях (подобно всякому там сновидению)'.

§ 4. Имя прилагательное

Наблюдения над языком "Бабур-наме" позволяют представить прилагательные в их динамике. Из отдельных граней калейдоскопа их словоупотреблений в "Бабур-наме" складывается впечатление, что здесь еще сохраняются следы менее четкой дифференциации прилагательных: а) от других именных разрядов, а также б) внутри самого разряда прилагательных.

а) Прилагательное как имя может употребляться в функции обстоятельства времени и соответственно принимать падежный аффикс (ниже – исх. падежа): *mäŋä kičiktin ḫizmät qylyb edi* БН 50, BN 40b ʿОн служил мне сызмала', но *kičikliklarida* БН 216, BN 172b ʿв их детстве'. Прилагательные могут выступать в функции постпозитивного приложения: *meniŋ bilä* (БН 76_{8}: *birlä*) *bolyan kiši uluy wä* (БН 76_{8}: *wä* отсутствует) *kičik iki jüz qyrq kiši edi* БН 76_{8-9}, BN $61a_{9-10}$ ʿСо мною находившихся людей, знатных и простых, было двести сорок человек'. Прилагательное в "Бабур-наме" может выступать в функции подчиненного предикативного центра без какой-либо аффиксальной или глагольной прокладки: *qar uluq žihätidin taŋ atqunča at üstida oq edilar* БН 83, BN 67a ʿПоскольку снег был большой (т.е. глубокий), пока не рассвело, они были прямо на конях', *atlar semiz üčün bir nečä at qaldy* БН 478, BN 369b ʿИз-за того, что кони [у нас] упитанные, несколько коней отстало', *sajya jawuq üčün saj tašlarydyn uluq uluq qazan dek tašlar quryanya čyqaryb edilar* БН 83, BN 67a ʿТак как [крепость] недалеко от сая, в крепость вывезли из числа находящихся в сае камней камни [величиной] с большой-пребольшой котел'; *učmaqta ʿažiz üčün žäŋäldin čyqmas* БН 364, BN 281a ʿ[Лесная птица] из-за того, что плохо летает (букв. слаба в летании), из леса не выходит'. Вместе с тем, например, производное *özgača*, которое чаще воспринимается как глагольное определение (наречие со значением ʿпо-другому, по-иному'), употребляется также в функции приименного определения, см. в сложносоставном определительном комплек-

се: *quiruγy jinä bir özgača räŋlik* БН 280, BN 219a ‘[у маралов] хвост еще немного другого цвета’.

Производное от прилагательного *qara* ‘черный’ – *qaranγy* ‘чернота, темнота, тьма, мрак’ – может выступать в предикативной и определительной функциях: *iki qujyγy täbäqäsi ḫäjli qaranγy dur* БН 440, BN 340b ‘В двух нижних ярусах [дворца] очень темно’ (букв. ‘два нижних яруса – сильный мрак’), *qapqaranγu keča* БН 257, BN 203a ‘ночь непроглядного мрака’. В определительной функции *qaranγy*, как видим, используется в форме интенсива. См. *qaraŋqu* (в отличие от *qaraŋγu*) [ДТС, с. 424]. Ср. производное *караңулык* ‘die Dunkelheit’ [Radloff 1890, с. 43].

б) Внутри своей части речи прилагательные также сохраняют следы не столь четкой дифференциации, как это представлено в современных тюркских языках. Вопреки распространенному мнению [СИГТЯ, с. 148], для цветовых прилагательных, по-видимому, в языке "Бабур-наме" нет жесткого запрета на обозначение признака действия. Например: *saqaly ḫod apaq aqaryb edi* БН 310, BN 240b ‘Его борода белоснежно поседела’ (букв. ‘побелела’). Вместе с тем материалами языка "Бабур-наме" подтверждается тезис о том, что исторически качественные и относительные прилагательные не дифференцировались [СИГТЯ, с. 153]. В "Бабур-наме" аффикс *-raq*, "количественный модификатор основного понятия" [Дмитриев 1948, с. 87], может присоединяться как к качественным, так и – реже – к относительным прилагательным. См. примеры: *nargilniŋ šaḫi por bärgrak dur* БН 370, BN 285b ‘На ветвях наргила больше листьев’, *tašqaryγy bärglari säbzraq tikänlikrak* БН 373, BN 288a ‘Внешние лепестки [цветка киюра] зеленоватые, с редкими колючками (букв. колючеватые)’. На такой способности относительных прилагательных в языке "Бабур-наме" основывается разночтение по спискам: *pulpäkar mundyn ḫoš räŋraq dur* БН 362_{15}, но *ḫoš räŋ dur* BN $279b_{8}$ ‘Пулпайкар красивей цветом, чем этот’ [т.е. чем птица чилси].

Даже в том случае, если в приведенных выше примерах налицо индивидуальные вкусовые слово- и формоупотребления, они развертываются в пределах, не искажающих речевые возможности при текстообразовании и не затрудняющих постижения смысла текста, т.е. в конечном счете они не могут не свидетельствовать о реальных языковых потенциях.

Экспрессивно-стилистические функции прилагательных

Выше уже приходилось говорить, что "Бабур-наме" – отнюдь не бесстрастное, сухое повествование: оно насквозь пронизано человеческими переживаниями, страстями, эмоциями повествователя. Даже в наиболее нейтральных, сугубо описательных фрагментах текста Бабур весьма часто не ограничивается простой констатацией, но проявляет эмоциональное отношение к описываемому, выраженное иногда повторами прилагательных 1) в основной форме, 2) с аффиксом *-raq*, обозначающим немного бóльшую или немного меньшую степень качества, 3) в форме интенсива (частичная редупликация основы).

1) Рассказывая, например, о пристройках к зданию заседаний (диван-хана), возведенного по указанию Тимура, Бабур говорит о *kičik kičik taqčalar* БН 61, BN 49a 'маленьких-премаленьких галерейках'; деревья в его рассказе не просто высокие, но "большие-пребольшие" (БН 308, BN 239b), а глыбы камня – *uluɣ uluɣ qazan dek tašlar* БН 83, BN 67a 'камни [величиной] с большой-пребольшой котел'. См. еще *uluɣ uluɣ beklar* БН 111, BN 90b 'знатные-презнатные беки'. В рассказе об изменнике Мухаммед Хусейн мирзе, дальнем родственнике самого Бабура, повтор прилагательного вплетается в другие приемы передачи эмоциональности: повторенное прилагательное служит определением к паре синонимов с весьма сильной семантикой, еще более ее усиливая; в предыдущем предложении также употреблена пара обличительных синонимов на фоне весьма выразительного словесного материала: *bu näw' šor wä fitnä angiz wä bunjadiya ihtimam ajlady agär parä parä qylsam jeri* (BN 201b$_5$: *jer*) *bar edi türluk türluk 'äzab wä 'uqubät bilä ölmakka säzawar edi* БН 255, BN 201b '... Он старался поднять такой бунт и сумятицу, [что] если бы я разорвал [его] на части, было бы уместно. Он был достоен смерти через всяческие-превсяческие мучения и пытки'. Взаимодействие таких повторов с другими словесными средствами экспрессивности можно видеть и в следующем примере: *... jaḫšylar čapty az az kiši bilä qalyn qalyn häzarä nikudärini jaḫšylar basty* БН 215, BN 172a–b '[Зун-н-Нун Аргун] очень хорошо рубился саблей. С небольшим количеством людей он весьма хорошо разбил многочисленнейших хазаре никудерийцев'. Здесь повторенными оказались два антонима: *az* 'мало' – *qalyn* 'много', 'многочисленный', выступающих в функции именных определений к противопоставляемым же определяемым ("люди Зун-н-Нуна" – "его противники хазаре никудерийцы"); два

глагольных определения *jaḫšy* оба раза снабжены эмфатическим *-lar*.

Разночтения по спискам см.: *türš türš* BN 284a$_9$ ʿкислый-прекислый' (о плоде), но *yärib türš* БН 368$_{14}$ ʿудивительно кислый'.

2) Значение уменьшения качества также передается повтором, но уже не основной, а аффигированной словоформы, см., например: *taylary kičikrak kičikrak pošta josunluq taylar dur* БН 336, BN 260b ʿГоры там представляют собой горы вроде невысоконьких-невысоконьких холмов', см. еще БН 359, BN 277b; БН 430, BN 332b.

3) Характеризуя фауну и флору Хиндустана, Бабур часто использует прилагательные в форме интенсива. Так, в описании одного из подвидов обезьян: *jüzi qapqara* (BN 277a$_5$: некорректно *qapqar*) *dur bary ʿuzwi qapqara dur* БН 359$_{3-5}$, BN 277a$_{5-7}$ ʿЛица [у обезьян] совершенно черные ... все части тела у них совершенно черные', см. еще БН 280, BN 219a; в описании птицы сарас: *bašy qypqyzyl dur* БН 363, BN 280b ʿголова у нее ярко-красная', см. еще БН 362, BN 279b; БН 364, BN 281a; при описании дерева кила: *jasy jasy ḫoš räŋ säbz bärglari* БН 367$_{11}$ (последнее слово пропущено), BN 283a$_{10}$ ʿ[у этого дерева] широкие-преширокие зеленые листья приятного цвета'; *däräḫtlari sapsaryy ḫošräŋ ḫäzan bolubtur anarlar däräḫtlarida qypqyzyl* БН 316, BN 245a ʿДеревья [в саду стояли] желтые-прежелтые – наступила прекрасноцветная осень; гранаты на деревьях ярко-красные'.

Расцвеченное повторяющимися формами интенсива, как и любыми другими повторами прилагательных, так или иначе тоже способствующими усилению эффекта, описание уже не имеет бесстрастно констатирующего характера, но приобретает оттенок интимности, обращенности к читателю: эти повторы, передавая эмоциональное отношение (изумление, восторг и прочее) автора к описываемому явлению, как бы рассчитаны на ответную реакцию читателя.

Мастер изображения драматических ситуаций на фоне пейзажа, воспринимаемого как ситуативно "действующее лицо", для сгущения красок в следующем ниже фрагменте Бабур использует, наряду с подбором соответствующей лексики, две формы интенсива (почти подряд), повторяющийся персидский отрицательный союз *ne... ne*: *qapqaranyu kečä tüptüz jer ne tay wä poštä körunа dur ne jol wä iz maʿlum bola dur* БН 257, BN 203a ʿ[Во время предпринятого набега] ночь – тьма непроглядная, ровное-преровное место, ни гор, ни холмов не видно, ни дороги, ни следа неведомо'.

Употребленные в качестве определения к антропониму формы интенсива прилагательных в "Бабур-наме" всегда передают эмо-

циональность, усиливают выразительность повествования. Примеры: *men sapsaŋ turub...* БН 304, BN 236b ‘Я был абсолютно трезв...’; о молодом человеке говорится *qapqara saqallyq* БН 310, BN 240b ‘с черной-пречерной бородой’, о старом – *saqaly ḫod apaq aqaryb edi* БН 310, BN 240b ‘Его борода белоснежно поседела’.

4) Экспрессивно-стилистическую функцию выполняют также массово употребляющиеся в ”Бабур-наме” актуализаторы при качественных и относительных прилагательных, а иногда – и при повторах прилагательных (*ḫäjli abädän abädän jigitlarni* БН 110, BN 90b ‘самых лучших молодцов’). Лексически диапазон актуализаторов велик. Часто употребляются заимствованные: перс. *bisjar* ‘много’, перс.-ар. *bihäd* ‘безгранично’, ар.-перс. *ḫäjli* ‘много, очень’. Высокочастотны тюркские актуализаторы, особенно *asru* ‘очень, чрезмерно’, ср. др.-тюрк. *asru, ašru* ‘чрезмерно, в высшей степени, в избытке’ [ДТС, с. 64], ‘слишком, очень, в особенности’ [Буд. I, с. 45], *köp* ‘много’; изредка употребляется также *qatyq* ‘жесткий, крепкий’; *jaman* ‘плохой’. Примеры: *...asru* (БН 66_8: пропуск) *jaman bihuzur boldum* БН 66_8, BN $53a_4$ ‘... я очень сильно занедужил’; *asru bilimlik kiši* БН 212, BN 170a ‘очень знающий человек’, *menin bilä kiši köp az edi* БН 104, BN 85a ‘Людей со мной было очень мало’; *bisjar semiz* БН 175, BN 142a ‘очень жирный’. В ряде случаев наблюдается по нескольку актуализаторов при одном прилагательном: *ol ahšam muhkäm qatyq sowuq edi* БН 89, BN 72b ‘Тот вечер был сильно, жестоко холодным’; *asru köp sewukluk* (БН 25_{21}: *sewguluk*) *edi* БН $25_{21\text{-}22}$, BN $20b_{2\text{-}3}$ ‘[Катак биким] была очень сильно любима’. См. разночтения по спискам: *qyryawullary bihäd semiz* (BN $71a_9$: пропуск *semiz*) *bolur* БН $87_{21\text{-}22}$, BN $71a_9$ ‘Фазаны там безмерно жирные’; *ḫob* (BN $113b_2$: *ḫäjli*) *märdanä išlar* (BN $113b_2$: *iš*) *qyldy* БН $138_{9\text{-}10}$, BN $113b_2$ ‘Он совершил очень смелые дела’.

§ 5. Числительные

1. Количественные числительные

Названия единиц: *bir* ‘один’, *iki* ‘два’, *üč* ‘три’, *tört* ‘четыре’, *beš* ‘пять’, *alty* ‘шесть’, *jeti* ‘семь’, *sekiz* ‘восемь’, *toquz* ‘девять’.

Названия десятков: *on* ‘десять’, *jigirmi/jigirmä* ‘двадцать’, *otuz* ‘тридцать’, *qyrq* ‘сорок’, *elik* ‘пятьдесят’, *altmyš* ‘шестьдесят’, *jetmiš* ‘семьдесят’, *seksan* ‘восемьдесят’, *toqsan* ‘девяносто’.

Названия высших разрядов: *jüz* ‘сто’, *min* ‘тысяча’, *tüman* ‘десять тысяч’, *jüz tüman* БН 233, BN 185a ‘миллион’, перс. *läk* ‘сто тысяч’ и числительное индийского происхождения *krür* ‘десять миллионов’, ср. *körür* ‘пятьсот тысяч’ [Гафф. II, с. 655] и уйг. *ky-*

ryr то же [Насилов В. 1940, с. 65]. См. *jüz miŋni läk derlar jüz läkni krür* БН 376, BN 290a ‘[Индийцы] называют сто тысяч *läk*, сто *läk – krür*’.

Количественные числительные различных разрядов представлены на страницах "Бабур-наме" в изобилии. Это объяснимо при учете фактора автора-полководца и ученого, целевой установки сочинения на правдивость (достоверность) и информативность: при описании любой битвы, большой и малой, даже и простой стычки Бабур не забывает сообщить читателю о расстановке военных сил – сколько людей было у неприятеля и сколько у него самого, так как это важно при оценке результатов сражения.

Система счета в языке "Бабур-наме" – та же, что и в большинстве современных тюркских языков: сначала следуют числительные более высоких разрядов, потом более низких, вплоть до единиц. В "Бабур-наме" сохранены следы счета на девятки [Brock., с. 116; СИГТЯ, с. 171, 181–182]: по девять дарили коней, куски ("штуки") тканей, одежду (*bir toquz at wä bir toquz parčä* БН 99, BN 81a ‘девять (букв. одна девятка) коней и девять (букв. одна девятка) штук [ткани]’, *üč toquz ton* БН 454, BN 351a ‘три [по] девять одежды’)[13], девятью каналами обводняли средневековый Андижан (БН 3, BN 2a), при замере расстояния между Кабулом и Аг-

[13] Обычай дарить девять предметов был у многих тюркских народов, см. об этом [Березин 1857, с. 310; Буд. I, с. 750–751; Казембек 1846, с. 343; Jarring 1965, с. 57]. По устному сообщению Г.Ш.Шарипова, этот обычай сохранился в свадебных обрядах узбеков: на второй день свадьбы родственники жениха раздают гостям со стороны невесты угощения каждого сорта по девять штук. Обычай этот называется *tўққуз-tўққуз тортмоқ* ‘распределять по девяткам’. Ср. якут. *sylgy toyusa* ‘калым в размере девяти лошадей, девяти быков и девяти коров’ [Пек. III, стлб. 2702]. В казахском языке *тоғыз* (ср. *екі тоғыз беру*) было обозначением своего рода "единицы нормы приданого или штрафа" [Мусабаев 1959, с. 89]; об *үш тоғыз* как "разновидности старого каде (древний казахский обычай)", см. [Махмудов 1963, с. 3; Хасенов 1954, с. 16]; подробно об использовании *тоғыз* в казахской фразеологии см. [Кенесбаев 1946, с. 10–12]. О призе на скачках "в девять рабов, девять рабынь" (*тоғуз каракул, тоғуз кара куң*) см. [Юдахин 1965, с. 346]; ср. также [Пантусов 1895]. О ккалп. *бес тоғыз* ‘определенный весенний период’ (букв. ‘пять девять’) см. [Наурузбаева 1967, приложение, с. 4]. Штраф и пошлина тоже взыскивались в размере *тогуз* [КРС, с. 203]. Антоний Дженкинсон в середине XVI в. сообщил о туркменском обычае выплачивать князю пошлину – "дать девяток и две семерки (разных вещей)" [цит. по [Веселовский 1877, с. 112]). "Система феодальной экзекуции, жесточайших пыток в старой Туве" называлась *тос эрии* ‘девять пыток’ [ТувРС, с. 618].

В.Чернышев, иллюстрируя многими примерами "следы счета „девятами", „девятками" в русском языке, напоминает, что уже "Даль указывает счет „девятами" [торгузами] у наших кочевых народов при выплате пени, калыма, надела сына, счете коней или овец, закалываемых для большого пира [той], и т.д." [Чернышев 1946, с. 51].

рой ‘на каждом девятом курухе (мера расстояния) должна была сооружаться башня (*här toquz kuruhta mänar qoparγajlar* БН 454, BN 351a ‘на каждом девятом курухе пусть воздвигнут башню’), девять раз кланялись на церемонии встречи могольских ханов [*toquz qatla* (БН 126_{16}: *märtäbä*) *jükunub* БН $126_{16\text{-}17}$, BN $103a_4$ ‘девять раз поклонившись’]. Число *токуз* присутствовало также в церемониале древних тюрков (...*токуз тезгинип*... ‘пройдя девять раз вокруг’ [Батманов 1959, с. 74]); Страленберг, подробно описывая, как иноземные посланники при дворе "правителей китайских татар" должны были во время церемонии представления и прощания девять раз коленопреклоненно кланяться, называет эту процедуру "Zagataische Audience" ("чагатайская аудиенция") [Strahlenberg 1730, с. 77]. Число "девять" было излюбленным в фольклорных характеристиках героев алтайских богатырских сказок, см. [Катанов 1888, с. 77, 80]. В узбекском фольклоре имеется пословица: *Билганинг – тўққиз, билмаганинг – тўқсон тўққиз* ‘То, что ты знаешь, – девять; то, чего ты не знаешь, – девяносто девять’. Числительное *toquz* широко употребляется в тюркской этнонимии и топонимии.

В "Бабур-наме" имеются разночтения по спискам: *toquz* (BN $222b_{11\text{-}12}$: *bir kečimlik*) *at wä üč jüz šahruhi peškaš qylyb*... БН $285_{12\text{-}13}$, BN $222b_{11\text{-}12}$ ‘подарив девять коней (или: одного снаряженного в латы коня) и триста шахрухи...’ (один шахрухи – около 40 коп. золотом).

Особенности приглагольного функционирования числительных в языке "Бабур-наме": *ol täräfdaγy käjfijätni bir bir sorub mä'lum qylduk kim*... БН 459, BN 355a ‘Спросивши одно за другим о положении дел в той стороне, мы узнали, что...’; *bir jamanlyqlary on bolub*... БН 272, BN 213b ‘их дурные качества умножились в десять раз...’ (букв. ‘одно их зло став десятью...’), *bir olturγan bilä mäžlisda gahi bir kečä künduz olturur edi* БН 24, BN 19a ‘Однажды усевшись, на пирушке он иногда сиживал целые сутки’. Употребление числительного с определением – указательным местоимением *bu* в значении ‘вышеназванный’ в предикативной функции придает высказыванию разговорный характер: *agärčä özga ǧatunlary häm bar edi wäle oylanlar wä qyzlarynyŋ* (БН 14_{10}: *qyzlarny*) *analary* <u>*bu iki*</u> *erdi* (БН 14_{10}: *edi*) БН $14_{9\text{-}10}$, BN $11b_{2\text{-}3}$ ‘Хотя [у Омар Шейха] были и другие жены, однако матерями его сыновей и дочерей были эти [вышеназванные] две’.

Прямое отношение к числительным количественным имеют нумеративные слова. Высокочастотным и универсальным нумеративом является перс. *parä*, применяющийся для исчисления самых

разнообразных объектов живой и мертвой природы, людей, продуктов человеческого сознания, см.: *bir parä kiši* БН 470, BN 363b 'одна часть людей', *bir parä sawyat* БН 317, BN 246a 'одна часть подарков', *jeti parä qäsäbäsi bar* БН 2, BN 2a '[В Фергане] семь городов имеется'. Употребляется множество других нумеративов: *bölak* 'отделение, отряд' (для счета людей: *iki bölak käfirniŋ čapqunčysy* БН 401, BN 309a 'два отряда нечестивых добытчиков', *bir bölak čerik eli* БН 306, BN 238b 'отряд войскового люда'); *parčä* (для исчисления неодушевленных объектов: *bir parcä qum* БН 167, BN 136a 'гряда песку'); *küza* 'кувшин', ср. др.-тюрк. *küzäč* 'сосуд, кувшин' [ДТС, с. 331] (для исчисления жидкости: *bir küza čaγyr* БН 319, BN 247b один кувшин вина'); ар. *qäbzä* 'рукоятка', 'штука (при счете оружия)' (*iki qäbzä hänǯär... iki qäbzä byčaq* БН 385, BN 297a 'два (букв. 'две штуки') кинжала... два (букв. две штуки) ножа'), *tüp* (*tört tüp säqärlat čäkmän* БН 385, BN 297a 'четыре кипы чекменей из багряной ткани'). В том случае, когда числительное выступает в функции глагольного определения, используются нумеративы тюрк. *qatla,* ар. *märtäbä,* ар. *näwbät* 'раз' (примеры см. выше, с. 237).

Порядковые числительные образуются путем присоединения аффикса *-(I)nčI/-(U)nčI* к количественному числительному: *üčünči* БН 348, BN 269b 'третий'.

2. Собирательные и разделительные числительные

Собирательные числительные на *-Aw* (а) имеют в "Бабур-наме" еще и вариант, осложненный аффиксом *-lAn* (б) < *-lA* + *-n* [СИГТЯ, с. 190]; здесь же наблюдается и собирательное числительное на *-AlA*[*sI*] (в). Примеры: а) эмфатическое употребление *ikäwdin ikäw* 'только вдвоем': *turdy bek bir küza čaγyr kelturdi ikawdin ikäw ičmakka mäšγul bolduk* БН 319, BN 247b 'Турди бек принес кувшин вина; только вдвоем мы принялись пить'; б) *üčawlan atlanyb...* БН 319, BN 247b 'втроем отправившись на конях...'; в) *hindustanniŋ üč išidin mutäzärrir eduk bir ysyγydyn jinä bir gärdidin jinä bir tund jelidin hämam här üčalasiniŋ* (БН 389_3: *üčalasini*) *daf'ɣ ermiš* БН $389_{1\text{-}3}$, BN $300a_{8\text{-}10}$ 'От трех дел мы страдали в Хиндустане: одно – от тамошней жары, еще одно – от пыли, еще одно – от сильного ветра; баня, оказывается, устраняет любую из этих трех [вещей]', *här ikalasini* БН 44-45, BN 36a 'любого из [этих] двух', см. еще *ikilaj* БН 77, BN 61b. См. разночтение по спискам: *ikala ini ayani* БН 262_{20} 'вдвоем младшего и старшего брата', но *ikilar aγa inini* BN $207a_2$ – в литературе отмечено разделительное (не собирательное, как здесь!) числительное на *-lar*

[СИГТЯ, с. 194], но для языка "Бабур-наме" эта форма несвойственна, и здесь, скорее всего, налицо описка. Невнимательность переписчика в этот момент подтверждается также пропуском "йай" в рядом стоящем слове: *inni* вместо *inini*. Кстати, К.Броккельман считал ошибкою употребленную в БН форму *ikalar* (БН 239_{24}) вместо корректной формы *ikala* BN $189b_{14}$ 'вдвоем' [Brock., с. 162]. Числительные на *-Aw* и *-AlA[sl]* см. также в "Шейбани-наме" [Турабова, 1966, с. 11].

Разделительные числительные в языке "Бабур-наме" образуются с помощью аффиксов: а) *-Ar*, для *iki* – вариант *-rar*; б) *-(I)n* – только от первых двух количественных числительных: *birin, ikin* 'по одному', 'по двое'. В литературе редко встречающаяся форма с аффиксом *-n* квалифицируется как собирательное числительное [СИГТЯ, с. 190]. Примеры: а) *...alty kišiga jüzar misqal kümuš birar tonluq üčar öj birar gäwmiš hindustan säwyatydyn berib...* БН 299, BN 233a '...шестерым [из наших людей] дав по сотне мискалей серебра, по одному отрезу на платье, по три быка и по одному волу из хиндустанских подарков...', см. еще *törtar aj... ikirar aj* БН 374, BN 288b 'по четыре месяца... по два месяца', *üčar zinä* БН 389, BN 300b 'по три ступеньки'; б) *...birin ikin kiši jürur ekandur* БН 432, BN 334a '...люди, оказывается, ходили по одному – по два', см. еще БН 251, BN 198b; БН 317, BN 246a (оба раза – в функции глагольного определения); *birin* в предикативной функции (в составе именного сказуемого): *säjid jusuf wä bä'zinin raji birin edi kim...* БН 154, BN 126a 'Мнение Сейид Юсуфа и [еще] некоторых было единым (букв.'по одному'), что...'.

3. Приблизительные числительные

В "Бабур-наме", как, пожалуй, ни в одном другом средневековом тюркоязычном сочинении, широко и богато представлены различные способы выражения приблизительного счета. При объяснении этого первостепенную роль играет фактор экстралингвистический – прагматический, определяющий специфику данного текста даже и в отношении приблизительных числительных. Деятельность автора-полководца, во всем стремящегося к точности (см. его инициативы по измерению расстояний между городами завоеванных земель – Кабулом и Агрой, установлению различий в расстояниях при передвижении по сухопутной дороге и по реке и многое другое), одним из первых осознавшего необходимость военной статистики, отразилась также и в текстообразовании. В тех случаях, когда автору неизвестна численность воинов неприятеля или он неточно помнит количество своих воинов при описании давних

событий, он прибегает к различным способам выражения приблизительности, и это один из показателей его необычайной добросовестности.

В ряду других способов Бабур широко пользуется описательными. Так, число своих верных сподвижников Бабур дважды определяет описательно: *...iki jüzdin köprak üč jüzdin azraq bolγaj edi* БН 68–69, BN 55; БН 146, BN 120a ‘... должно быть, было больше двухсот, меньше трехсот’, см. еще *kišimiz iki miŋga jawušqaj edi* БН 265, BN 209a ‘[Число] наших людей приближалось к двум тысячам’.

Приблизительные числительные образуются с помощью аффикса *-čA*: *iki jüz elikča kiši* БН 336, BN 260a ‘около двухсот пятидесяти человек’, *onča fil* БН 430, BN 332a ‘с десяток слонов’.

Для выражения приблизительного счета использовались также сочетания числительного в основн. (при *čaγlyq*) или дат.-напр. падеже и одного из служебных имен *čaqlyq/caγlyq* или *jawyq* ‘близко’, ср. послелог *чагын* (< *чагын* ‘близко’), управляющий дат. падежом, в хакасском языке. Например: *jigirmä čaγlyq kiši* БН 475, BN 367a ‘около двадцати человек’; *jüzga jawyq kiši* БН 76, BN 61b ‘людей близко к сотне’, *miŋga jawuqča kiši* БН 65, BN 52a ‘приблизительно с тысячу человек’. Для возможностей управления *čaγlyq* весьма показательны разночтения по спискам: ср. *miŋ čaγlyq jigit* БН 437, но *miŋqa čaγlyq jigit* BN $338a_{13}$ ‘около тысячи молодцев’; *iki miŋgača čaγlyq kiši* БН 475_{6}, но *iki miŋča čaγlyq kiši* BN $366b_{14}$ ‘около двух тысяч человек’.

Приблизительность счета выражается также простым соположением количественного числительного с меньшим цифровым значением и количественного числительного с бóльшим значением, иногда даже и трех таких числительных: *bir iki jigit... bir iki qylyč salyšyb* БН 156, BN 127b ‘один–два молодца... разок–другой сразились на саблях’, *nukärlarim on on beš jigirmä kiši bolγaj* БН 145, BN 119a ‘моих воинов будет, наверное, человек десять–пятнадцать–двадцать’, *jeti sekiz jüz kiši* БН 68, BN 55a ‘семьсот–восемьсот человек’. Нередко к последнему из сополагаемых числительных присоединяется аффикс *-čA*: *jüz jüz elikča jajaq* БН 277, BN 217a ‘около ста–ста пятидесяти пехотинцев’, см. еще БН 307, BN 239a. Числительные на *-čA* см. также в ”Шейбани-наме” [Турабова 1966, с. 11].

4. Экспрессивно-стилистическая функция числительных

Как правило, существительное, в том числе антропонимическое, выступая определяемым при определении-числительном, в "Бабур-наме" имеет основную форму, как и во всех тюркских языках, хотя сказуемое при таком антропонимическом подлежащем часто принимает аффикс *-lar*, например: *alty jüz seksan kiši iš qylurlar edi* БН 378, BN 291b '[На постройке возводимых по приказу Бабура зданий ежедневно] работали 680 человек', см. еще БН 81, BN 65b.

Во фрагментах текста "Бабур-наме", отмеченных повышенной экспрессивностью и эмоциональностью, при определении-числительном возможно употребление определяемого из разряда имен непредметных с аффиксом мн. числа *-lar*; при этом аффикс *-lar*, имея "подчеркивающее или усиливающее действие" [Kowalski 1936, с. 16], передает разнообразие объектов исчисления [Дмитриев 1960, с. 45, 69]. См. примеры: *ḫälifä ḫälas bolub jüz tüman mäšäqät wä 'äzablar bilä iki üč kündin soŋ jajaq wä jalanač keldi* БН 40, BN 32b 'Халифа спасся, через два–три дня с миллионом всяческих тягот и мучений пришел он пеший и нагий' (заметим, что другой, менее близкий Бабуру человек – Абу Бекр Дуглат Кашгари – спасся посредством "сотни хитростей и уловок": *jüz mäkr wä hilä bilä* БН 22, BN 17b; определяемые здесь – пара синонимов, но уже без аффикса *-lar*); *munda häm kim* (БН 241_1: *ki*) *keldilar* (BN $190b_5$: некорректно *kelajlar*) *gahi meni ɣafil qylyb gahi eliklarini* (БН 241_1: *eliklari*) *pänah qylyb jüz täswislar bilä ičar edilar* БН 241_{1-2}, BN $190b_{5-6}$ 'Те [придворные], которые пришли сюда [на пир], либо отвлекая меня (букв. сделав меня неведающим), либо, загораживаясь руками, пили вино с сотней всяческих беспокойств'.

Следует обратить внимание, что в обоих примерах в качестве определений выступают числительные высших разрядов – *jüz* 'сто' и даже *jüz tüman* 'миллион' (букв. 'сто [по] десять тысяч'). Эти гиперболические числительные, особенно непривычно употребленные с именами непредметными, еще более усиливают эмоциональность текста (в первом примере еще одним таким усилителем является использованная в качестве определяемого синонимическая пара непредметных имен). Гиперболическое употребление числительных, в том числе *tüman* 'десять тысяч', было свойственно раннесредневековому литературному языку [Brock., с. 280–281]. Этот прием, своего рода дань традиции, был распространенным в "Бабур-наме": об исконных врагах говорится, что их было "сто тысяч" (*jüz miŋ jayy* БН 349, BN 270a), а добытчики пригнали бо-

лее ста тысяч овец (*jüz miŋdin artuqraq qoj* БН 71, BN 57a); при завоевании стран и управлении государством всякое дело требует ста тысяч размышлений (*jüz miŋ mulahäzä* БН 80, BN 64b), любитель шахмат играет не одной рукой, как все, а двумя (*...iki elik bilä ojnar edi* БН 216, BN 173a).

Описанные приемы достижения экспрессивности и эмоциональности – употребление гиперболических количественных числительных (главным образом высших разрядов) в функции определения (иногда – глагольного определения), с одной стороны, и наличие аффикса мн. числа *-lAr* при их определяемых – любых именах, в том числе непредметных – с другой, – взаимодействуют с другими подобными приемами, например использованием синонимических пар непредметных имен.

В заключение заметим, что числительные любых разрядов, и особенно количественные и приблизительные, чрезвычайно широко представлены в "Бабур-наме" благодаря специфике его текста, претендующего на информативность, достоверность и возможную точность информации.

§ 6. Местоимения

Местоимения в языке "Бабур-наме", как и вообще в тюркских языках, по ряду признаков, в числе которых – структурный, семантический, а также формально-морфологический (характер склонения), делятся на две группы – центральную и периферийную; по А.Н.Кононову, "I. Местоимения (личные, указательные, вопросительные). II. Местоименные слова (выделительные, неопределенные, обобщающие, отрицательные)" [Кононов 1980, с. 163]. Учитывая формально-морфологический критерий, мы относим к центральной группе ("I. Местоимения") не все вопросительные местоимения, среди которых много производных и прономинализованных слов, но только первообразные – *ne* ʿчто', *kim* ʿкто'.

1. Личные местоимения

Местоимения 1-го и 2-го лица как ед., так и мн. числа имеют узкую огласовку и пишутся через "йай"; современные диалектологи усматривают в произношении *мен, сен* кыпчакскую черту, которая нашла отражение также в фокусных точках диалектной зоны Юго-Восточной Ферганы [Джураев А. 1991, с. 86].

1-е лицо ед. и мн. числа: *men* БН 19, BN 15b ʿя'; *biz* БН 96, BN 78b ʿмы';

2-е лицо ед. и мн. числа: *sen* БН 139, BN 115a; БН 252, BN 199b

'ты'; *siz* БН 144, BN 118b 'вы; Вы'; *sizlar* БН 477, BN 369a 'Вы' – вежливая форма (применительно к одному лицу), *sizlar* БН 144, BN 118b; БН 145, BN 119a 'Вы (многие)' – вежливая форма (применительно к множеству лиц).

3-е лицо ед. и мн. числа: *ol* БН 7, BN 6a; *alar* БН 80, BN 64b 'они'. Наряду с *alar* в издании Ильминского употребительны также словоформы 3-го лица мн. числа, реже – ед. числа с лабиализованным узким вокальным аŋлаутом: *olar* БН 120_{16} 'они', *olardyn* БН 118_{12}, 125_{12} 'от них', *olarγa* БН 125_{21} 'к ним', *onda* БН 118_{9} 'у него'.

Местоимение *alar* используется в "Бабур-наме" для выражения не только множественности, но также и почтительности по отношению к третьему лицу. Например: *qajsy iš wilajätqa mundyn jaḫšyraq dälil dur kim alarγa qasd qylyanlardyn az fyrsatta a:sar wä 'älamät* (БН 67_{15}: *'älamat*) *qalmady* БН 67, BN 54a 'Какое дело [может быть] лучшим доказательством святости их [т.е. Ходжи Маулана-и Кази], чем то, что в короткое время от злоумышлявших [против него] не осталось ни следа, ни признака?'; *alardyn tärbijät tapyb edi* БН 67, BN 54a 'Он получил образование от них [т.е. от Ходжи Убейд Аллаха]'. В том случае, когда *alar* (или *bular*) используется в функции подлежащего, сказуемое может употребляться с аффиксом *-lar* или без него. Ср.: *alar häm jükundilar* БН 301, BN 235a 'Оне [т.е. Султаним биким] тоже поклонились', но *bular* (БН 127_{10}: *bu*) *qajsy sultan dur* БН 127_{10}, BN $103b_{3}$ 'Они какой султан будут?'.

Склонение личных местоимений отличается от именного склонения наличием косвенной основы с широким гласным для местоимений 1–2-го лица ед. числа в дат.-напр. падеже (*mäŋä, säŋä* с разночтением *mänγa, sänqa*), для местоимения 3-го л. ед. ч. *an-* и мн. числа *a-* во всех падежах; в род. и вин. падежах *-n* основы не геминируется при присоединении падежных аффиксов.

Род. падеж: *meniŋ* (*meniŋ išim* БН 348, BN 269b 'мое дело'), *biznіŋ* (*biznіŋ qašymyzγa* БН 64, BN 51b 'к нам'), *seniŋ* (*neča jyl seniŋ bilä edi* БН 30, BN 24a 'несколько лет была с тобой'); *siznіŋ* (*siznіŋ sarydur* БН 144, BN 118b 'на Вашей стороне находится'), *sizlarniŋ* (*sizlarniŋ söziŋiz biläп... sizlarniŋ ittifaq wä säwabdidi biläп* БН 264_{9-10}, но *siznіŋ sözuŋiz bilä... siznіŋ ittifaq wä säwabdidiŋiz bilä* BN $208a_{3-5}$ 'в соответствии с Вашим словом... по Вашему согласию и одобрению'), *anyŋ* (*bu rubaʿi anyŋ dur* БН 204, BN 164a 'Нижеследующее рубаи – его'), *alarnyŋ* (*alarnyŋ soŋyča* БН 461, BN 356b 'следом за ними').

Вин. падеж: *meni* (*meni tanymajdur* БН 127, BN 103b ʿон меня не узнаёт'), *bizni* (*bizni sämärqänd kelturmakni* БН 96, BN 78b ʿпривезти нас в Самарканд'); *seni* (*seni tašlab* БН 139, BN 115a ʿбросив тебя'), *sizni* [*sizni padišah kötarurlar* БН 143, BN 118a ʿони сделают (букв. возвысят, подымут) Вас государем']; *any* БН 17, BN 13b ʿего'; *alarny* БН 95, BN 77b ʿих'.

Разночтение по спискам: *meni* (БН 144_{12}: *menin*) *sizga jibardilar* БН 144_{12}, BN $118b_{7}$ ʿони послали меня к Вам'.

Дат. падеж: *mänga* (منكا *mänga kir-* БН 132, BN 108a ʿпокориться мне'), *bizga* БН 348, BN 269a; см. разночтение по спискам: *bizga* (BN $104a_{8}$: *mänga*) *kirdilar* БН 128_{8}, BN $104a_{8-9}$ ʿнам (мне) покорились'. Словоформа 2-го лица, чаще *säŋa*, бывает представлена разночтениями по спискам: *sänqa... mänqa* БН 132_{20-22}, ... *mäŋä* BN $108a_{8-10}$ (фрагмент с *säŋä* пропущен, перефразировка), *sizga* (*sizga jibardilar* БН 144, BN 118b ʿони послали к Вам'), *sizlarga* (*sizlarga täʿälluq jer wä suwya* БН 477, BN 369a ʿземлям и водам, принадлежащим Вам'). Словоформы 3-го лица: *angä* (*angä täʿälluq bolubtur* БН 145, BN 119b ʿему принадлежали'); *alarya* (...*gunahini alarya bayyšlab*... БН 494, BN 382a ʿ... простив им то прегрешение ...'). Разночтения по спискам касаются прежде всего падежной словоформы 1-го лица ед. числа: в Хайдарабадском списке представлена преимущественно словоформа *mäŋä* (см., например: $BN\ 98b_{13}$, $109a_{11}$, $112a_{13}$, $113a_{14}$, $119a_{8-9}$), которой в Керовом списке и издании Н.И.Ильминского в ряде случаев соответствуют варианты *mänya* и *manya* (مانغا БН 120_{20} и منغا БН 137_{5}), а также *mänqa* и *manqa* (منقا БН 134_{4}, 138_{6}, 145_{7} и مانقا БН 141_{2}, $143_{12,23}$), но иногда и тот и другой список совпадают в употреблении другого варианта, например *mänqa* (منقا БН 144, BN 119a). Веляризованная словоформа 2-го лица ед. числа также употребляется преимущественно в издании Ильминского, см. *sanqa* (سانقا) и *sänqa* (سنقا) БН $132_{20,22}$ при *sänga* БН $108a_{8,10}$, равно как и подобная же словоформа 3-го лица ед. числа *anqa* (انقا ا БН 139_{16}) при обычности палатализованного варианта *anga* (انكا ا) в Хайдарабадском списке.

Местн. падеж: *menda* ʿу меня', *bizda* ʿу нас'; *senda* ʿу тебя'; *sizda* ʿу вас'; *anda* БН 125, BN 102a; БН 352, BN 272a ʿу него', ʿтам'; *alarda* ʿу них' (*dihli pajitähti alarda edi* БН 350, BN 270b ʿДелийская столица была в их владении' (букв. ʿу них').

Исх. падеж: *mendin* ʿот меня' (*dedim kim mendin emas tur dästurḫan salyučy täqsir qylyb tur* БН 102, BN 83b ʿЯ сказал: [эта промашка исходит] не от меня. Оплошал тот, кто ставил дастархан'. Здесь исх. в функции сказуемого, точнее – именного компонента

именного сказуемого, обозначает косвенный субъект действия, см. еще БН 99, BN 80b–81a). *Bizdin* 'от нас, о нас' (*bizdin asla ḫäbärlari joq* БН 247, BN 195b 'У них нет о нас никаких вестей'); *sendin* 'от тебя'; *sizdin* 'от Вас'; *andyn* 'от него', 'оттуда' (*andyn köčub...* БН 155, BN 126b 'отправившись оттуда...'); *alardyn* БН 44, BN 35b.

Притяжательные местоимения, видимо, были несвойственны языку "Бабур-наме": редчайшие случаи их употребления здесь, как правило, приходятся на один из списков, ср. *bizniki bolγaj* БН 135_{12} 'будут нашими', но *biznin sary bolγaj* BN $110b_{6}$ 'будут на нашей стороне'.

2. Указательные местоимения

Указательные местоимения *bu* 'этот', *ol* 'тот', высокочастотные в своих субстантивных и атрибутивных функциях, в языке "Бабур-наме" часто могут быть усилены за счет препозитивной частицы *oš*, закрепленной именно за этими двумя местоимениями. Примеры: *ošbu* БН 58, BN 46b; БН 126, BN 102b; БН 196, BN 158b; БН 448, BN 346a 'вот этот, именно этот'; *ošol* БН 145, BN 119b 'вот тот, именно тот' и его вариант *ošal* (< *ošol*) БН 49, BN 39b; БН 145, BN 119b то же. На возможности параллельного употребления двух последних вариантов в языке "Бабур-наме" основано разночтение по спискам, см. *ošol* BN $65b_{12}$, $86b_{7}$, но *ošal* БН 81_{17}, 106_{6}.

В языке "Бабур-наме" отношения между *bu* и *ol* не ограничивались известным соотношением их как ближнего и дальнего в пространственном и временном планах. С *bu* связывается план, близкий (и не только пространственно!) к субъекту действия (речи), с *ol* – план, дальний от субъекта действия (речи). Так, Ходжа Абу-л-Макарим, осведомляясь о не узнанном им Бабуре, который предстал перед ним и Старшим ханом, почтительно спрашивает: *bular* (БН 127_{10}: некорректно *bu*) *qajsy sultan dur* БН 127_{10}, BN $103b_{3}$ 'Они (букв. эти) какой султан будут?'. Касаясь предположения (*ol*), что досточтимый Ходжа с сыновьями был умерщвлен по приказу Шейбани хана, и вместе с тем пересказывая якобы слова самого Шейбани хана (*bu*), что он к этому непричастен, а убийство совершили его приближенные без его ведома, Бабур резюмирует: *bu andyn jamanraq* БН 99, BN 81a 'Это [т.е. суть высказывания Шейбани] хуже того [т.е. сути предположенного]'. Другой пример: в речи упрямого Касим бека *ol jol* 'тот путь' – путь, идти которым предлагали (но не пошли) большинство беков во главе с самим Бабуром, *bu jol* 'этот путь', за который так упорно и категорично высказывается говорящий (и которым пошли):

qasim bek ol jolny jyraq dur bu jol bilä barurbyz dep köp (БН 244_{7}: пропуск *köp*) *ẕähl qyldy* БН 244_{6-7}, BN $193a_{5-6}$ ʿКасим бек, говоря: тот путь далекий; мы пойдем этим путем, – проявил большое незнание [ситуации]'. Сопоставляя, как Султан Хусейн неожиданно, без боя захватил Герат (*ol iš*), с тем, как подобным же образом сам Бабур взял Самарканд (*bu iš*), повествователь выражает надежду, что читателю – знающему человеку – ясна и понятна разница между этим и тем делом: *bu iš bilä ol* (BN $85a_{12}$: некорректно *bu*) *iš arasyda täfawutlar wä* (BN $85a_{12}$: пропуск двух последних слов) *köp färq bardur* БН 104_{13-14}, BN $85a_{11-12}$ ʿмежду этим делом и тем делом имеются весьма большие различия'. В следующем примере, заключающем в себе сходное противопоставление: *meniŋ išim ol padišahlarnyŋ išiga oŋšamas...* БН 348, BN 269b ʿМое дело несхоже с делом тех государей' – функцию *bu* выполняет род. падеж местоимения 1-го лица ед. числа *meniŋ*. Во всяком случае, когда Бабур упоминает: *bu jayylar* БН 469, BN 363b ʿэти враги', читателю становится ясно, что речь идет о его собственных врагах; см. также БН 144, BN 118b.

Выше уже упоминалось (см. с. 79 и сл.), что указательные местоимения в таком их использовании выполняют стилистическую функцию; они служат одним из средств достижения безличности повествования и являются одним из признаков его объективированного типа (I).

При опоре на эту семантическую соотнесенность местоимений указательного *bu* ʿэтот' и 1-го лица *men* ʿя' (иногда также *biz* ʿмы') осуществляется локация с помощью *bu* и *ol* (подробно см. выше, с. 79 и сл.): *bu* связывается с указанием на настоящее местонахождение повествователя, т.е. Хиндустан, *ol* – на покинутый им Мавераннахр (иногда – и Афганистан). Пример из письма Бабура к сыну Хумаюну: *bu ḫätlardin wä ʿäriẓä däštlardin ol jüzdagi bu jüzdagi käjfijät wä halat mušäḫḫäs wä mäʿlum boldy* БН 450, BN 348a ʿИз этих писем и донесений выяснились и стали ведомы обстоятельства и положения на той стороне и на этой' (т.е. в Афганистане и Хиндустане). См. также БН 181–182, BN 147a; БН 366, BN 282b; БН 378, BN 291a; БН 386, BN 298a; БН 442, BN 342a; БН 477, BN 369a; БН 479, BN 370a. Стилистическая функция пары указательных местоимений здесь – также способствовать безличности повествования "Бабур-наме".

В языке "Бабур-наме", как, например, и в османско-турецком (см. [Грунина 1988, с. 72, 89]), значение предварения ("нижеследующий") передается обоими местоимениями *bu* и *ol*. Примеры: *ḫijaliya bu kečip tur kim sultan aḥmäd mirza uluy padišah dur*

БН 19, BN 15b–16a ʿВ мыслях у него промелькнуло то, что Султан Ахмад мирза – великий государь'; в этом же значении *bu* или его форма дат. падежа *muŋä* употребляется в составе высокочастотной формулы-фразеологизма: *sözni bu jerga qoj-* БН 331, BN 256a и *sözni muŋa qoj-* БН 331, BN 256b ʿпорешить на том [что...]'; *ol qytʿä bu dur* БН 426, BN 329b ʿТа кытʿа – нижеследующая' (далее она приводится в тексте); ср. *bu qazan ol qazan edi kim sänga-ji kafirniŋ urušyda taš atyb edi ol ǯihättin yaziya mäwsum bolub edi* БН 436, BN 337a ʿЭта пушка была той пушкой, которая метала ядра в войне с нечестивым Сангой, по той причине она наречена "Гази" (бойцом за мусульманскую веру)', *bu ol dur kim...* БН 220, BN 175a ʿЭто есть нижеследующее, что...' – обычный прием перечисления.

Точно так же оба местоимения, *bu* и *ol*, а также *ošbu* и *ošol/ošal* могут обозначать и ʿвыше названный', ʿвыше изложенный' (тот, о котором только что шла речь), например: *ḫatunlardyn wä yumalardyn muʿtäbär bular edi kim mäzkur boldy* БН 212, BN 169b ʿИз жен и наложниц [Султан Хусейна] почитаемыми были эти, которые [уже] упоминались', *ʿomär šäjḫ mirzaya bu waqiʿä däst berganda men andiǯanda čahar bayta edim* БН 19, BN 15b ʿКогда с Омар Шейх мирзой приключилось это событие [его гибель, она описывалась выше], я был в Андижане в Чахарбаге'; *bir ginä qytʿä ajtylyb edi mulla ʿäli ḫanny muḫatäb qylyb ol qytʿäni turdy bekdin mulla ʿäli ḫanya jibarildi* БН 426, BN 329b ʿОдну только кытʿу сказал [я] тогда и, посвятив ее Мулла Али хану, послал ему через Турды бека'; *ošbu jara bilä bardy* БН 196, BN 158b ʿОн умер от этой вот раны' и *ošol* (БН 81_{17}: *ošal*) *zäḫm bilä oq bardy* БН 81_{17}, BN $65b_{12}$ ʿОн умер от этого вот ранения' (о том, как были нанесены ранения, в тексте сообщалось выше).

Местоимение *bu*, употребленное в функции определения при имени собственном, имеет уничижительное значение и используется в прямой речи: *der kim bu tänbäl ne miqdar kiši dur* БН 115, BN 94b ʿОн [и] говорит: этот Танбал – человек какого масштаба?'

Мн. число: *bu – bular* ʿэти', *ol – alar* ʿте'; ʿони'.

Склонение *ol* ʿтот', ʿон' и *ošol/ošal* аналогично склонению личных местоимений. При склонении *bu, ošbu* косвенной основой является *mun-*, см.: род. падеж *munyŋ* БН 349, BN 269b ʿэтого'; *bularnyŋ* БН 333, BN 257a; БН 350, BN 270a ʿэтих'; вин. падеж *muny* БН 351, BN 271a ʿэтого'; дат.-напр. падеж *muŋa* БН 331, BN 256b, *muŋača* БН 483, BN 373b ʿдо того [времени]'; местн. падеж *munda* БН 145, BN 119b ʿздесь', *ošmunda* БН 468, BN 362a ʿименно здесь' (разночтение: *ošmunda* BN $362a_1$ и *ošunda* BN $369b_2$, но *ošbunda* БН 468_{10}, 490_{20}); исх. падеж *mundyn* БН 166, BN 135b; БН 325,

BN 251b ʿотсюда', *ošmundyn* БН 161, BN 131a ʿименно отсюда'; *bulardyn* БН 382, BN 295a ʿот этих'.

От указательных местоимений образуются местоимения-наречия а) *mundaq* БН 398, BN 306b ʿэдак' (см. разночтение: *mundaq* BN $194a_5$, но *bundaq* БН 245_{12}); *andaq* БН 250, BN 197b ʿтак', *ošmundaq* БН 191, BN 154a ʿвот эдак', *ošandaq* БН 371, BN 286b ʿвот так' (оба последних местоимения-наречия в целях эмфазы часто снабжаются постпозитивной частицей *oq*); б) *munča* БН 39, BN 31b; БН 453, BN 350a ʿстолько', наряду с этой высокочастотной словоформой дважды встретился ее фонетический вариант *bunča* БН 18, BN 14b; БН 288, BN 224b; *anča* БН 250, BN 197b ʿстолько'; *ošmunča* БН 86, BN 70a; БН 156, BN 127b ʿвот столько'; разночтением подтверждается возможность наличия факультативного варианта косвенной основы с анлаутным *b-*: *bunča künda* БН 263_{22} и *ošbunča künda* BN $207b_8$ ʿв эти несколько дней'. Ср., однако, *ošbuny* БН 264_1, но *ošmuny* BN $207b_{10}$.

Примеры использования обеих разновидностей производных (а, б) одного указательного местоимения в одном высказывании см.: *andaq sowuq edi kim muddät al-ʿumr anča sowuq käm* (БН 250_6: некорректно *kim*) *körulub edi* БН 250_{5-6}, BN $197b_7$ ʿБыли такие холода, что за всю жизнь [я] мало видал столько [таких] холодов'; *žan mundaq ʿaziz nimä emiš munča bilmas edim* БН 398, BN 306b ʿЧто жизнь оказывается такая драгоценная сущность (букв. нечто), [прежде] настолько я не знал'; в этих примерах *andaq... anča* и *mundaq... munča* представляют собой соотносительные пары – дополнительные скрепы в построении сложных предложений.

Субстантивированное (с аффиксом *-lar*) местоимение *mundaqlar* ʿтакие' может выполнять функцию подлежащего: *arada mundaqlar bolsa...* БН 197, BN 158b ʿЕсли между [нами] будет такое [т.е. недружественные отношения]...'

Наречия *munča,* а еще чаще *ošmunča* могут использоваться здесь в сочетании с некоторыми послелогами: *munča čaylyq kiši* БН 101, BN 83b ʿпримерно столько же людей', см. еще БН 62, BN 50a; *ošmunča čaylyq moyul* БН 80, BN 64b ʿпримерно вот столько же моголов', *ošmunča bilä* БН 86, BN 70a; БН 156, BN 127b ʿвот с тем же'; см. еще *čerik elikka olča munča dek nimä tüšub...* БН 63, BN 51a ʿв руки войска попала кое-какая добыча' (букв. ʿнечто вроде того-сего'). Такие местоименные сочетания скорее всего принадлежали разговорной речи – судя по тому, что они сохранились в современной обиходной и диалектной речи, см. турк. *мунчаклы* ʿстолько, так много', ʿтакого свойства, размера', *шунчаклы* ʿвот столько', *ончаклы* ʿне особенно, не очень' [Ашнин

1958, с. 9], уз. диал. *бунынгчәккъ/мынынгчәккъ* (хазорасп.), *мундайчикин* (бешкент.) со схожими значениями [Жуманазаров 1961, с. 56].

Довольно употребительны лексикализованные словосочетания в местн. падеже: *ol arada* букв. ʿв тот промежуток, в том промежутке' и *bu arada* ʿв этот промежуток, в этом промежутке' [Буд. I, с. 22], например: *andiǯan wä kašγar wä ol arada* БН 161, BN 131b ʿв Андижане и Кашгаре и в том промежутке [между ними]', см. еще БН 295, BN 230b; БН 319, BN 248a; БН 454, BN 350b; *bu arada* БН 356, BN 275a (некорректно: *bu arad*). Реже встречаются те же лексикализованные словосочетания в исх. падеже: *ol aradyn fil keltururlar* БН 356, BN 274b ʿИз тех мест слонов [отлавливают и] привозят'; *bu aradyn* БН 294, BN 229b ʿиз этих мест'.

3. Вопросительные местоимения

Вопросительное местоимение, призванное замещать антропонимические существительные, – *kim* ʿкто', ʿкоторый'. Примеры: *anuŋ antyγa kim ynana dur* BN $118a_{13-14}$ (*ynana dur* падает на конец строки в конце страницы: порча текста) ʿего клятве кто поверит?' (ср. перефразировку: *men anuŋ antyny qajda ynana durmen* БН 144_{2-3} ʿ[А] мне где уж поверить его клятве?'), *men ajttym kim jinä kimlar emiš bu kεŋäšta* БН 189, BN 152b ʿЯ сказал: кто еще был [по полученным сведениям] на этом совещании?'. Разночтения по спискам: *kim sen dep sorduk* BN $117b_{2-3}$ ʿКто ты? – спросили мы', но *men soradym kim ne kiši sen* БН 142_{17} ʿЯ спросил: что ты за человек?'.

Вопросительное местоимение, призванное замещать неантропонимические существительные, – *ne* ʿчто, что за', ʿкакой'. Примеры: *mäsäl bar kim dušman ne demas tüška ne kirmas* БН 178, BN 144b ʿЕсть пословица: "Чего не скажет враг, что во сне не приснится"', *ne qylur biz* БН 119, BN 97b ʿЧто мы будем делать?', см. еще БН 115, BN 94b; БН 197, BN 158b; БН 212, BN 170a; БН 213, BN 170b; БН 244, BN 193a. К числу разночтений по спискам относится сочетание *ne čaγlyq*, отмеченное только в Керовом списке (см. БН $116_{4, 20-21}$): *biz üč kišidin ne čaqlyq zarur jetkaj* БН 129_{6-7} ʿОт нас, трех человек, какой может быть вред?', но ср. *biz tört kišidin ne miqdar mutäzärrir bolγajlar* BN $105a_{2-3}$ ʿОт нас, четырех человек, какого масштаба может быть ущерб?'

Производное от *ne* обстоятельственное местоимение *nečük* ʿотчего, почему', ʿкак', ʿкаким образом' [ДТС, с. 357] употребляется в языке "Бабур-наме" как в функции обстоятельства образа дей-

ствия, так и – гораздо чаще – в составе причинного союзного речения, об этом см. [Благова 1976 (3)]. Примеры: *mundaq ḫäbär nečük jašurun qalur* БН 37_{23} (*jašuruqluq bolur*), BN $30a_5$ ʿЭтакое известие как останется сокрытым?', *nečük ḫäbär taptyŋyz* БН 145, BN 119a ʿКак получили Вы [это] известие?', см. еще БН 136, BN 111a; БН 281_{17} (BN 220a : пропуск пятнадцати строк).

Вопросительные слово *nimä* (см. [ДТС, с. 358] : ʿкакая-либо вещь, что-либо') и прономинализованные словосочетания *nejersa* < *ne ersa* ʿчто бы ни было, какой бы ни был', ʿвсё, любое' [ДТС, с. 356], *nimärsa* < *nemä ersa* ʿчто бы ни было', ʿчто ни есть', ʿвсё, что можно' [ДТС, с. 358], ср. *näsä* < *nä* + *äsä* [Radloff 1890, с. 50], являются в языке "Бабур-наме" неопределенными местоимениями (см. ниже, с. 308–309).

Вопросительное местоимение *qaj* встречается в атрибутивной функции неаффигированным редко, причем каждое такое его употребление относится к области разночтений по спискам. См.: *qaj jol bilän kelibsiz ošal jol bilän baryŋ* БН 140_{21} ʿКакой дорогой Вы пришли, той самой и уходите', но *kelgan joluŋyz bilä janyŋ* BN $116a_3$ ʿКакой дорогой вы пришли, той и возвращайтесь'; *...bu jol qajanγa* (БН 119_5: *qajda*) *barur ekin... jolnyŋ qaj sary čyqary mä'lum bolγaj* БН 119_{5-6} (*ta qajda baryaj*), BN $97b_{4-5}$ ʿ... Эта дорога, [как] оказывается, в какую сторону ведет? ...узнать бы, в какую сторону ведет дорога (≈ докуда идет)'. См. в обоих списках: *...qaj saryγa čyqylyaj* БН 76, BN 61a ʿ... В какую сторону [нам] идти?'. Гораздо чаще употребляется это вопросительное местоимение в аффигированном виде. В атрибутивной и субстантивной функциях выступает форма *qajsy* ʿкакой, который', осложненная уже десемантизованным аффиксом принадлежности 3-го лица: *bular qajsy sultan dur* БН 126, BN 103b ʿОни (букв. эти) какой султан будут?'. Субстантивируясь, это местоимение получает заново соответствующий аффикс принадлежности: *qajsynyz* БН 144, BN 118b ʿкоторый из вас'. См. разночтение по спискам: *här qajsysyny* (БН 374_{19}: *qajsyny*) *bir sä'at dep turlar* БН 374_{19}, BN $288b_{12}$ ʿЛюбую [$^1/_{24}$ часть суток] называют один час'.

Из застывших форм локальных падежей местоимения *qaj* местн. падеж *qajda* ʿгде' отмечен в Керовом списке (см. выше), исх. падеж *qajdyn* ʿоткуда' – в обоих списках: *siz* (БН 145_8: *sizlar*) *qajdyn kelasiz* БН 145_9, BN $119a_{12}$ ʿВы откуда придете?' Атрибутивное производное *qandaγy* букв. ʿгде-то-шний' встретилось единственный раз: *qandaγy jat jaγy özbek kelib...* БН 104, BN 85a ʿневесть откуда взявшийся враг-чужак узбек пришел...', ср. *qanqy düšman* ʿкакой враг' [Наджип 1989, с. 74; ср. Radloff 1890, с. 43;

Гузев 1979, с. 53], *qandalyğyn bilümadi* ‘не мог он узнать его местонахождение’ [Наджип 1989, с. 76].

Изредка используется также заимствованное из персидского вопросительное местоимение *ta käj* ‘до каких пор, доколе’ [Гафф. II, с.678], см. БН 146, BN 120a.

Как видим, в языке "Бабур-наме" употребляется целый ряд вопросительных местоимений, среди которых большое место занимают производные, встречается и заимствованное из персидского. Многие из перечисленных выше вопросительных местоимений частотны, причем встречаются они не только в прямой (или косвенной) речи персонажей, но также в авторском повествовании, а именно в составе риторического вопроса. Лексико-грамматическим центром этого последнего как раз и являются вопросительные местоимения; таким образом, участвуя в составе риторического вопроса, они способствуют достижению эффекта эмоциональности повествования.

4. Возвратно-выделительное местоимение

Öz в функции прииименного определения имеет значение ‘собственный’; определяемое имеет надлежащий аффикс принадлежности: *kiši öz qulaγy bilä ešitmagunča ynansa bolmas* БН 360, BN 278a ‘... Человек, пока не услышит собственными ушами, не может поверить’, см. еще БН 32, BN 25a; БН 218, BN 174a–b.

Возвратная семантика *öz* отчетливо ощущается в случаях, когда сочетание *öz,* снабженного соответствующим аффиксом принадлежности, и управляющего им глагола (в основном залоге) выступает стилистическим эквивалентом возвратного залога того же глагола (см. об этом ниже, с. 321–322).

В аспекте лингвостилистическом интерес представляет употребление *öz* с аффиксом принадлежности взамен соответствующего личного местоимения (чаще в повествовании субъективированного типа для выделительных целей) ("ремовыделительная функция" *öz*). Примеры: *bu pijadä bolγan kiši* (BN $210b_4$: *bu jajaq tüškän*) *šah bek özi ekandur* БН 267_{23}, BN $210b_4$ ‘Этот человек, который спешился, оказывается, сам Шах бек’; *aγyr özum atlandym* БН 156, BN 127b ‘Наконец я сам отправился на коне’, *özum kijgan ton... här iki mirzaγa jibarildi* БН 462, BN 357b ‘Обоим царевичам [мною] были посланы ... халаты с моего плеча’, см. еще БН 91, BN 74b; БН 128, BN 104b; БН 333, BN 257b; БН 461, BN 356b. Заметим, что согласование в лице (и числе) с глагольным сказуемым проводится в соответствии с лицом (и числом) аффикса принадлежноети, который присоединяется к *öz*; в связи с этим ср. вариантное (по

спискам) согласование с *qajsyŋyz qajsyŋyz meniŋ qašymγa kela alur* БН 144$_{18}$ (*kela alursyz*), BN 118b$_{13}$ ʿКоторый из вас сможет подойти ко мне?'.

Ремовыделительную функцию *öz* могут усиливать а) персидское возвратное местоимение *ḫod* ʿсам, свой' или б) частица *oq*. Примеры: а) *ḫusräw šah ḫod özinin täwähhumidin kiši jibarmadi* БН 108, BN 88a ʿХусрау шах из-за боязни за самого себя же не послал [в помощь] [ни одного] человека'; б) *kiši umidiga qojmaj özum oq barmaq kerak edim* БН 421, BN 325a ʿМне следовало, не надеясь на людей, именно самому идти'; ср. *lahordaγylarny özumizga qošub oq...* БН 329, BN 255a ʿк нам самим присоединивтаки жителей Лахора...', см. также БН 180, BN 145b.

В языке "Бабур-наме" употребляется персидское возвратное местоимение *ḫod*, например: *oγly muhämmäd dost ḫod padišahanä bunjadlar qojdy* БН 92, BN 74b–75a ʿЕго сын Мухаммед Дост держал себя по-царски', см. еще БН 36, BN 28b. Часто *ḫod* выступает в функции усилительной частицы, см. [Абдураҳмонов, Рустамов 1984, с. 92]. Пример: *bularnyŋ bä'zisiγa ḫod padišahlyq häm tegmas edi* БН 29, BN 23b ʿНекоторые из этих [т.е. убиенных царевичей] не имели к царскому сану никакого отношения' (букв. 'до некоторых из этих царский сан совершенно и не касался'), см. еще БН 93, BN 75b–76a; БН 174, BN 141a; БН 178, BN 144a–b; БН 477, BN 368b.

5. Неопределенные местоимения

Самым высокочастотным в обоих списках "Бабур-наме" и полифункциональным среди неопределенных местоимений является *nimä* ʿчто-то, кое-что, что-либо'. Употребляясь в качестве неопределенного местоимения, *nimä* продолжало сохранять следы предметного, вещественного значения, очевидно присущего этому слову первоначально ("вещь, нечто"), и могло принимать аффикс *-lar*, иметь при себе цветовые и другие качественные определения-прилагательные, например: *bu aq nimäni ḫurmaniŋ peniri derlar* БН 370, BN 285a ʿЭто белое нечто называют "сыром финикового дерева"', *suḫtä dek qara qara nimälar däf' boldy* БН 398, BN 306b ʿ[В результате попытки отравить Бабура из него] отторглось нечто черное-черное, словно бы жженое', см. еще БН 214, BN 171a; БН 369, BN 284b; ср. БН 86, BN 69b; БН 152, BN 124b. При описании чужеземной флоры обычно употребление *nimä* ʿнечто' в предикативной функции: *gijah bilä däräḫt arasyda bir nimä dur* БН 366–367, BN 283a ʿ[Это растение] – нечто среднее между травой и деревом', см. еще БН 369, BN 284b; БН 373, BN 288a. В

атрибутивной функции *bir nimä* выступает актуализатором прилагательных или некоторых групп существительных: *tört beš kündin soŋ ol haldin bir nimä jaḫšyraq boldum* БН 66, BN 53a ʿЧерез четыре–пять дней я немного получшал' (букв. ʿя стал немного получше того состояния', т.е. сильной болезни), ср. перс. *beh šodän* ʿвыздороветь'; см. еще БН 62, BN 49b; БН 246, BN 194b. В сочетании с числительными *bir, birar* местоимение *nimä* может использоваться в функции неопределенно-количественного местоимения: *birar nimä ašlyq* БН 179, BN 144b ʿнемного провианта', причем в большей мере это свойственно Керову списку, в Хайдарабадском же списке обычно употребляется *bir neč̌ä*. См. разночтения: *bir nimä* (BN 150b$_1$: *bir neč̌ä*) *afγan* БН 186$_6$, BN 150b$_1$ ʿнесколько афганцев', так же БН 68$_{16}$, но BN 55a$_3$; БН 190$_{22}$, но BN 154a$_1$.

В качестве неопределенного местоимения в Керовом списке употребляются *nijärsä/nimärsä* ʿчто-нибудь, что-либо', этимологически представляющие собой сочетания вопросительных местоимений *ne* или *nimä* и служебного глагола в условной форме *ersä*, т.е. букв. ʿчто бы то ни было', ср. *kim ersä* (в составе *kim ersaniŋ azaqy* ʿчьи-либо ноги') [Наджип 1989, с. 183]; в коррелирующих случаях в Хайдарабадском списке используется *nimä*, см. БН 23$_{14}$, но BN 18b$_8$ (конец строки – порча текста); БН 119$_{11}$, но BN 97b$_{10}$; БН 121$_{10}$, но BN 99a$_{10}$; БН 126$_{11\text{-}13}$, но BN 102b$_{13\text{-}14}$; БН 133$_{20\text{-}21}$, но BN 109a$_3$; БН 141$_{21}$, но BN 116b$_{11}$; БН 143$_{23}$–144$_1$, но BN 118a$_{13}$.

Высокочастотным является в языке "Бабур-наме" неопределенно-количественное местоимение *neč̌ä* ʿнесколько, столько-то' (производное от *ne* ʿчто'), которое употребляется: а) в атрибутивной функции при именах, б) в функциях подлежащего и дополнения при глаголах. Примеры: а) *bir neč̌ä kiši* БН 186, BN 151a ʿнесколько человек', см. еще БН 30, BN 24a; БН 196, BN 158a; БН 308; б) *bir neč̌ä dedilar kim...* БН 246, BN 194b ʿНесколько [человек] сказали, что ...' (заслуживает внимания, что при подлежащем *bir neč̌ä* глагольное сказуемое во мн. числе); *bir neč̌äni jaŋy bek qylynyb* (BN 295a$_2$: *qylylyb*) *edi* БН 382$_{10}$, BN 295a$_2$ ʿНескольких (человек) [мы] заново произвели в беки' (букв. ʿсделали новыми беками'), см. еще БН 403, BN 310b.

В языке "Бабур-наме" представлены также заимствованные из арабского неопределенные местоимения: а) *bä'zi* ʿнекоторый', ʿиной' и б) *fulan* ʿтакой-то', ʿнекоторый'; первое из них высокочастотно, второе встречается сравнительно редко. В атрибутивных и субстантивных функциях употребляются оба местоимения: а) ... *qač-qanlarnyŋ bä'zisiγa säza bergajlar bä'zisini biznіŋ qašymyzγa ji-*

bargajlar БН 64, BN 51b ‘... некоторых из беглецов пусть подвергнут наказанию, иных же из них пусть пришлют пред наши [ясные] очи’; *bä‘zi bek wä bekat wä sipahilar* БН 46, BN 36b ‘некоторые великие беки и малые беки и воины’, см. еще БН 214, BN 171a; б) *här näγmä kim ešitsa der ekandur kim fulaninиŋ fulan pärdäsi muŋa ahäŋ dur* БН 229, BN 182a ‘[Шейх-и Найи] про любую мелодию, оказывается, говаривал: такой-то напев, [сочиненный] таким-то, созвучен этому’, см. еще БН 212, BN 170a.

6. Обобщающие местоимения

Среди обобщающих местоимений в языке ”Бабур-наме” особую группу составляют собственно тюркизмы – *bar* ‘находящийся налицо, наличный’ → ‘весь’ [ДТС, с. 83], аффигированный *bary* ‘все’ [ДТС, с. 84] и производное *barča* ‘весь, все’ [ДТС, с. 83]. *Bütün* ‘весь, целый, полный, цельный’, ‘полностью, целиком, сполна’ [ДТС, с. 134] изредка употребляется здесь в атрибутивной функции прилагательного ”целый” (*bir bütün tawuqny... durust jutty* БН 363, BN 280a ‘[Крупная птица динг] заглотнула прямо... целую курицу’). *Tükäl* ‘полностью, совершенно’, ‘целиком, сполна, совсем’ [ДТС, с. 595], ср. *dükäl* [Radloff 1890, с. 53], представлен только в Керовом списке, причем преимущественно в одном двенадцатистраничном фрагменте (см. БН 123_{5}, $132_{10\text{-}11,\ 19\text{-}20}$, 134_{18}; ср. *tükäl* БН 126_{21}, 132_{22}, 133_{15}, но *tämam* BN $103a_{7}$, $108a_{10}$, $108b_{11}$).

Другую группу составляют заимствованные из арабского местоимения *ǯämi‘* ‘весь’, ‘всё, все’ и *tämam* ‘весь’, ‘целый’ [в этом значении ставится перед существительным], ‘совсем, ровно’, ‘вполне’ [Гафф. I, с. 181], ‘весь, целый, полный, совершенный; полностью, целиком, совсем, совершенно’ [ДТС, с. 544][14].

Местоимения обеих групп частотны и взаимодействуют между собой, во-первых, составляя синонимические пары (*barča* и *ǯämi‘* БН 222, BN 177a; БН 422, BN 326a; *tämam* и *ǯämi‘* БН 381, BN 294a), а во-вторых – взаимозаменяясь по спискам при разночтениях. Ср. *ǯämi‘ el* BN $104b_{9}$ ‘весь народ’, но *barča čerik* БН 128_{23}–129_{1} всё войско’; *atrak wä ajmaq barča munda kelurlar* БН 167_{9}

[14] К числу ”определительно-обобщающих местоимений” А.М.Щербак относит также ар. *ǯümlä* ‘все’ [Щербак 1962, с. 134], ср. ‘вполне’, ‘в итоге’ [Гафф. I, с. 218]. В языке ”Бабур-наме” это слово не употребляется атрибутивно, но преимущественно в исх. падеже и в сочетании с местоимением *bu* или *ol*, имея при этом значение ”совокупность”: *bu ǯümlädin sekiz kiši öldi* БН 429, BN 331b ‘Из этой совокупности восемь человек умерли’, см. еще БН 105, BN 86a; БН 213, BN 171a; БН 226, BN 180a.

(BN 136a$_1$ некорректно ایماق اوتراک یاز , видимо, *jaz* вместо *bar*) ʿТюрки и аймак , все приходят сюда'.

Все перечисленные местоимения употребляются в функции приименных определений, являясь своего рода актуализаторами, часто предопределяющими наличие аффикса *-lar* в их определяемых, даже и неантропонимических существительных (*...ǯämiʿ jollar bayланur* БН 160, BN 130b ʿ...все [горные] дороги закрываются'). См. еще БН 409, BN 315b; БН 455, BN 352a. *Bary,* как и *bar,* часто употребляется в функции приименного определения – *anyŋ bilä bar kiši bar beklarni tutturuldy* БН 31$_{16-17}$ (*tüšuruldi*), BN 25a$_1$ ʿ[Мы] велели схватить всех людей, всех беков, бывших с ним', *biznіŋ bary beklarimiz wä ičkilarimiz* БН 97, BN 79a ʿвсе наши беки и наши придворные'. Оно может использоваться также в качестве резюмирующего члена при целом ряде однородных членов предложения. См. *ne jalyuz jaj ǯäbä wä kitab wä räḫt wä mätäʿ baryуa taʿsir qyladur* БН 378, BN 291b ʿ[Сырость воздуха в Хиндустане] оказывает воздействие не только на лук[и]латы, на всё – и на книги, и одежду, и имущество', см. еще БН 259, BN 204b. В препозиции (БН 236, BN 187b; БН 237–238, BN 188a), изредка и в постпозиции (БН 408, BN 315a) употребляется *barča.* В сравнительных конструкциях то, с чем нечто сравнивается, передается с помощью исх. падежа местоимений *bary* или *barča barydyn uluq qyz sultanim bekim edi* БН 209, BN 167b ʿСтаршая из всех была дочь [по имени] Султаним биким', *barydyn quč bek jaḫšyraq bardy* БН 114, BN 93a ʿЛучше всех действовал Куч бек', *barčadyn* БН 62, BN 49b.

Местоимение *tämam* может употребляться как а) постпозитивно по отношению к тому слову, к которому оно относится, так и б) препозитивно. См. примеры: а) *...wilajätlar tämam bu tatar ḫanda edi* БН 289, BN 225b ʿ...зе́мли полностью были [во владении] у этого Татар хана', см. еще БН 64, BN 51a; БН 76, BN 61a; БН 152, BN 124a; БН 330, BN 255b; БН 371, BN 286b; БН 446, BN 360b; в позиции определяемого *tämam* может получать даже два аффикса принадлежности 3-го лица: *bu qyrq elikča afyan tämamisi* БН 307, BN 239a ʿвсе эти примерно сорок–пятьдесят афганцев'; б) *tämam hindustan bir padišahta emas edi* БН 349, BN 269b ʿПолностью Хиндустан не был [во власти] у одного государя', см. еще БН 128, BN 104a; БН 202, BN 162a,b; БН 324, BN 250b; БН 351, BN 271a; БН 391, BN 301b.

Местоимение *ǯämiʿ* наблюдается только в препозиции, см. БН 9, BN 7a; БН 46, BN 36b; БН 328, BN 254a; БН 349, BN 270a; БН 343, BN 265a; БН 380, BN 293b.

Заимствованное из персидского местоимение *här* ʿвсякий, каж-

дый' употребляется в функции прииенного определения (*här kiši* БН 380, BN 293b ʿлюбой человек') или же в сочетании с вопросительными местоимениями – *kim* ʿкто', *ne* ʿчто', *qajsy* ʿкакой' – в субстантивных функциях. См., например: *här kim ki* (БН 19_{17}: пропуск *ki*) *köp ajtur pärišan* (БН 19_{18}: добавлено *häm*) *ajtur* БН 19_{17-18}, BN $15b_{9-10}$ ʿВсякий, кто говорит много, говорит бестолково'; *här ne* БН 447, BN 345b ʿвсе', ʿвсё, что...'; *här qajsymyz* БН 141, BN 116b ʿлюбой из нас', *här qajsysyny* БН 375, BN 288b ʿлюбую из них' [т.е. $^1/_{24}$ частей суток]. Персидское местоимение-наречие *härgiz* ʿкогда-нибудь, когда-либо', ʿникогда' обычно используется в функции обстоятельства времени при отрицательной форме глагольного сказуемого, имея значение "никогда", см. БН 153, BN 125a; БН 225, BN 179b.

1. Отрицательные местоимения

В качестве отрицательного местоимения в языке "Бабур-наме" используется персидское отрицательное местоимение *hič* ʿничто, ничего, никакой' и его сочетания с тюркскими вопросительными (*kim* ʿкто', *ne* ʿчто', *qajsy* ʿкакой', *qačan* ʿкогда') или неопределенными (*nimä* ʿчто-либо') местоимениями. Обычно *hič* выступает в определительной функции при именах и глаголах, в редких случаях – также в предикативной функции. Например: *kemädagilar hič uruša almadylar* БН 77, BN 62b ʿТе, кто находился в лодке, нисколько не смогли сражаться', см. еще БН 18, BN 14b; *ol mulahazälar hič ekan dur* БН 109, BN 89a ʿЭти соображения, оказывается, ничего не стоят' (букв. ʿничто'). Составные отрицательные местоимения употребляются в субстантивных функциях: а) *hič kimni köra almas edi* БН 198, BN 159a ʿОн никого не смог увидеть', см. еще БН 205, BN 164b; БН 337, BN 261a; БН 464, BN 359a. См. разночтение по спискам: *hič kim beklik märtäbäsyγa jetmaj dur edi* BN $210a_{3-4}$, но *hič qajsysy amirlyq märtäbäsyγa jetmab edilar* БН 267_{5-6} ʿНикто [из них] не достиг княжеского сана [сана эмира]'; б) *hič nimäga baqmady* БН 231, BN 183b ʿОн ни на что не глядел', см. еще БН 92, BN 75a; в обстоятельственной функции: *hič qačan* БН 349, BN 269b ʿникогда'.

8. Экспрессивно-стилистические функции местоимений

Резюмируем экспрессивно-стилистические функции, выполняемые местоимениями некоторых разрядов в языке "Бабур-наме".

В ряду личных местоимений местоимение 3-го лица мн. числа

alar ‘они’, равно как и соотносимое с ним указательное *bular* ‘эти’, может передавать значение почтительности.

Для указательных местоимений *bu* (*ošbu*) – *ol* (*ošol/ošal*) – это функция локации, благодаря которой эти местоимения встраиваются в ряд средств текстообразования объективированного типа I. Эти же местоимения обеспечивают известную часть текстового ссылочно-отсылочного аппарата (”нижеследующий – вышеназванный”). Употребление производных *munča, ošmunča* в сочетании с послелогами – прием, создающий эффект сближения языка сочинения с обиходно-разговорной речью.

Возвратно-выделительное *öz* с его ремовыделительной функцией служит надлежащей акцентированности повествования субъективированного типа (II).

Вопросительные местоимения, имеющие повышенную частотность, составляют своего рода лексико-грамматический центр, вокруг которого строится риторический вопрос, немаловажная стилистическая фигура в стилистике ”Бабур-наме”.

Что касается обобщающих местоимений с двумя их многочисленными группами (собственно тюркские и заимствованные местоимения), то здесь следует отметить составление окказиональных синонимических пар в пределах одного микротекста.

§ 7. Наречия

В языке ”Бабур-наме” употребляется ряд наречий, традиционных для языка древнетюркской письменности. В числе их следующие:

а) *utru* ‘напротив, навстречу’ [ДТС, с. 618]; см. также [Малов 1951, с. 233, 240; Кононов 1980, с. 141: ”изолированная форма деепричастия” *utr-u*]. См. *tänbäl bilä utrú bolγan čaγ* БН 115$_{14}$ (*čaγda*), BN 94b$_3$ ‘когда [Хан] стоял напротив Танбала...’, *...qasim bek wä beklar utru baryb edilar* БН 202, BN 162b ‘...Касим бек и беки пошли навстречу [Джехангир мирзе]’, см. еще БН 473, BN 365b. В древнетюркских языках *utru* использовался также как послелог ”перед, напротив” [ДТС, с. 618; см. также Наджип 1989, с. 160]; в языке ”Бабур-наме” это достаточно частотное служебное имя, выступающее обычно в дат.-напр. или местн. падеже.

б) *asru* ‘чрезмерно, в высшей степени’, ‘в избытке, очень’ [ДТС, с. 61, 64; см. Наджип 1989, с. 136: ”много”; Щербак 1962, с. 187]: *qar asru uluγ boldy* БН 244; BN 192b ‘Снег стал очень глубоким’ (букв. ‘большим’), см. еще БН 233, BN 184b; БН 244, BN 192b; примеры на *asru* и его синонимы см. выше.

в) *bat* ‘быстро, скоро’ [ДТС, с. 88]: *...bat qačtylar* БН 433,

BN 334b ‘[враги] поспешно бежали’, примеры на *bat* и его синонимы см. выше (с. 240).

г) наречие *az* ‘мало, немного’ в языке ”Бабур-наме” традиционно еще употребляется в значении существительного ”малое количество” [ДТС, с. 71] и соответственно принимает аффиксы принадлежности, падежей. Ср. подобное же употребление *köp* ‘много’ (такого функционирования *köp* в ДТС не отмечено [ДТС, с. 317]). Пример: *jaɣynyŋ köpini azyny bilmaj...* BN $104b_9$ (БН 128_{20-21}: перефразировка) ‘не зная, много [ли], мало [ли] врагов...’ По-видимому, с этой архаической чертой наречий *az, köp* связана возможность их употребления без специальной аффиксальной или глагольной прокладки в составе полупредикативного оборота: *jolda sujynyŋ azy wä ysyɣynyŋ köpi ǯihätidin...* БН 421, BN 325b ‘из-за того, что в дороге было мало воды и много жары...’ См. разночтение по спискам: *kišisi az ücün* БН 136_{22} ‘из-за того, [что] у него мало людей’, но *mirzaniŋ kišisi az edi* BN $112a_3$ ‘У мирзы было мало людей’. Субстантивно употребляется также *köprak* – наречие, осложненное, по Н.К.Дмитриеву, ”количественным модификатором” основного понятия *-räk* [Дмитриев 1948, с. 87]. См. *köpraki qylyčqa bardy* БН 201, BN 161b ‘Многие из них погибли от меча’; *balyɣlarnyŋ köpragi* БН 366, BN 282a ‘большая часть рыб’.

Из наречий, встречающихся преимущественно в языке ”Бабур-наме” (шире – в языке Бабура → в чагатайском языке), отметим следующие:

а) *burna* (наряду с более частым *burun*) ‘раньше, прежде’ и *burnaraq* ‘гораздо прежде, ранее’ (последнее см. [Буд. I, с. 278, там же – *burnaɣy* ‘прежний’, *burnaš-* ‘предшествовать друг другу’]). См. *bulardyn burnaraq* (BN $338b_7$: некорректно بورەزاق; БН 438_9: *burunraq*) *burna kečkanlar* БН 438_9, BN $338b_{6-7}$ ‘пораньше этих, прежде переправившиеся через реку’; *burnaraq bu mahiḫanäniŋ* (БН 324_9: вин. падеж вместо род. п.) *käjfijäti mäzkur bolub edi* БН 324_9, BN $251a_7$ ‘Об устройстве этой рыболовной снасти было упомянуто несколько раньше’; два других случая употребления *burna* БН 281_{22} и БН 282_2 приходятся на фрагмент текста (15 строк: БН 281_{13} – 282_5), пропущенный в Хайдарабадском списке (см. BN 220a).

Весьма часто встречается *burna*. и в языке поэтических произведений Бабура; см., например, ”Мубаййн” [ркп. А 104, СПбФ ИВ РАН, л. 25, 26, 48, 56, 62], а также [Самойлович 1917, с. 10]; вариант *burna* см. еще [Eckmann 1966, с. 120 – без документации; Brock., с. 176 – единственный пример из Навои]. Об употреблении *burna* в со-

временных тюркских диалектах Средней Азии см. [Благова 1965, с. 102].

б) *yldam* [чаг.] ʿбыстрый, проворный'. ʿбыстро, проворно' [Буд. II, с. 361]; примеры см. выше (с. 240).

в) *az aɣlaq* ʿнемножко, незначительно'; вариант *az awlaq* свойствен только Керову списку: *az awlaq* (BN $37b_7$: *az aɣlaq*) *uruš boldy* БН 47_1, BN $37b_7$ ʿПроизошла незначительная стычка', *az awlaq* (BN $72a_5$: *az aɣlaq*) *qazaq* БН 88_{23}, BN $72a_5$ ʿнезначительное [число] казаков'. См. употребление этого частотного наречия в качестве приглагольного определения: *az aɣlaq urušqandek qylur* БН 153, BN 125b ʿПолучилась как бы небольшая схватка' (букв. ʿделает как бы немножко сразились'). См. еще примеры БН 199, BN 160a; БН 384, BN 296a; БН 425, BN 328b; БН 449, BN 347a.

К.Броккельман трактует *azaqlaq* как "в отдельных случаях" встречающееся отадъективное образование на *-laq*, "частично с уменьшительным значением" [Brock., с. 119]. На деле это плеонастическое, парное сочетание двух слов одинаковой семантики: значение *aɣlaq* выясняется из алтайских языков, где оно сохранилось в качестве самостоятельного слова (ср., например, хак. *ағлах* ʿмалочисленный, мало', абакан. *ағлак* ʿмало', якут. *аҕыjах* ʿнемногий; мало, немного'). Составное наречие *азын-аулак* ʿнемного, незначительно' представлено в казахском, *азоолок, азыноолак* ʿнемножко, чуточку' – в киргизском. Подробнее о миграциях этого наречия в тюркских языках см. [Благова 1969, там же – литература, документирующая приводимые формы].

г) *bilä* ʿвместе' является наречием в чагатайском, см. [Буд. I, с. 254; Brock., с. 183; Eckmann 1966, с. 120; ср. также Гузев 1979, с. 48]. Примеры: *meniŋ čäšm-i däštim bulardyn mundaq edi kim men o:tqa suwɣa kirsam čɣqsam bi täḫaši bular bilä kirgajlar wä bilä čɣqɣajlar* БН 382, BN 295a ʿМоя надежда на этих [т.е. вновь произведенных беков] была такова, что, войди я в огонь и воду и выйди, они без отказа войдут вместе и выйдут вместе', см. еще БН 186, BN 150b; БН 429, BN 332a; БН 473, BN 365b. См. разночтение: *aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda meniŋ biläп* ($БН_{19}$: последнее слово пропущено) *bilä edilar* БН 13_{19-20}, BN $11a_4$ ʿ[Моя родительница] по большей части в [моих] скитаниях и междуцарствиях были со мной вместе'.

Наречия со значением времени, представленные в "Бабур-наме", образованы по следующим моделям: а) с помощью аффикса *-la* *taŋla* ʿнаутро, завтра' [Буд. I, с. 727], ʿутром' [Наджип 1989, с. 194, см. 180 – *tünlä* ʿночью']; об этом способе образования наречий см. еще [Grönbech 1936, с. 49; Bang 1918; СИГТЯ, с. 267–268]. При-

мер: *tanla barča kelib* БН 333, BN 257b ‘наутро все придя...’; б) путем дополнительного присоединения десемантизированного аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа – *tanlasy* БН 82, BN 66b; БН 333, BN 257b ‘на следующий день’ [Буд. I, с. 727; ср. Наджип 1989, с. 194 ‘утром’], *kečäsi* БН 89, BN 72b; БН 326, BN 252b ‘в ту ночь’, ср. здесь же словосочетание *ol aḫšam* ‘в тот вечер’; в) путем присоединения комбинации морфем ”(*-la*) + аффикс принадлежности 3-го лица + аффикс дат.-напр. падежа”: *tanlasyγa* БН 176, BN 142b; БН 385, BN 297b ‘на следующее утро’, ‘с зарею’, *ertäsiga* БН 246, BN 195a; БН 402, BN 310a ‘в то раннее утро’, *kečäsiga* БН 402, BN 310a ‘в ту ночь’ (ср. *bir kečä* БН 90, BN 73a ‘однажды ночью’). См. текстовое использование этих наречий: *kečäsiga baryb ḫäbär alyb tanlasyγa ḫäbär kelturdilar kim...* БН 402, BN 310a ‘В ту ночь они отправились и, раздобыв сведения [о враге], в то же утро привезли известие о том, что ...’, *tanlayača fyrsatny γänimät tutub kečäsiga hič jerda tüšmaj baryb... ertäsiga γanimniŋ üstiga jürub tapmaj...* БН 90, BN 73a ‘Не упуская времени до рассвета, [неприятель] в ту ночь шел, нигде не останавливаясь ... [мы же] в то раннее утро пошли на врага и не нашли его ...’; см. синоним к *tanlayača – taŋ atqunča* БН 142, BN 116b ‘до рассвета’; см. разночтение по спискам: *tanlasyγa* BN $67b_2$, но *tanla* БН 83_{17}; г) путем присоединения морфемосочетания ”(*-la*) + имяобразующий аффикс *-lyq* + аффикс местн. падежа *-ta*” : *tanlalyqta* БН 148_{11} ‘назавтра’, но *tanlalyq* (некорректно: تانكالیق) *kündä* BN $121b_3$ ‘на завтрашний день’, *ošbu qyšlyqta* БН 48, BN 38b ‘этой самой зимой’; д) разнотипные послеложные сочетания: *keča bilä* БН 82, BN 66b; БН 257, BN 203a ‘ночью’, *ertä bilä* БН 258, BN 204a; БН 315, BN 244b ‘утром’; *kün burny bilä* БН 326, BN 252b ‘в самом начале дня (когда занялся день)’, *taŋ burnyda* БН 315, BN 244b ‘в начале зари’, *taŋ bašyda* БН 169, BN 137b; БН 232, BN 184a ‘рано утром, на заре’.

Весь спектр тонких семантических различий данных наречий, порою даже и трудноперевод имых, по-видимому, обеспечивался благодаря обращению Бабура к ресурсам обиходно-разговорной чагатайской речи. Во всяком случае, структурно схожие наречия представлены преимущественно в диалектах и говорах ряда современных тюркских языков. См. аз. диал. *təzəlix'də* ‘недавно’ [Багиров 1966, с. 20], тат. диал. *qyšlyqta* ‘зимой’, *җәйлектә* ‘летом’ [Рамазанова 1970, с. 40], узб. *эндиликта* ‘теперь, в настоящее время’, тур. *šimdilik*, см. еще Буд. I, с. 672 (тур.), P IV 1092 (осм.), Zen. 550 (тур.), гаг. *шиндилик* ‘в настоящее время, в данный момент’, ‘пока, пока еще, пока что’, ‘на сей раз’, уйг. диал. *čindä-*

likkä ‘heute in vier Tage’ [Le Coq 1911, c. 90]. См. кирг. диал. *кыш-шындасы* ‘зимой’, *кечиндеси* ‘вечером’ [Бакинова 1953, с. 12]; каз. диал. *ертеңгісін* ‘рано утром’, *кешкісін* ‘вечером’; см. наречия времяобозначения в алтайском на *-ла* от посессивно оформленного имени [Кучигашева 1964, с. 57].

Совокупность наречий данного разряда содержит детальную семантическую градуировку времяобозначения в "Бабур-наме", способствуя выполнению авторской установки на правдивость повествования и во временно́м плане.

Из деепричастных по происхождению наречий изредка встречаются наречия на *-laj*. Например: *tiriklaj terişini sojdurdum* БН 421, BN 325b ‘я приказал содрать с него кожу живьем’, см. еще БН 398, BN 306b; *säru jaqalaj köčuldi* БН 488, BN 377a ‘[мы] кочевали берегом [реки] Сару’. Параллельная форма на *-lab* употребляется чаще, см. *...gumal rudny jaqalab burakka jetmaj...* БН 185, BN 149b ‘...вдоль по берегу [реки] Гумал, не доходя до Бурака...’. Можно предположить, что произошло подравнивание менее употребительной формы на *-laj* под более распространенную на *-lab*. Во всяком случае, формально совпадение наречия на *-lab* с деепричастием от производного отыменного глагола на *-la* часто затрудняет распознание наречия. По всей видимости, если в тексте употребляются другие формы производного глагола на *-la* (например, *zurlamaq* БН 432, BN 333b ‘применять силу, делать усилие, притеснять’ [Буд. I, с. 608] при *zurlab* [*al-*] БН 352, BN 272a ‘[брать] приступом, силой’), то форму на *-la-b* следует считать деепричастием. Если же других глагольных форм, кроме как на *-lab*, в тексте не наблюдается, а образованы они от такого специфического разряда лексики, как, например, географические термины, то можно допустить, что в этом случае мы имеем дело с наречиями на *-lab*. В дополнение к вышеприведенному *jaqalab* приведем также следующие примеры: *taɣny* (БН 186_{17}: *taɣy*) *damnälab... jürub...* БН $186_{17\text{-}18}$, BN $150b_{11}$ ‘ходивши... склоном горы...’[15], см. еще БН 385, BN 297b (ср. синонимичное *taɣ damnäsi bilä jüruduk* БН 186_{5}, BN 150a ‘Мы шли склоном горы’), см. *...ḫändäqlab olturubturlar* БН 450, BN 347b ‘...они засели [там], окопавшись’.

Самые разные наречия в языке "Бабур-наме", можно сказать, регулярно принимают количественный модификатор *-raq*. Приме-

[15] Л.З.Будагов в недокументированном примере с пометой "(Баб.)", видимо, самостоятельно реконструировал чаг. *damnälamaq* ‘идти по подошве горы’ [Буд. I, с. 549], опираясь на употребительное в "Бабур-наме" наречие *damnälab*, которое тоже упоминается.

ры: *yldamraq oq* БН 86, BN 70a; БН 307, BN 238b ʿпобыстрее же', *tezraq* БН 436, BN 337b ʿпоскорее', *batraq* БН 473, BN 365a ʿпобыстрее', *burunraq* БН 208, BN 167b; БН 350, BN 270b ʿраньше'; *ilgärrak* БН 473, BN 365b ʿнемного вперед', *berirak* БН 339, BN 262a ʿнемного в эту (нашу) сторону' с вариантом *berrak* БН 381, BN 294a; БН 387, BN 299a. Наречия с аффиксом *-raq* могут получать и другие показатели, например аффикс исх. падежа: *jyraqraqdyn* БН 114, BN 93b; БН 365, BN 282a ʿиздалечка', *juqarraqtyn* БН 481, BN 372a ʿнемного повыше', *qujyraqdyn* БН 294, BN 229a ʿнемного пониже', *burunraqdyn* БН 490, BN 379b ʿнесколько пораньше'.

Аффикс *-ča* получает в "Бабур-наме" наречие *azraq – azraqča* ʿнемножко, помаленьку', сохраняя свою способность служить и приименным, и приглагольным определением: *azraqča ujuɣladuk* БН 314, BN 243b ʿмы немножко поспали', *azraqča kötäl bar* БН 160, BN 131a ʿнебольшой перевал имеется', *azraqča uruš häm salɣandur* БН 470, BN 363b ʿЗавязал и небольшую стычку'. Это дважды аффигированное наречие почерпнуто, скорее всего, из обиходно-разговорной речи, подобное образование можно встретить в современной диалектной речи. Так, в шахрисябзском говоре узбекского языка для выражения оттенка приблизительности используются производные наречия, в составе которых – те же аффиксы, но расположенные в иной последовательности: *-чи + рэр*^{x}, *-сə + рэр*^{x} [Джураев Б. 1964, с. 113].

Наличие в "Бабур-наме" большого числа подобных аффигированных наречий, выражающих различные градации "количества" основного понятия, также способствует экспрессивности и эмоциональности повествования.

Глава II. ГЛАГОЛ

§ 1. Залоги

Каждый из косвенных залогов в языке "Бабур-наме" имеет различный статус по таким параметрам, как частотность, лексический охват глаголов. Так, например, если к возвратному и взаимно-совместному залогам в языке "Бабур-наме" вполне применим тезис, в соответствии с которым "каждый косвенный залог охватывает в целом лишь незначительную часть глагольной лексики" [СИГТЯ, с. 271], то далеко не столь очевидна применимость этого тезиса к понудительному и особенно к страдательному залогам.

1. Понудительный залог

Наиболее распространенными показателями понудительного залога являются а) *-(I/U)t*, б) *-tUr*, в) *-(A)r*, *-(U)r*, г) *-(I)z*, д) *-ɣUz*. Агентивное прямое дополнение, выступая обычно в вин. падеже, может также быть представлено основн. падежом как неантропонимических, так и антропонимических существительных (см. а). Примеры: а) *jaɣyny tebratkandin soŋ...* БН 251, BN 198b ʿпосле того, как [мы] потеснили неприятеля...', *...adam qorqutasyz* БН 218, BN 174a ʿ...Вы пугаете людей', *at jügurttum* BN 112a$_7$ ʿЯ заставил коня идти рысью' (БН 137: эта фраза отсутствует); см. пример, где понудительная форма использована для передачи безличного действия: *...jolda tund isitib edi* БН 300, BN 234a ʿ...в пути [его] жестоко залихорадило' (чаг. *isit-* ʿиметь лихорадку' [Буд. I, с. 47]); б) *...tämam tutturub talatty* БН 67, BN 54a ʿ[их] полностью велел схватить, ограбить', *...bojnyɣa urdurdu* БН 153, BN 125b ʿ[Шейбани хан] велел отрубить ему голову', *...iki üčni parä parä qyldurdum* БН 330, BN 255b ʿ...я велел разрубить двоих–троих [бунтовщиков] на куски', см. еще БН 133, BN 109a; БН 188, BN 151b; БН 236, BN 187a; БН 293, BN 228b; БН 470$_{22}$, но пропуск текста – BN 363b; в) *any häm munda ešiturdilar* БН 117, BN 96b ʿпро это также там сообщили' (букв. ʿзаставили услышать'); г) *aɣzymɣa pahtä bilä suw tamyzurlar erdi* BN 53a$_5$, *tamyza durlar edi* БН 67$_2$ ʿ[Во время болезни] в рот мне заканывали воду с помощью ва-

ты'; д) *...čadyrγa kirguzdi* БН 133, BN 108b ...он ввел [меня] в шатер', *...kemälarni turγuzduk* БН 474, BN 366a 'мы поставили лодки', *...janymda olturγuzub...* БН 255, BN 202a '...велев [ему] сесть рядом со мной', см. еще БН 144, BN 118b; БН 474, BN 366b. Разночтение по спискам: *...kirguzgajlar* БН 128_{15} '...пусть нас впустят', но كيورگا يلار BN $104b_4$, ср. *kigür-* 'вводить' [ДТС, с. 306].

Повышенная частотность словоформ понудительного залога в языке "Бабур-наме" становится объяснима при учете авторской индивидуальности и характера текста: автор – полновластный государь и полководец, то и дело категорически заявляющий о своем волеизъявлении ("повелел", "приказал"), тем более что в тексте описываются зачастую военные действия, феодальные смуты, и приказной стиль, обеспечиваемый словоформами понудительного залога, здесь вполне уместен.

В языке "Бабур-наме" наряду с конструкциями понудительного залога используются также синонимичные им конструкции основного залога, где волеизъявление передается лексическим путем – посредством глагола *bujur-* 'приказывать, повелевать'. Ср. *üč tört miŋ moγul bojnyγa urdurdy* БН 85, BN 69a 'Он велел отрубить головы трем–четырем тысячам моголов', но *bojunlaryγa bujurduk ḳim urdylar* БН 86–87, BN 70a 'Мы приказали, чтобы им отрубили головы', *ḫälifäni tutturub ölumga bujurdy* БН 40, BN 32b '[Шейх Зу-н-Нун], велев схватить Халифу, приказал его умертвить'.

2. Взаимно-совместный залог

Взаимно-совместный залог с показателем *-(I/U)s*, который, как известно, может быть образован далеко не от всякого глагола, в языке "Бабур-наме" встречается нечасто. Глаголы в форме взаимно-совместного залога выражают действие, выполняемое совместно, а также действие, предполагающее соучастников: *ol täräfdin bu täräfdin haj haj* (БН 252_{10}: некорректно *häm*) *padišah dur dejištilar* БН 252_{18}, BN $199b_6$ 'С той и с этой стороны говорили: "Эй! Эй! Это государь"'; *men hämamdä edim kim mirza keldi köruštum* БН 136, BN 111a 'Я был в бане, когда приехал мирза, я [с ним] поздоровался', *oqlašyb* БН 248, BN 196a 'перестреливаясь', см. еще БН 479, BN 370a; БН 186, BN 150b.

Разночтение по спискам представляет вариативность двух реально существовавших словоформ *qučaqlaš-* БН 126_{10} и *quču-* BN $103a_5$ со значением 'взаимно обниматься' [Буд. II, с. 71].

В языке "Бабур-наме" наряду со словоформами взаимно-совместного залога окказионально употребляются синонимичные им со-

четания глаголов основного залога и наречия *bilä* 'вместе' ради более четкого представления идеи совместности. Например: *meniŋ čäšm-i däštim bulardyn mundaq 'edi kim men o:tqa suwya kirsam čyqsam bi täŋaši bular bilä kirgajlar wä bila čyqyajlar* БН 382, BN 295a 'Моя надежда на этих [т.е. вновь произведенных беков] была такова, что, войди я в огонь и в воду и выйди, они без отказа войдут вместе и выйдут вместе'; см. еще БН 186, BN 150b.

3. Возвратный залог

Наряду с аффиксом *-(I/U)n* для образования возвратного залога часто используется также аффикс *-(I/U)l*, обычно считающийся приметой страдательного залога (например [СИГТЯ, с. 295, 303]); благодаря этому "страдательный и возвратный залоги являются частичными омонимами" [Гузев 1990, с. 46]. Примеры: *tilim tutuldy* БН 67, BN 53a 'У меня отнялся язык', *...meniŋ tirilmagimdin ma'jus bolub...* БН 66, BN 53a 'отчаявшись в том, что я выживу...', *qutul-* БН 438, BN 338b 'спастись'; ср. *urun-* БН 310, BN 241a 'удариться'.

Немногочисленные глаголы основного залога – а) *sal-* 'класть', 'бросать, кидать', б) *tašla-* 'бросать', в) *tart-* 'тянуть', 'тащить', 'вести', г) *ur-* 'бить', д) *tut-* 'держать, держаться', 'хватать' – в сочетании с надлежащими падежными словоформами возвратно-выделительного местоимения *öz* охотно используются Бабуром в тексте как синонимы к словоформам возвратного залога (тем более что эти последние могли не удовлетворять автора своей семантикой, развитие которой нередко делало трудносопоставимыми оба глагола, см., например, *salyn-* 'располагаться, ложиться', 'свешиваться' [ДТС, с. 482]). Примеры употребления конструкций, синонимичных словоформам возвратного залога: а) особенно частотна конструкция *sal-*, управляющего вин. падежом прямого дополнения (*özini*) и дат.-напр. падежом косвенного дополнения (чаще всего это *suw* 'вода, река', иногда синоним *darja* 'река', иногда *ǯäŋäl* 'лес', *quryan* 'крепость'): *bä'zi özlarini suwya salyb öttilar* БН 186, BN 150b 'Некоторые бросились в реку, переплыли [ее]', *özin darjaya saldy* БН 36, BN 29a 'он кинулся в реку', см. еще БН 186, BN 151a; БН 187, BN 151a; БН 190, BN 153b; БН 298, BN 232b; БН 302, BN 235b; *özini ǯäŋälya salyb qutulur* БН 438, BN 338b '...кинувшись в лес, он спасается', см. еще БН 285_{6-7}, BN $222b_{6}$ (с перефразировкой); БН 470, BN 363b; *...quryanya özuŋizni salyŋ* БН 395, BN 304b '...проберитесь в крепость!'; б) *...kim özini qalb ičidaki ergan misqa tašlayaj* БН 392, BN 302b '[Устад Али Кули, в присутствии самого Бабура потерпевший неудачу при литье пушки, с отчаяния хотел даже] броситься в расплавленную медь, находив-

шуюся в изложнице', см. еще БН 116, BN 95a; БН 145, BN 119a; в) *...özlarini ajmaqqa tarttylar* БН 202, BN 162b '... они потянулись к аймаку', см. еще БН 183, BN 148b; БН 192, BN 155a; БН 194, BN 156b; БН 232, BN 184b; БН 248, BN 196a; БН 249, BN 197a; г) *budänä özini jerga urar* БН 202, BN 162b 'Перепелка ударяется оземь', д) *özini 'aqylä tutar edi* БН 211, BN 169a 'Она считала (букв. держала) себя умной'. К "возвратным" конструкциям относятся также следующие: *özumni ölumga qärar berdim* БН 144, BN 118b 'Я решил покончить с собой', *...öz halimga keldim* БН 66, BN 53a '...я пришел в себя'. См. еще БН 260, BN 205a.

4. Страдательный залог

Страдательный залог – один из высокочастотных в языке "Бабур-наме" в силу его особой стилистической роли здесь, а именно "выражения литературной скромности" [Brock., с. 286]. Для образования этого залога используется аффикс *-(I/U)l ešitil-* 'быть услышанным', *bitil-* 'быть написанным', *ačyl-* 'быть открытым', *tapyl-* 'быть найденным'; от некоторых основ с вокалическим ауслаутом он образуется при участии эпентетического *j dejil-* 'быть говоренным', *jejil-* 'быть съеденным'. В том случае, когда основа оканчивается на *-l*, возможно использование аффиксов *-(I/U)l* и *-(I/U)n*; первый из них особенно частотен в этих условиях в Хайдарабадской рукописи. См. *qylyl-* BN $295a_2$ и *qylyn-* БН 382_{10} 'быть сделанным', *alyl-* и *alyn-* 'быть взятым', *salyl-* и *salyn-* 'быть положенным, брошенным'. При всей частотности страдательного залога в "Бабур-наме" лишь в редких случаях в предложении с глагольным сказуемым в форме страдательного залога формально выражен логический субъект действия. Приведем один такой пример с агентивным дополнением: *moγul wä özbek žihätidin bu tarihda buzulub tur* БП 2, BN 1b '[Тараз] был разрушен моголами и узбеками в этом году'. Гораздо чаще источник действия бывает не назван, и словоформы страдательного залога выражают активное действие в полном отвлечении от его производителя и тем самым характеризуют это действие как неопределенно-личный факт [СИГТЯ, с. 307]; к тому же страдательный залог образуется, "не затрагивая исходного лексического содержания производящей основы" [СИГТЯ, с. 276].

Именно в этом кроется возможность специфического использования в языке "Бабур-наме" страдательных глаголов для стилистических целей умолчания об истинном производителе действия (каковым здесь является сам автор повествования – Бабур) при скрытой соотнесенности действия именно с первым лицом в повествовании объективированного типа I (подробно об этом см. с. 69 и сл.).

Подобное стилистическое использование страдательных глаголов обусловливает две важные особенности реализации страдательного залога в языке "Бабур-наме". Во-первых, страдательный залог при своем образовании почти не имеет лексических ограничений. Во всяком случае, страдательный залог в "Бабур-наме" массово образуется, например, от глаголов движения и состояния. Примеры: *baryl-* (*bar-* 'идти, отправляться'), *jürul-* (*jüru-* 'ходить, двигаться'), *atlanyl-* (*atlan-* 'садиться верхом на коня', выступать, отправляться'), *kelil-, kelin-* (*kel-* 'приходить'), *kečil-* (*kеč-* 'переходить, переправляться'), *kiril-* (*kir-* 'входить, проникать внутрь'), *čyqyl-* (*čyq-* 'выходить'), *jetil-* (*jet-* 'доходить, достигать'), *janyl-* (*jan-* 'возвращаться, отступать'), *köčul-* (*köč-* 'переходить', 'передвигаться, кочевать'), *ʿazimät qylyl-* (*qylyn-*) (*ʿa. qyl-* 'направляться'); *turul-* (*tur-* 'стоять'), *olturul-* (*oltur-* 'сидеть'), *qonul-* (*qon-* 'оседать, поселяться', 'ночевать'). Страдательный залог может также образовываться от основ, уже снабженных аффиксами: а) понудительного или б) взаимно-совместного залогов. Примеры: а) *nukärlikka jükundurуldi* БП 311, BN 241b '[мы] посвятили [его] в нукеры', *tutturulub edi* БН 196, BN 158b '[мы] велели схватить [его]'; б) *urušuldy* БП 196, BN 158b '[мы] сражались', *körušuldi* БН 234, BN 186a$_{3,\ 12}$; БН 235, BN 186a '[мы] поздоровались', см. также нанизывание аффиксов всех этих трех залогов: *jyɣyšturuldy* БП 487, BN 376b '[мы] велели собрать вместе [все подмокшие листы с записями]'.

Вторая особенность касается переходных глаголов и состоит в следующем. При авторской установке на умолчание об истинном производителе действия, а в результате – при формально не выраженной, но подразумевающейся из контекста соотнесенности действия с первым лицом (т.е. при своеобразной модификации отношения действия к своему субъекту), остается неизменным отношение действия к своему объекту. Переходный глагол в страдательном залоге продолжает управлять вин. падежом объекта; таким образом, здесь сама конструкция предложения препятствует созданию залогового значения страдательности. П.М.Мелиоранский, впервые обративший внимание на употребление в "Бабур-наме" глагола "страдательного залога" с винительным объекта, называл такую форму "безличной формой действительного залога" [Мелиоранский 1900, с. 102]. В Керовом списке можно наблюдать редчайшие случаи – скорее всего описки, когда при глагольном сказуемом – словоформе пассива 3-го лица – налицо субъект действия, который выражен местоимением 1-го лица ед. или мн. числа (*men* 'я', *biz* 'мы') и с которым никак не согласуется сказуемое. Ср.: а) *biz säjid qasim wä kuhburni wä hušikä aryunny bir neča jigitlar bilän jibaril-*

di БН 134$_{17-19}$, но *säjid qasimni bir neča jigitlar bilä jibarildi* BN 109b$_{14}$ 'Мы послали Сеид Касима (и Кухбура, и Хушика Аргуна) с несколькими молодцами'; б) *...kim men bir parä čerik hämrah alyb... arqasydyn* (BN 103b$_9$: *mänga bir parä čerik qošqajlar... arqasyya*) *kirilgaj* БН 127$_{16-18}$, BN 103b$_{9-10}$ '[Ханы решили], чтобы я взял в подкрепление [ко мне присоединился бы] один отряд войска... [я] бы вышел в тыл [войска Танбала]'. Эти описки – драгоценное свидетельство тому, что не безличной воспринималась форма пассива 3-го лица в языке "Бабур-наме", но именно как соотнесенная неявным образом – контекстно, а не формально – с первым лицом субъекта действия. Отсюда ясно, что страдательный залог в языке "Бабур-наме" не трансформирует субъект действия (подлежащее) в некую косвенную причину возникновения действия (косвенное дополнение).

Для создания неявной соотнесенности глагольной словоформы 3-го лица с первым лицом объекта действия в "Бабур-наме" окказионально используется страдательный залог, оправдывая тезис о том, что "присутствие или отсутствие прямого дополнения в предложении не связано с залоговой формой глагола и потому оно не может учитываться в качестве специальной характеристики залога" [Севортян 1962, с. 454].

См. примеры: *özga elni toyry jol bilä jibarildi* БН 299, BN 233b 'Остальных людей [мы] послали прямой дорогой', *bä'zi ičkilarni wä čuhrälarni därwazä* (BN 259a$_9$: некорректно دروازده – "даль" вписан позднее и не на своем месте, "алиф" аффикса местн. падежа опущен вовсе) *qojuldy* БН 336$_8$, BN 259a$_9$ 'В воротах [мы] поставили некоторых приближенных и телохранителей'.

В функции объекта, имеющего форму вин. падежа, при пассивном глаголе могут выступать разнообразные разряды имен – существительные антропонимические, в том числе личные имена, существительные неантропонимические, также топонимы; местоимения, числительные, глагольно-именные формы. При этом существительные, как и субстантивированные представители других разрядов слов, могут использоваться в форме ед. или мн. числа, с аффиксами принадлежности и без них, употребляясь как в определительном словосочетании, так и вне его. Объект к тому же получает оформление посредством аффикса вин. падежа независимо от своей позиции по отношению к сказуемому – пассивному глаголу, т.е. может употребляться, непосредственно примыкая к сказуемому, равно как и при дистантном их расположении. Вин. падеж объекта сохраняется даже в том случае, когда сказуемое – страдательный глагол – находится в придаточном предложении, а его объект, оставшийся в рамках главного предложения, логически

является субъектом главного действия, например: ***rustäm türkmänni*** (BN 221b$_3$: некорректно رستم ترکمانی – с пропуском "нун", как это явствует из написания данной словоформы вин. падежа رستم ترکمان نی BN 303a$_{13}$, БН 393$_{14}$) *kim qarawulluqqa jibarilib edi ḫäbär kelturdi kim*...БП 283$_{17-18}$, BN 221b$_{3-4}$ ‘Рустам Туркмена, которого послали в караул, [он] привез известие о том, что...’. Сказуемое – пассивный глагол, управляя вин. падежом объекта, может иметь при себе два и более объектов – однородных членов предложения; при этом аффикс вин. падежа могут получать оба (или все несколько) однородных дополнений (см. приведенный выше пример БП 335, BN 259a) или же только последний по порядку перечисления (подробно см. [Благова 1965]).

Из разночтений по спискам, помимо упомянутых, интерес представляют те, которые основаны на возможности взаимозамены вин. и род. падежей. В Керовом списке, издании Ильминского отмечено несколько случаев, когда страдательная глагольная словоформа управляет не вин., а род. падежом объекта. Примеры: *ordunyŋ wä ordu utrusynyŋ* (BN 315b$_8$: падежное окончание в словоформе *utru*... приходится на конец строки и написано неразборчиво, но скорее это все же *-syny*, а не *-synyŋ*, хотя первое из однородных дополнений – *ordynyn* представляет собой словоформу род. падежа) *mäzbut wä mustähkäm qylyndy* БН 409$_{21-22}$, BN 315b$_{8-9}$ ‘[Мы] приводили в порядок и укрепляли лагерь и его окрестности’, *muḥämmäd ‘äli ǯäŋ ǯäŋ nukärniŋ* (но BN 231a$_9$: *nukärini*) *jibarildi* БН 296$_{18-19}$, BN 231a$_9$ ‘Мы послали нукера [по имени] Мухаммед Али Джанг-Джанг’.

В "Бабур-наме" представлен редчайший случай употребления исх. падежа дополнения – объекта, на который действие глагола страдательного залога распространяется лишь частично: *bu suwdyn ḫäjli ičildi käjfijäti mä‘lum bolmady* БН 370, BN 285b ‘Этого сока [хурмы; букв. этой воды] [я] выпил много, опьянения от него не изведано’. В литературе такое формоупотребление не отмечалось (обычно исх. падеж при страдательном залоге передает источник действия или состояния). Между тем приведенный пример весьма значителен: он показывает системный характер "экзотического" управления страдательного глагола косвенными падежами объекта в языке "Бабур-наме".

Х.Назарова подсчитала "число случаев, когда логический объект выражен в форме вин. падежа" при глаголе страдательного залога в "Бабур-наме" – по ее подсчетам их оказалось 51 [Назарова 1979, с. 96]. По нашим, очень приблизительным подсчетам, которые велись только на основе издания П.И.Ильминского, не менее 56 гла-

голов страдательного залога обнаруживают в "Бабур-наме" способность сохранять управление вин. падежом имени объекта действия, конкретных же словоформ этих глаголов с таким же управлением отмечено не менее 245.

При оценке полученных данных следует иметь в виду малоаргументированный тезис А.Беверидж о том, что именно Хайдарабадскому списку свойственно безличное изложение (т.е. преимущественное использование глаголов пассива, см., например BN $54a_8$, $81b_6$, в том числе, естественно, и с вин. падежом объекта), тогда как для Керова списка якобы характерно "личное" изложение (т.е. преимущественное употребление глагольных словоформ основного залога 1-го лица, см. соответственно БП 67_{17}, 100_3). Даже подвергая сильному сомнению этот тезис (см. об этом выше, с. 33–34, где приведены случаи взаимозамены полярно противоположного характера: 1-е лицо основного залога в Хайдарабадском списке, но 3-е лицо страдательного залога в Керовом), можно все же предположить, что в Хайдарабадском списке должно быть представлено несколько большее количество форм пассива (в том числе и с вин. падежом объекта), чем в Керовом списке. Тогда цифры наших подсчетов придется увеличить. Точно так же и наблюденное Х.Назаровой "число случаев, когда логический объект выражен в форме основн. падежа", –77 [Назарова 1979, с. 96] – должно быть увеличено по крайней мере в два–три раза.

Нельзя не согласиться с положением: "Более частую встречаемость в "Бабур-наме" логического объекта в форме вин. падежа, чем в других памятниках письменности того времени, можно, по-видимому, объяснить сильным влиянием живого разговорного языка на язык Бабура" [Назарова 1979, с. 96][16].

Описанное явление, отмеченное в памятнике древнетюркской письменности [Мелиоранский 1900, с. 102], наблюдается в документе из канцелярии Омар Шейха мирзы, отца Бабура [Мелиоранский 1906] и единично – в прозаических сочинениях старшего современника Бабура – Навои, о чем см. также [Назарова 1979, с. 96]. Массовое употребление пассива с вин. объекта в "Бабур-наме" вызвано его особым стилистическим назначением ("выражение литературной скромности"), что обусловлено авторской целевой установкой на правдивость, объективность и информативность повествования без выпячивания роли автора там, где это не является необходимым. Именно эта установка определила сочетание в тексте "Бабур-

[16] Вин. падеж объекта при страдательном залоге, образованном от переходного глагола, наблюдается в современной узбекской разговорной речи; то же самое явление отмечается в современном уйгурском языке [Офросимова-Серова 1963, с. 170].

наме" двух типов повествования – субъективированного (II) и объективированного (I), причем важнейшим признаком объективированного типа I как раз и является массовое употребление пассива, в том числе пассива с вин. падежом объекта.

Характерно, что страдательный залог в этой своей функции имеет разветвленные синонимические отношения с пассивной группой аналитических глагольных структур, а также с некоторыми неглагольными способами выражения безличности. Обо всем этом см. подробно с. 75 и сл.

Итак, особое назначение двух залогов в "Бабур-наме" – страдательного и понудительного – определяет их повышенную частотность здесь, а для страдательного залога практически даже снимает ряд ограничений в его лексическом охвате.

Разветвленные синонимические отношения характеризуют не только страдательный залог, словоформы которого наиболее употребительны в "Бабур-наме", но и остальные косвенные залоги, а это позволяет избегать монотонности в использовании данных грамматических средств. Любопытно, что в своих синонимических отношениях иногда смыкаются страдательный и понудительный залоги. Так, аналитическая структура *in'am bol-* 'быть дарованным' (букв. 'явиться подарением') может употребляться взамен словоформ как страдательного, так и понудительного залогов. Например: *naränǯlarni aldurdum šah häsänya iki däräḫtnyŋ naränǯi in'am boldy bä'zi beklarga bir däräḫt... naränǯi in'am boldy* БН 316, BN 245b 'Я велел раздать (букв. взять) апельсины. Шах Хасану были дарованы апельсины с двух деревьев, некоторым бекам с одного дерева... дарованы апельсины'.

В стилистическом плане интерес представляет "игра" основного и косвенного залогов одного глагола в пределах одного микроконтекста: *bilman* (БН 402_4: некорректно *bilmam*) *qorqqanlary mu edi ja elni qorqutqanlary* (BN $309b_{10}$: некорректно *qorqytmaqlary*) *mu edi* БН 402_{4-5}, BN $309b_{10}$ 'Не знаю, они ли [сами] испугались или же народ испугали', см. еще БН 218, BN 174a.

Стилистически интерес представляют также цепочки аффиксов различных косвенных залогов в пределах одной словоформы, см. приведенные выше примеры соединения в одной словоформе аффиксов понудительного и страдательного; взаимно-совместного и страдательного; взаимно-совместного, понудительного и страдательного залогов, см. еще: возвратный и понудительный (*čerikni atlanturyajlar* БН 480, BN 371b '...чтобы они отправили войско в поход').

§ 2. Категория статуса

Эта трехчленная глагольная категория, включающая в себя формы отрицания и возможности–невозможности, вычленяется вслед за В.Г.Гузевым [Гузев 1990, с. 56–59; Гузев, Насилов 1981, с. 26].

1. Отрицательная форма

Отрицательная форма образуется путем присоединения аффикса *-mA* к глагольной основе после залоговых аффиксов и перед показателями времени или наклонения. Например: *körüšmadim* БН 479, BN 370a ‘я не поздоровался [с ними]’, *γäm jemaŋiz* БН 144, BN 118b ‘не печальтесь!’, *tämä‘ qylmaγajlarsyz* БН 464, BN 359a ‘чтобы Вы [все] не жадничали’. Прошедшее результативное на *-γan(dur)* и предпрошедшее на *-γan edi,* сохраняющие живую связь с причастием, для выражения отрицания включают в свой состав отрицательную связку *emas.* Примеры: *qylγan emastur* БН 223_{17}, BN $178a_4$ ‘выходит, не делал’, см. еще БН 100, BN 81b; *körgan emas erdi* БН 328, BN 253b ‘[прежде того] не видел’, см. еще БН 302, BN 235a.

2. Форма невозможности

Форма невозможности представляет собой ‘сложновербальную конструкцию ”деепричастие на *-A, -j* смыслового глагола + спрягаемый глагол *al-* в отрицательной форме (*al-ma-*)”. Примеры: *uruša almadylar* БН 77, BN 62b ‘они не могли сражаться’, *köra almas edi* БН 198, BN 159a ‘не мог видеть’, см. еще БН 82, BN 66b; БН 190, BN 153b; БН 311, BN 242a. Формоупотребление в обоих списках ”Бабур-наме” свидетельствует о нормативности этой формы для чагатайского литературного языка. В издании Ильминского имеется, правда, фрагмент объемом примерно в 15 страниц (БН 259–272), где часто встречается другая форма – *-A bil-ma-*. См. *bära bilmaslar* БН 259_{23}, но *kela almas* BN $204b_{14}$; *tura bilmaj* БН 263_{15}, но *tura almaj* BN $207b_2$, см. еще подобным же образом коррелирующие случаи: БН 260_7, но BN $205a_{5-6}$; БН 263_{15-17}, но BN $207b_{2-4}$; БН 269_6, но BN $211b_1$; БН 272_{21}, но BN $214a_5$. Форма *-a bilma-* (см. о ней [Халикова 1990, с. 91; там же о форме возможности *-A bil-*; см. еще Гузев 1990, с. 59]) выглядит инородным вкраплением на фоне массового употребления в обоих списках формы *-a alma-* и соответствующей формы возможности *-a al-*; скорее всего здесь проявился произвол либо переписчика Керова списка, либо набор-

щика казанской типографии, где набирался Керов список (издание Н.И.Ильминского).

3. Форма возможности

Форма возможности представляет собой сложно-вербальную конструкцию "деепричастие на *-A, -j* смыслового глагола + спрягаемый глагол *al-*" *...kim elta alɣanča* (BN $124b_8$: слитно *eltalɣanča*) *nimäsini eltkaj* БН 152_{10-11}, BN $124b_{8-9}$ ʿ... чтобы он увозил свои вещи, насколько сможет увезти'. См. разночтение *šajäd čyqa alɣaj syz* BN $114b_4$, но *šajäd čyqqajsyz* БН 139_{14} ʿможет, Вы уйдете' (ʿсможете уйти').

§ 3. Лично-числовые показатели

Согласование глагольного сказуемого с подлежащим осуществляется посредством лично-числовых показателей, которые для изъявительного, косвенного желательного и условного наклонений во многом совпадают с аффиксами именной категории сказуемости (см. с. 279 и сл.; о лично-числовых аффиксах повелительного и желательного наклонений см. ниже, с. 347 и сл.).

Полные лично-числовые показатели,
формально совпадающие
с соответствующими личными местоимениями

Ед. число

1-е л. *-men köra dur men* БП 144, BN 118b ʿвижу я'
2-е л. *-sen ičmas sen* БП 310, BN 240b ʿты не пьешь [никогда]'
3-е л. *-tur, -dur* или *Ø baryb tur* БП 144, BN 118b ʿпошел';
ičär БП 310, BN 240b ʿон пьет [всегда]'

Мн. число

1-е л. *-biz*: *učraturbiz* БП 89, BN 73a ʿмы встретим'
2-е л. *-siz qorqutasyz* БН 218, BN 174a ʿВы пугаете'
3-е л. *-durlar, -Ølar*: *qazy bola kelgandurlar* БП 67, BN 54a
ʿ[их потомки] становились казиями'

Показатель мн. числа *-lAr* в составе сложных временны́х форм индикатива, сложных форм косвенного желательного и условного наклонений, позволяя обнаружить нестабильность в последовательности составляющих этих сложных форм, может присоединять-

ся то ко всей такой форме в целом, то к ее временно́й основе или к основе наклонения. Ниже приведем распространенные в языке "Бабур-наме" случаи присоединения *-lAr* к основе времени или наклонения. См.: *iš qylurlar edi* БН 378, BN 291b ʿони делали дело', *säʿilar* (БН 242_{16}: *säʿi*) *qyladurlar edi* БН 242_{16}, BN $192a_{3}$ ʿв тот момент они прилагали старания', *zür qyla alyajlar edi* БН 45, BN 36b ʿчтобы они могли бы применить силу', *istiqbalya* (БН 234_{14}: *istiqbal*) *kelsalar edi* БН 234_{14}, BN $185a_{14}$ ʿесли бы они вышли [им] навстречу'. Такой же порядок в последовательности морфем при выражении модальности: *simaʿ qylurlar ekandur* БН 221, BN 176a ʿоказывается, они слушали', см. также редкий случай присоединения *-lAr* одновременно к временно́й основе и к показателю модальности: *derlar erkan dur lar* БН 223_{19}, BN $178a_{9}$ ʿоказывается, они говорят'. Факты подобного же "инкорпорирования" вопросительной частицы *mu* в состав названных сложных глагольных форм (см. об этом ниже, с. 339 и сл.) подтверждают, что в языке "Бабур-наме" нашел отражение неустоявшийся, нестабильный характер таких форм.

Различные возможности согласования местоимения *qajsy* в антропонимическом его использовании (при наличии в его составе аффикса принадлежности 2-го лица мн. числа) с его сказуемым (3-е лицо или 2-е лицо?) донесло до нас следующее разночтение: *qajsyŋyz meniŋ qašymya kela alur* (БН 144_{18}: *alursyz*) БН 144_{17-18}, BN $118b_{12-13}$ ʿкоторый из вас сможет подойти ко мне?'. См. также контекстуально обусловленное согласование местоимения *hič kim* ʿникто' со 2-м лицом мн. числа глагола; из письма Бабура к сыну Хумаюну: *... oɣlanlardyn hič kim tämäʿ* (БН 464_{8}: пропуск *tämäʿ*) *qylmaɣajlarsyz* БН 464_{7-8}, BN $359a_{1}$ ʿ... никто из сыновей не зарьтесь [на Кабул, личное владение Бабура]'.

Неполные лично-числовые показатели,
с точки зрения формальной частично совпадающие
с соответствующими посессивными аффиксами

Ед. число

1-е л. *-(I/U)m* *dedim* БН 143, BN 117b ʿя сказал'

2-е л. *-(I/U)ŋ* *alyuŋ dur* БН 216, BN 172b ʿты возьмешь'

3-е л. *Ø* : *hič andaq iš zahir bolmady* БН 18, BN 14b ʿНикакого такого дела не проявилось'

1-е л. *-(I/U)k/q*: *čerik tarttuk* БII 348, BN 269a ‘мы повели войско’
2-е л. *-(I/U)ŋIz*: *barsaŋyz* БII 140, BN 116a ‘если Вы пойдете’
3-е л. *-ØlAr*: *dedilar* БII 18, BN 14b ‘они сказали’

Лично-числовые показатели для будущего категорического времени полностью совпадают с аффиксами принадлежности (см. об этом с. 343). В условной модальности на *-(A/U)r bolsa* такое совпадение наблюдается в 3-м лице мн. числа (в других лицах, кроме 3-го, эта конструкция нам не встретилась). Пример: *agär ičarlari häm bolsa...* БII 240, BN 190b ‘если мои приближенные и вздумают пить вино ...’, см. еще БII 430, BN 332b–333a.

Морфология и синтаксис глагольного согласования в числе

Категория числа, помимо местоимения и существительного присуща также глаголу; являясь для него категорией согласовательной, она выполняет функцию показателя синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым [Басманова 1977, с. 22]; в исторической грамматике чагатайского литературного языка внимание этим синтаксическим отношениям уделял Я.Эккман [Eckmann 1966, с. 190–192; см. также Благова 1986, с. 4–9]. Синтаксические отношения между подлежащим и сказуемым получают неодинаковое выражение в зависимости от ряда факторов, в числе которых и противопоставление антропонимичность – неантропонимичность.

1. Неантропонимические существительные и местоимения – подлежащие, выступая даже и в форме мн. числа *-lAr*, в условиях отсутствия эмфазы, экспрессивности и прочих стилистических факторов сополагаются с глагольным сказуемым в ед. числе. Например: *...zikrlari kelgusi dur* БII 208, BN 167b; БII 20, BN 16a ‘... упоминания о них будут’, см. также БII 223, BN 177b; *...partal dek nimälari čerik eliga* (БII 86_7: *elikiga*) *tüšti* БII 86_{5-7}, BN $69b_{7-8}$ ‘...войсковому люду попало кое-что, вроде обоза...’; *qyšlar tört beš aj ǯämi‘ jollar baylanur* БII 160, BN 130b ‘Зимами на четыре–три месяца все [горные] дороги перекрыты’; см. еще БII 136, BN 111a; БII 373, BN 288a; БII 380, BN 293b. Отсутствует *-lar* и в глагольной связке именного сказуемого: *qanatlary qyzyl dur* БII 359, BN 277b ‘[У павлинов] крылья красные’, см. также БII 336, BN 260b; БII 359, BN 277b.

В большом фрагменте текста, где описывается фауна Индии, фаунонимы с аффиксом мн. числа, которые выполняли бы функцию подлежащего и на связи которых со сказуемыми можно было бы увидеть механизм глагольного согласования, встречаются редко. В одном случае это – сопоставление разновидностей индийских лягушек со среднеазиатскими лягушками: *hindustan baqalary – ošal baqalar*, сказуемое при этих подлежащих – также во мн. числе: *jügura durlar* 'пробегают' (БН 366, BN 282b; текстовой пример приведен выше, с. 178). В другом случае сказуемое выступает во мн. числе при подлежащной группе, где смыслонесущим компонентом является определение – фаунонимв форме род. падежа мн. числа, а определяемое – субстантивированное *köprak* 'большая часть'. См. *balyγlarnyŋ köpragi turdin bir qary juqqarraq sačrab öttilar* БП 366, BN 282a '[При резком шуме] большая часть [индийских] рыб выскакивала спереди [из воды] выше, чем на целое кари'. В обоих случаях оформление мн. числом фаунонима-подлежащего и согласование с ним глагольного сказуемого – своеобразная дань изумления индийскому диву. Таким образом, здесь налицо экспрессивная функция именной и глагольной словоформ мн. числа. Это становится тем очевиднее при учете общеязыковедческого тезиса: "тип согласования во мн. числе вообще носит более книжный характер..." [Грамматические исследования, с. 233].

2. В нейтральном повествовании (без экспрессии и эмфазы) даже при подлежащем-антропониме во мн. числе зачастую отсутствует согласование глагольного сказуемого во мн. числе. Примеры: *γalyn abädän jigitlari elikka* (БП 51_{21}: пропуск аффиксов *-i, -kä*) *üšti* БН 51_{20-21}, BN $41b_4$ 'Многочисленные добрые йигиты попали в плен', *ol jüzdin kelganlar hič kim* (БП 328_1: пропуск *kim*) *kärgi körgan emas erdi* БП 328_{1-2}, BN $253b_{10-11}$ 'Никто из прибывших той стороны [т.е. с родины] не видел прежде носорога', *kišilari eldi* БН 443, BN 342b 'их люди пришли'; в обоих примерах мн. числом антропонимов передается нерасчлененное множество, тому же иерархически безразличное для повествователя (см. еще БП 208, BN 167b; БП 386, BN 298a; БН 429, BN 331b).

3. Подлежащие–антропонимические существительные с аффиксом *-lAr*, передающие как расчлененное множество (а), так и знание иерархически высокой сословной группы действующих лиц (б), их сказуемые согласуются в числе. Примеры: а) *qasim bek... özi i oγlanlary oq qar tebip jol tapyp ilgari jürarlar edi* БП 244, BN 193a 'Сам Касимбек... и лишь его сыновья, утаптывая снег и раскивая дорогу, шли впереди'; б) *beklar kičik uluγ sačyq keltur-*

dilar (BN 215b$_5$: *kijurdilar*) БП 275$_1$, BN 215b$_5$ ʿБеки, незнатные и знатные (букв. малые и великие), поднесли подарки'.

Сказуемые согласуются во мн. числе с подлежащими – антропонимическими существительными с аффиксом *-lAr*, которые, передавая нерасчлененное множество, сопровождаются местоименными актуализаторами – обобщающим (*täniam* ʿполностью, целиком') или возвратно-выделительным (*ẖod* ʿсам') местоимениями. См. *ellar ẖod mundaq waqiʿäni öz qorquncydyn teŋridin tilar edilar* БП 65, BN 52a ʿЛюди (букв. народы) сами со страху просили у бога такого случая (события)'. Подлежащная группа – сочетание числительного с антропонимом в ед. числе, передающая нерасчлененное множество, и ее сказуемое также согласуются во мн. числе. Пример: *meniŋ ʿimarätlarimda här kün alty jüz seksan kiši iš qylurlar edi* БП 378, BN 291b ʿ[На постройке] моих зданий ежедневно работали 680 человек', см. еще БП 81, BN 65b (но ср. пример, где сказуемое в ед. числе согласуется с подлежащной группой – сочетанием числительного с фаунонимом: *...üč tört fil asan tartyb baradur* БН 356, BN 275a ʿ...три–четыре слона легко тащат').

4. В языке "Бабур-наме" можно наблюдать известную непоследовательность в глагольном согласовании с подлежащим – антропонимом во мн. числе, передающим нерасчлененное множество. Так, в рассказе об обычае побежденных афганцев сдаваться на милость победителя, держа при этом в зубах пучок травы, при подлежащем *afγanlar* употреблены сказуемые то в ед. (*kelur emiš* ʿоказывается, приходит', *degan emiš* ʿкак бы говорил'), то во мн. числе (*keldilar* ʿпришли') – БП 182, BN 147a–b; на возможность такого двоякого глагольного согласования опирается разночтение по рукописям: *ʿažiz bolsa* БП 182$_7$, но *ʿažiz bolsalar* BN 147a$_{12}$ (пример полностью см. на с. 147).

5. Интерес представляет другой тип глагольного согласования: сказуемое во мн. числе (с аффиксом *-lAr*) при подлежащем – антропониме в основной форме, см. об этом [Самойлович 1916, с. 99; Ализаде 1966, с. 22–24]. Часто в качестве такого антропонимического подлежащего употребляются имена а) *kiši* ʿчеловек', б) *el* ʿнарод, люди', ʿжители', ар. *ahl* ʿнарод, жители', ар. *ẖalq* ʿлюди, народ', иногда – этноним (*moγul*), в) имена из числа сословных наименований с местоименным актуализатором типа *barča* ʿвсе', г) местоимение ар. *bäʿzi* ʿнекоторый, иной' (высокочастотное), арабское имя *aksär* ʿбольшая часть', ʿмного'[17]. Попытку осмы-

[17] На возможность для последнего имени согласовываться со сказуемом как во мн., так и в ед. числе опирается следующее разночтение по спискам: *aksäri bu dästur bilä duzäẖqa bardylar* БП 433$_{16}$, BN 335a$_{3-4}$ *(bardy)* ʿБольшая их часть отправилась в ад этаким образом'.

слить характер описываемого случая глагольного согласования в историческом плане см. [Благова 1986, с. 4 и сл.]; ср. [Гузев, Насилов 1971]. Примеры: а) *yul kišisi häm šatudyn qälʿäya čyqtylar* БП 278, BN 218a ʿЛюди центральной [части войска] также проникли в крепость по лестнице', см. еще БП 155, BN 126b–127a; БП 277, BN 217b; БП 380, BN 293b (с актуализатором *här* 'каждый'), см. также *kiši* с количественным актуализатором *qara* 'масса, толпа', выступающим в подлежащной группе *kiši qarasy* 'толпа людей': *kiši qarasy... jandylar* БП 209, BN 168a 'толпа людей... отступили'; б) *tar köčäda atlyq el tyqyldylar turdylar ne ilgäri jüruj aladurlar ne kejinga jana aladurlar* БП 251, BN 198b 'На узкой улице столпился конный люд; стояли [на месте от тесноты]: ни вперед не могут идти, ни назад не могут отступить' (здесь не исключена также и экспрессивная функция аффикса *-lar*, четырежды повторенного во всех однородных сказуемых), см. еще БП 53, BN 42b; БП 54, BN 43b; БП 178, BN 144b; БП 186, BN 150b; БП 276, BN 216b; БП 326, BN 252b; БП 360, BN 278a; БП 361, BN 279a; БП 389, BN 300b; БП 393–394, BN 303b; БП 431, BN 333a; БП 486, BN 376a; *...ahl-i mäǯlis birin ikin keldilar* БП 317, BN 246a '...пирующие приходили по одному, по двое' (см. актуализирующую роль разделительных числительных), см. еще БП 30, BN 24a; *moɣul tämam qačtylar* БП 64, BN 51a 'Моголы бежали полностью'. На возможности взаимозамены некоторых из названных выше имен основываются разночтения по спискам, ср. *muqimniŋ kišisi* (БП 265_9: *ḫalqy*) ... *keldilär* БП 265, BN 208b 'Пришли... люди Мукима', см. еще БП 264, BN 208a; в) *bek wä nukär uluɣ kičik barčä... ošbu mäzmun bilä ʿuhd wä šärt qyldylar* БП 408, BN 315a 'Беки и нукеры, знатные и незнатные, все... ставили условия именно такого содержания'; г) *aksäri qačtylar bäʿzisi ǯähl qylyb damnädaɣy ušaq* (БП 186_8 некорректно: *ošal*) *taylarda wä kämärlarda berkidilar* БП 186, BN 150b 'Большая часть [войска] бежала. Некоторые из них по невежеству укрепились на маленьких горушках по склону и на склоне [горы]' (здесь налицо экспрессивная функция *-lar*, многажды повторенного в этих двух предложениях). Употребление *bäʿzi* в основной форме при сказуемом в форме мн. числа см. еще: БП 7, BN 6a; БП 10, BN 8a–b; БП 60, BN 48a; БП 102, BN 83b; БП 108, BN 88b; БП 169, BN 137b; БП 179, BN 145a; БП 199, BN 160b; БП 243, BN 192a; БП 292, BN 227b; БП 330, BN 255b; БП 368, BN 284a. Параллельно возможно полное согласование: *bäʿzilar* (с аффиксом *-lar*) и сказуемое с аффиксом *-lar*: *beklar sözlašip turlar bäʿzilar dep turlar kim*... БП 185, BN 150a 'Беки разговаривали между собой, некоторые сказали, что ...'.

Такие антропонимические местоимения, как *här kim* 'каждый', *hič kim (qajsy)* 'никто', выступая в основной форме, могут сопола-

гаться со сказуемым во мн. числе, например: ...*här kim öz fikrida boldylar* БН 66$_{11}$, BN 53a$_{7}$ 'Каждый [из беков, оставшихся с Бабуром,] были себе на уме', см. еще БП 380, BN 293b. Разночтение по спискам: ...*hič kim* (БП 267$_{6}$: *qajsysy*) *beklik* (БП 267$_{6}$: *amirliq*) *martäbäsiya jetmaj dur edi* (БП 267: *jetmab edilar*)[18] БП 267$_{5-6}$, BN 210a$_{3-4}$ '...никто [из них] не достиг сана князя (эмира)'. Сюда же примыкает местоимение *neča* 'несколько' в случае его субстантивации (см. *bir nečani jaŋy bek qylynyb edi* БП 382, BN 295a 'нескольких [человек мы] сделали новыми беками'): с ним согласуется сказуемое во мн. числе: *bir neča dedilar kim...* БП 246, BN 194b 'несколько [человек] говорили, что...'.

С подлежащим – антропонимом в ед. числе, включающим с помощью послелога *bilä* в свою группу другой антропоним (особенно если тот имеет при себе числительное-актуализатор), выступает сказуемое во мн. числе, например: *quč bek bir iki aγa inisi bilä meniŋ bilä bardylar* БП 96, BN 78a 'Со мной пошли Куч бек с несколькими своими братьями'.

6. Экспрессивную функцию выражения почтительности в языке "Бабур-наме" выполняет не столько числовая форма антропонима[19], сколько самый характер глагольного согласования: с подлежащим-антропонимом в основной форме "согласуется" сказуемое в форме на *-lar* (см. об этом [Brock., с. 282; Eckmann 1966, с. 192]). Примеры: *meniŋ walidäm qutluq nigar ḫanum... aksär qazaqlyqlarda wä fiträtlarda meniŋ bilän bilä edilär... teŋri rähmatiγa bardylar* БП 13, BN 11a 'Моя родительница Кутлук Нигар ханум... по большей части в [моих] скитаниях и междуцарствиях были со мною вместе...

---

[18] В последнем случае разночтение носит компенсаторный характер, позволяя сохранить одинаковое количество слогов в сказуемом: *jet-maj dur e-di* и *jet-mab e-di-lar*.

[19] При текстовой расшифровке ссылок на то, что Бабур использует Pluralis maestaticus применительно прежде всего к святым старцам (*ḫoǯä*), хану и своим родственницам [Brock., с. 282], конкретно обрисовалась совсем не однородная картина. Почтительность передается мн. числом местоимения 3-го лица мн. числа (*alar* 'они' применительно к одному лицу – БП 67, BN 54a), посессивно-именной формой 3-го лица мн. числа также применительно к одному лицу (БП 117, BN 96b), глагольным сказуемым в форме 3-го лица мн. числа, относимым к подлежащему-антропониму в основной форме (БП 119, BN 97b–98a), причем два последних способа передачи нередко используются в сочетании (БП 102, BN 83b). Словоформу *мэніŋ вәлідәләрім* 'моя родительница' БП 66, BN 52b, возможно, следует истолковывать с учетом следующего примера (с той же самой страницы): *analarymdyn kim anam wä anamnyŋ anasy isan däwlät bekim bolγaj* БП 66$_{15}$, BN 53a$_{11-12}$ 'от моих матушек, коими являются моя мать и мать моей матери Исан Даулат беким'; в этом примере посредством *-lar* передается реальное расчлененное множество, а не Pluralis maestaticus.

оне отправились к милости господней', см. еще БИ 117, BN 96b; БИ 119, BN 97b–98a; БИ 272, BN 213b; БИ 301, BN 235a; *ḫäzrät ḫoǯä bujurup turlar* БИ 23, BN 18b 'Досточтимый Ходжа приказали', см. еще БИ 102, BN 83b; БИ 447, BN 345b; *padišah... kelsalar* БИ 386, BN 298a 'если государь... придут', см. еще БИ 222, BN 176b–177a.

Подобная аффиксальная асимметрия в глагольном согласовании служит, таким образом, стилистическим целям. Пример того, как переписчик устраняет аффиксальную асимметрию при согласовании именного сказуемого с подлежащим, представлен в следующем разночтении: *bular* (БИ 126_{10}: *bu*) *qajsy sultan dur* БИ 126_{10}, BN $103b_3$ 'Они (букв. 'эти'; вариант 'этот') какой султан будет?'. Возможность употребления здесь местоименного подлежащего во мн. числе верифицируется случаями использования подлежащего-местоимения 2-го лица вежливого мн. числа (*sizlar*), сополагающегося с глагольным сказуемым во 2-м лице мн. числа (*-siz*): *sizlar qajdyn. kelasiz* БИ 145, BN 119a 'Вы (все) откуда идете?', см. еще БИ 144, BN 118b.

7. Употребление глагольного сказуемого в форме мн. числа без подлежащего призвано передавать неопределенно-личное значение: *andiǯan wilajätini tänbälḫanä häm derlar* БИ 228, BN 181a 'Андижанскую область также называют "дом лентяев"', см. еще БИ 7, BN 6a; БИ 161, BN 131b.

§ 4. Система времен изъявительного наклонения

Систему времен в языке "Бабур-наме", как и вообще в тюркских языках, составляют времена абсолютные и относительные (см. [СИГТЯ, с. 368; Гузев 1990, с. 66–70]).

Группа абсолютных времен, наиболее разветвленная, состоит из а) времен сферы прошедшего: прошедшее категорическое на *-dI* (претерит), прошедшее ("результативное") на *-ǯan* (перфект *I*) и прошедшее субъективное на *-mIš*, прошедшее на *-(I/U)p tur* (перфект II), 2) времен сферы настоящего и будущего: настоящее-будущее на *-(A/U)r*, настоящее на *-A/j dur*, будущее категорическое на *-ǯu(sI dur)*.

Группа относительных времен состоит из времен сферы прошедшего: прежде прошедшее время на *-ǯan edi* (плюсквамперфект I), давнопрошедшее на *-(I/U)p edi* (плюсквамперфект II), прошедшее длительное на *-mAktA edi*, неопределенный имперфект I на *-(A/U)r edi*, прошедшее незаконченное на *-A/j dur edi* (неопределенный имперфект II).

1.А. В группе абсолютных времен сферы прошедшего формой,

относящейся к "первичному ядру тюркской глагольной системы", считается прошедшее на *-dI* [Серебренников, Гаджиева 1979, с. 204–205]. В языке "Бабур-наме" это одна из наиболее частотных временны́х форм, создающих общий фон повествования.

О стилистическом применении этой "фоновой" формы можно сказать следующее. При наличии в пределах микроконтекста ряда однородных сказуемых употребление каждого из них в форме прошедшего категорического времени (без обычной замены предшествующих на деепричастие *-Ip*)[20] позволяет достичь эффекта актуализации каждого из передаваемых ими действий: повествователь тем самым как бы приглашает читателя оценить важность, необычность каждого такого действия. В этом отношении показателен следующий пример с четырьмя подряд однородными сказуемыми в форме на *-dI*. Бабур таким путем живописует самоуничижительное поведение перед победителем своего побежденного врага Хусрау шаха – старого толстого ничтожного человечишку (*qary tänbäl märdäk*), который столько лет позволял себе поступать, как ему вздумается, а из всех отличий царской власти только хутбу от своего имени не читал: *jigirmä beš jigirmä alty qatla päjapäj jükundi wä bardy wä keldi talyqyb tämam jyqyla jazdy* БП 151, BN 123b 'Он кланялся [мне] подряд двадцать пять – двадцать шесть раз, он отходил и [вновь] подходил, уставши, чуть было совсем не свалился'.

Прошедшее на *-yan* (перфект I), называемое результативным, частотно в "Бабур-наме", оно означает действие, завершившееся к настоящему моменту: *anča dilir kiši körgan emas men* БП 67_{16-17}, BN $54a_8$ *(körulgan emas)* 'Такого смелого человека [доселе] я не видел', см. еще БП 100_{1-3}, BN $81b_{4-6}$. Значение "заглазности", усиленное главным предложением *derlar kim* 'говорят, что...' или же модальностью *(ekandur)*, см. в следующих примерах: *derlar kim jeti attyn sačrayan dur* БП 219_3, BN $174b_8$ 'Говорят, он прыгал через семь лошадей', *anda kiši olturyan emas ekandur* БН 101, BN 82a 'Оказывается, там [в крепости доселе] никто не сидел', см. еще БН 219_6, BN $174b_{10}$; БН 223, BN 178a. Из примеров видно, что конструктивной чертой этой временно́й формы является наличие аффикса *tur* (реже – *dur*) в 3-м лице и образование отрицательной формы с помощью *emas*.

Прошедшее субъективное на *-mIš* со значением заочности [Гузев 1990, с. 77] имеет пониженную частотность в "Бабур-наме", упо-

[20] По наблюдению А.Н.Самойловича, "В языке Бабура... чаще всего встречаются слитные предложения с глаголами на وب перед личной формой" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 26].

требляется преимущественно в синтаксически зависимой позиции – как сказуемое в придаточных предложениях дополнения, которые вводятся главными предложениями: *mä'lum boldy kim...* 'стало известно, что...', *ḫäbär keldi kim...* 'пришло известие, что...', *ešitildi kim...* '[мы] услышали, что...' и т.п., часто имея при этом оттенок сомнительности, недостаточной достоверности: *soŋra ešitildi kim bu sözni ketmaginiŋ säbäbi qylmyš* БП 202, BN 162b 'После [мы] слышали, что [будто бы] эти слова он сделал причиной своего ухода', *ḫäbär tapyldy kim muḫaliflar ...räbat-i särhäŋ orčyny saryγa... barmyš* (BN 66b$_6$: *tartmyš*)... *ḫäbär keldi kim muḫaliflar andiǯan sary barmyš* БП 82$_{14-17}$, BN 66b$_{5-8}$ 'Было получено известие, что враги вроде бы ушли (повели [войско])... в сторону округа Рабат-и Сарханг... пришло известие, что враги ушли к Андижану', см. еще БП 250, BN 198a; БП 448, BN 346a. Прошедшее на *-mIš* использовано и в рассказе Бабура о приснившемся ему сне: *tüš körarmen kim häzrät ḫoǯä 'ubäjd alläh kelmišlar* (БП 102$_{11-12}$: *kela emišlar*) *men istiqballaryγa čyqmyšmen* БП 102$_{11-12}$, BN 83b$_{5-6}$ 'Снится мне сон: досточтимый Ходжа Убайд Аллах [будто бы] прибыли, я [будто бы] вышел им навстречу'. Случаи использования формы *-mIš* в функции сказуемого самостоятельного предложения единичны. Ниже приводится критическая реплика по поводу ранее отданного Бабуром приказа (вернуть награбленное населению), в уместности которого в данной ситуации он усомнился: смягченность самокритики достигается за счет употребления прошедшего на *-mIš*, см. *agärčä mä'qul wä muwäǯǯäh ėdi bir nimä šitab bolmyš* БП 80, BN 64a 'Хотя [этот приказ] был разумным и приемлемым, [однако, наверное,] была допущена некоторая поспешность'. Как видно из примеров, прошедшее на *-mIš* в языке "Бабур-наме" представлено преимущественно формами 3-го лица ед. числа; отмечено по одной форме 1-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа.

С учетом своеобразных значений и использования прошедшего на *-mIš* в языке "Бабур-наме", его малочастотности здесь можно думать, что эта временная форма находилась на периферии чагатайской системы времен. В этом убеждает отсутствие здесь коррелятивного преждепрошедшего на *-mIš edi*; более того, не представлено само причастие на *-mIš*; осколочно оно сохранилось только "в связанном виде", в составе перифрастической конструкции *-mIš bol-*. Скорее всего перфект I на *-mIš* поддерживался в чагатайской системе времен в основном за счет древнетюркской литературно-языковой традиции, поскольку в древнетюркских литературных языках она представлена разветвленной группой нормативных форм (см. [Gabain 1950, с. 114]), см. о нормативном "про-

шедшем повествовательном историческом" на *-mIs* [Насилов В.М. 1963, с. 72–73].

Прошедшее на *-(I/U)b tur* (перфект II) имеет в "Бабур-наме" высокую частотность, употребляется во всех трех лицах ед. и мн. числа, притом что строение этих форм неодинаково. В 1-м и 3-м лице ед. и мн. числа лично-числовые аффиксы присоединяются к временной основе *-(I/U)b tur*, см. 1-е лицо: *bitib turmen* БН 254, BN 201a ʿя написал' [см. разночтение: *ʿähd qylybmen* БН 136_5, но *ʿähd qylyb turbyz* BN $111a_9$ ʿмы (я) приняли на себя обязательство']; *ötub turbyz* БН 190, BN 153b; 3-е лицо: *buzulub tur* БН 2, BN 1b ʿбыло разрушено', *kötarib turlar* БН 282, BN 220b ʿони уничтожили [посевы]'. Во 2-м лице ед. и мн. числа лично-числовой аффикс присоединяется непосредственно к деепричастной основе: *bitibsen... bolubsen* БН 451, BN 348a ʿты написал... ты стал...', *bilibsiz* БН 249_{22} и *bilibsizlar* BN $197b_1$ ʿВы узнали'.

Отсутствие унификации в парадигме спряжения прошедшего на *-(I/U)b tur*, что выражается в неодинаковости конструирования словоформ разных лиц (с *tur* и без него), указывает на то, что данная временна́я форма отражена здесь в динамике своего развития. Об этом же могут свидетельствовать и другие конструктивные свойства данной формы, а именно характер присоединения показателя модальности, а также вопросительной частицы. Показатель модальности *ekan (dur)*, реже *ekin* присоединяется не к полной временно́й основе (т.е. *-b tur*), но к одной лишь деепричастной основе, см. *turyb ekin* БН 197, BN 158b ʿоказывается, он стоял', *ana murid bolub ekandur* БН 207, BN 166b ʿоказывается, он стал ему мюридом', см. еще БН 447, BN 345; БН 461, BN 356b. Разночтение – в пределах действовавшей нормы: *olturub ekandurlar* БН 262_{17} ʿоказывается, они сидели [в крепости]', но *olturub edilar* BN $206b_{10}$ ʿони сидели [прежде]'. Вопросительная частица *mu* "инкорпорируется" между деепричастной основой и аффиксом *tur*, см. *bilman bir urušta mirzaya at kelturub mu dur ja mirzaya qäsd qylyan yänimni däf' qylyb mu dur* БН 217, BN 173b ʿНе знаю, то ли в каком-то бою он подвел мирзе коня, то ли устранил врага, злоумышлявшего против мирзы'. Разночтение по спискам вызвано употреблением вопросительной формы этого времени в Керовом списке (БН 143_{12-13}), но настоящего на *-A dur* без вопросительной частицы при перефразировке текста в Хайдарабадском списке (BN $118a_{3-4}$). Ср. подобное же "инкорпорирование" частицы *mu* в другом отдеепричастном времени – настоящем на *-A/-j dur* (см. об этом ниже). Все вышеизложенное, подтверждая мысль о том, что в "Бабур-наме" отражена динамика развития прошедшего на

-(I/U)b tur, демонстрирует отсутствие в нем полной спаянности деепричастной основы и аффикса *tur* : их связывают полусвободные отношения.

Данная временна́я форма обозначает: а) действие, которое совершалось до наступления настоящего момента, б) действие, которое совершалось до настоящего момента и продолжает совершаться. Примеры: а) *barčany öz toqγanlarymdyn* (BN 201a$_2$: *toqqanlarydyn*) *jaŋšyraq körub ri'ajät wä šäfäqqätlar qylybtur men* БН 254$_{10-11}$, BN 201a$_{1-2}$ 'Всех [тех, кто был с Бабуром в трудные для него годы,] я привечал лучше, чем собственных родственников, и оказывал [им] много уважения и снисхождения', см. еще БН 447, BN 345b; б) *jinä ŋätlaryŋda jalγuzluq jalγuzluq kim dep sen* БН 452, BN 349a 'Еще: в твоих письмах звучит [тема] одиночества' (букв. 'одиночество одиночество, о котором ты говоришь') – протяженность действия, передаваемого формой *-b tur*, подчеркивается мн. числом имени *ŋätlaryŋda* 'в твоих письмах' и повтором имени основной темы *jalγuzluq jalγuzluq* 'одиночество одиночество'; *čun taylary berk wä särhädta waqi' bolubtur* (BN 32a$_{11}$: *bolubturlar*) *mal bermakta rajiž emastûrlar* (БН 40$_8$: *emastur*) БН 40$_8$, BN 32a$_{10-11}$ 'Так как горы [чогреков] непроходимы и расположены на окраине (букв. на рубеже), [чогреки] не торопились сдавать скот': действие, обозначаемое данной временно́й формой, стало восприниматься как совершающееся безотносительно ко времени. Благодаря именно этому своему значению временна́я форма на *-(I)ŋ tur* используется в "Мухакамат ул-лугатайн" Навои при описании таких устойчивых явлений, как грамматические и лексические особенности языка (см. ркп № 5829, с. 17, 29, 36 и сл.).

1.Б. В группе абсолютных времен сферы настоящего и будущего важное место занимает частотное в языке "Бабур-наме" настоящее-будущее на *-(A/U)r*. Отрицательная форма *-mAs*, см. *rast kelmas* БН 452, BN 349a. Спряжение по лицам осуществляется с помощью полных лично-числовых показателей, 3-е лицо совпадает с временной основой. Для выражения отрицания в 1-м лице ед. числа одного глагола *bil-* 'знать' используется инодиалектная (по Н.И.Ильминскому – "туркменская", по К.Броккельману – "гузская") форма *bilman* 'не знаю', см. еще [Щербак 1962, с. 177]. Примеры см.: БН 217, BN 173b; БН 241, BN 190b; БН 402, BN 309b; БН 446, BN 344b. Употребление этой отрицательной формы в "Codex Cumanicus" см. [Radloff 1887, с. 79, 81]. В "Бабур-наме" используется исключительно в функции вводного слова, см. типичный пример: *bilman ne žärimä bilä sultan abu sä'jid mirza hiridin iŋraž qyldy* БН 213, BN 170b 'Не знаю, за какой проступок Султан Абу Саид мирза изгнал [его] из Герата'.

Настоящее-будущее употребляется в значениях "настоящего неотносительного": а) действие охватывает настоящий момент в широком временно́м отрезке, б) действие обычное или повторяемое и в значении в) будущего [СИГТЯ, с. 404]. Примеры: а) *säŋ taraš-lyq qylur tašlarny tämam bu taydyn eltarlar* БН 61, BN 49a ‘Камень, годный для поделок, полностью привозят с этой горы’, см. еще БН 144_{17}, BN $118b_{12}$; б) *därwiš wä qary wä aq saqallyq hämišä čaγyr ičar sen sipahi wä jigit wä qapqara saqallyq härgiz ičmassen* БН 319, BN 240b ‘Дервиш, старик с седой бородой, он постоянно пьет вино, ты [же], воин, молодой человек с черной-пречерной бородой, никогда не пьешь’. Интерес представляет разночтение с варьированием данной временно́й формы и неопределенного имперфекта I: *meniŋ ‘ädatim amanlyqta häm ol dur kim ton čyqarmaj jatarmen* БН 131_{3-4} ‘Мой обычай даже в мирное время таков, что я ложусь [спать], не снимая одежды’, ср. *men hämišä amanlyqta häm ton* ﺗﻮﻥ ﻳﻮﻗﻮ ﺍ *čyqarmaj oq täkjä qylur edim* BN $106b_{8}$ ‘Я всегда, даже в мирное время, ложился (букв. прилегал), не снимая одежды и шапки (?)’, см. еще БН 452, BN 349a; в) *amma körajim kim qajsyŋyz meniŋ qašymγa kela alursyz* (BN $118b_{13}$: *alur*) БН 144_{18}, BN $118b_{13}$ ‘Но посмотрю-ка я, кто из вас сможет подойти ко мне’, см. еще БН 50, BN 40b; БН 104, BN 85a; БН 447, BN 345b.

Стилистически настоящее-будущее на *-(A/U)r* может использоваться как а) настоящее экспозиционное, б) для передачи внезапно наступившего действия в прошлом, в) для передачи прошлого единичного действия как удивительного, неожиданного (например, в рассказе об одном из пророческих снов повествователя), типологически ср. [Грамматические исследования, с. 114–116, 118–119]. Примеры: а) *bu jürušda iki jigit täwri čapqulašurlar* БН 81, BN 65b ‘В этом походе два йигита прекрасно рубятся на саблях’, см. еще БН 30, BN 24a; БН 97–98, BN 79b–80a; БН 450, BN 347b; б) *šajŋ bajäzid özini ǯäŋälγa salyb qutulur* БН 438, BN 338b ‘Шейх Баязид, бросившись в заросли, спасается’, см. еще БН 202, BN 162b; в) *ošal* (BN $83b_{4}$: *ošol*) *fyrsat ‘äǯäb tüš kördum tüš körarmen kim...* БН 102_{10-11}, BN $83b_{4-5}$ ‘В это самое время я видел удивительный сон. Снится мне сон, что...’, см. еще в пересказе одной из тех "удивительных" (по определению Бабура) историй, которые рассказывали про эмира Джани бек Дулдая, – БН 26_{13-17}, BN $21a_{2-6}$.

Настоящее время на *-A/-j dur*, частотное в "Бабур-наме", изменяется по лицам и числам путем присоединения полных личночисловых показателей (3-е лицо совпадает с временно́й основой), их может принимать также и непосредственно деепричастная основа. См. *kela durmen* БН 397, BN 306b ‘я прихожу’, но *jürujmen*

БН 386, BN 298a; *keladur* БН 282, BN 220b 'приходит'. С точки зрения уровня эволюционной динамики данной временно́й формы нельзя не заметить, что а) показатели модальности присоединяются ко всей временно́й основе, включая аффикс *tur* (а не к деепричастной основе, как это наблюдается в отношении прошедшего на *-b tur*), хотя б) вопросительная частица *mu* "инкорпорируется" между деепричастной основой и аффиксом *tur* (т.е. так же, как и в прошедшем на *-b tur*). Примеры: а) *keladur ekan dur* БН 231, BN 183b 'оказывается, он приходит', *aladur emiš* БН 448, BN 346a 'оказывается, он берет', *baradur ekandur* БН 142_{18}, но *jürujdur ekandur* BN $117a_{9}$ 'он, оказывается, ходит'; разночтения показывают, что возможность присоединения показателя модальности непосредственно к деепричастной основе *-A, -j* характеризует преимущественно Керов список, ср. *bara-dur-lar ekan-dur* BN $278b_{12}$, но *bara ekan-dur-lar* БН 360_{18}; *kela emiš* БН 102_{11-12}, но *kelmiš* BN $83b_{8}$; б) *bera mu dur* БН 396, BN 305b 'передаст ли', *qulaɣyn tuta mu dur... čirajin čyta mu dur* БН 240, BN 190a 'зажимает ли уши ... хмурит ли лицо'.

Временна́я форма на *-A/-j dur* передает следующие значения: а) действие, совершающееся в настоящий момент; б) будущее действие, которое в отличие от будущего на *-ɣu[sI] dur* лишено оттенка обязательности, непременности (см. ниже). Примеры: а) *ḫäbär keldi kim šah mansurnıŋ qyzy... keladur* БН 282, BN 220b 'Пришло известие, что дочь Шах Мансура... едет', см. еще БН 448, BN 346a; см. также в прямой речи БН 145, BN 119a; БН 218, BN 174a; б) *jinä bir dadäkni* (دادکنی) *anyŋ soŋyča jibardy kim körgaj ol zähr bera mu dur joq mu* БН 396, BN 305b 'Вслед за ней она послала еще одну невольницу, чтобы та посмотрела, передаст ли она тот яд или нет'; см. еще БН 386, BN 298a (здесь данной формой передается решение Рана Санги идти на Агру – из последующего текста видно, что решение это выполнено не было).

Морфологическая семантика этой временно́й формы обогащается ее стилистическим использованием; в "Бабур-наме" это еще и "настоящее экспозиционное" [Грамматические исследования, с. 114], служащее для передачи прошедших действий, пример: *el munyŋ bu oqušydyn birisi qulaɣyn tuta mu dur jinä biri čirajin čyta mu dur* БН 240, BN 190a 'Люди от этого пения этого [незадачливого певца] кто зажимает ли уши, еще кто хмурит ли лицо', *tar köčäda atlyq el tyqyldylar turdylar ne ilgäri jüruj aladurlar ne kejinga jana aladurlar* БН 251, BN 198b 'На узкой улице столпился конный люд; стояли [на месте от тесноты]: ни вперед не могут идти, ни назад не могут отступить' (в целях эмфазы здесь ни одно из однородных

сказуемых не "компрессировано" в деепричастие). Другое стилистическое применение формы на *-A dur* – "настоящее эмоциональной актуализации" (настоящее о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданном) [Грамматические исследования, с. 116, 117], примеры: *teŋri mäŋa baštyn žan berdi ol dunjadyn keladurmen* БП 397, BN 306b 'Бог даровал мне заново жизнь, я [словно] с того света возвращаюсь', *közum ujqyŋa barybtur köradur men kim...* БП 144, BN 118b 'Сон смежил мне глаза. И вижу я, что...' (в рассказе о пророческом сне повествователя). Это же время может передавать действие типичное, неслучайное, см. *qazan arabasyny üč tört fil asan tartyb baradur* БП 356, BN 275a 'Три–четыре слона легко везут пушечный лафет', см. еще БП 373, BN 288a.

Два действия, повторяемых в прошлом и друг с другом связанных, могут быть выражены двумя формами, принадлежащими к разным временны́м сферам – прошедшего и настоящего, а именно *-Ub tur* и *-j dur*, см. *nečä näwbät kim mundyn ötubturbiz härgiz bu rudta aqar suw köru almajdur* БП 190, BN 153b 'Мы несколько раз переходили через это [русло], никогда нельзя увидеть в этом русле (букв. реке) текущей (проточной) воды'.

Частотное в языке "Бабур-наме" будущее категорическое на *-ŋu[sI] dur* представлено здесь полной парадигмой склонения. Временная основа на *-ŋu* принимает аффиксы принадлежности и аффикс *dur*, который здесь конструктивно обязателен, см. ед. число: *atlanŋum dur* БП 454, BN 350b 'я отправлюсь на коне', *kelgum dur* БП 149_{9} 'я прибуду' (но *kelgusi dur* BN $122b_{12}$ 'он прибудет'), *alŋuŋ dur* БП 216, BN 172b 'ты возьмешь', *barŋusy dur* БП 89, BN 73a 'он отправится'; мн. число: *tegurgumiz dur* БП 447, BN 345b 'мы прибудем', *tapšurŋulary dur* БН 19, BN 16a 'они поручат'. Редко употребляемая отрицательная форма представлена разночтениями: *urušmaŋulary dur* BN $83a_{5-6}$ 'они не будут сражаться', но *urušmaŋlary jyraq dur* БП 101_{21}, см. также лексическое разночтение: *tegmagusi dur* БН 477_{18} и *jetmagusi dur* BN $369a_{4}$ 'не достигнет'.

Значение этой временно́й формы – будущее действие, в обязательном совершении которого сомнений нет, примеры: *ošbu jaz teŋri keltursa albättä özumizni här näw' qylyb tegurgumiz dur* БН 447, BN 345b 'Этим летом, если бог приведет [т.е. поможет], любым способом мы обязательно прибудем [к вам]', см. еще БП 19, BN 16a; БП 89, BN 72b–73a; БН 191, BN 154a; БН 302, BN 235b.

Для семантического соотношения данной временно́й формы с другими временами сферы будущего показательно следующее разночтение с варьированием по спискам будущего на *-ŋu[sI] dur* и настоящего-будущего на *-(A/U)r : här qajan* (БП 140_{23}: *jerda*) *barsaŋyz ḫizmätta bolŋumyzdur* BN $116a_{4-5}$, БП 140_{23} (*qulluŋda bolurbyz*) 'Ку-

да бы Вы ни пошли, мы будем [у Вас] в услужении' (сопоставительно о значениях этих двух временны́х форм см. [Ильминский 1863, с. 7]). Настоящее на *-A/j dur* семантически отличается от вышеупомянутых отсутствием оттенка обязательности.

Форма на *-yu(sI dur),* видимо, одна из сравнительно молодых временны́х форм, в силу этого она во всей парадигме спряжения сохраняет в неприкосновенности облик сложновербальной конструкции, не претерпевшей еще подравнивания под те или другие модели сложившейся ранее системы времен, ср. мысль о разной мере вовлеченности временны́х форм в систему времен [Гузев 1990, с. 89]. Естественно, что сравнительно молодая форма имеет и четкую семантическую специализацию ("обязательное будущее время"); именно поэтому *-yu(sI dur)* осталась в стороне от различных стилистических применений, столь характерных для других времен сферы настоящего и будущего.

2. В группе относительных времен преждепрошедшее на *-yan edi* имеет временно́й основой перфект I на *-yan*, за которым следует показатель *edi*. В преждепрошедшем на *-yan edi* отрицание передается с помощью *emas,* следующего за временно́й основой: *mundyn burun dińni körulgan emas edi* БН 302, BN 235a 'До этого [мы] не видывали птицу динг', см. еще БН 328, BN 253b. Лично-числовой показатель также может следовать за основой, а вопросительная частица "инкорпорируется" между основой времени и *edi,* см. пример: *bilman qorqqanlary mu edi ja elni qorqutqanlary mu edi* (BN $309b_{10}$: *qorqutmaqlary mu edi*) БН 402_{4-5}, BN $309b_{9-10}$ 'Не знаю, [сами] ли они испугались или народ они испугали'.

Предпрошедшее на *-mIš edi* представлено в Керовом списке: *andiǯanya bula sämärqändny eliktin berduk andiǯan häm eliktin čyqmyš* (БН 67_{21}: *čyqmyš edi*) БН 67_{20-21}, BN $54a_{11-12}$ 'Ради Андижана мы выпустили из рук Самарканд, Андижан тоже ушел [у нас] из рук' (единичный пример).

Плюсквамперфект II, образуясь от прошедшего на *-b tur,* присоединяет показатель *edi* к деепричастной основе, является частотной временно́й формой. Отрицательная форма *-mAb edi* встречается преимущественно в Керовом списке, а в Хайдарабадском заменяется отрицательной формой неопределенного имперфекта II *-maj dur + edi*. Примеры: *bu ǯämaʿät kim mäzkur boldylar hič kim* (БН 267_5: *qajsysy*) *beklik* (БН 267_6: *amirlik*) *märtäbäsiya jetmab edilar* (BN $210a_4$: *jetmaj dur edi*) БН 267_{5-6}, BN $210a_{3-4}$ 'Никто из этого сообщества, о котором упоминалось выше, не достиг сана бека (эмира)'; см. еще *körulmaj dur edi* BN $215b_6$, но *körulmab edi* БН 275_3.

Значение предпрошедшего действия видно из такого примера. Бабур пишет о том, что решил Рана Санка, – *mundaq qärar qylyb*

edi kim... БН 386, BN 298a 'Он так решил, что...': из последующего текста становится ясно, что это свое решение Рана Санка не выполнил, при этом используется прошедшее категорическое на *-dy*. См. еще БН 464, BN 359b.

Частотным является неопределенный имперфект I, образуемый от настоящего-будущего на *-(A/U)r* (отрицательная форма *-mAs*) с помощью *edi*. Значение длительности, обычности действия хорошо видно из следующего примера: *burunlar köp ičar edi soŋralar häftäda bir iki qatla suhbät tutar edi... soŋralar mä'ǯun köprak iŋtijar qylur erdi* БН 9, BN 7b '[Омар Шейх] прежде пил много, впоследствии устраивал пирушки один–два раза в неделю... Потом посильней пристрастился к возбуждающему средству'. См. еще БН 218, BN 174a; БН 240, BN 190b; БН 378, BN 291b.

Прошедшее незаконченное на *-A/j dur edi*, частотное в "Бабурнаме", образуется посредством показателя *edi* от настоящего на *-A/j dur* (с сохранением *dur* – в отличие от плюсквамперфекта II на *-b edi*, где *dur* выпадает). Аффикс мн. числа *-lAr* может присоединяться к временно́й основе *-A dur aɣzyɣa pähtä bilä suw tamizadurlar edi* БН 67, BN 53b 'Ему [т.е. государю – Бабуру во время болезни] в рот закапывали воду с помощью ваты', *sä'ilar qyladurlar edi* БН 242, BN 192a 'они проявляли большое усердие', хотя другие лично-числовые показатели присоединяются ко всей словоформе в целом: *ri'ajät qylmajdur edim* БН 243, BN 192a 'я не оказывал милости'.

К.Броккельман, рассматривая форму на *-a* [*dur*] как "новообразованную форму" желательного наклонения [Brock., с. 229], соответствующим образом истолковывает ее распространение путем добавления *ärdi* [Brock., с. 230], другую трактовку ср. [Гузев 1990, с. 80–81, 87–88]. Отрицательная форма *-mAj dur edi* здесь частотна, поскольку она используется не только для обозначения прошедшего незаконченного, но также и для плюсквамперфекта II на *-b edi* (вместо *-mAb edi*); в силу этого различить два названных времени в отрицательной форме часто бывает весьма затруднительно, см. ниже.

Прошедшее незаконченное передает прошедшее незаконченное действие, фиксируемое в определенный момент своего совершения. Примеры: *qatyq jel qopty kim jyqylmaɣan čadyr käm qaldy men čärgah ičida kitab qyladur edim* БН 487, BN 376b 'Поднялся жестокий ветер, [так] что мало осталось шатров, не опрокинутых [им]. Я [в это время] занимался сочинением (букв. делал книгу) в [своей] палатке'; *men därwäzä üstidin näwk atadur* (БН 112_{21}: *atar*) *edim jinä bä'zi jawuɣumdaɣylar oq atadur edilar* БН 112_{20-21}, BN $92a_{8-9}$ 'Я с ворот тогда (БН: долго) стрелял из самострела, тогда же неко-

торые мои приближенные еще метали стрелы', *...qačyb tänbälya kim hänuz ošya jetmaj dur edi baryb qošuldylar* БП 78, BN 63a 'Некоторые йигиты] бежали и, пойдя к Танбалу, который еще не дошел до Оша, присоединились', *sözni bir jerga qojulmajdur erdi* БП 78, BN 149b 'тогда еще к единому решению [мы] не пришли'. См. разночтение *keladur erdi* БП 18_4, но *keladurganda* BN $14b_8$.

При изложении одного драматического эпизода можно наблюдать "стилистическую игру" целой палитры временны́х форм – "фонового" претерита *-dy*, настоящего на *-a dur* (о прошлом единичном факте как удивительном, неожиданном), плюсквамперфекта II на *-b edi* и отрицательной формы *-maj dur edi* плюсквамперфекта II (или прошедшего незаконченного на *-a dur edi*?): *jalaŋač qylyč elikta kirib keldi mäŋa oq tikilib keladur ǯäbä kijib edim ǯärbčl baylamaj dur edim dubulya häm kijmajdur edim* БП 251, BN 198b–199a 'С обнаженной саблей в руке [какой-то человек] вошел [в сад]. Он несется прямо на меня. Кольчугу я надел, медные бляхи [на ней] не завязал, шлема тоже не надел'.

Прошедшее длительное на *-mAkta edi* – малочастотная форма в "Бабур-наме", причем встречающаяся только в 3-м лице, отрицательной формы не наблюдается. В сфере настоящего временна́я форма на *-mAkta* не отмечается. Судя по всем этим проявлениям, можно предположить, что данная временна́я форма была инновационной в чагатайском литературном языке. Ср. употребление *-мэхтэ* в значениях настоящего-будущего и настоящего конкретного времени в андижанском говоре узбекского языка́, преимущественно в языке фольклора и речи учащихся [Иброхимов 1967, с. 199].

В тексте "Бабур-наме" временна́я форма на *-mAkta edi* соотносится с плюсквамперфектом II (или с замещающим его в функции однородного сказуемого деепричастием на *-p*) как прошедшее действие, находившееся еще в процессе совершения, с совершенным прошедшим действием. Примеры: *fasil üstiga jayy kišisi bä'zisi čyqyb edilar bä'zi čyqmaqta edilar* БП 114, BN 93a 'Некоторые из людей врага уже взобрались на внутреннюю стену [крепости], другие еще [только] взбирались', *bä'zi čadyrlar tikilib bä'zi tikilmakta edi...* БН 410, BN 316a 'Некоторые шатры уже поставлены, некоторые еще [только] ставились'.

Об экспрессивно-стилистическом использовании временны́х форм

Случаи стилистического использования временны́х форм для оживления повествования приходятся в основном на сферу настоящего и будущего времени. В качестве "настоящего экспозицион-

ного" могут употребляться как настоящее-будущее на *-(A/U)r*, так и настоящее на *-Λ/j dur*; обе эти формы могут передавать прошлые единичные действия как удивительные или неожиданные, а настоящее-будущее еще и выражает внезапно наступившее действие в прошлом.

В целях эмфазы повторяются временны́е формы сферы прошедшего: а) словоформы претерита на *-dI*, б) несколько реже – неопределенного имперфекта I на *-(A/U)r edi* – в обоих (а, б) случаях вопреки обычной "замене" одного из однородных сказуемых деепричастием. Примеры: а) *sultan husäjn mirza aldy wä sewdi* БН 211, BN 169a ʿСултан Хусейн взял [Хадичу биким] и любил [ее]', *meni tiladi biznің bäʿzi ičkilarni wä jigitlarni tiladilar* БН 240, BN 190b ʿПригласил [на пирушку] меня, некоторых наших придворных и йигитов пригласили' (здесь эмфаза осуществляется повторяющимися как глагольными, так и именными словоформами вин. падежа), см. еще БН 151, BN 123b; БН 179, BN 145a; БН 243, BN 192a; в составе однородных именных сказуемых дважды повторена связка в форме претерита: *qar tebar kiši men edim on on beš ički bilä qasim bek edi* БН 244, BN 193b ʿЛюдьми, утаптывающими снег [во время тяжкого зимнего перехода через горный перевал], был я, был Касим бек с десятью–пятнадцатью приближенными'; б) *bir olturγan bilä mäǯlisda gahi bir keča kündüz olturur edi jaḫšy ičar edi* БН $24_{4\text{-}5}$, BN $19a_{8\text{-}9}$. ʿОдин раз севши, он мог иногда просидеть на пирушке целые сутки, умел хорошо пить'. На возможности взаимозамены первого из подобных однородных сказуемых деепричастием основано следующее разночтение: *andaq uruš häm bolmady* (БН 51_{20}: *bolmaj*) *basyldy* БН 51_{20}, BN $41b_3$ ʿ[И уж] такого сражения не было, [а Бади ʿаз-Заман] был разбит'.

§ 5. Повелительное наклонение

Для 2-го лица ед. числа используется: а) неаффигированная форма, совпадающая с основой глагола, б) основа глагола (отрицательная – с аффиксом *-mΛ*) + аффикс *-γyl, -gil*, причем обе эти формы могут совмещаться в одном микроконтексте: *dejildi kim törä wä toqa bilä elčilik qylurmy qojγyl bi täklifanä kel* БН 305, BN 237b ʿМы сказали [послу Мирза хана]: оставь обычные приемы начальника и главы посольства, приходи [на нашу пирушку] без церемоний'. См. еще примеры: а) *kel* БН 26, BN 21a ʿприходи', б) *sämärqändta sen olturγyl* БН 451, BN 348b ʿТы садись [на правление] Самаркандом', см. еще БН 452, BN 349b. Разночтение отмечено в пословице: *ynanmaγyl dostuŋγa...* BN $78b_1$ ʿНе верь своему другу...' и *ynanmaγyn...* БН 96_{11} (последняя не поддерживается формо-

употреблением в обоих списках "Бабур-наме"; в "Шейбани-наме" отмечена только форма на *-ɣul* [Турабова 1966, с. 20]; см. также *-ɣyl*, но *-ɣyn* под вопросом [Radloff 1890, с. 66]).

2-е лицо мн. числа представлено: а) частотной формой на *-(I)ŋ* и б) не столь употребительной *-(I)ŋlz*; обе формы применяются как в отношении множества лиц, так и одного лица (вежливая форма). Примеры: а) применительно к множеству лиц: *men jawuɣumdaɣy jigitlarga dedim kim tüšub zurlaŋ* БН 251, BN 198b ‘Я сказал йигитам, которые были при мне: "Спешивайтесь (букв. спускайтесь), примените силу!"’, см. еще БН 149, BN 122b; БН 395, BN 304b; разночтения: *qopuŋlar* БН 131_{10}, но *qopuŋ* BN $106b_{7}$ ‘вставайте!’ (по отношению к множеству лиц), *sizlar qatylyŋ* БН 331_{5} ‘вы соединитесь!’, но *siz qatylyajsyz* BN $256a_{7}$ ‘вы соединяйтесь [в будущем]’; вежливая форма применительно к одному лицу: *bir neča dedilar kim ḫäwalya baryŋ barmadym* БН 246, BN 194b ‘Несколько [приближенных] говорили [самому Бабуру]: "Идите в пещеру!". Я не пошел’, см. еще БН 70, BN 56b; БН 200, BN 161a; б) применительно к множеству лиц: *alarya bujuruldy kim... alyŋyz* БН 201, BN 161b ‘[Я] приказал им: возьмите!’; почтительная форма при обращении к Бабуру: *dedilar kim yam jemaŋiz* БН 144, BN 118b ‘Они сказали: "Вы не печальтесь!"’.

3-е лицо ед. числа имеет показатель *-sUn*, мн. числа – *-sUnlAr*. Примеры: *berkitsun* БН 149_{6}, $BN122a_{7}$ ‘пусть укрепляет’; *kelsunlar* БН 96, BN 79a ‘пусть приходят’. Форма 3-го лица мн. числа может употребляться для выражения почтительности к человеку, обозначенному в тексте 3-м лицом ед. числа: *kamranniŋ kišisi ḫoǯäya barur kim hoǯä kelsunlar här ne färman bolubtur tegursunlar* (BN $345b_{8}$: *tegsunlar*) БН 447_{19-20}, BN $345b_{7-8}$ ‘От Камрана к Ходже пойдет человек, чтобы Ходжа изволили прийти (букв. пусть придут), что ни приказано, пусть доведут [до сведения]’, см. еще БН 149_{9}, BN $122a_{9-10}$.

Наличие большого количества форм повелительного наклонения, особенно 2-го лица мн. числа на *-(I)ŋ*, обусловлено личностью повествователя-государя, которому свойственно передавать свое волеизъявление в категорической форме повелительного наклонения, и соответственно – характером повествования, где описание военных действий занимает значительное место (а с этим также неизбежно связаны повеления и приказы в категорической форме).

§ 6. Желательное наклонение

Желательное наклонение (оптатив) имеет ограничения парадигмного характера: оно представлено только аффиксами 1-го лица ед. и мн. числа: а) для ед. числа – *-Aj, -AjIn, -AjIm*, б) для мн.

числа – *-Allŋ*, о морфемных отношениях внутри этих показателей и взаимоотношениях последних см. [Brock., с. 228; Благова 1973; СИГТЯ, с. 334–339]. Примеры: а) *...üzgandga kirib bu kün čyqaj tanla čyqaj dep hil qylyb čyqmajdur edi* БИ 95, BN 77b ‘...Он вошел в Узгенд и, обещая (букв. говоря): сегодня выйду-ка, завтра выйду, – [всяческими] хитростями так и не вышел пока [из крепости]’, см. еще БИ 222, BN 176b, см. парное употребление положительной и отрицательных форм с этим показателем оптатива: *mulahäzä qyldylar turaj turmaj kelaj kelmaj degandek qylyb ne tura aldy* (БН 345_1: *aldylar*) *ne burunqydek bi diräŋ* (БИ 345_1: *bi diräŋ* пропущено) *kela aldy* БИ 344_{23}–345_1, BN $266b_{4-5}$ ‘[Враги] раздумывали. Ведя себя так, словно бы они говорили: ”Стоять мне [или] не стоять, идти [или] не идти?” – не могли ни стоять, ни идти без задержки [вперед], как прежде’; *men häm här täšwis wä mäšäqät bolsa körajin här nečük el taqat qylyb tursa turajyn* БН 246, BN 194b ‘Какие ни на есть тяготы и затруднения – я испытаю-ка, сколько ни будет народ терпеть, вытерплю-ка и я’; *körajim kim qajsyŋyz meniŋ qašymya kela alur* (БИ 144_{18}: *alursyz*) БИ 144_{17-18}, BN $118b_{12-13}$ ‘Посмотрю-ка я, который из вас сможет подойти ко мне?’; б) *kel körušaliŋ* БИ 255, BN 202a ‘Иди, поздороваемся’, *kel kürasaliŋ* БИ 26, BN 21a ‘выходи, поборемся’, *agär közuŋiz qorqsa közuŋizni baylab jürub rubäru bolalyŋ* БИ 115, BN 94b ‘Если Ваши глаза боятся [Танбала], завяжите Ваши глаза и пойдем-ка встретимся [с ним в бою]’, см. еще БИ 231, BN 183b.

Из примеров видно, что оптатив часто встречается наряду с повелительным наклонением, а употребляется в составе сложноподчиненного предложения в аподозисе при условном придаточном предложении или же, наоборот, в придаточном дополнения. Разночтение основано на возможности взаимозамены в последнем случае формы оптатива на форму настоящего времени изъявительного наклонения, см. *bir ḫijal qyldym kim... atlarny alalyŋ* BN $117a_2$ (БИ 142_3: *atlaryny tilab alamen*) ‘Была у меня одна мысль, что... возьмем-ка мы коней (попрошу и возьму его коней)’. В другом разночтении наряду с перефразировкой текста представлена замена формы желательного наклонения 1-го лица мн. числа на конструкцию долженствовательной модальности, притом что данная желательная форма, имеющая здесь показатель *-ajik*, свойственна преимущественно Керову списку (по изданию Ильминского), см. *berajik* БИ 132_{20} ‘дадим-ка мы’, но *bermak kerak* BN $108a_7$ ‘следует отдать’.

Образование форм оптатива 1-го лица ед. числа с помощью аффикса *-йын/-айын*, а мн. числа – *-алы, -али*, см. [Наджип 1989,

с. 166] или *алым, -älum,* см. [Насилов В. 1963, с. 68, 70; Гузев 1990, с. 92 и сл.].

1. Желательное будущее

Все исследователи, считающие форму на *-ɣaj* будущим временем, подчеркивают в нем непременную сему модальности ["будущее долженствовательное ∞ желательное (Optative) ∞ возможное"]. В языке "Бабур-наме" *-ɣaj* является формой с богато развитой системой вариантов модального значения, и уже это препятствует отнесению ее к изъявительному наклонению; обоснование причисления *-ɣaj* к желательному наклонению см. [СИГТЯ, с. 330]. Примечательно, что еще И.И.Ильминский отмечал: форма на *-ɣaj* "в виде причастия никогда не встречается" [Ильминский 1863, с. 10].

Форма на *-ɣaj* спрягается здесь по всем трем лицам и числам, см.: *barɣajmen* БН 233, BN 185a '[чтобы] мне идти', *ne qylɣajsen* БН 193, BN 155b 'что тебе делать?', *qylɣaj* БП 451, BN 348a '[чтобы]ему делать', *atlanɣajbiz* БП 257, BN 203a '[чтобы] мы отправились в поход'; *šajäd čyqa alɣajsyz* BN 115a$_{13}$, *qutulɣajsyz* БП 139$_{23}$ 'быть может, Вы сможете уйти (спастись)', *alɣajlar* БП 101, BN 82b '[чтобы]они взяли'.

Синтаксически независимо, в качестве собственно желательного наклонения, *-ɣaj* встречается нередко. Один из наиболее характерных примеров – выдержка из письма Бабура к сыну Хумаюну по поводу рождения внука Ал-Амана: *teŋri tä'ala mundaq sewinčlarni* (БН 451$_2$: *sewinčlar*) *mäŋa wä säŋa hämišä ruzi qylɣaj... teŋri a:tyny wä zatiniˈ färhändä wä mubaräk qylɣaj mäŋa wä säŋa köp jyllar wä bisjar kärnlar al-amanni däwlät wä sä'adät bilä tuta bergaj* БН 451$_{1-2,\ 5-7}$, BN 348a$_{11-14}$–b$_1$ 'Да удостоит Всевышний бог меня и тебя всегда таких радостей! ...Да сделает господь имя и персону Ал-Амана счастливыми и благословенными! Да хранит он для тебя и меня Ал-Амана в счастии и благоденствии долгие годы, многие века!'. В этом примере форма на *-ɣaj* передает столь деликатно выраженное пожелание, смягченное приглашение, призыв к совершению действия ("увещевательное наклонение"), что его уместно адресовать даже Всевышнему (для этого здесь неуместно применение других форм желательного наклонения).

Стилистическое применение форма на *-ɣaj* находит в составе риторического вопроса: *...mundaq mähälda kim el qačyb ol wilajätqa bardy tähäkkum tariqi bilä tämä' qyladur agär burunraq bu söz arada bolsa edi fi-l-ǯumlä wäǯhi bar edi alarnyŋ tähäkkumini kim tartar bolɣaj* (BN 52a$_2$: некорректно *bolɣan*) БП 64$_{23}$–65$_{1-2}$, BN 51b$_{13-14}$

52a$_{1-2}$ ... В этакое время, когда народ бежал в ту область, [Джехангир мирза] алчно стремился взять [ее] силой. Если бы речь о том зашла раньше, то, в общем, нашлось (букв. было) бы [какое-то] средство, [но] кто же станет терпеть их владычество?!'.

Значения пожелания, а также указания на необходимость совершения действия просматриваются в случаях синтаксически зависимого употребления формы на *-ɣaj* и в аподозисе условного периода. Эта форма выступает в функции сказуемого придаточного предложения дополнения, которое подчинено главному предложению со сказуемым – глаголом приказания (а), вынужденного действия (б) или глаголами речи и мысли (в), модально-предикативным словом *kerak* 'нужно' (г). Придаточное предложение при этом вводится обычно союзом *kim (ki)* 'что', при главном сказуемом – глаголе речи изредка бывает представлено бессоюзное подчинение. И.И.Ильминский, имея в виду подобное употребление *-ɣaj*, считал возможным называть эту форму "сослагательным наклонением" [Ильминский 1863, с. 14]. Вместе с тем, сравнивая функционирование трех различных форм – на *-ɣaj, -ɣu[sI] dur, -(Λ/U)r*, он отмечал: "... резко различаясь одна от другой в основном значении, они нередко сходятся по употреблению; например, обещание или предположение выражается каждою из них" [Ильминский 1863, с. 23].

Примеры: а) *bujuruldy kim iki üč jerda särkublar jasab näqblar salɣajlar qä'lägirlyq asbäbiya bihäd mäšɣul bolɣajlar* БН 39, BN 31a–b '[Мы] приказали, чтобы они в двух–трех местах соорудили валы, прорыли подкопы и усердно занялись бы орудиями для захвата крепости', аналогично при именном сказуемом: *färman häm mundaq tur kim här qačan ɣazi ŋan* (БП 331$_3$: *ŋannyŋ*) *inisi ŋaɣi ŋanny oɣly bilä därgahqa jibarsa* (BN 256a$_6$: некорректно *jibar*) *ja ol kim lahorɣa jibarib giraw josunluq tursa sizlar qatylyŋ joq ersa qošulɣučy* (BN 256a$_7$: некорректно *qošulɣačy*) *bolmaɣajsyz* БП 331$_{3-5}$, BN 256a$_{5-7}$ 'Приказ таков: если Гази хан пришлет ко двору своего младшего брата Хаджи хана с его сыном или если тот, кого он пришлет в Лахор, пребывает [там] в качестве заложника, то Вы [к нему] присоединяйтесь; если же [этого] не будет, то Вы не должны присоединяться'; б) *išni muŋa jetkurdi kim mäŋa ruŋsat berib ǯähangir mirzani padišah qylyaj* БП 31, BN 22b 'Он вел дело к тому, чтобы меня отпустить, [а] Джехангир мирзу сделать государем'; особенно часто – с глаголом *jibar-* 'посылать' (кого-л. с какой-л. целью), см. БП 101, BN 82b; в) *keliŋ ajtyŋ kim teŋri rast keltursa sämärqändny qačan alɣajbyz bä'zi dedilar kim jazɣa alɣajbyz ol mähäl keč küz edi... nujan kükaldaš dedi kim on tört künda alur-*

byz БП 102, BN 83b [Из совещания Бабура со своими военачальниками] ‘”А ну-ка, скажите, когда, если бог поможет, мы возьмем Самарканд?”. Некоторые сказали: ”К лету, наверное, возьмем” (в то время была поздняя осень). ...Нойан Кукельташ сказал: ”В четырнадцать дней возьмем”’ – этот последний пример интересен противопоставлением формы на *-γaj* (с преобладанием модальных оттенков, которыми не обеспечивается уверенность в совершении действия в будущем) и настоящего-будущего на *-Ur* (категоричность, уверенность в совершении действия, подтверждаемая последующим текстом: Самарканд был взят именно за четырнадцать дней). Возможность взаимозамены желательного на *-γaj* и будущего категорического на *-γu[sI] dur* при соответственном варьировании морфологической семантики представлена разночтением: *biz ḫijal qylduq kim qawγunčy kejindin köp bolγajlar* БП $139_{9\text{-}10}$, но *ḫijalγa kečti kim qawγunčy bularnyŋ kejinida päjwast bolγusy dur* BN $114a_{14}$–b_1 ‘На ум пришло (мы подумали), что за этими вплотную будут двигаться преследователи (преследователей сзади много)’. В следующем примере форма на *-γaj* употреблена в прямой речи, вводимой посредством деепричастия *dep* ‘сказав’: *ol padišah bolγanda men nečük anyŋ qašγa barγajmen dep...* БП 233, BN 185a ‘Сказав: Как я пойду к нему, когда он стал государем?’.

Приведем пример, когда форма на *-γaj* в придаточном предложении лишена какой-либо модальной окраски: *här sä‘at altmyš qysmät qylybturlar här qajsyny bir däqyqä dep turlar kim kečä* (BN $288b_{14}$: добавлено *wä*) *kündüz miŋ* (BN $288b_{14}$: *miŋ* написано как *niŋ*) *tört jüz qyrq däqyqä bolγaj* БП $374_{19\text{-}21}$, BN $288b_{13\text{-}14}$ ‘Каждый час разделили на шестьдесят [частей]; каждую [часть] называют минутой, [так] что в сутках будет тысяча четыреста сорок минут’; г) *bu jerda qyšlamaq kerak kim čerik eli ašlyqsyzlyqdyn* (БП 87_{13}: *ašlyqsyzdyn*) *‘aγiz bolmaγaj* БП $87_{12\text{-}13}$, BN $70b_{11\text{-}12}$ ‘Зимовать нужно здесь, чтобы войсковой люд не ослабел от бескормицы’. О подобном синтаксически зависимом употреблении форм желательного наклонения в староанатолийско-тюркском языке см. [Гузев 1990, с. 93–95], в современных гагаузском языке и балкано-турецких диалектах [Покровская 1972].

Дополнительные оттенки основного значения формы на *-γaj* могли быть весьма разнообразны. Форма на *-γaj* глагола *bol-* часто использовалась, например, для передачи своеобразных модальных смыслов, далеко отпочковавшихся от основного для этой формы значения пожелания, в частности для выражения приблизительности. Пример: *uzunlγγ täḫminan on qary bolγaj bäländlγγ bä‘zi jeri kiši bojy pästlγγ bä‘zi jeri* (БП $4_{20\text{-}21}$: некорректно *päst*

jeri) kišiniŋ beličä bolγaj БН 4_{20-21}, BN $3b_{10-11}$ 'Длина [камня] будет приблизительно десять кари (≈ семь метров), высота его в некоторых местах – в человеческий рост, нижина его в некоторых местах – по пояс человеку', см. еще БН 169, BN 137b.

Стилистически в целях достижения эмфазы каждое из однородных сказуемых придаточного предложения может выступать в форме на *-γaj* (без замены деепричастием на *-p*), см. БН 64, BN 51b.

2. Желательная модальность

В конструкциях желательной модальности настоящего времени используется производное от имени действия на *-mak – -makčy* в соединении со связкой *dur* (а), прошедшего времени – *-makčy* (б) и *-mak* (в), к которым присоединяются служебные *edi* (б) или *boldy* (б, в). Примеры: а) *laɣor üstiga kelmakčı dur* БН 328, BN 254a 'Они решают идти на Лагор', см. еще БН 399, BN 307b; б) *bu jaγγylarnyŋ üstiga atlanmaqčy eduk* БН 388, BN 299a 'Мы собирались (букв. хотели) выступить походом на этих врагов', см. еще БН 191, BN 154b, *moγullar tähqyq jaγγamaqčy boldylar* БН 276, BN 216a 'Моголы в самом деле хотели поднять мятеж (букв. враждовать)'; в) *därja kečmak boldylar* БН 438, BN 338b 'Они собирались перейти реку', см. еще БН 95, BN 77b; БН 272, BN 213b; БН 394, BN 304a; см. разночтение: *...kabulni taρšurmaq* (БН 156_4: *taρšurmaqqa*) *boldy* БН 156_{3-4}, BN $127b_{4-5}$ 'Он намеревался сдать Кабул'. Ср. "желательный глагол будущего времени" на *-мэхчъ (-мән, -сән* и т.д.) в андижанском говоре узбекского языка [Иброҳимов 1967, с. 214].

§ 7. Условное наклонение

Условное наклонение образуется путем присоединения аффикса *-ŞA* к глагольной основе; придаточное условное предложение может быть бессоюзным или же вводиться посредством союза *agär* 'если'. Пример: *nečük kim häjwanat bašyny kessalar* (БН 369_{17}: *kesarlar*) *häjati munqäti' bolur, ɦurma aγačynyŋ* (BN $285a_3$ *däräɦtiniŋ*) *häm bašy kesilsa däräɦti qurur* БН 369_{17-18}, BN $285a_{2-4}$ [Говоря о том, что финиковое дерево похоже на животных, Бабур отмечает]: 'Так же, как если отрежут голову животному, жизнь его прервется, [а] если финиковому дереву срезать верхушку, дерево засохнет'. При наличии союза *agär* возможно употребление временных словоформ изъявительного наклонения вместо словоформ условного наклонения: *agär mĕniŋ rizamni tilarsen ɦälwätnišinlyqny wä el biłä käm iɦtilatlyγyny ber täräf qylγyl* БН 452,

BN 349b ‘Если ты хочешь моего благоволения, оставь свое отшельничество и малообщительность с людьми’, см. еще БП 427, BN 330b.

Конструкции условной модальности – *-γan bolsa* (а), *-A duryan bolsa* (б), *-(A/U)r bolsa* (в), *-(U)šluq bolsa* (г) – передают различную временную градуировку действия-условия. Примеры: а) *agär jaman iš qylmaγan bolsa...* БП 165, BN 134a ‘если прежде [женщина] не совершала дурных дел...’; б) *jinä bä‘zi ǯäwahir wä ǯärawni häm jašurub čyqaraduryan bolsa zäbt qylγajlar* БП 335, BN 259a ‘Если он станет прятать и выносить драгоценности и вещи, пусть [его] арестуют’; б) *här kim agär barur bolsa ruḫsät berilgaj...* БН 423, BN 327a ‘если кто захочет уйти, [мы] отпустим’ (из клятвы верности, которую дали и знатные, и незнатные), см. еще БП 98, BN 80a; БП 430, BN 332b; в) *här jerda olturušluq bolsa...* БП 388, BN 299b ‘где бы ни пришлось обосноваться...’.

Об условном ирреальном *-sA edi* см. ниже (§ 8. Сослагательное наклонение). В придаточном предложении, вводимом предикативным словом *kerak*, форма на *-sA edi* передает долженствование, оставшееся нереализованным: *bular abu-l-muhsin mirzadin jaš-qa kičik edilar kerak kim burunraq istiqbalγa* (БП 234_{14}: *istiqbal*) *kelsalar edi* БП $234_{13\text{-}14}$, BN $186_{13\text{-}14}$ ‘По возрасту эти [мирзы] были младше Абу-л-Мухсин мирзы. Следовало бы им выйти навстречу раньше’.

Уступительное значение передается: а) синтаксическим способом посредством союзов *agärčä* ‘хотя’, *bawuǯud kim* ‘несмотря на то что’, ‘хотя и...’ *šäǯä‘äti bar erdi agärčä hič ‘andaq bolmady kim özinin eligi iška jetmiš* БП $23_{18\text{-}19}$, BN $18b_{12\text{-}13}$ ‘Ему была свойственна смелость, хотя ничего такого не случилось, чтобы руки его самого дошли бы до [настоящего] дела’, см. еще БН $23_{14\text{-}15}$, BN $18b_{9}$; БП 236, BN 187a; б) морфолого-синтаксическим способом с использованием конструкции условной модальности, после смыслового компонента которой ”вклинивается” союз *häm* ‘также, и’, ‘даже’: *ketari* (БП 54_{16}: *ketar*) *häm bolsa ol mähälda bi täräddud raq ketar bolur* БП $54_{15\text{-}17}$, BN $43b_{8\text{-}9}$ ‘Если даже придется уйти [от осажденной крепости], в то время можно уйти без [особых] колебаний’, см. еще пример при наличии союза *agär* – БП 240, BN 190b.

§ 8. Сослагательное наклонение

О целесообразности включения этого наклонения в тюркскую ”систему глагольных форм наклонений” см. [СИГТЯ, с. 362 и сл.].

Стержневой формой сослагательного наклонения является ”желательное будущее в прошлом” на *-γaj edi*; своими модальными

значениями предположительности, приблизительности и т.п., как бы спроецированными в прошлое, эта форма вполне соотносима с формой на *-yaj*. Примеры: *ḫatunlar* (БН 31_{11}: *ḫatun*) *arasyda ra'i wä tädbirda meniŋ uluy anam isan däwlät bekimča käm bolyaj edi* БН 31_{11-12}, BN $24b_{10-11}$ 'В отношении советов и рассудительности среди женщин, должно быть, мало было таких, как моя бабка Исан Даулат биким'; *ḫazir kišimiz miŋ čaylyq bolyaj edi* БН 266, BN 209a 'Имевшихся в наличии людей у нас было, должно быть, около тысячи', значение приблизительности (в прошлом) см. также БН 126, BN 102b; БН 235–236, BN 186b–187a.

Модальные значения формы *-yaj edi* сделали возможным частое ее употребление в аподозисе условного нереального периода со сказуемым в форме *-sA* или же *-sA edi* (такое формоупотребление *-yaj edi* – функция формы сослагательного наклонения). Пример: *agär ol qyšny ošol* (БН 88_3: *ošal*) *qyšlaqta ötkarilsa edi köprak* (БН 88_4: *köpräki bu*) *iŋtimali bu* (БН 88_4: *bu* пропущено) *edi kim jazyača urušsyz oq buzulyajlar edi* БН 88_{3-5}, BN $71a_{13-14}$–b_1 'Если бы ту зиму [мы] провели бы именно на той зимовке, то [наши] противники], вероятнее всего, до весны были бы сломлены даже без боя'.

Стилистическое применение сослагательная форма на *-yaj edi* нашла в составе риторического вопроса, см. пример: *agär mundaq uluy qar bolmasa andaq bi rah učma wä sekirtmadin kim öta alyaj* (BN $195a_{14}$: *ötalyaj*) *edi balki agär uluq qar bolmasa awwalyy učmada* (БН 247_8: *učmda*) *oq elniŋ at wä tewäsi tämam qalyaj edi* БН 247_{6-8}, BN $195a_{14}$–b_1 'Если бы не было такого большого снега, кто мог бы пройти через такие непроходимые стремнины и обрывы? Если бы не было большого снега, то в первой же стремнине погибли (букв. остались) бы все лошади и верблюды моих людей' (перевод Н.И.Ильминского; корректировка наша. – *Г.Б.*).

§ 9. Словообразование глаголов

В языке "Бабур-наме" богато представлены различные модели как отыменного, так и отглагольного образования глаголов. В числе их такие архаические, как, например, образование глагола от именных и глагольных основ с помощью аффикса *-(y)q* (см. [Севортян 1962, с. 282]). Примеры: *jaŋyq-* БН 211, BN 169b; БН 276, BN 216a 'враждовать', *joluq-* БН 296, BN 231a 'встретиться (в пути)', *azyq-* БН 488, BN 377b 'заблудиться, сбиваться с пути', *talyq-* БН 151, BN 123b; БН 245, BN 193b 'утомиться, устать, изнемогать, ослабевать', См. с аффиксом *-yrya-n* [Севортян 1962, с. 331]: *azyr-*

yan- БН 451, BN 349a ‘считать за малое’ (переходный глагол). С аффиксом *-qula* [Севортян 1962, с. 349]: *atqula-* БП 114, BN 93b ‘интенсивно стрелять’, *tartqulaš-* БН 483, BN 373b ‘тянуть во все стороны, схватиться в стычке’ [Буд. I, с. 722], *čapqula-* БН 220, BN 175b ‘изрубать, рубить саблей’ и *čapqylaš-* БП 81, BN 65b ‘рубиться на саблях, делать разбойничьи набеги’ [Буд. I, с. 452], но ср. с аффиксом *-quda-* : *qar anča čapqudab jaydy kim...* БН 246, BN 194b ‘снег так валил и метелил, что...’.

Аффикс *-da*, как видим, в языке ”Бабур-наме” принимает участие в отглагольном образовании глаголов, равно как и в отыменном их образовании (в том числе от звукоподражательных слов). Примеры: *šarylda-* БП 392, BN 307b; БН 445, BN 343b ‘издавать шум при падении воды’ (о водопаде); *jalda-* БН 483, BN 373b; БН 484, BN 374a ‘держаться за гриву коня’, *qolda-* БП 293, BN 229a ‘взять под руки’, ‘руками вынимать’, ‘взять за руку’, ‘оказать защиту, помощь’ [Буд. II, с. 87]. Для последнего примера небезынтересно отметить, как семантически разошлись производные от двух относительных синонимов *qol* ‘рука’ (от плеча до кисти) и *elik* ‘рука’ (кисть руки – от кончиков пальцев до запястья): *elik-la-* ‘схватить, достать’, ‘овладеть; приобресть’ [Буд. I, с. 77].

В языке ”Бабур-наме” наблюдается весьма большое количество разнообразных отыменных глаголов, образованных с помощью аффикса *-lA*. Сам этот факт позволяет думать, что тезис: ”В письменных памятниках представлено глаголов на *-la/-le* в целом гораздо меньше, чем в живых тюркских языках” [СИГТЯ, с. 425] – сформулирован без учета степени языковой репрезентативности, лингвистической информативности различных средневековых памятников. О высокой продуктивности аффикса *-lA*, а также производных от него *-lAn, -lAš, -lAt* [Севортян 1962, с. 96 и сл.] может свидетельствовать такой специфичный для ”Бабур-наме” факт, как ничем не ограничиваемое производство глагольной ”военной” лексики с помощью этих аффиксов от наименований соответствующих реалий, причем иногда такое глаголообразование носит явно окказиональный характер. Примеры: *oqla-* БП 258, BN 203b; БН 298, BN 232b; БП 327, BN 253b ‘стрелять (из лука), метать стрелы’, иногда с внутренним объектом *oq oqla-* БП 199, BN 160a ‘метать стрелы’ (букв. ‘стрелять стрелами’), взаимно-совместный залог *oqlaš-* БП 248, BN 196a ‘перестреливаться’; *näjzäla-* БП 49, BN 39b ‘нанести удар копьем’; *bändla-* БП 315, BN 244b ‘заковать’; *byčaqlab čapqulab paräladilar* (BN $238b_{13-14}$: *parä paräladilar*) БН 307_{12-13}, BN $238b_{13-14}$ ‘резали ножами, рубили саблями, рвали на части’, пассив – *parälandilar* ‘были разорваны на части’; *ǯäbälan-* БН 201,

BN 162b ‘надеть на себя доспехи’ (ср. *ǯäbä kij-* БН 403, BN 310b ‘надеть доспехи’), *jaraylan-* БП 403, BN 310b; БП 432, BN 334a ‘вооружиться, снарядиться’, см. пример: *biz dayy ǯäbälanib* (БП 344_6: *wä) jaraylanyb atlanduk* БП 344_6, BN $266a_2$ ‘Мы также, надев доспехи, снарядившись, отправились в поход’; *čerikla-* БН 232, BN 184a; БН 386, BN 298b ‘расположить, сосредоточить войско’, ‘вести войско’; *zurla-* БП 110_{3-8}, BN $89b_{12}$, $90a_3$; БН 197, BN 158b; БП 201, BN 162a; БП 352, BN 272a; БП 387, BN 299a; БН 432, BN 333b ‘применять силу, делать усилие, притеснять’, понудительный залог *zurlat-* БП 276, BN 216b ‘быть вынужденным применять силу’; *eliklа-* БП 193, BN 156a; БП 337, BN 260b ‘захватить’; *ḫandaqla-* БП 410, BN 316a; БП 450, BN 347b ‘выкопать окопы, окопаться’. Об одном заимствованном военном термине – *säŋär* ‘укрепление [в горах], завал, засека, баррикада’ [Гафф. II, с. 475] – Бабур говорит, что услышал впервые это слово, когда пришел в Кабул (БН 182, BN 147b), а буквально на следующей странице, как и далее, уже оперирует окказионально образованным от этого слова глаголом *säŋärla-* БП 183, BN 148a; БП 201, BN 162a ‘устраивать завалы, укрепления в горах’.

Некоторые из таких окказиональных производных глаголов, обладая повышенной экспрессивностью, позволяют достичь яркой образности повествования, например: *köp kišiniŋ qulaylary almadek* (BN $72b_4$: дважды повторяется *alma dek) qabarčuylanyp edi* БП 89_{12-13}, BN $72b_{3-4}$ ‘[Во время похода в жестокую зимнюю стужу] [обмороженные] уши у многих людей распухли (букв. заволдыряли), как яблоки’.

Поскольку глаголы, тюркский, с одной стороны, арабский и персидский – с другой, имеют принципиальные различия структурного порядка, непосредственное заимствование глагольных словоформ тюркскими языками жестко ограничивается при интенсивном проникновении арабских масдаров и причастий различных пород, персидских имен и глагольно-именных образований. Аналитические глагольные структуры, с помощью которых многочисленные имена-заимствования транспозицируются непосредственно в сферу чагатайского глагола, в языке "Бабур-наме" подробно рассматривались (см. [Благова 1971; Благова 1983]). Дополнительно собранный ныне материал подтверждает ранее сделанный нами вывод о том, что язык "Бабур-наме" фиксирует аналитические глагольные структуры в динамике их развития, свидетельство тому – недостаточная спаянность их именного и глагольного компонентов, отсюда – допустимость в ряде случаев собственно синтаксических отношений между этими компонентами.

Глаголообразование на *-lA* в языке "Бабур-наме", по нашим наблюдениям, как будто бы не имеющее ограничений в вовлечении самых разных имен (собственно тюркских и заимствованных) даже и в окказиональное глаголопроизводство, и – параллельно – широкое использование здесь аналитического способа транспозиции являются той базой, которая позволяет Бабуру составлять синонимические лексико-грамматические пары и непринужденно ими манипулировать в своем тексте. Например: *tarašla-* и *taraš qyl-* БП 439, BN 339b 'вытесывать (из камня)', см. еще *säŋtarašlyq qyl-* БП 61, BN 49a 'высекать из камня'; *oqlas-* и *oq qoj-* БП 248, BN 196a; БН 267, BN 210b 'перестреливаться (стрелами)' и 'пускать стрелы', см. еще БП 90, BN 73a; *(parä) paräla-* БП 307, BN 238b и *parä parä qyl-* БП 255, BN 201b 'рвать на части'; *ḫandaqla-* БП 410, BN 316a и *ḫandaq qyl-* БП 90, BN 73a 'вырыть окопы, обвести окопом'; см. разночтение *bir parčä taγny säŋär qyldylar* БП 186_{12} 'превратили часть горы в укрепление', но *bir parčä taγnyŋ üstida turub edi* BN $150b_{3-4}$ 'стоял на верху скалы' (букв. 'части горы'). На синонимизации в "Бабур-наме" синтетического (на *-lA*) и аналитического глаголов основаны разночтения по спискам: *qyšla-* BN $70b_{11}$, $96b_{6}$ 'зимовать' и *qyšlaq sal-* БН 87_{16} 'стать на зимнюю стоянку', *qyšlaq qyl-* БП 118_{4} 'зимовать'; *qamčyla-* BN $105a_{4}$ и *qamčy ur-* БП 129_{7} (ср. *qamčyla-* 'стегать кнутом' [Наджип 1989, с. 208]).

§ 10. Причастия

Система причастий в языке "Бабур-наме" представлена высокочастотными здесь причастиями на *-γan* и *-(A/U)r*; менее частотны "причастие" на *-γu* и такие поздние производные причастные образования, как *-A duryan (< -A turγan), -γučy, -γudek, -γuluq, -γusyz.* Из перечисленных *-γan, -(A/U)r, -γu* коррелятивны с такими временны́ми формами изъявительного наклонения, как перфект I на *-γan,* настоящее-будущее на *-(A/U)r,* будущее категорическое на *-γu* [*sI*] *dur,* плюсквамперфект I на *-γan edi,* неопределенный имперфект I на *-(A/U)r edi.* Прошедшее субъективное на *-mIš* не имеет своего коррелята среди причастий, и с этим "отсутствием корней" у данной временно́й формы связано ее периферийное положение в чагатайской временно́й системе (см. об этом выше).

1. Причастие на *-γan*

Причастия на *-γan* в языке "Бабур-наме" довольно часто выступают в форме страдательного залога. С.Н.Иванов убедительно показал, что "в основе особенностей залогового оформления причастных определений лежат те же закономерности, которыми определяется грамматическая природа залоговых значений аффиксов производных глагольных основ в личных формах глагола" [Иванов 1969, с. 127]. В староузбекском (как и чагатайском) литературном языке употребительность страдательных причастий сужена, поскольку причастное "определение при определяемом со значением прямого объекта действия не всегда имеет показатель *-ыл*, свидетельствующий о страдательном значении причастия, а лишь в том случае, если субъект действия, выраженного причастием, неизвестен... Следовательно, причастия от переходных глаголов без показателя *-ыл* и с названным показателем соотнесены как формы с определенно-личным и неопределенно-личным значением" [Иванов 1969, с. 128–129].

В языке "Бабур-наме" страдательные причастия, как и страдательные глаголы, окказионально имеют субъектную отнесенность к 1-му лицу, что отвечает их особому назначению в языке и стиле этого сочинения.

Стилистическая функция страдательного причастия, равно как и страдательного залога личных форм глагола, состоит в достижении эффекта литературной скромности. Такой субъектной отнесенностью страдательного причастия к 1-му лицу в "Бабур-наме" покрывается известная часть причастных оборотов, не имеющих здесь посессивных показателей лица (см. об этом выше). В приводимых ниже примерах субъектная отнесенность страдательных причастий к 1-му лицу особенно заметна: *aš̆ tartylγandyn kejin pajändä sultan bekimniŋ* (БП 238$_7$: пропуск *-niŋ*) *üjigä bardym* БП 238$_{6-7}$; BN 188b$_{4-5}$ ʿПосле того как [мы] отведали угощения [Хадичи биким], я пошел в дом Пайанде Султан биким'; *jinä bir bitilmagan tähqyq qylmaγan ẖäzanä üjini oš̆andaq oq humajunγa inʿam qyldym* БП 380, BN 293b ʿЕще я прямо вот так и пожаловал [сыну] Хумаюну неописанное, непроверенное казнохранилище'; *humajunγa bitilgan ẖätnyŋ säwadi* БП 450, BN 348a ʿчерновик написанного [мною] письма Хумаюну'; рассказывая о тяжком зимнем переходе по глубокому снегу через горную гряду, Бабур отмечает, что дорогу для конников протаптывал он сам вместе с 20–15 приближенными в то время, как остальные беки и йигиты сидели на конях и никакого участия в прокладке пути не принимали: *atlarydyn häm tüš̆-*

maj täjjar tebilgan wä basylγan jolγa kirib bašlaryn qujy salyb kelurlar edi БН 245, BN 194a ‘Не слезая со своих коней, они вступили на готовую, утоптанную и утрамбованную [нами] дорогу и поехали [по ней], понурив головы’; см. еще аналогичные употребления страдательных причастий: БП 221, BN 176b; БП 290, BN 226b; БН 327_{21}, BN $253b_{7}$; БП 405, BN 312a. Разночтения в одних случаях указывают на возможность взаимозамены причастий страдательного и основного залогов, причем в последнем случае – с аффиксом *-lar* (см. *bu ajtylgandin* БП 105_{8}, но *bu deganlardin* BN $85b_{14}$ и наоборот: *bu ajtkanlardin* БН 105_{9-10}, но *bitilganlardin* BN $86a_{1}$), в других – на явное преобладание страдательных причастий в Керовом списке (см. *körulgan* БП 185_{20}, но *köru alyan* BN $150a_{7}$; *alynγan bilä* БП 262_{4}, но *alyač oq* BN $206b_{2}$; *alynγandyn* БН 264_{4}, но *alγandyn* BN $207b_{13}$; см. еще БП 293_{15}, но BN $228b_{14}$), а этот последний разряд разночтений находится в явном противоречии с утверждением А.С.Бевериджа о ”преобладании” безличного способа изложения в Хайдарабадском списке.

В тексте ”Бабур-наме” стилистически обыгрывается соположение причастия на *-γan* от одного глагола без аффикса отрицания и с этим аффиксом (примеры такого обыгрывания для причастия на *-Ar* приводятся ниже). См. *andaq še‘r ajtqandyn ajtmaγan jaγšyraq dur* БП 33_{3-4}, BN $26a_{5-6}$ *(dur* пропущено) ‘Чем слагать такие [слабые и безвкусные] стихи, лучше не слагать’.

Причастие на *-γan* может принимать или не принимать аффиксы принадлежности любого лица (отсутствие такого аффикса – один из способов выражения литературной скромности), иметь при себе различные падежные аффиксы и соответственно выполнять многочисленные синтаксические субстантивно-адъективные функции. Это причастие нередко выступает здесь в сочетании с послелогами а) *bilä* ‘с’, ‘вместе с’, б) *dek* ‘подобно, как’ и *josunluq* ‘...образом’, в) *sajy (sajyn)* ‘каждый, всякий’, ‘еже-’.

а) Частотный оборот *-γan bilä* употребляется в функции обстоятельства времени, передает быструю смену действия, передаваемого причастием, и действия, передаваемого личной формой глагола, аналогичный причастный оборот см. в турецком говоре Казанлыка [Kakuk 1958, с. 185]. См. примеры: *bu ḫäbär kelgan bilä o:tqa suw uryandek basyla qaldylar* БН 194, BN 156b ‘Как только пришло это известие [о гибели Хусрау шаха, моголы] присмирели, словно на огонь плеснули водой’, буквальный повтор того же причастного оборота см. БП 75, BN 60b; см. еще БП 64, BN 51b; БП 267, BN 210b; в отдельных случаях оборот передает уступительное значение: *bular jetkan bilä uruša almas* БП 421, BN 325b ‘Хотя и подошли эти, сражаться он не может’; б) частотный оборот *-γan dek*

(josunluq) помимо сравнения в сочетании с глаголом *bol-* передает и другие смысловые оттенки: *teŋri rast kelturdi men degan dek oq boldy* БП 343, BN 265a 'Бог помог, случилось именно так, как я говорил'; *agärčä mendin suhbätdaγy kišiga ruḫsät-i 'amm bolγan josunluq bolub edi* БН 241, BN 190b 'хотя от меня было как бы общее разрешение [пить вино] для [моих] людей, присутствовавших на пирушке...', см. также БП 153, BN 125b; БП 263, BN 207a; БП 399, BN 307b; в) оборот *-γan sajy(n)* функционирует как обстоятельство меры: *šaḫ wä bärg uzaγan sajy bärgi säbzraq boladur* БП 369–370, BN 285a 'По мере того как тянутся (вырастают) ветви и листья, лист [финикового дерева] становится зеленее', см. еще БП 206, BN 166a. См. разночтение: *tutqawuldyn öta baryan sajy* (БП 250_4: *sary) qar uluγraq boldy* БП 250_4, BN $197b_{6-7}$ 'По мере того как звериной тропой проходили [все дальше], снегу становилось все больше', см. *tutqawul* [чаг.] 'дорога, след, которых держатся дикие животные при переходах в известное время года, где их охотники сторожат' [Буд. I, с. 743].

2. Причастие на *-(A/U)r*

Это частотное в "Бабур-наме" причастие не имеет ограничений в производстве залоговых форм и формы отрицания; как и для причастия на *-γan*, страдательный залог от причастия на *-(A/U)r* в языке "Бабур-наме" характеризуется субъектной отнесенностью к первому лицу (стилистический прием литературной скромности). Пример: *čeriknin jyγylury üčün wä šäms ad-din muhämmäd kabuldaγylarγa ḫätlar bitilur üčün iki üč kün ol jurtta täwäqquf boldy* БП 464, BN 358b 'Чтобы собрать [наше] войско и [мне] написать письма тем, кто находится в Кабуле, [послать их] через Шамс ад-Дина Мухаммеда, [мы] задержались на той стоянке на два–три дня'.

Данное причастие может выполнять функции как определительную, так и дополнительную и различные обстоятельственные; при этом оно управляет подчиненными словами, само может принимать аффиксы принадлежности, падежные показатели, сочетаться с послелогами (или служебными именами) и образовывать тем самым распространенный причастный оборот. Из приводимых ниже примеров видны также временные характеристики причастия на *-(A/U)r* будущее и настоящее-будущее (в том числе и действие, совершающееся обычно, безотносительно времени); готовность совершить действие.

а) Определительный оборот: *mirza ölar jyly elikdin čyqyb edi* БП 40, BN 32b 'В год, как мирзе умереть, [Ура-Тепа] вышел из-под

его власти', *aftab olturur čaγ edi* БП 75, BN 60b ʿБыл час (букв. момент), когда садится солнце', *šir qulny* (БП 251_6: *qul) čapyp jyqar bašyny kesar mähälda ḫälas bolur* БП 251_6, BN $198b_{1-2}$ ʿ[Мухаммед Хусейн], саблей ударив, повергает Шир Кула [на землю]. В то время, когда он готов уже был отрубить ему голову, [тот] спасается' (подобное же значение готовности совершить действие в определительном обороте см. БП 48, BN 38b; БП 202, BN 162b). См. еще БП 185, BN 149b; БП 230, BN 183a.

б) Дополнительный оборот: *kabulγa ne jol bilä barurumyzny keŋästuk* БП 244, BN 193a ʿМы посоветовались, каким путем [следует] нам идти в Кабул', см. еще БН 236, BN 187a; *ʿäräq ičarga köŋülluk kiši... maʿǯun jerga köŋülluk kiši* БП 291–292, BN 227b ʿлюди, склонные пить водку ...люди, склонные употреблять возбуждающие средства'.

в) Обстоятельственные обороты: *... täʿjjin boldy kim qazan qurary üčün bulǯar qoparγajlar* БП 431, BN 333a ʿ...было назначено: пусть воздвигнут бруствер (∞ батарею), чтобы установить пушку', см. также БП 463, BN 358a; *... čähar bayda erurda bitildi* БП 398, BN 307a ʿ[я] написал это, когда был в Чар-Баге', см. еще БП 315, BN 244b; БП 484, BN 374b; *... čahni bujurduk kim buluričä itimamγa jetkurgaj* БП 448, BN 346a ʿ...по поводу колодца мы приказали, чтобы [его] по мере возможности довели бы до завершения'. Разночтение опирается на возможность замены формы на *-Arγa* (дат. падеж) посредством деепричастия на *-γAlI*, ср. *bu ʿäziz qaryndašlarny körarγa...* БП 118_2, но *uruq qyjašny körgali...* BN $97b_8$ ʿчтобы повидать [этих любезных] родственников'.

Стилистическое применение в "Бабур-наме" находят пары причастий на *-(A/U)r*, образуемых от семантически связанных или противопоставляемых глаголов движения (см. *kel-* и *bar-, bar-* и *tur-*), форм одного глагола с аффиксом отрицания и без него, подобные единичные примеры приводятся [Brock., с. 232, 235]. Такие пары причастий используются для передачи скрытого (косвенного) вопроса. Примеры: *barur turarymyzdyn wä qylur qylmas išimizdin istiʿlam* (BN $60a_9$: добавлено ر ا ستفا و) *qylyb* ... БП 75_3, BN $60a_9$ ʿсправляясь о том, идти нам или стать, какие из наших дел делать, какие не делать ...', *kabulniŋ üstiga fi l-hal barurny barmasny* (БП 154_7: *barur janaryny) keŋäsildi* БП 154_7, BN $126a_6$ ʿ[Мы] советовались относительно того, идти ли на Кабул немедленно, не идти ли?'. В приводимом ниже разночтении варьирование форм, каждая из которых остается в пределах допустимости нормами чагатайского литературного языка, может служить прояснению косвенного вопроса, содержащегося в причастном обороте *qačar qač-*

mas: *qačar qačmas bolub turubtur* БП 131_{11}, но *qačaj qačmaj degan dek ajtyb turub turlar* BN $107a_{2-3}$ ‘[народ] стоял, как бы говоря: бежать нам? не бежать?’.

3. Причастие на *-A duryan*

Это причастие встречается в основном в а) определительных и б) обстоятельственных (местн. падеж – обстоятельство времени) оборотах; по своему временно́му значению относится к сфере настоящего. Примеры: а) ... *urušaduryan jerga jettuk* БП 199, BN 160b ‘Мы достигли места, где сражаются’; см. еще БП 392, BN 302b; б) ... *jolda keltura duryanda* (БП 96_{11}: *kela turyanda) jajaq qačyb...* БП 96_{14}, BN $78b_{2-3}$ ‘по дороге когда его ведут, он убегает пеший’, см. еще БП 55_{8} *(keča turyanda),* BN $44a_{9-10}$ *(keča duryan mähälda);* БП 202, BN 162b. В единичных случаях распространенный оборот с причастием на *-A duryan* выполняет функцию подлежащего: *uluy kičik meni umidwarlyq bilä ergašib* (БП 146_{13}: некорректно *erašib) jürujduryanlar iki jüzdin köprak üč jüzdin azraq bolyaj edi* БП 146_{13}, BN $120a_{6-7}$ ‘Знатных [и] незнатных, кто сопровождает меня с надеждой, было, должно быть, больше двухсот, меньше трехсот’.

4. Причастия, производные от *-yu*

Причастие (субстантивно-адъективная форма) на *-yu* в самостоятельном виде встречается в ”Бабур-наме” очень редко, см. *ičkuga tüšti* БП 204, BN 164b ‘он за́пил (впал в запой)’. Ср. частое употребление этой формы в ”связанном” виде – в форме будущего категорического (см. выше).

Для формы на *-yu* и производных от нее характерно, что они не принимают аффикса отрицания *-mA*, а залоговые показатели включают в себя довольно редко. См. *bitilgudek nimä... ešitilgudek nimä* БП 380, BN 293b ‘то, что сто́ит быть написанным ... то, что сто́ит быть услышанным’, *ajrylyuluqtur* БП 271, BN 213a ‘следует отделиться’. Все эти образования обладают здесь способностью к управлению (об этой способности формы на *-yučy* см. [Radloff 1897, с. 118]) и могут выступать в качестве стержневого слова распространенной конструкции (примеры см. ниже).

Форма на *-yučy* выступает обычно в субстантивных функциях, в том числе и в функции подлежащего, являясь при этом организующим центром распространенного оборота: *bu fitnälarni anjiz qylyučy mundyn qačyb baryanlarny jamanlyqya tiz qylyučy ḫod uzun*

häsan häramnämäk ekandur БН 64, BN 51b ʿОказывается, возмутителем этих смут и подстрекателем на дурные дела тех, кто бежал отсюда, был сам неблагодарный Узун Хасан', см. еще БН 110, BN 90b; *kabuldin kelgučilardin* БП 492, BN 381a ʿот тех, кто пришел из Кабула', см. еще БП 328, BN 254a. См. разночтение: *qošulγučy* (BN $256a_7$: некорректно *qošulyačy) bolmayajsyz* БП 331_5, BN $256a_7$ 'Вы не присоединяйтесь'.

Форма на *-γudek* употребляется в "Бабур-наме" главным образом в определительной функции. См. *könül tilagudek tähqyq ḫäbär kelturmadi* БП 283, BN 221b ʿОн не привез достоверного известия, какого желало бы сердце', *mundaq sipahi wä el* (БП 54_6: *eli) tanyγudek jigitlardin ḫäjli erdi* БП 54_{6-7}, BN $43a_{12-13}$ ʿТаких молодцев, которых бы знали воины и [городской] люд, было много', *qorqqudek alfaz* БП 218, BN 174a ʿпугающие слова', *ynanγudek söz* БН 275, BN 216a ʿслова, которым [можно бы] верить', см. еще БН 207, BN 166a; БП 221, BN 176a; БП 342, BN 264b; БП 445, BN 343b; БН 454, BN 350b. См. разночтение: *maʿjus bolγudek* (БН 96_{21}: некорректно ***bolduk***) *söz* БП 96_{21}, BN $78b_{12}$ ʿслово, которое бы вселяло отчаяние'.

Производное на *-γuluq*, субстантивно-адъективная форма, употребляется в функциях: а) косвенного дополнения, б) определения, в) предикатива (в последнем случае имея долженствовательное значение). Примеры: а) *ičkulukka tüšar erdi* БН 24, BN 19a ʿОн впадал в запой', см. разночтение: *ičkulukda* (BN $13b_6$: *ičkularda*) *qoǰšuqlarny jaḫšy ajtur ekandur* БП 17_2, BN $13b_{6-7}$ ʿ... [во время] попоек хорошо пел песни'; б) *kečälar šamʿya ihtijaǯ bolγuluq iš bolsa...* БП 377, BN 290b ʿВечерами если случится дело, для которого потребуется свеча ...', *bilguluk jerda* БП 177, BN 143b ʿв известном месте'; см. разночтение: *bilguluk* (БП 347_{19}: *bilgudek) kišilar* БП 347_{19}, BN $268b_{9-10}$ ʿизвестные люди'; в) предикативное употребление *-γuluq* в "Бабур-наме" поддерживается литературно-языковой традицией: такое функционирование *-γuluq* было характерно для древнетюркских литературных языков, см. [Gabain 1950, с. 118–119]. См. *özumizga bir jer fikrini qylγuluqdur* (БП 271_{15}: *özumiz üčün albättä ǯaji qylγuluq) wä bu miqdar färǯih wä fyrsatta qawij dušmandin jyraqraq ajrylγuluqtur ja bädähšan ǯänibi ja hindustan sary ʿazim qylmaq kerak* БП 271_{15-18}, BN $213a_{9-11}$ ʿСледует подумать о месте для нас самих, в этот период отсрочки следует подальше уйти от сильного неприятеля, нужно направиться или в сторону Бадахшана, или в сторону Хиндустана' (долженствовательное значение *-γuluqtur* высвечивается употреблением рядом с ним синонимической конструкции *-maq kerak*); см. еще БП 465, BN 360a.

Производное на *-γusyz*, отмеченное в единичных случаях, выступает здесь в определительной функции: *agärčä tilγa* (BN 307a$_3$: некорректно تیلکای) *aγyzγa syqqusyz qorqqudek waq'i edi...* БП 398$_{13-14}$, BN 307a$_{3-4}$ 'Хотя это был случай ужасающий, не умещающийся на языке и в устах...', *tanγusyz ordu* БП 270, BN 212a 'неузнаваемый лагерь'.

Стилистическое использование различных форм из группы на *-γu* может быть показано на следующем примере, где благодаря их употреблению достигается излюбленный Бабуром эффект симметричности в построении семантически связанных между собой сложноподчиненных предложений: *jinä bitilgudek nimä näzärγa kelsa tährir qylγum dur ešitilgudek nimä ešitilsa täqrir qylγum dur* БП 380, BN 293b 'Далее, если попадется на глаза то, что стоит быть написанным, я письменно изложу, если [мы] услышим то, что стоит слушать я расскажу'.

Как можно видеть, группа на *-γu* вместе со всеми своими производными еще обладает былой разветвленностью (см. [Gabain 1950, с. 117–119]), но уже испытывает ряд ограничений в отношении залога, формы отрицания; ограничена ее продуктивность в целом. Далеко не всякая из форм этой группы хотя бы так частотна в языке "Бабур-наме", как, например, будущее категорическое на *-γu[sI] dur* или вторичное причастие *-γudek*; редко встречаются здесь *-γu, -γuluq, -γusyz*. Все это подтверждает мысль о том, что данная группа форм в языке "Бабур-наме" и (шире) в чагатайском языке поддерживалась за счет действия литературно-языковой традиции, восходящей к древнетюркскому литературному языку.

§ 11. Имена действия

В "Бабур-наме" представлены следующие имена действия: самое частотное на *-mak*, частотное на *-(I/U)š* и производные от них *-maklyq, -(I/U)šlIk*; образование на *-mA* является здесь малопродуктивным отглагольным именем (см. *učma* БП 186, BN 150b 'круча, обрыв'). Из перечисленных только наиболее активное *-mak* имеет коррелятивы в системе временных форм изъявительного наклонения (прошедшее длительное на *-mAkta edi*) и среди конструкций желательной модальности (*-makčydur, -makčy edi/boldy; -mak boldy*).

1. Имя действия на *-mak*

О продуктивности и активности, вообще жизнеспособности этого имени действия может говорить тот факт, что оно встречается в форме отрицания: *anyŋ bu kelmamakini* (K 564b$_{16}$: некорректно

kelmakinini) hala kim tä'ässub häml qylur БП 234_{16}, BN $185b_2$ 'Кто теперь припишет его неприход упрямству?'. Это имя сохраняет способность управлять подчиненными словами, благодаря чему образуется распространенный оборот (примеры см. ниже).

Имя действия на *-mak* в предложении может употребляться: а) в неаффигированном виде, б) с аффиксами принадлежности и некоторыми падежными показателями, из которых особенно употребителен аффикс дат.-напр. падежа. Примеры: а) *men härgiz hič yäzälimni jyyyšturmaq wadisida bolmadum* БП 225, BN 179b 'Я никогда не мечтал собирать никакие мои газали', *...šatu wä quryan almaq asbabi täjjar qylyajlar* БП 276, BN 216b '...пусть приготовят лестницы и приспособления [для] захвата крепости'; б) род. падеж – *šoŋra ešitildi kim bu sözni ketmakiniŋ säbäbi qylmyš* БП 202, BN 162b 'Впоследствии [мы] слышали, будто бы он сделал эти слова причиной своего ухода'; дат.-напр. падеж – *ḫusräw šahniŋ ulyajmayyya munča haddi jetmas išlarni qylmayyya sultan husäjn mirzaniŋ iki qatla kelib any ala almaj janmayy säbäb boldy* БП 44, BN 36a 'Причиной такому возвышению Хусрау шаха и совершению им таких неизмеримых дел было то, что Султан Хусейн мирза два раза приходил [походом] и, не сумев его победить (букв. взять), отступал', см. еще БП 37, BN 29b; БП 111, BN 91a; БП 256, BN 202b; БП 277, BN 217b; БП 289, BN 226a; БП 319, BN 247b; БП 486, BN 376a; исх. падеж – *meniŋ tirilmagimdin ma'jus bolub...* БП 66, BN 53a 'отчаявшись, что я выживу...', *afyanlar urušmaqdyn. 'äžiz bolsalar...* БП 182, BN 147a 'если афганцы бессильны воевать...'; с послелогом *üčün – tänbäl ḫälilni üzgänddagi küč wä uruqny čyqarmaq üčün jibarib edi* БП 95, BN 77b 'Танбал послал Халила, чтобы вывезти семью и родственников, находившихся в Узгенде'.

Производное на *-maklik* в "Бабур-наме" встречается значительно реже, чем имя действия на *-mak*; оно может принимать падежные показатели, может выступать и без них, в качестве формы отрицания употребляется *-maslyq*; сохраняет способность управлять подчиненными словами. Примеры: *čuhrä saḫlamaqlyqny hunär bilurlar erdi* (БП 33_{1-2}: *bilur edi) čuhrä saḫlamaslyyny 'ajb qylurlar* (БП 33_2: *qylur) edi* БП 33_{1-2}, BN $26a_{3-4}$ 'Держать бачей почиталось искусством, не держать бачей почиталось пороком'; *burunyylar dep turlar kim quryan berkitmaklikka baš kerak iki qol kerak iki but kerak* БП 115, BN 94a 'Древние говорили: чтобы укрепить крепость, нужна голова, нужны две руки и нужны две ноги', см. еще БН 93, BN 75b; БП 154, BN 126b; БП 351, BN 271b; БН 392, BN 303a; БН 405, BN 312a (последний пример – в стихотворном фрагменте).

Продуктивность имени действия на *-mak* проявляется также в широком участии его в некоторых модальных аналитических кон-

струкциях (о конструкциях желательной модальности см. выше), в том числе в конструкциях долженствования (необходимости) *-mak kerak*. Примеры: *šäjḫ bajäzidni tutmaq kerak* БП 135, BN 111a ‘Надо схватить Шейх Баязида’, см. еще БП 294, BN 229b; *köprükka* (БП 136_6: *köprügiga*) *kiši qojmaq kerak edi* БН 136_6, BN $111a_{10}$ ‘На том мосту следовало поставить человека’.

2. Имя действия на *-(I/U)š*

Это имя действия в "Бабур-наме", по мнению Э.А.Грюниной, представляет собой "или чистое имя, или название действия, но не обозначение самого процесса действия" [ИСГТЯ III, с. 147]. Отсюда – целый ряд именных свойств у этого имени действия: отсутствие формы отрицания, с одной стороны, а с другой – способность принимать аффикс мн. числа *-lAr*, изменяться по всем падежам, иметь при себе приименные определения. Например: *bu jürušlari* БП 124_6, но *bu jüruši* BN $101a_{10}$ ‘этот его поход (походы)’; *ol jürušda* БП 183, BN 148b ‘в том походе’, *burunɣy jügurušidin* БП 258, BN 204a ‘от прежнего бега [кулана]’, *‘äǯäb bemähäl keliš* БП 137, BN 112b ‘удивительно несвоевременный приход’. В качестве именного компонента имя действия на *-(I/U)š* может включаться в состав аналитической глагольной структуры: *turuš ber-* БП 438, BN 338b ‘выдержать натиск, атаку’ (*bu jaɣylar turuš bermaj qačyb ketarlar* БП 390, BN 301a ‘Эти враги, не выдержав натиска, убегают’), *körunuš qyl-* БП 121, BN 101b ‘явиться’, ‘представиться, исполнить церемонию представления’ (ср., по-видимому, заимствованное из чагатайского, судя по начальному *k-*, в персидском *korneš* ‘поясной поклон’ и *korneš kärdän* ‘кланяться в пояс’ [Гафф. II, с. 674]); *uruš sal-* ‘сделать приступ, атаковать’, причем именной компонент в последнем случае может редуплицироваться с добавлением аплаутного *m-* в повторенном слове: *uruš muruš sal-* БП 400, BN 308b ‘всячески атаковать’ (т.е. чисто именное свойство *uruš*).

Вместе с тем в отдельных случаях имя действия на *-(I/U)š* могло выступать стержневым словом распространенного оборота, управляя при этом подчиненными ему словами: *här qajsy bölakiniŋ* (БП 409_{17}: *bölakini*) *qajsy jerda turušyny ne josunluq jürušini muqärrär wä mu‘äjjän qylyb...* БП 409_{17-18}, BN $315b_{5-6}$ ‘решив и назначив, в каком месте какому отделению войска стоять, каким образом двигаться...’.

Иногда имена действия на *-(I/U)š* от семантически близких глаголов употребляются попарно, например: *bularnyŋ alyšy wä beriši* БП 285–286, BN 223a ‘дань и поборы с них’, *...ol ḫanlar wä*

sultanlar jürüš turušnyŋ hisabi (BN 265a$_9$: *hisab*) *wä jaraγyny bilurlar edi* (BN 265a$_9$: *bilur edilar*) БН 343$_7$, BN 265a$_{8-9}$ ʿ...те ханы и султаны знали расчеты и снаряжение [нужные для] похода и обороны (букв. стояния)'.

Производное на *-(I/U)šlIq* образуется от сравнительно небольшого круга глаголов. Наиболее употребительна в "Бабур-наме" словоформа *olturušluq* ʿживущий, проживающий', см. *türk olturušluq wilajätlar* БН 290, BN 226b ʿземли, в которых проживают тюрки', см. еще БН 42, BN 33b; БН 289, BN 225b, см. также перифрастическую конструкцию *här jerda olturušluq bolsa...* БН 388, BN 299b ʿгде бы ни жил...' См. еще пример, почти фольклорный по своему ладу: *jajy qatyq oqy uzun berk atyšlyq* (БН 219$_{23}$–220$_1$: некорректно – ایش لیق) *wä jaḫšy atyšlyq ekandur* БН 219$_{23}$ – 220$_1$, BN 175a$_{10-11}$ ʿЛук [у Мухаммед Сейид Уруса] тугой, стрела длинная, оказывается, он уверенно (букв. крепко) стреляющий и хорошо стреляющий', см. еще БН 390, BN 301a. Ср. предикативное функционирование производного *-ušluq* : уз. диал. *улэ урушлук* ʿони в ссоре' [Джураев Б. 1964, с. 93].

Стилистическое применение имя действия в "Бабур-наме" находит при составлении двух пар грамматических синонимов: а) в адъективной функции *-(I/U)š – -(A/U)r*, б) в субстантивной функции *-(I/U)š – -mak*. Примеры: а) *bu kün uruš ḫijali joq edi... taŋlasy* (BN 315b$_{13}$: *beklar*) *köčub urušur ḫijalimiz bar* БН 409$_{22}$ – 410$_{1-4}$ ʿВ тот день [у меня] не было мысли о сражении. ...На следующий день мы] двинулись, имея в мыслях сражаться'; б) *keŋäs hindustan jürušiga qärar tapty* БН 179, BN 145a ʿСовет вылился в (букв. нашел) решение о походе в Хиндустан', *söz qälatnyŋ üstiga barmakqa qärar tapty* БН 196, BN 158a ʿслово нашло решение – идти [походом] на Калат', см. еще БН 461, BN 356b.

§ 12. Деепричастия

Деепричастия в "Бабур-наме" представлены следующим набором: *-A/j, -(I/U)p*, отрицательное *-mAj; -yanča -ɣunča, -yuča, -yač, -yaly*. Первые из перечисленных – *-A/j, -(I/U)p, -mAj* – коррелятивны с такими временными формами изъявительного наклонения, как настоящее на *-A/j dur*, прошедшее на *-(I/U)p tur* (форма отрицания *-mAj tur*), прошедшее незаконченное на *-A/j dur edi*, плюсквамперфект II на *-(I/U)p edi*.

1. Деепричастие на *-(I/U)p*

Деепричастие на *-(I/U)p*, одно из высокочастотных в "Бабур-наме", является и самым универсальным, выполняющим все функции деепричастных форм (конкретизацию их см. [СИГТЯ, с. 473]). Интерес представляет употребление деепричастия на *-p* в функции однородного сказуемого слитного предложения, которое по своей временной характеристике совершившегося и законченного действия противопоставлено словоформе прошедшего длительного на *-makta edi*: *bä'zi čadyrlar tikilib bä'zi tikilmäktä edi* БН 410, BN 316a 'Некоторые шатры уже поставлены, некоторые еще [только] ставились'. Синонимичное данному деепричастие на *-(I/U)pAn*, как и отрицательное деепричастие на *-mAjIn*, являются для языка "Бабур-наме" архаичными и наблюдаются только в отдельных стихотворных фрагментах.

2. Деепричастие на *-A/j*

Частотное в языке "Бабур-наме", это деепричастие лишь изредка употребляется в удвоенном виде. Оно обладает глагольными признаками, в частности способностью управлять подчиненными словами и выступать в качестве стержневого слова распространенного деепричастного оборота; в предложении деепричастие на *-A/j* используется в функции обстоятельства: а) образа действия, б) времени, в) причины или цели. Примеры: а) *özga tufänk andazlar häm.. jaḫšylar attylar qalqandyn ǯäbädin... ötkara ötkara jyqyta jyqyta attylar* БН 277, BN 217a 'Другие стрелки [из ружей] тоже... хорошо стреляли: простреливая щиты и кирасы..., они сбивали выстрелами [одного врага за другим]', *tiriklaj terisini sojdurdum* БН 398, 421, BN 306b, 326b 'Я приказал содрать с него шкуру живьем'; б) *audγa bir iki köč qala čin timur sultandin kiši keldi* БН 437, BN 338a 'Когда до Ауда оставалось один–два перехода, от Чин Тимур султана прибыл человек' – здесь деепричастием на *-A* передается состояние, одновременное с совершением главного действия (личная форма глагола). В приводимом ниже примере действие, передаваемое деепричастием на *-A*, одновременно с действием первого из однородных "сказуемых"(деепричастие на *-p*), образующих в слитном предложении цепочку следующих друг за другом действий: *aftab čyqa istalif baγγa tüšub üzüm jeb atlanyb istäräč täwabi'idin ḫoǯä šihabγa tüšub ujquladuk* БН 319, BN 247b–248a 'С восходом солнца (букв. когда восходило солнце) мы остановились в саду в Исталифе и поели винограда, [потом] мы выехали [оттуда] и остановились в Хо-

джа-Шихабе, прилежащем к Истаргачу, [там] поспали'; см. еще БП 317, BN 246a; БП 427, BN 330a; БП 445, BN 344a; б) *häm humajunni uzata* (BN 327a$_{14}$ некорректно: *uzatadym) häm bu jerlarni säjr qyla jäkšänbä küni* ***orduny*** *ošol jerda qojub* ***ordudyn*** (БП 423$_{20}$: пропуск ***ordudyn***) *atlandym* БН 423$_{19-20}$, BN 327a$_{13-15}$–b$_1$ 'Чтобы и Хумаюна проводить, и прогулку по тем местам совершить, я в воскресенье днем выехал из лагеря, оставив его в том самом месте', *...til tuta baryanda...* БП 401, BN 309a '...когда [они] отправились, чтобы поймать "языка"' (ср. синоним – деепричастие на *-yaly* : *...til alyaly ilgarrak jibarildi* БН 283, BN 221a '...[его] послали вперед, чтобы он взял "языка")', см. еще БН 67, BN 54a; БП 299, BN 233b.

Активность деепричастия на *-A* проявляется также в том, что оно участвует в образовании начинательной конструкции со служебными *bašla-* и *kiriš-* 'начинать', см. *kela bašla-* БН 251, BN 198b; БП 326, 340, BN 252b, 263a 'начинать приходить', *qača kiriš-* БП 116$_7$, BN 95a$_3$ 'начать убегать'; см. единичное разночтение *keča* (BN 373b$_9$: *kečmakka) kirištilar* БП 483$_{17}$, BN 373b$_9$ '...они начали переправляться'.

3. Деепричастия на *-yanča, -yunča, -yuča, -(U/I)nčA*

В обоих списках "Бабур-наме" наблюдаются все названные разновидности, но с неодинаковой частотностью – наиболее частотны первые две формы. Замеченные разночтения фиксируют: а) *-yanča* в Керовом списке, *-yunča* – в Хайдарабадском : *teŋ bolmayunča tüš bolmas* BN 141b$_1$ 'Пока нет сходства, не будет [и] встречи', но ср. БП 174$_{20}$ *bolmayanča* в составе неудобочитаемого текста (разночтение приведено выше, на с. 27), что делает предпочтительнее чтение Хайдарабадского списка в данном случае; б) *-yuča* – в Хайдарабадском, *-yunča* – в Керовом списке: *qabudayyny qabmasa qaryyuča* (БП 90$_{2-3}$: *qaryyunča) qajyurur* БП 90$_{1-3}$, BN 73a$_{3-4}$ 'Если [кто] не хватает того, что идет в руку, [тот] горюет, пока не состарится'.

Все четыре деепричастия (*-yanča* реже других) в языке "Бабур-наме" передают временно́е соотношение: предел, до которого продолжается действие следующего глагола (а). Деепричастиями на *-yanča* и *-yunča* часто выражаются обстоятельственные значения сравнения, меры (б). Оба эти деепричастия могут употребляться здесь в предикативной функции со связкой *dur*, отрицательной связкой *emas*, с глаголом *bol-* 'стать' Примеры: а) *-yunča*: *bawuzud kiši öz qulayy bilä ešitmagunča ynansa bolmas* БН 360, BN 278a 'Пока человек не услышит собственными ушами, поверить невоз-

можно', см. еще БН 113, BN 92b; БН 146, BN 119b; БН 347, BN 268b; в предикативной функции: *daqyqany:ŋ miqdari täqriban alty qatlä fatihäni bismi-l-lah bilä oquγunča dur kim bir kečä kündüz sekiz miŋ alty jüz qyrq näwbät fatihäni* (БН 374_{23}: *fatihä*) *bismi-l-llah bilä oquγunča bolγaj* БН 374_{20-23}, BN $288b_{13-14}$--$289a_{1-2}$ ᶜПродолжительность минуты приблизительно – пока прочитают шесть [раз] фатиху с бисмиллой; [так] что за сутки будет прочитать фатиху с бисмиллой восемь тысяч шестьсот сорок раз', см. еще БН 376, BN 290a; *-γuča*: *gez täräfidin bu tänabni bu jyγačqa tükanguča čarmarlar* БН 176, BN 142b букв ᶜСо стороны стрелы эту веревку наматывают на эту палку до самого ее конца (пока [она] не кончится)' (из описания способа ловли крупных птиц), *qylyč soγuryuča fyrsat bolmady* БН 132, BN 107b ᶜВремени не было [пока] вытащить саблю'; *-unča*: *bir iki qylyč alyšunča häm bolmady* БН 130, BN 106a ᶜНе было и [так], чтобы скрестили разок-другой сабли'; б) *-γanča*: *...ajaγym barγanča barsam jaŋšy bolγaj* БН 124_{14-15}, ср. *... cjaγym jetkanča ketsam jaŋšy* BN $101b_{3-4}$ ᶜ...будет лучше, если я уйду, насколько ноги унесут' см. еще БН 19, BN 15b; БН 73, BN 59a; БН 152, BN 124b; БН 211, BN 169b; в предикативной функции: *ŋali az safa emas agärčä tä'äriſ qylγanča emas* БН 423, BN 327b ᶜЭто место [Фирузпур] не лишенное приятности, хотя и не настолько, [как] описывают'; *-γunča še'ri diwan tärtib qylγunča bolmajdur edi* (BN $68b_{9}$: некорректно *bu almaj dur*) БН 85_{4}, BN $68b_{8-9}$ ᶜУ него не было столько стихов, чтобы составить диван', см. еще БН 60, BN 48a; со значением сравнения: *tašqary sowuqta täšwiš tartqunča šähärniŋ* (БН 54_{15}: *šähärni*) *jawuγydyn* (BN $43b_{8}$: *jawuq γydyn*) *qopup bir quryanda qyšlaq salmaq kerak* (БН 54_{15}: *salur biz*) БН 54_{15-16}, BN $43b_{7-9}$ ᶜЧем терпеть вне [крепости] страдания на холоде, нужно отойти от окрестностей города и перезимовать в каком-нибудь укреплении', см. еще БН 212, BN 170a.

4. Деепричастие на *-γač*

Это деепричастие приводится Алишером Навои в "Мухакамат ул-лугатайн" в качестве образца своеобразия языка тюрки, как он называет тот литературный язык, на котором пишет сам; это деепричастие, не обусловленное действием литературно-языковой традиции. Обозначая временно́е соотношение, деепричастие на *-γač* передает действие, вслед за которым произошло (или произойдет) следующее действие. Пример: *agär mäŋa ihtijaǯlyq iš bolsa ošbu mi'ad bilä baryan kiši kelgač oq bitäwäqquf inša'allah tä'ala atlanyum dur* БН 454, BN 350b ᶜЕсли будет дело, требующее моего присутствия, то, как только лишь прибудет человек, отправившийся

ся на тот самый срок, я без промедления, если [того] пожелает Всевышний, выступлю в поход'; см. еще БП 172, BN 139b.

5. Деепричастие на *-γaly*

Это деепричастие, частотное в "Бабур-наме", наряду с передачей временно́го соотношения – исходный момент совершения действия (а), выражает также причинно-целевые отношения (б-в). Примеры: а) *biz kabul kelgali iürkmän häzaräsi anwa'* (BN 160a$_5$: *anwa'i) bi adäbliq wä rahzänlyqlar qylyb edilar* БП 198$_{22-23}$, BN 160a$_{4-5}$ 'С тех пор как мы пришли в Кабул, туркмены хезаре творили всяческие безобразия и разбой на большой дороге', см. разночтение, основанное на передаче разных оттенков названного временно́го соотношения: *ḫanym ḫan babam sunqar bolγaly* (БП 117$_{22}$: *bolγandyn soŋ) analary inilari siŋillarini kim... körmajdurlar* (БП 117$_{23}$: *körmab edi*) БП 117$_{21-23}$, BN 96b$_{1-3}$ '[Матушка моя] Ханум с тех пор (после того) как Хан, мой дед, скончался (букв. стал соколом), не видели... своих матушку, младших братьев и сестер...'; б) значение цели: *...kärg awlaγaly bardym* БН 285, BN 222b 'Я отправился, чтобы поохотиться на носорогов', *täwr tädbiri edi jawuqtyn jyraqtyn* (БП 409$_1$: пропуск *jyraqtyn*) *dost dušman körgali ešitgali jaḫsy boldy* БП 409$_1$, BN 315a$_{3-4}$ 'Этот план был хорош; хорошо стало, чтобы другу [и] врагу вблизи [и] издалека увидеть [и] услышать', см. еще БП 283, BN 221a; употребляется также в сочетании с глаголом *qoj-* 'положить, ставить', который, по свидетельству Л.З.Будагова, в чагатайском имеет значение "велеть, приказать" (со ссылкой на Абу-л-гази) [Буд. II, с. 99]: *elni buzulγaly qojmasunlar* БП 287, BN 224a 'пусть они не допускают, чтобы народ разорили', *bälḫi falizgarni qawun ekkali qojulub edi* БП 492, BN 380b '[мы] приказали огороднику из Балха выращивать дыни'; в) значение причины (редко): *elikim azärdä bolγaly oq atmajdur edim* БН 321, BN 248b–249a 'Я тогда стрел не метал, потому что у меня была повреждена рука'.

Человек дела и действия в жизни, Бабур-повествователь и писал, естественно, о действиях – своих собственных, равно как и своих союзников, своих противников. Отсюда – высокая репрезентативность глагола в "Бабур-наме": здесь, вероятно, представлен наиболее по́лно чуть ли не весь репертуар личных и неличных форм чагатайского глагола. В этом же ключе истолковывается широкое распространение "окказионального" отыменного глаголообразо-

вания на *-lA (-lAn, -lAš, -lAndIr)*: с помощью этих аффиксов легко транспозицируются в глагольную сферу названия понятий и предметов военного дела, военного обихода.

Именно глагольные словоформы страдательного залога служат основным и высокочастотным средством выражения объективированного типа (I) повествования с неявной субъектной отнесенностью к 1-му лицу, что является важнейшим и специфичнейшим признаком стиля "Бабур-наме", выпадающим из языковых канонов придворной литературы, также и средством достижения "литературной скромности".

Возможности достижения экспрессивных эффектов раскрываются при изучении самых разных категорий глагола, например морфологии и синтаксиса глагольного согласования в числе. Оживлению повествования, приданию ему динамичности служит употребление некоторых временны́х форм изъявительного наклонения, относящихся к сфере настоящего и будущего, в повествовании о прошлом.

В ряде случаев выясняются возможности грамматической синонимизации (например, словоформ возвратного залога и описательных конструкций с основным глаголом и возвратно-выделительным местоимением *öz*; отдельных деепричастий и причастных оборотов; различных имен действия между собой и с причастием настоящего-будущего), что обеспечивает богатство и гибкость языка сочинения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подход к литературному тексту как к речевому произведению при использовании идей современных лингвистических течений – прагматики текста, лингвостилистики (при изучении выработки и реализации стиля), с одной стороны, и соответствующей комплексной методики – с другой, оказался эффективным в лингвоисторическом аспекте. Объединение в одной монографии изучения как внутриязыковой, так и внеязыковой специфики одного средневекового литературного сочинения уже само по себе расширяет диапазон исследования: в поле зрения попадает целый ряд явлений, связанных с историей литературного языка (отчасти и с историей литературы), из числа тех, которые прежде внимания тюркологов не привлекали. Это соответствует подходу к проблеме развития литературного языка как к "проблеме не только и даже не столько лингвистической, сколько историко-культурной" [Толстой 1988, с. 3]. "Бабур-наме" оказалось тем именно литературным произведением, которое чрезвычайно удобно для применения к нему социально-коммуникативного подхода, – вполне в духе пословицы, приводимой здесь Бабуром: *teŋ bolmayunča tüš bolmas* BN 141b (с перефразировкой: БП 174) 'Пока нет сходства (соответствия), не будет [и] встречи'.

"Бабур-наме" высоко ценилось как его современниками (см. например, выше о Хондемире, специально прибывшем ко двору Бабура в Хиндустане с тем, чтобы ознакомиться с его сочинениями), так и последующим поколением близких к нему людей. Об этом свидетельствуют слова внука писателя, Акбара: "Книга его (Бабура. – *С.А.*), охватывающая периоды его царствования от начала до конца, написанная ясным, совершенным стилем, применялась в качестве руководства по управлению страной и носила характер закона" (Абул-Фазл. "Акбар-наме", цит. по [Азимджанова 1977, с. 9]),– этими словами, как нельзя лучше, обрисован "эстетический объект", находимый в "Бабур-наме" его последователями. Что же касается наших современников, то характерно, что, например, пакистанский переводчик этого труда Рашид Ахтар Надви назовет

Бабура "государем слова", т.е. непревзойденным писателем и искусным поэтом [Азимджанова 1977, с. 13].

Изучение текстообразования и текстообразующих факторов "Бабур-наме" дало ключ к выявлению новаторского характера этого сочинения буквально по всем параметрам. Коммуникативная установка Бабура-писателя – правдивое описание своего пути к завоеванию Хиндустана (со всей предысторией, это завоевание оправдывающей), создание правдоподобного образа идеального государя-воина, которому не чуждо ничто человеческое, – определила, во-первых, новый для средневековой литературы тип адресата (рядовые "читающий и слушающий"), во-вторых, принципиально новое соотношение адресанта (автора) и адресата. В свою очередь, новые для средневековой литературы тип адресата и соотношение "адресант–адресат" обусловили своеобразие как литературной формы (принадлежность к т. наз. промежуточной литературе), так и языкового выражения, в конечном счете – стиля языка "Бабур-наме".

Касаясь литературной формы "Бабур-наме", следует отметить такие новаторские приемы организации текста сочинения, как включение документа (грамот-фирманов и черновиков писем к сыновьям и лицам из ближайшего окружения Бабура), документированных и недокументированных стихотворных автоцитаций наряду с обычными для средневековотюркской литературы стихотворными цитациями, афоризмами и сентенциями, пословицами и поговорками. Другим таким конструктивным приемом является симметричность построения отдельных фрагментов текста, а в ряде случаев лексико-синтаксический параллелизм – прием, близкий к фольклорному и потому привычный для среднего читателя – современника Бабура.

Ориентация писателя на новый тип адресата – рядовых "читающего и слушающего" – исключала возможность использования в "Бабур-наме" прежнего высокого стиля придворной литературы и делала необходимой выработку иного стиля, доступного новому адресату. Пользуясь терминологией классицизма, называем его средним стилем. Осуществить выработку среднего стиля Бабуру позволил его социально-исторический и культурно-исторический статус. Государь и вместе с тем писатель, поэт, ученый, он не испытывал рабской зависимости от мецената и его суждений об искусстве; творчество Бабура в этом отношении, можно сказать, развивалось имманентно, свободно.

Авторская позиция в отношении к языковому стилю – требование его простоты, ясности и чистоты – четко сформулирована в личном послании Бабура к сыну Хумаюну. Здесь непринужденно и остроумно излагаются замечания по поводу почерка адресата, его

орфографических промахов, особенно в тех "изысканных" словах, точного написания которых Хумаюн не знает, а в результате естественно затемняется смысл его писем. Завершается это наставлением: *mundyn nary bi täkälluf wä räwšän wä pak alfaz bilä biti häm säŋä täšwiš azraq bolur wä häm oquγučγa* БН 452, BN 349b 'Впредь пиши словами простыми (букв. без церемоний), ясными и чистыми: и тебе будет меньше беспокойства, и читающему'.

Выше мы пытались раскрыть, как, из каких языковых компонентов складывается этот "ясный, совершенный стиль" "Бабур-наме", показать его системную сущность. Для этих целей в научный обиход нами вводится большой массив наблюденных в "Бабур-наме" фактов, которые прежде в тюркском языкознании по большей части оставались не учтенными, между тем как они обладают объяснительной силой применительно к системе языковых стилей средневековой литературы, к эволюции этой системы, в частности к стилистическим процессам в чагатайском языке, и соответственно к истории старописьменных тюркских литературных языков. В результате удалось поставить и решить вопрос о характере структурирования стилистической системы "Бабур-наме", **показать механизм структурирования путем вычленения лингвостилистических признаков изучаемого сочинения.**

В области лексики своеобразие стиля зиждется на действии трех авторских принципов **отбора лексики.** Первый принцип – это энциклопедичность, которая обусловлена целевой установкой автора сообщать своему читателю обо всем, что он увидел в новых краях и что достойно упоминания. С энциклопедическим принципом отбора слов, при котором подразумевается широкое использование обиходных слов, передающих даже и самые низкие понятия и объекты действительности, связан второй принцип, а именно высокий уровень пермиссивности, т.е. позволительность говорить в сочинении обо всем, высоком и низменном, что ни случается в жизни, называя вещи своими именами; сюда относится и использование эмоционально остро окрашенных – пейоративных слов, в том числе прозвищ и кличек титулованных особ (способ, антагонистический по отношению к традиционному словоупотреблению в придворной литературе); эта часть лексики предназначена способствовать публицистичности и полемичности отдельных фрагментов текста. Третий принцип – это нормирующе-сознательное отношение автора к отбору арабизмов и фарсизмов, умелая дозировка архаизмов, что также, как видим, антагонистично принципу "изысканности" в отборе лексики, закрепленному в практике средневековой придворной литературы.

Действием трех названных принципов обеспечивается необы-

чайное лексическое богатство "Бабур-наме", свободный приток новозаимствованной лексики из языков Хиндустана, введение в художественную ткань множества обиходных, а порою и "низких" слов, в том числе пейоративной лексики (прозвища и клички, прямая ругань и брань в адрес врагов и их приспешников – изменников и перебежчиков). Вместе с тем язык Бабура совсем не так перенасыщен арабизмами и фарсизмами, как, например, язык прозаических произведений его старшего современника Навои.

Благодаря взаимодействию арабизмов и фарсизмов с тюркскими словами создаются условия для составления целых цепочек генетически разнородных синонимов. Синонимия в языке "Бабур-наме" чрезвычайно развита; богато представлена и антонимия. Широкое использование синонимов и антонимов способствует симметричности построения фрагментов текста.

На протяжении всего повествования встречаются слова, принадлежащие (если использовать терминологию более позднего русского классицизма) всем трем стилям – высокому, среднему, низкому. Здесь, таким образом, отсутствует та жесткая лексическая регламентация, которая провозглашалась теорией "трех штилей" М.В.Ломоносова ("теория „трех штилей" ... была канонизирована как жесткая рекомендация, закрепляющая различные слои лексики за определенными литературными жанрами..." [Хабургаев 1983, с. 101]). Именно на лексическом уровне в "Бабур-наме" представлены многочисленные случаи пересечения стилей среднего и низкого (или "простого"), среднего и высокого.

В области морфологии чуть ли не любая форма, репрезентирующая ту или иную грамматическую категорию, либо несет экспрессивно-стилистическую нагрузку, либо своей частотностью, спецификой употребления связана с неповторимым своеобразием "Бабур-наме" (см. часть II). Так, например, экстралингвистическими (прагматическими) причинами, связанными со своеобразием текста, может быть объяснена необычайно широкая представленность в нем числительных самых разных разрядов и особенно разветвленно – количественных числительных (в том числе гиперболизируемых *tümän* 'десять тысяч', *jüz tümän* 'миллион', *krur* '500 тысяч'), приблизительных числительных во всем многообразии их реализации. В повествовании о действиях самого автора, государя-воителя, его приверженцев и неприятелей наиболее полно отражен чуть ли не весь спектр личных и неличных форм чагатайского глагола; особо отметим повышенную частотность глагольных словоформ понудительного залога, которыми передаются повеления и приказы государя; об особом, также частотном употреблении страдательного залога см. ниже.

Средствами выражения эмоциональности и оценочности может служить в именах существительных – однородных (нередко синонимичных) членах предложения повторение аффикса мн. числа *-lar*, соответствующих аффикса принадлежности и падежного показателя. Особенно многообразно использование *-lar* в экспрессивной функции: при существительных, сочетающихся с количественными числительными высших разрядов, при именном компоненте аналитических глагольных структур, при прилагательном – глагольном определении (*jaḫšylar bardy* 'действовал очень хорошо', где употребление *-lar* является нарушением модели), при "согласовании" сказуемого-глагола (с аффиксом *-lar*) с подлежащим без этого аффикса. В стилистических целях Бабуром обыгрывается необлигаторность грамматического значения принадлежности – повтор аффикса принадлежности при каждом из однородных членов предложения и, напротив, отсутствие в условиях, казалось бы, требующих его употребления.

В стилистической палитре автора – частое удвоение прилагательных (нередко с аффиксом *-rak*) и наречий – определений именных и глагольных, частичная редупликация прилагательных (в отдельных случаях также и существительных), повышенная частотность наречий – количественных и качественных актуализаторов. Нередко наблюдаются различные объединения всех названных выше средств словесной изобразительности.

Вопросительные местоимения составляют лексико-грамматический центр, вокруг которого строится риторический вопрос – стилистическая фигура, играющая весьма существенную роль в стилистике "Бабур-наме"; сказуемым при этом выступает глагольная словоформа будущего желательного на *-γaj* или же сослагательного на *-γaj edi*.

Эффект актуализации передаваемых действий достигается при повторении форм прошедшего категорического времени каждого из однородных сказуемых (без обычной замены одного из них деепричастием на *-(I/U)p*). Стилистически настоящее-будущее на *-(A/U)r* и настоящее на *-A/j dur* могут использоваться, во-первых, в качестве настоящих экспозиционных, во-вторых, для передачи прошлого единичного действия как удивительного, неожиданного; настоящее-будущее на *-(A/U)r* – еще и для передачи внезапно наступившего действия в прошлом. Стилистически обыгрывается соположение либо двух причастий на *-gan* от одного глагола с аффиксом отрицания и без него, либо пары причастий на *-(A/U)r* от семантически связанных или противопоставляемых глаголов, глаголов с аффиксом отрицания и без него. Формы одного глагола с аффиксом отрицания и без него могут служить предикативными цен-

трами подчиненной конструкции и подчиняющего предложения, благодаря чему создается симметричность внутри осложненного синтаксического комплекса.

Даже аффиксы отыменного словообразования существительных и глаголов могут служить стилистическим целям: *-lik* – для концентрации эмфазы в существительных – однородных синонимических членах предложения, в составе которых повторяются и другие грамматические показатели. К тому же с помощью аффикса *-lik* образуются однородные сложносоставные определительные обороты, что тоже способствует симметричности расположения словесного материала. Экспрессивную функцию выполняют производные глаголы, образуемые с помощью *-lA* чуть ли не от любого имени, в том числе от впервые услышанного заимствования.

В области синтаксиса своеобразие (отличие от языка придворной литературы) и доступность текста "Бабур-наме" обеспечивается прежде всего тем, что, по наблюдению А.Н.Самойловича, "в языке Бабура сложных и больших периодов мало. Чаще всего встречаются слитные предложения с глаголами на وب перед личной формой" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 26]. Велико здесь также число двусоставных повествовательных предложений с именным сказуемым [Назарова 1979, с. 154]. Решительно отказываясь от привычной велеречивости придворной литературы, Бабур добивается снижения стиля в области синтаксиса как словосочетания, так и предложения благодаря широкому использованию обиходноречевых оборотов и конструкций (а), парцелляции (б), других особенностей живого тюркского разговорного синтаксиса (в).

а) Синтаксис словосочетания. К примеру, говоря о своем побежденном противнике Хусрау шахе в самом уничижительном тоне, Бабур замечает: *neča jyl qylγan bekligi wä sultänäti tämam burunγydyn čγqty* БН 151, BN 123b ‘Его княжество и султанство (княжеская и султанская власть), которые он осуществлял в течение нескольких лет, полностью слетели у него с носа (букв. вышли из его носа)’. См. еще: *men wä anam wilajät ḫod tursun* (БН 253_{20}: *nersun*) *bir kent wä bir neča qoš igäsi bola almaduk* БН $253_{19\text{-}20}$, BN $200b_{3\text{-}4}$ ‘Я и моя мать, мы не смогли стать обладателями – какого уж там владения! – [хотя бы] одного селения да нескольких кибиток’; *jinä här bir pälniŋ miqdari altmyš qatla közni jümub ačqunča deb turlar kim kečä kündüz iki jüz on alty miŋ közni jümub ačqunča bolγaj* БН 376, BN 290a ‘Говорят, что продолжительность каждого (одного) пала ["пал" – индийская мера времени] такова, что можно 60 раз глазом моргнуть (букв. закрыть и открыть глаза), так что за сутки можно моргнуть глазом (букв. закрыть и открыть глаза) 216 тысяч раз’, для последнего оборота можно привести в качестве срав-

нения узб. диал. "наречие-фразеологизм" *кѳз очип йумнунчѳ* букв. ʿне успеешь глазом моргнуть' в значении "вмиг" [Джураев А. 1986, с. 158].

б) Синтаксис предложения. Парцелляция – одна из ярких примет живого разговорного синтаксиса тюркских языков. Ее проявления – присоединение самых различных синтагм (подлежащего, именного компонента аналитического глагольного сказуемого, дополнения, различных обстоятельств) – можно наблюдать в языке "Бабур-наме", притом достаточно часто. Пример: *sämärqänd mujässär bolsa birimiz sämärqändta* (БП 70_{10}: *sämärqänd*) *olturγaj jinä birimiz hisarda* БП 70_{10-11}, BN $56b_1$ ʿКоли бог дарует [нам] Самарканд, один из нас пусть воссядет [государем] в Самарканде, другой – в Хисаре'.

в) Свойственное живому разговорному синтаксису употребление повторяющейся при однородных членах предложения вопросительной частицы *mu* ʿли' в качестве разделительного союза, а также средства усиления разделительного союза *ja* ʿили' распространены в этом сочинении. Пример: *...qarylyγydyn mu ja aldarayanydyn* (БП 244_8: некорректно *alduryanydyn*) *mu ja qarnyŋ uluγluγydyn mu jolny joqatty bašlaj almady* БП 244_{8-9}, BN $193a_{6-8}$ ʿ[Местный проводник] то ли от старости, то ли от того, что вводил [нас] в заблуждение, то ли от обилия снега потерял дорогу, не смог [нас] вести'.

Важно подчеркнуть, что вышеназванные синтаксические особенности в языке "Бабур-наме" используются, как правило, не для стилизации прямой и диалогической речи (как, например, в языке современных литературных произведений), но именно в самом повествовании, причем на общем фоне хорошо развитой союзной связи, сочинительной и подчинительной.

Еще одной специфической чертой синтаксиса предложения, играющей особую роль в стиле "Бабур-наме", является необычно широкое, фактически не имеющее ограничений в лексическом охвате употребление безлично-страдательного глагола 3-го лица. В этой залоговой форме часто выступают глаголы движения; переходные же глаголы при этом сохраняют управление вин. падежом прямого дополнения – объекта действия (при подразумеваемой субъектной отнесенности к 1-му лицу: способ выражения литературной скромности автора). Вин. падеж объекта при безлично-страдательном (переходном) глаголе, равно как и при глагольной аналитической структуре (глагольный компонент – *bol-* ʿстать, становиться'), представляет собой то самое нарушение модели, которое здесь используется в стилистических целях. Вопрос об использовании язы-

ковых аномалий в качестве стилеобразующих признаков средневековотюркских литературных произведений прежде не ставился.

Все вышеназванные лингвостилистические признаки позволяют обрисовать лексико-грамматические контуры той стилистической системы (средний стиль), которая впервые представлена в "Бабур-наме" – новаторском художественном произведении со стилистической многослойностью: обширные и многочисленные фрагменты его являют собой деловую, документальную прозу, драгоценные для историографа свидетельства очевидца*.

Доминантой же этой стилистической системы является наличие (помимо обычного объективированного повествования-констатива) и взаимодействие еще и таких типов повествования, как субъективированное повествование (тип II: ядерные единицы – подлежащие – местоимения 1-го лица ед. или мн. числа; лично-глагольные сказуемые 1-го лица; посессивно оформленные имена и причастия) и объективированное повествование с неявной субъектной отнесенностью к 1-му лицу (тип I: ядерные единицы – формальное отсутствие подлежащего, сказуемое – безлично-страдательный глагол 3-го лица нередко с прямым дополнением в вин. падеже, отсутствие посессивных аффиксов в составе имен и причастий).

В плане теоретическом можно, таким образом, говорить о том, что именно в средневековом сочинении "Бабур-наме" оппозиция констативов (т.е. литературных описаний, ведущихся от 3-го лица) и перформативов (повествование от 1-го лица) обогащается введением "неявного" (или скрытого) перформатива (т.е. объективированного типа I).

Выступая новатором в области как языка и стиля, так и литературной формы, Бабур своим творчеством стимулировал и интенсифицировал стилевые процессы в средневековотюркской литературе, которая отличалась консервативностью в отношении системы стилей, складывавшейся веками. Из синкретического опыта исторической описательной стилистики, осуществленного выше в контексте структурного описания морфологии языка сочинения, явствует, что именно Бабур как незаурядная языковая личность в своей писательской практике сумел реализовать те богатства языка тюркú, которые были декларированы Навои в его, по сути дела, лингвостилистическом трактате "Мухакамат ул-луғатайн".

---

* В соответствии с "Риторикой" 1620 г. (глава "О трех родах глаголания"), к "среднему, или „мерному (умеренному), роду глаголания "" отнесены "письма, грамоты и глаголы Кикероновы" (т.е. речи Цицерона), из чего видно, что это "явно деловой язык, противопоставленный... книжно-литературному языку.. по сфере применения" [Хабургаев 1983, с. 102–103].

Применительно к индивидуально-художественной речи Бабура, запечатленной в "Бабур-наме", можно отнести слова В.В.Виноградова, сказанные им по поводу исследования поэтики другого писателя-новатора исторически более близкого нам времени – Гоголя: "индивидуально-художественная речь вырисовывается как новая система эстетической организации языкового материала, резко отличная от предшествующих и современных форм и в то же время так или иначе ими подготовленная, ими исторически вызванная, с ними нитями контраста или родственного сходства связанная" [Виноградов 1976, с. 231]. Материалами проведенного исследования раскрывается яркое и неповторимое своеобразие "Бабур-наме" в его взаимодействии с литературно-языковой традицией.

В совокупности вычлененные здесь лингвостилистические признаки "Бабур-наме", как и доминанта его стилистической системы, обрисовывают зримо и достаточно детально тот средний стиль, который представлен в этом сочинении. Разработанный автором средний стиль, введенная им стилистическая многослойность повествования (пересечения среднего и высокого, среднего и низкого, высокого и низкого стилей) существенно изменяли стилевую систему чагатайского литературного языка рубежа XV–XVI вв. и объективно служили ее обогащению.

Инновации Бабура в области стиля фактически открывали собой новый этап, который мог бы стать ключевым и поворотным в развитии не только чагатайской, но и шире – средневековотюркской литературы. Однако в силу исторических обстоятельств этим инновациям суждено было остаться за пределами внимания тюркоязычных писателей последующих поколений в Средней и Центральной Азии, в стороне от традиционного развития средневековотюркской литературы и стиля, не испытавших на себе заметного воздействия прозаического труда Бабура, написанного им в завоеванном Хиндустане.

* * *

Структурное описание морфологии языка "Бабур-наме" в целом может представлять интерес в плане как истории чагатайского литературного языка, так и истории тюркских языков вообще.

В плане истории литературного языка важно отметить, что морфология языка "Бабур-наме" не производит впечатления диалектно-смешанной; огузских грамматических форм здесь крайне мало, а те, что имеются, – например, прошедшее на *-mIš* и связанные с ним конструкции вроде *-mIš bolγaj*, изолированная словоформа 1-го лица *bilman* 'не знаю' находятся на периферии морфологической системы и ее глагольной подсистемы. Сильны здесь ограничения и на грамматические архаизмы; во всяком случае, А.Н.Самойлович особо подчеркивал, что "язык „Бабур-наме" менее архаичен, чем поэмы Абду-с-Саттара" [Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 28], а историческая поэма Саттара относится к XIX в. (см. [Самойлович 1914]). Между тем чагатайскому литературному языку рубежа XV–XVI вв. и особенно языку поэзии, отчасти также языку прозы была свойственна грамматическая вариативность, возникавшая за счет употребления здесь, например, огузских падежных и посессивно-падежных форм, глагольных лично-числовых показателей, употребления *-mIš* и его производных без заметных ограничений, равно как и архаичных послелогов (см. [Самойлович 1926, 1927; Благова 1960, 1976, 1981 (1, 2)]).

Не только форма на *-mIš* в языке "Бабур-наме", но также, возможно, производные от имени действия на *-γu* и будущее желательное на *-γaj* поддерживались старинной литературно-языковой традицией.

В лексике как дань этой традиции можно рассматривать предпочтительное употребление наименования бога *teŋri* (а не *allah* или *ḫudaj*, как у Навои), использование словосочетания *jer suw* букв. 'земля-вода', в древнетюркской рунике передававшего представление идеологического порядка (синоним Родины) и принадлежавшего к стилистически окрашенной лексике [Тенишев 1976, с. 169], а здесь утратившего такую окрашенность. То, что старинная литературно-языковая традиция, отражаемая в "Бабур-наме", корнями своими уходила в узус современной ему обиходной речи, может быть подтверждено данными ономастики: целый ряд личных имен современников Бабура имеет в качестве своих компонентов такие древнетюркские слова, как *uγan* '[Все]могущий, Бог', *teŋri* 'Бог', *qutluq* 'счастливый', *elig* 'государь, правитель' и др.

В плане истории узбекского литературного языка более очевидна известная преемственность в области именных грамматических категорий и их репрезентации; что же касается глагольной подсистемы, то здесь необходимы специальные исследования.

В плане исторической грамматики тюркских языков заслуживает внимания то, что материалами "Бабур-наме" некоторые языковые явления зафиксированы в динамике их развития. См., например, необлигаторность грамматического значения принадлежности; механизм глагольного согласования в числе; переходные этапы в прономинализации *nimä* ("вещь" → "кое-что"), постпозиционализации *sary* ("сторона, направление" → "по направлению к; к"; см. еще имеющую место в языке "Бабур-наме" синонимизацию *sary* в значении 'сторона' и ар. *täräf* 'сторона'); недостаточную спаянность именного и глагольного компонентов аналитической глагольной структуры, благодаря чему в ряде случаев они продолжают сохранять живые синтаксические отношения между собой; подвижность аффикса *-lar*, частицы *mu* 'ли' в составе сложных глагольных форм.

В плане исторической лексикологии материалы "Бабур-наме" заслуживают пристального внимания исследователей благодаря энциклопедическому подходу Бабура к отбору лексики. Помимо богатейшего собрания собственно чагатайской, общетюркской и межтюркской лексики, а также обычных для чагатайского литературного языка заимствований из арабского и персидского здесь представлены также заимствования из языков, принадлежащих полярно противоположным регионам – Европе и Индии. В соответствии с внеязыковыми обстоятельствами (основной текст "Бабур-наме" написан в Хиндустане и касается там происходивших событий) особенно широко и разнообразно в тексте представлены заимствования из языков Индии. Это топонимы, этнонимы и личные имена, фаунонимы и фитонимы, названия феодальных уделов и единиц измерения времени, множество слов, передающих бытовые реалии. Любопытно, что подобные заимствования наблюдаются и в поэтическом наследии Бабура: Э.Денисон Росс "приводит в транскрипции и переводе одно двустишие, в котором турецкие слова перемешаны с „урду"" [Самойлович 1911, с. 0101]. Названная часть лексики "Бабур-наме" ожидает исследования, которое должно быть осуществлено совместно координированными усилиями индолога и тюрколога. Такое лингвоисторическое исследование помогло бы многое прояснить в культурно-языковом взаимодействии завоевателей – носителей чагатайского языка и коренного населения Хиндустана в период, когда, по словам Дж.Неру, эти "две древние культуры пришли в соприкосновение..." и в "Индии произошли большие сдвиги, и новые стимулы вдохнули свежесть и жизнь в искусство, архитектуру и другие области культуры" [Неру 1955, с. 272].

Эффективной оказалась разработанная нами методика лингвистического изучения памятника в условиях отсутствия критического текста. Использован лингвотекстологический прием фиксации характерных разночтений по Керову и Хайдарабадскому спискам для каждого исследуемого языкового явления. Одним из результатов последующего аналитического рассмотрения огромного количества выявленных языковых разночтений может быть вычленение следующих их типов.

(1) Часть разночтений основана на допустимости варьирования в пределах действовавших норм формо- и словоупотребления (макроправил языка "Бабур-наме"), в том числе на явлении грамматической синонимии. Этот тип разночтений обеспечивает материальную базу для постановки проблемы чагатайской литературно-языковой нормы и допустимой ее вариативности.

(2) Стилистическая часть разночтений опирается на возможность использования различных грамматических и лексических средств для стилистически разноокрашенной передачи одной и той же семантики (например, глагольные словоформы 1-го лица ед. или мн. числа и словоформы 3-го лица страдательного залога с неявной субъектной отнесенностью к 1-му лицу).

(3) Некоторые разночтения, даже и из числа некорректных, оказывают помощь в верификации лингвостилистической трактовки тех или иных нарушений языковой модели, специфичных для "Бабур-наме". Например, редчайшими и очень важными описками в Керовом списке (наличие подлежащего – местоимения 1-го лица при безлично-страдательном глаголе в 3-м лице) верифицируется толкование подобных глагольных словоформ как имеющих неявную субъектную отнесенность к 1-му лицу.

(4) Некоторые из разночтений имеют "компенсаторный" характер: некорректное чтение при пропуске надлежащих морфем включает в дефектную словоформу излишние морфемы для сохранения заданного количества слогов, причем такие некорректные чтения отмечены как в одном, так и в другом списках. Например: *kelmamakini* БН 234_{16}, BN $185b_2$, *kelmaknini* К $564b_{16}$; *bolmajdur edi* БН 85_4, но *bu almaj dur* BN $68b_9$.

(5) Фиксация некорректных языковых форм при разночтениях как в Керовом, так и в Хайдарабадском списках на всем протяжении текста "Бабур-наме" поддерживает мнение А.П.Самойловича о том, что "Бевериджу несомненно переоценивает Хайдарабадский кодекс и заслуги его переписчика" и что "без издания Ильминского Бевериджу не справилась бы вовсе с хваленым Хайдарабадским кодексом; так местами он искажен торопливостью переписчика"

[Самойлович. Ф. 671, № 85, с. 27, 29]. В условиях, когда многолетняя работа А.Н.Самойловича над Хайдарабадским и Керовым списками "Бабур-наме" остается достоянием архивов, а Хайдарабадский список по-прежнему слывет "одним из авторитетнейших источников изучения записок Великого могола" [Щербак 1962, с. 43; см. еще Азимджанова 1982, с. 9], особую актуальность приобретает продолжение работы по лингвотекстологической "реабилитации" Керова списка и его издания Н.И.Ильминским (см. [Благова 1961, 1977]).

Наблюдения, сделанные в процессе критического сличения двух списков и их изданий, позволили установить некоторые характеристические черты того и другого списка, прежде не отмечавшиеся. К примеру, в отношении Хайдарабадской рукописи стало возможным говорить не об одном ее переписчике, как это имелось в виду прежде, а о нескольких. Об этом свидетельствуют не только различия в почерках на протяжении всего текста, но также и различия в отдельных орфографических приемах, см. об этом с. 263 примеч. 5 и с. 268. Что же касается Керова списка, то здесь важная информация об истории его изучения извлечена из богатого содержания его полей, в частности установлено, что исследователем "Бабур-наме" был А.Н.Самойлович (подробно см.: [Благова 1993]).

Предпринятыми разысканиями возвращены истории отечественной тюркологии имена таких исследователей "Бабур-наме", как Н.И.Ильминский, В.В.Бельяминов-Зернов, Л.З.Будагов, П.М.Мелиоранский, А.Н.Самойлович, усилиями которых отечественная традиция в этой области не прерывалась вплоть до Октябрьской революции, когда лингвоисторическая тематика была заметно потеснена проблемами языкового строительства в СССР. Хотелось бы надеяться, что традиции отечественной тюркологии в деле исследования текста "Бабур-наме" нашли свое продолжение в предлагаемой монографии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Источники и словари

Абушка — Словарь джагатайско-турецкий. Издал В.В.Вельяминов-Зернов. СПб., 1868.

Бабирнома 1948–1949 — Бабирнома. Нашрга тайёрловчилар Шамсиев П., Мирзоев С. Т. I — 1948, II — 1949. Тошкент.

Бабур 1 — Бабур. Кн. 1. Таш., 1982.

Бабур 2 — Бабур. Кн. 2. Таш., 1982.

БН — "Бабер-наме или Записки Султана Бабера". Изданы в подлинном тексте И.И.[Ильминским]. Казань, 1857.

К — "Бабур-наме". Керов список. — Рукописный отдел ЛО ИВАН СССР, шифр Д 685.

БН С — "Бабур-наме". Список Сенковского. — Рукописный отдел ЛО ИВАН СССР, шифр Д 117.

Бабур-наме 1958 — "Бабур-наме. Записки Бабура". Перевод М.Салье. Таш., 1958.

Бобирнома 1960 — Бобирнома. Нашрга тайёрловчилар Шамсиев П., Мирзоев С. 2-нчи нашр. Тошкент, 1960.

Бобурнома 1989 — Бобур, Захириддин Муҳаммад. Бобурнома. Нашрга тайёрловчи Шамсиев П. Тошкент, 1989.

Буд. I–II — Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Сост. Л.Будагов. Т. I — 1869, II — 1871. СПб.

Гафф. I–II — *Гаффаров М.А.* Персидско-русский словарь. Т. I–II. М., 1976.

Даль III–IV — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III–IV. М., 1955.

ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

КРС — Киргизско-русский словарь. Оренбург, 1897.

Мубаййин — "Мубаййин" Бабура (список). — Рукописный отдел ЛО ИВАН СССР, шифр А 104.

Мухакамат ул-луғатайн — "Мухакамат ул-луғатайн" Навои (список). — Институт восточных рукописей АН УзССР, шифр № 5829.

НАЛ I–IV — Алишер Навоий асарлари тилининг изоҳли луғати. Т. I–II — 1983, III — 1984, IV — 1985. Тошкент.

Пек. I, III — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I — 1958, III — 1959 (б.м.).

Самойлович. Ф. 671, № 82, № 84–87 — *Самойлович А.И.* Ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 82, 84-87. — Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Самойлович. Ф. 782, оп. 1, № 16 — *Самойлович А.И.* Фонд 782, опись 1, ед. хр. № 16. — ЛО Архива АН СССР.

ТувРС — Тувинско-русский словарь. М., 1968.

ЭЛ I, XVI — Энциклопедический лексикон. Т. I — 1837, XVI — 1839. СПб.

ЭСТЯ 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
ЭСТЯ 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б"). М., 1978.
ЭСТЯ 1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г", и "Д"). М., 1980.
ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Җ", "Ж", "Й"). М., 1989.
ЯРС — Якутско-русский словарь. М., 1972.
BN — "The Bābar-nāma". Ed. by A.S.Beveridge. Leyden—London, 1905.
Zen. — *Zenker J.Th.* Dictionnaire turc-arabe-persan. T. II. Leipzig, 1876.

Библиографические сокращения

ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ВКУЯ — Вопросы казахского и уйгурского языкознания. А.-А., 1963.
ДАН-В — Доклады Академии наук СССР. Серия В.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского Археологического общества. СПб.
ЗИАН — Записки Императорской Академии наук. СПб.
ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР). Л.
ЗРАН — Записки Российской Академии наук. Пг.
ИАН СССР — Известия Академии наук СССР. М.—Л.
ИАН КазССР — Известия Академии наук КазССР. А.-А.
ИРАН — Известия Российской Академии наук. Пг.
ИСГТЯ II, III — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология — 1956; ч. III. Синтаксис — 1962. М.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
НЗЛ VIII — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
НЗЛ IX — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980.
НЗЛ XVI — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
НЗЛ XVII — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
НЗЛ XXIII — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.
СТ — Советская тюркология. Баку.
ЎТАМ — Ўзбек тили ва адабиёти масалалари. Тошкент.
AOrH — Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L.
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.

ЛИТЕРАТУРА

Абдураҳмонов, Рустамов 1984 — *Абдураҳмонов Г., Рустамов А.* Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984.

Абдураҳмонов, Шукуров 1973 — *Абдураҳмонов Г., Шукуров Ш.* Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973.

Агманов 1964 — *Агманов Е.* Именно-атрибутивное словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности. АКД. А.-А., 1964.

Азимджанова 1958 — *Азимджанова С.А.* Предисловие. — Бабур-наме 1958.

Азимджанова 1977 — *Азимджанова С.А.* Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977.

Азимджанова 1982 — *Азимджанова С.* О "Бабур-наме". — Бабур. Кн. 2. Таш., 1982.

Ализаде 1966 — *Ализаде А.Дж.* Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX вв). АКД. Баку, 1966.

Арутюнова 1981 — *Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата. — ИАН СССР. Серия лит. и яз. Т. 40. № 4, 1981.

Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и языковая картина мира. — ВЯ. 1987, № 3.

Атаджанов 1978 — *Атаджанов Н.* Художественный перевод и научное комментирование (на материале переводов "Бабур-наме"). АКД. Таш., 1978.

Ахманова 1966 — *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Ашнин 1958 — *Ашнин Ф.Д.* Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках. АКД. М., 1958.

Багиров 1966 — *Багиров Г.А.* Говоры азербайджанского языка Сисианского района Армянской ССР. АКД. Баку, 1966.

Бакинова 1953 — *Бакинова Г.* Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953.

Бартольд 1896 — *Бартольд В.* [Рец. на] *Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie. P., 1896 (Отд. отт. из ЖМНП).

Бартольд 1918 — *Бартольд В.В.* Улугбек и его время. — ЗРАН. Sér. VIII, т. XIII, № 5, 1918.

Бартольд 1928 — *Бартольд В.В.* Мир-Али-Шир и политическая жизнь. — Мир-Али-Шир. Л., 1928.

Басманова 1977 — *Басманова А.Г.* Именные грамматические категории в современном французском языке. АДД. М., 1977.

Батманов 1959 — *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Березин 1857 — *Березин И.Н.* Турецкая хрестоматия. Казань, 1857.

Благова 1954 — *Благова Г.Ф.* Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV века по "Бабур-наме". Канд. дис. М., 1954.

Благова 1960 — *Благова Г.Ф.* О характере так называемого "чагатайского" языка конца XV века. — Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

Благова 1961 — *Благова Г.Ф.* К вопросу о подлинности текста "Бабур-наме" по Керовскому списку. — КСИНА. Вып. XLIV. М., 1961.

Благова 1963 — *Благова Г.Ф.* XV — XVI асрлар эски ўзбек адабий тилидаги қумакчилар ҳақида. — ЎТАМ. 1963, № 3.

Благова 1965 (1) — *Благова Г.Ф.* Формы пассива, представленные в "Бабур-наме", и особенности их синтактико-стилевого использования. — Asian and African Studies. I. 1965. Bratislava, 1965.

Благова 1965 (2) — *Благова Г.Ф.* Значение данных современной узбекской диалектологии для изучения староузбекского письменного языка. — ВЯ. 1965, № 1.

Благова 1966 — *Благова Г.Ф.* К истории изучения "Бабур-наме" в России. — Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н.Кононова. М., 1966.

Благова 1969 — *Благова Г.Ф.* О межтюркских языковых контактах (на примере одной изоглоссы). — НАА. 1969, № 2.

Благова 1970 (1) — *Благова Г.Ф.* "Кутадгу билиг", "Бабур-наме" и методика историко-лингвистического сопоставления. — СТ. 1970, № 4.

Благова 1970 (2) — *Благова Г.Ф.* Расширение функции антропонимов монг. *Чагатај* и арабск. *ʿOṣmān* в тюркских языках. — Антропонимика. М., 1970.

Благова 1970 (3) — *Благова Г.Ф.* Тюркские средневековые женские личные имена (по материалам "Бабур-наме"). — Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970.

Благова 1971 — *Благова Г.Ф.* Аналитический способ функциональной транспозиции и глагольные словосочетания. — Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Благова 1972 — *Благова Г.Ф.* Тюркск. *чағатај* — русск. *чагатай-/джагатай-* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования). — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

Благова 1973 — *Благова Г.Ф.* Строение форм желательного наклонения в тюркских языках и тенденция к сверхнормальному их усложнению. — СТ. 1973, № 1.

Благова 1976 (1) — *Благова Г.Ф.* О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. — Turcologica. Л., 1976.

Благова 1976 (2) — *Благова Г.Ф.* Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона. — Тюркологические исследования. М., 1976.

Благова 1976 (3) — *Благова Г.Ф.* Заметки по синтаксису сложноподчиненных предложений с союзами в староузбекском языке. — Сибирский тюркологический сборник. Новосибирск, 1976.

Благова 1977 (1) — *Благова Г.Ф.* Лингвотекстология как подраздел текстологии. — Археология и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977.

Благова 1977 (2) — *Благова Г.Ф.* Андижанский говор по материалам "Бабур-наме" (рубеж XV — XVI веков) и современным диалектологическим описаниям. — СТ. 1977, № 3.

Благова 1978 — *Благова Г.Ф.* О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка XV — начала XVI в. (Падежное склонение в языке произведений Бабура). — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.

Благова 1981 (1) — *Благова Г.Ф.* Проблемы лингвистического изучения средневековых тюркских текстов. — Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Благова 1981 (2) — [*Благова Г.Ф.*] Грамматическая вариантность в условиях наддиалектности (на материале средневековых тюркских памятников). — Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.

Благова 1982 — *Благова Г.Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М., 1982.

Благова 1983 — *Благова Г.Ф.* Взаимодействие языковых уровней. — СТ. 1983, № 4.

Благова 1984 — *Благова Г.Ф.* Языковое контактирование в тимуридских государствах по данным ареального исследования. — СТ. 1984, № 3.

Благова 1986 (1) — *Благова Г.Ф.* О языковой ситуации в тимуридском Мавераннахре (рубеж XV — XVI вв.). — Turcologica 1986. Л., 1986.

Благова 1986 (2) — *Благова Г.Ф.* Потенциально грамматические содержания и их межуровневая реализация в истории тюркских языков. — СТ. 1986, № 6.

Благова 1988 — *Благова Г.Ф.* Соотношение "истории литературного языка" и "исторической грамматики" в исследовании средневекового тюркоязычного памятника. — СТ. 1988, № 1.

Благова 1989 — *Благова Г.Ф.* Языковое выражение отношения "автор — адресат" в "Бабур-наме". — СТ. 1989, № 1.

Благова 1990 — *Благова Г.Ф.* Лексико-синтаксический параллелизм как средство организации текста "Бабур-наме". — СТ. 1990, № 2.

Благова 1993 — *Благова Г.Ф.* Из истории тюркской текстологии. А.Н.Самойлович — исследователь „Бабур-наме". М., 1993.

Болдырев 1969 — *Болдырев А.Н.* К вопросу о литературно-критических взглядах Джами и его современников. — ИАН. 1969, № 2.

Боровков 1952 — *Боровков А.К.* Ўзбек орфографияси масалларига доир. — газ. "Қизил Ўзбекистон" (28.03.1952).

Боровков 1961 — *Боровков А.К.* "Бада'и ал-лугат". Словарь Та̄ли' Ӣма̄нӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961.

Боровков 1963 — *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тефсира XII — XIII вв. М., 1963.

Будагов Р.А. 1967 — *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

Булыгина 1981 — *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики. — ИАН СССР. Серия лит. и яз. Т. 40, № 4, 1981.

Бунин 1966 — *Бунин И.А.* Натали. — Собр. соч. Т. 7. М., 1966.

Бухаркин 1990 — *Бухаркин П.Е.* О функции цитаты в повествовательной прозе. — Вестник ЛГУ. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Вып. 3. Л., 1990.

Бушуй и др. 1990 — *Бушуй А.М., Журакулов Р.Д.* Фразеология узбекских народных сказок. — СТ. 1990, № 5.

Весселовский 1877 — *Весселовский И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877.

Виноградов 1954 — [*Виноградов В.В.*] Введение. — Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954.

Виноградов 1961 — *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Виноградов 1976 — *Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.

Виноградов 1978 — *Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Виноградов 1980 — *Виноградов В.В.* Избранные труды. О художественной прозы. М., 1980.

Гийасаддин Али 1958 — *Гийасаддин ʿАли.* Дневник похода Тимура в Индию. М., 1958.

Гинзбург 1976 — *Гинзбург Л.* "Былое и думы" Герцена. М., 1976.

Гинзбург 1992 — *Гинзбург Л.* Записи 20–30-х годов. — Новый мир. 1992, № 6.

Гончарова 1989 — *Гончарова Е.А.* Категории автор—персонаж и их лингвостилистическое выражение в структуре художественного текста. АДД. Л., 1989.

Грамматические исследования — Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.

Грунина 1966 — *Грунина Э.А.* Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII–XVI вв. — Вопросы тюркской филологии. М., 1966.

Грунина 1971 — *Грунина Э.А.* К истории указательных местоимений в турецком языке. — Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Грунина 1976 — *Грунина Э.А.* К истории семантического развития перфекта *-miš.* — СТ. 1976, № 1.

Грунина 1985 — *Грунина Э.А.* Функциональный анализ грамматической категории. — Вопросы советской тюркологии. Ашхабад, 1985.

Грунина 1986 — *Грунина Э.А.* О синтаксическом времени. — Turcologica 1986. Л., 1986.

Грунина 1988 — *Грунина Э.А.* Учебное пособие по османско-турецкому языку. М., 1988.

Гузев 1979 — *Гузев В.Г.* Староосманский язык. М., 1979.

Гузев 1987 — *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л., 1987.

Гузев 1988 — *Гузев В.Г.* О категории аспектуальности. — СТ. 1988, № 1.

Гузев 1990 — *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. Л., 1990.

Гузев, Насилов 1971 — *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категории числа и определенности—неопределенности. — СТ. 1971, № 5.

Гузев, Насилов 1981 — *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие "грамматическая категория". — СТ. 1981, № 3.

Ғуломов 1941 — *Ғуломов А.* Ўзбек тилида келишиклар. — Труды Узбекского филиала АН СССР. II серия, кн. 2. Таш., 1941.

Гухман 1976 — *Гухман М.М.* К типологии германских литературных языков донационального периода. — Типология германских литературных языков. М., 1976.

Гухман, Семенюк 1983 — *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка IX — XV вв. М., 1983.

Давыдова 1961 — *Давыдова Г.А.* Палеографическое описание Мунша'ат ("Сборник писем") Алишера Навои. — КСИНА. Вып. XLIV. М., 1961.

Давыдова 1986 — *Давыдова Г.А.* Из эпистолярного наследия Алишера Навои. — Turcologica 1986. Л., 1986.

Данияров 1975 — *Данияров Х.* Опыт изучения джекающих диалектов в сравнении с узбекским литературным языком. Таш., 1975.

Джанузаков и др. 1988 — *Джанузаков Т., Есбаева К.* Казахские имена (Словарь-справочник). А.-А., 1988.

Джураев А. 1986 — *Джураев А.Б.* Морфология узбекских говоров Верхней Кашкадарьи в ареальном освещении. Канд. дис. М., 1986.

Джураев А. 1991 — *Джураев А.Б.* Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива. Таш., 1991.

Джураев Б. 1964 — *Джураев Б.* Шахрисябзский говор узбекского языка. Таш., 1964.

Дмитриев 1948 — *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

Дмитриев 1954 — *Дмитриев Н.К.* Язык туркменских сказок Марыйского района. — Туркменские народные сказки Марыйского района. М.—Л., 1954.

Дмитриев 1956 — *Дмитриев Н.К.* Категория принадлежности. — ИСГТЯ II.

Дмитриев 1960 — *Дмитриев Н.К.* Турецкий язык. М., 1960.

Дмитрева 1978 — *Дмитриева Л.В.* Материалы к описанию рукописного наследия А.Н.Самойловича. — Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Дмитриева и др. 1965 — *Дмитриева Л.В., Мугинов А.М., Муратов С.Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии [АН СССР]. I. История. М., 1965.

Долинин 1985 — *Долинин К.А.* Интерпретация текста. М., 1985.

Долинин 1989 — *Долинин К.А.* Лингво-семиотические основы интерпретации прозаического художественного текста. АДД. М., 1989.

Жискар Д'Эстен 1989 — *Жискар Д'Эстен В.* Власть и жизнь. — Огонек. 1989, № 1.

Жирмунский 1964 — *Жирмунский В.М.* Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — ВЯ. 1964, № 4.

Жуманазаров 1961 — *Жуманазаров Ю.* Хазорасп шевасидаги кўрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятлари. — УТАМ. 1961, № 3.

Знаменский 1892 — *Знаменский П.* На память о Н.И.Ильминском. Казань, 1892.

Иброҳимов 1967 — *Иброҳимов С.* Ўзбек тилининг Андижон шеваси. Тошкент, 1967.

Иванов 1961 — *Иванов С.Н.* О соотношении грамматического и лексического в узбекских залогах. — Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 12. Филология и история стран Востока. Л., 1961.

Иванов 1969 — *Иванов С.Н.* Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. Таш., 1969.

Иванов 1978 — *Иванов С.Н.* К изучению жанра газели в староузбекской поэзии. — Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Иванов 1983 — *Иванов С.Н.* О "Благодатном знании" Юсуфа Баласагунского. — *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. Издание подготовил С.Н.Иванов. М., 1983.

Извлечение ... 1883 — Извлечение из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение. — ЗИАН. Т. 47, кн. 1, 1883.

Ильминский 1857 — *Ильминский Н.* Предисловие. — БН 1857.

Ильминский 1861 — *Ильминский Н.* Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — Уч. зап., издаваемые имп. Казанским университетом. Кн. III. Казань, 1861.

Ильминский 1863 — *Ильминский Н.И.* Материалы для джагатайского спряжения. Из Бабер-намэ. — Уч. зап. Казанского университета. Вып. 1—2. Казань, 1863.

Исламов 1988 — *Исламов М.И.* Социально-экономическое развитие и современные диалекты. — СТ. 1988, № 2.

Исхакова 1972 — *Исхакова Х.Ф.* Исследования в области формальной морфологии тюркских языков. АКД. М., 1972.

Казембек 1846 — *Казембек М.А.* Общая турецко-татарская грамматика. 2-е изд. Казань, 1846.

Каримов 1962 (1) — *Каримов Қ.* Категория падежа в языке "Қутадғу-билиг". АКД. Таш., 1962.

Каримов 1962 (2) — *Каримов Қ.* "Қутадғу билиг" тилида келишик категорияси. Канд. дис. Таш., 1962.

Катанов 1888 — *Катанов Н.Ф.* Алфавитный указатель собственных имен, встречающихся во втором томе Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В.В.Радловым. СПб., 1888.

Кенесбаев 1946 — *Кенесбаев С.К.* "Жеті", "үш", "тоғыз", "қырық" пен байланысты ұғымдар. — ИАН КазССР. Серия филол. 4(29), 1946.

Ковальский 1988 — *Ковальский Т.* К вопросам формального изучения поэзии тюркских народов. — СТ. 1988, № 5.

Кондратьев 1962 — *Кондратьев В.Г.* Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской руничесной письменности. — Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 16. Филология и история стран Востока. Л., 1962.

Кондратьев 1981 — *Кондратьев В.Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981.

Кононов 1948 — *Кононов А.Н.* Предисловие. — *Алишер Навои.* Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А.Н.Кононов. М.—Л., 1948.

Кононов 1956 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

Кононов 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958.

Кононов 1960 — *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

Кононов 1974 — Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Под редакцией и с введением А.Н.Кононова. М., 1974.

Кононов 1980 — *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

Кононов 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л., 1982.

Кононов 1983 — *Кононов А.Н.* Поэма Юсуфа Баласагунского "Благодатное знание". — *Юсуф Баласагунский.* Благодатное знание. Издание подготовил С.Н.Иванов. М., 1983.

Котков 1980 — *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

Кучигашева 1964 — *Кучигашева Н.А.* Наречие в алтайском языке. — Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964.

Лаптева 1989 — *Лаптева О.А.* Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией литературного языка. — ВЯ. 1989, № 4.

Лихачев 1962 — *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X — XVII вв. М.—Л., 1962.

Лихачев 1967 — *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.

Лихачев 1983 — *Лихачев Д.С.* Текстология. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983.

Лыткин 1970 — *Лыткин В.И.* [Рец. на] *Bátori J.* Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjänischen. — ВЯ. 1970, № 4.

Малов 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

Махмудов 1963 — *Махмудов А.* Архаизмы и историзмы в казахском языке. АКД. Л.-Л., 1963.

Махмутова 1977 — *Махмутова Г.К.* Семантико-стилистическая характеристика категории числа существительного в современном немецком языке. АКД. Уфа, 1977.

Маъруфов 1958 — *Маъруфов А.* Ўзбек адабий тилидаги икки келишик формаси ҳақида. — ЎТАМ. 1958, № 1.

Мелиоранский 1897 — *Мелиоранский П.М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. СПб., 1897.

Мелиоранский 1900 — *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. Т. XII (1899), вып. 2—3, 1900.

Мелиоранский 1906 — *Мелиоранский П.М.* Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — ЗВОРАО. Т. XVI, вып. 1, 1906.

Миклухо-Маклай 1963 — *Миклухо-Маклай Н.Д.* Хондамир и "Записки" Бабура. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.

Миронов 1986 — *Миронов С.А.* История нидерландского литературного языка (IX—XVI вв.). М., 1986.

Мосашвили 1973 — *Мосашвили И.Т.* Процесс возникновения стилистических антонимов и их семантическая структура. АКД. Тб., 1973.

Мусабаев 1959 — *Мусабаев Г.Г.* Современный казахский язык. Ч. I. Лексика. А.-А., 1959.

И.В. 1892 — *И.В.* [рец. на] Жизнь Тимура. Соч. Л.Ляпглэ. — ЗВОРАО. Т. V, вып. I—IV, 1892.

Наджип 1960 — *Наджип Э.И.* Современный уйгурский язык. М., 1960.

Наджип 1961 — *Хорезми.* Мухаббат-наме. Издание текста, транскрипция, перевод и исследование Э.Н.Наджипа. М., 1961.

Наджип 1989 — *Наджип Э.И.* Исследования по истории тюркских языков XI—XIV вв. М., 1989.

Назарова 1972 — *Назарова Х.* Заҳириддин Муҳаммад Бобир асарлари учун қисқача луғат. Тошкент, 1972.

Назарова 1979 — *Назарова Х.* Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI в. Таш., 1979.

Насилов В. 1940 — *Насилов В.М.* Грамматика уйгурского языка. М., 1940.

Насилов В. 1963 — *Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов В. 1974 — *Насилов В.М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.

Насилов В. 1985 — *Насилов В.М.* Аффиксы включения. — СТ. 1985, № 3.

Насилов Д. 1983. — [*Насилов Д.М.*] Конструкции с модальными словами *экан* и *эмиш* в узбекском языке. — Категории глагола и структуры предложения. Л., 1983.

Насилов Д. 1988 — *Насилов Д.М.* Некоторые проблемы тюркской диахронической морфологии и языковые особенности древнетюркских памятников. — СТ. 1988, № 2.

Наурузбаева 1967 — *Наурузбаева С.Т.* Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражение в каракалпакско-русском словаре. Канд. дис. (приложение). М., 1967.

Неру 1955 — *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955.

Неру 1975 — *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. Т. 2. М., 1975.

Офросимова-Серова 1963 — *Офросимова-Серова Л.Г.* Категория залога и ее отношение к глагольному управлению в уйгурском языке. — ВКУЯ. А.-А., 1963.

Пантусов 1895 — *Пантусов И.* Киргизская игра *тогуз кумалак.* — Изв. О-ва археологии, истории и этнографии. Т. XII, вып. 4, 1895.

Пекарский 1870 — *Пекарский П.* История Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1870.

Покровская 1972 — *Покровская Л.А.* Об одном "балканизме" в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах. — ВЯ. 1972, № 3.

ПСРЛ 1859 — Полное собрание русских летописей. Т. 8, ч.VII. СПб., 1859.

Поляк 1987 — *Поляк З.* О функциях документа в литературе. — Актуальные гуманитарно-филологические проблемы в эпоху НТР. Тезисы докладов научной конференции (24—26 июня 1987 г.). Самарканд, 1987.

Протокол заседания... — Протокол заседания Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества 16-го марта 1900 года. — "Древности восточные" Т. 2, вып. III. М., 1903.

Пушкин 1962 — *Пушкин А.С.* О народной драме и о "Марфе Посаднице" М.П.Погодина. — Собр. соч. Т. 6. М., 1962.

Рамазанова 1970 — *Рамазанова Д.Р.* Говоры татар Среднего Прикамья. АКД. Казань, 1970.

Савельев 1858 — *Савельев П.* Вступительная статья. — Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). Т. I. СПб., 1858.

Самойлович 1906 — *Самойлович А.* [Рец. на] *Поляков С.И.* Записки Бабура. — ЗВОРАО. Т. XVII, вып. 1, 1906.

Самойлович 1908 — [*Самойлович А.Н.*] О поэме "Шейбани-намэ" и об ее авторе Мухаммеде Салихе. — *Мухаммед Салих.* Шейбани-намэ. Изд. П.М.Мелиоранского под наблюдением и с предисловием А.Н.Самойловича. СПб., 1908.

Самойлович 1911 — *Самойлович А.* [Рец. на] *Denison Ross E.* A Collection of Poems by the Emperor Babur. — ЗВОРАО. Т. XX, вып. 1, 1911.

Самойлович 1912 — *Самойлович А.* Монголо-шаманский обряд завораживания бунчуков. — "Живая старина". 1912. Год XX, вып. III—IV (1911).

Самойлович 1914 — *Абду-с-Саттар казы.* Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века. Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А.Н.Самойлович. СПб., 1914.

Самойлович 1916 — *Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.

Самойлович 1917 — Собрание стихотворений императора Бабура. Сост. А.Н.Самойлович. Ч. I. Пг., 1917.

Самойлович 1926 (1) — *Самойлович А.Н.* О "пайза" — "байса" в Джучиевом улусе. — ИАН СССР. Серия VI. Т. XX, № 12, 1926.

Самойлович 1926 (2) — *Самойлович А.Н.* Чагатайские тююги Лютфи. ДАН-В. 1926, май—июнь.

Самойлович 1927 — *Самойлович А.Н.* Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе. IV. Чагатайский поэт XV в. Атаи. — ЗКВ. Т. 2, вып. 2, 1927.

Самойлович 1936 — *Самойлович А.Н.* Стамбульские впечатления (Третий языковой конгресс и культурный рост Турции). — Звезда. 1936, № 12.

Самойлович 1993 — *Самойлович А.Н.* Новый перевод Записок Бабура. — [Благова, 1993].

Сафиуллина 1978 — *Сафиуллина Ф.С.* Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.

Севортян 1962 — *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Семенов 1919 — *Семенов А.А.* Восточные рукописи в библиотеке покойного В.В.Вельяминова-Зернова. — ИРАН. Серия VI. Т. XIII, 1919.

Семенов 1958 — *Семенов А.* Предисловие переводчика. — [Гийасаддин Али 1958].

Серебренников, Гаджиева 1979 — *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

Сидоров 1953 — *Сидоров Л.* Порядок слов в предложении коми языка. Сыктывкар, 1953.

Стеблева 1978 — *Стеблева И.В.* Семантическое единство газели Бабура. — Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

Стеблева 1982 — *Стеблева И.В.* Семантика газелей Бабура. М., 1982.

Степанов 1988 — *Степанов Г.В.* Язык. Литература. Поэтика. М., 1988.

Тенишев 1953 — *Тенишев Э.Р.* Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению "Золотой блеск". Канд. дис. Л., 1953.

Тенишев 1963 — *Тенишев Э.* Указатель грамматических форм к "Дивану тюркских языков" Махмуда Кашгарского. — ВКУЯ. А.-А., 1963.

Тенишев 1976 (1) — *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — Turcologica. Л., 1976.

Тенишев 1976 (2) — *Тенишев Э.Р.* Строй саларского языка. М., 1976.

Тенишев 1976 (3) — *Тенишев Э.Р.* О построении истории народно-разговорного и литературного языка. — Тюркологические исследования. М., 1976.

Тенишев 1979 — *Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — ВЯ. 1979, № 2.

Тенишев 1981 — [*Тенишев Э.Р.*] О наддиалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников. — Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.

Тенишев 1985 — [*Тенишев Э.Р.*] Функциональная парадигма древнеуйгурского языка. — Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Тенишев 1988 — *Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков. — СТ. 1988, № 1.

Тер-Габриелян 1989 — *Тер-Габриелян Г.А.* Структурно-функциональные характеристики диалога в турецкой речи. АКД. М., 1989.

Толстой 1978 — *Толстой Н.И.* Труды В.В.Виноградова по истории русского литературного языка. — [Виноградов 1978].

Толстой 1988 — *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Тугушева 1970 — *Тугушева Л.Ю.* Древнеуйгурская поэзия. — СТ. 1970, № 4.

Тугушева 1980 — Фрагменты уйгурской версии биографии Сюань-цзана. Транскрипция, перевод, примечания, комментарии и указатели Л.Ю.Тугушевой. М., 1980.

Турабова 1966 — *Турабова М.Я.* Морфологические особенности языка "Шейбани-наме" Мухаммеда Салиха. АКД. Таш., 1966.

Убрятова 1950 — *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. I. М.—Л., 1950.

Убрятова 1976$_1$ — *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1. Новосибирск, 1976.

Уляницкий 1889 — *Уляницкий В.А.* Сношения России с Среднею Азиею и Индиею в XVI—XVII вв. Кн. 3. М., 1889.

Фердаус 1950 — *Фердаус С.А.* Ўзбек тилида фе'л даражалари категорияси. Канд. дис. Тошкент, 1950.

Хабургаев 1983 — *Хабургаев Г.А.* "Средний штиль" М.В.Ломоносова в контексте истории русского литературного языка. — ВЯ. 1983, № 3.

Хализев 1987 — *Хализев В.Е.* Эпос как род литературный. — Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

Халикова 1990 — *Халикова Р.Х.* Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII—XIX вв. М., 1990.

Хасенов 1954 — *Хасенов А.* Имена числительные в современном казахском языке. АКД. А-А., 1954.

Ходжаева 1985 — *Ходжаева Л.У.* Проблемы перевода: характер, стиль и интерпретация текста "Бабур-наме". АКД. Ташкент, 1985.

Чернышев 1946 — *Чернышев В.И.* О "стержневых" именах числительных в русском и казахском языках. — ИАН КазССР. Серия филол., 4(29), 1946.

Шамсиев 1960 — *Шамсиев П.* Шапр ҳақида. — [Бобирнома 1960].

Шахнарович 1990 — *Шахнарович А.М.* Концепция анализа текста Г.В.Степанова: психолингвистическая интерпретация. — Res philologica. Филологические исследования. М.—Л., 1990.

Ширалиев 1947 — *Ширалиев М.А.* Изучение диалектов азербайджанского языка. — ИАН ОЛЯ, 1947.

Шукуров Р. 1973 — *Шукуров Р.* Лексико-семантическая природа антонимов узбекского языка. АКД. Тошкент, 1973.

Шукуров Ш. 1966 — *Шукуров Ш.* История развития глагольных форм узбекского языка. Таш., 1966.

Шукуров Ш. 1980 — *Шукуров Ш.* Ўзбек тилида феъл майллари тараққиёти. Тошкент, 1980.

Щерба 1931 — *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — ИАН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук, 1, 1931.

Щерба 1974 — *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щербак 1962 — *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962.

Энгельс — *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. — *К.Маркс* и *Ф.Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7.

Юдахин 1965 — [*Юдахин К.К.*] Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Юсуфов 1988 — *Юсуфов Б.* Местоимения в староузбекском литературном языке (XV—XVI вв.). АКД. Таш., 1988.

Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М.—Л., 1961.

Bābur-nāma in English — The Bābur-nāma in English. Transl. from the original Turki text of Zahiru'd-din Muhammad Bābur Pādshāh Ghazī by A.S.Beveridge. Vol. I. L., 1922 (Preface), vol. II — 1922.

Bang 1918 — *Bang W.* Zu den turkischen Zeitbestimmungen. — Turan. 1918, № 1—2. Budapest.

Beveridge 1900 — *Beveridge A.S.* Notes on the MSS of the Turki Text of Bābar's Memoirs. — JRAS, 1900 (отд. отт.).

Beveridge 1902 — *Beveridge A.S.* Further Notes on the MSS of the Turki Text of Bābar's Memoirs. — JRAS, 1902 (отд. отт.).

Beveridge 1905 — *Beveridge A.S.* The Haydarabad Codex of the Bābar-nāma... — JRAS, 1905 (отд. отт.).

Beveridge 1908 — *Beveridge A.S.* The Babar-nama. The Material Now Available for a Definitive Text of the Book. — JRAS. January, 1908.

Beveridge 1923 — *Beveridge A.S.* Further Notes on Baburiana. — JRAS. January, 1923.

Brockelmann 1954 — *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

Eckmann 1966 — *Eckmann J.* Chagataj Manual. Bloomington, 1966.

Elliot 1872 — *Elliot H.M.* The History of India, as told its own Historians. IV. L., 1872.

Gabain 1950 — *Gabain A. von.* Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950.

Grönbech 1936 — *Grönbech K.* Die türkische Sprachbau. Bd. I. Kopenhagen, 1936.

D'Herbelot 1697 — *D'Herbelot.* Babur ou Babor. — Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient. P., 1697.

Jarring 1965 — *Jarring G.* Wörterverzeichnis zu G.Raquette Ausgabe von Täji bilä Zohra. [Lund, 1965] (отд. отт.).

Kakuk 1958 — *Kakuk S.* Le dialecte turc de Kazanlyk I. — AOrH. VIII, 2, 1958.

Kowalski 1936 — *Kowalski T.* Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar, -lär* in den Türksprachen. Kraków, 1936 ("Prace Komisji orjentalistycznej P.A.U." № 25).

Le Coq 1911 — *Le Coq A. von.* Sprichwörter und Lieder aus der Gegend von Turfan. Leipzig–Berlin, 1911.

Menges 1957 — *Menges K.H.* Das Cagatajische in der persischen Darstellung von Mirza Mahdi Xan. — Abhandlungen des geistes- und socialwissenschaftlichen Klasse [der Akademie der Wissenschaft und Literatur]. 1956, № 9. Wiesbaden, 1957.

Radloff 1887 — *Radloff W.W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. St.-Pbg., 1887.

Radloff 1889 — *Radloff W.* Über alttürkische Dialekte. — Mélanges Asiatiques. T. X, livr. 1. St.-Pbg., 1890.

Radloff 1897 — *Radloff W.W.* Die alttürkische Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Pbg., 1897.

Senkowski 1824 — *Senkowski J.* Supplement à l'histoire générale des huns, des turks et des mogols... St.-Pbg., 1824.

Steinitz 1934 — *Steinitz W.* Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Helsinki, 1934.

Strahlenberg 1730 — *Strahlenberg Ph.J. von.* Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730.

Tekin 1968 — *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.

Teufel 1883 — *Teufel F.* Babur und Abu l-Fazl. — ZDMG. Bd. 37, 1883.

Vámbéry 1867 — *Vámbéry H.* Čagataische Sprachstudien... Lpz., 1867.

Zajączkowski 1961 — *Zajączkowski A.* Najstarsza wersja turecka "Husräv u Širin" Qutba. Cz. III. Słownik. Warszawa, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Раздел I. Из истории изучения "Бабур-наме" в России 12

Раздел II. Опыт лингвотекстологического обследования списков и изданий "Бабур-наме" 20
§ 1. Дополнительные сведения о Керовом списке 22
§ 2. Два издания текста "Бабур-наме". Подготовительная работа Н.И.Ильминского над Керовым списком 24
§ 3. Разночтения между двумя списками, основанные на синонимии 30
§ 4. Керов и Хайдарабадский списки: отношения взаимодополнения и взаимоверификации 36

ЧАСТЬ I
Интерпретация текста "Бабур-наме" как памятника чагатайского литературного языка рубежа XV–XVI веков 45

Глава I. Текстообразование и его языковое выражение в "Бабур-наме" 48

Раздел I. Многочленная языковая ситуация 48
§ 1. Автор-повествователь и его коммуникативная установка . 48
§ 2. Новаторство в формировании образа автора 53
§ 3. Новаторский образ адресата и новая модель отношения "адресант–адресат" 63
§ 4. Временно́е изменение адресата и восприятие текста . . . 66

Раздел II. Языковое выражение текстообразующих факторов в "Бабур-наме" 68
§ 1. Языковое выражение коммуникативной установки, отношения "автор–адресат" 68
§ 2. Эпическое повествование объективированных типов и субъективированного типа; их взаимодействие 73
1. Повествование объективированного типа с неявно выраженной субъектной отнесенностью к 1-му лицу (тип I) 74
А. Морфолого-синтаксические способы и средства . . . 75
Б. Лексические способы и средства 77
В. Использование индексальных элементов дейктического значения и модально-коммуникативных частиц 79
Г. Взаимодействие морфолого-синтаксических и лексических способов 83

2. Повествование субъективированного типа (тип II) . . . 86
3. Взаимодействие средств структурирования повествования объективированного (I) и субъективированного (II) типов 89

Глава II. Состав текста. Структурирование текста и стиля "Бабур-наме" 93

§ 1. Соотношение авторского слова и чужого слова 93
1. Прямая речь 93
2. Косвенная речь. Несобственно прямая речь 96
3. Диалог 100
4. Риторический вопрос 103
§ 2. Стихотворные цитации и автоцитации 107
§ 3. Документ и его роль в "Бабур-наме" 111
§ 4. Пословицы и поговорки, афоризмы и сентенции 115
§ 5. Устойчивые литературно-языковые формулы 117
1. Формулы набожности 118
2. Формулы ухода из жизни 125
3. Формула бренности мирской жизни и благополучия . . . 131
4. Формулы служения 133
5. Формулы пожалования (царской милости) 135
6. Формулы дипломатического обихода 137
7. Формулы, связанные с военными и репрессивными действиями. Формулы наказания 137
8. Формулы военной победы 146
9. Формулы изъявления покорности. Формулы прощения 147
10. Формулы решения, ведения переговоров. Формулы, связанные с речевыми актами 148
11. Именные формулы 151

Глава III. Организация индивидуально-художественной речи и стиль "Бабур-наме" 155

Раздел I. О способах и приемах организации текста 155
§ 1. Рубрикация семантически связанных последовательностей в изложении 156
§ 2. Текстовые сцепления с помощью ссылок и отсылок 160
§ 3. Ритмико-синтаксический параллелизм как способ организации текста 162

Раздел II. Авторское слово в тексте и стиль повествования . . . 171
§ 1. Средства словесной изобразительности 174
1. Меры расстояния в идиолекте воина 174
2. Сравнение и противопоставление 176
§ 2. О коммуникативной значимости стиля "Бабур-наме" . . . 179
1. Словесное выражение отношения автора к врагам 179
2. Языковое выражение эмоциональности (оценочности) стиля 183
А. Числовые формы прилагательных и существительных. Повторяемые падежные словоформы 184
Б. Удвоенные определения в их отношении к числовой форме определяемого 187

В. Эмоциональная функция усилителей семантики качества и количества 190
§ 3. Явления разговорного синтаксиса в тексте и тенденция к демократизации чагатайского литературного языка 192

Глава IV. Лексический состав языка "Бабур-наме" и характер отбора лексики в авторском повествовании 197

Раздел I. Выборка общетюркских и межтюркских основ в языке "Бабур-наме" 198
§ 1. Имя 198
§ 2. Глагол 210

Раздел II. Отбор лексики в авторском повествовании 218
§ 1. О военной лексике 218
§ 2. Об арабско-персидских заимствованиях в тексте 223
§ 3. Синонимия в "Бабур-наме" 227
1. Синонимы с субстантивными функциями 232
2. Синонимы с атрибутивно-адъективными функциями . . 238
§ 4. Антонимия в "Бабур-наме" 242
§ 5. Принципы отбора лексики и становление среднего стиля "Бабур-наме" 246

ЧАСТЬ II
Морфология языка "Бабур-наме": описательный и функционально-стилистический аспекты 249

Глава I. Имя 250

§ 1. Грамматические категории имени существительного . . . 250
1. Категория числа 250
А. Категория числа и противопоставление по антропонимичности—неантропонимичности, членимости—нечленимости 251
Б. Экспрессивно-стилистическая функция формы множественного числа 253
2. Категория принадлежности 257
А. Необлигаторность грамматического значения принадлежности и ее стилистическое использование в языке "Бабур-наме" 260
Б. Необлигаторность аффиксов принадлежности в пространственных именах служебного назначения . . . 262
В. Экспрессивно-стилистическая функция аффиксов принадлежности 265
3. Склонение 267
А. Именная и посессивно-именная парадигмы 268
Б. Наблюдения над функционально-семантическим содержанием падежей 271
В. Экспрессивно-стилистическая функция падежных словоформ 277
§ 2. Именная категория сказуемости 279
§ 3. Именное словообразование 281
Экспрессивно-стилистические функции словообразовательных средств 285
§ 4. Имя прилагательное 287

Экспрессивно-стилистические функции прилагательных . . 289
§ 5. Числительные 291
1. Количественные числительные 291
2. Собирательные и разделительные числительные 294
3. Приблизительные числительные 295
4. Экспрессивно-стилистическая функция числительных . . 297
§ 6. Местоимения 298
1. Личные местоимения 298
2. Указательные местоимения 301
3. Вопросительные местоимения 305
4. Возвратно-выделительное местоимение 307
5. Неопределенные местоимения 308
6. Обобщающие местоимения 310
7. Отрицательные местоимения 312
8. Экспрессивно-стилистические функции местоимений . . 312
§ 7. Наречия 313

Глава II. Глагол 319

§ 1. Залоги 319
1. Понудительный залог 319
2. Взаимно-совместный залог 320
3. Возвратный залог 321
4. Страдательный залог 322
§ 2. Категория статуса 328
1. Отрицательная форма 328
2. Форма невозможности 328
3. Форма возможности 329
§ 3. Лично-числовые показатели 329
Морфология и синтаксис глагольного согласования в числе 331
§ 4. Система времен изъявительного наклонения 336
Об экспрессивно-стилистическом использовании временных форм 346
§ 5. Повелительное наклонение 347
§ 6. Желательное наклонение 348
1. Желательное будущее 350
2. Желательная модальность 353
§ 7. Условное наклонение 353
§ 8. Сослагательное наклонение 354
§ 9. Словообразование глаголов 355
§ 10. Причастия 358
1. Причастие на *-γan* 359
2. Причастие на *-(A/U)r* 361
3. Причастие на *-A durγan* 363
4. Причастия, производные от *-γu* 363
§ 11. Имена действия 365
1. Имя действия на *-mak* 365
2. Имя действия на *-(I/U)š* 367
§ 12. Деепричастия 368
1. Деепричастие на *-(I/U)p* 369
2. Деепричастия на *-A/j* 369
3. Деепричастие на *-γanča, -γunča, -γuča, -(U/I)nčA* 370
4. Деепричастие на *-γač* 371

5. Деепричастие на *-γaly* 372

Заключение 387

Список сокращений 387
Источники и словари 387
Библиографические сокращения 388
Литература 389

Научное издание

Благова Галина Федоровна
«БАБУР-НАМЕ»
Язык, грамматика текста, стиль

Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН

Заведующая редакцией В.Д.Подберезская
Редактор С.В.Веснина
Младший редактор Л.Б.Годунова
Художник В.В.Локшин
Художественный редактор Б.Л.Резников
Технический редактор Е.А.Пронина
Корректор Н.Н.Щигарева

ИБ № 17220

Сдано в набор 10.08.92
Подписано к печати 05.08.94
Формат 60×90 $1/16$. Бум. офсетная №1
Печать офсетная. Усл.п.л. 25,25
Усл.кр.-отт. 25,25. Уч.-изд.л. 27,3
Тираж 600 экз. Изд. № 7377
Зак. № 258

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

«[Среди современных ему деятелей литературы и культуры] ...Бабур, как известно, занимал особое место: живя в XV[—XVI в.]в., он умел излагать события обстоятельно, умел не только хвалить себя, но изображать и свои неудачи, умел говорить с читателем правдиво и достаточно объективно. В самом деле: не в этом ли состоит секрет его исторического бессмертия, секрет того, что люди понимают его творения уже в в течение 400 лет после того, как они были написаны?»

«...Перед нами целая эпоха из жизни уйгурского и узбекского языков, иллюстрированная на их центральном литературном памятнике.»

Н.К.Дмитриев

«...приведены настолько веские доказательства в пользу работы Ильминского, которую А.Бевериджа подвергала своей критике, что самая критика последней потеряла всякую аргументацию.»

В.М.Насилов